Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Центр исследований Золотой Орды
и татарских ханств им. М.А. Усманова

СЕЙИД МУХАММЕД РИЗА

СЕМЬ ПЛАНЕТ В ИЗВЕСТИЯХ О ЦАРЯХ ТАТАРСКИХ

Книга 2
Перевод

Переводчик с османского – *И.Р. Гибадуллин*

Казань – 2023

УДК 930.2
ББК 63.2
С 28

Издание подготовлено в рамках VII Международного Золотоордынского Форума в соответствии с Республиканским планом основных мероприятий, посвященных празднованию 1100-летия принятия Ислама Волжской Булгарией, и распоряжением Кабинета Министров Республики Татарстан от 14.02.2022 № 228-р

Утверждено к печати Ученым советом Института истории им. Ш. Марджани АН РТ

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук *И.М. Миргалеев* (науч. ред.)
кандидат исторических наук *А.В. Аксанов*
кандидат исторических наук *Э.Г. Сайфетдинова*

Научные рецензенты:

кандидат исторических наук *Л.Ф. Байбулатова* (Казань, РФ)
доктор *Явуз Сёйлемез (Yavuz Söylemez)* (Кыркларели, Турция)

С 28 ***Сейид Мухаммед Риза***. **Семь планет в известиях о царях татарских. Книга 2: Перевод /** перевод с османского *И.Р. Гибадуллина*; под науч. ред. *И.М. Миргалеева*. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2023. – 528 с.

ISBN 978-5-94981-386-7

Историческое сочинение «Ас-саб‘ ас-саййар фи ахбари мулук ат-татар» («Семь планет в известиях о царях татарских») османского автора Сейида Мухаммеда Ризы представляет собой один из наиболее важных трудов, посвященных истории Крымского ханства. Оно было написано в тот период, когда длительная история этого государство уже близилась к своему завершению и охватило большую часть периода его существования, начиная с его возникновения в 1441 г. и до начала второго срока правления Менгли-Гирая II 1737 г.

ISBN 978-5-94981-386-7
УДК 930.2
ББК 63.2

© Гибадуллин И.Р. (перевод), 2023
© Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2023

ПРЕДИСЛОВИЕ

Историческое сочинение «Ас-саб‘ ас-саййар фи ахбари мулук аттатар» («Семь планет в известиях о царях татарских») османского автора Сейида Мухаммеда Ризы[1] представляет собой один из наиболее важных трудов, посвященных истории Крымского ханства. Оно было написано в тот период, когда длительная история этого государства уже близилась к своему завершению и охватило большую часть периода его существования, начиная с его возникновения в 1441 г. и до начала второго срока правления Менгли-Гирая II 1737 г. Таким образом, уровень информированности автора и широта привлеченных им источников, а также объем этого сочинения делают его одним из важнейших источников по истории династии крымских Гиреев.

Крымское ханство, просуществовавшее до конца XVIII века, по сути, являлось последним оплотом средневековой татарской и конкретно золотоордынской политической традиции, сохранявшим важные политические и социальные институты, которые отличали татарские ханства от других государств тюркского мира и евразийского пространства. Кризис и закат этого татарского ханства, оказавшегося волей судеб на перекрестке сложнейших взаимодействий между несколькими имперскими проектами, которые боролись в XVI–XVIII вв. за влияние на Европейском континенте, оказался относительно хорошо отражен в исторических источниках. Изучение этого процесса позволяет лучше понять и оценить специфику и динамику развития средневековой татарской государственности, увидеть ее сильные и слабые стороны, разглядеть те кризисные явления, которые привели к ее упадку. Многие специфические черты и особенности крымского опыта, которые нашли отражение в сочинении Сейида Мухаммеда Ризы, прослеживаются в истории и других татарских ханств, что придает этому труду универсальную значимость.

Сочинение «Семь планет…» служило источником информации для таких крымских авторов, как Халим Гирай-султан, который использовал труд Сейида Мухаммеда Ризы при написании своего сочинения «Гюльбюн-и ханан»[2] («Розовый куст ханов», 1811). Оно также стало основным

[1] В турецкой историографии имя автора передается в такой форме Сейид Мехмед Рыза (Seyyid Mehmed Rıza), что связано с особенностями турецкого произношения этих арабских имен.

[2] Халим Гирай султан. Розовый куст ханов, или История Крыма / Транскрипция, перевод переложения Ильми А., составление приложений и пояснения Усеинова К.; под общ. ред. Сейтягьяева Н.С. Симферополь: ДОЛЯ, 2004. 288 с.

источником для В.Д. Смирнова при написании его работы «Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века»[3] (1887). Высоко оценивал его видный российский востоковед иранского происхождения А.К. Казембек (Мирза Казем-Бек), который подготовил первое издание текста сочинения в 1832 г., снабдив его собственным предисловием на османском языке[4]. Блестящее описание и источниковедческий анализ сочинения принадлежит российскому историку И.В. Зайцеву[5]. Достаточно обстоятельный источниковедческо-композиционный обзор сочинения был опубликован в 2020 году в журнале «Золотоордынское обозрение» крымским историком и текстологом Р.Р. Абдужемилевым[6]. Он же подготовил первую в России транслитерацию текста сочинения (по изданию А.К. Казембека), которая, к сожалению, содержит колоссальное количество ошибок (преимущественно при передаче персидских слов и фрагментов текста на персидском языке)[7].

Однако, несмотря на все усилия по изучению источника и его введению в научный оборот, до настоящего времени так и не было предпринято попыток подготовить научный перевод этого сочинения на русский язык. Очевидно, главным препятствием на пути исследователей, желавших подготовить подобный перевод, был слишком сложный язык этого сочинения, изобилующий высокопарными фразами, сложными оборотами, многочисленными каламбурами и аллюзиями на религиозные и восточные литературные сюжеты, длинным и неудобочитаемыми конструкциями, занимающими иногда по несколько страниц. Язык со-

---

[3] Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. СПб.: Типография Казанского университета, 1887. 786 с.

[4] Сеид Мухаммед Риза. Ас-себ-ус-сейяр фи ахбар мулюк-ит-татар = Ассебъ о-ссейяр, или Семь планет, содержащий историю крымских ханов от Менгли-Гирей хана I-го до Менгли-Гирей хана II-го, т.е. с 871/1466 по 1150/1737 г. / сочинение Сейида Мухаммеда Ризы, изданное Император. Казан. Ун-том, под наблюдением Мирзы Казембека, адъюнкт-профессора онаго Ун-та, Великобританского и Ирландского Королевско-Азиатского общества члена; [авт. предисл. Мирза Казембек]. Казань: Тип. Ун-та, 1832. 344 + [4] + xxx с.

[5] Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX вв.: пути развития: рукописи, тексты и источники / И.В. Зайцев; Ин-т востоковедения РАН. М.: Вост лит., 2009. С. 97–127.

[6] Абдужемилев Р.Р. Источниковедческо-композиционный обзор «Семи планет» Сейид-Мухаммеда Ризы // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 2. С. 316–344.

[7] Сейид-Мухаммед Риза. Семь планет в известиях о царях татарских. Книга 1: Транслитерация / авт. предисл., транслитерация, подготовка к изданию Р.Р. Абдужемилева; под общ. и науч. ред. И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 364 с.

чинения представлял собой образец наиболее высокого стиля османской словесности, в котором автор самым изощренным образом сочетал сложные и многосоставные персидские и арабские речевые конструкции и обороты, используя редкие тюркские слова и частицы речи (в основном глаголы, местоимения и аффиксы).

Автор сочинения «Семь планет…» Сейид Мухаммед Риза был выходцем из прослойки сеидов (потомком пророка Мухаммада) и представителем образованного слоя османской элиты, получившим блестящее религиозное и светское образование и прошедшим многие ступени карьерного роста в османской имперской административной системе. Он был религиозным деятелем и чиновником высокого ранга. Вместе с тем, мы располагаем достаточно скудными сведениями личного характера об этом авторе. Нам неизвестны дата и место его рождения. Единственная версия о месте его рождения была предложена турецким военным деятелем и автором энциклопедической работы «Османские авторы» (Osmanlı Müellifleri) Бурсалы Мехмедом Тахир-беем (ум. 1925), который упоминает автора сочинения под именем Хаджы Касымзаде и указывает, что он был уроженцем Амасьи на севере Турции[8]. Однако уровень его знакомства с географией Крыма и Северного Причерноморья, знание татарских обычаев, традиций и этнокультурных особенностей, знакомство с языком и менталитетом местного населения могут указывать на крымскотатарское происхождение автора. В.Д. Смирнов предполагал, что Сейид Мухаммед Риза родился и вырос в Крыму[9]. Аналогичного мнения придерживаются и современные крымскотатарские исследователи[10].

Если говорить об образовании Сейида Мухаммеда Ризы, то доподлинно известно, что он изучал медицину в Медресе-и Тыббийе при мечети Сулеймание в Стамбуле, о чем он указывает в одном из своих сочинений[11]. Турецкие исследователи также приводят сведения о том, что на раннем этапе своей карьеры он преподавал в медресе при мечети Айя-Софья. В дальнейшем он занимал ряд важных государственных постов в

[8] Bursalı Mehmed Tahir Bey, Osmanlı Müellifleri, Haz. İsmail Özen, C. III, İstanbul, 1975, s. 123.

[9] Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. С. 32–33.

[10] Сейтягьяев Н. Происхождение Сейида Мухаммеда Ризы (К вопросу о месте его «Семи планет» среди произведений крымской исторической прозы XVIII века) // Культура народов Причерноморья. 2003. № 44. С. 35–41.

[11] Seyyid Mehmed Rıza, Asafiyye Fî Külliyâti't-Tıbbiye, Süleymaniye Kütüphanesi, Nr: 34 NK 3510, v. 2a.

различных районах Османской империи: служил кадием в Нише (Сербия), Ускюдаре, Диярбакыре, Эдирне и Бурсе. В 1752–1756 гг. он был назначен приказом османского султана на должность накиб ал-ашрафа, специального чиновника, ведавшего делами сеидов и некоторыми вопросами, связанными с религиозной благотворительностью. Эта должность считалась очень почетной, но носила отчасти лишь формальный характер, не давая ее носителю существенных властных полномочий. Вместе с тем, занятие этой должности и выполнение обязанностей кадия в важнейших провинциях Османской империи (Эдирне и Бурса), бывших средоточием османской аристократии, говорит о блестящей репутации Сейида Мухаммеда Ризы и его хороших связях в высших кругах. Известно, что он умер 8 сентября 1756 года.

Сейид Мухаммед Риза сочетал государственную службу с учеными занятиями и увлечением поэзией. Автор «Семи планет…» был прекрасно образован, владел в совершенстве арабским и персидским языками, был знатоком в исламских науках, ханафитском фикхе, медицине, астрономии и астрологии. Помимо «Семи планет…», ему принадлежат еще восемь работ, среди которых можно выделить «Рийад ал-му'мин» («Сады верующего») и «Файз-и анвар» («Лучезарнейшая эманация», 1734), посвященные изложению суфийской доктрины и исламской этики (ахлак), сборник фетв «Фатава-йи Риза», медицинское сочинение «Тухфат ал-хан фи шархи нузхат ал-азхан» («Подарок хану в разъяснении "Нузхат ал-азхан"», 1730), по-видимому, написанное в виде комментария к труду «Нузхат ал-азхан фи ислах ал-абдан» («Отрада умов в исправлении тел») арабского медика и фармацевта Давуда ал-Антаки (ум. 1599) и преподнесенное в дар крымскому хану Менгли-Гираю II, еще одно медицинское сочинение «Асафиййа фи куллийат ат-тиббийа» и «Мунтахабат-и лугат» («Избранные слова»), представляющий собой арабско-персидско-турецкий словарь.

Сочинение «Семь планет в известиях о царях татарских» не было датировано самим автором, однако, по всей видимости, было завершено не ранее 1744 года, потому что во введении к нему автор, говоря о высокопоставленном османском придворном чиновнике Тавукчубашы Мустафе-эфенди (ум. 1749), которому был поднесен труд Сейида Мухаммеда Ризы, упоминает о втором сроке его пребывания на посту начальника султанской канцелярии (реис уль-кюттаб), который пришелся на 1744–1747 гг. Вместе с тем, в сочинении излагаются события только до 1737 года, что может служить основанием для определения нижней хронологической границы при датировке его написания. Таким образом,

работа над созданием этого исторического сочинения могла занять несколько лет в промежутке 1737–1747 гг.

В структурном отношении «Семь планет…» представляют собой образец жанра хроники (таварих) с изложением событий в хронологическом порядке. В сочинении после введения, посвященного истории человечества от Адама до эпохи Османской империи, в котором говорится о пророках, легендарных правителях и династиях древних народов, а также о Чингизидах, подробно излагаются события правления крымских ханов от основателя ханства Хаджи-Гирея до Менгли-Гирея II, современником которого был Сейид Мухаммед Риза. Мы видим на страницах книги подробные сведения о внутриполитической борьбе в Крымском ханстве, группировках внутри феодальной и племенной элиты, о назначениях престолонаследников первого и второго уровня (калгах и нурадинах), связанных с этими группировками. Также автор знакомит читателя с информацией о военных кампаниях о походах османов в Восточной и Центральной Европе, Закавказье и северо-западном Иране, в которых принимали участие представители правящего дома Гиреев. Текст содержит также извлечения из других источников, частые и иногда достаточно пространные поэтические вставки, призванные продемонстрировать знакомство автора с жемчужинами классической арабской, персидской и тюркской (в основном османской) поэзии.

Необходимо отметить, что взгляд автора на историю Крыма и средневекового татарского этноса в целом укладывается в русло османского имперского дискурса. Несмотря на вероятнее всего крымского происхождение автора и очевидные симпатии к династии Гиреев, он демонстрирует прежде всего свою приверженность интересам Османской империи, высказывает критические соображения о многих явлениях и порядках в жизни татар и ногайских племен, не гнушаясь иногда и язвительных замечаний. Кроме того, он старается вписать события истории Крымского ханства и судьбы крымских ханов в контекст османской истории, постоянно указывая на те политические, социальные, экономические, культурные и религиозные узы, связывавшие Крым с Pax Ottomana. Всё это позволяет отнести сочинение скорее к османской историографии, хотя и нельзя отрицать, что написано оно во многом на местном крымском источниковом материале.

Среди источников, на которые Сейид Мухаммед Риза опирался при написании своего сочинения, можно выделить классические персидские хроники «Джами‘ ат-таварих» Рашид ад-дина Фазлаллаха (ум. 1318), «Тарих-и Вассаф» Шараф ад-дина ‘Абдаллаха Вассафа Ширази

(ум. 1334) и «Раудат ас-сафа’» (в тексте упоминается как «Мир’ат ас-сафа’») Мирхонда (ум. 1498), в которых содержатся подробные сведения о Чингиз-хане, его родословной и Чингизидах. Автор упоминает также сочинение «Таквим ал-булдан», описательное географическое сочинение арабского историка и географа Абу-л-Фида’ (ум. 1331). В тексте также фигурирует некая «Хроника Нишанджы-паши», которая могла принадлежать османскому государственному деятелю Джеляльзаде Мустфе Челеби (ум. 1567). Сейид Мухаммед Риза неоднократно ссылается на иранского придворного историка-хрониста Искандер-бека Мунши (ум. 1633), автора сочинения «Тарих-и ‘алам-ара-йи ‘Аббаси».

Важно отметить, что автор сочинения привлекает к работе над ним работы средневековых персидских придворных историков, посвященные истории и генеалогии других ветвей Чингизидов, правивших в Иране и Средней Азии. Это говорит о существовании целой историографической традиции, которая развивалась, содержательно дополнялась и видоизменялась на протяжении столетий, но сохраняла набор устойчивых сюжетов, нарративных особенностей, штампов и мифологем, восходящих к определенным монгольским и тюрко-татарским прообразам. Таким образом, сочинение «Семь планет…» является частью обширного массива средневековых исторических хроник и других текстов о Чингизидах, которые создавались в разные периоды, в разных географических ареалах, культурных и политических контекстах, сохраняя генетическую связь друг с другом.

Следует отдельно сказать об оригинальном названии сочинения, которое носит аллегорический смысл и связано с сакральным значением числа семь, имевшим древние истоки на Ближнем Востоке. Сам автор во введении указывает, что «семь планет», под которыми в средневековой мусульманской литературе подразумевается созвездие Плеяд (араб. Сурайя, перс. Парвин), обозначают «семь значительных ханов, правивших в пределах Крыма» (hıtta-i Kırım'da hükümrân olan yedi nefer hân-ı zi-şân). Среди упомянутых в сочинении крымских ханов особо выделяются фигуры шестерых: Менгли-Гирай I (ум. 1515), Сахиб-Гирай I (ум. 1551), Девлет-Гирай I (ум. 1577), Бахадыр-Гирай I (ум. 1641), Селим-Гирай I (ум. 1704) и Менгли-Гирай II (ум. 1740). О жизни и заслугах этих ханов приводятся более подробные сведения, их имена выделены в некоторых списках красной краской или каким-то другим образом. Имя седьмого хана из этой плеяды установить на основе анализа текста не удается, однако турецкий исследователь Серкан Аджар выдвигает версию, что под седьмым ханом может подразумеваться престолонаследник или буду-

щий правитель Крымского ханства, чья звезда еще не взошла на небосклоне правления. Он объясняет это символизмом, заложенным в самом созвездии, шесть звезд которого являются наблюдаемыми невооруженным взглядом, а седьмая видна только через телескоп и остается невидимой взорам простых людей, олицетворяя собой некую тайну[12].

В настоящее время известны восемь списков сочинения, которые хранятся в Турции, России и Египте. Четыре из них хранятся в Стамбуле, в том числе три списка в библиотеке Сулеймание и один список в библиотеке Музея дворца Топкапы, три списка – в Санкт-Петербурге, и один список в Каире. Ни один из этих списков не является оригинальным, и все они были переписаны в период между 1755–1756 гг. и 1791 г. Первая публикация оригинального текста сочинения, сделанная А.К. Казембеком, была произведена, судя по всему, по тому списку, который в настоящее время хранится в библиотеке Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

При работе над переводом сочинения мы изначально пользовались версией, опубликованной А.К. Казембеком. Однако в последующем нам пришлось отказаться от этой идеи, потому что турецким исследователем Явузом Сёйлемезом из Эгейского университета была проделана большая работа по сопоставлению всех известных списков сочинения и подготовке сводного критического издания текста, транскрибированного с использованием латинской графики современного турецкого языка[13]. Эта транскрипция, к сожалению, не была лишена недостатков, погрешностей и ошибок при переводе сложных персидских фразеологических оборотов, прежде всего связанных с неправильным прочтением изафетных конструкций или сохранением ошибок переписчиков при передаче некоторых арабских и персидских терминов. Однако автор этого издания в ходе своего исследования сумел на основе ряда критериев выявить наиболее точный и близкий оригиналу список сочинения («список Рагып-паши» в библиотеке Сулеймание[14]), предложив его в качестве основного, что существенно облегчило нам работу, избавив от необходимости кропотливой текстологической работы по сличению имеющихся списков. Поэтому перевод сочинения был осуществлен по этому изда-

[12] Serkan Acar, "İlya V. Zaytsev, Kırımskaya İstoriografiçeskaya Traditsiya XV–XIX Vekov", Karadeniz Araştırmaları Dergisi, S. 37, İlkbahar 2013, s. 217–218.

[13] Söylemez, Yavuz, Es-Seb'ü's Seyyâr Fî Ahbâr-ı Mülûki't Tatar, (Tenkitli Metin Neşri, İnceleme), TTK Yayınevi, Ankara 2020.

[14] İstanbul Kütüphaneleri Tarih-Coğrafya Yazmaları Kataloğu, 2. Fasikül, Türk Tarihine Ait Eserler, s.182.

нию, хотя в тех немногих местах, где его автором были допущены очевидные ошибки, мы исходили из нашей собственной реконструкции этих сомнительных фрагментов текста.

Мы заранее просим простить нас за возможные ошибки и недочеты, потому что данный источник, перевод которого впервые вводится в научный оборот, в силу языковых и стилистических особенностей оригинального текста поставил нас перед весьма нелегкой задачей передать всю специфику и своеобразную прелесть авторского стиля без ущерба для понимания его смысла читателями (хотя бы подготовленными и искушенными в чтении мусульманских текстов). Несомненно, большая часть стилистических изысков автора в принципе не могла быть передана в переводе и неизбежно ускользнула от читателя, потому что чаще всего утомительное многословие и велеречивость автора было оправдано символическим наполнением тех или иных сложных оборотов, разъяснение которого потребовало бы пространного литературоведческого и культурологического комментария, что не входило в наши задачи.

Перевод сопровождается лишь кратким комментарием, поясняющим встречающиеся в тексте персоналии, географические и этнические названия, некоторые специфические понятия и термины ислама, богословских наук и суфизма, а также содержащиеся в авторском тексте цитаты и аллюзии на аяты Корана, пророческие хадисы, высказывания деятелей ислама и поэтические произведения других авторов. При цитировании Корана мы использовали перевод Эльмира Кулиева[15], который был выбран нами за наиболее точную передачу буквального смысла коранических аятов. В некоторых случаях (например, при переводе дат с мусульманского лунного календаря на григорианский) пояснения даются прямо в тексте краткими редакторскими примечаниями, заключенными в круглые скобки.

Исмагил Гибадуллин,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды
и татарских ханств им. М.А. Усманова ИИ АН РТ

Ильнур Миргалеев,
кандидат исторических наук,
руководитель Центра исследований Золотой Орды
и татарских ханств им. М.А. Усманова ИИ АН РТ

[15] https://tanzil.net/#trans/ru.kuliev/

«Семь планет об известиях царей татарских» (Ас-Саб‘ ас-саййар фи ахбар мулук ат-татар)

Во имя Аллаха Милостивого Милосердного!

Неограниченная хвала [и] неисчисляемое восхваление подобают [лишь] Бытийно-Необходимому (ваджиб ал-вуджуд), чья Несравнимая Сущность дарует светочи разума бытия, и чья Единственность (вахданийат) и Совершенство существуют во всей вселенной, и ничтожной частицей моря Его Величия и Гнева является сущность татарского закаленного меча – Аллаху [принадлежат слова:] «[*они] Мои всадники, и Я отомщу с их помощью тем, кто ослушался Меня*» (фурсани антакиму бихим мимман ‘асани)[1] – [а] каплей пены моря Его Величественности является волна войска прославленного смутами Чингиза. Область величия Его свободна от примеси возникновения [во] времени, и установление срока Его извечного величия пречисто от сочетания с проявлением времени. Прославлена слава Его, и всеохватно благотворение Его, и нет божества, кроме Него (джалла джалалуху ва ‘амма навалуху ва ла илаха илла гайруху). Да будет осыпана подношением приветствия мускусных благоуханий, даром благословения и [счастливой] стрелой победы светозарная усыпальница и источающее ароматы место мученической смерти сада величия и букета [из] цветника пророчества, первого ростка на лугу вселенной, описи мастерской [всего] сотворенного, султана тронного места, [описанного в хадисе] «У меня есть с Аллахом…» (ли

[1] Отрывок из мусульманского предания, приписываемого пророку Мухаммаду, которое приводится в «Ал-‘Икд ад-дурар фи ахбар ал-мунтазар» («Ожерелье из жемчужин в известиях об Ожидаемом [Махди]» шафиитского автора Джамал ад-дина Йусуфа ибн Йахйи ас-Сулами (XIII в.):

قال رسول الله صلى الله عليه وسلم: " قال الله تعالى إذا هتكوا عبادي حرمتي، واستحلوا محارمي، وخالفوا أمري، فسلطت عليهم جيشاً من المشرق يقال لهم الترك، هم فرساني أنتقم بهم ممن عصاني، نزعت الرحمة من قلوبهم، لا يرحمون من بكى، ولا يجيبون من شكا، يقتلون الآباء والأمهات، والبنين والبنات، يهلكون بلاد العجم، ويأتون العراق فيفترق جيش العراق ثلاث فرق؛ فرقة يقاتلون فيقتلون، أولئك هم الشهداء تغبطهم الملائكة، فإذا رأيتم ذلك فاستعدوا للقيامة

«Сказал Посланник Аллаха (да благословит его Аллах и приветствует!): Сказал Всевышний Аллах: «Когда рабы Мои опорочат почтение ко Мне, объявят дозволенным запрещенное Мною, станут поступать вопреки Моим велениям, я дам над ними власть войску с востока, которое будет называться тюрками. Они – Мои всадники, с помощью которых Я отомщу тем, кто ослушался Меня. Я устраню из их сердец милосердие, они не будут милосердны к плачущим и не будут внимать жалобам сетующих, будут убивать отцов и матерей, сыновей и дочерей, уничтожат области ал-‘Аджама (Персии и других неарабских стран – примеч. пер.) и придут в Ирак, так что разделится иракское войско на три группы: тех, кто будет сражаться и будет убит – это мученики, которым будут завидовать ангелы, и когда вы увидите это, готовьтесь к [Дню] восстания».

ма‘а-Ллах)[2], восседающего на престоле [айата] «дабы Аллах простил тебе…» (лийагфира лака-Ллах)[3], нашего господина и нашей опоры, нашего заступника, под коим я имею в виду любимца Божьего, Посланника Господнего Достопочтенного Мухаммада Мустафу, благословение ему утром и вечером (‘алайхи-с-салат фи-с-субх ва-л-маса’), чья тесьма на чистой и сиятельной обуви является венцом [на] проборах озарения высшего мира, а пыль под его благословенными стопами – целебной мазью для глаз знатных людей презреннейшей земной обители.

Бейт[4]:

ای بزمین قبلهٔ افلاکیان

برفلک امید گه خاکیان

«О [тот], кто на земле [является] киблой[5] для обитателей небес,

[А] на небосводе – средоточием надежды для обитателей земли»[6].

О Аллах, благослови и приветствуй его, его род, его семейство, его племя благословением, которое не пройдет по прошествии веков и дней и не прервется с прекращением месяцев и лет, и приветствуй его и их миром постоянным, благословенным, обильным. Далее известно обладающим зрением, что рядом с блестящей силой бесподобного Господа и неодолимой мощью Говорящего «Свершись!» – и оно свершается[7]

---

[2] Здесь имеется в виду хадис, в котором говорится о высшей степени приближения пророка Мухаммада к Аллаху во время вознесения на небеса:

لِی مَعَ اللّٰهِ وَقْتٌ لَا یَسَعُنِی فِیهِ مَلَكٌ مُقَرَّبٌ وَ لَا نَبِیٌّ مُرْسَلٌ

«У меня есть [особое] время с Аллахом, которое не доступно ни ангелу приближенному, ни пророку посланному».

[3] Коран, 42:2.

[4] Бейт – минимальная строфическая единица в арабской, персидской и тюркской поэзии, представляющая собой двустишие, которое выражает законченную мысль.

[5] Кибла – направление в сторону священной Каабы в г. Мекке в Аравии, соблюдаемое мусульманами во время совершения канонической молитвы (намаз) и отправления ряда других ритуалов. В данном случае термин используется в метафорическом значении, указывая на то, что пророк Мухаммад превосходит по своему положению ангелов и является предметом их устремлений.

[6] Данный бейт на персидском языке и последующая формула благословения пророку Мухаммаду на арабском языке взяты автором из текста исторического сочинения «Раудат ас-сафа’» Мирхонда. Предшествующий персидскому бейту фрагмент текста со славословиями в адрес Пророка также представляет собой перевод на османский персидского текста из этого сочинения. Ср.: Хандшах (Мирханд), Мир Мухаммад б. Саййид Бурхан ад-дин. Тарих-е раудат ас-сафа. Под ред. Джамшида Киянфара. Тегеран: Кетабхане-йе маркази-йе Хайям, б.д. С. 3.

[7] Аллюзия на ряд коранических айатов. Ср. «Он – Первосоздатель небес и земли. Когда Он принимает решение, то стоит Ему сказать: «Будь!», как это сбывается» (Коран, 2:117).

(ка'ил-и кун файакун) скверна богатства мирской жизни, подобно искусству фокусника и магии исчезающей, пыли и [бренному] чертогу [четырех] элементов (материального мира – примеч. пер.), показывающим [всё] в искривленном виде, разрушается и обращается в воздух, а драгоценная жизнь проходит, подобно порыву ветра, вызывая сожаление в День воскресения, так что было бы прекрасно упомянуть [хадис]: «*Когда умрет сын Адама, пресекутся деяния его, кроме трёх – непрерывной милостыни*[8] *(садака джарийа), или праведного ребенка, или знания, из которого извлекают пользу*», как требует [правило] «*сказал правду тот, кто изрёк*» (садака ман натака), расходование звонкой монеты необходимой силы для подготовки великого произведения есть обязанность обладателей усердия, [и] этот нищий раб Саййид Мухаммед Риза, полный недостатков, ногтями своей нищенской руки тоже собирает грозди урожая обладателей совершенства и облизывает миски на столе милостей в силу скудности достатка и бессилия, подпоясавшись поясом решимости составить и написать черновик собрания вздорных слов под названием «Семь планет об известиях царей татарских» (ас-саб' ас-саййар фи ахбар-и мулук ат-татар), [где будет] подробно и кратко изложена [история], начиная с Менгли Гирай-хана Первого[9], который стал образцом для подражания и превосходным в надевании на шею ожерелья покорности златопарчовой цепи приверженности царям Османским и удостоился правления татарским климатом (иклим-и татар) примерно в восемьсот семьдесят первом году (1466–1467 – примеч. пер.), и заканчивая временем Менгли Гирай-хана Второго[10], который освободился из тесной ямы низложения [с престола] и печалей и в счастливый тысяча сто пятидесятый год (1737 г. – примеч. пер.) воссел на ханский престол благодаря помогающей деснице и благосклонной заботе тигра в лесу доблести и кита в море храбрости, украшающего речи о военных походах и дарующего красоту монете блестящей, полюса Истинного, [этого] мира и религии (кутб ал-хакк ва-д-дунйа ва-д-дин), повелителя правоверных и халифа мусульман, а именно Его Высочества, величайшего султана, покровителя царей арабских и неарабских, султана, сына султа-

[8] Под непрерывной милостыней подразумевается такое пожертвование мусульманина, которое будет приносить пользу верующим даже после его смерти, обеспечивая ему еще большее загробное вознаграждение.

[9] Менгли I Гирай (1445–1515) – крымский хан из династии Гиреев. Шестой сын первого крымского хана Хаджи I Гирая.

[10] Менгли II Гирай (1678–1740) – крымский хан из династии Гиреев, правивший в 1724–1730 и 1737–1740 годах.

на, сына султана Гази Махмуд-Хана[11], сына султана Мустафа-Хана[12], сына султана Мехмед-Хана[13], *да увековечит Аллах его правление до последних времен и рассеет целостность [рядов] его врагов путем разрушения и оставления без помощи* (аббада-Ллаху давлатаху ила ахир ад-давран ва фаррака шамла а‘да’ихи би-т-тадмир ва-л-хизлан), и семи значительных ханов, правивших в пределах Крыма, [о которых шла речь] в начале, и живших между ними султанов и ханов, [а] его чистовое написание и окончание оказалось привязано к дням радости и веселья вервью отсрочки, [потому что] «*дела связаны с временем*» (т.е. всякому делу свое время, араб. ал-умуру мархунатун би-аукатиха)[14]. Поскольку ученость, познания, правдивость и прямота, присущие нраву и природе благополучного начальника секретарей (ра’ис ал-куттаб)[15], достопочтенного ал-Хадж Мустафы Эфенди[16], *блаженство ему [в этом мире] и прекрасная обитель [в том мире]* (туба лаху ва хусну мааб)[17], который приобретает знания вовремя и знает толк (сахиб-и ‘айар, букв. мастер, определяющий пробу драгоценных металлов – примеч. пер.) в знании и искусстве, потчуется яствами с неба изобилия [хадиса] «*поистине, из рабов Аллаха боятся Его ученые*» (иннама йахша-Ллаху мин ‘ибадихи ‘улама’) и получает обильную награду с бескрайнего стола [хадиса] «*кто поможет мусульманину, тому поможет Аллах*» (ман а‘ана муслиман а‘анаху-Ллах), обусловлены щедростью Господа рабов и благосклонностью сердобольного и привыкшего к великодушию падишаха, благоухающая амброй и оставляющая радостное впечатление весть о том, что благодаря августейшему и царственному дарованию на втором сроке своего пребывания на посту начальника [секретарей] (1744–1747 гг. – примеч. пер.) удостоился чести златотканной материи [изречения] «*достоинство места определяется тем, кто его занимает*»[18] (шараф алмакан би-л-макин) и искренней встречи, наполнение обоняния опеча-

[11] Махмуд I (1696–1754) – султан Османской империи, правивший в 1730–1754 гг.
[12] Мустафа II (1664–1703) – султан Османской империи, правивший в 1695–1703 гг.
[13] Мехмед IV (1642–1693) – султан Османской империи, правивший в 1648–1687 гг.
[14] Арабская пословица
[15] Реис-уль-кюттаб (букв. «начальник секретарей») – в Османской империи член султанского дивана, занимавший пост, аналогичный посту министра иностранных дел.
[16] Реис уль-кюттаб Мустафа Эфенди (1689–1749) – османский мусульманский ученый, чиновник, дипломат и поэт, занимавший пост турецкого посла в Вене, а затем и реис уль-кюттаба (1736–1741, 1744–1747).
[17] Аллюзия на аят 13:29.
[18] Арабская пословица.

ленных благоуханием радости и ликования благодаря побуждению и помощи утреннего ветерка простора и раздолья бейта:

صبح ظفر از مشرق امید بر آمد
ارباب غرضرا شب سودا بسر آمد

«Утро победы пришло с востока надежды,
Для обладателей цели ночь меланхолии подошла к концу»[19],

стало причиной отрады для привыкших к чистоте [души] и привело к избавлению от утомления чистых сердцем богомольцев**,** и если он изволит наложить золотым пером своего благосклонного рассмотрения резолюцию [и] принять похвальный отзыв, когда переписывание набело и исправление [ошибок] будет доведено до конечного звена, и ознаменованное благополучием и сопряженное с счастьем имя Вашего Высокопревосходительства (хазрат-и ʻали-манзилат-и маʻали-манкибат) – *да наградит Аллах мусульман продолжительной удачей и да способствует успеху во всех его намерениях и желаниях* (маттаʻа-Ллаху-л-муслимина би-давами икбалихи ва анджаха би-л-икбали джамиʻа макасидаху ва амалаху) – будет сделано заглавием на заставке (ʻунван)[20] книги и связующей [нитью] собрания разрозненных листов, будучи представлено покровительствующему учености, ожидается, что, несмотря на завесу пороков и недостатков и преграду несовершенства и неполноты, [оно] удостоится взгляда обладателей зрения и сподобится взора внимания малых и великих. *И от Него – содействие и провидение в начале и конце* (ва минху-т-тауфик ва-л-ʻинайа фи-л-бидайа ва-н-нихайа). Менгли Гирай-Хан ибн Хаджи Гирай-Хан ибн Гийас ад-дин ибн Таш-Тимур ибн Джанай ибн Тула-Тимур ибн Кунджак ибн Дук-Тимур ибн Тука-Тимур ибн Джуджи ибн Джингиз ибн Писуга-Хан ибн Бартан-Хан ибн Кабул ибн Тумана ибн Байсунгур ибн Кайду ибн Туман ибн Бука ибн Бузанджар ибн Дубун-Байан, супруг Алан-Куа, ибн Калу-Каджи ибн Сум-Савджи ибн Муга-Мудан ибн Куджам-Бугрул ибн Киджу-Марган ибн Тамадж ибн Биджан-Каан. Да не скроется, что отцы и деды Чингиза и

[19] Оригинальная версия этого персидского бейта Салмана Саваджи (XIV в.) звучит следующим образом:
صبح ظفر از مشرق امید بر آمد
اصحاب غرض را تب سودا ببر آمد
«Утро победы пришло с востока надежды,
Для обладателей цели лихорадка меланхолии принесла свои плоды».

[20] Унван – в арабских и персидских рукописях орнаментальная заставка начала сочинения, главы или раздела.

других царей тюрков и татар восходили к Йафису ибн Нуху[21], мир ему[22] (‘алайхи-с-салам), а после него восходили к Достопочтенному Адаму[23], мир ему, и было признано более предпочтительным и верным утолить жажду слушающего приятной на вкус водой известий прошлого, указать на дела царей востока и севера, скупо пролив каплю повествования от глубокого моря восхваления двух великих в своей благодати лиц, которые являются сосудом для чернил выплесков слова, руслом излияний жизни и источником бытия вселенной.

О распространении рода сынов Адама на восточные и западные земли мира

После низвержения пристанища потомков Отца человечества (Абул-Башар), мир ему, населенная четверть[24] (руб‘-и маскун) украсилась и благоустроилась обилием людей, а затем вследствие своенравия и упрямства, а также в соответствии с благородным смыслом [аята] «*воздается каждой душе за то, что она приобрела*»[25], когда ураган светопреставления уничтожил землю и время благодаря второй принятой мольбе Отца человечества «*Господи! Не оставь на земле ни одного неверного!*»[26], [все] помимо единобожников, взошедших на ковчег защиты Божьей, потонули в море небытия, и они бросили якорь благополучия на вершине спасительной горы Джуд[27] благодаря кормчему судна Нуху[28], Спасенному Богом (Наджиййу-Ллах),

---

[21] Йафис (библ. Иафет) – библейский персонаж, который фигурирует в мусульманской традиции как один из трёх сыновей пророка Нуха (Ноя), спасшийся вместе с ним во время Всемирного потопа и являющийся одним из родоначальников человечества.

[22] Традиционная формула приветствия, которую мусульмане произносят при упоминании имен пророков, предшествовавших пророку Мухаммаду.

[23] Адам – в мусульманской традиции праотец человечества и первый пророк.

[24] В представлении средневековых мусульманских ученых, опиравшихся на систему Птолемея, пригодной дли жизни и населенной людьми была только четвертая часть земной тверди, которая делилась на семь географических зон – климатов (араб. иклим).

[25] Коран, 40:17.

[26] Коран, 71:26.

[27] Эта гора упоминается в Коране и фигурирует в мусульманской традиции как место, к которому причалил ковчег пророка Нуха (ср. Арарат в христианстве). Часто отождествляется с горным хребтом Джабаль эль-Джуди на границе современных Турции, Сирии и Ирака.

[28] Нух (библ. Ной) – один из главных пророков исламской традиции, часто упоминаемый в Коране.

Бейт:
خلایق زکشتی برون آمدند
زشادی چه گویم که چون آمدند
«Творения из ковчега вышли,
Что мне сказать о том, с какой радостью они пришли»[29],

в соответствии с чем, когда они построили новое селение, которое было названо по числу обитателей ковчега Сук ас-Саманин (араб. «Рынок восьмидесяти» – примеч. пер.), и в [эти] дни с печальным исходом, когда появилось смертоносное бедствие, уничтожившее [всех], кроме самого пристанища пророчества (пророка Нуха – примеч. пер.), его высокородных сынов Сама, Йафиса и Хама, и его целомудренных пречистых жен, бескрайнее море Господнего провидения взволновалось, и это дарующее радость обетование, которое проявилось в сердце Второго Адама (Адам-и Сани, прозвание пророка Нуха – примеч. пер.) благодаря Господнему внушению о том, что слабые и непокорные по своей природе рабы будут прощены [и спасены] от бедствия всеобщего потопа, и величественная воля Исполняющего желания состоит в умножении людей, послужило причиной избавления от страха и печали, поскольку эта семикупольная мельница (небосвод, состоявший из семи небес – примеч. пер.) вращается вокруг средств и причин, в частности, нанизывание верви дел рода человеческого и крепость нити желаний зависит от длани усилий и усердия истинного Правителя, способного к связыванию и развязыванию, обладающего твердым мнением, в силу того, что Достопочтенный Нух слез со скакуна победоносного духа, определив Саму плод счастливого сердца восхождения на престол халифата и возложения стоп на рыжего коня правления и установив [его]своим сыплющим жемчуга [и] требующим послушания языком для упомянутого (Сама – примеч. пер.), через пятьсот, а согласно [другим] словам, шестьдесят лет после потопа, изволил направиться на паланкине похоронных носилок в царствие Божие, на протяжении сорока восьми лет, когда, согласно повелению и установлению [Достопочтенного Нуха] указанное лицо (Сам – примеч. пер.) укрыло рабов тенью справедливости и правосудия и полным покровительством (букв. глубокой тенью, перс. зилл-и залил),

[29] Оригинальная версия этого персидского бейта из поэмы «Хирад-наме» Низами Гянджеви (ум. 1209) звучит следующим образом:
خلایق ز کشتی برون آمدند
ز شادی رها کن که چون آمدند
«Творения из ковчега вышли,
От радости, позволь, [расскажу], как они пришли».

по велению Творца людей благодаря обилию деторождения у людей в том месте стало тяжело уместиться и проживать, [одним] из требований тех дней было расширение круга обитания, Шалих ибн Арфахшад[30] ибн Сам и ‘Ад ибн Арфахшад ибн Самуд[31] с Джадисом[32], Джасимом[33], Тасмом[34], Сухаром[35] и Укаром[36] отправились в земли областей и крепостей Хиджаза, Йемена, Тихамы, Неджда[37] и ‘Аруда[38], а ‘Ирак ибн ‘Айлам ибн Сам[39] направился в области Исфахана, Рея, Казвина, Хамадана, Луристана, Ардалана, Дейлема и Гиляна[40], Хурасан[41] ибн ‘Айлам – в области Сиджистана, Забулистана, Бадахшана, Тохаристана, Балха, Герата, Нишабура, Мерва, Мазендерана и Табаристана[42]. Хайкал ибн ‘Айлам

---

[30] Шалих ибн Арфахшад – персонаж мусульманской традиции, восходящий в библейскому персонажу Шелаху (Сале), сыну Арфаксада.

[31] Персонаж, очевидно, связанный с двумя упомянутыми в Коране древнеаравийскими народами, погубленными Аллахом за притеснение посланных к ним пророков – самудитами и ‘адитами.

[32] Персонаж, связанный с племенем джадис, которое упоминается в арабской мифологии как одно из коренных племен Аравии, живших в восточной части полуострова. Известен цикл преданий, повествующих о борьбе этого племени с соседним племенем тасм.

[33] Джасим ибн Ирам – персонаж арабской мифологии, увязываемый с библейским Арамом, но неизвестный в библейской литературе. Мусульманские авторы возводили к нему название деревни Джасим в Сирии.

[34] Персонаж, связанный с племенем тасм, которое упоминается в арабской мифологии как одно из коренных племен Аравии.

[35] Сухар ибн Ирам – персонаж арабской мифологии, увязываемый с библейским Арамом, но неизвестный в библейской литературе. Мусульманские авторы возводили к нему название древнего приморского города Сухар на территории Омана.

[36] Этот персонаж не известен широко в средневековой мусульманской традиции. Вероятно, связан с библейским Офиром или Евером.

[37] Перечисляются регионы Аравийского полуострова.

[38] Географический термин, встречающийся в сочинениях мусульманских авторов, которые толковали его по-разному, связывая с различными регионами Аравийского полуострова, в том числе с Хиджазом, Йеменом, Бахрейном и Аль-Ямамой, но чаще всего ассоциировался с регионом Мекки и Медины.

[39] Персонаж, связанный с историческим регионом Месопотамии (араб. ал-‘Ирак). Возводится к библейскому Эламу (араб. ‘Айлам).

[40] Перечисляются регионы северо-западного, западного и центрального Ирана.

[41] Имя персонажа указывает на его связь с историческим регионом Хорасан, включавшего восточные окраины тогдашнего ираноязычного мира.

[42] Перечисляются преимущественно регионы, входившие в состав исторического Хорасана (восточная и северная часть современного Ирана, Афганистан, отдельные районы современных Пакистана, Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана и Восточного Туркестана на западе современного Китая).

направился в области Мавераннахра и Хорезма[43], а Ахваз ибн Бурух ибн Сам[44] твердо решил поселиться в областях Хузистана, Фарса и Кермана[45], Арман ибн Навзад ибн Сам сделал своим местообитанием области Азербайджана, Аррана[46], Ширвана[47], Гурджистана[48], Ахлата[49], Ирджиса[50], Тиблиса[51] и Эрзурума[52], ‘Амлик ибн Лаваз ибн Сам[53], живший прежде на земле амаликитян[54] (арз-и ‘амалик), из необходимости поселился ради исполнения желания в областях Анатолии, Карамана[55], Трабзона и Сиваса и пожелал страны Рум, Кан‘ан ибн Нафр ибн Сам[56] осел в областях арабского ‘Ирака, арабской Ал-Джазиры[57] и в Шахиде, Турки ибн Йафис вместе со своими братьями Чином[58], Камари[59], Минсаком[60], Сиджистаном[61] и Хазазом[62] разместился на востоке и севере, в областях

---

[43] Перечисляются регионы междуречья Сырдарьи и Амударьи в Средней Азии.

[44] Имя персонажа указывает на город Ахваз в области Хузистан на юго-западе Ирана.

[45] Перечисляются регионы южного Ирана.

[46] Арран – историческая область в восточном Закавказье, на территории современного Азербайджана.

[47] Ширван – историческая область в Закавказье, на западном побережье Каспийского моря, простиравшаяся от Дербента на севере до дельты реки Кура на юге (совр. Азербайджан).

[48] Грузия.

[49] Ахлат – город в Восточной Анатолии, расположенный в современной провинции Битлис в Турции.

[50] Эрджиш – город в Восточной Анатолии, расположенный в современной провинции Ван в Турции.

[51] Современный Тбилиси.

[52] Эрзурум – город на востоке Анатолии.

[53] Персонаж, чье имя указывает на его связь с народом амаликитян и библейским Уцем, сыном Арама и внуком Сима.

[54] Народ в мусульманских преданиях, который восходит к библейским амаликитянам, жившим на территории Палестины.

[55] Караман – город в центральной части южной Анатолии.

[56] Персонаж, чье имя указывает на его связь с областью Ханаан (араб. Кан‘ан) на территории современной Палестины. Связан с библейским персонажем Хананом, сыном Хама.

[57] Джазира – плато на территории современного Ирака, Сирии и Турции в северной части Месопотамии.

[58] Персонаж, чье имя указывает на связь с историческим Китаем (перс. Чин).

[59] Персонаж, восходящий к библейскому Гомеру, сыну Иафета, который мог быть связан с древним народом киммерийцев.

[60] Персонаж, восходящий к библейскому Мешеху, сыну Иафета, который мог быть связан с древними месхами.

[61] Персонаж, чье имя указывает на его связь с историческим регионом Сиджистан/Систан на востоке Ирана.

Туркистана, Хитая, Ибира и Сибира[63], Булгара и Дешти-Кыпчака, Баридж[64] со своими братьями по имени Саклаб и Рус направился в области Румелии, Венгрии (Унгурус), Польши (Лех), Украины (Укранийа), Крыма и Москвы, Кут ибн Хам[65] со своими братьями Барбаром[66], Кушом[67], Занджем[68] и Хабашем[69] вознамерился жить на западе и юге, в Билад ал-Джарид, Фасе, Джаза'ир, Тунис, Траблус, Барка', Миср и Судан[70]. Бура Франк ибн Кут решил коротать время в областях Венгрии, Галлии (Агалийа), Италии, Германии (Джарманийа) и Испании (Исфандийа), Дорник и Синав[71] из сыновей Куша – в областях Мекрана[72], братья по имени Дидаха, Туран и Хинд осели в областях Джузарата (Гуджарата – примеч. пер.), Минибара (Малабара – примеч. пер.) и Ма'бара[73]. По прошествии дней потомков Сама стало девятнадцать, йафиситов – тридцать шесть, а хамитов – семнадцать групп и разновидностей, и если от высадки [с ковчега] и до того времени единым языком был сирийский, то смена мест и сила ветра [во время] потопа, [которая была] знаком гнева Божьего, привели к смешению языков, так что только община ханаанцев (фирка-и кан'ани-йан), которые были жителями земель Бабила (Вавилона – примеч. пер.), словно домашние соловьи, говорили на сирийском языке, а остальные, подобно диким птицам, стали петь разнообразными трелями на ветвях древа мира. Хотя расселение людей [в] эпоху Сама отвечало размножению людей, аналогии (кийас), пониманию и разуму, будучи

---

[62] В других источниках чаще всего упоминается как Хазар, что указывается на связь персонажа с хазарами, тюркским народом, жившим в прикаспийских степях.

[63] Территории Сибири в трудах некоторых средневековых мусульманских авторов назывались Ибир-Сибир (начиная с XIV века).

[64] Имя этого персонажа, которое упоминается у других авторов в форме Тарадж/Йарадж, восходит к библейскому Фирасу, сыну Иафета.

[65] Персонаж восходит к библейскому Футу, сыну Хама.

[66] Имя персонажа указывает на его связь с берберами, автохтонным населением Магриба.

[67] Персонаж восходит к библейскому Хушу, сыну Хама.

[68] Имя персонажа указывает на его связь с чернокожим населением Африки, которое арабы называли «зиндж».

[69] Имя персонажа, вероятно, указывает на его связь с эфиопами (араб. хабаш).

[70] Перечисляются регионы Северной Африки.

[71] Искаженное Синд: это имя восходит к названию одной из областей Индии в арабских источниках.

[72] Название исторической области на юге современного Ирана и Пакистана, расположенной вдоль побережья Аравийского моря и Оманского залива.

[73] Название, данное арабами побережью Бенгальского залива на территории современного штата Тамилнад в Индии.

легким делом для могущества Всесильного Господа, пером определения историков было начертано также, что [это] случилось в эпоху Нуха, Спасенного Богом. *Знание [об этом] – у Аллаха, Царя Явного* (ал-ʻилм ʻинда-Ллах малик ал-муʻин)[74]. Когда вместе с полчищем народа Сам поместил чистопробные деньги драгоценной жизни в запечатанный сундук, по единогласному [мнению] людей, на семьдесят второй год [после] разделения одеяние главенства было возложено на плечи Кайумарса[75], который воссел на место правления, став предшественником царей персидских, большинство падишахских регалий и большая часть шахиншахских[76] титулов и великолепия – это плод древа проницательной природы Кайумарса, обладателя понимания и постижения.

Благоустроенные и населенные земли называются именами Иран, Туран, ʻАрабистан, Магриб, Хиндистан, земля Бабил и Йунан и рассматриваются как семь климатов (акалим-и сабʻа), а Кайумарс является вождем и начальником всех [их], и его современники были подданными указанного лица (Кайумарса – примеч. пер.), [а потому он] прославился под прозванием «падишах семи климатов» (падишах-и хафт иклим). Других царей, поставивших стопы на престол правления, называли у персов «хосроями» (кисра), у тюрков – «хаканами» (хавакин), у румийцев – «цесарями» (кайасира), в Индии – «раджами» (райан), в Египте – «фараонами» (фараʻина), в Йемене – «табаби‘а» (мн. ч. от тубба‘ – примеч. пер.), в Вавилоне – «намрудами» (намарида), через некоторое время по причине разделения [некогда] неделимых земель мира на многие части появились различные государства, каждое из которых прославилось на весь мир под [определенным] именем. Из потомства Кайумарса воссели на престол правления и стали обладателями царства и власти четыре династии царей под названиями Пишдадиды[77], Кияниды[78], Ашкани-

[74] Аллюзия на коранический айат: «Скажи: «Знание об этом – у Аллаха, а я – всего лишь предостерегающий и разъясняющий увещеватель» (Коран, 67:26).

[75] Кайумарс (авест. Гайо-Марта) – персонаж древнеиранской мифологии, первый смертный человек, считающийся родоначальником иранских народов. В персидском эпосе «Шах-наме» фигурирует в качестве первого царя полумифической династии Пишдадидов.

[76] Шахиншах (перс. «царь царей») – древнеперсидский монархический титула (эпохи Ахеменидов и Сасанидов), который позже вошел также и в титулатуру османских султанов.

[77] Пишдадиды – легендарная древнеиранская династия, которая упоминается в персидском царском эпосе «Шах-наме» и восходит к Авесте и более поздним зороастрийским религиозным текстам.

ды[79] и Сасаниды. Пишдадиды тысяча семьсот тридцать восемь лет то шли в авангарде отваги и могущества [и] царственно восседали (букв. сидели, скрестив ноги – примеч. пер.) на султанских парчах, то несли бремя власти [и] продевали голову в воротник нищеты, Кияниды – шестьсот девяносто три года, Ашканиды – четыреста девяносто восемь лет, а Сасаниды – четыреста пятьдесят три года, на тридцать первый год после того, как искусный наездник на поле пророчества, *да будет ему самое достойное приветствие* (‘алайхи афдал ат-тахийа), Достопочтенный [Мухаммад] вложил ноги в стремя хиджры, благодаря восходу солнца натиска мусульманских воителей и появлению солнца удара длани усердствующих [на пути Аллаха] звезда их счастья склонилась к закату, а луна их могущества скрылась [за облаками].

Началом тюркских хаканов были хаканы из рода Манджаны ибн Турка ибн Йафиса, [жившего] в эпоху Хушанга ибн Пашанга ибн Сийамака ибн Кайумарса ибн Сама[80], которые правили на земле Турана тысяча триста лет, а затем [хаканы] из рода Тура ибн Фаридуна[81], которые правили приблизительно две тысячи шестьсот двадцать четыре года, когда на пятьдесят третий [год] после того, как *Наидостойнейшее из творений, да будет ему самое совершенное приветствие* (афдал алмахлукат ‘алайхи акмал ат-тахийа), Достопочтенный [Пророк] погнал скакуна славы и достоинства в Светозарную Медину (673 г. – примеч. пер.), вялые (букв. мертвые сердцем) жители Мавераннахра и Туркистана не выдержали натиска джихада[82] привыкших к походам единобожников, моральный дух их державы ослаб, а настрой их господства был расстроен, после чего [на протяжении] пятьсот пятидесяти лет часть их предводителей проводила [время] в душевных терзаниях и суете, подобно мятежникам и сброду, то на берегах Мавераннахра, то в окрестностях Туркистана, [пока] на шестисотый год после того, как место сошествия Божьих сияний и место восхода солнца нескончаемых тайн, Достопочтенный [Пророк], *да благословит его Всевышний Аллах и да привет-*

[78] Кияниды – еще одна легендарная древнеиранская династия, правители которой правили, согласно эпосу «Шах-наме» и зороастрийской традиции, после Пишдадидов.

[79] Ашканиды – традиционное персидское название парфянской династии Аршакидов, правивших Ираном в III в. до н.э. – III в. н.э.

[80] Хушанг – упоминаемый в «Шахнаме» персонаж древнеиранской мифологии, первый царь династии Пишдадидов.

[81] Тур – упоминаемый в «Шахнаме» правитель Турана, сын иранского царя Фаридуна и мифический предок туранских племён, с которыми воевали правители Ирана.

[82] Джихад – священная война против врагов ислама.

ствует[83], взошел на горизонте края хиджры (1203–1204 гг. – примеч. пер.), Султан Мухаммад Хваразм-шах[84] благодаря содействию удачи протянул десницу усердия, одержал верх над всеми хаканами и отнял у них одеяния счастья.

Кесарями Рума были цари Первого Рума из рода Рума ибн Милти ибн Бариджа ибн Йафиса, восседавшего на троне в греческих землях в эпоху Тахмураса ибн Хушанга[85], которые тысяча шестьсот лет резали слух обитателей мира звуками диковинного жабообразного орга́на в областях румийцев и Фарангистана[86], а затем цари Второго Рума из рода Рума ибн Асфара ибн ‘Айша ибн Исхака, мир ему, которые [правили] в областях Анатолии девятьсот пятьдесят лет, а затем кесари Рума, [которые правили] тысяча пятьсот двадцать один год, все цари Первого и Второго Рума во всех областях румийцев и Фарангистана через четыреста восемьдесят пять лет после того, как они водрузили [там] знамя завоевания, появилось государство Франджа, [которое] потоком своего нападения послужило причиной уничтожения и истребления красоты ликов кумирни их могущества, и в то время, когда уродливый облик изгибов их государства проявился в Анатолии и Румелии, отчасти в [землях] русов и славян (сакалиба), отчасти во Франгистане, победоносный Султан Мехмед[87] по милости Господа на восемьсот пятьдесят восьмой год после того, как озаряющее мир солнце и горизонт заступничества, Достопочтенный [Пророк], *благословение и мир ему и его роду* (‘алайхи ва ‘ала алихи-с-салат ва-с-салам), одарил сиянием страну хиджры, в пятнадцатый день благословенного месяца раби‘ ал-аввал (24 марта 1454 г. – примеч. пер.) – «*Константинополь будет завоеван, и лучший эмир – это его эмир, и лучшее войско – это то войско*»[88] (сатуфтаханна-л-Кунстантинийа лани‘ма-л-амиру амируха ва лани‘ма-л-джайшу заликал-джайш) – ключом благовестия о радости перед [её] появлением открыл

[83] Традиционная формула благословения (салават), произносимая мусульманами после упоминания имени пророка Мухаммада.

[84] ‘Ала’ ад-дин Мухаммад Хорезмшах (1169–1220) – правитель тюркский династии Хорезмшахов, правивший в Хорезме в 1200–1220 гг.

[85] Тахмурас – упоминаемый в «Шахнаме» мифический правитель Ирана из династии Пишдадидов.

[86] Одно из названий католической Европы у средневековых мусульманских авторов.

[87] Мехмед II Фатих («Завоеватель», 1432–1481) – султан Османской империи (1444–1446, 1451–1481).

[88] Цитата из хадиса, который мусульманская традиция приписывает пророку Мухаммаду. В османской историографии правитель и войско, упомянутые в хадисе, прочно ассоциировались с султаном Мехмедом II Фатихом и османской армией.

запертую дверь указанного города и благодаря тому, что знаменитый победами падишах издал ради обогащения усердствующих [на пути] религии приказ и повеление о разграблении и разорении [города] в течение трех дней, в то счастливое время, когда драгоценные камни военачальников и лучшие шелка франков, которые были богатством [и предметом] гордости неверных, достались в удел воителям-единобожникам, опьяневший от вина гордыни такфур (от арм. тагавор «носящий корону, царь», византийский император – примеч. пер.) умолк и лишился чувств, вкусив острого клинка, а сияние государства кесарей целиком исчезло и бесследно сгинуло во мраке ночи краха.

Что касается раджей Хинда, их началом были цари-брахманы (барахима) из рода Барахмана ибн Хинда ибн Куша ибн Хама, простиравшего свою власть в указанной стране в эпоху [одного] из персидских царей Джамшида ибн Тахмураса[89], по прошествии двух тысяч двухсот девяноста лет с тех пор, как они воздвигли огненное святилище тирании, пламя светильника их государства было потушено ветром Искандарова завоевания[90], и по прошествии тысячи двадцати трех лет сияние господства племенных царей (мулук-и тава'иф), расточавших в том краю блеск на каждом углу – на девяносто девятый [год после того, как] рудник светящихся в ночи [самоцветов] пророчества своим оказывающим честь светом хиджры осветил проборы [на локонах] уммы (717–718 гг. – примеч. пер.) – когда знамя мужей военных покрыло те края тенью величия и возвышения, раджа Индии (рай-и Хинд) принял приятное решение и удостоился расшитой золотом парчи веры и чистого, дарующего здоровье одеяния ислама, которые ведут к вечному счастью, благодаря чему цари указанной династии поколение за поколением прочно восседали на индийских парчах и украшениях господства на протяжении трехсот одиннадцати лет, а на четыреста десятый [год] после того, как [подобный] райскому древу (туба) стан почитаемого Пророка был удостоен почести [возложения] роскошного одеяния хиджры (1019–1020 гг. – примеч. пер.), большая часть указанных областей была вправлена в перстень Султана Махмуда Газневи[91], [сына] Сабук-Тегина.

Что касается фараонов Египта (фара'ина-и Миср), их началом были фараоны, происходившие из рода Йама ибн Набсара ибн Кибта ибн Кута

---

[89] Джамшид – упоминаемый в «Шахнаме» мифический царь из династии Пишдадидов.

[90] Имеются в виду походы Александра Македонского, который нашел воплощение в образе Искандара Зу-л-Карнайна, упоминаемого в Коране и мусульманских преданиях.

[91] Махмуд Газневи (971–1030) – правитель династии Газневидов, правивший в 998–1030 гг.

ибн Хама, которые были примирителями между избранными и простолюдинами в эпоху Джамшида и пробовали на вкус сахарный тростник правления [на протяжении] тысячи восьмисот семидесяти пяти лет, затем тираничные наместники Бухт ан-Насара[92] и Кияниды – четыреста семь лет, затем при поддержке Искандара считающиеся царями Рума Птолемеи (араб. Баталиса) – двести семьдесят четыре года, затем наместники кесарей – пятьсот шестьдесят два года, затем наместники хосроев – пятьдесят четыре года и снова наместники кесарей – пятьдесят один год, [пока] на двадцатый год (640–641 гг. – примеч. пер.), а по словам [других] на семнадцатый год (637–638 гг. – примеч. пер.) после того, как избранный круг ансаров[93], охваченных жаром от огня тоски [по Пророку], утолил жажду вином воссоединения хиджры, победоносные воины уммы устремились к Египту, подобно Нилу и Евфрату, и благодаря дуновениям их пречистого дыхания и излияниям их украшенных каменьями мечей [эта] воздвигнутая любезностью страна, подобная *[народу] Ирама, воздвигшему величавые строения* (ирам-и зат ал-‘имад)[94], очистилась от скверны непослушания и нечестия и досталась в удел воинам-единобожникам.

Что касается правителей (тубба‘) Йемена, их началом являются Химьяриды[95] из чистого рода Сабы, сына Йашхаба, сына Йа‘руба, сына Кахтана, сына Достопочтенного Нуха, Спасителя Божьего, наслаждавшегося в краях Аравии глотком из приносящей бодрость Джамшидовой чаши правления в эпоху Джамшида, которые издавали указы о правлении хорошими и плохими [на протяжении] две тысячи девятьсот восьмидесяти одного года, затем цари эфиопские (мулук-и хабаша) из числа идущего неверным путем воинства слона (асхаб-и фил)[96], которые заплутали в

---

[92] Бухт ан-Насар – персонаж средневековых мусульманских преданий, соответствующий библейскому Навуходоносору, в основе которого лежит реальный исторический персонаж царь Нововавилонского царства Навуходоносор II, правивший в 605–562 гг. до н.э.

[93] Ансары – группа сподвижников пророка Мухаммада, которые были коренными жителями Медины, в отличие от другой группы – мухаджиров, состоявшей из прибывших туда вместе с Пророком мусульман из Мекки.

[94] Древняя страна или город, упоминаемый в Коране и увязываемый с ‘адитами. Ирам был уничтожен Аллахом в наказание за ослушание пророка Худа. См.: Коран, 89:7.

[95] Химйар – древнеарабское царство, существовавшее примерно с 110 г. до н. э. по 599 г. на юге Аравийского полуострова.

[96] Имеется в виду нападение войска христианского правителя Йемена Абрахи на Мекку в 570 г., которое упоминается в Коране: «Задумайся над тем, что произошло с воинством слона, которое вознамерилось разрушить Каабу! Злоумышленники хорошо подготовились к этому походу» (Коран, 105:1).

пустыне заблуждения – семьдесят два года, затем Сайф ибн Зийазан[97] из Химьяридов – шестнадцать лет, затем один добрый и злой царь из [числа] наместников хосроев Бакдаванд[98] через полные десять [лет] после того, как драгоценный камень печати пророчества был вложен десницей воли Господа величия в царскую обитель хиджры (631–632 гг. – примеч. пер.), благодаря источнику руководства Покровителя Всеблагодетельного (мавла-и зу-л-минан) признал и принял счастливый клинок ислама с белыми жемчугами как украшение [своего] венца, оказавшись в целости и безопасности от роскошного меча газиев[99], раскидывающих врагов и разрывающих ряды, и царственно воссел (букв. сел скрестив ноги – примеч. пер.) на украшенном самоцветами троне правления.

Что касается царей (намарида) Вавилона (Бабил), [то цари из рода] Намруда ибн Кан‘ана ибн Санджариба ибн Куша ибн Хама (ибн Кан‘ана ибн Нафра ибн Сама), которые известны под именем сирийцев (сурйанийин), предавали огню несправедливости и непокорности очаг нечестия [на протяжении] ста пятидесяти девяти лет в Арабском Ираке и Джазире, затем ассирийские цари (мулук-и Асур) – тысяча триста пятьдесят пять лет, затем набатейские цари (мулук-и Набт) [из числа] наместников Киянидов – четыреста сорок три года, а затем амаликитские деспоты (джабабира) из рода ‘Амалика ибн Лаваза ибн Сама – девятьсот восемьдесят семь лет, [пока] благодаря потоку появления и победы царей сыновей Израилевых искры их владычества сгинули под пеплом погибели и потухли в прахе ничтожества и небытия. Цари сыновей Израилевых на протяжении пятисот девяти лет были заглавием государства, [пока] благодаря морю горя [и] волне завоевания тираничного Бухт ан-Насара достояние их счастья и жизни не потонуло и обратилось в прах в бесконечном море погибели. Во времена Ашканидов и Сасанидов в некоторых областях Хиджаза на вершину дворца владычества вознеслись [правители из племени] Джурхум[100], в Шаме – Асфаниды[101], а в

[97] Абу Мурра Сайф ибн Зи Йазан ал-Химйари (ум. 578) – полулегендарный правитель Йемена, сместивший эфиопских царей Аксума при помощи сасанидского шаха Хосрова I Ануширвана.

[98] По всей видимости, имеется в виду сасанидский наместник в Йемене Базан (Базам) ибн Сасан, правивший в эпоху шаха Хосрова II, который принял ислам.

[99] Гази – почётный титул мусульман, воевавших против неверных.

[100] Джурхум – полулегендарное древнее арабское племя, жившее в районе Мекки до курайшитов.

[101] Возможно, искаженное название арабского племени Бану Гатафан.

Бахрейне – правители Бани Лахм (Лахмиды[102] – примеч. пер.), [которые происходили] из рода химьяритских царей Йемена, и стоило только воинам-единобожникам вложить стопы в стремена джихада, [они] самым бесславным образом покинули обитель правления и руководства. Помимо царей, о которых кончик пера изливал [чернила], в областях Йемена султаны первых ʻадитов (ʻад-и аввал)[103] и вторых ʻадитов (ʻад-и сани), а из земель Турана – в областях Чина цари [из рода] Фагфура[104] охмелели, испив до дна переполненную до краев чашу владычества, Фагфур и Шаддад[105], считающийся [одним] из царей вторых ʻадитов и путешествовавший Искандар, который был строителем преграды странствовали по миру во времена Пишдадидов, в эпоху Киянидов пристанище пророчества Достопочтенный Сулейман, пророк Божий был послан с миссией, а жители населенной четверти (рубʻ-и маскун) были вправлены в перстень его избранного правления.

Из знаменитых царей Афрасийаб ибн Пашанг ибн Дадшам ибн Тур ибн Фаридун[106] в конце правления Пишдадидов [на протяжении] двенадцати лет достиг высшего предела на трудном пути к господству и владычеству в странах Ирана и Турана, и Искандар ибн Дараб ибн Бахман ибн Гуштасб ибн Лахрасб ибн Авранд-шах ибн Канишин, считающийся [происходящим] из рода Кайумарса и [одним] из кесарей Рума, на протяжении четырнадцати лет владычествовал в большинстве стран мира; Намруд, разжегший костер [для] Ибрахима, мир ему, был [одним] из наместников Даххака[107], а Бухт ан-Насар – одним из наместников Лухра-

[102] Лахмиды – арабская царская династия, правившая приблизительно с 300 по 602 гг. на северо-востоке Аравии.

[103] В Коране (53:50) упоминаются некие «первые ʻадиты» (ʻад ал-ула), что породило среди мусульманских авторов дискуссию о том, были ли коранические ʻадиты одним народом, или под ними подразумеваются два разных народа с общим наименованием и общим для них трагическим исходом: первый народ был уничтожен сильным ветром, а второй – погублен страшным воплем. В то же самое время, «вторые ʻадиты» не упоминаются ни в Коране, ни в мусульманских преданиях.

[104] Фагфур (от пехл. bağpūr – «сын Божий») – средневековое арабо-персидское название древних правителей Китая.

[105] Шаддад б. ʻАд – легендарный правитель народа ʻадитов, который упоминается в доисламской арабской и средневековой мусульманской литературе.

[106] Афрасияб –легендарный царь Турана в иранской мифологии, который упоминается в качестве главного антагонист персидского эпоса «Шахнаме».

[107] Даххак/Заххак – змеиный царь в иранской мифологии, который упоминается в «Шахнаме» как правитель Аравии и враг иранского царя Джамшида.

сба[108], и эти двое отверженных считаются царями Вавилона. И из тюркских хаканов Агут-хан[109], а из царей Первого Рума Хармис ибн Рум ибн Акбати ибн Йунан[110], которого некоторые считали Зу-л-Карнайном, и который был первым основоположником Константинополя (Кунстантинийа), Никомедии[111] и Великого Рума (Румийат ал-кубра)[112], то есть Кызыл-Алмы (тур. Красное яблоко)[113], а также [одним] из фаворитов царей Первого Рума, а основатель Малого Рума (Румийат ас-сугра)[114], то есть Сиваса, Садис ибн Бутрус ибн Йунан ибн Тарсус ибн Рум ибн Асфар и Килкус ибн Хармис, чьим дедом по матери был Искандар ибн Дараб, а первым из царей Птолемеев (мулук-и Баталиса) был Батламийус ибн Лагус, а первым из кесарей был Агтус ибн Аскалийус, а из царей Второго Рума – современник Обитателей Пещеры[115] (асхаб-и кахф) Дакйанус [ибн] Кафарманус[116]. В ту счастливую пору, когда сурьма [из] драгоценных каменьев земли под ногами Пророка конца времен озаряла светом очи уммы, глава подпоясавшихся зуннаром[117] [из] областей Рума, второй строитель Константинополя Харкил[118] был в числе султанов-кесарей, а Джалут[119], бывший убийцей тиранов во времена царей сыновей Израи-

[108] Лухрасп – в иранской мифологии легендарный царь из династии Киянидов, преемник Кей-Хосрова.

[109] По-видимому, имеется в виду Огуз-хан, легендарный прародитель тюрков-огузов, который фигурирует в фольклоре турок, азербайджанцев и туркмен.

[110] Этот персонаж может быть связан с образом Гермеса Трисмегиста, который фигурировал в сочинениях некоторых мусульманских авторов как царь или пророк, иногда также отождествляемый с пророком Идрисом.

[111] Никомедия – древнегреческий город в Малой Азии на территории современного города Измит в Турции, центр исторической области Вифиния и первая столица византийского императора Константина Великого.

[112] Это название использовалось в отношении как Рима, так и Константинополя.

[113] Принятое у турок-османов название Рима и европейских стран в целом как предмета их многовековых устремлений и конечной цели их завоевательных походов в западном направлении.

[114] Малый Рим (Румийе-и Сугра) – принятое в османской литературе обозначение региона, включавшего города Сивас, Амасья и Токат.

[115] Обитатели Пещеры (Асхаб ал-Кахф) – молодые люди, которые упоминаются в коранической суре «Ал-Кахф» («Пещера»). Согласно Корану, они спрятались в пещере, чтобы уберечь свою веру, и проспали там 309 лет. В христианской традиции им соответствуют Семь отроков Эфесских.

[116] Деций Траян – римский император, правивший в 249–251 гг.

[117] Зуннар – пояс, который были обязаны носить христиане и иудеи в средневековых мусульманских государствах.

[118] Ираклий I (ум. 641) – византийский император, правивший в 610–641 гг.

[119] Джалут – предводитель племени амаликитов, который упоминается в Коране и отождествляется с библейским Голиафом.

левых, входил в круг амаликитских царей, и из-за множества разногласий по поводу местоположения их резиденции и времени их правления, [нам] показалось более уместным и подходящим воздержаться от письма и освободить перо от возражения против предпочтения [одного в пользу другого] без [наличия] предпочтительного [мнения] (тарджих-и биламурадджах). То, что у картографов мира определяется как земли Ирана, который является одним из семи корневых климатов, включает в себя области Армении, персидский Ирак (‘Ирак-и ‘Аджам), Фарс, Синд и Хорасан, а в области Турана записывают [земли] эфталитов (араб. хайатила), Туркистан, Ибир, Сибир, Булгар и Хазар. Земли славян (сакалиба), русов, Франция (Фарангистан), Венгрия и Рум вместе называются Йунан-замин (перс. «греческая земля»), а земли Магриба на картах и в книгах принято [называть] Берберскими землями, Египтом, Суданом и Эфиопией (Хабаша), а Аравия ограничивается землями Хиджаза, Тихамы, Йемена, ‘Аруда и Неджда, области Вавилона включают в себя Арабский Ирак, Джазиру и Шам, а климат Индии приобрел славу благодаря названию земель Джузарата (Гуджарат – примеч. пер.) и Минибара (Малабар – примеч. пер.). Во времена, прошедшие между падением Адама, Отца человечества, и временем хиджры Заступника [на площади] сбора (пророка Мухаммада – примеч. пер.), имели место разногласия между передатчиками [преданий], а поскольку упоминание и подробный рассказ о них приведет к преумножению разделов [книги], будет взято наиболее известное мнение пишущих правду историков, и по этой причине будет написано, что на две тысячи двести сорок второй [год] после изгнания [Адама] произошел потоп Нуха, на тысяча сто двадцать первый [год] после этого – кострище Намруда, на четыреста шестьдесят пятый [год] после этого – потопление Фир‘ауна[120], на тысяча сто тридцать шестой [год] после этого – рождение Христа (Масих), мир ему, на пятисотый [год] после этого появилась кибла пророчества, и произошла гибель Воинства слона (асхаб-и фил), считающаяся [одним] из предзнаменований [появления на свет] Пророка конца времен, и в тот преисполненный счастья год, ночью в понедельник месяца раби‘ ал-ула, предводитель каравана пророков Достопочтенный Мухаммад Мустафа, *да будет ему самое достойное приветствие утром и вечером*, почтил мир бытия [своим появлением на свет], и на сорок первый год после того, как сти-

[120] Фир‘аун (араб. «фараон») – коранический персонаж, царь, при котором жил пророк Муса (Моисей). Он погиб вместе с войском в водах Красного моря во время преследования Мусы и его народа, для которых Аллах совершил чудо, заставив расступиться водную толщу и позволив им пройти по морскому дну.

хия низкой земли [под его ногами] стала предметом зависти светил верхнего небосвода, начиная с первых дней [месяца] раби‘ ал-аввал и на протяжении всех [последующих] шести месяцев праведные сновидения, которые являются предпосылками [Божественного] откровения, отражались в сверкающем зеркале его чистого сердца, а на семнадцатый день месяца поста (рамадан – примеч. пер.) в пещере на горе Хира Величайший Наперсник (намус-и акбар = ангел Джабра’ил – примеч. пер.) явил в зерцале светлейшего взора [Пророка] тягостное [для него] сообщение: «*Читай [откровение] во имя Господа твоего, который сотворил [все создания]*»[121], на десятый год [после] того, как [Аллах] запечатлел его изящное ожерелье вплоть до последнего айата на скрижали памяти Достопочтенного Неграмотного Пророка из Тихамы[122] (пророка Мухаммада – примеч. пер.), показала лик проявления вера народа джиннов, несмотря на разногласия между передатчиками [преданий], на благополучно окончившийся двенадцатый год благородных лет посланнической миссии (би‘сат) между Саффой и Марвой[123], в доме Умм Хани[124], *да будет доволен ей Аллах*[125], в бодрствующем состоянии [он] достиг стоянки «*на расстоянии двух луков или даже ближе*» (каба кайсайн ау адна)[126] и сподобился созерцания лика [Божьего] очами сердца и тела, и на тринадцатый год пророческой миссии, в первый день [месяца] раби‘ ал-ула, по велению Властелина Всеведущего, изволил повернуть узды отправления в сторону Обители Покоя (Дар ас-Сакина) Медины, а на двенадцатый день указанного месяца победоносное знамя солнцеподобного мира засияло в племени ‘Амра ибн ‘Ауфа ан-Наджари[127] из окрестностей

---

[121] Коран, 96:1.

[122] Западное побережье Аравийского полуострова и прилегающие к нему территории, на которых располагалась в том числе и Мекка.

[123] Название холмов в Мекке, расположенных возле Каабы.

[124] Умм Хани (Фахита ибн Аби Талиб, ум. 661) – двоюродная сестра и сподвижница пророка Мухаммада. Согласно преданию, именно в ее доме состоялось одно из главных событий пророческой миссии Мухаммада – его ночное путешествие в Иерусалим (исра’) и вознесение на небеса (ми‘радж).

[125] После упоминания имен сподвижников пророка Мухаммада используется формула, содержащая пожелание довольство Аллаха.

[126] Коран, 53:9.

[127] ‘Амр ибн ‘Ауф ал-Ансари – сподвижник пророка Мухаммада, который принадлежал к мединскому племени Бану Наджар, но родился и вырос в Мекке. В квартале племени Бану Наджар в Медине пророк Мухаммад поселился, когда совершил переселение (хиджра) из Мекки в Медину.

квартала Куба[128] и [на протяжении] четырнадцати дней расстелил подол покоя, а когда утром почтенного дня пятницы [он] изволил погнать скакуна своего устремления к самой Медине, и тень его украшающего мир знамени стала для жилищ Бани Салим ибн ‘Ауфа[129] лучшей заменой тени крыла [птицы] Хума[130], [они] вместе с полной сотней почтенных сподвижников изволили совершить пятничную молитву в долине под названием Зану[131]. На двенадцатый год [после] того, как он отпечатком стопы своего счастливого переселения сделал благословенную местность Медины предметом зависти Сада Пристанища (джаннат алма’ва)[132], он изволил [совершить] прощальный хадж и проявить усердие и старание [на пути] ислама, на двенадцатый год, двадцать восьмого дня [месяца] сафар на розовом лепестке его утонченной натуры возникло некоторого рода изменение, [и] согласно наиболее известному преданию, на двенадцатый день месяца раби‘ ал-ула, когда количество лет его преисполнявшейся благодатью жизни достигло шестидесяти трех, озарявшее мир солнце Печати Пророчества вернулось в предел высшего рая, и священная душа Пророка возвратилась на свою изначальную Родину, после чего в благополучные времена заслуженно и по праву [называемых] праведными халифов, *да будет доволен Всевышний Аллах всеми ими*, Достопочтенных Абу Бакра ас-Сиддика, ‘Умара ал-Фарука, ‘Усмана Зи-н-Нурайна и ‘Али ибн Абу Талиба[133], большая благоустроенная часть населенной четверти была озарена светом лучей [от] каменьев [на] мечах воителей [ислама] и украшена их счастливыми стопами, и большая часть стран мира стала местом преклонения [к земле] лбов уммы Лучшего из людей (хайр ал-башар) (пророка Мухаммада – примеч. пер.), а затем по приговору и предопределению высокосводчатого суда

[128] Куба – деревня в окрестностях Медины, где пророк Мухаммад на несколько дней остановился во время хиджры, прежде чем войти в город.

[129] Салим ибн ‘Ауф – сподвижник пророка Мухаммада из мединского племени Аус.

[130] Хума – название волшебной птицы в мифологии иранских и некоторых тюркомусульманских народов.

[131] По всей видимости, имеется в виду долина Вади Рануна’ (Ранун), расположенная по пути из Кубы в Медину. Именно там пророк Мухаммад прочитал вместе с мухаджирами первую пятничную молитву.

[132] Одна из ступеней рая, упоминаемая в Коране: «Для тех, которые уверовали и совершали праведные деяния, Сады пристанища станут угощением за то, что они совершили» (Коран, 32:19).

[133] Имена первых четырех халифов, правивших мусульманами после смерти пророка Мухаммада, которые получили в мусульманской традиции именование «праведных халифов» (хулафа’ ар-рашидун).

[хадиса] «*халифат после меня будет тридцать лет, а затем будет тираничное царство*» (ал-хилафа мин ба‘ди саласуна сана сумма такуну мулкан ‘адудан), величественная парча халифата сменилась на обычные одежды эмирата, и ей на смену пришли праведные и злые [правители] Бани Умаййя (Омейяды – примеч. пер.), примерно в сто тридцать восьмом году хиджры (755–756 гг. – примеч. пер.) черный тюрбан Аббасидов сменился на украшенный золотыми нитями шахский венец, в двести двадцатом году (835 г. – примеч. пер.) между их государственными мужами возникли беспорядки, в их суждения и решения проникли усталость и утомление, из-за чего настрой [четырех] стихий (устукуссат) [в] их обществе был нарушен, и природные свойства наместников четырех сторон [света] вступили в противоречие [друг с другом], повсюду появились выступления и мятежи, и когда в Хиджазе стали притязать на власть и независимость шарифы[134] Бани Ахифар[135], в Йемене – Бани Зийад[136], в Египте – Фатимиды, в Магрибе – Мултамиды[137], в Андалусии – Суфахаджийа[138], в Сиджистане – Саффариды, в Мавераннахре – Саманиды, в Табаристане – Дейлемиды, в Забулистане – Газнавиды, в Туркистане – тюркские хаканы, появились цари Сельджукиды, которые овладели большинство указанных народов, покорили некоторые области Туркистана , весь Хорезм, Мавераннахр, Иран, Рум и Шам, обеспечив согласие Аббасидов путем передачи им лишь Арабского Ирака. В последующем эмиры и наместники, подражавшие Сельджукидским царям, в большинстве своем [проявили] строптивость и вышли из подчинения, и в дни, когда они, не удовлетворившись званием представителей (вакил) [халифа], вознеслись на вершину высокомерия и самоуправства – примерно в пятьсот девяносто девятом году (1203–1204 гг. – примеч. пер.) – возбуждающий смуту Чингиз, который рассыпал искры Боже-

[134] Шариф – принятое в мусульманской традиции обозначение потомков внука пророка Мухаммада, Хасана ибн Аби Талиба, в том числе потомственных правителей Мекки в X–XX вв.

[135] По-видимому, искаженное написание имени первого шарифа Мекки Джа‘фара ибн Мухаммада ал-Хасани, правившего в 967–981 гг.

[136] Зиядиды (Бану Зийад) – династия правителей Йемена в 818–1018 годах, формально признававших власть аббасидских халифов.

[137] Вероятно, имеются в виду Рустамиды – династия ибадитских имамов персидского происхождения, правившая в 778–909 гг. на территории современного Алжира.

[138] Искаженное написание названия союза берберских племен Санхаджи в Северной Африке, представители которого вошли в состав братства Альморавидов, захвативших территории Испании в 1084–1110 гг.

ственного гнева, поднял знамя несправедливости и нечестия и завоевал большую часть стран мира.

О Турке ибн Йафисе ибн Нухе, мир ему!

Было упомянуто о том, что предмет листов с нашими сбивчивыми речениями, неразборчиво записанными нашим нищенским пером, касается знаменитых султанов Востока. Поскольку [мнение] о том, что кровожадный Чингиз и остальные тюркские цари восходят к Достопочтенному Турку ибн Йафису ибн Нуху, мир ему, обладает степенью очевидности, было решено упомянуть об отцах и дедах султанов из рода Йафиса. После того, как Нух, Спаситель Божий, пристал к берегу безопасности, расположился на земле Джуди, чтобы несколько дней провести в укромном уголке благополучия, и окончил [строительство] Сук ас-Саманина[139], благодаря доле и дару из сокровищницы Творца и помощи скрытого мудрого замысла Господа рабов на поверхности [земли] и наверху Йафис положил на хранение в свой сундук защиты и безопасности почитаемый камень с начертанным и запечатленным на нем Величайшим Именем[140] [Аллаха] (исм-и а‘зам), предназначенный для того, чтобы при необходимости вызывать дождь милости [Божьей], который на персидском языке называется Санг-и Йада, а на тюркском – Джада-Таш[141], определив его для устроения дел последователей религии в восточном и северном краю. Благодаря благодати почитаемого камня жители того места, на которое он отбросил тень своего пребывания, были наделены различными славными благами, и из блистательного семени того пречистого лица одарили красотою явный мир (‘алам-и шухуд) одиннадцать счастливых чад по имени Турк, Чин, Минсак, Камари, Саклаб, Халадж, Хазаз (Хазар – примеч. пер.), Рус, Садистан и Гуз, а поскольку Турк ибн Йафис был самым старшим и большим из всех, он сел на отцовский трон. Будучи знаменитым под прозваниями Йафис-Оглан, что означает Ибн Йафис (сын Йафиса – примеч. пер.), и Абулджай-

[139] Сук-Саманин (араб. «рынок восьмидесяти») – упоминаемое в мусульманских преданиях название первого поселения, основанного пророком Нухом и его восьмьюдесятью попутчиками после высадки на горе Джуди.

[140] Упоминаемое в мусульманских преданиях тайное имя Аллаха, известное только пророкам, которые могли совершать с его помощью чудеса.

[141] Камень Йада (перс. سنگ یده, тур. Yada taşı) – волшебный камень в мифологии тюркских народов, который использовался для вызывания дождя.

хан[142], он возглавлял государство на протяжении восьмидесяти лет и ступил в царство загробной жизни в эпоху Кайумарса. [Он] создал семью в восточном и северном краю, в местности под названием Саланкари или Сайлук[143], а некоторое время спустя расположился жилищем в землях Чагатая, Ибира, Сибири, Булгара и Дашта[144], став учителем и примером для подражания среди людей той страны в ремесле [строительства] домов из дерева, растений, золы, [изготовления] юрт (харгах), головных уборов из кожи животных и кафтанов, а также вождем и предводителем тюркских царей в способах правления. Когда упомянутый Турк, удостоенный пяти благородных сыновей по имени Тутак, Манджана, Чигил, Барскан и Илак[145], оставил скверну [этого] мира, его преемник Манджана возглавлял государство пятьдесят два года, а когда и он направился в долину небытия, делами султаната распоряжался Алынджа ибн Гуйук ибн Манджана[146], [живший] в эпоху Хушанга, и поскольку его прозванием было Туркан, посредством искажения или словообразования земли и области, которыми он правил, прославились и обрели известность под именем Туран. Также, когда у нечестивого и уродливого телом сына Алынджи Кара-хана[147], которому предстояло отправиться на пир бытия, во время исполнения ложных заповедей зороастрийцев на протяжении ста семидесяти лет, в пору его недостойных благодарности усилий, когда по велению Царя Всеведущего, [который]

[142] Булджа (Абулджа, Амулджа, Олджа) – легендарный правитель и общий предок тюркских и монгольских народов в мифологии тюрков-огузов.

[143] Это название упоминается у средневековых мусульманских авторов в качестве места поселения Турка ибн Йафиса. По-видимому, восходит к тюркскому названию реки Селенга.

[144] Дешти-Кипчак – принятое в мусульманской литературе обозначение обширного региона евразийских степей, населенных тюрками-кочевниками, особенно западной части, которая в XIII в. находилась под властью ханов Золотой Орды.

[145] Эти имена в разных вариациях упоминаются в сочинениях средневековых мусульманских историков и имеют прямые ассоциации с названиями городов Караханидского каганата (X–XII века): Чигиль (в Таласе), Барсхан (район Иссык-Куля), Тутук (тж. Тон/Тункат, в районе Иссык-Куля), Илак (Ферганская долина). Имя Манджана, по-видимому, представляет собой одну из вариаций имени легендарного правителя и родоначальника монголов Мугал (Мунах), который в фольклоре эвенков фигурирует под именем Монгнон/Монгно.

[146] Аланча/Аланчи-хан (сын Кёк-хана) – еще один легендарный персонаж, упоминаемый в фольклоре степных тюркских народов и имеющий, по-видимому, монгольское происхождение.

[147] Кара-хан – имя древнего правителя, которое фигурирует в мифологии тюрков-огузов и других тюркских народов. В разных вариантах рассматривался то как внук Булджа-хана (сын Диб-Йабгу), то как сын Мугал-хана, то как сын Аланчи-хана.

«*творит живое из мертвого и творит мертвое из живого*»[148], благоухающий жасмином кипарис благости, появившийся из сада Его высочайшего рая (фирдаус ал-а'ла) благодаря Каусаровой[149] воде единобожия отбросил тень на мир бытия, трое суток не желал касаться губами молока кормилицы, его целомудренная родительница узрела в зеркале подзорной трубы праведного сновидения, как зеница ее ока сказала: «О моя нежная мать! Пока хрустальная чаша твоего сердца не наполнится до краев амброзией правдивости и веры, а украшенная драгоценными каменьями шкатулка твоего рта – признанием единства Бога, будет невозможно ввести в рот твой расточающий молоко сад», она испробовала на вкус мед [Божественного] руководства, и когда тому льву [в] лесу веры исполнился один год благодаря ее сладкому и дозволенному молоку, и его злосчастный отец, согласно принятому у монгольского народа обычаю, вошел в его опочивальню, которая была раковиной для царской жемчужины, чтобы провести имянаречение ребенка, в соответствии со смыслом бейта:

بحسن رخش هر که کردی نگه
شدی خورد در چشم او مهر و مه

«Кто бы ни посмотрел на красоту его ланит,
Стали мелкими в его глазах солнце и луна»,

Узрев лучистое лицо счастливого чада, пришел в восторг и радость, и когда, после проведения праздника и пиршества по случаю [этой] радости, [он] бросил жребий имянаречения высокопоставленного чада, в соответствии со смыслом бейта:

یکی ساله طفل اندر آمد سخن
که باید نهادن اوغوز نام من

«Годовалый ребенок заговорил
О том, что нужно назвать его Огузом[150]»[151],

он стал двигать губами в ответ, когда определялось его имя, и тогда, в соответствии со звучанием бейта:

چو مردم شنیدند گفتار او
تعجب نمودند در کار او

«Когда люди услыхали его слова,
Подчинились они велению его»,

---

[148] Коран, 30:19.

[149] Каусар – название реки или водоема, принадлежащего пророку Мухаммаду, возле которого в Судный день соберутся мусульмане.

[150] Огуз-хан – легендарный правитель и родоначальник тюрков-огузов.

[151] Этот бейт приводится в «Раудат ас-сафа'» Мирхонда.

они приложили палец к губам [в знак] удивления и задержали дыхание от изумления и ошеломления. Когда та плодоносная пальма проницательности [из утопающего в] садах дворца разума достигла зрелости, Кара-хан вкусил наслаждения от белого меда пчелы пополнения рода и, пожелав достичь высокой степени деда, выдал [за него] замуж дочь своего дяди Гюн-хана[152]. Дочь указанного хана не стала надевать на себя ожерелье веры, у Огуз-хана не было симпатии к привыкшей к неверию невесте, и его родитель проявил предусмотрительность, завёл в баню [любовного] соединения восхитительную дочь, вышедшую из огненного святилища семени другого его дяди – Азар-хана[153], и они отпраздновали и отметили новогодние торжества. Поскольку и ее черное сердце не озарилось светом от сияющего светильника единобожия, он не возложил голову на подушку отдохновения в темной обители близости с ней, осиротевший и бедный юноша посчитал, что раз уж повелся обычай отрезать мускусный мешок благодеяний рукой старания и усердия, с соображением и мыслью о том, чтобы изловить и приручить быстроногую газель с мускусным мешком сообразно его положению и степени, было бы нелишне направить зрачок рассмотрения и розысков на окрестности. Однажды, проходя по берегу речки среди прачек, он повстречался с прелестной дочерью другого дяди, Аваз-хана[154], которая была сладкоречивым попугаем, и узрел на ее сияющем челе свет веры, так что, когда, в соответствии со смыслом мисра‘:

Seni tutdı güzeller içre gözüm

«Тебя приметили среди красавиц мои глаза», сделал [ей] знак глазами о [намерении] познакомиться и призвал ее на арабском языке [к вере], сказав: «Если ты бросишь в выгребную яму исчезновения и отринешь религию твоего непутевого отца, являющую пример отбросов железа и меди, и включишь в сокровищницу своего принятия бесподобный самоцвет веры, я [возложу] на тебя украшенный каменьями венец су-

[152] Гюн/Кюн-хан – персонаж тюркской мифологии, который, обычно, фигурирует в качестве одного из сыновей Огуз-хана. В некоторых изводах эпоса «Огуз-наме» это имя носит также один из братьев Кара-хана.

[153] Это имя не упоминается ни в одной из версий «Огуз-наме». Вероятно, является искаженным написанием имени Кюз/Кюр/Гюр-хан. Автор сочинения, судя по всему, увязывает его с персидским словом «азар» (آذر), одним из значений которого является «огонь», а также, вероятно, с регионом Азербайджан, название которого также восходит к этому персидскому слову (на что указывает использованная им метафора с огненным святилищем: âteşgede).

[154] По-видимому, искаженное написание имени Ор-хана, брата Кара-хана (согласно одному из вариантов эпоса «Огуз-наме»).

пружества и [одену] в златотканый шелковый кафтан бракосочетания на зависть райским павлинам», [она] озарилась и сподобилась пользы света солнца наставления и увещевания, прочитав стихотворение:

چو بشنید زن گفتهٔ فرخش
چنین داد از زیر لب پاسخش
که فرمانبرم چون شوم آن تو
نه پیچم سر از امر و فرمان تو

«Когда услыхала женщина слова его благословенные,
Дала она ему шепотом такой ответ:
Подчинюсь я тебе, когда стану твоей,
Не буду уклоняться от повелений и приказов твоих»,

и когда она вошла по предопределению Могущественного Господа в дворцовый гарем целомудренности, разгорелся огонь ревности дочери Азара вызванный увеличением [их] общения, и когда единственная жемчужина исламского единобожия, хранящаяся и содержащаяся в блистательном ларце сердца хана-единобожника, премного украсила округу, его неблагородный отец грохотом бейта:

چو از دین و آیین ما سر کشید
بباید سرشرا بخنجر برید

«Поскольку отказался он от нашей религии и обычаев,
Следует ему голову отрезать кинжалом»,

твердо решил казнить дорогое чадо, а Огуз-хан, в свою очередь, бродил по пустыне беспечности с охотничьими путами, после чего целомудренная дочь Аваза, дабы освободить высоко парящего сокола своего супруга и предупредить [от опасности] железных лап злонамеренного коршуна злобного врага, отправила почтового голубя с вестью, и Огуз-хан под Давудовым щитом[155] терпения и выдержки – «*и укрепи наши стопы, и дай нам победу над неверными*»[156] – стал вместе со своим ведущим к победе войском дожидаться прихода помощи победы от Аллаха (насрун мин Аллах)[157]. Вдруг,

Бейт:

دو لشکر چنان درهم آمیختند
که از آتش آهن فرو ریختند

[155] «Щит Давида» – одно из названий гексограммы, использовавшейся на Ближнем Востоке в качестве защитного символа, в том числе при изготовлении амулетов и талисманов.

[156] Коран, 2:250.

[157] Аллюзия на коранический айат: «Будет еще то, что вы любите: помощь от Аллаха и близкая победа. Сообщи же благую весть верующим!» (Коран,).

«Два войска так сцепились друг с другом,
Что из огня железо отливали»[158],

и когда в [этом] побоище эхо звуков булавы, [подобной] горе Албурз[159], и отзвуки безжалостного и высекающего огонь клинка зазвенели над куполом железного небосвода, ветер победоносного дуновения овеял знамена Огуз-хана известием «*Истина возвышается, и ничто не возвышается над ней*» (ал-хакк йа‘лу ва ла йу‘ла)[160], и тогда прославленный своим беззаконием Кара-хан и большая часть [его] отмеченного заблуждением войска провалились на [самые низшие] уровни обители небытия, оставшиеся мечи – «*люди придерживаются религии своих царей*» (аннас ‘ала дини мулукихим)[161] – выстроились в стройные и упорядоченные ряды перед судом единобожия и веры, и в ту пору, когда Огуз-хан пером перечеркнул страницы ложных религий и на протяжении двадцати лет восседал на троне единичности и независимости в мансарде великолепия и удачи, родственники Огуза, нравом [своим напоминавшие] скорпионов с отрезанными хвостами, потеряли надежду и отчаялись нанести [ему] ущерб, в надежде на отмщение направились в змеиную нору страны Чин, признанный хакан без [всякой] причины для вражды,

Бейт:
همه پیل تن لیک لشکر شکن
همه شیر دل لیک جوشن گسل
«Все исполины, но [он] громит войска,
Все храбрые, но [он] пробивает доспехи»,

с бесчисленным татарским воинством отправились на битву, и Огуз-хан с небольшим отрядом храбрецов построились в ряды для битвы, их драконоподобные мечи не успели появиться из логова ножен, как

---

[158] Подражание бейту из «Шахнаме» Фердоуси:
به شمشیر هندي برآویختند
همي ز آهن آتش فرو ریختند
«Ухватились за индийские мечи, высекали из железа огонь».

[159] Албурз – мифическая гора или горная система, упоминаемая в средневековой персидской литературе и восходящая к авестийской горе Хара-Березайти.

[160] Арабский афоризм, который представляет собой парафраз высказывания пророка Мухаммада:
الإسلامُ يَعلُو و لا يُعلى
«Ислам возвышен, и ничто не возвышается над ним» (Сахих ал-Бухари. Ал-Джана’из, хадис 79).

[161] Арабская пословица, которая часто приводится мусульманскими авторами как изречение пророка Мухаммада, однако не содержится в наиболее авторитетных сборниках хадисов.

благодаря тому, что змеями и муравьями неприятелей овладел запах опиума страха и боязни, каждый [из них] сбежал ради спасения себя в нору [следования изречению] «*кто спас свою голову, тот оказался в выигрыше*»[162] (ман наджа би-ра'сихи факад рабаха), так что удалось соединиться с исключительной невестой страны Чин (Китай – примеч. пер.), не потратив звонкой монеты сражения. После этого в их распоряжение перешли страны Хазаз (Хазар – примеч. пер.), часть Хиндистана, области Рус и Сакалиба[163], Йунан и Франгистан, была одержана победа над Первым Румом, и когда на протяжении девяти месяцев они перебрасывались жребием стрел и наконечников копий с Даххаком, доброе предзнаменование и победа выпали на имя Огуз-хана, [он] сделал реку Джайхун (Амударья – примеч. пер.) разделительной чертой между Ираном и Тураном, включил эфталитские области (билад-и Хайатила) в Туран, преградил победоносной десницей мира дверь войны и закрыл пробоину вражды, и в то время, когда он, желая включить все области Индии (Хинд) в свои владения, отправился в ту сторону, он проехал на скакуне естественной смерти в области загробного мира, а когда сыновья (потомки – примеч. пер.) Огуза, Йылдуз ибн Ай[164], Менгли-хан ибн Йылдуз и Тенгиз-хан[165], прозванный именем Ильхан[166], осветили солнцем справедливости страну Туран, бедняки и подданные пользовались благами безопасности и спокойствия, по прошествии полных тысячи [лет] после кончины Огуз-хана, проявившиеся на распростершихся просторах мира отвратительные образы притеснений и мятежей привели к появлению губительной формы слабости мужчин, отчего большую часть стран в мире завоевал Фаридун-шах[167], определив область Туран своему сыну Туру, и тогда разного рода нечестия и волнения, непрерывно исходившие от монгольского народа, привели к волнению моря гнева [и] ярости Всепрощающего Господа, и когда посредством клинка и стрелы выкорчевывания корня Тура пять деревьев его потомства были срублены и уничтожены, два несовершеннолетних молодца из рода Ильхана по

---

[162] Арабская пословица.

[163] Рус и Саклаб – территории расселения славян и финно-угров в Восточной Европе.

[164] Йылдыз-хан – персонаж эпоса «Огуз-наме», сын Огуз-хана, рожденный небесной девой, которую ему послал Кёк-Тенгри.

[165] Имена этих мифических правителей упоминаются в «Шаджара-и таракима» Абу-л-Гази.

[166] Тенгиз-хан и Иль-хан упоминаются в «Шаджара-и таракима» Абу-л-Гази как разные правители.

[167] Фаридун – персонаж эпоса «Шахнаме», древнеиранский царь из мифической династии Пишдадидов, образ которого восходит к авестийскому Траэтоне.

имени Кийат и Тенгиз[168] скрылись среди убитых и благодаря руководству звезды, [светившей] в кромешной ночи, бежали на гору Арганакун[169]. Хотя подножие указанной горы было, подобно карману и кошельку банкрота, [лишенному] злата и серебра, лишено милости воды и травы, а также воздуха теплого ветра, но ее нутро и вершина, как сказано в стихотворении:

یک کوه نیکو گران مایهٔ
تو گفتی که بود از فلک پایهٔ
برونش خدا آفریده چنان
درونش زآب و علف چون جنان

«Гора хорошая [и] драгоценная.
Ты говорил, что является [она] основанием небосвода.
Снаружи сотворил ее Аллах такой,
А внутри подобна она водой и травой [своей] райским садам»,

украшены и полны разнообразными деревьями и разноцветными вычурными цветами, родниками и источниками, а по краям и вокруг нее – обработанный гранитный камень, и из-за построенной десницею мощи Творца, крепкой и возведенной чужеземцами стены ее назвали словом, состоящим из «кун», что означает на языке монгольского народа «пояс», и «аргана», что означает «крепкий» и «прочный». Четверо слабых характером мужчин и женщин с животной ненасытностью совокупились друг с другом и исправили положение браком, породив, подобно четырем стихиям (‘анасир-и арба‘а), порождения вселенной (мавалид-и ка’инат), и став отцами и матерями (аба ва уммахат)[170]. Согласно, наиболее расхожим словам историков, на протяжении семисот лет в силу обильного деторождения и множества людей и племен в той местности стало невозможно поместиться [населению, и они] загорелись желанием [вернуться] на земли своей изначальной родины, о которой [знали] благодаря устным свидетельствам, рассказам и единогласному мнению (идж-

[168] Эти два персонажа упоминаются в «Джами‘ ат-таварих» Рашид ад-дина и «Шаджара-и таракима» Абу-л-Гази как Кийан и Нагус (Нукуз). Рассматриваются как прародители двух древнейших монгольских племен или родов – киятов (монг. хиад) и нукузов (монг. нохой).

[169] Эргунэ-кун (совр. тур. Ergenekon) – мифическая местность, окруженная со всех сторон горами, в которой укрылись от врагов семьи прародителей монголов Нукуза и Кийана.

[170] «Порождениями» (мавалид) в представлении средневековых мусульманских философов являются три царства (животные, растения и минералы), которые были порождены так называемыми «высшими отцами» (аба’ ал-‘улвийа) и «матерями» (уммахат ал-арба‘а), то есть небесными сферами и четырьмя стихиями.

ма’), и во время отправления в страну широких просторов Туркистан серьезной преградой на пути отправления и отъезда стали рудники меди и железа на краю горы, подобные величественной стене, из-за чего разумники [того] времени создали из трехсот-пятисот мехов из шкур онагров придуманное ими устройство-насос, и при переправке топлива и угля воспользовались искусством подъема тяжестей, и, когда [они] вознамерились идти на звук насоса [пословицы] «*усердие мужей сворачивает горы*» (химмат ар-риджал такла‘у-л-джибал), [в соответствии со] стихотворением:

دميدند دمها بران سانكه دود
سيه كرد خرگاه چرخ كبود
چو آتش زياد اندر آمد بتاب
روان گشت بر خاک آهن چو آب

«Подули они в него так, что дым
Черным сделал шатёр голубого небосвода.
Когда огонь сильно разгорелся,
Потекло по земле железо, словно вода»,

и разожгли пылающий костер, железный рудник расплавился, а когда они спустились с вершины горы вместе с обществами бесчисленного множества людей, одеяния и платья давней вражды, оставшейся от предков, были вновь заплатаны иглой сатанинского подстрекательства, и когда они мечом гнева и устрашения разрезали и содрали одеяние жизни с большого количества людей из рода татар и туркмен, непременно, благодаря писанию с мольбой о посредничестве (тавассул-нама) стихотворения:

به پيش مغول باشد اندر حساب
كه دارد بايشان دو قوم انتساب

«Считается среди монголов,
Что состоят с ними в родстве два народа»,

их включили в круг монгольского рода, освободив ворот рубашки их жизни из рук вражеских поджогов и разорений. До сих пор исход монгольского народа из указанной горы [они] по прибытии [оттуда] называют праздником Дам[171] (перс. праздник отдыха – примеч. пер.), вкушая [в этот день], подобный персидскому Наврузу, веселье и отдых.

[171] По-видимому, имеется в виду монгольский праздник Наадам, в честь которого проводятся состязания по борьбе, скачкам и стрельбе из лука.

О старых местах [обитания] монголов и причине их наречения этим именем, а также их подразделениях

Оттого, что указанный народ стал бессильным и немощным под [ударами] молота невзгод искоренения и копий бедствий сражения, они назвались словом «могол», состоящим из «монг», что на их языке означает «испытавший несчастия» и «ол», что означает «народ и племя». Основное местоположение и родина указанных [людей], а также конечное место, которое они облюбовали, располагаются на востоке: ее северная [часть] граничит с южной частью областей Киркиз[172] и Салангай (Селенга – примеч. пер.), ее южная [часть] – с северной [частью] страны Тибет, восток – с западной [частью] страны Хитай[173], а запад – с восточной частью уйгурских земель, и состоит из нескольких областей и городов. Престол[ьным городом] их страны является Каракурум[174], а центром их провинций – область Алмалыг[175], а помимо этого Пишбалыг[176] и величественный город, называемый Ханбалыг[177], и в особенности Каракурум, называемый ими «улуг-йурт» (ханская ставка – примеч. пер.), который имеет сорок ворот и является обширным пространством, протяженность окружности которого составляет восемь часов, и [сама] суть существования некоторых из указанных областей была скрыта под прахом небытия из-за явления мощного ветра вражеского войска, всё бытие (букв. «акциденция и субстанция», ‘арад ва зат – примеч. пер.) и строение некоторых из них погрузились из-за высшего рода (джинс-и ба‘ид)[178] бурного потока злонамеренного врага под воду утраты, а двери и врата некоторых из них все еще весьма нарядны благодаря украшающей города подвеске благоустройства и служат местообитанием и пристанищем для

[172] Район Хакасско-Минусинской котловины, в которой проживали енисейские кыргызы.

[173] Хитай – страна монголоязычного кочевого народа киданей, населявшего территорию современного северо-восточного Китая.

[174] Каракорум – город на территории центральной Монголии, в котором в 1235–1260 гг. располагалась ставка великих монгольских ханов.

[175] Алмалык – средневековый город на территории современной Жетысуской области на востоке Казахстана, в котором в XIII–XIV вв. располагалась столица Чагатайского улуса Монгольской империи.

[176] Бешбалык – средневековый тюркский город, развалины которого находятся на севере современного уезда Джимасар Синьцзян-Уйгурского автономного района в Китае.

[177] Ханбалык – монгольское название города Пекин, который в XII–XIII вв. сначала служил столицей чжурчжэньской империи Цзинь, а после монгольского нашествия в 1271–1368 гг. был резиденцией великих ханов.

[178] «Высший род» (лат. summum genus)–термин логики, обозначающий класс предметов, который содержит все другие классы этой системы.

общины калмуков[179]. Что касается разрядов жителей востока, то к ним относятся происходящие от сыновей Турка ибн Йафиса по имени Тутак, Чигил, Барскан и Илак племена татар, монголов, кереитов, найманов, уйгутов, тангутов, бакринов, кыргызов, джалаиров, меркитов, кирлутов, тургавутов, иратов, баргутов, тамкалыков, туласов, туматов, барлыков, харчинов, кермучинов, оршутов, кетминов, турманов, сакаитов и байша[180], которые благодаря родству с пресловутым Турком принадлежат к тюркам, а также происходящие от детей Ибн Йафиса – Чина, Минсака, Садистана, Камари и Хазаза – племена Хитая, Джурджи[181], Сирука, Кимйака[182], Бакшана, Булгара, Таса, Арласа и Аса, которые, в соответствии с именем [их] предка и границам страны, присоединились к общности тюрков. Народ Йаджудж и Маджудж[183] вышел из потомства Минсака, и его переход через преграду Сикандара[184] и разыскания [в тех землях] помешали [нам] протянуть [к ним] руку поисков и [добычи] сведений. Когда Тутак ибн Турк был занят приемом пищи в одном охотничьем угодье, то, побуждаемая ветром предопределения, его рука дрогнула, и кусок кебаба упал в солонку земли, так что вкус соли пришелся по душе Тутаку, и благодаря добавлению к материи снеди субстанции эликсира соли он внезапно стал мастером в занятии искусством извлечения пользы.

О том, как Огуз-хан дал именование своему народу

Да не останется втайне, что известным обычаем того народа было именование и раздача прозвищ бытийным сущностям, показавшимся на

---

[179] Калмук – тюркское название западных монголов.

[180] Перечислены народы монгольского происхождения (суниты, керлеуты, торгуты, уряуты, туматы, баруласы, харчины, кэрэмучины, бэсуты, дурбэны), тюркского происхождения (кыргызы), смешанного тюрко-монгольского происхождения (кереиты, найманы, онгуты, джалаиры, меркиты, баргуты, тамгалыки, туласы, урасуты, сакаиты), тибетского происхождения (тангуты), тунгусо-манчжурского происхождения (бекрины/мукри) и др.

[181] Джурджа/Джурджи – тюркское название тунгусо-манчжурского народа чжурчжэней, которые в X–XV веках населяли территорию Маньчжурии, Центрального и Северо-Восточного Китая, Приморья и Северной Кореи.

[182] По всей видимости, искаженная форма названия тюркоязычного кочевого народа кимак/имак, жившего в эпоху Тюркского каганата в Южной Сибири.

[183] Народ, упомянутый в Коране и мусульманских преданиях в связи с историей Зу-л-Карнайна и эсхатологическими событиями. Соответствует библейским Гогу и Магогу.

[184] Стена, возведенная, согласно мусульманскому преданию, Искандаром Зу-л-Карнайном для защиты его владений от народа Йаджудж и Маджудж. Стала популярным художественным образом в средневековой мусульманской литературе.

пиршестве проявления, на основе ближайшей связи, однако обходительная невеста письма и корреспонденции, именования и раздачи прозвищ вселенной хороших качеств не запятнала [своих] кос многословием и не осквернила себя запахом иносказания, метафоры и высокопарности слов персов и хиджазцев и благодаря воображаемой точке благоухающей мускусом родинки лаконичности разбила шатёр преграды [на пути] удлинения смысла, и оттого, что [она] была принята и заручилась доверием у малосознательных тюрков и монголов, письмоводителю (катиб) Чингиза однажды было велено написать письмо, и он расходовал звонкую монету старания и усердия, скопленную и запасенную им в сокровищнице своего здравого ума благодаря помощи товарищей пяти сил (кувва-и хамса)[185], и потратил сверкающие звезды света зрения и проницательности, чудом составив золотую страницу и поднеся драгоценный камень исполненного смысла письма кровожадному хану, а тот восседающий на троне кровопролития и лишенный жалости [правитель] раскрыл уста [для произнесения] гневной и яростной речи [и] сказал, что возвышение с помощью лестницы среброногого пера на пьедестал величия и счастья неопытного человека, скрывающиеся внутри запечатанных бумаг души которого печать любви и ласки, а также тамга ненависти и вражды еще не были нанесены на страницу зримого [мира], ведет к жестокости и дерзости, и передают, что он дерзнул жестоко и прилюдно отрубить голову обреченного судьбой [на смерть] ни в чем неповинного письмоводителя, словно [очинил] поломанное перо. Теперь, когда мольба из чудных и запылившихся [от древности] слов кажущегося ошибочным письма, написанного калмыкскими ханами на основе старых обычаев и неприемлемых слов, была извлечена и открыта кончиками сладкоречивого пера перевода, известно, что они наложили печать со словами: «Пусть они будут здоровы там, а мы – здесь. Оставшиеся наши слова препоручены языку посла». Короче говоря, в начале зари солнца султаната, когда Огуз-хан еще странствовал по путям наделения прозваниями и именования, установил для народа, вошедшего под сень подчинения ему, [название] Уйгур, образовав [его] от [слова] «подчиняющийся» (уйар), для тех, кто в дни непревзойденности и независимости был удостоен украшения приближенности и особого расположения, [установил название] Газна[186], ошибочно [образованное] от «хазинави» («относящийся к

[185] Пять человеческих чувств: зрение, осязание, вкус, слух и обоняние.

[186] Средневековый город на территории современного города Газни на юго-востоке Афганистана.

казне», «казначей» – примеч. пер.), сборищу крикливых людей, которое он своей покоряющей мир десницею включил в область сбора [дани] и покорения, [дал название] Маджурка, означающее на его собственном языке «собранный» (муджтама‘), [установил] для народа, которому было велено использовать грузовые телеги – прозвание Канглы, а также, поскольку одним из признанных обычаев было то, что жена и муж сидели вместе на носилках путешествия и сопровождали друг друга на средствах передвижения по морю и суше, с одной беременной женщиной в пути случились родовые схватки, и когда она, чтобы укрыть и спрятать себя [от посторонних глаз], разрешилась от бремени в дупле дерева, и ее голос был услышан милосердным Огуз-ханом, [он] со словами: «Твой муж не пожалел жизни и головы на пути подчинения нам» одарил женщину и ребенка царскими пожалованиями и назвал [его] в честь коры дерева Кыпчак.

Бейт:

كنون قوم قپچق را سر بسر
شمارند از نسل ان یک پسر

«Теперь народ кыпчаков, всех до единого,
Считают потомками этого мальчика»,

в соответствии с чем дети, внуки и подданных упомянутого мальчика называются и упоминаются под этим прозвищем. Короче говоря, после того, как Огуз-хан установил и определил по частям и главам имена и прозвания для закрепления единого направления помыслов многочисленных воинов, находившихся в пределах его государства, он [определил в качестве названия] воинов правого фланга, которых он отобрал как войско правой руки из народов канглы, кыпчак, карлук, хайладж[187], агаджари[188] и гузза[189], упоминаемых на старомонгольском языке под именем Пуранфар[190], по его выражению – Бозок[191], а для левого фланга, располагавшегося по левую руку от него, который был известен на языке [этого] народа как Дживанкар[192], одобрил название Учок[193], и разделил

[187] Халаджи.
[188] Акациры.
[189] Гузы или огузы.
[190] Барунгар (от монг. баруун гар, «правая рука») – принятое в военно-административном делении Монгольской империи обозначение правого крыла монгольского войска или западной части монгольского улуса, противоположная части джунгар («левая рука»).
[191] Бозок – название одной из двух ветвей огузов (согласно эпосу «Огуз-наме»), представляющей собой союз из двенадцати «небесных» племён.
[192] Джунгар (от монг. зүүн гар, «левая рука») – обозначение левого крыла монгольского войска или восточной части улуса.

род Бозок по названиям Байындыр, Бечене, Джавулдур, Чепин, Салур, Огур, Алайундлы, Урегир, Нигдир, Бугруз, Кастак и Бенев[194], из которых каждого счел самостоятельным племенем, и среди тюрков они прославились как тридцать два связанных иля (otuz iki bağlu il) и стали причиной гордости для указанного народа. Когда Огуз-хан повернул поводья возвращения из победоносного похода на Иран, племена Карлук, Хайладж и Агаджари, которых он оставил в областях эфталитов и в Туркистане, были названы «туркман», что означает «тюрки, оставшиеся по ошибке». Благодаря тому, что между семейством Татар и домом Могол была взаимопомощь и согласие в путешествиях и оседлой жизни, большинство тюрков стали называть монголами и татарами. После того, как Тур ибн Фаридун, по предопределению Бесподобного Всемогущего, бросил народ монголов в колодец искоренения, солнце их удачи зашло за горизонт несчастья, таилось за завесой унижения и скрывалось под ковром нищеты вплоть до появления Чингиза. Бежавшие на спасительную гору Аргана-Кун и происходившие из рода Тенгиза[195] племена Кунгират, Ингрирас, Улугнут, Карайут, Курулас, Ильчиген, Коклут, Утавут, Конкегтан, Кейкут, Ильдуркин, Байаут, Кинкет, Орбанангут и Тенгиз[196], известные под именем Дурлукин[197], а также ответвившиеся от Кийата[198], который был товарищем Тенгиза во время бегства на указанную гору, Кунграт, Салджут, Байджут, Салджиут, Денкмен, Тубафин, Арут, Мангыт, Дуйан, Барын, Барлас, Туглат, Хадуркин, Чачиран, Йураут, Писут, Кайси, Кунгнат, Сукан и Бурчикин[199] называются Нирунийан[200]. В

[193] Учок – название одной из двух ветвей огузов (согласно эпосу «Огуз-наме»), представляющей собой союз из двенадцати «земных» племён.

[194] Перечислены названия огузско-туркменских племен (входивших в состав группы Учок, а не Бозок, как указано у автора сочинения): баяндыры (берендеи), печенеги, чавулдуры, салыры, эймюры, алаюнтлы, юрегиры, игдыры, бюкдюзы, кыныки и йыва.

[195] Имеется в виду персонаж эпоса «Огуз-наме» Денгиз-хан, сын Огуз-хана.

[196] Перечислены искаженные версии названий следующих монгольских племен: хунгираты, эхириты (икирас), олкунуты, харануты, горлосы (кураласы), элджигины, хунклиуты, уряуты, хонхотаны, килингуты, илдуркины, баяуты, кингиты, бэлгунуты (или бугунуты) и гинигесы.

[197] Дарлекины – одно из двух подразделений так называемых «коренных монголов», которые делились на монголов вообще (дарлекин) и собственно монголов (нирун).

[198] По-видимому, имеется в виду предок монгольского племени киятов, которые упоминаются в числе племён, вышедших из легендарной прародины монголов Эргунэ-кун.

[199] Перечислены искаженные версии названий следующих монгольских племен: кунгияты, салджиуты, тайджиуты, сиджиуты, нуякины, уруты, мангуты, дурбены, баарины, баруласы, дуглаты, хадаркины, джуръяты, чжоуреиты, йисуты, чаншиуты, кингияты, суканы, борчжигины.

скором времени смысл этих двух странных слов, должно быть, будет запечатлен на страницах [этого] сочинения.

О родословной Чингиза, детях и внуках кровожадного [правителя]

Рассказчики-хронисты и предшествующие генеалоги заставили пылать фитиль рода Чингиза от сверкающей свечи Бузанджара ибн Добун-Байана[201] и его супруги Алан-Коа Хатун[202], и возожгли светильник цепочки Добун-Байана из огненного храма семени почтенного лица по имени Буртечине[203], который был их начальником и главой в то время, когда благодаря согласию и единению народа монголов они расплавили камни Аргана-Куна, и таким образом считают, что Бузанджар [был] сыном Добун-Байана, сына Калу-Качу[204], сына Сум-Савджи[205], сына Муге-Мудена[206], сына Куджам-Бугрула[207], сына Кабчу-Мергена[208], сына Тамаджа[209], сына Буртечине. Однако некоторые, [говоря] об истоке Добун-Байана, возводят таблицы его родословной к большому арыку семейства его порочного деда по материнской линии, называя его Бузанджар ибн Алан-Коа Хатун бинт Йылдуз-хан ибн Тимурташ. Когда двоюродная сестра (дочь дяди со стороны отца – примеч. пер.) Алан-Коа Хатун и являвшийся правителем монголов в то время Добун-Байан сочетались узами брака, прохладой [их] очей были только двое детей по имени Йилгетин и Йегджетин[210], к которым восходят племена Дурлукин. Указанное слово означает «рожденные от человеческого семени». Когда их родитель готовился одернуть подол от привязанностей к [этому] миру, и Алан-Коа Хатун при единодушном одобрении людей два года восседала на троне правления, проявился след беременности, который служит зна-

[200] Нируны – второе подразделение коренных монголов наряду с дарлекинами.
[201] Бодончар – в мифологии монгольских народов сын Алан-гоа и легендарный основатель рода Борджигин, предок Чингиз-хана. Его отцом был Добун-Мэргэн.
[202] Алан-гоа–легендарная прародительница нирун-монголов, жена Добун-Мэргэна.
[203] Бортэ-Чино – в мифологии монгольских народов легендарный прародитель монголов и предок Чингиз-хана.
[204] Харчу, сын Сим-Сочи и потомок Бортэ-Чино в восьмом поколении (согласно «Сокровенному сказанию монгол»).
[205] Сим-Сочи – сын Еке-Нидуна.
[206] Еке-Нидун – сын Сали-Хачау и внук Аучжам-Бороула.
[207] Аучжам-Бороул, сын Хоричар-Мэргэна.
[208] Хоричар-Мэргэн, правнук Бортэ-Чино.
[209] Согласно монгольским преданиям, Тамача – внук Бортэ-Чино.
[210] В монгольской версии Бэлгэнутэй и Бугунутэй.

ком прибытия путников из страны небытия и сокровенного, а вслед за тем родились трое по имени Йадкун Кайгы, Пускун Салджи и Бузанджар[211] и вступили из-за завесы жизни на чужбине тайного существования в область бытия, и когда современники (букв. сыны времени – примеч. пер.) собрались бросить [в нее] камень клеветы и лжи, умная женщина своим ответом на порицание и поношение со стороны пустословов вправила [им] кости: «Когда привратник суда [Божественного] приговора и предопределения сделал свой черный атлас мучения златотканым и установил серебристый сияющий опорный столб свадебного шатра Лейли[212], я все еще скрывалась за занавесью беспечного сна, положив голову на подушку непорочности. Когда объявшее весь мир светило, сиявшее подобно луне, вдруг вошло через отверстие ворота моего платья в брачные покои соединения со мной, [во мне] в миг возникло качество беременности. Иногда ночами то странное излучающее свет сияние проникает в хижину моих скорбей», на что злопыхатели [этого] народа, которые, [подобно] страдающим куриной слепотой, [были неспособны к] пониманию и признанию, и когда [они собрались] вокруг ее шатра [и] посмотрели с вершины дома мисра‘[213]:

كير مريخ بر كس زهره

«Фаллос Марса во влагалище Венеры»,

на жениха Марса (Миррих), который был мужем Венеры (Нахид), они наблюдали с помощью подзорной трубы хорошего мнения (хусн-и занн) то, что называется метеоритами и кометами, отрезав языки своего возражения ножницами доверия, появившимися благодаря их измышлениям, усомнившимся в свете, и тем близнецам дали прозвание Нирун, имеющее значение «чистый», «небесный». Эти трое сыновей стали источником бытия Чингиза и треножником для котла жизней остальных ханов, тогда как двое братьев, вступивших в [этот мир] рождения по старшинству, упали с небосвода власти и влияния у указанного народа из-за того, что [о них] сказали, что они не были воспитанниками луны и избранниками светил. В действительности, кроме Достопочтенного ‘Исы, *благословение Аллаха нашему Пророку и ему*, рождение сыновей и дочерей без посредства отца противоречит обыкновению Творца человечества, хотя некоторые историки, в частности автор «Мир’ат ас-сафа»

[211] В монгольской версии Бугу-Хадаги, Бухату-Салчжи и Бодончар.

[212] Лейли (от араб. лайл, «ночь») – персонаж средневековой мусульманской литературы, возлюбленная арабского юноши Маджнуна. В данном случае ее имя используется как метафора ночи.

[213] Мисра‘ – полустишие, составная часть бейта.

(«Зерцало чистоты»), Мавлана Мирхонд, в соответствии со смыслом бейта:

حکایات مریم اگر بشنوی
بالان قوا همچنان یکروی

«Если услышишь ты рассказ о Марйам,
Такой же он, как [и рассказ] об Алан-Коа»,

говоря пространно, берут на себя заботу и хлопоты путешествия к горе Каф[214], дабы доказать утверждение о существовании Симурга[215] и ‘Анки[216] со словами: «рассказ об Алан-Коа – [один] из дивных рассказов. Если рассмотреть внимательно появление этих случаев в мастерской [Божественного] предопределения и приговора (вселенной – примеч. пер.) не считается невероятным, потому что Достопочтенный Бесподобный Попечитель и Создающий мир [словами] *«Будь!», и [оно] возникает* (кун файакун), Возвышен [Он] и Пресвят, в некоторые времена и столетия являет признаки своего могущества, иногда заставляя происходить такие странные дела и удивительные вещи, которые ведут к выделению обладающих проницательностью (улу-л-абсар) и служат причиной для пробуждения добродетельных. Как и создание пречистого от всего, не имеющего ни матери, ни отца Достопочтенного Адама и не имеющего отца Достопочтенного ‘Исы, для Его Самости возможно, чтобы Он приложил Свою извечную волю к тому, чтобы стало возможно [появление на свет] без родителей или без отца какого-либо лица, помимо пророка [и] посланника – *мир нашему Пророку и им!* (‘ала-н-набийина ва ‘алайхим ас-салам). Некоторые из мудрецов сказали, что, когда небесный экватор (му‘аддил ан-нахар) соответствует кругу Зодиака (минтакат албурудж), и в принадлежащем ему треугольнике возникает совпадение кругов, они становятся победителями и покорителями, а остальные стихии (устукуссат) – побежденными и покоренными. В это время бытийные порождения[217] (мавалид-и таквини) становятся невозможными, а природа мира оказывается неспособной к деяниям вроде вспахивания и засевания, роста и цветения. Когда по прошествии месяцев это совпадение исчезает и скрывается, появляются разнообразные животные и воз-

[214] Каф – в средневековой мусульманской литературе и фольклоре мусульманских народов легендарная гора, находящаяся на краю света, образ которой восходит к древнеиранской мифологии.

[215] Симург – мифическая птица в мифологии и фольклоре иранских и некоторых тюркских народов. Обитает на горе Каф и выступает в роли царя всех птиц.

[216] ‘Анка – волшебная птица из арабской мифологии.

[217] Царства минералов, растений и животных.

никающие [всюду] растения, и нет ничего невозможного в том, чтобы [представитель] человеческого рода, который является скрытой причиной [трех] порождений, проявляется и возникает в этом мире (букв. в месте проявления – примеч. пер.) без рождения и размножения. Поскольку обладатель разумной души (нафс-и натика) добывает точные знания с помощью умозрительной силы (куввa-и назарийа) (способности к теоретическому познанию – примеч. пер.) и выводит разнообразные искусства посредством помощи практической [силы]. «*Таково предписание Великого, Ведающего*»[218]. Несмотря на эту возможность, исторические тексты полны странных известий о том, что на дальнем востоке есть остров. Его жителями является группа женщин, и причиной их размножения и беременности является лишь расположенная на том острове река, благодаря сидению в воде которой их существом и душой овладевает сгустившаяся сила похоти, от полноты их удовольствия и наслаждения у них выделяются капли, и в матках складывается человеческий образ. Однако, оттого что [к нему] не добавляется семя мужа, у всех рождаются девочки. Такого рода события подтверждают рассказ об Алан-Коа». *Да простит Аллах его грехи* (таджаваза-Ллаху ‘ан саййи’атихи)! В действительности, в соответствии с тем, что мудрецы говорили о необходимом следствии различия природы и характера и последствии равновесия и смешения, изъявлением мощи Господа рабов на уровне Его Самости, которая выходит за пределы охвата человеческих умов и входит в Его скрытый мудрый замысел, [это] соответствует [содержащимся] в книгах по фикху словам Матери Правоверных ‘Айши[219], да будет доволен ей Аллах: «*Ребенок мужского пола не остается в утробе больше двух лет*» (марви ал-валад ла йага фи-л-батни аксару мин санатайн), и согласуется с текстом Священного [Корана], «*Мы помещаем в лонах то, что желаем*»[220], однако такого рода зачатие явным образом является редким, и когда женщина нанесла своим не допускающим возражений ответом пощечину по лицу малоумных людей с бормочущими ртами, они поверили этим совершенно невероятным словам из-за хорошего представления об указанной [женщине], а также почитания и послушания по отношению к царским регалиям. Несмотря на выходящие за рамки благовоспитанности скверные слова [из] задних проходов по [причине] испорченных мыслей невежественных людей, о царях, к

[218] Коран, 36:38.
[219] ‘Айиша бинт Абу Бакр (ум. 678) – третья, самая младшая жена пророка Мухаммада и дочь первого халифа мусульман и сподвижника Пророка Абу Бакра.
[220] Коран, 22:5.

которым они питали чрезмерное почтение, они сказали: «Мы смотрим на солнце сияющего лика падишаха [и] прибежища мира, одаряющего светом вселенную, вешаем [с] послушанием себе на уши серьги его почтенных жемчугоносных слов из золота и драгоценных каменьев, и прибегаем к покровительству его бесподобной особы, подобно дереву Туба[221], отбрасывающему тень на проборы богатых и бедных», и по причине бедствия вялости всех тюркоговорящих некоторые персы не повесили с признанием себе на ухо дорогую жемчужину не дошедшего [до них] смысла [айата] «*Мы сотворили человека в прекраснейшем облике*»[222] и самоцвет смысла [айата] «*[Мы] дали им явное превосходство над другими творениями*»[223], и посчитали, что самое достойное из творений, обладатель разумной души, является лучшим из минералов (джамадат), [а потому] Кайумарс достиг степени правителя благодаря тому, что возник из дерева крайнего предела (шаджар-и мунтаха)[224] или пророс из земли, подобно растению[225]. Как говорят, вождь племени найман Айтадж-Бука[226] из рода тюрков появился из некоего древа, а неблагодарный правитель монгольского племени курулас[227] по имени Курулас[228] возник из золотого сосуда. Как говорят, они поверили в то, что сыновья-близнецы Алан-Коа родились от горсти огня. Это удивительное событие произошло во время восхождения предводителя восстания Абу Муслима Марвази[229], появившегося в конце правления Омейядов (Бани Умайя), и стало известно на весь мир как небесное знамение. Бузанджар, чье [имя]

---

[221] Туба – принятое в мусульманской традиции название райского древа.

[222] Коран, 95:4.

[223] Коран, 17:70.

[224] «Древо крайнего предела» (Шаджарат ал-мунтаха) или «Лотос крайнего предела» (Сидрат ал-мунтаха) – в исламской традиции лотосовое мировое дерево на седьмом небе возле Престола (ал-‘Арш) Аллаха. Упоминается в Коране (53:13–17).

[225] Согласно зороастрийской мифологии, Гайомарт (перс. Каюмарс) был погублен Ахриманом, но перед смертью успел испустить семя, из которого спустя сорок лет пророс в виде куста. Из выросшего дерева возникли первые люди Машйа и Машйана.

[226] Искаженное написание имени правителя найманов Инанч-хана или Инанч-Буки (XII в.), современника Чингиз-хана.

[227] Монгольское племя горлосов, входившее в состав дарлекин-монголов.

[228] Куралас – полумифический персонаж, в монгольской мифологии родоначальник племени горлосов, сын Мисар-Улука и внук Кунклиута (согласно «Джами‘ ат-таварих» Рашид ад-дина). Кунклиут был сыном Тусуба-Дауда, рожденного, согласно легенде, от некоего Золотого Сосуда (Алтан Сав).

[229] Абу Муслим ‘Абд ар-Рахман ибн Муслим ал-Хурасани (ум. 755) – персидский военачальник из Мерва и глава проаббасидского движения в Хорасане, один из лидеров восстания против Омейядов, приведшего к их свержению.

передается с «за» (ز), [как в буквах] «хавваз» (هوز)[230], и с «за[л]» (ذ), [как в буквах] «саххаз» (ثخذ)[231], был удачливым падишахом, если сравнивать его с его эпохой, и обладателем мощи и силы среди подобных ему, прославившись под прозванием Каан, что означает «хан ханов». Племя-род Кайкы[232] из рода Нирунийа восходит к Буркун-Кайкы[233], род Салджиут – к Йускуну Салджи[234], но звезда Чингиза и тюркских хаканов, которая была Сириусом (перс. ситара-и йамани), странствовавшим по миру, черпала [свой свет] из огненного святилища Бузанджара и сияла [благодаря ему], возвращаясь благодаря обратной связи к указанному лицу. Когда весенняя пора молодости Бузанджара пришла к осеннему времени старости и упадка, а древо его бытия было поранено зубьями пилы судьбы и обратилось в небытие, плод его сердца Бука-хан[235] был признан достойным розового сада правления, но дом его жизни пришел в обветшание от выпавшего [на него] града смертельной оспы, и его преемником стал его сын Тумана[236]. Из семени Туманы, [как] из плодородной земли, на поле бытия показались, [словно] плодоносные саженцы, девять сыновей[237], и их высокие станы и фигуры не успели достичь степени совершеннолетия и юности, как корень пальмы жизни Туманы был уничтожен и погублен, не сумев задобрить смерть и тлен, а когда их мать, госпожа по имени Моголун[238], воспитывала молодые деревца потомства в окрестностях знаменитой горы, которую они называют Ануш-Эркин[239],

---

[230] «Хавваз» – буквенное сочетание, используемое для заучивания числового значения букв арабского алфавита в системе абджадия. Буквы «ха», «вав» и «за» обозначают соответственно 5, 6 и 7.

[231] «Саххаз» – буквенное сочетание, используемое для заучивания числового значения букв арабского алфавита в системе абджадия. Буквы «са», «ха» и «зал» обозначают соответственно 500, 600 и 700.

[232] Хатагины.

[233] Бугу-Хадаги, сын Алан-гоа и брат Бодончара, предка Чингиз-хана, который считается родоначальником хатагинов.

[234] В монгольской традиции родоначальником салджуитов считается Бухуту-Салчжи, еще один брат Бодончара.

[235] Соответствует в монгольской версии генеалогии Чингиз-хана Хабичи-баатуру.

[236] Соответствует в монгольской версии генеалогии Чингиз-хана Мэнэн-Тудуну, сыну Хабичи-баатура.

[237] В монгольской версии семь сыновей (в отличии от версии «Джами‘ ат-таварих» Рашид ад-дина, в которой их насчитывается девять).

[238] В монгольской версии Намулун.

[239] В «Джами‘ ат-таварих» Рашид ад-дина: «местность Нус-Арки». Локализация этого топонима проблематична, однако, судя по всему, он связан с монгольским словом «эргги/эрэг» (крутой берег, яр, обрыв).

и которая исполнена изысканности благодаря обилию воды и травы, и удобно восседала в зеленом обиталище удовлетворенности благодаря получению дозволенного заработка [трудом своих] рук, [а что касается] куреня[240], то каждый курень состоит из тысячи мужчин, которые установили юрты и телеги в виде крепости, расположенной вокруг единой оси, чтобы защититься и укрепиться перед лицом [опасности] ущерба [со стороны] врагов. Семьдесят куреней, принадлежавших к племени Дурлукин, проживали на берегу реки Курил (Керулен[241] – примеч. пер.). В силу обледенелого холода вражды, завязавшейся с хитаями[242], они не отказывались от применения военных орудий и разграбления скота и имущества, из-за чего один раз вспышка огня враждебности хитаев приблизительно совпала по времени с разливом реки Келуран (Керулен – примеч. пер.), что помешало сближению и воспрепятствовало столкновению и противоречию [между ними], народ малопокорных джалаиров[243], опершись на непостоянные воды [в качестве] опоры, хлопали в ладоши и невежественно хохотали, раскрыв рты в насмешке и вытянув языки в поношениях и ругани, так что лишенные гармонии звуки их шуток привели в движение струны бербата[244] невежественного пыла хитаев, [которые] возвели из дерева и тростника переправы, и когда они необычайным образом перешли указанную реку, перебили и разгромили большую часть джалаиров, пребывавших во сне нерадивости, десницей вражеской свирепости,

Мисра‘:

اگر خواهی سلامت در کنارست

«Если желаешь остаться целым, посторонись!»,

бежавшие люди, освободившие ворот жизни с помощью разнузданной лошади бегства и уцелевшие от мечей, решили отправиться к подножию горы Ануш (Ануш-Эркин – примеч. пер.), которая была безопасным пристанищем и местожительством потомства Туманы, из-за отсут-

[240] Термином «курень» обозначалось стойбище кочевых дворов, состоящих из отдельных кибиток.

[241] Река на востоке современной Монголии и на северо-востоке Китая.

[242] Хитаями называли народ киданей, основавших империю Ляо, но в данном контексте речь идет о чжурчжэнях, которые разгромили государство киданей в 1125 году, включив их территории в состав своих владений.

[243] Джалаиры – тюрко-монгольское племя, обитавшее в XII веке на берегах Онона в Забайкалье.

[244] Бербат – струнный щипковый плекторный инструмент типа лютни, широко распространённый в арабских странах, Иране, Турции, Греции, Закавказье и странах Ближнего Востока.

ствия [у них] запасов и хлеба кошельки их желудков опустели, и они переполошились из-за болезни неутолимого голода (букв. собачьего голода – примеч. пер.), и супруга Туманы наблюдала за тем, как они перерыли и испещрили дырами те пастбищные угодья, словно хирургическим ланцетом, дабы вылечиться и утолить голод с помощью кореньев растений

Стихи:

که نه یادگار گرامی من
که هستند فرزند نامئ من
درین دشت هر وقت بازی کنند
بروز نشاط اسب تازی کنند
چو پر رخنه گردید میدان شان
چه کوته بود حال یکران شان

«Не дорогая мне память,
А сыновья любимые мои
В этом поле все время играют,
Днем веселятся, катаясь на конях.
Поскольку наполнилось дырами поле их,
Как коротко было их время с породистыми конями»,

когда эта ее песня прогремела молотом отторжения и изгнания, она разожгла огонь ярости и гнева в гумне терпения и совести оказавшегося в пустыне бесчестия и неудачи стада бесприютных ослов, они не только посягнули на то, чтобы поджечь и разорвать в клочья царственную ставку угнетенной женщины, но и, чтобы погасить светильник веселья и радости детей Туманы, которые должны были отомстить за кровь матери, стали с надменностью и ненавистью выслеживать их и устроили им засаду, и когда [те] беспечно пришли на [свое] место, они вымарали рубахи их бытия рубиновой кровью, а поскольку строка с счастливым именем Кайду-хана[245], который был предком Чингиз-хана в седьмом колене и началом династии Кара-Нуйана[246] из монгольских эмиров, не была занесена в тетрадь смерти и предопределения, погонщик судьбы подтолкнул сына его дяди Мачин-хана[247] к тому, чтобы выдать замуж дочь, а его

[245] Хайду (ум. ок. 1100) – монгольский правитель из рода Борджигин, предок Чингиз-хана.

[246] Данное имя, которое можно перевести с монгольского как «черный владыка» (хара нойон), скорее всего, относится ветви рода, из которой вышел Хабул-хан, который считается первым объединителем монгольских племен в единый улус.

[247] Начин-баатур – сын Мэнэн-Тудуна и дядя Хайду.

не было среди братьев, и его Юсуфова[248] красота упала в страшный колодец погибели. Его тесть Мачин-хан считался обладателем власти и славы среди своих современников, и когда он подпоясался мечом мести [и] рвения, дабы свершить возмездие над злодеем, протянувшим свои кровожадные руки к подлому деянию смертоубийства, и направил делегацию послов к главам джалаиров, всё племя отмыло подол своих привязанностей и пристрастий от скверны кровопролития водою просьбы о прощении, отречения и отказа, отправив к указанному хану в качестве оговоренного выкупа за кровь семьдесят человек, протянувших руки посягательства и дерзости к сокровищнице драгоценных камней души, которых следовало убить, и он, по монгольскому закону, прижег каленым железом их лбы в знак [совершения] ими преступлений, подобно тому, как лжесвидетельствующего метят рабским клеймом, и на каждого из них вместе с их женами, детьми, скотом и поклажей, [живущими] из поколения в поколение в цепях унижения плена показывают с презрением пальцами. Когда по велению предопределения ярлык на правление был выписан на имя Кайду-хана, он потратил звонкую монету усердия на драгоценный товар улучшения благосостояния подданных, вследствие чего войско и бедняки собрались под сенью его справедливых знамен, построили деревни и поселки и благоустроили многие области, лежащие по ту сторону реки Келуран (Керулен – примеч. пер.), которая находилась за пределами подвластных ему земель, и которую топтали ноги свирепого врага. Когда Кайду-хан отринул оковы жизни, его престолонаследниками были трое сыновей по имени Байсунгур, Харка-Ленкум и Харджин[249], по словам некоторых историков, Байсунгур, который был истоком потоков династии Чингиза и эмира Тимурленга Гуркана[250], пролил белую воду ярлыка[251] на правление на обширные земли Туркистана, а живая вода его достоинства, скрытая в недрах ямы небытия, его сын

[248] Пророк Йусуф (Иосиф) в мусульманской и авраамической традиции считается воплощением неподражаемой красоты.

[249] В монгольской традиции фигурируют под именами Байшингор-Догшин, Чарахай-Линху и Чаочжин-Ортегай.

[250] Тимурленг (от перс. Таймур-и Ланг, «хромец Тимур», 1336–1405) – среднеазиатский тюрко-монгольский полководец, покоривший обширные территории в Средней Азии, на Ближнем Востоке, в Закавказье и Индии, основатель династии Тимуридов. Женившись в 1370 году на дочери чагатайского правителя Казан-хана и породнившись с домом Чингизидов, он принял титул Гуркан (от монг. хүргэн, «зять»).

[251] Ярлык – письменное повеление или верительная грамота монгольских ханов подвластным им правителям и духовным владыкам.

Тумана[252], возжег факел правления и был осчастливлен семью детьми [от одной жены] и двумя близнецами по имени Кабул[253] и Качулы[254] – от второй жены, и род Чингиза восходит в третьем колене к Кабулу, а род эмира Тимура восходит в восьмом колене к Качулы. Когда соколёнок сына Байсунгура, Харка-Ленкума, Хамика[255] охотился в степи, он попал в лапы ястреба хитаев, и когда его вызвали ко двору их хана Алтана[256], утвердившийся в железном сердце хитайского хана и оставшийся ему [в наследство] от отцов и дедов огонь ненависти и злобы зажегся от кремня гнева разбрасывающего искры сияния, он установил высокую крышу места распятия железными гвоздями стихов:

چنانش بچوبین خری بر بدوخت
که مسمار فولاد را دل بسوخت
بزاری و خواری بر ان خر بمرد
زدست جفای جهان جان برد

«Так [крепко] он его к деревянному ослу привязал,
Что стальной гвоздь сжалился над ним.
В рыданиях и унижении на том осле он умер,
От мучений [этого] мира избавился»,

подготовив условия для сражения ради обновления старого дома собраний (дар ан-надва)[257] вражды и ненависти.

---

[252] Тумбинай-Сэчэн (XI – перв. четв. XII вв.) – правитель монголов, сын Байшингор-Догшина.

[253] Хабул-хан (1101–1148) – старший сын Тумбинай-Сэчэна, первый хан «всех монголов».

[254] Хадули-Барлас (XII в.) – принц рода Борджигин, военачальник и советник Хабул-хана.

[255] Амбагай-хан (ум. 1156) – предводитель монгольских племен, двоюродный брат Хабул-хана и правнук Хайду.

[256] Амбагай был схвачен татарами по пути на свадьбу и доставлен ко двору чжурчжэнского правителя династии Дигуная (Ваньяня Ляна), который его казнил, прибив гвоздями ко столу. Алтан-хан в данном случае, скорее всего, восходит к названию чжурчжэнской империи Цзин (кит. «Золотая», ср. монг. Алтан улс – «Золотой Улус»).

[257] Дар ан-надва – особое помещение, построенное к северу от Каабы предводителем племени курайш в Мекке Кусаййем ибн Килабом в V веке и служившее для курайшитов местом, где они проводили свои совещания по злободневным вопросам. После начала пророческой миссии пророка Мухаммада язычники-курайшиты собрались в этом месте во главе с Абу Джахлем, чтобы обсудить, как им прекратить его призыв к новой религии.

Удивительный сон

Когда украшенный тьмою сурьмяноцветный шатёр вечера отбросил тень на мир и его обитателей, Качулы-Бахадыр все еще созерцал виды мира смысла (‘алам-и ма‘на)[258] под покровом сна, которым он завесил свои прозорливые очи, и три светила, подобные нахшабской луне[259], друг за другом вышли из колодца кармана Кабула и вознеслись на небо, после чего какая-то светозарная и объемлющая [своим светом] весь мир звезда, словно светлое солнце, поднялось из-за горизонта его воротника, его сияние и свет осветили все уголки мира, и восходящие вокруг нее разнообразные светила извлекали пользу из [ее] света и сияния. Следы ее свечения еще сохранялись, когда дверца созерцания захлопнулась, и открылись врата бодрствования, и когда он пастью торопливости мисра‘:

Bu vakıa-i hubi muabbir-i husn ister

«Это хорошее событие требует толкователя хороших вещей»,

представил перед своим отцом Тумана-ханом редкостный дар [вещих] сновидений, пожилой старец возвестил радость и растолковал [сон]: «сначала в пределах земли Туран засияет звезда правления трех ханов из [числа] детей Кабула, а затем, по велению Разверзающего [мрак] утром (фалик ал-исбах)[260] и Возжигающего светильник, из того семейства появится пламень, следы сияния которого достигнут самых дальних областей востока и запада» – эта весть о толковании смыслов будущего подпоясалась правильным убеждением, отчего печать власти и правления была вручена деснице могущества Кабул-хана и [передавалась] из поколения в поколение его детям и внукам, а Качулы, дабы он и его потомство утвердились и закрепились на златостременном седле ко-

[258] Мир смысла (араб. ‘алам ал-ма‘на) – суфийский термин, который обозначает высший духовный мир (включающий Самость, Атрибуты и Имена Аллаха) и противопоставляется «миру формы» (‘алам ас-сура), то есть материальному миру, и промежуточному между ними «миру подобия» (‘алам ал-мисал). Согласно суфийской космологии, до своего появления в материальном мире сущности пребывают в мире смысла.

[259] Ряд средневековых мусульманских авторов (Закария Казвини и др.) сообщает о том, что Муканна (ум. 783), сектантский лидер и предводитель антиаббасидского восстания в Мавераннахре добивался лояльности последователей с помощью разного рода мистификаций, в том числе устроил в городе Нахшаб (совр. Карши, Узбекистан) некий трюк с искусственной луной, которая каждую ночь восходила из колодца и освещала округу.

[260] Аллюзия на Коран: «Он разверзает [мрак] утром, ниспосылает успокоение ночью, обращает солнце и луну в средство исчисления [дней и месяцев]» (Коран, 6:96).

ня командующего войском, написали пером Динавари[261] договор и, по монгольскому обычаю, отдали распоряжение о том, чтобы его скрепили красно-голубой тамгою и положили в сокровищницу сохранности и безопасности. Когда Тумана-хан отвернул очи привязанности от зыбкой ряби непостоянной судьбы, свет его очей Кабул-хан стал ведать вверенной ему на хранение властью, а Качулы-бахадыр оседлал скакуна руководства войском и взял в руки рукоять меча сражений, тем самым исполнив веление завещания. Поэтому в те дни, когда эмир Тимур, притязая на происхождение от Качулы, поднял знамена мятежа и восстания над крышей высокомерия и великолепия и протянул руку посягательства к проборам [на головах] людских дел, не будучи нанизанным на цепь царей [и] султанов, должно быть, ему было написано на свитке [судьбы обрести] славу эмира, а потерпевшему неудачу потомку Кабула [было суждено] без всякого посягательства на управление [делами], подобно бездушной стене, [носить] титул хана с его вычурным цветом, [сидя] в шатре [во время] путешествий и в оседлой жизни. Короче говоря, когда Кабул-хан воссел на трон правления, он в силу [своего] могущества благодаря прекрасным усилиям [по утверждению] справедливости и правосудия возвысился над себе подобными и удостоился прозвания Йалынджак[262], означающего «заботящийся о подданных».

О том, как падишах Хитая пригласил к себе Кабул-хана

Оттого, что между повелителем области Хитай Алтаном и Кабул-ханом были установлены и упрочены узы приязни, и он желал узреть [его] лик, он написал чернилами любви и симпатии письмо с приглашением и отправил посла с драгоценным сладкоречивым даром, на что Кабул-хан ответил, вложив свои величественные стопы в стремена и за короткое время прибыв в пристанище гостей Хитай, а Алтан потратил звонкую монету могущества на необходимые процедуры гостеприимства и расходовал усердие на устройство пиршества обходительности, [где они] приводили являющую мир отполированную чашу утреннего вина к вечернему вину, а приходящую к финишу второй и пятой лошадь бокала вечернего вина – к утреннему вину. Хотя Кабул-хан и захмелел от хитрости и коварства хитаев, всякий раз, улучив возможность выйти

[261] Абу Ханифа Ахмад ибн Давуд ад-Динавари (ок. 815–895) – мусульманский учёный-энциклопедист, автор трудов в области астрономии, сельского хозяйства, ботаники, металлургии, географии, математики и истории.

[262] Рашид ад-дин приводит это прозвище в форме «линчик» и указывает, что оно означает у монголов «предок в третьем поколении» (ср. монг. элэнчэг – «прадед»).

из дома увеселения, он кончиками пальцев приводил в движение [горло] и исторгал из себя губительное содержимое матери нечестия (умм ал-фасад, т.е. вина – примеч. пер.). Однако однажды ночью бесхитростный и резкий в поступках Кабул-хан,

Бейт:

Kendiñ yeñemezsin bilürem meşrebüñ ey dil

Nuş-ı meye ağaz idicek az idemezsin

«Само ты не справишься, знаю я твой нрав, о сердце,

Если начнешь пить вино, то не сможешь [обойтись] малым»[263],

с [этим] сладкозвучным напевом, благодаря каплям веселящей испарины, беспрерывно стекающим по серебряной голени розоволикого виночерпия вместе с опьянением от красного вина, он вышел за пределы разума и сознания, в соответствии со [словами] «*каждый кубок источает то, что в нем содержится*»[264] (куллу ина' йатарашшаху би-ма фихи), выбросил старый кувшин вражды в поле приязни, и когда он пустил по кругу бокалы безвкусной ссоры и протянул руки унижения к белой бороде Алтана, разбив кувшин [своей] репутации и достоинства,

Бейт:

چو التان خردمند و هشیار بود

فرو خورد خشم و تحمّل نمود

«Поскольку был Алтан мудр и разумен,

Он гнев сдержал и проявил терпение»,

он переварил [эту обиду] с помощью силы пищеварения и язвительной усмешки, а на утро похмелье сожаления вызвало у ханского гостя головную боль, отчего он принес извинения за неприятные обстоятельства и попросил разрешения вернуться в [свои] края, и [получив] позволение из уважения к праву гостя вернулся [обратно], и после того, как Кабул-хан без всякого промедления и остановки направлялся к своей цели, [рожденные] матерью во грехе приближенные хитайского хана, приведя в движение канун его гнева и ярости с помощью плектра стихов:

که او را چرا زنده کردی رها

چه نیکی طمع داری از اژدها

گرت دشمنی چون قبل خان بود

گرش زنده ماند پشیمان شود

«Почему же ты его отпустил живым?

[263] Бейт из газели османского поэта Мехмед-эфенди Исмети (ум. 1665).

[264] Арабский афоризм, который приводится в «Калила ва Димна» Ибн ал-Мукаффа'.

Разве ты ждешь добра от дракона?

Если у тебя будет такой враг, как Кабул-хан,

[И] если он останется в живых, то пожалеет»,

бросили в него камень ругани и ободрения, отчего он повелел людям снести и разрушить здание жизни Кабула, обретшее форму в бытии благодаря деснице могущества Господа Всемогущего, схватить и преследовать его, а когда они не успели [его догнать], злополучная лошадь в отчаянии и безуспешности вернулась к жестокому [тирану], а Кабул-хан со скоростью гнедого коня добрался до неприступной твердыни безопасности, после чего в течение двух лет один из шести сыновей Кабула, благоустроивших и возделавших просторы семи климатов его сердца, облагодетельствованное судьбой дитя по имени Окин-Букак[265], который был [среди них в своем] великолепии живописным городом, украшающим добропорядочную страну, ездил по степи с охотничьими силками и попался в руки творящих несправедливость хитайских татар, а когда они доставили его к Алтану, тот позабыл о смысле благородного [айата] «*И никто не понесет ноши [грехов] другого*»[266], без задержки и промедления, как и Хамику, распял его на кресте бедствий и несчастья, отплатив за прошлые прегрешения Кабул-хана, после этого не прошло много времени, как ковш жизни Кабул-хана скрылся в водовороте естественной смерти, его брат Куйла[267] стал его преемником, и душу опечаленного хана обожгло пламя огня раздора между дядей и родней, возникшее оттого, что на указанного хана стали показывать пальцами [из-за его] пыла и рвения,

Мисра‘:

كه دل بست بر جنگ و كين خواستن

«Решил он воевать и мстить»,

с этой песнью он ударил колотушкой по барабану движения, повторяя по утрам и вечерам траурную элегию (марсийа) стихотворения:

زشاه و سپاه و خطا و تاتار

بر اورد انگه بمرد دمار

كه ايشان بكشتند بوقاقرا

همان همعنان شاه آفاقرا

«Царю и войску хитайскому и татарскому

[265] Охин-Бархаг – старший сын Хабул-хана, который был схвачен в плен татарами и передан императору Цзин, где казнен «на деревянном осле» (согласно «Джами‘ ат-таварих» Рашид ад-дина.

[266] Коран, 6:164.

[267] Хутула-хан (ум. 1161) – предводитель монгольских племен, сын Хабул-хана.

Жилы вытянул, а затем умер,
Ибо убили они Букака,
Того, кто одной уздою был связан с царём всех стран»,

и засучил рукава для того, чтобы схватиться за ворот мести, во время битвы и сражения облако победы пролило дождь на головы военного лагеря Куйлы, розарий его надежд стал сочным и свежим, а листья и плоды достоинства Алтана обветшали и рассыпались от порывов осеннего ветра клинков [мечей] и наконечников [копий], после чего прошло немного времени, как Куйла тоже отправился в путь к небытию, на престол правления был посажен его брат Бартан ибн Кабул[268], и в то время Качулы-Бахадыр оседлал скакуна исчезновения, и халат предводительства войском с серебряным воротником был надет на могучие плечи сына Качулы, Ирдемджи-Барласа[269], а Бартан-хан прославился среди сверстников своей храбростью и смелостью, так что получил прозвище «богатырь» (бахадыр). Когда переполненная чаша веселящего вина жизни Бартана и Ирдемджи-Барласа была разбита и раздроблена ударом десницы разрушителя удовольствия (=смерти, хадим ал-лаззат), ковер правления расстелил Писуга-хан[270], а Суган-Чечен ибн Ирдемджи[271] проявил мастерство в искусстве владения мечом. Именем указанного было только Суган, [но] поскольку он был известен большим умом и сообразительностью, он [также] был описан словом «чечен»[272], которое означает «умный и здравомыслящий». Благодаря тому, что эти два воителя действовали заодно и находили общий язык, они за короткое время сломали древко знамени решительности племен и кланов, которые подняли полотнище бедствий и разногласий, и когда всадник победы сразу же повернул вожжи возвращения и расседлал [коня] для отдыха в местечке под названием Дилун-Йалдук[273], в пятьсот сорок пятом году (1150–1151 гг. – примеч. пер.), в год свиньи, из печи лона Алан-Хатун[274], суженой Писуга-хана, отбросившего искру ненависти повергшего весь мир в скорбь Чингиза, в час, когда мир бытия достиг высочайшей степе-

[268] Бартан-баатур – сын Хабул-хана, дед Чингиз-хана.
[269] Эрдумчу-Барлас, Эрумдули-Барлас (XII в.) – монгольский военачальник и принц правящего рода Борджигин, сын Хадули-Барласа.
[270] Есугей-баатур (ум. ок. 1171) – предводитель монгольских племен и отец Чингиз-хана.
[271] Сохо-Сэцэн (ум. ок. 1190) – монгольский военачальник и советник ханов объединения монгольских племен. Сын Эрдумчу-Барласа.
[272] Эпитет «сечен» (монг. сэцэн) переводится как «мудрый». Ср. тат. чәчән («сказитель», «оратор», «поэт-импровизатор»).
[273] Делюн-Болдок – урочище на берегу реки Онон в Забайкалье.
[274] Оэлун (ум. 1221) – старшая жена Есугей-баатура, мать Чингиз-хана.

ни, благодаря тому, что взошло созвездие Весов, которое относится к [одному] из четырех стихий – ветру, и на указанной стоянке расположились семь планет (Плеяды – примеч. пер.), а ладонь [ребенка] была наполнена сгустком запекшейся крови, разумные люди [того] времени восприняли [это] как дурной знак того, что мощный ветер его правления поколеблет самые отдаленные страны востока и запада и приручит птицу душ рабов Божьих путем пролития крови обитателей мира. Поскольку во время его рождения к Писуге привели закованного в цепи Темучин-хана[275], [одного] из великих вождей татар, которого они воспринимали как сильного противника, и его богатство и имущество поступило в распоряжение и владение [Писуги-хана], от великой радости он определил своему новорожденному сыну в качестве имени Темучин. [Один] из сыновей Качулы, Суган-Чечен, который в то время был его военачальником, рассказал известный сон Качулы и истолковал его как доброе предвестие и радостную [весть] о том, что последней звездой, покорившей мир, является этот бесподобный мальчик. Анвари Аухад ад-дин[276], бывший в то время начальником астрологов, напоминает о том, что в такой-то час, когда семь светил собираются в созвездии Весов,

Мисра‘:

كما تحرك سطح البحار من عصف

«Подобно тому, как приходит в движение поверхность морей от сильного ветра», обычным является бедствие шторма. [Это] указывает на то, что будет дуть ветер. Из-за того, что он вынес суждение [на основе этого] утверждения, большинство жителей Багдада несомненно поверив [этой] вести, которая была чистым астрологическим предположением, спрятались под землей, дабы обезопасить себя от бушующего моря Божественного гнева. В установленный день не появился не [только] мощный ветер, но и ветерок, который привел бы в движение листья и траву, минареты украсили свечами и светильниками, а поэты того времени стали сочинять шуточные стихи, направляя критику [указанного] ими времени на высмеивание астрологов словами:

Кит‘а[277]:

گفت انوری که از جهت بادهای سخت
ویران شود عمارت و که نیز بر سری

[275] Тэмуджин-Уге – вождь татар, плененный и казненный Есугей-баатуром.

[276] Аухад ад-дин ‘Али ибн Мухаммад ал-Анвари (ум. ок. 1189), – персидский поэт, астроном и астролог, служивший при дворе сельджукских правителей.

[277] Кытъа (араб. кит‘а, «фрагмент») – стихотворная форма в мусульманской литературе, близкая газели и касыде.

در روز حکم او نوزیدند هیچ باد
یا مرسل الرّیاح تو دانی و انوری

«Сказал Анвари, что из-за сильных ветров
Обрушатся на головы здания, а также горы.
В день предсказания его вообще не дул ветер.
О посылающий ветра! Ты ведаешь, а Анвари – [нет]»[278].

[Некоторое] время спустя Чингиз на быстроногом коне жестокости и мятежа выдвинулся с востока на запад и замыслил разрушить страны мира, а поскольку рождение Чингиза пришлось на указанный день[279], под ветром подразумевался Темучин, который был разрушителем стран – этими словами они утешили сердца лжецов. Вслед за рождением Темучина ступили на просторы земли еще три брата от его матери по имени Джуджи-Касар[280], Качиун[281] и Данджад[282], и Джуджи был очень воинственным и храбрым, многократно вступал в бой с львом разъяренным и слоном трубящим и побеждал [их], из-за чего стал известен под прозванием Касар, означающим «лев». Когда, по прошествии времени, полного угнетения, отец Чингиза, Писуга, и его военачальник Суган-Чечен попрали ногами скверну обители бедствий, Темучин все еще был принцем маленькой детской страны и виртуозным всадником на деревянном коне игр и песен, растворяя свой кристаллический сахар и не обладая разумом [для занятия] делами государства и наукой езды на поле правления, [и] когда оставшиеся от отца слуги и нукеры[283] рассеялись, в соответствии со смыслом бейта:

سپاه پثوکه همه خیل خیل
باقوام نا بخود کردند میل

«Войско Писуги группами
Пожелало [напасть] на народы посторонние»,

и разбрелись, словно мухи и осы, благодаря благоухающему ветру мёда благодеяния, присоединившись к кругу недоброжелателей и связав себя с ними узами, близкие и посторонние [люди] Писуги, уязвленные жалом обиды с его [стороны, поддавшись] бредовому желанию устра-

[278] Эти строки приписывают разным придворным поэтам сельджукского султана Санджара, в том числе Адибу Сабиру (ум. 1143) и Фарид ад-дину Катибу Хурасани, которые были современниками и товарищами Анвари.
[279] В действительности, Анвари сделал предсказание на октябрь 1185 года.
[280] Джочи-Хасар.
[281] Хачиун.
[282] В монгольской традиции известен как Тэмугэ-отчигин.
[283] Нукер (монг. нөхөр) – член военной дружины феодала у монголов.

нить застарелую внутреннюю рану с помощью неправильно приготовленного бальзама смерти Чингиза, начиная с поры его младенчества и вплоть до времени его юности тысячекратно бросали его в яму опасностей и в бескрайние пучины, он [принимал] меры с мастерством канатоходца и добирался до безопасного места, а от противостояния непрерывным сражениям с недоброжелателями и множества дел в прочную вервь его обоснованного мнения проникла слабость и немощь, и оттого, что его состояние потребовало привязывания конца веревки аркана к колонне прочных ворот покровительства, тесто его любви к отцу Писуге было приготовлено и замешано в котле приязни, [и] когда он изволил перейти под знамена покровительства Унг-хана[284], который был подтверждением [слов]:

Мисра‘:

ازو کس در ان عهد برتر نبود

«Не было в то время никого выше него»,

тот, в свою очередь, соблюдя прежние обязательства, воспринял [это] положительно и заранее посчитал [это] честью [для себя]. В войне с [одним из] братьев Унга Будкин-ханом[285], который поднял знамя вражды, Унг выложил заключенную в природе Темучина жемчужину храбрости на рынке усердия и ударом дубиной смелого старания разбил пузырёк достоинства врагов, отчего выпившие яда поражения были встревожены и удручены, и когда они по языческому обычаю, принятому у свирепых собак-татар, обманывающихся тем, кто бросает им кости, убили лошадь, корову и собаку, единодушно и единогласно условившись и договорившись о том, чтобы прибрать к рукам Унга и Темучина, словно искаженное и отмененное писание, растерзать и погубить их длинными зубами клинков и наконечников [копий], и стали выстраивать ряды для сражения, благодаря удару деревянной руки Темучинового усердия боевой барабан войны Унга громогласно возвестил о триумфе и победе, и их чары и ухищрения, которые они, согласно их ложным убеждениям, приготовили, чтобы связать ветхой вервью языки и руки и [заставить] пойти снег и дождь, были раскрыты и развеяны силой счастливых пальцев Чингиза, и построение вражеского войска было нарушено с помощью дозволенного колдовства дождя из стрел бедствия, из-за чего ценность и положение Темучина в [глазах] Унга возросли, а его старание и служение на поле сражения удостоились благодарности, что задело [са-

[284] Ван-хан/Онг-хан, Тоорил (ум. 1203) – хан кереитов.

[285] Подразумевается Джаха-Гамбу, младший брат кереитского хана Тоорила (Ван-хана).

молюбие] легкомысленных приближенных Унга, и в голове Темучина повеяло стремлением к владычеству и восстанию. Когда, в соответствии с не соответствовавшим действительности смыслом бейта:

از هر که دلت ترانه (بهانه) گیرد
او را سبک از میانه گیرد

«В ком бы твое сердце изъянов не искало,
Того [оно] легко уничтожит»[286],

он ударил в бубен раздора, оттого что звук восстания и раскола, появившийся благодаря тому, что они договорились с его сыном Санкумом[287], оскорбил слух помешавшегося умом хана, и, не опасаясь искрящего пламени смысла бейта:

چراغیرا که ایزد بر فروزد
هر انکس پف کند ریشش بسوزد

«Кто на лампу, что зажигает Бог,
Подует, тот бороду свою сожжет»,

пока блеск сверкающего клинка восточных земель не успел отбросить свет на макушку высоченной горы, они приготовились (букв. подобрали подол – примеч. пер.) к войне и сражению, чтобы затушить опахалом острого клинка ночного набега мерцание свечи жизни Чингиза, [и эту] строго секретную тайну некий опрометчивый эмир, который был одним из посвященных в тайны Унга, пересказал ради спокойного сна своей жене с распущенным языком, поведав историю о Бурзи[288] и ключе Афридуна (Фаридуна – примеч. пер.), скверного следствия совещания строптивого хана, после чего два храбрых сокола по имени Катлан и Бади[289], решившие спасти жизнь Чингиза, услыхав [об этом] за занавеской шатра, без промедления и задержки, подобно быстроходному удоду, устремились к войску Чингиза, чтобы сообщить о том, что [к нему] направляется злобный враг,

---

[286] Здесь в персидском бейте, скорее всего, допущена ошибка в написании слова بهانه («упрек», «придирка»), которое передано как ترانه («песня»), что не вяжется со смыслом других слов.

[287] Нилха-Сангум – сын кереитского хана Тоорила (Ван-хана).

[288] Возможно, искаженное написание имени Тура, второго сына легендарного иранского царя Фаридуна, что может быть метафорой заговора Тоорила и его сына Нилха-Сангума, планировавших вероломное нападение на Чингиз-хана.

[289] Хишилиг (Кишлих) и Бадай – монгольские военачальники, которые были слугами-табунщиками нойона Екэ-Цэрэна, находившегося на службе у кереитского хана Тоорила, но сумели добиться расположения Чингиз-хана, получить от него освобождение и стать его нойонами.

Бейт:
سپهرا تموچین لشکر پناه
بجای دکر برد از ان جایکاه
«Армию опора войска Темучин
Переправил в другое место из той местности»,

в соответствии со смыслом [этих строк он] оставил свои палатки и шатры на месте своей стоянки, хитростью обманув глаза врагов с помощью завесы гордости и розжига огня [для] устрашения тигров, а сами они прислонились спиной к горе непоколебимости и серьезности и стали ожидать прибытия злополучных врагов. Когда Унг-хан со своим бескрайним львиным войском приблизился к месту, служившему караванной стоянкой Чингиза, сочтя и посчитав, что внутри [устроенных с] сатанинской хитростью палаток есть [кто-то] из людей, проявили мастерство в метании стрел и испытали силу своих прославленных рук. Когда солнечный диск, который является Бахрамовым[290] щитом небосвода и небосклона [от] камней пращи града, осветил своим светом проборы старцев и юношей, а крупицы военной хитрости Темучина зажгли огонь в доме сердца злонравного врага, они, непременно, с тысяче[кратным] стыдом и смущением отправились к горе, служившей пристанищем Чингизу. Когда случилось столкновение двух [противоборствующих] сторон, Унг-хан бросил хранившиеся в кошельках-колчанах его войска стрелы с железными наконечниками, которые были диковинкой рубиновой материи битв и сражений, на воображаемую цель и без всякой пользы потратил и погубил добытые с помощью торгового капитала деньги и военное снаряжение, а появившийся у Чингиза холод малочисленности войска воспрепятствовал разгоранию войны и помешал смешению клинков и прочнейших стрел (хаданг), престарелые старцы обеих сторон издалека поприветствовали [друг друга], а едва повзрослевшие юнцы ограничились тем, что искоса бросили друг на друга гневные взгляды, что соответствовало [имевшемуся у] Чингиза времени и его положению, благодаря чему он не омрачил отполированное зеркало совести и постоянства позорной пылью поражения и неудачи и спустился вместе со своими подданными и товарищами в оставленную ими позади теснину в горе степенности и солидности,

Бейт:
بسختی زکل میفشردند آب

[290] Бахрам – персонаж иранской мифологии, восходящий к авестийскому Веретрагне, божеству войны и планеты Марс.

نه در چشمه آب و نه در چشم خواب

«С трудом из глины выжимали они воду.

Ни в роднике не было воды, ни в глазах – сна»,

благодаря чему они остались здоровы и целы, [не пострадав] от вереницы напастей зубодробительных вражеских стрел и клинков. Из-за бедственного положения с водой и чувства обреченности в боевом настрое Чингиза проявились слабость и упадок, отчего несколько никчемных и бесстыжих людей из числа его подданных и слуг сказали, что главные органы его удачи были поражены неизлечимым недугом несчастья, отделившись [от него и оставив] службу и дружбу с ним, и количество [его] приверженцев и беззаветно преданных ему составило лишь тысяча шестьсот человек, и он со словами, что при малочисленности войска занимать местоположение по соседству с врагом – это самая настоящая ошибка, выдвинулся из указанного места, отдалился от глаз многочисленных хитайцев и поставил [для] отдыха шатры в местечке под названием Надир, [расположенном] в пределах [страны] татар, и в это время он [раздал] имевшиеся в его казне обилия и достатка деньги и вещи, взвесил щедрой десницей отказа от всего имевшегося [у него] имущества на весах справедливости заслуги и искренность каждого из тех, кто был ему другом и наперсником во время грусти и печалей, связав шею их рабского служения прочной вервью [мудрого изречения] «*человек – раб благодеяния*»[291] (ал-инсан ‘абид ал-ихсан), особенно выделив и возвысив двух храбрых мужей, сообщивших ему о дурных намерениях Унг-хана, путем возвышения отставшего роста их чина и достоинства до степени *тарханства* (тарханлык)[292], которая была почитаемой и одобряемой среди монгольского войска. Упомянутым словом, согласно ложным и невежественным обычаям и бесполезным языческим законам, называют удостоение царских даров сильного мужа, возвысившегося среди себе подобных на поприще храбрецов путем вложения в ладони могущества мячика (гуйак) недостижимой и угодной всему миру цели с помощью клюшки (чавган)[293] старания и усердия и мощных рук отваги, когда он, во-первых, несет ответственность и подвергается наказанию [только] за девятикратно совершенные им великие прегрешения,

[291] Арабская пословица, приписываемая двоюродному брату и зятю пророка Мухаммада, четвертому праведному халифу ‘Али ибн Аби Талибу (ум. 661).

[292] Дархан (дархад) – у монголов человек, освобожденный от повинностей за особые заслуги перед правителем.

[293] Чавган – персидская конно-спортивная игра, от которой произошло современное конное поло. В этой игре всадники использовали клюшки и деревянный мяч.

во-вторых, девять поколений его детей и внуков [освобождаются от] государственных налогов (такалиф-и диванийа), в-третьих, он освобождается от обычая [выплаты] десятой части от трофеев, которую называют «савга», в-четвертых, имеет позволение входить в покои хана, в-пятых, удостаивается [права] сидеть на собраниях хана без [выполнения каких-либо] обязанностей, в-шестых, забывать о печалях [этого] мира, испив из щедрых рук хана девять чарок веселящего вина, в-седьмых, ехать в поездках впереди хана, в-восьмых, получает дозволение вводить в свой гарем супружества без дозволения опекуна (вали) [любую] девушку и женщину, с которой пожелает сочетаться [браком], за исключением ханских дочерей, в-девятых, сподабливается гордости и чести и достигает девяти небес почитания, получая по девять единиц из девяти видов коней, домашней утвари и прочих предметов. Дети сына предка Чингиза в девятом [колене] Бука-хана, Туманы, были взращены у подола воспитания их матери Моголун-хатун, восемь братьев набрали полный рот погибели в окрестностях горы Ануш, испив шербет клинков джалаиров, а предок Чингиза в седьмом [колене] Кайду-хан высвободил ворот своей души [из рук смерти] и, достигнув конечной стоянки, ввел [обычай] почитания числа девять, чтобы напомнить и предупредить о произошедшем с братьями и матерью. По благоволению Всемогущего Господа те из потомков Чингиза, чьи радостные головы были увенчаны драгоценным венцом ясной религии (ислама – примеч. пер.), и подолы их убеждений очистились от скверны неверия, выбросили это безобразное положение и навоз поддержанной пречистым шариатом десницей на свалку оставления и забвения, оставив лишь название «тархан» для [обозначения]освобожденного раба и рабыни и обычай наделения девятью видами подарков. Короче говоря, оставленный на хранение в сокровищнице Чингиза магнит благодеяния и симпатии позволил притянуть железные сердца непреклонных людей, и когда за короткое время под знаменем его великодушия за ним встали и поддержали его больше шести тысяч храбрецов, золотое [пушечное] ядро сияющего солнца Бахрама (Марса – примеч. пер.) небосвода скрылось в склепе темной ночи, а пуля из ружья воина неподвижных и подвижных звезд появилась в поле просторов вселенной, Чингиз пустил стрелу своего прозорливого взгляда в цель приятного сна о том, что ему было дано в обе руки два сияющих меча, подобных лучезарному солнцу, острие одного из которых достигало самой отдаленной [части] востока, а [острие] другого – предела запада, и, наблюдая за этим, он проснулся [и] пересказал [его] своей милостивой матушке Алун-Хатун, обрадовавшись и набравшись решимости

после того, как она истолковала [его], сообщив ему добрую весть о том, что клинок его гнева и наказания дойдет до областей востока, а разящий меч его власти достигнет западной земли, и в час сражения и боев он не поддавался страху и не обращался в бегство, в частности, когда написал письмо предводителю кунгиратов, самого великого из монгольских племен, содержавшее приглашение на собрание покорности и в дом согласия, и отправил посла, и когда тот с обходительностью и любезностью приложился лбом к подолу покорности и повиновения, это укрепило его в могуществе и стойкости, и когда он в последующем нестройным и глумливым голосом пришпорил гнев норовистого коня языческой надменности бросившего жребий сражения Унг-хана, еще раз устроив пиршество схватки, благодаря помощи судьбы, флейта вражды Чингиза возвестила о победе и внушила [ему] веселье, а Унг-хан, еле волоча ноги, бежал в область его заклятого и кровного врага, правителя найманов Табанак-хана[294].

Согласно смыслу бейта:

Gurbetde garib şadkam olmaz imiş

Hiç kimse garibe mihriban olmaz imiş[295]

«На чужбине странник не бывает радостным,

Никто с чужаком милосердным не бывает»,

на несчастного и побежденного хана наткнулся бродивший по степи воин, [который был одним] из эмиров Табанака, вырвал нелепую тыкву его головы из огорода его тела, прикатил ее к Табанаку и подарил ему, положив в золотой таз,

Мисра‘:

چون سگ باستخوان دلخود شاد میکند

«Подобно псу, сердце свое он костью радует»,

и устремил свой взор через очки гордыни к мщению. Когда он еще раз обратился со злорадством и издевкой к бездыханной голове и покойной душе: «Почему на листок твоих прелестных губ, который был свитком с разнообразными узорами, наложена печать молчания, ты не увлекаешься пиршествами», тогда ключом позволения Воскрешающего истлевшие кости (мухйи ар-рамим) закрытая дверь умолкших уст отворилась, троекратно высунула безжизненный язык, бессловесно и беззвучно указав на то, что [его] покинет счастье, и наблюдавшие за этим прозорливые [обладатели] разума и авторитета сказали: «В ближайшие времена

[294] Таян-хан (ум. 1204) – хан найманов.

[295] Строки из стихотворения средневекового тюркоязычного поэта Физули (XVI в.).

с Табанаком случится подобное [случившемуся] с Унг-ханом». Короче говоря, после того, как Унг-хан упал на дно беспомощности, большинство эмиров Чина согласились с мнением Темучина, и когда он вступил в возраст сорока девяти лет, примерно в пятьсот девяносто девятом году (1202–1203 гг. – примеч. пер.) и в год свиньи, то воссел, скрестив ноги, на трон независимого правления в области под названием Саман-Гавхар[296] (Восемь Жемчужин – примеч. пер.). В то время преступления [и] смертоубийства, чинимые в Арабском Ираке Аббасидами, в Хиджазе – шарифами [из рода] Бану-Катада[297], в Йемене – зейдитскими имамами[298], в Египте – курдами [из династии] Аййубидов[299], в Магрибе – Маринидами[300] (Бану-Марин), в Андалусии – Альмохадами[301] (Муваххидун), в Руме – Сельджукидами (ал-и Салджук), в Шаме, Джазире, Армении, Иране, Азербайджане, Гиляне, Дейлеме, ‘Аджамском Ираке, Луристане, Хузистане, Фарсе и Кермане – атабеками[302], в Табаристане – царями [из династии] Бавандидов[303], в Кухистане – безбожниками (араб. малахида = исмалитами – примеч. пер.), в Хорасане, Забулистане, Сиджистане и части Синда и Хинда – Гуридскими султанами[304], в Мавераннахре – тюркскими хаканами, в части Туркистана – независимыми друг от друга и самовластными правителями из [числа] карахитаев[305], в областях Хорезма – Мухаммад-шахом[306], привели в бурление волны гнева Господнего, и следует запечатлеть на страницах повествования, что под ногами войска несущего несчастья и беды Чингиза большая часть

[296] Искаженное написание Саари-Кээр (от монг. кэхэр – «степь»), степной местности, в которой располагалась походная ставка Чингиз-хана.

[297] Катадиды (Бану-Катада) – династия шарифов, восходящих к Хасану ибн ‘Али, представители которой в 1201–1925 гг. неоднократно становились правителями Мекки.

[298] Рассиды – династия зейдитских имамов, правивших большей частью Йемена в 897–1962 гг.

[299] Представители этой династии правили Египтом в 1169–1252 гг.

[300] Мариниды – берберская династия, правившая Марокко в 1215–1465 гг.

[301] Альмохады правили в Андалусии в 1121–1269 гг.

[302] Атабеки – общее название сельджукских правителей, руководивших небольшими государствами на территории Ближнего Востока в XII–XIII вв.

[303] Бавандиды – иранская династия, восходящая к сасанидским правителям доисламского Ирана, правившая прикаспийскими территориями в VII–XIV вв.

[304] Гуриды – династия персидского происхождения, правившая большей частью Индии в XII–XIII вв.

[305] Каракитаи – одно из ответвлений монголоязычных киданей, откочевавшее после развала империи Ляо на запад, в область Восточного Туркестана, и создавшее там свое государство (втор. пол. XII – нач. XIII вв.)

[306] ‘Ала ад-дин Мухаммад (ум. 1220) – тюркский правитель Хорезма (1200–1220).

благоустроенной [доли] земной поверхности стала гнездовьем ворон и сов. Короче говоря, благодаря тому, что проявилось увеличение сияния солнца удачи Чингиза, правитель племени найманов Табанак-хан был встревожен и обеспокоен мыслью о том, что зажглась звезда его правления, и, [поддавшись] прихоти устранить Чингиза и отвратить непреложный приговор [судьбы], выразил [одному] из знаменитых татарских правителей, предводителю племени Ангыт[307], свой пресекающий споры довод «*в одних ножнах не бывать двум мечам*»[308] (ла йасихху-с-сайфани фи гамдин вахид): «Наличие в одному лесу двух свирепых львов, в одной стране – двух султанов, в одном теле – двух душ, в одном пространстве – двух тел, противоречит обыкновению Господа, и по соседству с вашим государством тираничный Темучин поднял знамя высокомерия и ненависти,

Бейт:

كنون كر الاطوش ياری كند

تموچين كی شهرياری كند

«Теперь, если Алатуш[309] поможет,

Разве Темучин когда-нибудь будет царствовать?»,

с [этими] приветливыми словами он возложил надежду на приглашение в дом помощи и содействия Алатуша, который был размышляющим и обладал разумом, благодаря чему он разглядел и понял по возвышенным манерам [одного] и низким выходкам [другого], что звезда удачи Чингиза устремилась к величию и возвышению, а звезда Табанака – к [самым] низинам ничтожества, [после чего] без промедления направил поводья быстроты к военному лагерю Чингиза, рассказал и изложил на особом приеме у пресловутого (Чингиза – примеч. пер.) повесть о дурном замысле Табанака, [так что]образ враждебности указанного хана покрыл ржавчиной зеркало сердца Чингиза, и когда ради удаления и устранения мглы смуты и нечестия он посмотрел через подзорную трубу совещания на последствия дел, некоторые малодушные и недальновидные люди на поле мужей стали подстегивать кнутом оправданий потерявшего стыд скакуна, ссылаясь на слабость лошадей, и сказали, что было бы уместнее, чтобы для подготовки припасов и [сбора] сил главный конюший на какое-то время задержал [выдачу] фуража всадникам и коням для постоя, предпочтя остановку и отдых, и своим приятным сердцу

[307] Онгуты – тюрко-монгольское племя, правитель которого Алахуш-Дигитхури (ум. 1211) был некоторое время союзником Чингиз-хана.

[308] Арабская пословица.

[309] Онгутский хан Алахуш-Дигитхури.

советом командующий войском Улгачин Буйанак[310], который был дядей Чингиза,

Бейт:

زمانه از انکس تبرا کند

که او کار امروز فردا کند

«Жизнь отрекается от того,

Кто откладывает сегодняшнее дело на завтра»,

вызвал у мягкого нравом Чингиза охоту воевать и сражаться, отчего в джумада ал-ахира шестисотого года (февраль-март 1204 г. – примеч. пер.), в год мыши, он с помощью плуга наконечника [копья] войска монгол и татар посеял семена жестокости и ненависти на пашнях пространства Чина и Туркистана и собрал трофеи на поле грабежей и разорений, и когда он, радостный и довольный, дернул за поводья вражды, привратник холода накинул белый занавес снега и льда на глаза мятежа и бунта, так что Темучин выбрал себе гнездо для отдыха в зимовье Саман-Гаухар. Когда весенний ветер грациозной походкой принес благую весть о прибытии войска цветов, дерево нрава Чингиза склонилось к козням и интригам, из отверстия логова показались насекомые вражеского войска, занявшие области Бикрит (меркитов – примеч. пер.) и с целью устранения Тукйи[311] пришпорили коней войны и сумятицы, найдя легчайший путь к овладению столицей указанного царства, благодаря чему обрели славу и удачу среди монголов и татар.

О том, как Темучин получил прозвание Чингиз

Оно [пишется] через «джим» (ج) и «нун» (ن) с [диакретическими] точками (би-л-джим ва-н-нун ал-му‘джаматан), а после них – «каф» (ک). Оно упоминается в «Тарих-и Вассаф»[312] как «*Дженк-Эри*» (тюрк. «военный человек» – примеч. пер.), что означает усердно сражающегося их [числа] людей сражения. В некоторых списках «джим» является персидским[313] и [пишется] с касрой[314], «нун» пишется, но не произносится, а

[310] Искаженное написание имени Отчигин-нойона (Даритай-отчигина), дяди Чингиз-хана.

[311] Искаженное написание имени Тохто-беки (ум. 1205), правителя меркитов.

[312] «Та’рих-и Вассаф» («Хроника Вассафа», полное название «Китаб таджзийат ал-амсар ва тазджийат ал-а‘сар», «Книга разделения областей и прохождения времён») – историческое сочинение, написанное персидским историком Вассафом (ум. 1329) в 1312–1328 гг. и преподнесенное в дар хулагуидскому правителя Олджайту.

[313] Под персидским джимом имеется в виду дополнительная буква چ, которая используется в персидском и тюркском языках для обозначения звука «ч», отсутствующего в арабском.

после него [пишется] персидский «каф»[315], [из которых образуется] «*чинг*» – «настоящий», а «*эр*» – это «храбрый муж», [и оно] означает «настоящий храбрец». В последующем из-за искажения простым людом и частого использования [буква] «ра» (ر) была превращена в «за» (ز). Однако в исторических книгах, составленных в тех краях, на достоверность которых вполне можно надеяться, подробно написано, что поток [от] разлива правления монгольских и татарских правителей, подобно [власти] шейхов[316] арабских племен, устремился в сад подчинения зависимых [областей], а древо их власти было лишено плодов независимости, и шип из розового сада державы оторвал и отрезал кончики пальцев наступления соперников и чужаков ударом мечей и стрел, сделавшись несравненным и бесподобным, словно свободный кипарис, после чего на собрании большого совета, который они называли «курултай», человек с оголенным телом по имени Бут-Тенгри[317] привел в качестве двух свидетельств справедливости своего притязания на искусство ворожбы и колдовства то, что он без одежды и халата выдерживает суровость лета и зимы и бедствия невиданного холода и жары, подобно самозванцам [нашего] времени, привязав легковерных людей веревкой ухищрений к дверям своей несчастной цыганской обители и сделав их своими приспешниками [с помощью] ловких рук. Из накопившегося в голове Чингиза крапивы величайшего множества и скопления черной тучи войска, в соответствии со смыслом мисра‘:

از ابر سیه باشد افزونئ بارانها

«От черной тучи бывает увеличение дождей»,

на головы обитателей мира должен был пролиться дождь бедствия и притеснения и подуть ураган ярости и боли, что он наблюдал через врата проницательности бейта:

از کرامات شیخ ما عجبست
برف را دید و گفت که قار یاغر

«[Одним] из удивительных чудотворств нашего шейха является
То, что увидал он снег и сказал: «Пойдет дождь» (qar yağar)»,

---

[314] Касра – диакретический знак в арабском письме, который выглядит как черточка под буквой и обозначает звук «и».

[315] Под персидским кафом имеется в виду дополнительная буква گ, которая используется в персидском и тюркском языках для обозначения звука «г», отсутствующего в арабском.

[316] Шейх (араб. шайх – «старец») – вождь племени у арабов, а в дальнейшем также уважительное обращение к мусульманским ученым и священнослужителям.

[317] Тэб-Тэнгри (Кокочу, ум. ок. 1211) – соратник и сводный брат Чингиз-хана, монгольский шаман из племени хонхотан

благодаря чему в жилы и тело [собравшихся] на великое собрание, которое они называют «курултай» и «кангадж», будто бы вселились мерзкие духи: «утром и вечером со стороны неба спустился в гостиный дом моих презренных глаз на пегом [коне] изящества некий юноша со светлым обликом, и мне было доставлено сообщение о том, что имеется непреложное веление о том, что с этих пор прозванием Темучина будет Чингиз, что означает «царь царей» (шах-и шахан),

Бейт:

نهاديم نام تو جنكيز خان

ازين بسكه خودرا تموچين مخوان

«Назвали мы тебя Чингиз-ханом,

С этих пор больше Темучином себя не называй»,

с помощью [этих] прикрас сомнений и лжи он пустил [эти слова] в обращение на рынке прельщения [мнимыми чудесами] (истидрадж), и хотя надуманные притязания привыкшего к лжи самозванца были для Чингиза вне рамок правдивости и здравого смысла, он не стал затыкать рукой отрицания и неприятия рот народного единодушия, проистекавшего от доброй воли и убеждения монгольских эмиров, поступив в соответствии с отвлеченными словами указанного лица. Оттого, что [этот] неотесанный мужлан стал говорить «Я – нарекший Чингиза его именем» и выражать высокомерие и гордыню по поводу [этого] бессмысленного и неуместного именования и протягивать пальцы своего посягательства к котлу общих дел, он еще раз на совещательном собрании не одобрил почтенное мнение брата Чингиза – Джуджи-Касара – и с хмурым лицом выказал невежливость, отчего тот лев в лесу гнева и ярости схватил лапой неистовства и свернул шею жизни [того] гадкого хитрого лиса, перекрыв дорогу его души и жизни. Поскольку запертые двери воли Чингиза были открыты ключом усердия и старания, и из-за музыки кровопролития, которую он слушал на поле боя со [сраженным] ранее мечом его несправедливости и упавшим на землю смерти и отчаяния Табанак-ханом, не пришли бедность и богатство, и он клинком вероломства убил брата Табанака – Буйурдык-хана[318], а когда его дядя Кушлук-хан[319] узнал об этом, они вместе с одним из раненных Тукйей бежали в страну Эрдиш (иртышские степи – примеч. пер.), грабители из войска Чингиза направились в страну кыркызов, и пока ноги их безжалостных коней не

[318] Буюрук-хан – найманский хан, младший брат Таян-хана.

[319] Кучлук/Кушлук (ум. 1218) – сын найманского правителя Таян-хана. Автор «Семи планет» ошибочно называет его дядей Буюрук-хана.

уничтожили нивы их веселия и радости, правители областей, чтобы защититься от смуты и нечестия, расстелили [все] свои скудные пожитки на земле [в знак] покорности и подарили редкие подарки [в знак] подчинения, выказав свое рабское повиновение, благодаря чему освободили шею своей жизни от цепей бедствий и несчастий. После этого помышляющий о смуте Чингиз вознамерился разрушить страну Эрдиш, направившись со всеми сыновьями, нуйанами[320], эмирами туменов[321], тысячниками, сотниками, кийунами[322], огланами[323] и прочими разрядами бесчисленного войска в желаемом направлении, и когда они выстроились в боевые построения, Тукйа отправился в путь к гибели, а Кушлук-хан бежал под знамя покровительства карахитайского правителя Гур-хана[324], [чье имя] означало «обладатель достоинства и мощи». [Один] из татарских храбрецов Арслан-хан[325], который носил прозвание Кут[326] и был правителем страны уйгуров[327], в соответствии со смыслом бейта:

سپاه و شهانیکه کردیم یاد
یکایک بجنکیز خان رو نهاد

«Войско и цари, которым мы упомянули,
Все до одного обратились к Чингиз-хану»,

прильнул лбом [к его подолу в знак] покорности, а воины Чингиза, словно муравьи и саранча, не знавшие границ и числа, начали предварительную подготовку к тому, чтобы отомстить хитайскому хану, была произнесена гневная и побуждавшая к мятежу и волнению речь о его приглашении под стяг покорности. Поскольку передать эти неподобающие слова было поручено проницательному человеку по имени Джа‘фар

[320] Нойон – представители степной знати у средневековых монголов, а также главы военных формирований в государстве Чингиз-хана.

[321] Тумен – организационная единица монгольского войска, численность которой составляла десять тысяч всадников.

[322] Возможно, этот термин связан с прозванием «гойон», представлявшим высшее княжеское звание (от кит. го-ван – «великий князь») которое Чингиз-хан давал некоторым своим военачальникам.

[323] Огланы – в Крымском ханстве представители привилегированного военного сословия, занимавшие руководящие посты в армии.

[324] Гурхан – титул хана племенной конфедерации у монгольских племен, который носили правители каракитаев.

[325] Арслан-хан (ум. 1222) – карлукский хан, правивший в Семиречье, союзник Чингиз-хана в его войне с каракитаями.

[326] Имеется в виду титул «идикут», который носили правители уйгурского государства в Турфане в IX–XIV вв.

[327] В «Джавами‘ ат-таварих» Рашид ад-дина Арслан-хан и уйгурский идикут фигурируют как два разных лица.

Ходжа[328] и его острому языку, указанный посол передал печальное послание, и покрывало высокомерия и спеси сделало незрячим и лишило света кривой глаз восприятия Гур-хана,

Стихотворение:

تو مردان جنکی کجا دیدۀ
که اواز روباه نشنیدۀ
کجا دیدۀ جنک جنک اوران
کجا یافتی بار کرز کران

«Где ты видел мужей ратных,
Раз не слыхал пения лисы?
Где ты видел сражения бойцов,
Где ты познал груз булавы тяжелой?»[329],

опершись с [этими] грубыми словами о готовую вот-вот разрушиться стену непостоянного войска, он с грубостью и принуждением вернул указанного посла. По пути обратно он [прошел] полные опасностей дороги, пути и переправы, открыв глаза прозрения и предосторожности, образы стоянок пути, утвердились и упрочились, подобно изображению на камне, на внутренней карте учителя школы мистического познания (‘ирфан). Он один за другим пересказал перед Чингизом хорошие и плохие слова с предостережением о повиновении, и [оттого что он был движим] побуждением раздавить и сломать под ногами татарских коней покрытую волосами чашу (голову – примеч. пер.) хитайского хана, примерно в шестьсот пятом году (1208–1209 гг. – примеч. пер.) звуки копыт устремившихся [к нему] татарских коней достигли слуха Гур-хана, и он тоже с огромным войском поставил палатки и шатры в теснине горного прохода и стал дожидаться прибытия врагов. По наущению мастера походных дел Ходжи Джа‘фара, [они] прошли через опасный проход по неизвестному пути, внезапно войдя через хитайские земли в страну уйгуров, и предали огню грабежей и разбоев дом их силы, богатства и могущества, установив шатры отдохновения для раздела трофеев и приготовления пищи, а за этим наблюдало выжидавшее времени для внезапного нападения в своем укрытии предосторожности войско хитаев, и когда они ослабили поводья нападения, посчитав, что [наступило] время шанса на победу, легкие всадники Чингиза опрокинули бурлящий котел их дородного провианта, сели на железноногого коня праведного гнева,

[328] Джафар-ходжа – среднеазиатский мусульманский купец, который служил дипломатом, военным советником и лазутчиком при дворе Чингиз-хана.
[329] Строки из «Шахнаме» Фердоуси.

которого они держали в путах и узде сбережения и удержания, без всякого страха и беспокойства схватились за рукояти мечей возмущения и волнения, благодаря перу художника предопределения на страницах украшенной рисунками книги хитаев возник пугающий узор поражения, и чтобы прекрасный рисунок их жизни не был полностью стерт и уничтожен со свитка эпохи потоком моря крови, они сосватали девственницу мира и пощады на условии, что дочь хитайского хана с внешностью пери[330] введут в гарем Чингиза, что понравилось женолюбивой душе Чингиза, и хотя он дал согласие на мир и пощаду, все же родство по женской линии не привело к устранению давней вражды, и непотребные выходки, совершавшиеся на протяжении пяти-десяти дней кучкой монголов, вывели из терпения хитайского хана, отчего он поручил свою столицу Ханбалыг сыну, а сам на скакуне отчаяния и обездоленности удалился в крепость Тамник[331], одернув подол царства и [царского] титула, после чего камень злорадства и упреков хитайских эмиров разбил бутыль сердца царевича, он отказался от общения и дружбы [с ними], а его отъезд к отцу привел к беспорядкам среди жителей государства, и в то время, когда бессовестный Чингиз определил и направил для захвата и завоевания указанной страны двух храбрых мужей по имени Мамука[332] и Мука[333] с достаточным количеством воинов, тяжелый камень положения сынов [того] времени обидел (букв. разбил чувства – примеч. пер.) легкомысленного хитайского хана,

Мисра‘:

Ayağından bu bezmiñ el çeküp dur olmamız yekdir

«От бокала этого пиршества лучше отказаться нам и удалиться»[334],

с [этой] песнею [он] испил из чаши отравленного вина и забыл о пире своей жизни, устремился в общество круга усопших, так что овечья отара подданных и войско на поле сражения лишились покровительства стерегшего их пастуха и остались одни, из-за их неспособности защититься от врага они без войны и сражения вручили ключи от неприступ-

[330] Пери – фантастические существа в виде прекрасных девушек в персидской мифологии и фольклоре тюрко-мусульманских народов.

[331] Нань-цзин (Нам-гин) – Южная столица, современный город Кайфэн в провинции Хэнань.

[332] Военачальник Чингиз-хана Самухэ-баатур.

[333] Мукали/Мухулай (ум. 1223) – монгольский полководец, соратник Чингиз-хана. Возглавлял кампанию против чжурчжэнского государства Цзинь.

[334] Строки из сборника текстов к произведениям османской классической музыки «Маджму‘а-и лата’иф фи сандукат ал-ма‘ариф» османского медика, поэта и композитора Хекимбаши Сюбхизаде Абдулазиза Ариф-эфенди (ум. 1783).

ной и простирающейся до небес крепости в руки владычества войска Чингиза, и когда об этом было сообщено пресловутому [Чингизу], он отправил надежного человека по имени Картукуйа[335] вместе с двумя его нукерами, чтобы они доставили в казну редкие дары, хранившиеся в сокровищнице крепости, захваченной путем явления волшебства меча и с помощью убойщика смертоубийства. Во время передачи предметов из сокровищницы крепости, когда ради сокрытия и утаивания порока указанного эмира наделили долей в два харвара[336] парчи и шелка в качестве вознаграждения за молчание, любезно вручив ему товар, все имевшиеся внутри и снаружи крепости явные и скрытые вещи и деньги считались целиком имуществом хана, а потому если кто-либо протянул бы руку посягательства [даже] к горчичному зернышку, это было бы сочтено самым настоящим предательством, и они наложили на рот распоряжения и принятия печать отрицания и отказа, и то, что ненасытные товарищи, открывшие рот в алчности и жадности, безостановочно вкладывали [богатства] в [спрятанную] в яме мошну, дошло до ушей Чингиза, тот удовлетворенный человек был взвешен на весах правдивости и здравого смысла, ценность драгоценного камня его личности в [глазах] благодетеля была принята во внимание и возросла, так что он отвернулся и отстранился от тех двух негодяев и нечестивцев. Короче говоря, Чингиз-хан в кратчайшее время с [помощью] мягких и резких слов, ударов и насилия, обещаний и посулов включил большую часть областей хитаев и татар в свои владения и подвластные земли, после чего отпустил поводья и с [легкостью] утреннего ветерка погнал коня ликования в направлении своей изначальной родины.

О детях Чингиза и некоторых его странных состояниях

Согласно древнему рассказу сказителей, в ту эпоху монгольские полчища не подчинялись велениям [какого-либо] закона или писания, и в своих религиозных и мирских делах следовали и руководствовались

[335] Шиги-Хутуху (ум. ок. 1250) – монгольский военачальник, сводный брат Чингиз-хана. Во время похода на Цзинь был отправлен в столицу чжурчжэней вместе с двумя другими нойонами, Онгуром и Архай-Хасаром, которым было поручено забрать оставшиеся золото, серебро и ткани. Чжурчжэнские вельможи подарили им несколько тюков узорчатых тканей. Архай-Хасар и Онгур соблазнились дорогими подарками, за что позднее получили строгий выговор от Чингиз-хана, в отличие от Шиги-Хутуху, который отказался принимать дары.

[336] Харвар (перс. «ослиный вьюк») – персидская мера веса (≈300–400 кг).

своим несовершенным разумом и алчным нечестивым нафсом[337], одни были поклонниками солнца и луны, а другие поклонялись камням и деревьям, и Чингиз тоже, не будучи начертан пером принужденности на свитке религии, положил более десяти едва распустившихся бутонов большого древа девственности из розоволиких [красавиц] царских кровей в покои брачных услад с расписными потолками, и едва разинувшая свое лоно земля будящих сладострастие жён была засеяна семенами близости и соединения, так что вследствие крупного ядра его мужского [семени] из недр его стального древа он был обрадован более чем сорока сыновьями и дочерями, но среди его жен шелковые кафтаны четырех его супруг по имени Партав-Куджин[338], Конджу[339], Кури[340] и Пису-Ланка[341],

Бейт:

وزين پنج خاتون با تاج كاه
فزون بود هم پرتو قوجين بجاه

«Из этих пяти жен, удостоенных короны,
Превосходила всех по положению Партав-Куджин»,

увеличивали красоту их горделивости и ликования. В частности, мать четырех выдающихся сыновей, удостоившихся взора уважения [среди] его великих потомков, Партав-Кучин, которая была больше всех удостоена признания, наложила печать на ярлык о правлении каждого из дорогих ее сердцу чад в какой-нибудь стране и вручила в ладони их дарования по высочайшему повелению. Сперва весьма почитаемый среди них аркан усердия и старания в охоте был привязан к деснице Джуджи[342], рукоять меча Ясы[343] и правления была вложена в могучую руку

---

[337] Нафс (араб. «душа») – в исламе обозначение индивидуальной сущности или эго человека, которое в исламской этике или в суфизме чаще всего ассоциируется с его низменными желаниями.

[338] Бортэ-Фуджин (ум. 1230) – старшая жена Чингиз-хана из племени унгират.

[339] Кунджу, которая фигурирует в «Джами‘ ат-таварих» Рашид ад-дина как дочь Алтан-хана (правителя Цзинь), соответствует принцессе Ци, дочери седьмого императора Цзинь Ваньянь Юнцзи (1208–1213).

[340] Судя по всему, речь идет о Гурбэсу (в «Шу‘аб-и панджгана» Рашид ад-дина: Курйасу), наложнице Чингиз-хана, которая ранее была женой найманского правителя Инанч-хана, а затем его сына Таян-хана.

[341] Есуй/Есулэн – одна из жен Чингиз-хана, дочь татарского хана Цэрэн-эке.

[342] Джучи (ум. ок. 1227) – старший сын Чингиз-хана, монгольский военачальник, унаследовавший западные территории (Улус-Джучи) и ставший родоначальником династии Джучидов, ханов Золотой Орды.

[343] Великая Яса (монг. Их Засаг) – законоуложение Чингиз-хана, принятое им на всемонгольском курултае, которое в той или иной мере служило источником целого ряда правовых обычаев в государствах Чингизидов.

Чагатая[344], узда покровительства армии и предводительства войском была привязана к прочному крючку Тулуя[345], а приведение в порядок дел людей вкупе со степенью престолонаследника, а также с добавлением [титула] «каан», означающего «хан ханов», и прозвания «улгачин»[346], означающего «заместитель» (ка'им-макам), было поручено Угатай-каану[347], а других своих детей и внуков, огланов, кийунов и прочих глав и эмиров из числа его племянников [он] наделил титулом «карачу»[348] и расположил начальников отдельных людей по своему усмотрению в определенном порядке, поставив над десятью шатрами населения и войска одного начальника, а когда [число] этих начальников достигало десяти, то [назначив] сотника (йузбаши), а когда и их [число] достигало десяти, то – тысячника (хазари), а когда и они доходили до полной сотни, то – тумен, а народам и племенам определил в качестве названия «улус»[349], воинов и подданных разделил и распределил своей доброй волей между детьми, внуками, кийунами и карачу, наделив каждого из них долей от плодов государства в соответствии с их способностями. Чтобы воспрепятствовать истечению потоков привязанных [к нему] сердец в степь неприязни, Чингиз-хан всегда собирал их у арыка единства путем выбивания парадного ковра себялюбия ударами любви и загораживания пути бурного потока отдаления заслонкой наставлений и советов, отражая жгучий жар себялюбия. На одном собрании он с почтением дал одному из своих сыновей стрелу и распорядился: «Сломай ее». Когда тот без труда сломал ее, он добавил к ней еще [несколько стрел], таким образом их [количество] дошло до такого уровня, что их стало невозможно сломать, [а затем он сказал:] «Хотя сломать древко стрелы – легкое дело, благодаря их объединению и множеству они обрели твердость. Точно так же, если братья и друзья будут дружны и единодушны, они, определенно, будут в безопасности от ударов безжалостной судьбы. Потому что в стародавние времена одна семихвостая змея с одной головой и двухголовая змея с телом дракона, взволнованные и обеспокоен-

[344] Чагатай (ум. 1242) – второй сын Чингиз-хана и его старшей жены Бортэ, лучший знаток Ясы, получивший в управление обширные территории в Средней Азии.

[345] Тулуй (ум. 1232) – четвертый и младший сын Чингиз-хана и Бортэ, талантливый полководец, проявивший себя во время похода в Хорезм.

[346] Искаженная версия монгольского титула «отчигин» («хранитель очага»), который традиционно добавлялась монголами к именам младших сыновей.

[347] Угэдэй (ум. 1241) – третий сын Чингиз-хана и Бортэ, преемник своего отца в великого хана Монгольской империи (1229–1241).

[348] Карачи – один из высших феодальных титулов в государствах Джучидов.

[349] Улус – тюрко-монгольский термин, обозначавший народ или государство.

ные сильной стужей и снегом, дабы спасти свою жизнь, нашли прибежище в некоем логове, и тогда семихвостая змея без всяких хлопот пролезла в нору отдохновения, найдя путь к спасению, а другая змея в силу неудобства из-за большого количества голов осталась снаружи логова и ушла из жизни» – так он рассказал им историю о доле согласия и единодушия. Нововведенные обычаи и порядки, касавшиеся устройства государства и продолжительности правления, которые указанное лицо (Чингиз-хан – примеч. пер.) составило и привело в порядок по мере своего понимания с помощью своего проницательного разума, наименовав их «Тура-и Чингиз»[350], действовали и признавались при его жизни, а после его смерти были еще долгое время руководством к действию, благодаря чему Великий Юрт[351] (улуг-йурт), где правил его сын Угатай-каан, получил именование Улус-и Калмук, что означает горстку монголов, оставшихся жить в спокойствии [на родине], подчинявшиеся Джуджи земли – Улус-и Джуджи, подчинявшиеся Чагатаю – Улус-и Чагатай, а принадлежащие Хулагу ибн Тулую[352] – Улус-и Хулагу, и четыре рода единодушных войск сели на скакуна согласия и единения, из-за чего большая часть населенной четверти оказалась под ногами коней их завоевания, а поскольку арык их единодушия пришел в неисправность взаимоотстранения из-за сухой травы соперничества, двери мансарды их владычества закрылись, а вервь их удачи и способности порвалась, и только повеления потомства Джуджи распространялись в некоторых областях Мавераннахра, Хорезма и Крыма, а потомства Чагатая – в некоторых областях Туркистана, тогда как по поводу хана Улус-и Калмука, занимавшего трон Чингиза, один из его собственных эмиров, глава племени айрат по имени Джусанту[353] вступил в сговор с другими негодяями-смутьянами и одержал верх над ханом из каанского рода, и примерно в восемьсот двадцать девятом году (1425–1426 гг. – примеч. пер.) одеяние правления было сброшено с плеч Чингизидов, а пребывание Чингизидов [на троне] продлилось с шестьсот пятьдесят третьего года (1255–1256 гг. – примеч. пер.) примерно по семьсот сорок четвертый год (1343–1344 гг. – примеч.

[350] От монг. төр – «порядок, государство, держава, власть».

[351] Название ставки великого каана Монгольской империи и владений, находившихся в его непосредственном подчинении.

[352] Хулагу (ум. 1265) – монгольский правитель и военачальник, сын Толуя и внук Чингиз-хана.

[353] Эсэн-Тайши (ум. 1454) – главный ойратский тайши (1439–1454), который в 1453 г. убил монгольского правителя Тайсун-хана и сам занял престол Великого хана Монгольской империи (1453–1454).

пер.), достигнув девяноста двух лет на престоле в Великом Юрте, а затем их эмиры в Руме и Иране подняли знамя восстания, и каждый из них стал самостоятельным ханом. Среди горстки злонравных калмуков до сих пор [есть] притязающие на главенство – это от неблагодарности того безродного племени за [оказанное им] благодеяние. Что касается ханов Чагатаева Улуса, с шестьсот тридцать восьмого [года] (1240–1241 гг. – примеч. пер.) по восемьсот третий год (1400–1401 гг. – примеч. пер.) добились власти и своих желаний тридцать один из них, а срок их правления достиг ста шестидесяти девяти лет, и помимо некоторых стран, расположенных в Туркистане, [этот улус] перешел к потомству Тимура Гуркана, а [что касается] ханов Улус-и Джуджи, с шестьсот двадцать четвертого года (1226–1227 гг. – примеч. пер.) по восемьсот тридцать шестой (1432–1433 гг. – примеч. пер.) в Дешт-и Итиль (волжских степях – примеч. пер.) поток правления тридцати из них тёк на протяжении двухсот двух лет, а затем различные царевичи (хан-заде) из потомков Джуджи правили в Итиле (на Волге – примеч. пер.), Булгаре, Казани, Крыму, Хорезме и Мавераннахре, и после завоевания большинства указанных областей неверными Москвы, руки Чингизидов оказались коротки (т.е. они лишились власти – примеч. пер.), и область распространения их правления ограничилась Мавераннахром, Хорезмом и Крымом. Да не останется в тайне, что из-за того, что шея внутреннего [мира] Чингиза не была украшена жемчугом Писания и религии, он был знаком и дружен с мусульманами, христианами, иудеями и зороастрийцами (маджус), использовал способных представителей каждого народа и относился к кругу последователей ислама с почтением и уважением. Когда он избрал два уважаемых лица из великих шейхов и благородных улемов[354] и начал разузнавать и расспрашивать о требованиях веры и ислама, он проявил желание к посту, молитве и закяту и склонность к обрядам ислама, но уклонился от посещения дома Творца, который является прочным и непременно заслуживающим уважения столпом религии, отчего капля его бытия попала в обитель огня из огней и осталась снаружи обиталища счастья веры. Некоторые из его потомков путем исполнения языческих обрядов устремились к земле поражения, а некоторые своим поклонением куску дерева [в виде] креста сели на сидение кумирни отмененной религии Христа. Подметавший подолом своей привязанности и выбора храмы гебров[355] и христиан Гуюк-хан[356], обманувшись колдовскими

[354] Улемы (араб. ‘улама – «ученые») – мусульманские религиозные ученые.
[355] Гебры – зороастрийцы Ирана.

трюками и хитростями одного монаха-волшебника из братьев шайтанов, в своем несбыточном желании пресечь род единобожников и разбить яйцо ясной религии вышел с террасы канцелярии (диван-хане) несправедливости, чтобы распространить и привести в исполнение начертанный им пером от курицы с дурным голосом губительный и недозволительный указ (йарлык) о том, чтобы оскопить мусульманских мужчин, из укрытия в пещере появилась собака с львиной родословной, обученная благодаря блистающим жемчугами словам «*О Аллах, дай над ним власть одной из Твоих собак*»[357] (Аллахумма саллит ʻалайхи калбан мин килабик), откусила и повредила клинком своих острых зубов его известный орган, который он пожелал отрезать и оторвать у последователей ислама своей злонамеренную рукою, а его невразумительный и проклятый указ разорвала своими хищными лапами с острыми когтями,

Бейт:

چو بد کردی مشو ایمن زافات

بدیرا بد بود آخر مکافات

«Раз поступил ты плохо, не избежишь ты напастей.

У зла бывает в конце плохое воздаяние»[358],

вышла из своего львиного логова и насытив неблагодарного попа кушаньем из смерти и гибели, подобно собаке Китмиру[359], скрылась и затаилась в пещере сокрытия, вызвав почтение и сожаление у сбросившего [с глаз] покрывало хана, вследствие чего он отказался от противодействия и вражды. Не прошло много времени, как по указанию Божьего содействия все главы сыновей Чингиза скинули с себя колпаки неверия и заблуждения, украсившись и сподобившись украшенного драгоценными каменьями венца ликования ислама.

---

[356] Гуюк-хан (ум. 1248) – великий хан Монгольской империи (1246–1248), сын Угэдэя и внук Чингиз-хана.

[357] Фраза из хадиса, в котором пророк Мухаммад обращается к Аллаху с такой мольбой в отношении ʻУтбы, сына его заклятого врага и лидера многобожников Мекки Абу Лахаба, после чего, согласно преданию, тот был задран во время ночной стоянки львом по пути в Сирию.

[358] Строки из поэмы «Хосров и Ширин» персидского поэта Низами Ганджави.

[359] Китмир – в исламских преданиях имя собаки Обитателей Пещеры (асхаб ал-кахф), молодых людей, которые спрятались в пещере, чтобы уберечь свою веру, и проспали там 309 лет (Коран, 18:9–25).

О направлении Чингиз-хана в Иран

После того, как указанный хан удалил и уничтожил на восточной и северной стороне со страницы бытия с [помощью] быстроного войска старания и усердия покрывавшую зеркало его правления и независимости ржавчиной мятежей пыль нечестивых злобных замыслов и мусор мыслей, занимавших [умы] склонных к интригам соперников, он потратил звонкую монету рвения на умножение обладателей силы, ведущее к благоустройству стран и областей, оказание почета торговцам, спокойствие бедняков и подданных, направив послов к окружающим царям, в частности к Мухаммад-шаху, восседающему на престоле правления в столице Хорезма, служившего прямым и известным путем для монгольских и татарских путешественников и украшенного и благоустроенного украшением изящных франкских и персидских тканей из стран населенной четверти, и, не накладывая пут препятствования на ноги поездок прибывающих с той стороны путешественников и торговцев и не бросая предательского взора на прелестную красавицу его государства, находившуюся во взаимных объятиях их власти и распоряжения, заключил [с ним] мир на условиях правдивости и благоразумия. Поэтому, когда между Хорезмшахом и жившим с ним в одно время халифом Насиром[360] возникли соперничество и спор, недальновидный Насир не смог дать ответ указанному шаху, из-за чего он заставил затопить бурным потоком татарского войска процветавшую страну Хорезм в море небытия и когда он, чтобы потушить внутренний жар вражды невкусной водой мести, накалил и разжег с помощью мехов подстрекательства и побуждения огонь, успокаивающийся [лишь] кровопролитными притеснениями, протекавший между ними арык договора и безопасности помешал бурлению в печи и усмирил бурю войны и сражения. Однако нарисованный халифским пером с обломанным кончиком безобразный уродливый образ последователей ислама был запечатлен, подобно гравировке на камне, на листе сеющего нечестие мозга Чингиза, отчего он сам и его сыновья стали искать повода для войны и вражды. Некоторое время спустя Хулагу захватил Богохранимую исламскую [твердыню], райскую обитель Багдад, которая в частности была местопребыванием халифов, вызвав упадок и уничтожение государства Аббасидов, и рассказчики повестей хронистов говорят о случившемся между Насиром и Чингизом, передавая один аллегорический рассказ о том, как трое людей из тех, что сидят в

[360] Абу-л-‘Аббас Ахмад ан-Насир ли-Дини-Ллах (1158–1225) – багдадский халиф (1180–1225) из династии Аббасидов.

обители, приближаясь к Воскрешающему истлевшие кости, обладают дыханием Христа, и чьи мольбы принимаются [Всевышним], отправились вместе в путешествие, запасшись упованием и терпением, и, проходя через страшную пустошь, наткнулись на груду истлевших костей, лишенных кожи и мяса; и когда, сказав об этих костях, что основой существования [этого] вида животного является одомашненная жизнь, в страстном желании познать сокровенные тайны Господни, они остановились и по очереди воздали руки в мольбе о возвращении [его] к своей изначальной жизни, произнесли «Аминь» в надежде на то, что их молитва будет принята, Милосердный [Господь] души и мира и Творец семи небес влил в неразделимые части костей из щедрой сокровищницы своего изобилия животную душу, и мертвая туша стала львом-людоедом, осуществив свою врожденную хищническую природу и за один присест бросив абдалов[361] обители нищеты и исчезновения [в Боге] на дно погибели. Короче говоря, из мужчин и женщин, верующих и христиан, живших на подвластных ему землях, построенных на здании договора и мира, принявшего свой окончательный облик по усмотрению [обладавшего] архитектурным складом [ума] Чингиза, он отобрал и отправил в Хорезм восемьсот человек, способных к торговой деятельности. Караван торговцев Чингиза разбил лагерь в окрестностях крепости под названием Анзар[362], расположенной на границе указанных областей, и пятеро [или] десятеро из главных торговцев-мусульман, в соответствии с требованиями их религии, отправились бить челом на собрание к коменданту крепости, взяв с собой в качестве подношения приветственные дары. Когда в самый разгар беседы некий древний старец, узнав правителя Анзара в самом расцвете его молодости и детства, проявил словами «Посмотрите, это не дорогой сын такого-то нашего человека Канджак[363]?» скрытую в сундуке его души ящерицу его старого дурного прозвища, его высочество не стерпело и вымазало кровью чистые руки гостей [по обвинению] в клевете, шпионаже и лицемерии, и когда он доложил и сообщил [об этом] Мухаммад-шаху, заблудший шах, вставил [земли] от областей

[361] Абдалы – ранг святых в суфийской иерархии.

[362] Неверное написание названия города Отрар, одного из крупнейших мусульманских городских центров Средней Азии домонгольского периода, останки которого располагаются в Отырарском районе Туркестанской области Казахстана.

[363] Искаженное написание имени Иналджука (Каир-хана), эмира Отрара, который приходился дядей, сводным братом или двоюродным братом хорезмшаху ʻАла ад-дину Мухаммаду.

Синда до Кермана, Мекрана, Газни, Таликана[364], Кума[365], Кашана[366], Хамадана, Исфахана, Зенджана[367] и [еще] многие страны и области в оправу перстня своего правления, число его войска превышало четыреста тысяч человек, он тяготел к вычурности и титулам, все предметы в его караульном помещении (наубат-хана) были украшены драгоценным каменьями, и из-за своего крайнего высокомерия он повелел своим сыновьям пять раз в день бить [в барабаны], что является обязательным к исполнению деянием последователей [исламской] религии, а сам, по обычаю Искандара, ограничивался лишь тем, что слушал на рассвете и на закате звуки барабана и трубы [в честь] завоевателя мира, и каждым утром и вечером настраивал на пиршестве запретной для него дочери виноградной лозы свой музыкальный инструмент на общение с пленяющими ум трелями, привязываясь сердцем к своему дряхлому и повисшему в воздухе государству, отчего однажды ночью пара плутовских выходок одержимых джиннами сатанинских людей и человекообразных иблисов[368] покрыла чистый и благословенный подол достопочтенного Маджд ад-дина Багдади[369], обладавшего чудотворствами египетского Йусуфа и лишенного скверны малых и больших [грехов], пылью откровенной клеветы, а он из-за сильного опьянения поверил словам лжецов и надел на себя ожерелье Йазида[370], жестоко утопив в крови мученичества

[364] Город на севере Ирана (совр. Талекан в провинции Альборз в Иране).

[365] Город на севере Ирана, центр современной провинции Кум в Иране.

[366] Город в центральном Иране, в настоящее время относится к провинции Исфахан в Иране.

[367] Город на северо-западе Ирана, в настоящее время административный центр провинции Зенджан.

[368] Иблис – коранический персонаж, самый приближенный к Аллаху из джиннов, который был изгнан из рая за свое высокомерие. Его имя стало обозначением сатаны в исламской традиции.

[369] Маджд ад-дин ал-Багдади (ум. 1219) – персидский поэт и суфий хорезмийского происхождения, живший в Багдаде. Ученик Наджм ад-дина Кубры и шейх ордена кубравийа. Был утоплен в реке Амударья по приказу хорземшаха ‘Ала’ Мухаммада. Его брат Баха’ ад-дин ал-Багдади был секретарем хорезмшаха ‘Ала’ ад-дина Текеша (ум. 1200).

[370] Йазид ибн Му‘авийя (ум. 683) – правитель Арабского халифата из династии Омейядов, которая рассматривала в качестве конкурентов потомков видного сподвижника и зятя пророка Мухаммада, ‘Али ибн Аби Талиба (ум. 661). Йазид стал первым наследственным правителем халифата, что ознаменовало его превращение в монархию, и получил известность прежде всего как инициатор жестокой расправы над Хусайном ибн ‘Али (ум. 680), внуком пророка Мухаммада и сыном ‘Али ибн Аби Талиба, которая произошла в Кербеле в 680 г.

голову опоры государства, господина потомков Хусейна [из] Кербелы[371], а на следующий день хмель печали, сожаления и раскаяния причинил рану его сердцу и душе, он положил индийский меч на позолоченное блюдо, полное отчеканенных золотых монет высшей пробы, жемчуга и драгоценных камней, ища лекарство для исцеления своей неизлечимой душевной боли, отправившись бить челом в мольбе в лечебницу обители чудотворца Наджм ад-дина Кубры[372], и, когда он оказал особый почет достопочтенному шейху, посвященному в Божественные тайны повелений о том, как избавиться от разящего меча убийства путем пролития воды заповеди о возмездии[373] (кисас) из лавки шербета [айата] «*Для вас в возмездии – основы жизни*»[374] или же взимания полного выкупа[375] (дийа), тот сказал ему: «За несправедливо пролитую на землю Ирана кровь невинно убиенного мученика, должна быть пролита кровь безграничного и бесчисленного [множества] мусульман, таких как ты и я, и должно быть разрушено много стран и областей», и не прошло много времени после пощечины чудотворной руки [шейха] по умолявшему рту неблагодарного шаха, как к жестокому шаху прибыло роковое письмо от правителя Анзара, и он необдуманно и безрассудно передал определение наказания для торговцев на бестолковое усмотрение указанного правителя, [после чего тот], во-первых, изгнал несколько оставшихся без средств путников (абна' ас-сабил), забрав и присвоив их несчетное имущество, во-вторых, когда души остальных, являвшиеся главой каравана климата бытия, издали из страны их тел жуткий звук, достигший ушей Чингиза, это привело к выступлению войска сил его гнева и ярости. Однако, не разрушив в первой битве укрепленную основу мира и безопасности молотом спешки и отчаянного устремления, из-за того, что посол, отправленный им с язвительным и укоризненным письмом, в котором шла речь об отправке к нему вместе с присвоенным имуществом торговцев достойного убийства обидчика правителя Анзара, протянувшего руку посягательства к мерзкому деянию смертоубийства, прибыл в пору

[371] Кербела – место убийства Хусейна ибн 'Али в Ираке. В мусульманской поэзии это слово стало метафорой трагической смерти, скорби и страдания.

[372] Наджм ад-дин Абу-л-Джаниб Ахмад ибн 'Умар ал-Хваразми/Хорезми (ал-Кубра, ум. 1221) – персидский суфий, богослов и поэт, основатель и эпоним суфийского ордена кубравийа.

[373] Кисас – наказание, равное по тяжести совершенному противоправному деянию (например, казнь преступника в наказание за совершенное убийство).

[374] Коран, 2:179.

[375] Дийа – в исламском праве компенсация, которую должен заплатить виновник преступления, совершённого им неумышленно.

непрерывных несчастий, бестолковый шах, не задумавшись о гневе Ревнивого Господа, поручил ответить послу острому языку, пресекающему споры, и когда его испуганный голос в очередной раз оскорбил слух Чингиза, войска грусти и тоски подняли в голове указанного [лица] шум и гам, он трое суток воздерживался от еды, питья, сна и чувственных удовольствий, отправился, по обыкновению язычников, в одиночестве на вершину холма и с многократными вздохами и стенаниями покатил мяч своего бытия со связанными руками и ногами к основанию холма, попросив у Господа, сотворившего гебров и язычников, позволить ему отомстить, и на четвертый день, который был примерно в шестьсот пятнадцатом году (1218–1219 гг. – примеч. пер.), он со своим войском муравьев и змей погнал коней в области Ирана, покорив ударом меча ярости сначала Анзар, затем Бухару и большинство областей Туркистана, а их население – уничтожив и погубив. Когда безжалостный Чингиз, который был огнем ярости Господа рабов, прибыл для того, чтобы изничтожить бесподобный город Бухару, он сперва вошел на коне и со снаряжением в великую мечеть города и спросил: «[Это] дворец султана?», а когда ему ответили: «Это дом Господа, который служит местом земных поклонов рабов-мусульман», он слез с коня, поднялся на минбар[376] и с высокомерным видом расселся [на нем]. Татарские нечестивцы стали открыто совершать в мечети различные распутства и непотребства, затаптывая конями и явным образом подвергая всяческим унижениям и неприятностям высокопоставленных улемов и шейхов, достигших степени иджтихада[377]. Один несравненный ученый столкнулся со столь же почтенным [человеком], бросив внимательный взгляд на явившие свой лик на горизонте возникновения в форме хамелеона смуту и нечестие, и попросил раскрыть Божью тайну словами: «Что это за светопреставление?», на что его собеседник сказал: «Не вызывает никаких споров, что эти деяния, поистине, являются огнем Божьего наказания, возникшим вследствие грехов и непокорности из сокровищницы пламени величия [айата] «*Воистину, Аллах не меняет положения людей, пока они не изменят самих себя*»[378]. Посему нам надлежит приложить свой лоб в смирении к земле терпения и довольства» – и в [это] мгновение, когда он закрыл врата возмущения рукою своего не допускающего возражений

[376] Минбар – кафедра в мечети, с которой имам читает проповедь.

[377] Иджтихад – личные усилия мусульманского правоведа по установлению религиозно-правовых норм на основе интерпретации Корана, сунны и других источников исламского права.

[378] Коран, 13:11.

ответа, Чингиз с вершины минбара на привычном ему языке исторг из своего рта огонь упрёка:

Бейт:

Sizden ne gune cürm ü günah eyledi zuhûr
Kim oldıñuz benüm gibi bir derde mübtela

«Какие грехи и прегрешения возникли у вас,
Что подверглись вы бедствию вроде меня?»,

с этими словами произносящий речь с заледенелым сердцем, перечислив пороки Хорезмшаха, сказал, что они позволили замалчивать мерзкие деяния пресловутого [правителя] и пренебрегать ими, дерзновенно ругал и поносил всех мусульман, особенно предводителей и обладателей знания, затем, наложив печать договора и клятвы на рот отсутствующей у них верности о прощении и освобождении шеи их жизни от меча всеобщей резни благодаря предоставлению подарков и денег, скрытых в их сокровищах, и когда они обнаружили бесчисленное множество носилок со скрытыми богатствами, зарытыми в их подвалах, [роя] зубами и ногтями, то разбили солонку договора и соглашения золотой мозгодробильной палицей беспощадности и жестокости, отчего головы женщин и мужчин трещали от ругани и смертельного грохота, а ягнячье стадо детей стало добычей для льва меча искоренения. Когда у одного беглого бухарца, искавшего убежища в области Хорасан, сразу же по прибытии стали расспрашивать о положении города и просили рассказать о превратностях судьбы, он красноречиво заявил: «Они пришли, пожгли, пограбили, побили, поубивали и ушли», прославившись, [подобно] Имр ал-Кайсу[379], как всадник красноречия. Короче говоря, по завершении всех важных дел в Бухаре, безжалостный и беспощадный Чингиз перевернул вверх дном неприступную крепость Хорасан с помощью корчевальной лопаты ярости и ненависти и поручил своим тираничным по натуре сыновьям Джуджи, Чагатаю и Угатаю вместе с войском, выжигающим [всё] огнём и быстроногим как ветер, разрушить города и наказать глупого шаха, и общеизвестно, что после того, как он выделил пятнадцать-двадцать человек из проявивших утонченное мастерство во время завоевания Джурджана[380], который был столицей страны Хорезм, каждый из монголов и неверных, которых было больше

[379] Имру ал-Кайс – арабский поэт VI века, автор ряда знаменитых поэм, считающихся выдающимися литературными памятниками доисламской эпохи.

[380] Гургандж – столица империи Хорезмшахов в XII–XIII вв., располагавшаяся на месте современного города Кёнеургенч, административного центра Кёнеургенчского этрапа Дашогузского велаята Туркменистана.

пятидесяти тысяч, уничтожил мечом мщения по двадцать четыре мусульманина. Одним из самых выдающихся из тех, кто вкусил меда мученической смерти на том светопреставлении

Бейт:

یک نظر فرما که مستثنا شوم زابنای جنس

سک چو شد منظور نجم الدین سکانرا سرورست

«Взгляни на меня, дабы стал я исключением среди сынов рода [человеческого],

А если речь идет о собаках, то Наджм ад-дин – предводитель собак»[381],

был подразумеваемый в [этом] красивом стихотворении предводитель последователей тариката и путеводитель приспешников истины, Достопочтенный Наджм ад-дин Кубра, *да сподобит нас Аллах пользы от его священного дыхания* (нaффа'а-Ллаху би-анфасихи-л-кудсиййа), и когда безбожный Чингиз, являвшийся воплощением величия [Божьего] гнева и ярости, выступил в путь, чтобы разрушить области Ирана, и остановился вместе с сыновьями в благородной обители вершины славы и возвышенной степени, они попросили его уехать из Джурджана, чтобы во время сражения этому преисполненному благодати лицу не был нанесен ущерб, точно так же шейх Са'д ад-дин Хамави[382], шейх Рида ад-дин 'Али-Лала[383] и прочие дети и знатные люди, высокородные из покойных и живых, обратились [к нему] с просьбой помолиться о защите от бедствий врагов или бросить тень своего величия и возвышенности на другой город, он сказал: «Жить вместе с рабами-мусульманами в спокойное время, деля с ними пору их веселья и радости, и покинуть их в то время, когда на них обрушились беды и трудности и наступили тягости и горести – противно их манере и обыкновению, а защититься от дождя бедствий, который падает с небес приговора и предопределения – невозможно, нам же нужно оседлать Бурака мученичества и отправиться в райский сад близости [к Аллаху]» – [с этими словами] он дернул скакуна своих [духовных] чад и друзей, просивших позволить отправиться в путь, за узду позволения, а сам сел на вершине обители постоянства и степенности. [Он] вместе с верными сподвижниками, удостоившимися чести быть вместе с ним, во время войны с татарами своей приятной ре-

[381] Строки принадлежат перу среднеазиатского поэта Алишера Навои (ум. 1501).

[382] Са'д ад-дин ал-Хамави (ум. 1256 или 1260) – персидский суфий и поэт, шейх ордена кубравийа и ученик Наджм ад-дина Кубры.

[383] Ради ад-дин 'Али Лала ал-Газнави (ум. 1244) – персидский суфий из Хорасана, ученик шейха Наджм ад-дина Кубра.

чью «Вставайте, чтобы возвысить имя Аллаха, и сражайтесь на пути Аллаха» (куму а‘ла-и исми-Ллах ва катилу фи сабили-Ллах) воодушевил [их] на джихад и газават[384], и они оперлись о посох чаяния и упования [на Аллаха] и бросили из пращи руками своего рвения камень усердия и старания. Когда внезапно в его беззлобную грудь вонзился наконечник стрелы смерти, выпущенной из лука приговора и предопределения, после того, как он бросил своими благословенными руками на землю смерти и гибели, словно отрезанный хвост дохлой собаки, длинноволосый стяг, который нес на плечах с высокомерием и надменностью чернолицый святотатец, протянувший руки посягательства на здоровье кутба[385] эпохи, который был хранилищем тайны великодушия, он на коне своего величия и гордости прогарцевал к милости Милостивого [Господа]. Султан друзей [Божьих] (султан ал-авлийа) [и] Довод богобоязненных (бурхан ал-аткийа) Достопочтенный Джалал ад-дин Руми[386], знаменитый как Мавлана, *да святится его высочайшая тайна*[387] (куддиса сирруху-л-а‘ла), который был одним из тех, чья вервь из златых нитей его жемчужной родословной и высокого достоинства восходила к указанному шейху[388], [сказал]:

Бейт:

از کرامات بلند اولیا

اولش شعرست و اخر کیمیا

«Из чудотворств возвышенных друзей [Аллаха]

Первым является поэзия, а последним – алхимия (кимийа)»,

в блестящем стихотворении из солнца духовных знаний (шамс ал-ма‘ариф)[389], взошедшего на его восходе, он возвещает следующую скрытую тайну военного похода и мученичества:

---

[384] Газават – вооруженная борьба против врагов ислама.

[385] Кутб (араб. кутб – «полюс») – высшая степень святости в иерархии святых у суфиев.

[386] Джалал ад-дин Руми (ум. 1273) – персидский поэт, суфий и факих из Хорасана, большую часть жизни проживший в Малой Азии (Конья). Автор поэм «Маснави-йи ма‘нави» и «Диван-и Шамс», считающихся шедеврами персидской мистической поэзии.

[387] Формула благопожелания, которая используется после упоминания имен выдающихся суфиев и мистиков.

[388] Отец Джалал ад-дина Руми, хорасанский суфий Баха’ ад-дин Валад (ум. 1231), был учеником шейха Наджм ад-дина Кубра.

[389] Указание на «Диван-и Шамс», сборник стихов Джалал ад-дина Руми, включавший около 40 000 бейтов и 3000 газелей, посвященный им его современнику, странствующему дервишу Шамс ад-дину Табризи (ум. 1248).

Стихотворение:

ما از ان محتشمانیم که کافر گیرند
نی از ان مفلسکانیم که لاغر میرند
بیک دست می خالص ایمان نوشند
بیک دست دیگر پرچم کافر گیرند

«Мы из тех великолепных [людей], что хватают неверных,
А не из тех жалких банкротов, которые умирают тощими.
Одной рукой они пьют чистое вино веры,
А другой рукой хватают знамя неверных»,

и произошла его мученическая смерть в [один из] месяцев шестьсот восьмого года (1211–1212 гг. – примеч. пер.), *да святится его тайна и да позволит нам Аллах извлечь пользу из его святого дыхания* (ва канат шахадатуху фи шухури санати саман ива ситта ми'ати куддиса сирруху ва наффа'ана-Ллаху би-анфаси кудсихи), хотя заглавная страница (дибача) писаний бесчисленных пехотинцев Хорезмшаха была украшена узором сверкающих огнем мечей и прикрасой настигающих врагов клинков, а заглавие (сарлауха) рукописи бескрайнего [множества] его всадников было расписано украшением стрел, сражающих [птицу] 'Анка, и золотыми стременами для царских поездок, из-за войск боязни и страха, овладевших их обреченной на бедствия головой, [они] не выдержали и мгновения стрел со сломанными древками, покрытых ржавчиной и никуда негодных мечей татар, носивших войлочную одежду и ездивших верхом на худых [клячах], и когда по причине того, что они подстегнули плетью [своего] бегства их разнуздавшегося коня степенности и спокойствия, некоторые из его приближенных раскрыли рот для расспросов на языке ругани и упрёков, неудачливый шах сказал перед войском нечестивого Чингиза: «Когда мой рассудок пронзил грохот торжественного голоса бубна диковинных образов, созданных из всполоха [адского] пламени: «*О неверные, убивайте нечестивцев*»[390] (йа аййуха-л-кафара уктулу-л-фаджара), птица моего сознания улетела из гнезда моего терпения и выдержки, отчего у меня ни коим образом не остается сил, чтобы быть спокойным и безмятежным», и общеизвестно, что он на языке своего вздоха выразил сожаление о том, что столкнулся со скрытым небесным воинством, появившимся благодаря мастерству величия Всемогущего [Аллаха]. Короче говоря, ковчег бытия государя

[390] Цитата из комментария к Корану «Рух ал-байан фи тафсир ал-Кур'ан» Исмаила Хаккы Бурсеви (ум. 1725), османского ученого-богослова, суфия ордена джельвети, поэта и композитора.

страны неудачи вместе с его тихим и бессильным конем с плавной походкой потонул в море небытия из-за штормового ветра смерти и сожаления на одном острове, расположенном в Мазендаранском озере[391], и поскольку в том водовороте отчаяния и лишения не было ни намека на холст [для] савана, он скрылся под землей унижения в своей запылившейся рубахе. *Царство принадлежит Аллаху, Царю, которому поклоняются* (ал-мулку ли-Ллахи-л-малик ал-маб'уд).

О возвращении Чингиза из царства Ирана в Туран и о том, как он отпустил подол счастья жизни под ударом принуждения уничтожительницы удовольствий

Несправедливый и безжалостный хан ступил ногою грабежей в царство султана Ирана и зажег костер гибели, и после того, как предводители жителей остальных областей узнали о том, что Йусуфова красота жизни Хорезмшаха провалилась на дно ямы смерти и погибели, они стали вращать тяжелые жернова гнева, размалывая пшеницу своей жизни, и [поручили] работу вывести с помощью сита беспокойств в мельнице, приводимой в движение мехами бедствия, звонкую монету из капитала здоровья Угатаю и Чагатаю, привязав [ее] к деснице их обязательства и бороде их попечения, а они непрерывными выпадами твердой палицей нападения и вращением тяжелого камня отваги перемололи в мельнице покорности кости жизни людей, словно мелкую муку, и оттого, что они из желания обелить свое лицо (оправдать себя – примеч. пер.) подогнули подол внимания и усердия, они превращали высокие дворцы на тех землях, куда только добирались копыта их злосчастных породистых скакунов, в подобие совиных гнезд и берлог великанов и после того, как они довели свое желание отмщения до вершины исполнения, дети и внуки, все эмиры и знать съехались и собрались в местечке под названием Угаз[392], и сперва [он] наделил некоторыми областями одного из своих сыновей – Джуджи-хана, отдав их ему во владению, и когда сам он в шестьсот двадцать первом году (1224–1225 гг. – примеч. пер.) – в год кита (год рыбы – примеч. пер.) – повернул поводья возвращения в сто-

[391] Одно из бытовавших в сочинениях мусульманских авторов названий Каспийского моря, которое омывало берега исторического региона Мазендаран на севере Ирана.

[392] Искаженное написание названия реки Онон в Забайкалье, где прошло детство Чингиз-хана, и где он проводил курултаи.

рону своей ставки, в ту пору тангутский правитель Шидирку[393] пять раз направлялся на битву с Чингизом вместе со ста тысячами воинов, с обеих сторон бросали гадальные стрелы притеснения, признаки победы в [этой] азартной игре (майсир) проявлялись в победоносных стрелах Чингиза, и когда на полях сражений сто тысяч человек были поражены стрелами небытия, поскольку у людей того времени было принято и в порядке вещей сажать убийцу на вершину холма высокомерия для всеобщего обозрения и бросать его вниз головой, известно, что на том побоище перед Шидирку были сброшены трое убитых. Когда тангутский правитель, пустившись в бегство, направился в страну Такйа[394], страшные звуки от того, как Чингиз погнал коня своего устремления на завоевание стран Джурджа и Сакташ[395], прозвучали в ушной раковине правителя Джурджи, [внушив] ему страх и боязнь, прибегнув к [защите] неприступной стены бейта:

اسایش دو گیتی تفسیر این دو حرفست
با دوستان تلطف با دشمنان مدارا

«Спокойствие двух миров является разъяснением этих двух слов,
С друзьями – милосердие, а с врагами – терпимость»[396],

дабы обезопасить себя от нападок козней врагов, он направил к указанному [лицу] (Чингизу – примеч. пер.) владеющего словом посла, который открыл замок хранилища желанной цели ключом мягкого слова, преподнеся заключенные в данный ему на хранение сундук драгоценные камни, подарки и редкостные ценности, в частности, [целое] блюдо непросверленных жемчужин [размером] с голубиные яйца, он в [знак] благосклонного принятия снял с ушей редкостные жемчужины решения о мире и безопасности, положив кривую руку дарения в открытую шкатулку [слов] «а подарки [должны быть] взаимными» (фа-л-хадайа туштарику), и когда [весть об этом] дошла до ушей длинноухих [среди] указанных людей, и настало то время, хотя носящих серьги было ничтожно мало, каждая супружеская пара, подчинившись алчности и страсти, обувным шилом сапожника проделала себе дырки в мочках своих ушей и хрящах своих носов, как в решете [для просеивания] травы и

[393] Шидургу (монг. «прямой», «простой», «честный») – именование, которое монголы дали последнему правителю тангутского государства Си-Ся по имени Мочжу (ум. 1227).

[394] Вероятно, искаженное написание слова «Иргай» (монгольское название столицы Си-Ся, города Иньчуань, совр. Нинся-Хуэйский автономный округ Китая).

[395] Искаженное написание Нангяс, монгольского названия территорий Южного Китая.

[396] Знаменитые строки из «Дивана» персидского поэта Хафиза (ум. 1390).

навоза, повесив подаренные драгоценные жемчуга и выбросив на свалку расточительства те бесподобные жемчужины деревянным веником несправедливости [изречения] «*залеживаются яхонты в некоторые времена*»[397] (касадат ал-йавакит фи ба'д ал-мавакит). Короче говоря, когда посол правителя Джурджи вернулся, закончив свою посольскую службу, в соответствии с бейтом:

چو الچئ جرجه زدر دور شد
چو چشم بتان شاه رنجور شد

«Когда посол Джурджи вышел из дверей,
Когда глаза красавиц шахских были огорчены»,

постигшее здоровье Чингиза незначительное ухудшение изо дня в день увеличивалось, и сотрясавший страны мира порывистый ветер его бытия под влиянием жара смертельной лихорадки вырвался из жил и сосудов мира, и от проявившихся на свитке его тела точек кори и пятен […][398] решил, что это признак пришествия ангела смерти, и хотя он [был] в состоянии неразумного насекомого, он тяготился путами управления делами мира и сказал: «Когда нить жизненных сосудов творений порвется, и пристегнутый настойчивостью к погибели узел его [ничем] неомраченного бытия будет развязан зубами естественной смерти, кто будет более подходящим и достойным для того, чтобы стать тождественной заменой (бадал-и майатахаллал) в пролитии крови и разрушении стран мира?», и чтобы изучить настроения государственных мужей и разузнать о вкусах приближенных к власти, он бросил на широкую доску совещания жребий расспрашивания, и его родственники, привязанные к его обширной постели узами близости, засунули головы в мешок молчания, а находившиеся рядом с ним сыновья Чагатай, Угатай и Тулуй сказали:

Бейт:

پدر شهریارست و ما بنده ایم
بفرمان رأیت سر افکنده ایم

«Отец – правитель, а мы – рабы.
[Перед] велениями и приказами твоими мы головы склонили»,

и били челом смирения о землю подчинения, а поскольку было упомянуто и сказано о Джуджи-хане, в первую очередь он удовлетворил его общей долей во власти над странами, а затем карандашом своего усмотрения выписал ярлык на власть над особым троном самому умно-

[397] Арабская пословица.
[398] Asüman-ı cuyine-i remliyye.

му и старшему из сыновей, Угатай-Каану, сделав его престолонаследником, а принадлежавшие ему владения отдал во владение Тулуй-хану, страну Хитай подарил его брату, а в Самарканд, Бухару и уйгур[ские земли] назначил Чагатая. Не удовлетворившись и не насытившись той кровью несчастных [людей], которую он пролил при жизни, он сделал порочным завершением свода своих заветов повеление о несправедливом пролитии крови Шидирку-хана, направившегося в долину бегства от ударов меча его притеснения, после чего в шестисотом году, в четвертый день [месяца] рамадан (13 мая 1204 г. – примеч. пер.)[399], который [пришелся на] год свиньи, его похоронили в подземелье мучения, вырытом под условленным деревом, которое он определил и указал жестом своих пальцев, цепляясь своей запачканной кровью рукой за подол бытия, вместе с сорока с лишним наложницами, [призванными] по их ложному представлению защищать могилу от опасности. Спустя некоторое время указанное место было окружено деревьями и скрылось посреди леса. События, пришедшиеся на год свиньи, когда он и его отец, пришедшие на площадь [этого] мира и независимо правившие Ираном и Тураном, отправились в обитель светочей, были редкостными. Короче говоря, его сторонники и приверженцы сперва посадили на султанский трон Угатай-Каана, проявив усердие и щепетильность в осуществлении и исполнении казни и уничтожения Шидирку, а также других его хороших и плохих распоряжений [и] заветов. Имена тех, кто был отобран из потомства указанного лица (Чингиз-хана – примеч. пер.) для правления на прежнем престоле Чингиза, землях Хитая и Чина, были определены и упорядочены следующим образом: Угатай ибн Чингиз, Гуйук-хан ибн Угатай[400], Мангу-каан ибн Тулуй[401], Кубилай-каан ибн Тулуй[402], Кайду ибн Кашин ибн Угатай[403], Кушилай Туктай Байсунгур Ануширван ибн Дара, Тук-Тимур ибн Саммуд-каан[404], Пису-Ланка ибн Писурабланг-каан, Китмура

[399] Автор приводит ошибочную дату смерти Чингиз-хана.

[400] Гуюк-хан (ум. 1248) – третий великий каан Монгольской империи (1246–1248), сын Угэдэя и внук Чингиз-хана.

[401] Менгу/Мункэ (ум. 1259) – четвёртый великий каан Монгольской империи (1251–1259).

[402] Хубилай (ум. 1294) – пятый великий каан Монгольской империи (1260–1271) и первый император Китая из династии Юань (1271–1294).

[403] Хайду (ум. 1301) – внук Угэдэя, фактический правитель Чагатайского улуса (1271–1301).

[404] Хушилай и Тук-Тимур упоминают Рашид ад-дином в «Шу'аб-и панджгана» в числе потомков Хубилая и сыновей монгольского царевича Дармабалы (ум. 1292), что позволяет предположить, что под ними подразумеваются монгольские правители империи

Китмур ибн Тимур, Азалтай Дардай ибн Малик-Тимур. На протяжении двадцати девяти лет после того, как уголек бытия Чингиза обуглился и стал золой под землей небытия, «*ребенок – тайна своего отца*»[405] (ал-валаду сирру абихи) из его семейства, прозванный прозвищем Илхан[406], Хулагу ибн Тулуй ибн Чингиз, в чьем храме огня, [разожженного] мехами побуждения и подстрекательства восседавшего на царском троне Чингизова престола Менгу-каана ибн Тулуя [и] особенно такими, как Кади Шамс ад-дин Ахмад Маки[407] и Насир Туси[408], которые подкинули в кострище гнева Хулагу, потушенное околдованными «носящей дрова»[409] (хаммалат ал-хатаб) дряхлой старухой судьбы (мирской жизни – примеч. пер.), хворост сплетен и раздора, отчего он взвился ввысь и простерся до вершин, подобно сжигающему мир огню, чтобы бросить невинных людей в колодец смерти и гибели, примерно в шестьсот пятьдесят третьем году (1255–1256 гг. – примеч. пер.), соответствующем [году] коровы, оседлав своего крокодилоподобного коня, украшенного умением плавать [и служащего] мостом [между] четырьмя стихиями, пересек реку Джайхун и проследовал в Иран, впервые заново заложив обветшалый фундамент древней крепости заблудших безбожников, после чего учинил несправедливость и нечестие, дабы снискать успех в разрушении райской обители Багдада.

Юань – Хошила (ум. 1329) и Туг-Тэмур (ум. 1332), сыновья Хайсана (ум. 1311) и внуки Дармабалы. Автор по неизвестным причинам прибавляет к их именам произвольные имена из генеалогического древа Чингиз-хана и даже имена правителей Сасанидского и Ахеменидского Ирана.

[405] Арабская пословица.

[406] Ильхан – титул высших правителей у тюркских и монгольских народов. Наиболее известными носителями этого титула были правители монгольской династии Хулагуидов.

[407] Очевидно, Маки (ماکی) – это ошибочное написание Гилаки (گلکی). В «Джами‘ ат-таварих» Рашид ад-дина упоминается Шамс ад-дин Гилаки (перс. «гилянец»), визирь исмаилитского имама Рукн ад-дина Хуршаха (ум. 1257), направленный в крепость Гирдкух с целью убедить ее коменданта сдаться монголам. Там также упоминается некий кадий Шамс ад-дин Казвини, который оказал Хулагу помощь в борьбе с исмаилитами. Автор мог перепутать эти две персоналии.

[408] Насир ад-дин Абу Джа‘фар Мухаммад ибн Мухаммад ат-Туси (ум. 1274) – персидский мусульманский ученый, философ, математик, астроном и механик, шиитский богослов и правовед. Будучи на службе исмаилитского правителя Аламута, перешел на сторону монголов и попал в ближайшее окружение Хулагу, был его советником по финансовым вопросам и участвовал в осаде монголами Багдада в 1258 г.

[409] Аллюзия на коранический аят: «Жена его будет носить дрова» (111:4), в котором говорится об Умм Джамил, жене Абу Лахаба, который был злейшим врагом пророка Мухаммада.

Странный сон

Один несчастный человек по имени Бани ‘Имран[410], довольствовавшийся получением платы писаря у одного приближенного халифа из [числа] его сборщиков налогов и выполнявший работу по взвешиванию и сбору десятины, однажды, стоя на коленях у ног [своего] господина [в знак] почтения, то обмахивал [его] опахалом [во время] отдыха, то разминал ему ноги, навлекая на него приятный сон, пока поднятие якоря жирной пищи не привело к тому, что его одолела полудрема (букв. «заячий сон», перс. хваб-и харгуш) беспечности, и он увидел, как снял свой старый халат с бахромой на подоле из тысячи лоскутков, служивший гнездом для блох и вшей, облачился в расшитую [золотом и каменьями] одежду султана и обвязался блестящим поясом халифата, а власть над Багдадом была вверена в руки его злополучного распоряжения и возложена на него, и когда он проснулся, то пресловутый сановник попросил его показать отразившийся в зеркале его воображения образ удивительного сна, противоречившего внешней форме его положения и ранга, в зеркале устного изложения, и не прошло много времени после того, как его хохот от шутки и насмешки достиг зубцов [дворца] небосвода, и он презрительно пнул своего чудаковатого собеседника с вершины своего ложа, уронив его с позором на землю, и поскольку нить аркана напора и осады злонравного Хулагу, свитая им из основы и утока коварства и злости в [ткацкой] мастерской округи Багдада, чтобы покорить и завоевать страну жизни последователей религии, была длинной и протяженной, подобно верви далекоидущих замыслов тщеславных стариков, от поразивших их дорожные припасы вшей скудости поддерживавшие их войско и скот подпоры покосились, ноги их долговечности и стойкости содрогнулись и поскользнулись, и они собрались потянуть за поводья возвращения пятившегося назад гнедого [коня] глухого отчаяния и лишения, поскольку непокорному Бани ‘Имрану было ведомо о разного рода сокровищах, зарытых в городах и селах, он записал [всё] на куске бумаги коварства и лицемерия и выпустил стремительную стрелу с голубиным письмом в [сторону] лагеря татарского войска, и стрелы принятых им мер (тадбир) достигли цели предопределения (такдир), благодаря чему искушенный в интригах хан без промедления и задержки указал на

[410] В средневековой мусульманской историографии монгольского завоевания Багдада упоминается некий Ибн ‘Имран из Баакубы, рядовой сотрудник канцелярии халифа, которого монголы назначили визирем и сделали начальником прежнего визиря Ибн ал-‘Алками (ум. 1258), сыгравшего ключевую роль в сдаче города неприятелю.

отправление посла, [подняв] белый флаг в знак перемирия, и проявил свои хитрости и ухищрения для того, чтобы склонить этого смертника со смягчившимся сердцем к миру и возвращению [к себе на родину], а указанное лицо было из подлых людей, между наличием и отсутствием которых нет никакой разницы, чей язык нем, а руки – бездвижны, как для хороших, так и для плохих дел, и от якоря погибели от зловонных волдырей осады носы жителей Багдада были заполнены дымом беспорядков и нечестия, отчего без всяких раздумий и предосторожности

Мисра‘

كهن زنبيل از بغداد كم گير

«Старые корзины из Багдада не рассматривай всерьез»,

во [время] изгнания и сдачи ухватились за подол поспешания. Низкий человек [путем] обмана получил разрешение попасть на собрание Хулагу и в его присутствии, подобно Иблису, рисовался и представлялся [значимым], складывая и устремляя к взорам муравьев и змей занесенные в тетрадь его души, [написанную] франкским письмом, разного рода бесконечные зерновые крестьян [с] муравьиным нравом (трудолюбивых, как муравьи – примеч. пер.), [собранные] из колодцев запасания и скрытых на складах сокровищ [просеивающими] песок зубами розысков и лопатами ногтей расследования, всевозможные бесчисленные запасы, которые были осуществлением мастерства охотничьей собаки и проявлением искусства крадущейся мыши в усердном деянии обнаружения и плодом пашни собирания, обогащал и насыщал источники голодных, странствовавших по пустыне, что привело в движение источающих яд насекомых, благодаря чему он овладел всеми частями (букв. дверями и стенами – примеч. пер.) крепости, заарканив [ее] ремнем [из кожи] извилистого дракона нападения и наступления,

Бейт:

اسمان را حق بود گر خون بگيرد بر زمين

بر زوال ملک مستعصم امير المؤمنين

«Небо вправе кровью плакать на землю

Из-за падения царства повелителя правоверных Муста‘сима[411]»[412],

когда на месте предопределенной [для него смерти] повидавший много несчастий халиф был подвергнут мукам и страданиям под копытами татарских коней, и основы огромного райского древа Багдада были

[411] Абу Ахмад ‘Абдаллах ал-Муста‘сим би-Ллах (ум. 1258) – последний багдадский халиф из династии Аббасидов. Был казнен монголами во время завоевания Багдада.

[412] Строки из траурной элегии «О падении Аббасидского халифата» персидского поэта Саади (ум. 1292).

сброшены в глубины небытия и исчезновения, мерзопакостный Бани ‘Имран за свои недостойные благодарности усилия добрался по ветхой веревочной лестнице до ранга эмира совиного гнезда и был осчастливлен с помощью порванной верви восхождения степенью наместника лежавшего в руинах Багдада. Цари окружающих [стран] вынужденно вприпрыжку поспешили к его государеву шатру, [скрепленному] канатами притеснений, чтобы освободить воротник [своей] жизни и выразить внешне согласие [с ним]. В частности, сельджукский султан ‘Изз ад-дин[413] однажды был встревожен и обеспокоен из-за сражения с одним из военачальников Хулагу, Тайджу Нуйаном[414], и с тех пор убедился и представил себе, что взнуздание уздой усердия табуна схваток и стычек – за пределами его власти, ухватившись за полу панциря изощренных хитростей, и чтобы внушить [ему] представление о смысле прикладывания лба довольства и покорности к ногам подчинения, повелел ему запечатлеть и изобразить в жалком виде свой образ на подошве его царских сапог, сшитых с помощью нитей его благоразумного усмотрения, и благодаря тому, что к его просьбе о прощении за провинность, [заключавшуюся] в том, что он протянул за пределы покрывала согласия свою ногу ослушания, и его подаркам и просьбам о помиловании, поданным дрожащими руками самоуничижения, добавилась мольба и настойчивая просьба о заступничестве, высказанная одной кокетливой женщиной из [числа] уважаемых ханских жён во время прибытия и ходатайства, он оказался цел и уберегся от того, чтобы получить пинок насилия и притеснения. После этого, когда мстительный Хулагу зажег позолоченную звезду жизни служителей религии [из] Мардина[415] разорительной молнией несправедливости и притеснения, разрушил и разорил область Амад[416], обойдя его своим войском беззакония, и мечом искоренения уподобил жителей Серого Алеппо[417] (Халаб аш-Шахба’) и его окрестно-

[413] ‘Изз ад-дунйа ва-д-дин Кей-Кавус II (ум. 1279/1280) – сельджукский правитель Конийского султаната (1245–1256, 1257–1261). В 1258–1259 гг. отправился вместе с Кылыч-Арсланом в Тебриз, в ставку Хулагу-хана, чтобы поздравить его с победами и завоеваниями.

[414] Байджу-нойон (ум. 1260) – монгольский военачальник из племени йесут. Был монгольским наместником в северо-западном Иране, Закавказье и Малой Азии.

[415] Мардин – город на юго-востоке современной Турции, бывший в XIII веке столицей огузской династии Артукидов.

[416] Древнее название современного города Диярбакыр на юго-востоке современной Турции.

[417] Аш-Шахба’ («Серая») – эпитет сирийского города Алеппо (Халаб), данный ему из-за цвета строительного камня, из которого было построено большинство домов и зданий.

стей долине усопших (кладбищу – примеч. пер.), Менгу-каан, страдавший от неизлечимой болезни, умер естественной смертью, и оттого что Артук-Бука-хан[418] поднял знамя ослушания и показал мерзкий образ отдаления Куйла-каану[419], взошедшему на трон престолонаследия, вопреки старинному Чингизову обычаю, путем узурпации и дерзости, тем самым вызвав беспокойство у Илхана, он повернул поводья возвращения на восток и поручил Кайбука-нуйану[420] завоевать [город] Дамаск [в] Шаме. В ту пору [заключенная] в раковину старости бесподобная жемчужина Бадр ад-дин Лу'лу'[421], опиравшийся на протяжении пятидесяти шести лет на правление Мосулом, количество ступенек в лестнице издревле возведенного дома которого достигло примерно тысячи, благодаря указанию его опытности и руководству [его] великодушия не ступил в долину непослушания и стал путником на прямом пути согласия и осторожности, вследствие чего оказался защищен от удара притеснений Хулагу и благодаря голосу, призвавшему вернуться, он воссел на паланкине, [направившемся] в загробный мир, и чтобы угодить благоразумному старцу, его дорогой сын, царевич (шах-зада) Салих[422], по велению Хулагу воссел на отцовском престоле. Оттого, что благочестивый Салих устыдился быть посаженным [на престол] нечестивым язычником, и из-за его тревоги один из мусульманских правителей, властелин областей Египта и Шама Бундукдар[423] снарядил караван для хиджры, чтобы перевезти вещи и деньги, которые находились под сенью знамени его правления и содержались в сокровищнице его распоряжения, благодаря чему он вместе с тысячью всадников [из] Шама отправился в путешествие, оставив родину, и когда об этом услыхал коварный и вероломный Хулагу, он отдал цепь [на шее] льва меча искоренения и разрушения в руки

[418] Ариг-Буга (ум. 1266) – младший сын Толуя и внук Чингиз-хана. Соперничал со своим братом Хубилаем за престол великого каана Монгольской империи.

[419] Искаженное написание имени Хубилай.

[420] Китбука (Хэтбуха, ум. 1260) – монгольский военачальник из племени найманов, исповедовавший христианство несторианского толка. Возглавил палестинскую кампанию Хулагу в 1260 г. и был убит в битве при Айн-Джалуте, потерпев поражение от мамлюкского войска.

[421] Бадр ад-дин Лу'лу' (ум. 1259) –правитель Мосула (1211–1259).

[422] Исма'ил ас-Салих Лу'лу' (ум. 1262) – правитель (малик) Мосула и Синджара на севере Ирака (1259–1262).

[423] 'Ала' ад-дин Айтагин ал-Бундукдар (ум. 1261) – мамлюкский военачальник и эмир, занимавший различные должности при мамлюкских султанах и известный тем, что был хозяином султана Бейбарса. В 1261 г. был назначен Бейбарсом на пост губернатора Алеппо.

военачальника, опоры ободрения храбрецов. Мусор беспечности, бед и горестей запрудил родник прозорливости настигнутого роковым несчастьем Салиха и перекрыл соломой несчастья неизлечимой глухоты путь к счастью слуха, отчего неразумная община монголов с черным и голубым дымом столпилась со всех четырех сторон крепости, и голоса их нестройного горна звенели в волосатых чашах ушных раковин [этих] неразумных, и тогда надежда на помощь от войска Бундукдара стала замком на крепости их стойкости и достоинства. Снаряженные и отправленные из Шама путники степи [Божественного] приговора прошли [все] ступени трудностей и дошли до конечной остановки [на] горе Синджар[424], сообщив об этом листку бумаги с соболезнованиями и отправив его с голубем с рваными крыльями, которым был бестолковый и придающийся страстям гонец. Оттого, что чернота Ночи предопределения сделала глаза странствующей птицы незрячими и подслеповатыми, он потянул вниз веревку вражеской катапульты и попался в ловушку сети хитростей татарских, посчитав это качество в их осведомленности о содержании письма предпосылкой для победы и триумфа, и из-за того, что пораженное беспечностью войско сирийцев не знало о том, что двадцать тысяч коварных неверных подкарауливали и подстерегали [их] в узком горном ущельем вблизи места перехода путников, они собрались напасть на заспанное [и позабывшее об] осторожности войско, взятое врасплох, и когда они проснулись от удара татарского кнута и взялись за боевые орудия, пуля камней и пыли, выпущенная небесным камнеметателем из пращи судьбы, заполнила оконце обозрения мира очей Бундукдара, сделав [его] незрячим, так что он не имел сил и возможности использовать оружие и смотреть направо и налево, отчего воротник взятой на временное пользование одежды его жизни был распорот клинком злодейских врагов, и его безжизненное туловище упало на землю погибели, а одетые в шерстяные накидки татары с обстриженными волосами облачились в роскошные белые одеяния, позолоченные и зеленые тюрбаны единобожников и взнуздали своих грациозных арабских скакунов захваченной в качестве трофея уздою, на подступах к Шаму подошли к крепости Мосул, и когда гарнизон бастиона поверил лживой касыде[425], которую они прочитали, будто бы они сирийские воины, и открыл им ворота, они насильственным путем проникли в город и предали жилище жизни малых и взрослых огню искоренения. После этого жителей си-

[424] Синджар – горный хребет на северо-западе Ирака и северо-востоке Сирии.
[425] Касыда – форма лирического стихотворения в мусульманской поэзии.

рийского Дамаска обвинили в том, что они откликнулись на зов [о помощи] последователей ислама, уподобив и их счастливые дома увеселения и радости обиталищу Мосула и Багдада, после чего отправили посла к Музаффар ад-дину Кудузу[426], который отличался от себе подобных тем, что был взращен, [питаясь] сахаром правления Египтом, наполнив его рот горечью от ядовитого письма, содержавшего [повеление] встать на бедственную тропу подчинения, отчего наместник страны просунул голову в ворот отрешенности и размышления, показав в глазке бинокля расчета и зеркале чистого Искандарова сердца уродливый и безобразный образ подчинения, из-за чего они сказали: «если алчные монголы, неспособные различить йеменскую ночь (шаб-и йамани = «йеменские белые квасцы» – примеч. пер.) и опьянение обещанного срока (сукр-и ми‘ад = «предсмертная агония» – примеч. пер.), попробуют на вкус тростниковый сахар милости подчинения, они разобьют чашу со сладким шербетом договора и соглашения камнем вероломства и спора, рассыпав вермишелевую халву (халва-и рашидийа) общины единобожников и прогнав из гостиной радости и ликования [хадиса] «*верующий сладок и любит сладость*» (ал-му’мину хулвун ва йухиббу-л-халава)», и из-за того, что розданная газиям[427] печеная халва сладкоречивого содержания пришлась по вкусу преданным товарищам, сперва направленного с кислыми словами посла накормили досыта горьким ядом смерти на виселице наказания, а свивший гнездо в Шаме сокол эмира эмиров того времени Бундукдара, который взлетел на самые вершины стойкости и [устроил] жилище усердия, вооружился крылами необходимого оружия, стрел, мечей и копий, ударив в некое удачное время счастливого соединения звезд по барабану отправления в путь для воскрешения великого райского древа ясной религии и разрушения гнезда подобных совам неверных, и когда его звук отчетливо достиг слуха обезглавленной птицы страдальцев от несчастий, спрятавшихся в нору укрытия из страха быть схваченными татарскими хищниками,

Мисра‘

و سنور مغلوب يصول على الكلب

«Побежденная кошка бросается на собаку»[428],

малочисленное войско, блуждавшее по долине доблести с израненными и ощипанными крыльями слабости и дряхлости, которое было

[426] Ал-Малик ал-Музаффар Сайф ад-дин Кутуз (ум. 1260) – тюркский полководец, мамлюкский султан Египта (1259–1260).

[427] Гази, газий – участник газавата.

[428] Арабское стихотворение из поэмы «Гулистан» Саади.

[подобно] египетскому Йусуфу [в] терпеливости, на устроенном ими пиршестве сражения с Кайбука-нуйаном, засучившим рукава внимания для того, чтобы завоевать Египет и Сирию [по приказанью] Хулагу, начиная с времени восхода озарившего мир солнца и вплоть до полудня управляло гнедым скакуном кубка с вином красной смерти (насильственной смерти – примеч. пер.), помянуло предварительно своих жен и детей, опьяненных и лишившихся чувств от бутыли меча жестокости татар, и пролило кровь безбожных неверных, обрадовав приятным вином сражения и джихада их праведные души, и тогда облако изобилия и триумфа пролило на покрытые зелеными [тюрбанами] головы мусульман дождь победы, отчего злополучные враги утонули в потоке уничтожения, и даже обреченная судьбой [на смерть] голова татарского военачальника Кайбука-нуйана стала благодаря украшенному драгоценными каменьями мечу усердия тыквой [на] помойке мести, а поток призванных на службу [из] Египта и Шама дошел до берегов реки Евфрат, а щавелевый шербет (шарбат-и хуммаз)[429] египетского клинка не скупился [ставить] клейма стойкости, из-за чего они бросили дьявольских мужчин в Шатт[430] и Нил небытия и потушили прозрачным и горячим шербетом встречи с женщинами и детьми черную лихорадку, возбуждающую томление и тоску, и когда молва об этом раздалась в ушах Хулагу, хотя чаша его души и наполнилась до краев гневом, чтобы обагрить воды Нила жизни египтян кровью отмщения, он принял на пьяном пиршестве храбрецов из рук каана [того] времени «три омывающие пиалы»[431] (саласа-и гассала) мужества. Однако в то время виночерпий судьбы опьянил и погубил вином естественной смерти Менгу-каана, а кубок себялюбия и гордыни, которые Берке-хан[432] и остальные сыновья Чингиза передавали по кругу, вопреки давнему обычаю, привел в стране Моголистан[433] к сильному опьянению смутой и злодеяниями, благодаря чему [он] отпустил ворот мусульман [и оставил их] в покое. Злонравный Хулагу на протяжении девяти лет расстилал ковёр несправедливости и нечестия

[429] Отвар, использовавшийся для дубления кож.

[430] Шатт ал-‘Араб – полноводная река на юге Ирака и Ирана, образующаяся при слиянии Тигра и Евфрата.

[431] Выражение из «Дивана» Хафиза, которое восходит к заимствованному из древнегреческой медицины представлению о пользе употребления утром натощак трёх бокалов вина для очищения желудка и избавления от дурных мыслей и тревог.

[432] Берке-хан (ум. 1266) – пятый хан Улуса Джучи (1257–1266), сын Джучи и внук Чингиз-хана.

[433] Земли монголов.

под девятислойными шатрами мира приобретений и лишений, и когда ему исполнилось сорок восемь лет, сотканный из несчастья ковер его жизни и здоровья был уничтожен и изношен порывом ветра исчезновения, после чего областями Шама, Рума и большинством областей Ирана правили ханы Улуса Хулагу, Балхом, Бадахшаном, Забулистаном, Сиджистаном и частью Синда, Хиндистаном, Мавераннахром и большой частью Туркистана – ханы Чагатая, и когда примерно в семьсот шестнадцатом году (1316–1317 гг. – примеч. пер.) Абу Са‘ид-хан[434] из Улуса Хулагу отвернулся от скверны [этого] мира, чтобы осыпать градом объединения колос правящего круга Арпа-хана[435], одного из приближенных наместников Хулагу, который был пробившимся ростком ячменя власти на плодородных землях Ирана и Рума благодаря преждевременному дождю уклонения и испорченному зерну превосходства, он посадил еще [одного] из эмиров Хулагу, ‘Али Мирза Мухаммада ибн Йулкутлуг-оглана[436], словно воробушка с переломанными крыльями, на пустой ханский амбар, а сам под именем главы династии (кадхуда) сел со скрещенными ногами у хлебного стола милости, тогда как Шейх Хасан Кучук ибн Тимурташ ибн Чобан Сулдуз[437] вышел и показался из уединенного места единственности и единичности, расстелив молитвенный коврик победы и овладения в огромной молельне (завийа) Азербайджана, а Асджайту-хан[438] украсил свою дочь Саты-Бике[439] басмой наделения властью и позолоченным гребнем правления, сделавшись привратником султанского дворца, тогда как Шейх Хасан Кучук наблюдал, как Шейх Хасан Бузург[440] оседлал коня корыстолюбия и перебирал четки внима-

[434] Абу Са‘ид Бахадур (ум. 1335) – ильхан государства Хулагуидов (1316–1335). Однако в тексте подразумевается отец Абу Са‘ида Олджейту (ум. 1316), правивший в 1304–1316 гг.

[435] Арпа-Кэун (ум. 1336) – ильхан государства Хулагуидов (1335–1336), потомок Ариг-Буги.

[436] Музаффар ад-дин Мухаммад-хан (ум. 1338) – ильхан государства Хулагуидов (1336–1338), возведенный на престол в детском возрасте усилиями джалаиридского эмира Хасана Бузурга (см. ниже).

[437] Хасан Кучук (ум. 1343) – представитель династии монгольских эмиров Чобанидов, беклербек Улуса Хулагу и наиб Азербайджана (1327–1343).

[438] Олджайту.

[439] Сати-бэхи (ум. 1345) – старшая дочь ильхана Олджайту, правившая государством Хулагуидов в 1339–1340 гг. Была замужем за эмиром Чобаном (ум. 1327) из монгольского рода сулдус, основателем династии Чобанидов.

[440] Хасан Бузург (ум. 1356) – монгольский эмир из династии Джалаиридов, правивший Улусом Хулагу на правах регента.

ния и усердия, чтобы с согласия суфиев тариката[441] пустить Джихан-Тимура Алафранг-оглана[442] на вершину невольной власти, и ради получения степени атабека[443] завоевал и привлек железное сердце Сатыхатун[444] магнитом смысла и нежным языком и заставил разделить [с ней] ложе общения в уединенном доме любви Сулеймана ибн Мухаммад-оглана[445], благодаря чему с помощью обладающего многими полезными свойствами эликсира рвения придал прочности и силы мужским органам (алат-и духул) в гареме дворца наместника, Шейх Хасан Бузург и Шейх Хасан Кучак добавили дров в огонь из-за своей суеты ради того, чтобы сесть в молельне независимости обители своего правления, один – в Арабском Ираке, а другой – в Азербайджане, и от их дурацкой возни они пришли в смятение и стали проявлять [разного рода] безумства, и как сказал пишущий [эти строки], «Жуткое опьянение (neş'e-i kızıl, букв. «красное опьянение» – примеч. пер.) благополучием (ak yazı, букв. «белая судьба» – примеч. пер.) ударило в безумные глаза старика». Когда они красовались благодаря плясовому мелодическому вступлению (агазе) порыва их страсти выходом множества душ за пределы [мира] сущего и их вступлением на ступень уничтожения бытия из-за многократного противодействия путем сражения, каждый из эмиров вместе с людьми, последовавшими за своим себялюбием, стал бить в барабан правления, в Фарсе – Шейх Абу Исхак ибн Махмуд-шах Ранджу[446], в Кермане и 'Аджамском Ираке – Мухаммад ибн Музаффар Йазди[447], в Хорасане и Сабзеваре – один из сарбедаров[448] 'Абд ар-Раззак Баштини[449], в Тусе, Ниша-

[441] Тарикат – путь духовного совершенствования в суфизме. Позже также название суфийского ордена.

[442] Джахан-Тимур (ум. 1340) – представитель династии Хулагуидов и родственник Джалаиридов, занимавший ильханский престол в качестве их марионетки в 1339–1340 гг.

[443] Атабек – титул регента при правителе, получивший распространение в период Сельджукского султаната.

[444] Сати-бэхи.

[445] Сулейман-хан (ум. 1343) – представитель династии Хулагуидов, занимавший ильханский престол в 1339–1343 гг. в качестве марионетки Чобанидов.

[446] Абу Исхак Инджу (ум. 1358) – последний правитель персидской династии Инджуидов, правивший в Исфахане и Ширазе в 1343–1358 гг. Сын основателя династии Шараф ад-дина Мухаммад-шаха (1304–1325).

[447] Мубариз ад-дин Мухаммад (ум. 1363) – персидский правитель, захвативший в 1314–1358 гг. южные и западные районы Ирана Основатель династии Музаффаридов.

[448] Сарбедары – народное движение суфийско-шиитской направленности, боровшееся против Хулагуидов и Тимуридов и создавшее собственное государство на части территории Хорасана в 1337–1381 гг.

буре и Мерве – Аргун-шах[450], в Герате, Сиджистане и Гуре – Малик Му‘из ад-дин Хусайн Курд[451], в Мазендаране – Фахр ад-Даула[452], во [владениях] Бавандидов – Джалал ад-Даула Гавбаде[453], в Астрабаде и Джурджане – Туга-Тимур Кавине[454], в Луристане – Нур ад-дин Ахмад Атабеки[455], в Гиляне – сеиды Кар-Кийа[456], в Ширване – Шейх Ибрахим Дарбанди[457], а ‘Ала ад-дин[458] из сельджукского рода, воздвигнувший знамя власти в области Рум, примерно в семьсот втором году (1302–1303 гг. – примеч. пер.) упал на землю небытия от [удара] меча жестокости безжалостного Газан-хана[459], после чего его преемники испили отравленную воду вина слабости и немощи из связанных рук Улуса Хулагу, сброшенные на головы эмиров указанного улуса из лап стрижей Божественного гнева камни беспорядков и несчастий привели к тому, что бутыль степенности и чести разбилась, и оттого, что у монгольских эмиров не было сил [добиться] стойкости и непоколебимости в средоточии области правления Эретнидов[460], сидевших на троне в стране Рум [в

---

[449] ‘Абд ар-Раззак ибн Фадлаллах Баштини (ум. 1338) – бывший персидский сановник при дворе ильхана Абу Са‘ида, военный лидер движения сарбедаров и эмир Сабзевара (1337–1338).

[450] Аргун-шах – правитель Абиварда и Нисы из династии Джани-Курбанидов, контролировавших часть северного Хорасана в 1336–1358 гг.

[451] Му‘изз ад-дин Хусай ибн Гийас ад-дин (ум. 1370) – эмир из династии Картидов персидско-таджикского или пуштунского происхождения, которые правили восточными районами Хорасана.

[452] Фахр ад-Даула Шах-Гази (ум. 1379) – правитель (устандар) горного района Рустамдар (совр. провинция Мазендаран на севере Ирана) из персидской династии Бадуспанидов, возводивших свою генеалогию к последним Сасанидам.

[453] Джалал ад-Даула Искандар (ум. 1360) – правитель Гиляна (1333–1360) из династии Бадуспанидов, старший брат Фахр ад-Даула Шах-Гази.

[454] Туга-Тимур (ум. 1353) – последний ильхан Улуса Хулагу, потомок Джучи-Хасара младшего брата Чингиз-хана. Сумел освободиться из-под опеки Джалаиридов, но контролировал лишь небольшую территорию на севере Ирана.

[455] Нур ад-дин Ахмад – правитель (малик) лурской династии Хуршидидов, атабеков Малого Луристана, правивших на юго-западе Ирана.

[456] Кар-Кийа – зейдитская династия сеидов, правившая в восточном Гиляне в 1370–1592 гг.

[457] Шейх Ибрахим (ум. 1417) – правитель Ширвана (ширваншах), основатель династии Дербенди (1382–1602).

[458] ‘Ала’ ад-дин Кайкубад III (ум. 1302) – сельджукский султан Рума, правивший в 1283–1302 гг. западной частью страны.

[459] Газан-хан (ум. 1304) – ильхан государства Хулагуидов (1295–1304).

[460] Эретниды (Эретнаогуллары) – тюркская династия, основавшая анатолийский бейлик (эмират) со столицей в Сивасе и Кайсери, и правившая им в 1335–1381 гг.

соответствии с правилом] «*власть принадлежит тому, кто победил*»[461] (ал-хукму ли-ман галаба), [он] перекрыл [подходы] к Кайсери[462], Арзанат ар-Руму[463] и Азербайджану, сумев привести в исполнение драгоценное повеление, начертанное обломившимся у ножки циркулем его выбора и обратной стороной пера его воли с отрезанным языком:

Мисра‘

اگر خواهی سلامت در کنارست

«Если хочешь безопасности, [то она] на берегу»[464],

в немногочисленных областях Рума, в Конье – Караман[465], в Эльбистане[466] – Зулькадир[467], в Адане[468] – Рамазан[469], в Кастамону[470] – Кызыл-Ахмед[471], в Энгюри[472] – Тургуд[473], в Кютахье[474] – Гармийан[475], в Сагчуке[476] – Измир[477], в Магнисе[478] – Сарухан[479], в Балыкесире[480] – Карасы[481], в

---

[461] Арабская пословица.

[462] Кайсери (греч. Кесария) – город в центральных районах современной Турции.

[463] Эрзурум, город на востоке современной Турции.

[464] Отрывок из бейта в «Гулистане» Саади.

به دریا در منافع بی شمار است

و گر خواهی سلامت، بر کنار است

«Благо моря – в [его] бесчисленных выгодах, а если хочешь безопасности, [то она] на берегу».

[465] Караманиды (Караманогуллары) – тюркская династия, основавшая анатолийский бейлик со столицей в Карамане и правившая им в 1256–1474 гг.

[466] Эльбистан – город в современной провинции Кахраманмараш на юге Турции.

[467] Дулькадириды (Дулькадирогуллары) – тюркская династия, основавшая анатолийский бейлик в южной Анатолии и правившая им в 1337–1522 гг.

[468] Адана – город на юге современной Турции, в исторической области Киликия.

[469] Рамазаниды (Рамазаногуллары) – тюркская династия, основавшая анатолийский бейлик в Киликии и правившая им в 1352–1608 гг.

[470] Кастамону – город на севере современной Турции.

[471] Династия Джандаридов (Джандарогуллары) правила анатолийским бейликом на черноморском побережье Турции в период с конца XIII века до 1461 гг. Последним правителем бейлика считается Кызыл Ахмед-бей (ум. после 1500), в честь которого в турецкой историографии династию часто называли Кызылахметогуллары.

[472] Энгюрю (Engürü) – один из тюркизированных вариантов названия Ангоры/Анкары.

[473] Тургутогуллары (Тургутлу) – название туркменского племени и династии беев, находившихся первоначально на службе у Караманидов и получивших в управление территории между Коньей и Анкарой.

[474] Кютахья – город на западе современной Турции.

[475] Гермияниды (Гермияногуллары) – тюркская династия, основавшая анатолийский бейлик со столицей в Кютахье и правившая им в 1300–1429 гг.

[476] Сыгаджык – турецкая крепость, построенная в 1521–1522 гг. на территории современного района Северихисар в иле Измир (Турция).

[477] Айдыниды (Айдыногуллары) – тюркская династия, основавшая анатолийский бейлик на эгейском побережье Турции в районе Измира и правившая им в 1308–1425 гг. По-

Гюзельхисаре[482] – Айдын[483], в Мугле[484] – Ментеша[485], в Анталье[486] – Теке[487], в Ыспарте[488] – Хамид-огуллары[489], подобные птенцам с оборванными крыльями, сочли небо султаната свободным от сокола с когтями стойкости и гнезда великодушия и в те дни, когда они, замышляя взлететь на крышу обители надменности с помощью едва пробившейся бороды заявления о себе, привели в движение крылья старания и усердия, [являющееся] проявлением промысла Пречистого и удостоившееся поддержки Вечного светило правящего дома и озаряющее мир солнце царства отваги, украшающее мир солнце удачи храбрых Османских царей – *да продлит Аллах тень их заботы до скончания эпохи и до истечения времени* (мадда-Ллаху зилала ра'фатахум ила-л-ахири-д-давран ва ила интиха' аз-заман) – одарило светом башню независимости, благодаря чему звезды могущества остальных царей обнажили под завесой вызывающих ужас высоких гор [Османов] свой упадок и исчезновение. Вслед за этим сильная [в своем] проявлении болезнь порока и смуты постигла ладное здоровье Улуса Чагатая, и когда от его наместников и эмиров в семьсот сорок седьмом году (1346–1347 гг. – примеч. пер.) Кузгун-Навбат[490] (тюрк. кузгун – «ворон» – примеч. пер.) растопырил свои ма-

---

следним правителем бейлика был Джунейд Измироглу (ум. 1425), в честь которого династию иногда называют Измирогуллары.

[478] Маниса – города на эгейском побережье современной Турции.

[479] Саруханогуллары – тюркская династия, основавшая анатолийский бейлик на эгейском побережье Турции в районе Манисы и правившая им в 1300–1415 гг.

[480] Балыкесир – город в северо-западной Турции.

[481] Карасиды (Карасыогуллары) – тюркская династия, основавшая анатолийский бейлик на эгейском побережье Турции в районе Дарданелл и правившая им в 1296–1363 гг.

[482] Гюзельхисар – название одного из районов Измира.

[483] Айдыниды. См. выше.

[484] Мугла – город на крайнем юго-западе Анатолии.

[485] Ментеше (Ментешеогуллары) – тюркская династия, основавшая анатолийский бейлик на эгейском побережье Турции на территории исторической области Кария и правившая им в 1300–1425 гг.

[486] Анталия – город на средиземноморском побережье Турции.

[487] Теке (Текеогуллары) – ветвь династии Хамидидов (Хамидогуллары), управлявшая южной частью их бейлика на побережье Средиземного моря в районе Анталии и добившаяся относительной независимости в конце XIV – начале XV вв.

[488] Ыспарта – город на юго-западе Турции.

[489] Хамидиды (Хамидогуллары) – тюркская династия, основавшая анатолийский бейлик на юге Анатолии и правившая им в 1300–1423 гг.

[490] Казаган (ум. 1358) – правитель Чагатайского улуса (1346–1358). «Навбат» (نوبت), скорее всего, представляет собой искаженное написание названия его родовой или племенной принадлежности (вероятно, дурбат/дербет).

ховые перья самовыпячивания и своеволия, натолкнувшись на крокодилью нору моря обладающих мощью и саном правителей, страну Мавераннахр, а также каждый из петухов [со] свалки тираничного господства издал на высокой крыше драки [за] власть вопль себялюбия, в Самарканде – Байан-Сулдуз[491], в Каше[492] – Хаджи Барлас[493], в Хуттаалане[494] – Кайхусрав[495], в Арханге[496] – найман[ы], в Бадахшане – Туйгун-шах, в Забулистане – Баклан, а в Кабуле – Хусайн ибн Калад ибн Кузгун-Навбат[497], пресловутый правитель Кабула Кузгун был умелым и совершенным в игре на горне нечестия и тираничного правления, благодаря чему в последующем потомки Чингиза по имени Кабул-шах[498] и ʻАдил-Султан[499] стали правителями [этих] областей и стран благодаря занятию престола правления, и в то время Тимур-Ланг Гуркан ибн Тургай из племени Барлас, разделявший ложе с сестрой пресловутого Хусайна, взошедшего на скамью банкротства, и обретший знатность и славу под прозванием Гуркан, означающим на монгольском языке «зять», примерно в семьсот семьдесят первом году (1369–1370 гг. – примеч. пер.) поставил ногу надменности и упрямства на эмирский трон и для ведения дел посадил на собрании своего коварства на султанский престол [одного] из сыновей Данишмандча-хана из потомства Чингиза[500], чья птица

[491] Буян-Сулдус (ум. 1362) – лидер клана сулдус монгольского племени тайчжиутов, управлявший территориями в районе города Шадман к северу от Самарканда. После смерти Казагана был некоторое время самым влиятельным эмиром Чагатайского улуса, пока не был смещен Тимуром.

[492] Кеш – согдийское название города Шахрисабз на юге современного Узбекистана.

[493] Хаджи-бек (ум. 1362) – лидер племени барлас, эмир Кеша. Выступал союзником Буян-Сулдуса в борьбе с Тимуром.

[494] Хутталан – историческая область на правом берегу верховья Амударьи, на территории Хатлонского вилоята современного Таджикистана.

[495] Кай-Хусрав (ум. 1372) – эмир области Хутталан, союзник Тимура.

[496] Арханг – переправа в верхнем течении Амударьи на месте нынешнего речного порта Шерхан-Бандар в провинции Кундуз (Афганистан).

[497] Хусейн (ум. 1370) – эмир Мавераннахра (1364–1370), внук Казагана. Шурин и союзник Тимура.

[498] Кабул-шах (ум. ок. 1365) – потомок Чагатая, один из номинальных чингизидских ханов Улуса Чагатая, возведенный на престол в 1357–1358 гг. эмиром Абдаллахом, сыном Казагана, а затем в 1364–1365 гг. – эмиром Хусейном и Тимуром, но спустя непродолжительное время казнен.

[499] ʻАдил-Султан (ум. 1370) – сын Кабул-шаха. Был возведен на престол после отца и казнен по приказу Тимура после его победы над Хусейном.

[500] Данишманджа-оглан (ум. 1348) – потомок Угэдэя, номинальный хан Улуса Чагатая (1346–1348), возведенный на престол Казагана и казненный им по обвинению, в нечагатаидском происхождении.

жизни улетела из-за жестокости и притеснений от когтей Кузгуна Навбата, Суйургатмыш-оглана[501], а после его смерти – его сына Махмуд-Султана[502],

Мисра‘

و اینست از حیله های تیمور

«И это [одна] из хитростей Тимура»,

соблюдя старинный обычай Чингиза, скрепляя и подписывая свои ярлыки и указы двумя большими и противоестественными печатями, смазанными зелеными и красными чернилами, как приказ и повеление Суйургатмыш-хана, а также распоряжение и указание от военачальника Амир-Тимура. Огонь его господства и владения разгорался и тянулся ввысь все больше и больше с каждым днем, развеяв листы книги собрания Хизр-ходжи[503] в Туркистане, Токтамыш-хана[504] из числа потомков Джуджи – в Дешти-Кыпчаке, Махмуда Ахладжи[505] – в Хиндистане, Султана Фараджа Черкеси[506] – в Шаме, а также прочих султанов и царей, и спалив дома жизни стольких невинных и безгрешных людей, примерно в восемьсот седьмом году (1404–1405 гг. – примеч. пер.) на пиршестве [по случаю] обрезания, устроенном в Кандагарском дворце, по старинному монгольскому обычаю он танцевал на одной ноге ликования под веселящие наигрыши музыкантов и возлияния прогоняющих тоску напитков, и от опьянения и одурманивания большим количеством еды и питья пролил пот [от] опьянения потомством, отчего его испорченный и алчный желудок насытился роскошными благами жизни, после чего его эмиры и дети правили в качестве султанов в областях Хинда, Туркистана, Хорезма, Рума, Шама, всего Мавераннахра и Ирана, а примерно в восемьсот семнадцатом году (1414–1415 гг. – примеч. пер.) [один] из

[501] Союргатмыш-хан (ум. 1388) – сын Данишманджа-оглана, номинальный хан Улуса Чагатая (1370–1388), возведенный на престол Тимуром.

[502] Султан-Махмуд-хан (ум. после 1402) – сын Союргатмыш-хана и номинальный хан Улуса Чагатая при Тимуре.

[503] Хизр-Ходжа-хан (ум. 1399) – третий хан Восточного Чагатайского ханства (Моголистан), правивший в 1389–1399 гг.

[504] Тохтамыш-хан (ум. 1406) – хан Золотой Орды, правивший в 1380–1395 гг.

[505] Насир ад-дин Махмуд-шах Туглук (ум. 1413) – правитель Делийского султаната (1394–1413), последний представитель династии Туглакидов. Ошибочно приписан автором к тюрко-афганской династии Хильджи, правившей Делийским султанатом в 1290–1320 гг.

[506] Ан-Насир Фарадж (ум. 1412) – мамлюкский султан Египта из династии Бурджитов (1399–1405, 1405–1412), сын Баркука, мамлюкского правителя черкесского происхождения.

эмиров [на службе у] царей Джалаиридов[507], проводивший время в окрестностях Мосула и Синджара туркмен Каракоюнлу[508] Кара Йусуф[509] забрал и высвободил пастбища большей части Азербайджана, Арабского Ирака, Хузистана, Джазиры и части ʻАджамского Ирака из рук детей Тимура, обелив [тем самым свое] лицо (т.е. завоевав всеобщее признание – примеч. пер.) и показав кислую мину высокомерия и спеси в то время, как над большей частью указанных областей [один] из эмиров Тимура, которому было велено управлять Дийарбакром[510], Узун Хасан[511] из туркменов Аккоюнлу[512], явил во весь рост свою отвагу, благодаря чему вывел стадо нападавшего войска Каракоюнлу с луга хозяйничанья, и когда руки распоряжения детей Тимура ограничились землями Хорасана, Сиджистана, Забулистана, Бадахшана и Мавераннахра, а также частью Туркистана и Хорезма – примерно в девятьсот шестом году (1500–1501 гг. – примеч. пер.) – шах Исмаʻил[513] из рода Шейха Сафи Ардабили[514] поднял свое новоявленное знамя непокорности в углу завоевания, благодаря чему шиитский сброд и [следующие] семи мазхабам (сабʻат ал-мазахиб)[515] кызылбаши[516], которых он взял в руки распоряжения и

[507] Джалаириды – тюркизированная монгольская династия султанов, происходившая из монгольского племени джалаир и правившая в 1340–1410 гг. на территории Ирака, западного Ирана и Закавказья.

[508] Кара-Коюнлу – конфедерация огузских тюркских кочевых племён во главе с шиитской туркменской династией из огузского рода ивэ, существовавшая в XIV–XV веках на территории современных Азербайджана, Армении, Ирака, северо-западного Ирана и восточной Турции.

[509] Кара Юсуф (ум. 1420) – предводитель государства Кара-Коюнлу (1389–1420), внесший наибольший вклад в расширение его пределов.

[510] Современный Диярбакыр (Турция).

[511] Узун Хасан (ум. 1478) – глава и правитель Ак-Коюнлу (1453–1478), при котором это государство достигло наибольшего расцвета.

[512] Ак-Коюнлу – конфедерация огузских тюркских кочевых племён во главе с правителями из туркменского племени баяндур, существовавшая во второй половине XV в. в Иране, Ираке, восточной Анатолии, Армении и Азербайджане.

[513] Исмаил I (ум. 1524) – лидер кызылбашей, основатель династии Сефевидов, правивших Ираном в 1501–1722 гг.

[514] Шейх Сафи ад-дин Исхак ал-Ардабили (ум. 1334) – персидский суфий, основатель суфийского ордена сафавийа и родоначальник династии Сефевидов.

[515] Аллюзия на арабское выражение «Нет [в этом] пользы по семи мазхабам» (ла йунфаʻу би-сабʻи-л-мазахиб), в котором под мазхабами понимаются мусульманские религиозно-правовые школы и направления, расходящиеся между собой по разным вопросам. Однако в данном контексте подразумевается не «семь мазхабов», а исмаилитское направление в шиитском мазхабе, которое в персидской литературе называли «сабʻ-мазхаб» («следующий мазхабу семи [имамов]»).

покровительства, ввели в текке[517] своего использования [всё] поголовье овец Аккоюнлу, которое было опорой для трости надменности и высокомерия, и в эти дни хан Шейбек[518] с бескрайним войском узбеков из самых отдаленных [областей] Дешти-Кыпчака пришпорил коня завоевания и ущерба, благодаря чему изгнал сыновей Тимура за пределы государства и выдворил из дома султаната, примерно в девятьсот семнадцатом году (1511–1512 гг. – примеч. пер.) Бабур Мирза ибн ʻУмар-шейх ибн Абу Саʻид ибн Амиран-шах ибн Тимур Гуркан[519] сперва направился в Забулистан и Кабул, а затем пером постепенности и благосклонности начертал тугру[520] на формуляре фирмана[521] в некоторых областях Хиндистана, а в большинстве областей Ирана стали повелевать Сефевидские шахи и их эмиры, Хорасан, Балх, Бадахшан, Мавераннахр, Хорезм и часть Туркистана были под властью узбекских ханов из [числа] потомков Чингиза, а Забулистан и часть Хинда и Синда – под властью потомков Тимура, тогда как достопочтенные Османские султаны, которые были повелителями правоверных (амир ал-му'минин)[522] и владетелями над шеями мусульман – *да увековечит Аллах их державу до скончания времен* (аббада-Ллаху давлатахум ила-ахири-д-давран) подпоясали свое хранение и почтение молитвой пресекающего споры меча пречистого шариата, благодаря чему завладели областями Анатолии, Карамана и Сиваса, называемыми областями Рума, и десницей своего падишахского великодушия освободили цветастый сатиновый воротник расположенного на берегах Черного моря Трабзона, который был мастерской тор-

[516] Кызылбашами (тюрк. «красноголовые») изначально называли полукочевые туркменские племена (шамлы, румлу, устаджлы, текели, афшар, каджар, зулькадар и др.) Восточной Анатолии и Азербайджана, находившиеся под влиянием шейхов суфийского ордена сафавийа. В последующем из-за их склонности к гетеродоксному суфизму и идеям крайних шиитов этот термин стал нарицательным для суннитских авторов, особенно на территории Османской империи, превратившись в уничижительное название подданных Сефевидского Ирана или шиитов в целом.

[517] Текке – обитель суфийского шейха, где проходили суфийские радения и зикры.

[518] Мухаммад Шайбани-хан (ум. 1510) – правитель Бухарского ханства, основатель династии Шейбанидов.

[519] Захир ад-дин Мухаммад Бабур (ум. 1530) – среднеазиатский полководец, эмир из династии Тимуридов, основатель империи Великих Моголов, правивших на территории современной Индии, Пакистана, Бангладеш и юго-восточного Афганистана до 1858 г.

[520] Тугра – персональная каллиграмма мусульманского правителя с упоминанием его имени и титулатуры.

[521] Фирман – указ мусульманских правителей.

[522] «Повелитель правоверных» – почетное именование халифа мусульман. Первым из османских султанов в 1517 г. принял титул халифа Селим I (ум. 1520).

говли и [одной] из благоустроенных областей, из рук упрямого народа лазов,

Бейт:

Keramet gösterip halka suya seccade salmışsın

Yakasın Rumili'nün dest-i himmet ile almışsın.

«Проявив благородство по отношению к народу, постелил ты молитвенный коврик на воде,

Взяв Румелию за ворот десницей своего великодушия»[523],

в соответствии со сказанным, вместе с сорока людьми Божьими он возложил на Золотой Рог (Халидж) Константинополя молитвенный коврик [для] переправы, а также

Бейт:

Yine bir dilbere dil-beste oldum ben Bolayır'da

Senüñ olsun benüm nakdine-i canım Bolayır'da

«Снова сердцем привязался я к одной чаровнице в Болайире[524],

Пусть принадлежат тебе все деньги моей души в Болайире»,

на парусах его движения и бодрости прошел через берега Гелиболу[525] и Болайира, которые являются башней друзей [Аллаха], в области Греции (Йунан), называемые теперь Румелией[526], [завоевал] множество крепостей и городов, в частности в [один] из месяцев восемьсот пятьдесят восьмого года (1454–1455 гг. – примеч. пер.), когда появился из чистой раковины материнского лона Гордости Общин (Фахр ал-умам), достопочтенного Почитаемого Пророка – *да благословит его Аллах и приветствует*, который является единственной [в своем роде] жемчужиной моря «если бы не ты» (лаулак) и драгоценным перлом «Я бы не создал небеса»[527] (ламма халакту-л-афлак), озарив и наполнив светом украшенную драгоценными каменьями шкатулку высочайшей колыбели мира

[523] Эти строки приписывают Шейху Махмуду, внуку турецкого суфия Шейха Эдебалы, участвовавшему в 1338 году в походе сына османского султана Орхана Гази, Сулейман-паши (ум. 1357). В ходе этого похода Сулейман-паша, якобы, совершил чудо и расстелил во время переправы через Дарданеллы молитвенный коврик прямо на воде.

[524] Болайир – небольшой город в европейской части Турции, на территории провинции Чанаккале. Место упокоения Сулейман-паши.

[525] Гелиболу – город в европейской части Турции, на полуострове Галлиполи (на территории провинции Чанаккале).

[526] Румелия (тур. Rumeli, «страна Рум») – название европейских владений Османской империи.

[527] Цитата из хадиса-кудси (содержащего слова Аллаха), в котором Аллах обращается к пророку Мухаммаду: «Если бы не ты, Я бы не создал небеса».

бытия в середине благословенного месяца раби‘ ал-аввал[528], открыл ключом «победы от Аллаха»[529] (насрун мин Аллах) и покорил запертые двери Константинийи[530], которая была [предметом] желания царей мира, а также завоевал и покорил страну Сырф[531], Босну[532] и Херсек[533], Хырвад[534], Боджга[535], Маджар[536], Эрдель[537], Эфлак[538], Богдан[539] и Буджак[540], сделав большую их часть местопребыванием последователей ислама. Он освободил области Крыма – Кафу[541], Тамань[542], Азак[543] и остальные подчинявшиеся им крепости из-под власти никчемных неверных, назначив своими слугами крымских ханов с помощью разного рода любезностей и милостей, и ручной силой своего великодушия накрыл ладонями справедливости страны Хиджаз, Йемен, Хабаша[544], берберские области Магриба, Джаза’ир[545], Тунис, Траблус[546], Барку[547], Египет, Шам, Арабский

[528] Месяц мусульманского лунного календаря, в который, согласно преданию, родился пророк Мухаммад.
[529] Цитата из Корана (61:13).
[530] Константинополь.
[531] Сербия.
[532] Босния.
[533] Герцеговина.
[534] Хорватия.
[535] Бачка – историко-географический район в Центральной Европе, на Среднедунайской низменности, между реками Тиса и Дунай (на территории современной Сербии и Венгрии).
[536] Венгрия.
[537] Эрдель – турецкое название Трансильвании, исторической области на северо-западе современной Румынии.
[538] Эфлак – турецкое название Валахии, исторической области, расположенной на юге современной Румынии, между Южными Карпатами и Дунаем.
[539] Богдания – историческая область на территории бывшего Молдавского княжества, которая сегодня входит в состав Румынии, Молдовы и Украины.
[540] Буджак – историческая область на юге современной Молдовы, занимающая южную часть междуречья Дуная и Днестра,
[541] Кафа – крепость, расположенная на месте современного города Феодосия в юго-восточной части Крымского полуострова на побережье Чёрного моря.
[542] Тамань – османская крепость на месте современной станицы с таким же названием в Темрюкском районе Краснодарского края.
[543] Азак – крепость на месте современного города Азов, расположенного у устья Дона на территории современной Ростовской области в России.
[544] Эфиопия.
[545] Алжир.
[546] Тарабулус (тж. Тарабулус ал-Гарб, Триполитания) – историческая область на северо-западе современной Ливии.
[547] Барка (Киренаика) – историческая область на востоке современной Ливии.

Ирак, Джазиру, Армению, Арран, Азербайджан и некоторые области ‘Аджамского Ирака, обязав Сефевидских шахов ежегодно [выплачивать] подать с разного рода тканей и шелка, а из христианских царей – обязав австрийского кайзера (Nemçe çasarı) и венецианского дожа [выплачивать] дань золотой монетой чистой пробы, на Персидском[548] и Кульзумском море[549], Черном и Белом море[550] пустил военные суда и завоевал знаменитые острова указанного моря – Крит, Кипр, Родос, Хиос (Сакыз), Пелопоннес (Мора) и Эвбея (Эгрибоз) и еще до ста островов, наполнив их последователями ислама, и чаще всего ханы Казани и Хаджи-Тархана[551], будучи подданными ханов Крыма, косвенно считались подданными Высокого Государства[552], и их решения и повеления действовали в областях Италии, Германии (Алман) и некоторых областях Франгистана, Ирана и Турана, и когда из-за нападения португальских неверных цари Гуджарата попросили о помощи, он помог многочисленными судами [с] Кульзумского моря и османским войском, а также, когда для ведения дел [один] из узбекских ханов Бурак-хан[553] попросил о милости, он разгромил его врагов крушащей крепости пушкой и приводящим в смятение мир войском, овеяв благодатью своего правления большинство стран трёх частей населенной четверти – Европы, Азии и Африки – и осенив дарующим жизнь духом своих повелений и заботы нутро и наружность обитателей мира и сердца жителей священных земель, став [таким образом] султаном двух суш и двух морей (султан ал-баррайн вал-бахрайн) и служителем двух благородных заповедных святынь[554] (хадим ал-харамайн аш-шарифайн). Да продлит Аллах их государство вплоть до времени воскрешения (адама-Ллаху давлатахум ила дари-л-кийам). Вернемся к тому, на чем мы остановились (нарджи‘у ила ма кунна фихи).

---

[548] Персидский залив.

[549] Красное море.

[550] Белое море (тур. Akdeniz) – турецкое название Средиземного моря.

[551] Астрахань.

[552] Высокое государство (Девлет-и Алийе) – одно из официальных именований Османской империи.

[553] Очевидно, искаженное написание имени одного из сыновей Абулхайр-хана и отца Мухаммада Шайбани, Шах-Будаг-султана.

[554] Две главные святыни мусульман – Заповедная мечеть в Мекке и Мечеть Пророка в Медине.

О делах Джуджи ибн Чингиз-хана

Да не будет тайной, что волосатая чаша слов [вашего] бедного [слуги] покатилась к испившим чашу с горьким и сладким шербетом пиршества и сражений сыновьям Чингиза, султанам из рода Джуджи, было сочтено надлежащим сделать десертом (нукл) собрания, посвященному поминанию [Аллаха], изложение дел пресловутого Джуджи, который был благородным дедом того славного рода. В то время, когда судьба отвернулась от Чингиза, [один] из его неприятелей, правитель племени меркитов, воспользовался возможностью, и в пору сражений и во времена грабежей и вредительств корабль бытия матери Джуджи Буртечине был тяжело нагружен хлопотами и трудами благодаря тяжкому грузу беременности, отчего у нее не было возможности ходить и двигаться, и благодаря дуновению ветра судьбы он увяз в глине плена. Указанный народ был обеспокоен и опечален неприятностью последствий [этих] дел, отчего, когда [ее] на почетном паланкине отправили ко двору Чингиза, полагая, что разрешение бремени указанной женщины приведет к миру и безопасности, она родила, благодаря чему [его] назвали Джуджи, что на языке монгольского народа значит «путешественник», или Туши, что означает «находящийся в бедственном положении» и «скитающийся на чужбине», и указанный (Джуджи – примеч. пер.) был самым старшим из сыновей Чингиза, из-за чего, по древнему обычаю, [тот] первым предоставил ему владения по сравнению с остальными его братьями, вручив ему в руки управления и распоряжения ключи от замки дел от областей Туркистана до всех стран Хорезма, Сугнака, Черкеса, Дешти-Кыпчака, Украины (Укранйа), Булгара, Руса, Крыма, Богдана, Валахии (Эфлак), Эрделя, Пруссии (Пурус), Венгрии (Маджар), Польши (Лех) и части Румелии (Румили) и Германии (Алманийа), благодаря чему он, его дети и эмиры правили теми краями, а когда он на шесть месяцев раньше своего отца ступил в долину небытия, его [самые] почтенные и способные к делам дети мужского пола Харда[555] и Бату[556] били челом в ставке их благородного деда во исполнение обычая траура и скорби, [он] определил титул хана Улуса Джуджи самому младшему сыну Джуджи – Бату – и в соответствии со связывавшими [их] узами отцовства, укрыл головы своих внуков тенью навеса заботы, усадив и поместив [их] в шатры, которые они называли «орда»: Харду – в [шатер] с белой занавесью, а Бату

[555] Орда-Эджен (ум. 1251) – самый старший из сыновей Джучи-хана (от кунгиратки Саркаду-хатун), признавший первенство Бату.

[556] Бату-хан (ум. ок. 1255) – хан Улуса Джучи в 1227–1255 гг.

– в [шатер] с синим покрывалом, определив для старшего прозвание Сайин, а для младшего – Эджен, а по прошествии времени два подразделения (синф) Улуса Джуджи стали знамениты под именами Ак-Обалы («белошатёрные» – примеч. пер.) и Гёк-Обалы («синешатёрные» – примеч. пер.) в соответствии с белым и синими навесами и обрели известность на тюркском языке под названиями Онг и Сол, означающими «правый» и «левый», оттого что во время походов и сражений один из них располагался справа, а другой – слева. Оттого, что Сайин-хан тяготел к манере своего отца и деда, врата его удовольствия и спокойствия вели к ложу пиршества сладкозвучного певца, а врата его взора и внимания отделяли основы мечети от кумирни, однако он рассыпáл серебро уважения и щедрости главам аскетов верующих и абсолютно [всем] облаченным в тюрбаны мусульманам, и его привычная к благоустройству натура тяготела к строительству, он возвел в Дешти-Кыпчаке город Сарай, который стал столицей его султаната. Благодаря его доверию общине единобожников стягивание большого количества христианских войск из стран неверных с целью завоевать Кард и Баскыр (?) вызвало волнение в его сердце, отчего живущее с удовольствием в пределах его государства сообщество верующих в соответствии с хорошими обычаями религии Ахмада (пророка Мухаммад – примеч. пер.) и похвальными установлениями общины Мухаммада – *да благословит Аллах его и приветствует*! – опустило головы в мольбе, дабы помолиться о ниспослании дождя, проливающего победу, а Сайин по своему древнему языческому обычаю был на протяжении трех суток мотыльком [у] свечи горения и плавления (боли и страдания – примеч. пер.) на вершине холма самоуничижения, и тогда на несчастные головы его злодейских врагов Творцом мусульман и христиан был пущен резкий ветер уничтожения, несущий град беспокойства, благодаря их победе над наступавшим врагом большинство расположенных в их окрестностях стран вошли в пределы его владения, и когда примерно в шестьсот пятидесятом году (1252–1253 гг. – примеч. пер.) он спустился с султанского трона жизни, милый его сердцу сын Берке-хан[557], который был его преемником, получил в долю благодать величественных милостей веры, проводя большую часть [своего] времени по велению своего религиозного усердия в сражениях со злонравным Хулагу, а в счастливые времена Сайина, его бра-

[557] В действительности, Берке-хан был сводным братом, а не сыном Бату.

та Бувала[558], его сына Ногай-Сайина[559], Туда-Менгу[560], Газана, Абу Са‘ида и Узбек-хана[561] по указанию помощи Господа людей он присоединил кучку татар к исламской обители мира, и в частности, [один] из сыновей Джуджи, Джанибек-хан[562], ведал о вопросах пропитания и загробного воздаяния, из-за чего, поскольку для него было непереваре-ваемым прощение несправедливостей Ашрафа[563] (араб. ашраф – «благороднейший» – примеч. пер.), чье имя противоречило [его сути], дабы исполнить наказание он направился через узкий Дербендский проход в направлении Тебриза,

Бейт:

دانیکه چه کرد اشرف خر

او مظلمه برد و جانبک زر

«Знаешь ли ты, что сделал глупый Ашраф,

Он принес жалобу [на несправедливость], а Джанибек унес золото»,

в соответствии с чем он стер и удалил со страницы эпохи его прославившееся несправедливостью имя губкой воздаяния за деяния, сделав бальзам заживления и успокоения для раненых жалом обиды. После Джанибека и его сына Бердика[564] вервь рода Сайина была перерезана ножницами вымирания, из-за истечения кислоты мятежа кафтан правления сыновей Джуджи не был заштопан заплатой порядка, и ханы по имени Хизр[565], Базар (?), Барут[566] и Рус[567] из рода брата Сайина Шибана[568], на короткое время облачились во взятый взаймы халат правления, и каждый из них, словно петух со сломанными когтями, заголосил о господстве и независимости в своих мусорных кучах своеволия, отчего за

---

[558] Бувал (Тувал, Мувал) – один из сыновей Бату, получивший во владение западные земли Улуса Джучи. Дед беклярибека Ногая.

[559] Ногай (ум. 1300) – независимый правитель западных окраин Улуса Джучи (ок. 1270–1300), отложившийся от ханов Сарая.

[560] Туда-Менгу (ум. ок. 1287) – внук Бату и хан Улуса Джучи в 1282–1287 гг.

[561] Узбек (ум. 1341) – хан Улуса Джучи в 1313–1341 гг.

[562] Джанибек (ум. 1357) – хан Улуса Джучи, правивший в 1342–1357 гг.

[563] Ал-Малик ал-Ашраф ‘Ала ад-дин Кучук (ум. 1345) – мамлюкский султан Египта, правивший в 1341–1342 гг.

[564] Бердибек (ум. 1359) – хан Улуса Джучи, правивший в 1357–1359 гг.

[565] Хизр-хан (ум. 1361) – хан Улуса Джучи, правивший непродолжительное время в 1361 г. Принадлежал к Шибанидам или Орду-Эдженидам.

[566] Мурад (также Мурут, ум. 1364) – хан Улуса Джучи, правивший в 1362–1364 гг.

[567] Урус-хан (ум. 1377) – хан Улуса Джучи, правивший в 1372–1374 и 1375 гг. Был потомком Тука-Тимура или Орду-Эджена (сыновья Джучи).

[568] Шибан (ум. 1266) – внук Чингиз-хана и сын Джучи.

короткое время все принадлежавшие к династии Белого Шатра[569] с изношенными канатами смятения были уничтожены и пропали без вести, и великие люди [из] рода Джуджи считались принадлежавшими к Синему Шатру[570], то есть потомками Бату, после того, как истекло время правления Токтимура[571], который до настоящего момента является главной нитью родословной крымских ханов благодаря своей связи и сопряжению с Джуджи, и его брата Токтамыша[572], на султанский престол были возведены Кутлуг-Тимур[573] из рода Чингиза, который был связью и опорой [для] возмутителя смут и нечестия по имени Идигу[574], бывшего [одним] из эмиров Улуса Джуджи и добившихся верховенства в племени мангу[т], Шадибек[575] и другой Тимур[576], а затем на приготовившийся исчезнуть султанский престол были посажены султаны по имени Джалал ад-дин[577], Худаберди[578], Кучук-Мухаммад[579], Барак[580], Улуг-Мухаммад[581], Гуйук[582], Джагара[583], Джаббарберди[584], Дервиш[585], одни – благодаря помощи силы случая, а другие – благодаря лестнице ручной силы усердия потомков Идигу. Когда в ту пору большая часть татарских племен была перемещена и переселена из Дешти-Кыпчака к границам Крыма, ханы из

[569] Белая Орда (Ак Орда).
[570] Синяя Орда (Кёк-Орда).
[571] Тука-Тимур (ум. после 1257) – сын Джучи от меркитской наложницы Кагри-хатун.
[572] В действительности, Тохтамыш был не братом, а потомком Тука-Тимура.
[573] Тимур-Кутлуг (ум. 1400) – хан Золотой Орды, правивший в 1395–1399 гг.
[574] Идигей (ум. 1419) – темник Улуса Джучи, основатель Мангытского юрта и династии, возглавившей в будущем Ногайскую Орду.
[575] Шадибек (ум. 1407) – хан Золотой Орды, правивший в 1399–1407 гг.
[576] Тимур-хан (ум. 1412) – хан Золотой Орды, правивший в 1410–1412 гг.
[577] Джалал ад-дин (ум. 1413) – хан Золотой Орды, правивший в 1412–1413 гг.
[578] Здесь, скорее всего, имеется в виду Карим-Берди (ум. 1414), хан Золотой Орды, правивший в 1413–1414 гг.
[579] Кичи-Мухаммад (ум. 1459) – хан Золотой Орды, правивший в 1428 г. и в 1432–1459 гг.
[580] Барак-хан (ум. 1429) – хан Золотой Орды, правивший в 1423–1428 гг.
[581] Улуг-Мухаммад (ум. 1445) – чингизид, хан Золотой Орды (1419–1423, 1428–1432), правитель Крыма (1437), основатель и первый правитель Казанского ханства (1438–1445).
[582] Искаженное написание имени Кебек-хана (ум. 1414), правившего Золотой Ордой в 1414 г.
[583] Чекре-хан (ум. 1427) – хан Золотой Орды, правивший в 1414–1416 гг.
[584] Джаббар-Берди (ум. 1417) – хан Золотой Орды, правивший в 1416–1417 гг.
[585] Дервиш-хан (ум. 1419) – хан Золотой Орды, правивший в 1417–1419 гг.

рода Шибана по имени Хизр, Махмуд-Ходжа[586], Абу-л-Хайр[587], Шейх-Хайдар[588], Байан-Ходжа (?), Йадгар[589] и Аминак[590], находившиеся в указанной степи (Дешти-Кыпчак – примеч. пер.) и землях Булгара, правили малым количеством оставшихся на родине людей, а по прошествии времени власть над теми окрестностями перешла к потомкам Рус-хана, тогда как Шейбек из детей Абу-л-Хайра стал независимым в Мавераннахре, Ильбарак[591] из рода Йадгара – в Хорезме, а потомство Хаджи-Мухаммада – в стране Сибир. Пока внуки Токтамыш-хана, бросавшего жребий сражения с Тимурлангом Гурканом – Ахмад Кучук и Мухаммад-хан[592] – метили в цель власти и правления на землях Крыма, печать султаната была оттиснута и высечена резчиком предопределения и приговора на имя Хаджи-Гирая[593], и тогда стали владычествовать потомки Джуджи – в Мавераннахре, Хорезме и Сибири три человека из Шейбанидов (Шайбанийан), в Булгаре – один человек из Русидов (Русийан)[594], а в Деште, Итиле[595], Казани и Крыму – по одному человеку из рода Токтамыша. Благодаря тому, что главенство в племени ногай из улуса Джуджи принадлежало потомкам Идигу-мирзы, [предводителя] стада ослов, пасущихся в степи строптивости и нечестия, а также благодаря многочисленности и зажиточности мужей указанного племени по сравнению с другими, пресловутый Идигу чаще всего не гнушался того, чтобы беспокоить и досаждать ханам Дешта, отчего Мухаммад-хан[596], став

[586] Скорее всего подразумевается Хаджи-Мухаммад (ум. 1427), хан Золотой Орды (1419) и Тюменского ханства (1420–1427). Тем более его имя упоминается в тексте чуть ниже. Под этим именем может скрываться и другой, менее известный представитель Шибанидов, претендовавший на престол в этот период.

[587] Абу-л-Хайр-хан (ум. 1468) – хан Узбекского ханства, правивший с 1428 по 1468 гг.

[588] Шейх-Хайдар (ум. 1471) – хан Узбекского ханства, правивший в 1469–1471 гг.

[589] Йадгар-хан (ум. 1469) – второй хан Узбекского ханства, правивший в 1468–1469 гг.

[590] Аминек-хан – сын Йадгар-хана, правивший в Узбекском ханстве в конце XV в.

[591] Ильбарс-хан (ум. 1518) – узбекский хан и основатель династии Арабшахидов в Хорезмском государстве, правивший в 1511–1518 гг.

[592] Скорее всего, допущена ошибка при передаче имен хана Большой Орды (1433–1455) Сайид-Ахмада (ум. после 1455) и Кичик-Мухаммада, претендовавших на ханский престол в Золотой Орде, каждый из которых контролировал некоторое время Крымский улус.

[593] Хаджи-Гирай (ум. 1466) – первый хан (1441–1466) и основатель Крымского ханства и династии Гираев.

[594] Урусиды или потомки золотоордынского хана Урус-хана.

[595] Итиль – тюркское название Волги. В данном случае имеется в виду нижнее течение Волги, территория Астраханского ханства.

[596] Скорее всего, речь идет о золотоордынском хане Хаджи-Мухаммаде.

повелителем народа татар, принял меры для того, чтобы истребить и уничтожить его исполненную скверны сущность, служившую закваской и тестом для злодейств и нечестия, и сказал, что тому умелому бойцу, прозванному барсом, который покатит прыгающий по воздуху мяч головы мирзы[597] клюшкой (чавган) отваги по полю [ратных] мужей, он, во-первых, возложит на его храбрую голову диадему царских почестей, а во-вторых,

Стихотворение:

Çehre-i berrak ile ol gerden-i kafurdan
Zahir oldukça giriban-ı siyeh semmurdan
«С сияющим ликом с той камфарной шеи
Появится [она] из ворота из черного соболя»[598],

женит его на лишающей город покоя [своей красотой] девушке, одаряющей красотой [мироздание], подобно [придворной] костюмерше, и прославившейся на [весь] мир под именем Самуркеш (перс. «одетая в соболя» – примеч. пер.), оказав честь его источающим счастье плечам ведущими к радости соболиными [мехами] ежемесячного довольствия, и благодаря этому правдивому обещанию мечта о соединении с этой чаровницей с лицом пери вызвала движение [крови] в жилах от храбрости и твердость в сухожилиях от смелости и мужества, отчего большинство татарских храбрецов проворно и быстро взнуздали быстроногих [как] ветер скакунов разыскания уздою выслеживания. Один бестолковый человек из татарского торгового люда, принадлежавший к племени Барын[599], натолкнулся на пресловутого эмира и своими смелыми атаками, служившими образцом храбрости, свалил его с коня существования и обагрил рубаху его жизни кровью отмщения, и когда он отправился в ханскую ставку, чтобы донести эту благую весть, он раскрыл и сообщил эту неразгласимую тайну одному умельцу из числа его лицемерных друзей, а тот запачкал рукав своей рубахи, сотканной из хитростей, кровью лжи и клеветнического [обвинения] в убийстве, насадив незадачливую

[597] Мирза (от перс. амир-заде – «сын эмира») – титул представителя знати у средневековых татар. В российской исторической литературе чаще используется в форме «мурза».

[598] Строки из анонимного османского перевода персидского сборника новелл «Тутинаме» индийского персоязычного автора Зийа' ад-дина Нахшаби (ум. 1350).

[599] Барын – один из четырех знатных родов Крымского ханства (наряду с Аргын, Ширин и Кыпчак), представители которых (карачи-беки), по традиции, выбирали хана из рода Гираев, утверждали его на престоле и состояли в государственном совете при хане.

голову его бездыханного и безмолвного тела, павшего на землю погибели, на копье гордости и чванства,

Мисра‘:

Böyle olsun daima düşmenlerin,

«Да будет так всегда с твоими врагами»,

и когда он с этим возгласом бросил [ее] перед ханом, [тот] в силу правдивости и благоразумия ублаготворил голодные глаза лжеца светом исполнения обещания о сочетании [браком], несчастная девица бросила [на него] благосклонный взгляд со словами «Какой милый (ширин, букв. «сладкий») человек», и с этого момента указанное племя стало называться прозванием Ширин, а его эмиры были удостоены и обрадованы ежемесячным жалованием от хана. Среди татар известна пословица: «Задница – Барынам, а слава – Ширинам[600]» («Göt Barın’ın, ad Şirin’in»), которую говорят, когда с кем-то случится что-либо вопреки его воле и супротив его намерению.

Подробное изложение произошедшего с Хаджи-Гираем

[Хаджи Гирай] – это славный родитель Менгли-Гирая[601], который является заглавием сочинения [вашего] бедного [слуги]. Когда Хаджи Гирей был еще едва поспевшим плодом цветника юности, листья древа жизни его величественного отца Улуг-Мухаммад-хана встретили осень небытия, [опав] от сильного ветра смерти, и Бахрам [Божественного] приговора вложил острозубую пилу управления в руки распоряжения Сайид Ахмад-хана[602], и чтобы испытать в первом сражении качество резки [этой] пилой, он сделал [стройный как древо] Туба стан веселья и беззаботности считавшихся соперниками его государства племянников Гийас ад-дина[603] и его брата ‘Али-бека[604] добычей для зубьев напильника притеснения, а также подобрал полу усердия, чтобы покрошить и уничтожить топором ярости и гнева едва пробившийся розовый саженец

[600] Ширин – наиболее влиятельный из четырех привилегированных знатных родов Крымского ханства. Представители этого рода имели исключительное перед всеми крымскими родами право вступать в брак с дочерьми крымских ханов.

[601] Менгли-Гирай (ум. 1515) – крымский хан (1467, 1469–1475, 1478–1515) из династии Гираев.

[602] Сайид-Ахмад-хан – хан Большой Орды в 1433–1455 гг.

[603] Гийас ад-дин – отец Хаджи-Гирая, сын золотоордынского правителя Крымского улуса Таш-Тимура из чингизидского рода Тука-Тимуридов.

[604] ‘Али-бек – дядя Хаджи-Гирая, сын Таш-Тимура.

жизни Хаджи-Гирая и его племянника Джанай-оглана[605], и когда они проведали об этом, то пустились стремглав вместе с одним из своих доверенных нукеров в долину бегства, отчего следопыты, которым было поручено связать шею их жизни арканом поимки и возвращения, дошли до берегов реки Озю (Днепр – примеч. пер.) и, удостоверившись, что у них нет сил для сопротивления, непременно бросили лодочку их бытия в реку, а пресловутые [преследователи] пустили в ход искусство плотного обстрела с [другого] берега реки, и тогда острие стрелы предопределения, выпущенной из лука небесного приговора, достигло коня Хаджи-Гирая и, когда поток отчаяния и лишения почти стёр точку спасения со скрижали надежды, его преданный истине нукер вручил поводья верного и дарующего жизнь быстроногого скакуна в руки Хаджи-Гирая, а сам [спешился], и два оказавшихся в бедственном положении царевича (ханзаде), почти окунувших голову с тяжелым камнем печали и безнадежности в пучину небытия,

Мисра‘:

چه باک از موج بحر انرا که باشد نوح کشتیبان

«Стоит ли бояться волн морских тому, чьим кормчим является Нух»[606],

достигли на своем судне терпения и спокойствия берегов известной реки (Днепр – примеч. пер.), а затем прибыли в одинокую степь Хейхат[607], где произрастают колючки разнообразных опасностей, и когда они исполнили церемонию земного поклона в знак благодарности (саджда-и шукр) Господу за то, что избавились от приспешников зловредных врагов,

Мисра‘:

بلای درد مندان از در و دیوار می آید

«Бедствие страдающих исходит [даже] от дверей и стен»[608],

с другого конца бедственной степи появился какой-то пеший злонамеренный тип, который с помощью несозревших зерен безвкусного ячменя и силков правдивой внешности и вероломной сути заставил этих двух птенцов, которые не знали сна и пропитания, свалиться в яму полу-

[605] Джанай (ум. 1434) – младший брат Хаджи-Гирая. Погиб, переправляясь через Днепр, во время бегства из Крыма от стрел кунгратского бека Хайдара.

[606] Строки из «Гулистана» Саади.

[607] «Степь Хейхат» (тур. Heyhat sahrası, от араб. хайхат – «едва ли [доехать]», «как далеко!») – встречающееся в османской литературе название наиболее диких и труднодоступных степных районов Северного Причерноморья. Ср. русс. Дикое поле.

[608] Строки из газели персидского поэта и суфия Камала Худжанди (ум. 1400).

дрёмы, набросил на их скакунов узду захвата и улучения [удобного случая] и забросил этих скитальцев, [оставшихся без] дома и родины, в долину бедствий и напастей, и когда сторож [непостоянного, словно] хамелеон, небосвода разбудил [их] разжигающим огонь молотом и сжигающим мир солнцем [слов] «*кто уснул, [позабыв] о своем враге, того пробудят козни*»[609] (ман нама ‘ан ‘адуввихи айказаху-л-мака’ид), они отправились на сломанных ногах сожаления в путь на милость [судьбы], и оттого, что они шли до самого полудня, воздействие жара солнца сильно утомило Джанай-оглана, у него не осталось сил продвинуться [вперёд хотя бы] на один шаг, отчего на этом пути беспокойства и растерянности он опёрся на камень суровости, и тогда Хаджи-Гирай, чтобы добраться до безопасного места, [приподнял] подол [и] затянул [пояса] рвения и сделал шаги старания [и] усердия, благодаря чему накануне первой траурной ночи Хизр[610] удачи [и Божественного] руководства указал престол потомства главы племени татарских степняков по имени Девлеткельди-Суфи, отчего в силу его щедрого милосердия к жалкому положению оказавшегося вдали от родины, он удостоился блага ячменной похлебки, а на следующий день Хаджи-Гирай разыскал отставшего в пути товарища, которого он считал настоящим и питал к нему любовь, и тогда магнит внимания Джаная, чье сердце было опечалено, направил и привлек торговцев, направлявшихся в страну Казан[611], к его скромной [персоне], так что он узнал о том, что тот получил долю счастья благополучия с всеохватного застолья Господа,

Арабский стих (‘арабиййа):

على رأس عبد تاج عز يزينه و فى رجل حر قيد ذل يشينه

«На голове раба венец величия украшает его, а на ногах свободного кандалы унижения обезображивают его»[612],

в соответствии с чем, дабы спастись и быть в безопасности от поражения ножом (перс. газанд, двойной смысл: бедствие, напасть – примеч. пер.) глаз мстительного врага, скрылся за завесой прислуживания на скотном дворе за кусок хлеба и после выполнения изнурительных работ,

---

[609] Изречение ‘Али ибн Аби Талиба (ум. 661), сподвижника, двоюродного брата и зятя пророка Мухаммада.

[610] Хизр – персонаж мусульманских преданий, в котором соединились черты различных мифологических героев. В основном представлялся в роли святого покровителя путников, помогавшего им в трудных ситуациях.

[611] Казанское ханство.

[612] Строки из стихотворения шафи‘итского факиха Шараф ад-дина ал-Ирбили (ум. 1225).

Стихотворение:

اینام من جمعت لدیه ثلاثت

فقد الحبیب و غربت و سقام

«Может ли спать тот, в ком сочетаются три вещи:

потеря любимых, нахождение на чужбине и болезнь?»,

в земляной постели самоунижения он то и дело стелил под свою нагруженную печалями спину всякий мусор, солому и сено, служащие пищей лошадям и ишакам, а под свою обреченную голову подкладывал в качестве подушки отдохновения камень строгости, и это стало соринкой в зрачке придирчивого глаза [ершистой как] ёж женщины, так что она сказала: «Смотри-ка, никчемный мальчишка, разве в тебе есть какое-то достоинство, чтобы тратить попусту яхонтовую на цвет и благоухающую амброй траву, подобную диковинной персидской шелковой ткани?», ударив с упрёком и руганью тяжелым и твердым посохом брани по уху пресловутого [Девлетгельди]-Суфи, и тогда упомянутый [Девлетгельди-Суфи], будучи преклонных лет старцем, сказал: «Ну же, женщина, на приветливом челе этого великолепного отрока очевидно и явно проступают следы благородства. Наступили время и час его счастья, а звезда его несчастья и напасти пришла к счастью и удаче, так что он плюнет в твое нечистое лицо. Неужто подобная шкуре на теле осла кожа твоего уродливого, кислого и хмурого лица не покроется багрянцем вины и стыда?»,

Бейт:

هر میشه گمان مبر که خالیست

شاید که پلنگ خفته باشد

«Не думай о каждой чаще, что она пуста.

Возможно, [в ней] притаился барс»[613],

с этими словами он заставил замолкнуть старуху пощечиной по ее крикливому рту с выпавшими зубами. Так указанный султан рассказывал о приключившемся с ним в скитаниях. Короче говоря, он на протяжении шести лет наблюдал в хлеву с потолком из печали и стенами из скуки через окошко терпения и выдержки за трюками дрессировщика судьбы.

В соответствии с бейтом:

بیک ساعت بیک لحظه بیک دم

دگرگون میشود احوال عالم

[613] Строк из «Гулистана» Саади.

«За один час, за одно мгновенье, за один миг
Меняются дела этого мира»,

ключ счастливого удела открыл запертые двери надежды, благодаря чему сторонник принесшего ранее Хаджи-Гираю несчастье и неудачу Саййид-Ахмада Кунграт Хайдар-мирза[614] скрылся в глубоких морях бегства, и степень господства перешла к заклятому врагу Саййид Ахмад-хана, Ширину Тегене[615], принадлежавшему к свите отца Хаджи-Гирая, Гийас ад-дина, и когда он собрал татарских силачей, чтобы рассеять единство общества указанного [правителя] и свергнуть его с престола правления, готовясь к тому, чтобы раздобыть и посадить на султанский трон одного из двух ханских сыновей, безвестно скрывавшихся в степи отсутствия и скитаний,

Бейт:

Ahz u atayı hazret-i Hakdan bilen dimez
Divan-ı şehriyar-ı cihanda ne var ne yok

«Знающий, что забирает и дарует [лишь] Истинный, не скажет:
“Что нового в диване повелителя мира?”»,

благодаря указанию лазутчика небес, определенного в Его дворе, едва взошедший полумесяц бытия Хаджи-Гирая, скрывавшийся под облаком беспокойства, сделал знак, указав пальцем, благодаря чему секретарь предопределения «*Ты даруешь власть, кому пожелаешь*»[616] подтвердил и выписал на имя указанного [правителя] ханский ярлык,

Мисра‘:

يوسف از چاه میل کنعان کرد

«Йусуф из колодца направился в Ханаан».

После того, как он, проявившись из укрытия на дне ямы и погнав во весь опор мчащего по небосводу быстроходного скакуна к месту собрания распорядительного эмира, завершил дело присяги, хан грядущего и прошлого стал гадать на стрелах султаната с помощью боевых стрел сражения, и пустая стрела лишения выпала на несчастную долю Саййид-Ахмада, из-за чего его выпустили из лука отчаяния и раскаяния, подобно стреле со сломанным древком, в пустыню небытия, и тогда Хаджи-Гирай-хан без всяких соперников и сотоварищей воссел на престол султаната и принял счастливое и удачливое правление.

---

[614] Хайдар – эмир, глава рода Кунграт в Крыму, принимавший активное участие в борьбе за власть в Золотой Орде в первой половине XV века.
[615] Тегине-бей – глава рода Ширин в Крыму в первой половине XV века.
[616] Коран, 3:26.

О добавлении слова Гирай к именам потомков Чингизовых

Поскольку одним из древних обычаев татар было то, что султаны и ханы, а также, в целом, эмиры и вельможи, начиная со времени своего малолетства и вплоть до поры юности взращивали плоды древа своих сердец у садовника-атабека, один из выдающихся представителей племени Гирай, Девлет-Суфи (Девлетгельди-Суфи – примеч. пер.), который потчевал на коленях почтения и довольства отца Хаджи-Гирая, Гийас ад-дина, и рос на руках его защиты и покровительства, удостоился счастья посетить дом Господа могущества (Каабу в Мекке – примеч. пер.), а его возвращение домой совпало с счастливым временем, когда Хаджи-Гирай шагнул через Врата мира (Баб ас-Салам[617]) Божественного дара к Каабе бытия и облачился в ихрам[618] шелкового свивальника, воссев на паланкине колыбели видимого [мира], благородное и отмеченное счастьем дитя назвали именем Хаджи-Гирай ради поминания племени атабека и получения благодати от хаджа. Когда со временем корабль бытия Хаджи-Гирая спасся от водоворота жестокости и несчастья благодаря парусу успокоения и удачи и бросил якорь на пристани правления татарами, старый дом жизни любившего истину Суфи еще не был отмечен изъяном обветшалости, и он со словами: «Дабы наблюдать и следить за устремившимися к полной опасностей праздничной площади младенчества, пока они не добрались до страны юности, мой отец удовлетворил и обрадовал их, погрузив их на почтенные плечи своей молочной сестры» расспросил его о том, что из разного рода приятных вещей отвечает его вкусу и нраву, дабы ублаготворить нюх его опечаленной души, просвещенный старец уединился для отдыха в уголке удовлетворенности, отчего он с помощью верви подчинения и доброй воли повесил слово Гирай, которое было названием племени Суфи, на один из стеблей ответвлений Чингизидских султанов, который проявился из древа потомства Хаджи-Гирая, из соображения, что оно станет знаком и приметой плодоносной пальмы султанского сада, послужит причиной для благоупоминания и приведет к великой награде, и когда свежий саженец его просьбы, высаженный им в дверях цветника мольбы, заплодоносил милостивым принятием,

[617] Отсылка к Баб ас-Салам, главному входу в комплекс Заповедной мечети в Мекке.

[618] Ихрам – предписываемое шариатом одеяния паломника во время хаджа, представляющее собой два простых белых покрывала, одно из которых закрывает ноги от бедер до колен, а другое накидывается на левое плечо. Символизирует чистоту помыслов паломников и их равенство перед Всевышним.

Бейт:

Suya mahi gibi çok berg-i müzafer dökilür

Yerekan illetine uğrayıcak eyvalar

«В воду сыплется, словно рыбы, множество лепестков шафрана,

Какая досада! Поразит их недуг желтухи!»,

и оттого, что цветы султанов, распустившиеся до Хаджи-Гирая, в соответствии со смыслом [этих строк], упали от осеннего ветра гибели на землю небытия, а урожай зеленого сада Хаджи-Гирая был облагорожен величественными благами долголетия и сладкими плодами продолжения рода и династии, они обрели славу благодаря диковинному на цвет листку слова Гирай, которое до настоящего времени было лишено этого смысла. Некоторые историки, которые говорят о том, что [это] искаженный и сокращенный [вид слова] Кирай, означающего благородного и твердого в своем мнении правителя, попали на ногах субъективизма (‘индийат) в долину тягот и на сто привалов отдалились от верного пути. Вернемся к тому, о чем мы говорили (нарджи‘ ила ма кунна фихи). Хаджи-Гирай-хан расплавил и смягчил железные сердца татар, которые изъявили враждебность в железном руднике степей Итиля, красной серой (кибрит-и ахмар) одаривания златом и серебром и теплом сладких речей, поместив [их] в тигель Крыма, и благодаря непрерывным атакам, [оканчивавшимся] победами и разгромом, стал солидной преградой на пути продвижения и ущерба от подобного Йа‘джуджу населения [земель] Сакалиба и Рус, которое приносило с собой печаль и изнеможение, укоротив рост их благосостояния и опрокинув их мечом отмщения и отваги на землю унижения, и когда примерно в восемьсот семьдесят первом году (1466–1467 гг. – примеч. пер.) он оставил царство жизни, то бросил взгляд на великое древо эдемских садов из угла окошка своей райской усыпальницы, которую он подготовил для себя в махалле под названием Саладжык[619], одной из махаллей Бахчисарая, построенного одним из его благородных предков Мухаммад-ханом Худаберди и являвшейся столицей государства, на лучезарное чело его высокородного сына Менгли-Гирая, который был светом очей его души и сиятельным светильником дома его души, засверкало светило счастья, а на его великолепном лбу заблистало солнце одаренности и понятливости, осветив сверканием халифата очаг резиденции его величественного отца и от-

[619] Салачик – предместье на восточной окраине современного Бахчисарая, где располагается историко-культурный комплекс «Салачик», включающий мавзолей первых крымских ханов, Зинджирли-медресе и другие памятники.

бросив благодаря своему милосердию и правлению тень на головы рабов Божьих, и спустя три месяца его верноподданный и заступавшийся за него Ширин Тегене-Мирза оставил сутолоку мирской жизни, а его сын Эминек[620] был еще малым ребенком, который делал первые шаги в искусстве оказания помощи и единомыслия, а Менгли-Гирай позабыл о кознях коварных врагов, из-за чего один из двоюродных братьев Саййид Ахмад-хана, Нур-Девлет-Султан[621], убедил поддержать его в притязаниях на султанский престол своих братьев, и когда большинство татарских эмиров, появившихся из мрака ночи распутства и тирании, [словно] нахальные летучие мыши, собрались вокруг свечи под навесом Нур-Девлета, Менгли-Гирай был все ещё соколёнком в гнезде султаната, и от его неспособности противостоять лапам белобородого орла он был прогнан из государственной резиденции ударом неблагозвучного барабана барса, и немилосердный Нур-Девлет, в соответствии со смыслом бейта:

بموبد چنین گفت دهقان سغد
که بر ناید از خانهٔ باز جغد

«Сказал мобеду[622] так согдийский вельможа:
Не выйдет из гнезда соколиного совы»[623],

вступил в почти обветшалый дом правления, а когда в эти дни Менгли-Гирай по необходимости ввел в жаркий зной своего покровительства проклятых генуэзцев, осквернивших крепости Кафа и Тамань навозом своего господства и овладения, сияние союза Нур-Девлета с его братьями обернулось тьмою вражды и раздора, устранив и потушив свет жизни его братьев и племянников, и когда он потчевал беспечным сном на берегу реки Озю (Днепр – примеч. пер.), другой его брат, коварный Кельдибей[624], которого он считал своим соратником и добросовестным [сторонником], объединился и сговорился с другими [братьями], уничтожив одной темной ночью дом его бытия и утопив его в потоке жестокости и погибели, и через пятнадцать дней, в течение которых он ликовал и радовался тому, что воссел на несчастный трон тирании и непо-

[620] Эминек (втор. пол. XV в.) – крымский карачи-бек, глава знатного рода Ширин, пользовавшийся влиянием при дворе Менгли-Гирая.

[621] Нур-Девлет (ум. 1503) – старший сын и преемник Хаджи I Гирая, занимавший ханский престол в Крыму в 1466–1467, 1467–1469, 1475–1476 гг., правитель Касимова в 1486–1490 гг.

[622] Мобед – священнослужитель в зороастризме.

[623] Строки из «Шахнаме» Фердоуси.

[624] Кельдибай (Кельдиш, ум. ок. 1475) – сын Хаджи-Гирая, участвовал в борьбе за крымский престол в 1470-х гг.

корности, у [одного] из помощников Менгли-Гирая, волчонка из пальмовой рощи храбрости Эминек-мирзы, выросли на теле волосы отваги, он вынес холодные и жаркие ветры, попадал под дожди, так что сверг с ложа султаната и отправил в ссылку Кельдибея, и в устроенной им для того, чтобы снова посадить [на престол] Менгли-Гирая, боевой схватке, ноги стойкости нахального убийцы подкосились, а руки его отваги охватила дрожь, отчего во время его бегства в направлении Итиля Менгли-Гирай, получив возможность, вместе с находившимися в Крыму сборищами татар казнил и искоренил беглого хана и его сторонников, включив в пригоршню своего владения найденное в войске имущество и вещи, благодаря чему воссел со скрещенными ногами на престоле независимости, сделав одного из своих отмеченных благородством сыновей, Мехмед-Гирая[625], знаменитым благодаря титулу «калгай»[626], означающему «престолонаследник» (вали-'ахд). Да не будет тайной, что султан Мехмед-хан вместе с победоносным войском, назначенным блестящим в своем благородстве достопочтенным [Менгли-Гираем?] – *да будет земля ему пухом!* (таба сараху) – сумел завоевать крепости Кафа и Манкуб[627], а написанное некоторыми историками о том, что в то время Менгли-Гирай-хан попал в круг военнопленных, и спустя некоторое время указанный достопочтенный падишах собирался отправить ему бунчук[628], знамя и ханские регалии, выходит за пределы правдивости, справедливости и прямого пути, что очевидно и ясно для обладателей разума и совершенства [путем сопоставления] со словами будущего и прошлого. Короче говоря, Менгли-Гирай был предусмотрительным и знавшим свое дело, привязав вервь своего чистосердечия и покорности к кольцу на счастливых дверях Удачливого Падишаха (османского султана – примеч. пер.), благодаря чему он обрел уверенность и уверовал в то, что возвышение и упрочнение основания обиталища религии и государства и столицы счастья позволит изгнать злонравных неверных, захвативших Кафу, Тамань, Судак и остальные крепости и области на морском побережье Крыма, однако татарское общество не владело наукой применения осадных орудий, и это, определенно, было возможно только благодаря взору царственного великодушия Величайшего Государя и Величественного Шахиншаха на своих покорных слуг, и с этими слова-

[625] Мехмед-Гирай (ум. 1523) – хан Крыма, правивший в 1515–1523 гг.
[626] Калга – титул второго по значимости после хана лица в иерархии Крымского ханства.
[627] Мангуп – средневековый город-крепость в Бахчисарайском районе Крыма.
[628] Бунчук – древко с привязанным хвостом коня либо яка, служившее символом военной власти у тюркских народов, в том числе у средневековых татар и турок-османов.

ми он в беспомощности написал выводящими правдивые [слова] чернилами и отправил письмо с мольбою, завершенное [смиренною] просьбой, которое пришлось по нраву падишаху, прибежищу мира, и один из благородных по натуре визирей, отправленный с миссией Гедик Ахмед-паша[629], бросил на корабле с победоносными парусами рвения якорь отваги в порту Кафы, Менгли-Гирай потеснил неверных, перекрыв им дорогу к припасам, а просвещенный визирь осуществил желанную его сердцу меру, которая возникла в море его глубоких мыслей благодаря удачному указанию Хизра и соответствовала предопределению Могущественного Господа, вследствие чего примерно в восемьсот восемьдесят седьмом году (1482–1483 гг. – примеч. пер.) он завоевал и захватил указанную крепость, полностью покорив и уничтожив ее население. Завоевание крепости Кафа:

Стихотворение:

Kefe halkına Hakdan irdi devlet

Ki oldı fethiniñ tarihi şefkat

«Была у народа Кафы от Истинного удача,

Так стало датой завоевания его «милосердие» (шафкат)»[630].

Благодаря легкому ветерку завоевания и победы подол могущества Менгли-Гирая освободился и очистился от мусора препон неверных, он положил десницу своего послушания под чистой сенью правителя семи климатов, сделав кольцо покорности Османским царям украшением на ушах подчинения, стал предводителем той общности и вождем той славной общины, и падишах [той] эпохи взирал на него через окошко благосклонности, благодаря чему он мог пробиться взглядом своего мнения и распорядительности сквозь завесу себялюбия – «*терпение – скакун победы*» (ас-сабру матиййат аз-зафар) – и погнал своего искусного коня плетью поторапливания в степь забытия и беспечности, возжелав занять и овладеть с помощью татарского войска, находившегося в Крыму, областью Тахт-Эли[631], расположенной на берегах реки Итиль,

[629] Гедик Ахмед-паша (ум. 1482) – великий визирь Османской империи (1474–1477), капудан-паша (1478–1480), крупный полководец.

[630] Этот бейт позаимствован из «Тухфат ал-кибар фи асфар ал-бихар» османского историка Кятиба Челеби (ум. 1657). В системе абджад буквы слова «шафкат» (شفقت) имеют числовое значение, приблизительно соответствующее дате этого события по лунной хиджре: 300+80+100+400 = 880.

[631] Тахт-Эли (тюрк. «Страна Престола») – название Большой Орды, занимавшей во второй половине XV века территорию волго-донских степей с центром в Сарае, столице Золотой Орды.

так что один из четырех эмиров, называвшихся карачу[632], мирлива[633] Ширин, вместе со своим племенем и людьми, стали передовым отрядом войска и двигались на одну стоянку впереди хана, калга-султан вместе со свитой и нукерами украшал великолепием и пышностью правый фланг, считавшиеся другими эмирами-карачу Аргын, Барын и Кыпчак вели дозор защиты и охраны в левом фланге, хан ехал верхом на скакуне стойкости и непоколебимости в [самом] сердце войска, а эмиры-киюны, огланы[634] и [ханская] стража (капы халкы) шли в арьергарде, следуя древнему порядку Чингизидов. Однако из-за того, что на этот раз Ширины, шедшие в авангарде войска, поскольку скорость и стремление без всяких забот вернуться в родные места были одной из их непременных обязанностей, связали путами вялости ноги татарских коней, Муртаза-Султан[635], один из братьев Саййид Ахмад-хана, назначенный им для изучения и разведки обстановки в Крыму, в пути столкнулся с пресловутым Менгли-Гирай-ханом, и тот, в соответствии с бейтом:

تلخی از زهر و حلاوت زشکر مطلوبست

دشمن ان به که بخوبی نکند یاد مرا

«От яда следует ожидать горечи, а от сахара – сладости.

Враг – это тот, кто не поминает меня добром»[636],

обманул его лживыми словами о том, что ненавидит хана Итиля и обижен на него, намереваясь сбежать [от него] под тень покровительства крымского хана, и несколько дней находился под навесом веселья и приязни, разузнав необходимые ему заветные тайны и доложив о том, что они направляются в указанную страну, а легкомысленный султан,

Бейт:

Bade her bir günaha badidir

O makasıdsa bu mebadidir

«Вино – начало всякому греху.

Если они являются конечными целями, то это – начало»,

---

[632] Карачибеки – высшая прослойка знати в средневековых татарских ханствах, члены государственного совета (диван) при хане.

[633] Мирлива (от араб. амир – «командир» и лива – «бригада») – военное звание в Османской империи, которое в годы Республики было заменено на «бригадный генерал».

[634] Оглан – изначально титул царевичей-чингизидов, но в эпоху Крымского ханства огланами стали называть представителей военно-служилой феодальной аристократии, конных воинов с пикой.

[635] Муртаза (ум. нач. XVI в.) – один из последних ханов Большой орды (1486–191, 1494), старший сын хана Ахмата и брат Сайид-Ахмада.

[636] Строки из газели персидского поэта Са'иба Табризи (ум. 1676).

камнем своего распутства опрокинул кувшин с отколотым горлышком [слов] «*из каждого сосуда проливается то, что в нем хранится*»[637] (куллу ина'ин йатарашшаху би ма фихи) и, налив в него неприятного на вкус и мерзкого на запах вина шпионажа и лицемерия, омрачил и охладил пиршество сладких бесед и горячее собрание дружбы, без всякой пользы жестоко наказав [их] кнутом железного языка и надолго заключив его под черным зонтом унижения, хотя они подковали подковами поспешания скакуна устремления и отправления. Однако население Тахт-Эли проведало о дурных намерениях врага, благодаря чему Саййид-Ахмад-хан приготовился к битве вместе со способными к применению военных орудий [людьми] из его собственного войска и армии потомков злонравного Идигу, а неспособные к верховой езде прошли в труднодоступные места реки Итиль, защитив свои семьи и имущество. Оттого, что обессилевшие татары на худых клячах были неспособны воевать с готовым к битве, сильным и выносливым воинством ногаев, когда во время сражения Менгли-Гирай-хан был ранен вражеской стрелой и, конечно же, на покрытых мозолями ногах бегства укрылся в неприступной крепости под названием Кыркер[638], освободив воротник своей жизни из рук [посланных] ногаями преследователей. Указанная крепость представляется собой прочную и бесподобную твердыню, возведенную из небольших по объему гранитных камней, которая расположена на вершине высокой горы, поблизости от Бахчисарая. Автор «Таквим-и булдан»[639] пишет о Кыркере, [расположенном] на пятидесяти градусах долготы и пятидесяти градусах широты, и толкует его название как выражение, означающее на тюркском языке «сорок мужчин» (арба'ин раджулан). В первые дни из-за того, что неблагодарный народ под названием Ас[640] из числа монгольских подразделений полностью положился на неприступность крепости, он проявил непокорность и упрямство в отношении ханов Крыма, долгое время отказываясь от дома подчинения и восседая на вратах высокомерия и надменности. [Один] из потомков Чингиза, Шейбек-хан[641], подогнул подол усердия у дверей осады и

[637] Арабское выражение из «Гулистана» Саади.

[638] Кырк-Йер/Кырк-Ор (позже Чуфут-Кале) – средневековый город-крепость в Крыму, расположен на горном плато в 2,5 км к востоку от Бахчисарая.

[639] «Таквим ал-булдан» («Упорядочение стран») – описательное географическое сочинение арабского историка и географа Абу-л-Фида' (ум. 1331).

[640] Ираноязычные аланы, населявшие часть горного Крыма в IV–XIII вв.

[641] Вероятно, сын Джучи Шибан, вторгшийся в Крым в 1239 г. во время западного похода монголов.

натиска, [но] не смог завоевать ее и овладеть ей, и тогда один искушенный в тонкостях человек из эмиров племени Йашлав[642] с помощью прочного железного орудия [слов] «*война – это хитрость*»[643] (ал-харбу худʻатун) выразил обоснованное мнение о том, чтобы трое суток бить и греметь в барабаны, зурны и, в целом, в увеселительные и музыкальные инструменты, а также во всё, есть из сковород, тазов и прочей медной утвари, чтобы, в соответствии со смыслом [пословицы] «*упало с крыши корыто*»[644] (ташт зи бам уфтад), произведенный ими невообразимый шум обескуражил и поразил жителей крепости, а на четвертый день от отсутствия сна их охватил припадок, отчего их способности к ощущению и движению притупились, вследствие чего они упали на землю унижения, и в этот благоприятный момент татарское войско на коне насилия и жестокости атаковало и без всяких боев и сражений вложило в десницы овладения ключ от указанной крепости. Спустя некоторое время [там] были поселены плательщики джизьи из общин иудеев-караимов, которые были обязаны выплачивать джизью пресловутому мирзе и его потомкам. Короче говоря, показанная Менгли-Гирай-ханом неприятная морда малодушия позволила Саййиду Ахмад-хану явить лик выносливости и надменности, отчего он протянул руки грабежей к оставшимся татарам, вошел во внутренние [области] Крыма, остановился в окрестностях города Салкат, одного из знаменитых городов той страны, сорок дней держал его под осадой и натиском, так что жители города метали из дверей и ворот крепости с помощью катапульт стойкости и отваги камни сопротивления, когда искушенный в коварстве хан отчаялся вступить своей несчастной стопой постороннего [человека] в гарем крепости, он последовал манере современных женщин, которые не верны своим мужьям, произнеся проповедь из неправильных слов и великих обещаний: «Если вы откинете и уберете десницей покорности и мягкости покрывало жестокости, которое вы повесили на двери опочивальни невесты в крепости, [прибив] гвоздями стрел и наконечников [копий], то вы со своими домочадцами, семьями и имуществом войдете

[642] Яшлав – один из знатных крымских родов, владевших землями в юго-западной части Крыма (в междуречье Альмы и Качи), в том числе в районе крепости Чуфут-Кале. Под указанным эмиром подразумевается упоминаемый в родовых преданиях Яшлав родоначальник их генеалогии Абак-бей Кудалак, который прибыл в Крым вместе с монголами с Волги.

[643] Цитата из хадиса пророка Мухаммада.

[644] Персидская идиома, примерно соответствующая по смыслу выражению «много шума из ничего».

в обитель прощения и безопасности», и тогда несчастные [люди] с помутненным от пыли противодействия осаде и натиску рассудком поверили разбивающим кубок соглашения и договора лжецам, отворив ключом мира и безопасности запертые двери крепости,

Бейт:

ملحد گرسنه در خانهٔ خالی بر خوان
عقل باور نکند کز رمضان اندیشد

«Если безбожник сидит в пустом доме у стола,
То разум не поверит, что он думает о рамадане»[645],

[а те] длинными руками алчности и жадности разбили чашу благополучия их жизни, разрушили и развеяли по ветру строение [этого] бесподобного города. По сути, местоположением указанного поселения является расположенное по соседству с Кафой место сбора европейских (афрандж) и персидских (‘аджам) торговцев, которые некоторое время предлагали различные товары и показывали редкие ткани пёстрых расцветок под навесами и шатрами, в деревянных домах и шалашах, [но] в силу превосходного климата постепенно был составлен план [застройки], и понемногу вместе с укреплённой твердыней оно было окружено величественным городом. Он располагается к югу от крепости Кафа, в четырёх часах [пути от нее], под большой горой под названием Агармыш[646], на пятидесяти градусах долготы и пятидесяти градусах широты, и называется Салкат, и причиной наречения города этим именем, как мы слышали, является то, что во время закладки фундамента [крепостной] стены и мечетей один могущественный купец в старом одеянии и платье смотрел на рабочих и каменщиков, [а рядом] проходил некий торговец с двадцатью тюками татарского мускуса[647] (мушк-и татар), и он спросил у него: «Какого рода товары хранятся в ваших запечатанных вьюках?», на что пресловутый человек, который судил [людей] по внешнему виду и был поклонником одежды, сказал: «Старая и зловонная одежда не приличествует таким товарам, как [мускусная] жидкость и босвеллия[648] (кундур). Не заполняй дымом смятения дом своего настроения, [испуская] смолистый смог бессмысленных вопросов», и от окуривания зло-

[645] Строки из «Гулистана» Саади.

[646] Агармыш – горный массив в Крыму, самая восточная часть внутренней гряды Крымских гор.

[647] Мускус, добываемый из мускусных желез кабарги (перс. аху-и татари – «татарская лань»).

[648] Босвеллия – благовоние, которое с древнейших времен использовалось на Востоке вместе с миррой для религиозных отправлений и защиты от нечистой силы.

вонным запахом [этого] унижения тот был ущемлен и обижен, так что, уплатил цену за весь мускус, дал указание «Сал!», что означает «Положи!», и «Кат!», что означает «Смешай!», а рабочие и каменщики смешали [мускус] с приготовленной глиной и покрыли здание мечети золотом, назвав указанный город именем Салкат. Ответственность [за достоверность этих слов] – на передатчике (ал-ʻухдату ʻала-р-рави). Когда строительство указанного города было завершено, была подписана фетва[649] о завершении жизни муфтия [той] эпохи, решавшего затруднения знати и простого люда, и они стали разыскивать уникального ученого, знавшего наизусть четыре текста (мутун-и арбаʻа)[650] [по фикху] и «Камус»[651], чтобы он стал преемником и наследником, известно, что сорок летающих в вышине [птиц] ʻАнка, украшенных маховым пером указанного качества с горы Каф учености и мастерства, отбросили тени на пиршестве зримого [мира]. По велению Господнего гнева, изданному из чертога [айата] «*Когда цари вторгаются в селение, они разрушают его и превращают его самых славных жителей в самых униженных. Вот так они поступают*»[652], незадолго до того, как в указанный город вступил тираничный хан, подвижник [среди] шейхов, [один] из поборников совершенства, достопочтенный Камал-Ата[653], провёл в своей обители терпения и упования [на Аллаха] – «*бедность – это моя гордость*»[654] (ал-факру фахри) – полные сорок дней, и назначил одного раба [Божьего], чтобы тог приготовил достаточное количество еды для разговения постящихся. Дервиш[655] с разбитым сердцем с утра до вечера выпрашивал по крупицам из сада скупых в благодеянии почитателей мирского милости и пожертвования, вследствие чего были раздобыты одна головка чеснока со сквер-

---

[649] Фетва – религиозно-правовое заключение мусульманского правоведа (факих) по какому-либо вопросу. В данном контексте термин используется в качестве метафоры Божественного приговора или предопределения.

[650] Название четырех классических трудов по ханафитскому фикху: «Мухтасар ал-Кудури», «Дурр ал-Мухтар», «Канз ад-дака'ик» и «Ал-Викайа».

[651] Имеется в виду толковый словарь арабского языка «Ал-Камус ал-мухит» арабского лексикографа ал-Фирузабади (ум. 1415).

[652] Коран, 27:34.

[653] Кемаль-Ата/Кемаль-Баба (XIII в.) – крымский суфий, современник Сары Салтук-Бабы и Барак-Бабы. Упоминается вместе с Чобан-атой в «Салтук-наме» Абу-л-Хайра Руми (XV в.) и в сочинениях Эвлия Челеби. Известны места захоронения Кемаль-аты и Чобан-аты в Старом Крыму, которые являются объектами паломничества местных мусульман.

[654] Высказывание, приписываемое пророку Мухаммаду.

[655] Дервиш – мусульманский аскет или странник, придерживающийся суфийского мистического пути.

ным запахом и одна головка горького на вкус лука, так что община бедняков[656] (фукара') разговелась и удовольствовалась этим. На следующий день он дал дервишу в руки худую метлу, сделанную из колючего кустарника, произраставшего в величественном саду бейта:

تا دل مرد خدا ناید بدرد

هیچ قومیرا خدا رسوا نکرد

«Пока сердце человека Божьего не испытало боли,

Аллах не опозорил ни один народ»[657],

и повелел ему подметать на рынках и базарах. Указав с помощью намёка на благо, он защитил и уберёг творения Господа рабов от волчища беспощадного нафса и пригнал их на пастбище веселья и радости, что привело к безопасности и блаженству, и когда он приблизился к месту, которое находилось под посохом покровительства одного из его современников, достопочтенного Чобан-Аты[658], *да сподобит нас Аллах пользы от его священного дыхания* (наффа'а-Ллаху би-анфаси кудсихи), тот взял из рук дервиша приводящую в смятение мир метлу, которая была тайным мечом и духовным огнём, показавшимся из обители его чудотворств, и попросил простить его за оплошность. Прошло не так много времени, как вверх взвился огонь гнева и разрушения Саййида Ахмад-хана, который сжёг и разрушил охваченное бурей селение, за исключением пятидесяти-шестидесяти домов, которые располагались вокруг обители Чобан-Аты и которых не касались щетинки метлы, и хотя, в силу Божественного гнева, в остальных местах еще только был заложен фундамент, они сразу же оказались на грани разрушения и обветшалости, и на основании устных сообщений установлено, что в тех краях растут в изобилии чеснок и лук. Слава Аллаху, этот бедняк (автор – примеч. пер.) припал челом с мольбою и посещением к праху пречистой усыпальницы этих двух уважаемых лиц, и это стало честью для меня и послужило поводом для моей гордости. Короче говоря, Саййид Ахмад-хан, не удовлетворившийся тем, что превратил указанный город в обиталище ворон и сов, также спустился к крепости Кафа, протянув руки ущерба к пределам вековечного Высокого Государства (Османской империи – примеч. пер.), и отправил к коменданту [крепости] мирмирану Касым-паше[659] посла, чтобы донести до него неприемлемые слова о сдаче пре-

[656] Также обозначение нищенствующих суфийских отшельников, живших на подаяния.

[657] Строки из «Маснави-йи ма'нави» Джалал ад-дина Руми.

[658] Чобан-Ата (XIII в.) – крымский суфий. См. комм. Кемаль-Ата.

[659] Касым-паша (XV в.) – османский государственный деятель, занимавший посты бейлербея Румелии и визиря при султанах Мураде II, Мехмеде II и Баязиде II.

словутой цитадели. В ту ночь указанный паша посыпал на длинную бороду посыльного марающего рот лука, растущего в саду [слов] «*находчивость предшествует храбрости храбрецов*» [660] (ат-тадбиру кабла шаджа‘ат аш-шудж‘ан), и обманул его искусственной физиономией покорности, отразившейся в зеркале мягкости, а на следующий день положил перед своим незадачливым гостем едва произведенные украшающие мир ткани, свитые с помощью самых изощренных ухищрений, в качестве подарка тираничному хану и беспрестанно выражал дружбу и любовь, и тогда на собрание разрешающего все затруднения паши[661] явился искушенный в тонкостях человек, который вышел из быстроходного судна, прибывшего из Стамбула, и сказал: «Шах звезды армии и солнце на небе власти, достопочтенный Султан Байазид[662], с избытком наделенный поддержкой [Всевышнего] (ал-муваффак би-тайййиди-л-мазид), узнав о том, что некий чужеземец, коварный человек по имени Саййид Ахмад-хан, протянул ногу ущерба к доставшемуся ему по наследству имуществу Менгли-Гирай-хана, посаженного [султаном править] областью Крым и сделанного им наместником, а также дерзнул разрушить город Салкат, и тотчас же бездна его героического гнева и бескрайний океан его богатырской удали взволновался, и они отправили меня, дабы я сообщил о скором прибытии победоносного войска, которое он направил, чтобы дать коварному хану оплеуху наказания и уничтожения», и когда он донес высказанные пашою слова и поручения, в канале разума и покорности появились многочисленные приведенные им мореходные суда (иншад иттиги сафа’ин, также «сочиненные им поэтические антологии» – примеч. пер.), и пресловутый паша наблюдал, как изрыгающие огонь походные пушки, установленные у ворот крепости, которые служат знаком и знамением мира и безопасности, подобно возмутителям мира, единогласно и единодушно исторгли гром, [так что] вызывающий переполох и опустошающий мир звук поразил и ошеломил легкомысленного посла,

Бейт:

Geh bir vekili şah-ı Acem’den harac alur
Geh bir veziri asker-i Tatar’a han virür

[660] Парафраз из касыды арабского поэта ал-Мутаннаби (ум. 965).
[661] Паша – титул высших сановников и генералов в Османской империи.
[662] Баязид II (ум. 1512) – султан Османской империи (1481–1512).

«То один его представитель взимает дань с персидского шаха,
То один его визирь дает татарскому войску хана»[663],

этими возмущенными словами он дерзнул высказать осуждение, ударив по величественному гонгу молоточком слов о том, что тень от крыльев царственного благородства и сень махового пера государевой благосклонности падишаха семи климатов и справедливого государя покрывает головы рабов [Божьих], а уместиться под клочком подчинения мятежных лжецов – это для него выходит за пределы вероятного, и указанный посол бросил в уши вероломному по своей натуре хану не допускавший возражений, суровый и гневный ответ: «Немедленно готовьтесь к времени сражения и схватки», [отчего] его сотрясающую воздух голову охватили страх и жуть, заставив его повернуть назад и бежать, о чем узнал Менгли-Гирай-хан и поручил Токтамыш-беку из эмиров [рода] Ширин, Эвлийа-Мирзе из рода (оймак) Барын и еще многим подобным им храбрецам поля сражения [исполнить] поручение преследовать врагов. Ногайский народ счел, что будет тяжело в скором времени собрать и отправить в поход разбитое войско Крыма, будучи усыпленным травой нерадивости и положив голову на каменную подушку отдохновения, тогда как войско, поспешно выстроившееся для мести на поле [слов] «*война – это состязание, итог которого не известен*»[664] (ал-харбу сиджалун ла йудра ‘акибатуха), внезапно устроило ночную вылазку и атаку, сломав клюв храбрости злополучному пегому ворону (гураб ал-байн)[665] и взяв в лапы возвращения отобранную у них когтями грабежа и налёта мертвечину [своего] имущества, а по возвращении

Бейт:

تغافل زكار عدوى كهن
دهد خسروانرا بلا و محن

«Предание забвению деяния старого врага
Приносит бедствия и горести царям»,

и из стоянки пробуждения он вложил стопы в стремена действия и подпоясался мечом отмщения, однако проявившаяся в прошлом году медлительность и вялость привела к поражению и разгрому, отчего на

[663] Строки из касыды османского поэта Нефи (ум. 1635), посвященной османскому султану Ахмеду I (1603–1617).
[664] Цитата из тафсира «Сирадж ал-мунир» шафи‘итского ученого-богослова Ал-Хатиба аш-Ширбини (ум. 1570).
[665] У арабов считалось дурной приметой встретить пегого ворона.

этот раз калга Мехмед-Гирай[666] воспротивился стародавним Чингизовым порядкам и опередил племя Ширинов, а отрок с подобным нераскрывшемуся бутону ртом, скрывавший под своим приятным личиком [слова] «*держи в тайне свое золото, перемещения и убеждения*»[667] (устур захабак ва зихабак ва мазхабак), не раскрывая своего намерения и не посвящая [в него] ни одного из друзей и посторонних, однако в одну покрытую победой и отполированную триумфом ночь он вместе со своими сородичами и ближайшей родней прибыл в Тахт-Эли и столкнулся [там] с соперничеством и распрями между Саййид Ахмад-ханом и его братьями и родней, отчего ногайское войско не стерпело и не выдержало непрерывных храбрых атак Крыма, и когда проявились следы разгрома и поражения, Менгли-Гирай-хан прибыл с бесконечным воинством, и во время сражения Саййид Ахмад-хан со своей свитой стал добычей для клинка смерти, благодаря чему [Менгли-Гирай] прибрал к [рукам] своей власти и распоряжения указанную страну, обретя достаток и могущество и украсив собой трон независимости, и, чтобы уберечь стадо подданных и народа, оставленное в качестве залога на пастбище [слов] «*каждый из вас пастырь, и все вы отвечаете за свою паству*»[668] (куллукум ра‘и ва куллукум мас’улун ‘ан ра‘йатихи), от хищного волка злонамеренных врагов, он потратил звонкую монету способности и силы и путем возведения на перешейке Ор (Перекоп[669] – примеч. пер.), что на татарском языке означает «ров», [крепостцы] Феррах-Керман[670], а на реке Озю – крепостцы Джан-Керман[671] и Кара-Керман[672], заградив путь скверным неверным; и когда шахиншах мира, достопочтенный Султан Байазид-хан, отправился с походом в области Богдана, которые называли Молдоба, завоевал крепости Кили (Килия[673] – примеч. пер.) и Ак-Керман[674] и

[666] Мехмед-Гирай (ум. 1523) – хан Крыма в 1515–1523 гг. Занимал пост калги в 1507–1515 гг.

[667] Афоризм, приписываемый разным мусульманским авторитетам.

[668] Цитата из хадиса пророка Мухаммада.

[669] Перекопский перешеек соединяет Крым с материком, разделяя Азовское море и Черное море.

[670] Феррах-Керман (Ор-Капы, Перекопская крепость) – татарская крепость на Перекопском валу у входа в Крым.

[671] Джан-Керман – татарская крепость на побережье Черного моря в устье Днепра на месте современного города Очаков в Николаевской области Украины.

[672] Кара-Керман – еще одна татарская крепость, локализуемая в районе современного Очакова, однако нет единого мнения по поводу того, был ли Кара-Керман отдельной крепостью, или это еще одно название Джан-Кермана.

[673] Килия – город в Измаильском районе Одесской области Украины.

овладел ими, он вместе с пятидесятитысячным татарским войском приложился челом к копытам победоносного скакуна падишаха семи климатов, и за их достойную благодарности службу ханам и калгам была оказана честь путем выделения особых наделов в портовых городах Кафа, Гёзлев[675] и Балыклава[676] под названием «хафтан-баха» (букв. «плата за кафтан» – примеч. пер.), и они до сих пор именуются крымскими ханами по имени «йалы-агасы»[677], а воевода Богдана подарил и отдал им во владение множество селений, расположенных на берегу реки Турла (Днестр – примеч. пер.). Изначально неверные из народностей ляхов и прусов, а также гнусной шайки русов подчинялись татарскому народу, как в подданстве или рабстве, но из-за междоусобиц и борьбы, возникших между потомками Чингиза, звук немелодичного колокола их непокорности и упрямства, поднял шум смуты и нечестия, так что иногда сам упомянутый хан, а иногда его благородные дети неоднократно выдвигались с поднаторевшим в джихаде войском, повергая на землю унижения изваяния идолов, фундамент церкви их мощи и крест их богатства, разбивая камнем гнева зубы спеси и гордыни упрямых черкесов, благодаря чему они приложили их тяжелые и крупные головы к земле покорности и мягкости. В то время Султан Селим-хан[678], по велению Божественного предопределения, испробовал на вкус неприятный шербет поражения и бегства на горьком собрании сражения, устроенного им вместе со своим величественным отцом в окрестностях деревни Уграш[679], неподалеку от Чорлы[680], и, чтобы избавиться от захмеления страхом, подготовить орудия для пиршества сражения, позволяющие снова пускать по кругу чашу стычки, его дорогой сын, достопочтенный царевич (шах-заде) Султан Сулейман-хан[681],

Бейт

Yürit kümeyt-i camı ey saki-yi sebük-ruh

---

[674] Ак-Керман – крепость на месте современного города Белгород-Днестровский на берегу Днестровского лимана в Одесской области Украины.

[675] Совр. Евпатория (на западе Крыма).

[676] Совр. Балаклава (на юго-западном побережье Крыма).

[677] Ялы-агасы (yalı ağası – «старший над побережьем») – военно-административная должность в Крымском ханстве в XVII – нач. XVIII вв, дававшаяся ханским представителям в Буджаке – приморских степях между Днестром и Дунаем.

[678] Селим I Явуз (ум. 1520) – султан Османской империи (1512–1520).

[679] Местность в Румелии, где 3 августа 1511 г. состоялось сражение между Селимом и его отцом Баязидом II.

[680] Чорлу – город в европейской части современной Турции (провинция Текирдаг).

[681] Сулейман I Великолепный (ум. 1566) – султан Османской империи (1520–1566).

Su inmiş ayağına gezdirmedir ilacı

«Гони стеклянного скакуна, о виночерпий жизнерадостный,

Для отекших ног исцеление – в том, чтобы занимать их прогулками»[682],

отплыл на своем быстроходном судне в направлении украшающей собой собрание правления Кафы из порта Ахйолы[683] или Варны[684] по морю изумления, добрался до Крыма, вошел в область правления Менгли-Гирай-хана и при встрече с ним пожелал назначить какого-нибудь султана из рода Чингиза с пятью-десятью тысячами татарских воинов для содействия и помощи, а указанный хан был деловым и предусмотрительным, а потому, при соблюдении [обязательств] дружбы и зависимости с вековечным Высоким Государством (Османской империй – примеч. пер.), посчитал, что отправление достопочтенными султанами из династии Османов полностью оснащенных войск в страну, которую они осенили справедливостью и правосудием, приведет к разрыву уз любви, и, не покорившись воле Селима, всё же счел нецелесообразным также и полностью отвергнуть [его], вследствие чего он назначил одного из своих благородных сыновей Са'адет-Гирай-султана[685] для совместной службы с определенным количеством воинов. В собранной и составленной покойным Нишанджы Пашой[686] хронике странностей случай с Крымским походом описан подобно, и, хотя он по своему характеру противоречит словам бедного [автора этих строк], он записан дословно.

Слово [из] «Хроники Нишанджы Паши»

По воле Аллаха – Велико Его достоинство! ('азза шануху) – достопочтенный падишах (Селим – примеч. пер.), обретший обиталище в раю, был движим в сторону Кафы [одной] из обычных причин Господа, милостью для обитателей миров наслаждения, а именно [намерением] осветить и озарить солнцем религии и государства свет очей султаната и халифата династии Османов в здании исламской религии, удалить из нуждающихся в управлении и руководствующих шариатом климатов Рума пыль заблуждения, появившуюся на зеркале религии из-за руко-

[682] Строки османского придворного поэта Эмруллаха Эмри (ум. 1575).
[683] Совр. город Поморие на черноморском побережье Болгарии.
[684] Варна – портовый город на черноморском побережье современной Болгарии.
[685] Са'адет-Гирай (ум. 1538) – хан Крыма, правивший в 1524–1532 гг.
[686] Рамазан-заде Нишанджы Мехмед-паша (ум. 1571) – османский историк и государственный деятель, автор исторического сочинения «Тарих-и Нишанджы» (ок. 1562).

водства жестокого тирана и старания упрямцев с заблудшими мыслями, очистив [тем самым] их свежий и приятный лик. Непременно, возникновение и появление тех счастливых потребностей зависело от хорошего обращения находившегося в тех краях татарского хана, будучи необходимостью в этом положении, отчего достопочтенный падишах, обретший обиталище в раю – да озарит Аллах светом его усыпальницу (наввара-Ллаху маркадаху) – поставил удачливого и счастливого царевича в город Кафу, а сам в тот год с счастьем и удачей отправился в том направлении, чтобы встретиться с ханом татарских климатов, покойным Менгли-Гирай-ханом. Пресловутый Менгли-Гирай-хан был твердым, правдивым, набожным и мусульманином, достигающим целей, обладавшим нравом святого и учтивым ханом, который соответствовал требованиям шариата, обладал чистым вероучением и здоровой натурой, будучи ортодоксальным суннитом. Он поддерживал узы подлинного братства с покойным Султаном Байазид-ханом – да осветит Аллах его довод! (анара-Ллаху бурханаху), между ними были установлены и устроены узы полноценной дружбы. В письмах, которые отправлялись из их высоких чертогов, писалось «Ваше Братское Превосходительство» (джанаб-и ухувват-ма'аб). Когда достопочтенный падишах, обретший обиталище в раю – да облечет его Аллах своим прощением (тагаммада-Ллаху би-гуфранихи) – вышел из Кафы и высочайше соизволил направиться в их сторону, пресловутый хан прознал [об этом] и встретил его вместе с осыпанным счастьем татарским воинством и небольшим числом своих отмеченных великолепием подданных и приверженцев, со всеми детьми и со всем своим государством, с огланами и мирзами. Они, как следует, обслуживали их на гостевом приеме со всякого рода почестями и знаками уважения, приличествующими хакану[687], разными видами почета и уважения, достойными хранителя мира. Проявив огромную щедрость, они не допустили оплошности в оказании покровительства и почтения. Их встреча послужила причиной для спокойствия и веселья, приведя к всевозможным радостям. Когда достопочтенный падишах, обретший обиталище в раю, выступил с указанной целью из Трабзона[688] вместе со всеми детьми и свитой, направившись в сторону Кафы. Душу Султана Ахмада[689] охватили грусть и беспокойство, так что он ис-

[687] Хакан – один из официальных титулов османского султана.

[688] Трабзон (Трапезунд) – город на черноморском побережье в восточной части современной Турции.

[689] Шехзаде Ахмед (ум. 1513) – старший сын Баязида II, наместник Амасьи. Боролся за трон Османской империи со своими братьями Селимом и Коркутом в 1512–1513 гг.

пытал крайнее смятение и тревогу. Ему пришло в голову отправиться из тех краев в область Румелии, чтобы его брат приютил его там, и он, несомненно, приступил к управлению делами, и он в беспокойстве написал хану письмо, в котором с разного рода мольбами: «Мой брат Селим прибег к Вашей защите. Преследуемая им цель состоит в том, чтобы пройти в Румелию. Если не будет содействия со стороны Достопочтенного Хана, то у него нет на это сил. Пусть это будет нашим скромным подарком Достопочтенному Хану» – с этими словами он написал высочайший рескрипт: «Все области в стране Кафа, в особенности девять знаменитых и прославленных крепостей, пусть будут Вашими! Только не пропустите туда моего брата» – с этими словами он высказал всяческие любезности, мольбы и просьбы. Он даже назначил для этого и отправил [туда] отдельного человека. Когда достопочтенный падишах, обретший обиталище в райских садах – да озарит Аллах светом его усыпальницу (наввара-Ллаху маркадаху) – договорился с ханом, некий его человек доставил указанному хану дарственную грамоту (мюльк-наме), и в сердце хана, которому стало известно об истинном положении дел, закрался страх, так что он был обеспокоен. Будучи в смятении, он сказал: «Отмеченный славой отпрыск моего брата, величественного падишаха, осенил нашу династию тенью счастья, так что мы были осчастливлены его украшающей мир красотой. Пока непонятно, каково его намерение и желание. Если его благородное намерение состоит в том, чтобы пройти в Румелию, то нам не подобает ему препятствовать, [ибо] это чуждо и противно великодушию», а в то время у хана был беспутный сын по имени Мехмед-Гирай. Его природа склонялась к смуте и беспорядкам, честью для него были глупость и нечестие, а сам он был отборным подонком. Увидев дарственную грамоту, написанную Султаном Ахмадом с указанной целью, он повеселел и обрадовался. Он обратился к своему отцу, который был ханом, со следующими вызывающими и сеющими смуту словами: «Ахмад Султан оказывает нам такую благосклонность, жалуя нам и передавая в наше владение столько земель, областей и крепостей в отправленной им дарственной грамоте. За эту заботу и доброту нам нужно схватить его брата, обрадовать его и преисполнить ликованием», и тогда отмеченный добротою хан, дабы оспорить его порочные по смыслу замечания, напомнил ему: «Сын мой, если твоей целью и желанием являются крепости и земли, то и шах Селим-хан не пожалеет [их] для тебя, попроси также у него». Однажды ночью достопочтенный падишах, удостоенный места в раю и обретший обиталище в райских садах, собрал в гости особый круг людей, и по татарскому обы-

чаю было устроено огромное собрание, и на этом особом пиршестве Мехмед-Гирай встал на ноги и с чашей в руках, подобострастно и обходительно, сказал: «Селим-султан, отцу осталось недолго [жить на этом свете], власть над престолом Рума принадлежит тебе. Скоро предстоит сесть на трон державы. Тогда я попрошу тебя об одной вещи, прими же её», и тогда достопочтенный падишах, обретший обиталище в раю, ответил: «Царевич (хан-заде), каковы ваша целью и желание?», на что тот сказал: «Дай нам во владение крепости и пристани, расположенные в области Кафы. Пусть в дни твоего правлениям распоряжаться ими будем мы», а достопочтенный падишах, обретший обиталище в раю – да осветит Аллах его довод! – осыпал его драгоценными каменьями и жемчугами из своего сладкоречивого языка, изволив сказать: «Царевич, мы – падишахи. В обыкновении и законах падишахов и издавна принятых обычаях нет пожалования областей и земель. Падишахи забирают владения [и] никому их не отдают. Что бы ты ни попросил из драгоценных камней, серебра, золота, рубинов и яхонтов, разного рода денег и товаров, царских благодеяний, ничего не пожалеем и дадим, только не покушайся на области и земли». Ханский сын сел, а достопочтенный падишах, обретший обиталище в раю, встал и проследовал в свои царские покои, после чего пресловутый Мехмед-Гирай обратился к своему отцу, хану, с укоризненными словами: «Посмотри-ка на слова этого пропащего. Султан Ахмад, будучи на расстоянии двух месяцев пути от нас, шлёт нам дарственную грамоту, жалуя нам земли и крепости, а этот негодяй, будучи в нашем распоряжении, у нас в руках, как мы слышали, не только не собирается давать земли, но и, как я считаю, став падишахом, заберёт и наши владения. Не стану упускать возможности и, конечно же, схвачу его» – с этими словами он встал [и ушёл], а хан попробовал ему помешать, но не нашёл средства [его остановить], и тот отправился собирать войско. Хан, опечаленный и стесненный этим положением, остался наедине с собой. Его младший сын, которого звали Са‘адет-Гирай, был разумным и смышлёным, сообразительным, мудрым и предусмотрительным юношей, ещё юным и наивным, с розовыми ланитами и розовым ликом, дугообразными бровями, достойным трона и венца, свечой и светильником на празднестве щедрости. Пресловутый хан той же ночью позвал указанного Са‘адет-Гирая и дал ему наставление: «Сын, я пожаловал тебя Селим-хану. Он будет удостоен правления царством Рума. Отец его доживает последние дни, власть принадлежит ему. Сейчас твой брат встал на собрании и ушел, чтобы поутру с войском напасть на него. Его намерения порочны. Немедленно отправляйся к Селим-хану, пусть

они этой ночью покинут наши земли и ночью незамедлительно отправятся по реке Озю в Аккерман». В тот миг он отправил Са‘адет-Гирая, и тот в полночь добрался до достопочтенного падишаха, обретшего обиталище в раю, и передал ему слова хана. Когда стало понятно, как обстоит дело, на той реке уже были готовы корабли. До [наступления] утра они поспешно переправились по воде на другой берег. Пресловутый Мехмед-Гирай с тридцатью тысячами татар прибыл в место, где находилась ставка, и они увидели, что там никого нет. Удивившись, они разошлись по местам. Достопочтенный падишах, обретший обиталище в раю, возблагодарил за это Господа и добрался до безопасного места. На этом месте «Хроника Нишанджы» достигла долины завершения, а потому далее вожжи скакуна пера были повернуты в сторону того, на чем мы [остановились] (ман ахну фихи). По велению Творца тепла и холода, настала холодная зимняя пора, и, по обычаю татар, пришло блистательное время средоточия (также перс. канун – «декабрь-январь». – примеч. пер.) войн и сражений, когда калга Мехмед-Гирай со стремительным, [подобно] утреннему ветру, татарским войском подул пронизывающим ураганным ветром на страны неверных, и в те дни, когда он, захватив наложниц, рабов и прочих даров и памятных вещей, вступил в пределы исламских [земель], его высокочтимый отец пал на землю бедствия от раздирающей душу болезни печали, и когда ему пришло причиняющее боль письмо, в котором было написано о том, чтобы он явился к изголовью постели больного от разлуки,

Бейт:

Yetiş ol hasteye ey ruh-ı revan

Ola soñ demde refiki iman

«Приди на помощь больному, о душа идущая,

[Дабы] стала в последний миг товарищем ему вера»,

по воле судьбы, а также поскольку движения его ног сковали оковы болезни [слов] «встреча предопределена»[690] (ал-иджтима‘ мукаддар), он на плавно идущем коне грусти и тоски прибыл в крепость Феррах-Керман, когда был [месяц] зу-л-хиджа девятьсот двадцать восьмого года (ноябрь 1522 г. – примеч. пер.), [а отец], в соответствии с этим смыслом стихотворения:

وما المال والاهل الا ودايع

فلابد يوما ان ترد الودايع

[690] Высказывание, приписываемое йеменскому раннеисламскому праведнику Увайсу ал-Карани (ум. 567).

«Положение и семья есть ни что иное, как вверенное на хранение,

И обязательно придет день, когда оно будет возвращено [хозяину]»[691],

передал великий залог драгоценной жемчужины своей души, который был вверен на хранение сундуку его бытия, в казну Господа Всемогущего, и удалился в угол исчезновения построенной в Бахчисарае особой обители. Срок его правления составил сорок семь лет и восемь месяцев, а срок его жизни – семьдесят один год, и бутон прекрасного нрава пресловутого хана получил долю и удостоился блага стихосложения и сочинения, так что по причине заключения [в себе] множества людских занятий он поднимал себе настроение, вращая дарующую опьянение чашу поэзии и сочинительства. Эти исполненные смысла бейты являются особым плодом щепетильного нрава в райском саду сладкоречивого пера.

Стихотворение:

Firakuñdın menüm halüm sorar bolsañ eger cana
Göñlünde nar ve gözde ab ve dilde ah olur peyda
Senüñ müra-i hayalügñi içide asramak içün
Bolupdur kirpigüm birle kafes bu dide-i bina
Menüm ol han-ı Mengliş kim mahabbet mülki sahımın
Cihanuñ mülk ü malına gururum yokdurur asla

«Если ты спросишь мою душу о моем состоянии после разлуки с тобой,

Возникнет в душе огонь, в глазах – вода, а на языке – вздох.

Чтобы вскормить птицу твоего воображения,

Стали клеткой вместе с ресницами мои глаза зоркие.

Я тот самый хан Менглиш, я шах, чье царство – это любовь.

Нет во мне совсем гордости владениями и имуществом».

Зеленый лист древа жизни пресловутого хана встретил осень смерти, и от большого древа его чистого потомства ответвились по порядку восемь плодоносных пальм [в виде] сыновей – Мехмед-Гирая, Бахадир-Гирая[692], Махмуд-Гирая[693], Фатих-Гирая[694], Бурнаш-Гирая[695], Мубарак-

[691] Строк раннеисламского арабского поэта Лабида ибн Раби‘а ал-‘Амири (ум. 661).

[692] Упоминается не во всех списках сочинения. Вероятно, автор принял за одного из сыновей Менгли-Гирая его внука Бахадыр-Гирая (ум. 1523), сына Мехмед-Гирая, занимавшего пост калги в 1519–1522 гг., а затем занявшего ханский престол в Астрахани (1522–1523).

[693] Махмуд-Гирай (ум. 1516).

Гирая[696], Са‘адет-Гирая и Сахиб-Гирая[697] – которые одарили тенью пространство бытия, однако Мехмед-Гирай благодаря старшинству и заслуженному праву превосходил всех и был достоин правления, а потому вплоть до его прибытия в Бахчисарай из-за подувшего от его замечания ветра смуты и интриг лик события смерти хана на протяжении сорока дней утаивался под покровом сокрытия и упрятывания, и когда пресловутый султан вступил в резиденцию правления, после проведения траурных мероприятий в начале девятьсот двадцатого года (1514 г. – примеч. пер.) он воссел на престол правления по единогласному решению съезда татар и накинул на плечи могущества одного из своих братьев, Бахадир-Гирая, соболиные меха достоинства калги. Пресловутый хан, будучи одним из обладателей усердия и рвения, сам, а иногда вместе с калгой и сыновьями, Алп-Гираем[698] и Танаш-Гираем (?), пришпоривал коней погибели в областях русских и поляков, желая расширить владения и умножить население, переселил и живших в краях Итиля татар в сам Крым и разместил их там, а также приложил усилие и старание для того, чтобы с помощью циркуля склонения на свою сторону и доброго обращения поместить ногайский народ, живший в Хаджи-Тархане[699], который он прибрал к рукам овладения, в центре покорности, и необходимое для этого выражение пылкой дружбы высекло искру зависти и ревности у эмиров Крыма, отчего он выслал указанный народ и охладел к ним, и в те дни, когда он своей порочной мыслью положил сухие и мокрые дрова [того, о чем говорится в хадисе] «смута спит, и да проклянет Аллах того, кто разбудит её»[700] (ал-фитнату на’има ла‘ана-Ллаху ман айказаха) в кострище душ «тех, кого хотят привлечь»[701] (му’аллафат алкулуб), пресловутый хан проведал о притеснениях и вредительствах, учиненных [немусульманскому] населению (ра‘айа) указанного города сбродом из приспешников и нахальных прислужников сыновей хана – Гази-Гирая[702] и Баба-Гирая[703], он явил отвечавшие справедливости и

[694] Фатих-Гирай (ум. 1510). Утонул при переправе через реку. Отец казанского хана Сафа-Гирея (ум. 1549).
[695] Бурнаш-Гирай (ум. между 1512 и 1515).
[696] Мубарак-Гирай (ум. ок. 1516–1517). Погиб в египетском походе султана Селима.
[697] Сахиб-Гирай (ум. 1551) – хан Казани (1521–1524) и Крыма (1532–1551).
[698] Алып-Гирай (ум. 1523) занимал пост калги в Крыму в 1522–1523 гг.
[699] Астрахань.
[700] Хадис пророка Мухаммада.
[701] Подразумеваются немусульмане, которых Коран призывает склонить на сторону мусульман с помощью материального вознаграждения. См. Коран, 9:60.
[702] Гази-Гирай (ум. 1524) – хан Крыма в 1523–1524 гг.

правосудию меры, дабы воспрепятствовать [им] и отогнать [их], так что благодаря лживому утверждению, [высказанному] беспокоившим и тревожившим двух пресловутых лиц эмирам-приспособленцам, которое должно было вызвать их благосклонность и расположение, он заставил этих двух простодушных отроков последовать за звуками расстроенной лютни и соблазнительными сатанинскими танцами [молвы] о том, чтобы бросить драгоценный камень прав его родителя в яму непокорности, так что в одну тёмную ночь вся крымская знать отправилась в долину бегства. Следующим днем, когда хан и калга вместе с двумя-тремя тысячами людей, которых называли дворовыми людьми (ички халк), то есть государевыми рабами (капыкулу), были заняты подготовкой к тому, чтобы поворотить вспять и вернуть беглецов, проявивших неблагодарность [в ответ на оказанные им] благодеяния, заспанные хищные ногайские псы, которых ранее толчком гнева и натиска выпнули из их разбойничьего логова (дар ан-надва, букв. «дома собраний» – примеч. пер.), были разбужены и оповещены шумом копыт скакавших [во весь опор] коней, получив возможность уязвить и нанести ущерб, побежали, чтобы схватить беглецов за подол, и обманули их с помощью лая лжи, как обученную и одомашненную собаку, игрушкой овладения [имуществом], а вымокшие под дождем волки того народа, кусачие псы по имени Мамай-бек[704] и Шаб‘ам-Мирза[705], собрались и в одну из темных ночей [месяца] зу-л-хиджа девятьсот двадцать девятого года (октябрь-ноябрь 1523 г. – примеч. пер.) исторгли из круга жизни хана, калгу и их приспешников, разграбив все имевшиеся в войске деньги и вещи, после чего, когда собаки устремились в поле бегства, жители провинции увезли в город тело мученика, служившее воплощением величия Господа, укрыв и спрятав его под землей озаренной светом могилы. Срок его правления составил восемь лет, а срок его жизни – пятьдесят восемь лет. Когда молва о внушающем ужас событии дошла до ушей кочевавших по степи блуждания эмиров, они стали посыпать свои почерневшие от бесчестия лица и сотрясавшие воздух головы, увлеченные разбоями, землей сожаления и раскаяния, посадив в [месяц] мухаррам девятьсот тридцатого [года] (ноябрь-декабрь 1523 г. – примеч. пер.) одного из сыновей мученически по-

[703] Баба-Гирай (ум. 1524) – крымский царевич, занимавший в 1523–1524 гг. пост калги.

[704] Мамай (пер. пол. XVI в.) – мангытский вождь, потомок Идигея и один из сыновей бия Ногайской орды Мусы. Контролировал западную часть Ногайской орды.

[705] Возможно, искаженное написание имени Шайх-Хайдара, сына последнего хана Большой Орды (ум. 1528), который принял в 1523 году участие в опустошительном набеге ногайцев на Крым вместе с Мамаем.

гибшего хана, потонувшего в море ослушания Гази-Гирая, на шаткий ханский трон и надев на потрясающие судьбу плечи его младшего [брата] Баба-Гирая взятую во временное пользование и украшенную бахромой накидку калги, а затем Мамаш-бек[706], обладавший обоснованным мнением, который в то время был мирливой Ширинов, испугался и убоялся назначения хана без повеления государя эпохи, сговорившись с населением провинции о том, чтобы направить к порогу государя прошение и заявление с просьбой о назначении его правителем в область Крыма силою мысли августейшего падишаха, так что примерно в девятьсот десятом году (1504–1505 гг. – примеч. пер.) было запечатлено на страницах изложения, что, когда покойный султан Селим вернулся из Кафы, его превосходительство, наследник Менгли-Гирая, царевич Са‘адет-Гирай, ухватился рукою за его высокочтимое стремя. Когда указанный достопочтенный царевич оказался в тени возвышенного Османского престола, в ходе известного события, которое, по воле [Божественного] приговора и предопределения, произошло с султаном Ахмедом[707], да будет земля ему пухом, он поручил Херсек-заде Ахмед-паше[708] и пресловутому султану (Са‘адет-Гираю – примеч. пер.) преследовать [султана Ахмеда], его служба была принята, удостоившись внимания и благосклонности падишаха, так что он вошел в круг слуг, [сопровождавших его] в путешествиях и на местах. Когда вышеназванный Мамаш-бек доставил прошение и протокол, он также отправил к султану человека, выразив любовь и искреннюю приязнь, предполагавшую обязательства и условия, что население Крыма будет проявлять к нему расположение и покорность, а Мамаш-бек будет расходовать свою силу и власть на [пути] служения ему, и когда он, побуждаемый ими стремиться к ханскому титулу и приступивший к этому, припал к стремени падишахской благосклонности, надеясь [получить] титул татарского хана, в [месяце] раджаб девятьсот тридцатого года (май-июнь 1524 г. – примеч. пер.), драгоценный перстень ханской власти был надет на палец Са‘адет-Гирая, и он был щедро наделен дарованными ему из полной казны барабаном, знаменем и прочими царскими регалиями, а также слугами и сви-

[706] Мемеш/Мемиш-мирза (ум. 1528) – предводитель княжеского рода Ширин.

[707] Имеется в виду решающая битва при Енишехире (под Бурсой), которая состоялась 24 апреля 1513 г. между войсками Селима и Ахмеда.

[708] Херсекли Ахмед-паша (ум. 1517) – крупный государственный деятель Османской империи, военачальник и дипломат. Трижды занимал пост капудан-паши и пять раз был великим визирем (садразам) Османской империи (1497–1498, 1503–1506, 1511, 1512–1514, 1515–1516).

той, прибыв на кораблях в Крым, непонятливый и непослушный Гази-Гирай несколько раз проявил неблагодарность за [оказанное ему] благодеяние и последовал за врагом семейства, что привело к казни его собственного отца, который был причиной его жизни, и по этой причине путем множества интриг он без всякого стыда и стеснения воссел, скрестив ноги, на ложе надменности, а спустя шесть месяцев был брошен катапультой падишахского гнева в яму отстранения [от власти] и опалы, отчего море его самомнения и гордыни взволновалось, и для того, чтобы прогнать из дома власти Са'адет-Гирая, посаженного на престол государства добродетельной десницей тогдашнего султана, он в очередной раз стал подстрекать к смуте, часть населения Крыма примкнула к следующему [правителю], а некоторое их число осталось верным прежнему [хану], и когда уже вспыхнул и взвился ввысь огонь войны и вражды, один из зачинщиков смуты среди эмиров Крыма, Мамаш-бек, и подобная ему знать [этой] области, дабы потушить невкусной водой посредничества разгоревшийся огонь бедствий сброда подонков, поскольку прежний хан был младше нового по возрасту, разогнала их собрание лицемерным мировым соглашением о том, чтобы Гази-Гирай стал калгой, и три месяца спустя после этого – в [месяц] шаввал девятьсот тридцатого года (август-сентябрь 1524 г. – примеч. пер.) – припав головой к ханскому подолу, чтобы исполнить обряд посещения [больного правителя], посланные убить и его [люди] сильным ударом стёрли его со страницы мира, а затем удалили из круга бытия также его брата, инфантильного Баба-Гирая. Срок пребывания Гази-Гирая на ханском престоле составил шесть месяцев, а срок жизни – двадцать лет. Са'адет-Гирай сделал калгой одного из своих племянников, Девлет-Гирай-султана[709], и на протяжении трёх-четырех лет его правления, не имевшего противников и соперников, один из братьев убитого Гази-Гирая, Ислам-Гирай-султан[710], под формальным предлогом мести за кровь Гази-Гирая, а на самом деле ради [получения] должности и высокого сана, поднял стяг мятежа и многократно выстраивал ряды [войска] для сражения, в конечном счете, увеличив великолепие и блеск ислама и лишив Са'адет-Гирая надежды на получение ответа; чтобы избавиться от мятежей и несчастий, [он] вручил ему поводья ханской власти, а сам в [месяц] шаввал девятьсот тридцать первого года (август 1525 г. – примеч. пер.) сел на корабль по-

[709] Девлет-Гирай (ум. 1577) – хан Крыма в 1551–1577 гг. Занимал пост калги в 1530–1532 гг.

[710] Ислам-Гирай (ум. 1537) – хан Крыма, правивший на протяжении пяти месяцев в 1532 г. Занимал пост калги дважды в 1526–1528 и в 1532–1535 гг.

коя и направился к Чертогу Счастья (османскому двору – примеч. пер.), сподобившись, как и в первый [раз], великодушного государева взора, ежегодного довольствия и земельного пожалования (зеамет)[711], а в [месяц] зу-л-ка‘да девятьсот сорок четвертого года (апрель-май 1538 г. – примеч. пер.) оставил бренный мир и обрел вечную жизнь, будучи похоронен по соседству с Достопочтенным Абу Аййубом Ансари[712], да будет доволен им Аллах. Срок его правления составил девять лет и три месяца, а время его жизни – сорок шесть лет. Когда Ислам-Гирай благодаря силе своеволия без всяких сотоварищей и соперников воссел, скрестив ноги, на ложе независимости, он занял одного из своих братьев, Узбек-Гирай-султана[713], должностью калги, и, пожалев и раскаявшись в своих деспотичных деяниях, совершенных им за считанные месяцы, испугавшись гнева Сулеймана [того] времени (султана Сулеймана I Великолепного – примеч. пер.), попросил прощения за свои проступки и прегрешения и, по высочайшему соизволению падишаха семи климатов и повелению справедливого шахиншаха, его прославленное имя было вычеркнуто из приходно-расходной книги (рузнамче) хакана, и по его царственному усмотрению кое-кто из его слуг отправил донесение с просьбой о назначении его ханом в страну Крым. Поскольку добрые и плохие деяния запечатлелись и утвердились в сердцах царей и правителей, словно изображение на камне, [разные] категории звонкой монеты дел и велений были [вложены в качестве] залога в руки времени и дней, в то время было решено ограничиться лишь его смещением, и крепкий щит [аята] «*не смогут приблизить даже на час*» (ла йастакдимуна са‘атан)[714] помешал пустить в ход звенящий меч возмездия за деяния строптивости и непокорности: [оно] было отложено на другое время и передано острому мечу предопределения. **Сахиб-Гирай-хан ибн Менгли-Гирай-хан ибн Хаджи-Гирай-хан**. Когда указанный [хан], дабы защитить и уберечь почти разрушенную дверь обиталища правления назначенного после смерти его отца ханом старшего брата, Мехмед-Гирая, от града [Боже-

[711] Зеамет – военный лен, получаемый сипахом за несение военной службы.

[712] Абу Аййуб Халид ибн Зайд ал-Ансари (ум. 674) – сподвижник пророка Мухаммада. Согласно преданиям, будучи стариком, принимал участие в осаде Константинополя, погиб от ранения и был похоронен под стенами города. После завоевания Константинополя османами на месте его предполагаемого захоронения была построена гробница с мечетью, ставшая местом паломничества мусульман.

[713] Узбек-Гирай – сын Мехмеда I Гирая. Занимал пост калги в 1532 г. при Ислам-Гирае.

[714] Отсылка к аятам Корана: «Когда же наступает их срок, они не могут отдалить или приблизить его даже на час» (7:34).

ственного] приговора и предопределения, осмелился казнить всех его братьев, Сахиб-Гирай-султан был [еще] юным молодцем, отчего нить братских уз удержала [его] от убийства и казни, так что он на верви длительного тюремного заключения бросил его в суровую темницу. В тот век правитель Казани из рода Улуг-Мухаммад-хана, Ичим-хан[715], не имея наследника, покинул пиршество жизни, а когда население области выразило благосклонность направлению [к ним] султана из рода Чингизидов, он назначил Сахиб-Гирай-султана. На протяжении пяти лет он нес на себе тяжкое бремя правления, но появившиеся недавно бедствия и смуты и отсутствие независимости потребовали [его] завершения, отчего он передал не приносившую доходов власть находившемуся при нем сыну султана Махмуд-Гирая Сафа-Гираю[716], а сам под предлогом совершения хаджа раболепно бил челом у величественных ворот Сулеймана [того] времени и, удостоившись его царской благосклонности, положил голову на подушку безопасности и спокойствия. Ислам-Гирай одернул рукою подол владения с крымского государства, в [месяц] раби‘ ал-аввал девятьсот сорок девятого года (июнь-июль 1542 г. – примеч. пер.) падишахским самовластным решением на имя пресловутого [человека] была выписана грамота на ханское достоинство, и ему была оказана почесть в виде назначения шестидесяти пушкарей, трёхсот латников (джебеджи) и тысячи государевых рабов (капыкулу), чтобы выделить из обильной [султанской] казны снабжение и казённые доходы для ведения дел. Известное количество средств, которые в настоящее время жалуются государем мира (османским султаном – примеч. пер.) как «псарные деньги»[717] (секбан акчеси), были славными заслугами достопочтенного султана Сулеймана – *да осветит Аллах его довод*. Он, вопреки обычаю, взял на службу прежнего хана Ислам-Гирая в должности калги, а ранее уже было упомянуто о его усердии в осуществлении интриг и насилия, продиктованных его натурой, что требовало уничтожения и удаления его ошибочно начертанного имени, так что точильный камень отправления в поход стёр его правление, о чем ему стало ведомо, и, чтобы освободить птицу своей души, он вместе со своими помощниками и поборниками устроил гнездо покоя в степи Феррах-Керман и был вручен дес-

[715] Ичим (Иджим) – одно из прозваний казанского хана Мухаммад-Амина (ум. 1518).

[716] Сафа-Гирай (ум. 1549) – казанский хан, правивший в 1524–1532, 1535–1546, 1546–1549 гг.

[717] Секбан акчеси («псарные деньги») – налог, взимаемый для финансирования наемных иррегулярных военных формирований из крестьян.

ницам воли Баки-бека[718], который был мастером [своего] времени в ловле страуса (наʻама, тж. душа – примеч. пер.), простирающего свои маховые перья над долиной строптивости и непокорности, а когда он на большом собрании отвернулся от хана и бежал в общество ранее упомянутого султана, погнав скакуна интриг и козней, поскольку на весь свет было известно, что указанному эмиру были по вкусу хитрость и двуличие, пресловутый султан сторонился и опасался близкого общения с упомянутым эмиром, так что даже умелый мирза, дабы пустить стрелу с начертанной [на ней просьбой о] прощении из тяжелого Рустамова[719] лука распорядительности в поле забвения, некоторое время перенес тяготы скитаний в краях узбеков и кумыков (кумук)[720], а затем в одну темную ночь спустился, подобно стреле предопределения, и сжег огнем лишающего жизни клинка шатёр его бытия. Время его правления [составило] пять месяцев, а срок его жизни – тридцать один год. Когда султан, от которого отвернулась удача, упал на дно смерти и небытия, его оставшийся вакантным пост достался Ахмад-Гираю[721], сыну хана Саʻадет-Гирая, а мутная река его души потекла по солонцовой почве непокорности и возмущения, что изменило русло нрава пресловутого хана, отчего он каплями гнева и разорения разрушил и уничтожил дом его бытия, прославившись среди людей укреплением резиденции правления и независимости и водворением порядка в татарском народе. До того времени население Крыма, подобно ласточкам и журавлям, не могли устраивать себе спокойные и уютные гнезда в особом месте, большую часть времени путешествуя и живя в палатках на берегах струящихся рек под названием Джим (Эмба – примеч. пер.), Джайык (Урал – примеч. пер.), Терек, Итиль, Озю и Кубан (Кубань – примеч. пер.), которые называли Путем шести вод (алты су йолы), а также внутри и снаружи Феррах-Кермана, отчего шея их упрямства и настойчивости вышла за пределы покорности и дружелюбия, так что хан с распорядительностью Юпитера (муштари-тадбир) десницей своего угодного сердцу мнения разбил их колесницу, груженую спесью и отвращением, построил села и городки на землях под названием Зеленый остров (Джазира-и Хазра), упоминаемых на кар-

[718] Баки-бей (ум. 1543) – бий Мансурульской Орды, карачибек крымских мангытов, сын Хасана-мирзы и дочери крымского хана Менгли I Гирая.

[719] Рустам – легендарный герой персидского народного эпоса, одна из центральных фигур «Шахнаме» Фирдоуси.

[720] Возможно, неверное написание слова «калмук/калмак».

[721] Ахмед-Гирай (ум. 1537) – крымский царевич, сын Саʻадет-Гирая. Занимал пост калги в 1536–1537 гг.

тах и в описях (джара'ид) под именем Крым и окруженных с большинства сторон морем, которые ограничены на севере Феррах-Керманом, на юге – Балаклавой, на востоке – Кафой, а на западе – Гёзлевом, стал возводить по мере сил мечети и медресе, наделив всех в достаточном количестве землями и пахотными угодьями, так что [эти] дарственные грамоты, скрепленные красно-зеленой тамгой и написанные на татарском языке, до сих пор являются особыми заслугами пресловутого хана. Когда достопочтенный султан Сулейман – *да пребудут над ним милость [Божья] и прощение* ('алайхи-р-рахмати ва-л-гуфран) – простер свое победоносное знамя в направлении Багдада, пресловутый хан также вступил под сень его благосклонности, а также взнуздал скакуна своего отправления [в поход] уздою пышности и смелости ради завоевания злосчастной страны Венгрии (Унгурус), [один] из сыновей хана, калга Эмин-Гирай[722], ухватился рукой за стремя раболепной покорности, благодаря чему голова его гордости достигла апогея счастья. В ту пору главы ногайского народа и [один] из злонравных потомков Идигу, 'Али-мирза[723], подняли обломанную деревяшку непокорности на плечи мятежа,

Мисра'

ز برلاس و آس و ترک و تاتار

«Из барласов, асов, турок и татар»,

с помощью [этих] разнообразных народов он хлестнул кнутом старания по коням их отваги с веревочными стременами и прибитыми задом наперед подковами, в соответствии со смыслом бейта:

Ah itme nal-i esb nişanın görüp dila

Şayed kimesne işide yerin kulağı var

«Не вздыхай, о сердце, если увидишь след от подковы лошадиной.

Возможно, кто-нибудь услышит, [ведь] у земли есть уши»[724],

угрожающий звук скакунов погрязших в пороках ногайских отрядов с доносившимся издалека колыханием воздуха дошел до слуховых каналов пресловутого хана, и тогда Кайсуни-заде, покойный Нида'и-

[722] Эмин-Гирай (ум. 1551) – крымский царевич, старший сын крымского хана Сахиба-Гирая. Занимал пост калги в 1537–1551 гг.

[723] Али-Мирза – ногайский князь, сын бия Ногайской Орды Юсуфа (ум. 1554). Совершил в 1548 году набег на Крым, в ходе которого был наголову разбит крымским войском и бежал с поля боя.

[724] Строки из дивана османского поэта Баки (ум. 1600).

Ходжа[725], чей приятный на вкус шербет знания дарил жизнь душам знатоков наук [во всем] мире, прибыл в Крым из Рума в качестве врача, явился на пиршество дружбы, и мастерство пресловутого учителя (мавлана) в оккультных науках (‘улум-и гариба), в частности в гадании на песке (рамл) и астрологии – подобно солнцу посреди дня (ка-ш-шамс фи-васати-н-нахар) – был испытан на гадальной дощечке (тахта-и рамл) опыта осведомленными людьми, так что, когда во время появления урагана жаждущего мести врага его спросили о толковании того, на какой день указывают движения высших светил, знаток тонкостей выступающих [ввысь] уровней небосвода и мастер вогнутых [вглубь] слоев земли сделал вывод и заключение о том, что источающее сияние светило задавшего вопрос достигло апогея победы и удачи, а несчастная звезда бесцельно бегущих по степи неудачи опустилась на счастливый [нисходящий] узел (‘укда)[726] неудачи, а значит в такой-то час, когда он войдет в пределы Крыма, Йеменская звезда (Сириус – примеч. пер.) его жизни вместе со связанными с ней вещами и принадлежностями склонится к закату небытия, так что все приготовили боевых коней и стали дожидаться битвы. Когда наступил обещанный срок, пришло вражеское войско, и полки (ката’иб, тж. «письмена» – примеч. пер.) крымского хана приготовились записаться на войну и сражение, отчего они все вместе пришли к единодушию в вопросе «*пусть будет убит каждый, кто приносит вред*» (куллу мудиррун йуктал), и из отсеченных голов тех заслуживших смерти [людей] образовались многочисленные насыпи, так что указанный господин снискал среди татар известность как Реммал-Ходжа и получил признание у стариков и молодых. До тех пор эмиры татарских племен Ширин, Барын, Аргын и Кыпчак выделялись среди других племен прозванием «карачу», так что указанный хан относился с уважением и почтением к главам племени Сиджиут[727], а также за оказанную ему убийцей хана Ислам-Гирая, Баки-беком, недозволенную услугу он дал

[725] Ша‘бан Нидаи Анкарави, также Кайсунизаде Нидаи Реммаль Ходжа (ум. 1567) – придворный поэт, врач и астролог, бывший близким другом и наперсником крымского хана Сахиб-Гирая. Автор исторического сочинения «Тарих-и Сахиб-Гирай-хан».

[726] В средневековой астрономии точки пересечения лунной орбиты с эклиптикой назывались «узлами» или «точками Дракона». Хвост Дракона (лат. Cauda Draconis, араб. ‘Укдат аз-занб) – нисходящий (южный) узел орбиты Луны, который в астрологии считается имеющим злотворное влияние, аналогичное влиянию Сатурна.

[727] Сиджиут/Сиджевут – род крымских беев, восходивший к монгольскому племени сиджиут.

ему во владение племя Атай-Ходжа[728], оказав [тем самым] помощь членам [рода] Мансур[729]. Когда дом человеческого бытия, служивший местопребыванием султанской души, обветшал и разрушился, поскольку древним обычаем со стародавних времен было постепенное уничтожение несущей стены старого и едва готового обрушиться балкона иногда течением времени от собственной смерти, а иногда его мгновенное разрушение и разграбление резким ветром скоропостижной кончины, чей срок [назначен Божьим] приговором, примерно в девятьсот пятидесятом году (1543–1544 г. – примеч. пер.) фундамент дома жизни Сахиб-Гирай-хана был подмыт течением бурного потока падишахского гнева, который тёк по долине пересказа и изложения благодаря арыку кончика пера. Хотя пресловутый хан был знаменит тем, что был обладателем разума, проницательности и отличался ревностностью, он был слишком ограниченным и вспыльчивым, а также отмечен пороком разбивания сердец. Отправив выдающегося представителя людей искусства, покойного Нидаи Эфенди, к государеву престолу, чтобы заявить ему о каком-то деле, а когда тот возвращался после выполнения услуги, он без всяких причин поверил пристрастным людям, раскрывшим рты для клеветы со словами: «Он в присутствии падишаха обвинил Ваше Высочество в предательстве», заключив его на семь лет в тесную темницу, служившую образцом адской преисподней, и многократно выводя его на площадь убийства и казни, тем самым устрашая его и причиняя ему страдания. Упомянутый господин написал в той темнице разнообразные сочинения, в которых написано о том, скольких даров и благ он удостоился от Истинного (Аллаха – примеч. пер.).

Девлет-Гирай-хан ибн Мубарак-Гирай Султан ибн Менгли-Гирай-хан ибн Хаджи-Гирай-хан. Когда число лет отца указанного [хана], Мубарак-Гирая, достигло степени тридцати, его душа отправилась в высшую вечную обитель на шесть месяцев раньше его отца, Менгли-Гирай-хана, а Девлет-Гирай был [еще] малолетним ребенком, и его дядя Мехмед-Гирай-хан, а затем другой дядя, Са‘адет-Гирай-хан, ввели в дворцовый гарем замужества его мать, благодаря чему она находилась под покровительством двух пресловутых [ханов], и когда Гази-Гирай был убит, а калга Са‘адет-Гирай одернул свой подол от принятия

[728] Имеется в виду род Ходжа-Атай, который мог быть связан своим происхождением с суфийскими шейхами тариката ясавийа и был присоединен Сахиб-Гираем к бейскому роду Мансур.

[729] Мансур – крымское ответвление ногайского рода Мангыт, которое восходит через биев Мансурульской Орды к бию Мансуру (ум. 1427), старшему сыну Идигея.

ханского достоинства, направившись к падишахскому порогу, он стал спутником указанному [лицу] и таким образом был постоянным членом двора султана Сулеймана в походах и в мирное время, по велению [Божьего] приговора его предшественнику Сахиб-Гирай-хану в «день непрерывного злосчастия» (йаум-и нахс-и мустамирр)[730] понадобилось выступить в сторону Черкесии, и когда он проходил поблизости с Кафой, один человек из членов его свиты, служивший предметом шуток и насмешек, пригласил его в свой сад с видом на указанную крепость, а хан, в соответствии со смыслом бейта:

تواضع زگردن فرازان نکوست
گدا گر تواضع کند خوی اوست

«Скромность украшает тех, кто ходит с высоко поднятой головой,
Если же скромность проявляет нищий, то таков его нрав»[731],

ступил ногами снисхождения, удостоив его стопы своей скромности, и тогда один не ведавший границ и нечестный воин из военных сословий, собирающий подати для Османов, протянул свои длинные волчьи зубы алчности и несправедливости к стаду подданных [султана], и ему пожаловались на это, его вызвали и выразили [ему] гнев и ярость, охватившие всех людей, указанное лицо не вынесло бремени обиды, и открыло рот для возмущения со словами: «Этот кусок хлеба был дарован государем, а посему нет необходимости во вмешательстве кого-то другого», что еще больше разозлило пресловутого хана, а его недоброжелатели и враги залили в другую форму его бесполезные слова: «По велению государя эпохи, земли, находящиеся за тем местом, где во время завоевания располагались пушки, были подарены и даны во владение нашим предкам», отчего они приняли смысл, противоречивший мазхабу[732] спасенной [общины][733], и когда до августейшего слуха было донесено, что он заявил, будто указанная крепость лежала за пределами хранимых владений государя, и он окружил и заново отстроил труднодоступные места с дурным намерением овладеть ими, его племянник Сафа-Гирай, тративший впустую свое время, именуясь ханом в области

[730] Коран, 54:19.
[731] Строки из «Бустана» Саади.
[732] Мазхаб – название течения, направления или школы в области богословия (калам) или религиозного права (фикх).
[733] Аллюзия на хадис пророка Мухаммада: «Моя община (умма) разделится на семьдесят три течения, и только одно из них спасется». Представители разных направлений ислама претендовали на роль «спасенного течения» (фиркат ан-наджийа), о котором говорится в хадисе.

Казань, оставил пристанище жизни, а жители области сообщили о положении посредством прошения о назначении [ханом] сына покойного, Бёлек-Гирай-султана[734], и тогда Сахиб-Гирай воздержался от того, чтобы прислать указанного султана и, смутившись по какой-то причине, затворился в крепости страданий и трудностей, сочтя тягостным для себя даже то, что Девлет-Гирай-Султан, чей венец гордости был украшен жемчугами благосклонности достопочтенного падишаха [той] эпохи, Султана Сулеймана, находился на государевой службе, и таким образом, преследуя маловероятный замысел отдалить его от дверей счастья (Счастливой Порты – примеч. пер.), а затем казнить и обречь на мученическую смерть клинком коварства, он написал письмо с мольбою, в котором попросил направить указанное лицо к порогу Счастливого Обиталища и назначить его ханом в указанную область (вилайат), отчего зерцало души покорившего мир шахиншаха покрылось ржавчиной обиды, и он сказал: «Нужно устранить и уничтожить основание бытия упрямцев, сделавших пролом в стене [наших] владений», решив своим мудрым усмотрением назначить наказание, и сперва в знак благоприятствования его желанию и чаянью поймать и казнить того дикого волка, для чего он сделал ловушкой назначение султана ханом в Казань и передал Девлет-Гираю грамоту на ханское правление, после чего, направив послание также и Сахиб-Гираю, ввел его в заблуждение и, дабы выслать его подальше за пределы Крыма, повелел ему отправиться походом на племя Жанэ[735], которое было одним из черкесских кланов, собиравшихся поднять мятеж против султана [того] времени и крымских ханов. Простодушный хан незамедлительно и опрометчиво засучил рукава усердия для возмездия упомянутому народу, а также поручил своему калге Эмин-Гирай-султану охранять с двадцатью тысячами воинов Феррах-Керман, и когда он сам переходил вместе со всеми татарами через Тамань, то Девлет-Гирай, как хан Казани, выдвинулся по сухопутному пути и бросил седло постоя в степи Ак-Кермана, а его человек по имени Ханверди, получивший поручение вести разведку и шпионаж, вручил письмо с выражением любви, написанное им сломанным у кончика карандашом лицемерия, [в котором] доложил и сообщил о том, что он надеялся [получить] дорожные припасы для отправления в область Хаджи-Тархан: «Мы передали рассмотрение дел в руки воли Эмин-Гирая», указав на

[734] Бёлюк-Гирай (ум. 1551) – крымский царевич и калга (1551).
[735] Жанеевцы (жьанэ) – адыгское племя, жившее в XVI–XIX вв. в Восточном Приазовье.

языке намёка – «*язык состояния красноречивее языка слов*»[736] (лисан ал-хал антак мин лисани-л-макал) – на преследуемое им дурное намерение. Когда указанное лицо в порядке шпионажа донесло до чертога прозорливого султана количество [воинов], прибывших из семи климатов внутри и снаружи [владений] крымского хана, большая часть военных людей вступила под сень склонившегося перед судьбой ханского знамени, удостоверившись и убедившись в том, что Крым был безлюден и свободен от военного люда, после чего он сказал, что [настало] подходящее время для исполнения судьбоносного приказа султана, бывшего твердыней его души и амулетом на шее его чаяний, и на двух суднах из указанного места бросил якорь безопасности в порту Гёзлева, взнуздал уздою поспешности приготовленных в окрестностях города быстроногих коней и приготовил целительный бальзам вызволения для застарелой [и] причинявшей боль раны Бёлек-Гирая и Мубарак-Гирая, которые томились в тюрьме Инкермана[737] с болью от раны длительного заточения, сделал их [своими] помощниками и единомышленниками, обнародовал приказ о своей ханской степени, так что жители страны, находившиеся в Бахчисарае и других городах и селах – «*во всём новом есть удовольствие*» (ли-кулли джадидин лазза) – читали ртом покорности касыды с похвалою и опустили головы [в знак] послушания, и когда калга Эмин-Гирай проведал об этом и приготовился к сражению в первой войне, его охватили снаружи и изнутри страх и боязнь, вызванные воздействием сердечного расположения падишаха, отчего он без [всякого] боя и сражения направился по пути бегства, и страшная весть об этом дошла до ушей Сахиб-Гирая, так что [он впадал в] желание то вступить в долину бегства, то поставить стопу в круг твёрдости и стойкости, борода его мыслей была выкрашена краской беспокойства и огорчения, и новый хан, дабы вести дела своего государства, утвердить их на новой основе и пролить капли неприятной воды вражды на внутренние покои прежнего хана и населения, поручил разрушение возведенного десницей могущества Господа величия дворца неустоявшейся жизни нескольких не достигших совершеннолетия детей и внуков Сахиб-Гирая по имени Хаджи-Гирай, сын Эмин-Гирая Кутлу-Гирай и Джа‘фар-Гирай населению и отправил Бёлек-Гирая, которого он прежде освободил из тюрьмы бедствий и невзгод, вменив ему в обязанность оказание помощи и со-

[736] Один из вариантов высказывания, приписываемого ‘Али ибн Аби Талибу.

[737] Инкерман – город на юго-западе Крымского полуострова. В настоящее время входит в состав Балаклавского района Севастополя.

действия, с пятьюстами храбрыми мужчинами на Таманский перешеек, дабы он разрушил и уничтожил возведенную издревле крышу основания канцелярии жизни хана, от которого отвернулась удача, а сам поставил шатры засады и поджидания в окрестностях расположенного на его пути города Салката, дабы несправедливо пролить кровь Эмин-Гирая, чьей казни он жаждал, [словно] губы, жаждущие вина. Сахиб-Гирай-хан на скакуне смятения и тревоги прибыл в место под названием Кадимат, и когда до ушей войска дошло, что его преемник Девлет-Гирай положил товары своего намерения в лавочку достижения, взвесив неправильным безменом [слов] «*мир – это безмен, а я – более весомый [груз]*»[738] (ад-дунйа каббан ва ана ма'а-р-руджхан) – на чаше весов внимания и послушания то, что они склоняются к новому хану, непременно положил драгоценный камень его дорогой души в ларчик безопасности и сохранил [его там], и, чтобы доставить его к дверям государя, он потерял лицо (букв. пролил воду лица – примеч. пер.) [обратившись с] просьбой к полчищу принятых им на службу воинов и положив седло отчаяния и лишения у стен Темрюка[739], и когда он зачитал судьбоносный фирман, в котором говорилось о размещении у указанной крепости находившихся на службе у султана военных подразделений и боевых орудий после [ее] сдачи,

Бейт:

كدامن نعمت الوان بود در خاک غير از خون

زخجلت بر نميدارد فلک سرپوش ازين خوانها

«Какое еще благо на земле является цветным, кроме крови?

От стыда не снимает небосвод покровов с этих застолий»[740],

первоначально напоить и утолить жажду вином отравленного меча было поручено Бёлек-Гирай-султану, которого он опасался отправлять в область Хаджи-Тархан, и которого он мучал и беспокоил длительным заточением, [и тот] оказал [эту] недозволенную услугу, вернувшись и положив на носилки труп мученика, и когда до ушей нового хана дошла пугающая весть о том, что он подошел близко к городу Салкат,

Мисра'

چون کشتهٔ حافظ را خود تعزيه ميداری

«Сам убил ты Хафиза и сам оплакиваешь его?»[741],

---

[738] Арабская пословица.

[739] Темрюк – населенный пункт на Таманском полуострове, расположенный на территории современного Краснодарского края.

[740] Строки из газели Са'иба Табризи.

[741] Строки из дивана Хафиза.

из-за его неприятного цвета хан и эмиры по древнему обычаю Чингизидов сменили свои красные и белые одежды на черные, проведя траурные обряды, а затем заняли укромное место в уголке исчезновения в известной усыпальнице, построенной Хаджи-Гирай-ханом в знаменитом месте под названием Саладжык, одном из предместий Бахчисарая. Поскольку на церемонии похорон мученика присутствовал Кайсуни-заде Нида'и Эфенди, ему было очевидно, что его израненное тело было поражено в семнадцати местах, подобно языку влюбленного, так что в одном своем поэтическом трактате он ртом сожаления и языком скорби читает посмертную элегию о страданиях и горести. Девлет-Гирай-хан, не обрадовавшийся тому, что его предшественник был ранен кинжалом смерти и небытия, устранил и потушил посредством одного заслуживавшего смерти нечестивца по имени Сокур Джайш[742] (?) из эмиров [рода] Ширин пламя лишенной благодати жизни плода древа его сердца, четырнадцатилетнего луноликого [юноши] Гази-Гирая, а когда калга Эмин-Гирай ради спасения своей жизни направился в степь Феррах-Кермана, вероломные слуги, питавшиеся яствами со стола его благодеяния, оказались разрознены и рассеяны, как и их весьма затруднительное положение, и только лишь одна неблагодарная собака по имени Ит-Ходжа (?) бегала на протяжении пяти-десяти дней перед ними на лапах лести и в один [прекрасный] день получила возможность, тогда он бросил причитающееся по праву благодетелю в пустыню небытия и длинными зубами меча коварства укусил и погубил их, его мученически погибшее тело, подобно редкостному дару, было положено у подножия ханского престола с надеждой на кость благодеяния, в силу [своего] вероломства [он] сделал этого неблагородного [человека] погремушкой [для] меча наказания и подвесным светильником [на] рынках и базарах, устроив городское празднество назидания [для других]. Поскольку, когда еще прошло не так много времени после того, как легкомысленный Бёлек-Гирай достиг степени калги, погрузив на шею своего обязательства тяжкий груз смертоубийства,

Бейт:

درین فیروزه ایوان پر افات

بدیرا بد بود اخر مکافات

«В этом полном бедствий бирюзовом чертоге (в мироздании – примеч. пер.),

За злодейство в конечном счете будет воздаянием зло»,

[742] سقور جیش

в соответствии с Господним повелением, выпущенным диваном [Божественного] приговора и предопределения, в пору веселой и разгульной жизни и во время радости и благоденствия вино крови Сахиб-Гирая наполнило до краев чашу мозга Девлет-Гирая сожалением и гневом, отчего он под первым же предлогом направил острый кинжал [слов] «*обрадуйте убийцу вестью о [его] убийстве*» (башшири-л-катил би-л-катл)[743] и возвел султана-убийцу в степень убиенного, исполнив непреложную заповедь «*Для вас в возмездии – жизнь*»[744] и оживив с помощью выморочного престола плод его сердца, саженец мертвого сердца Ахмед-Гирая[745]. Посаженное Девлет-Гирай-ханом на поприще судьбы ради получения урожая, достатка и независимости древо старания и усердия, принесло плоды и оказалось плодоносным, оправдав его желание, так что он наложил печать овладения на бескрайние владения его предшественника, скрытые им в силу далеко идущих чаяний в сокровищницах запасания, в особенности, разные виды скота, насчитывавшие более ста тысяч [голов], четыре тысячи светлокожих наложниц и рабов черкесского происхождения. Достоверно известно, что большинство начальников, которые теперь назначаются ханами и султанами на должность «капыкулу», являются потомками военнопленных, захваченных Сахиб-Гираем. Хотя Девлет-Гирай-хан сперва осмелился ради сохранения своего непрочного положения погубить недооцененный драгоценный камень душ мусульман, однако потратил звонкую монету усердия на базаре джихада и походов и на рынке битв и сражений, и когда из-за слабости и беспорядков, проявившихся среди жителей области Хаджи-Тархан, русские разбойники протянули [к ним] ногу захвата, отмеченный храбростью хан с настигающим неприятелей татарским войском прочитал действенную «молитву меча»[746], изгнав из указанной страны войско шайтанов и разгромив [их], а когда он возвращался, захватив бесчисленное [множество] трофеев, то с помощью незаконной сделки (бай‘-и фасид) [обращения к хадису] «*неверие – это одна [единая] религия*» (ал-куфру миллатун вахида) разменял медный лом ложного мазхаба своих подданных нечистого

[743] Слова, приписываемые пророку Мухаммаду. Смысл слов подразумевает неотвратимость для преступника казни, установленной шариатом в качестве наказания за убийство.

[744] Коран, 2:179.

[745] Ахмед-Гирай (ум. 1555) – крымский царевич, сын Девлет-Гирая. Занимал пост калги в 1551–1555 гг. Погиб в битве с русскими при Судьбищах.

[746] В турецком фольклоре распространены защитные заклинания, получившие название «молитвы меча» (seyf duası).

персидского (‘аджам) происхождения на бесполезную железную сурьму русских, и проклятый безбожник, прославившийся своим прозвищем Шеремед[747], ошибочно [образованным] от [слова] «шир-мард» (перс. «отважный», букв. «человек-лев» – примеч. пер.) по причине своей свинской дерзости и собачьей борзости, который оживил их застойную торговлю и проявил себя на некоторых поприщах, стал военачальником войска из девяноста с лишним тысяч шайтанов и пламенем светлячков сборища преследователей посыпал искры на головы единобожников,

Бейт:

زود در گل مینشیند کشتئ سنگین رکاب

چار پهلو میکنی تنرا زاب و نان چرا

«Быстро садится на мель корабль с тяжелым грузом.

Зачем же ты заставляешь тело лежать на боку, [набивая его] водой и хлебом?»[748],

Бремя захваченного имущества связало руки татар [для] битвы [и] сражения,

Бейт:

بسا شیر شرزه بهنگام صید

دهد جان شیرین چشد زخم چند

«Сколь много львов хищных во время охоты

Лишаются сладости жизни, вкушают раны»,

отчего по неожиданной случайности сокол апогея храбрости ханских сыновей, калги Ахмед-Гирая и Хаджи-Гирая[749], и птица ознаменованного множеством побед духа остальных султанов, эмиров и воинов воспарили вместе с обитателями священного мира, отчего проявились признаки того, что нутро великого древа сердец мусульман было отмечено осенью слабости и лишения, понеся поражение от тоски и сожаления, и тогда [один] из доблестных сынов пресловутого хана (Девлет-Гирая – примеч. пер.), Мехмед-Гирай[750], которому было велено защи-

[747] Иван Васильевич Большой Шереметев (ум. 1577) – окольничий, боярин и воевода Московского государства, член Избранной рады и влиятельный член Земской боярской думы. Принимал активное участие в походе на Казань, в Ливонской войне и других военных кампаниях русского государства. В 1555 г. во время похода в Крым Шереметев узнал о движении войска Девлет-Гирея к Туле и в сражении у села Судбищи (в 150 км от Тулы) вступил в бой и нанёс поражение ханскому авангарду.

[748] Строки из газели Са’иба Табризи.

[749] Хаджи-Гирай (ум. 1555) – крымский царевич, сын Девлет-Гирая. Погиб в битве с русскими при Судьбищах.

[750] Мехмед-Гирай II (ум. 1584) – крымский хан, правивший в 1577–1584 гг. Занимал пост калги в 1555–1577 гг.

щать Крым, счёл выходящим за рамки благородства прятаться в доме праздности и спать в постели покоя, отчего он вместе с татарскими храбрецами, которых он сумел собрать и стянуть [в одно место], снарядил и украсил красиво гарцующего коня взаимопомощи и поддержки золотым украшением [хадиса] «*Знайте, что рай – под сенью мечей*» (и'ламу анна-л-джанна тахта зилали-с-суйуф), появившись и возникнув, подобно дождю [Божьей] милости, в необычное время, и туча победы подула с небес сокровенного [мира], подарив жизнь и донеся милость до страдающих от жажды в пустыне Кербелы бедствий, цветник души единобожников зацвёл и посвежел, а терновник черствых сердец многобожников сгорел в огне бесчестия и поражения, после чего охваченная волнением храбрости голова Мехмед-Гирай-султана была удостоена чести соболиной шапки калги, [доставшейся ему] от его оставшегося без наследников брата, а покрытые доспехом плечи – роскошных султанских одеяний. Эта величественная победа привела к увеличению степени крымского хана, так что он многократно ходил с походами в страны неверных с настигающим врагов татарским войском, в частности, сорок дней держал в осаде и под натиском город Москву, столицу построенной на лжи страны злосчастного русского народа, подвергнув указанный народ страданиям и устрашению, отчего они обязались ежегодно отправлять деньги и подарки, называемые у татар словом «тыйыш»[751], на какое-то время наложив на открытые двери походов и бедствий замок мира и спокойствия. Когда удостоенный места в раю достопочтенный падишах и обретший обиталище в райских садах Султан Сулейман – *да освятит Аллах его довод* – изволил выдвинуть счастливое и победоносное знамя в несчастную Венгрию, калга Мехмед-Гирай вошел под сень штандарта милосердия и встал в круг служения ему, благодаря чему был удостоен взора царской благосклонности. В ту пору Вечная Высокая Держава (Османская империя – примеч. пер.) продавала на пронизывающем душу базаре кызылбашей редкостные багровые ткани сражения времени, и называемая Танаисом река Тын (Дон – примеч. пер.), которая течет на запад, огибая с юга в трёх фарсахах[752] реку Итиль, протекающую на восток от своего истока, и впадает в Азакское озеро (Азовское море – примеч. пер.), а река Итиль выходит на юг от своего истока и

[751] Термин, означающий «причитающееся», «полагающееся» (ср. совр. каз.-тат. тиеш). Русским аналогом в исторических документах этого периода являются термины «дача» или «поминки».

[752] Фарсах – мера длины в странах Ближнего Востока. В Османской империи была равна примерно 5,55 км.

впадает в Хазарское море (Каспийское море – примеч. пер.) у крепости под названием Аждархан (Астрахань – примеч. пер.). Когда сообщение и донесение мирмирана[753] Кафы, Касым-паши[754], о том, что «[если] прорыть пресловутое расстояние в три фарсаха, благодаря чему две указанные реки соединятся воедино, так что проявится смысл [аята] «*Он смешал два моря, которые встречаются друг с другом*»[755], тогда исламские суда смогут пройти через Константинопольский пролив в Черное море, оттуда – в Азакское озеро, оттуда – по рекам Тын и Итиль в Хазарское море, и можно будет озарить лучом украшенного каменьями меча воинов расположенные на другом конце [моря] Ширван[756], Дерьян[757] и в целом страну Иран, даже, подобно Искандару – земли неверных, вплоть до Моря мраков[758]», было вознесено к подножию государя, были отправлены несколько тысяч государевых слуг (капы-кулу) с принадлежностями для рытья и копания [земли], указанному паше как сераскиру[759] было поручено завершить [это] задание, вместе с пресловутым [пашой] Девлет-Гирай-хану в одностороннем [порядке] в качестве искренней помощи были доставлены жалованные государем одежды и письмо августейшего хранителя мира, и после прохождения [ряда] погостов они дошли до назначенного места, сперва после восстановления крепости Аждархан пресловутые земляные [работы] были доведены до половины, а когда указанное местоположение приблизилось к девяностой широте, после наступления августа, когда начали дуть сильные ветры, пошли дожди и выпал снег на высоту копья, среди людей пошел ропот о том, что невозможно вынести лютые морозы, и сборище подонков по своему

---

[753] Мирмиран – военный титул османских пашей, аналогичный титулу бейлербея, правителя эялета.

[754] Черкес Касым-паша (XVI в.) – османский паша, бейлербей (мирмиран) Кафы. Османский султан Селим II отправил его весной 1569 г. в армией в Волго-Донское междуречье с повелением соединить Каспийское море с Азовским, занять Астрахань и основать там крепость.

[755] Коран, 55:19.

[756] Ширван – историческая область в Закавказье, на западном побережье Каспийского моря.

[757] Дерьян (Дарьяльское ущелье) – ущелье реки Терек на Кавказе, через которое проходил единственный путь из Закавказья на Северный Кавказ.

[758] Море мраков (араб. бахр аз-зулумат, перс. дарйа-йи зулумат) – одно из названий Мирового океана, который, согласно представлениям античных и средневековых мусульманских географов, опоясывал землю.

[759] Сераскир (перс. сар-‘аскар, «глава войска») – главнокомандующий войсками в Османской империи. В более широком смысле любой крупный военачальник, которому поручено командование армией.

обыкновению воспользовалось возможностью, чтобы разойтись по своим родным гнездам, и рассеяло яд пререканий и непокорности, что вызвало недоумение у военачальников, которые заявили о том, что не могут перевозить инструменты и снаряжение, неудачно сменив при копании земли ее ломание на пробуравливание и действуя с ловкой искусностью при отступлении назад. Хитрые и лживые начинания, предпринятые под благовидным предлогом вероломным ханом, опасавшимся, что в случае, если граница указанных областей будет проходить за пределами области Крым, страна, которую ханы постепенно прибрали к рукам овладения, будет присоединена к Хранимым областям (мамалик-и махруса, территории Османской империи – примеч. пер.), привели к преждевременному возвращению, и исламское войско попало в жаркую и знойную степь, подобную голой пустыне, много дней роскошь живительной воды была скрыта на дне ямы небытия, отчего победоносное войско утром смачивало языки каплями росы, которые были на листьях [растений] и траве, так что в той безводной и лишенной растительности пустыне сгинуло больше половины войска, и некоторые недалёкие умы относят то, что [им пришлось] жарить змей и скорпионов [на кострах], на счёт пинка подстрекательства и побуждения крымского хана. Но набравшиеся в [этом] мире опыта осведомленные люди, так или иначе, сочли правильным воздержаться от этого суждения, и результат их предварительных приготовлений к рытью канала и соединению двух рек в виде того, что подразумеваемые [нами] суда бросят якоря в порту прибытия, не был очевиден, потому что в основной части Азакского озера не было глубины для движения больших судов, а поскольку в указанном море и в Черном море в основном бывают сильнейшие штормы и волны, отчего частая навигация и применение маленьких лодок не только создает опасность, но и в ту пору, когда Высокая Держава занята [войнами с] другими врагами, народ Московии скорее всего нарушит договор и воспользуется возможностью, чтобы поднять мятеж и протянуть руки грабежа к Черному морю, в настоящее [время] необходимо оставить [этот замысел] и пренебречь им, [а потому] главы народа показали на ржавом зеркале подонков из разбитого хрусталя уродливый образ своего возвращения, явивший лик пиршества созерцания, и освободили воротник души от десницы взыскания [со стороны] тогдашнего султана. В [месяц] сафар девятьсот восемьдесят пятого года (май 1577 г. – примеч. пер.) указанный хан, раненный копьем безжалостной чумы, освободил воротник от упреков недоброжелательных врагов, повернулся в Ханской мечети Бахчисарая в сторону киблы и спиной к бренной земле, а спустя

некоторое время был снова построен Высокий купол. Срок его правления составил двадцать семь лет и четыре месяца, а срок его жизни – шестьдесят семь лет. Жирный кусок правления Крымом перешел к наследнику престола, наследовавшему своему отцу, калге Мехмед-Гираю Толстому, а его брат, ʻАдил-Гирай[760] сподобился доли калги и сразу же отправился в поход на Иран, и новому хану тоже было велено отправиться в указанном направлении, его величина и большой размер привели в Баб ал-Абвабе (Дербент – примеч. пер.) к медлительности [в] ходьбе и передвижении, а когда Лала Мустафа-паша[761] вернулся в Высокую Порту (Стамбул – примеч. пер.) и посадил своего дорогого сына Осман-пашу (?) у изголовья навеса наместничества (должности садразама – примеч. пер.), это задело туго соображающего хана, отчего он хлестнул плетью дозволения и разрешения по определенному в область Гянджи разнузданному татарскому войску, после чего предал огню разграбления и расхищения семейный очаг плательщиков джизьи области Ширван, определенной в качестве зимних квартир, и прошло не так много времени с тех пор, как он без падишахского повеления оставил [там] своего брата ʻАдил-Гирая и сына Саʻадет-Гирая[762], а сам направился в долину [своей] родины, как прибытие в Тимур-Капу (Дербент – примеч. пер.) Саʻадет-Гирая, показавшего быстроногому коню соперничества прогулку избегания, пришлось на подобное светопреставлению время выдвижения осененного победой войска из области Шемахи[763] и заложения [ими] основы сражения и битвы с кызылбашскими полчищами, так что неожиданное прибытие татарских воинов позволило укрепить сердца суннитов и привело к разгрому притязающих на любовь к Семейству [Пророка], после возвращения османского войска в Шамахи и [отъезда] Саʻадет-Гирая в Крым калга ʻАдил-Гирай вызвался добровольцем,

[760] ʻАдил-Гирай (ум. 1579) – крымский царевич, сын крымского хана Девлет-Гирая I. Занимал пост калги в 1577–1578 гг.

[761] Лала Кара Мустафа-паша (ум. 1580) – османский военный и государственный деятель сербского происхождения. Был главнокомандующим османской армии в персидской кампании 1578–1579 гг. и занимал пост садразама при султане Мураде III в 1580 г.

[762] Саʻадет-Гирай II (ум. 1587) – хан Крыма в 1584 году, старший сын крымского хана Мехмед-Гирая II. В 1578 г. занимал пост калги, а в 1578–1584 гг. – пост нураддина.

[763] Шемаха (Шамахы) – город в юго-восточных предгорьях Большого Кавказа, расположенный на территории современного Азербайджана. 26 ноября 1578 года состоялась битва за Шемаху между сефевидским войском и османской армией, в состав которой входило войско крымского царевича ʻАдил-Гирая.

чтобы ограбить и разрушить Гянджу[764], и в те дни, когда находившиеся с ним быстрые, [словно] ветер, и привыкшие к грабежам татары рассеялись по странам, а сам он вместе с личной стражей (капу-халкы) поселился в окрестностях Махмудабада[765], небольшая кучка татар не осилила сопротивления внезапного осыпания остроконечных зубов главаря толпы бривших подбородки кызылбашей, Шах-заде Кочкапана Хамзы[766], а приведенный [Божественном] приговором [к власти] султан попал в силки плена, горстка заколотых баранов, спасшихся от волчьей пасти коварного меча, по воле и благодаря покровительству Шакая Мубарак-Гирая[767] достигла пастбища безопасности. Тогдашний правитель страны Иран, Худабенде[768], был предусмотрительным и признательным, а потому он очами сострадания бросил взор милосердия – «*будучи почтенными, проявляйте милость к презренным людям*»[769] (ирхаму азизан кауман залл) – на настрадавшегося султана, который, дескать, был влюблен в государственный трон, и узнал, что на тайном собрании дочери винограда (бинт ал-ʻинаб) (винном возлиянии – примеч. пер.) [в честь] почтенного гостя красноголовые упрямцы (кызылбаши – примеч. пер.), опьянённые вином гордыни, не перенесли того, что в самый разгар дружеской пирушки он бесстыдно и откровенно (букв. без узды и покрова – примеч. пер.) уединился для беседы с его супругой и сестрой,

Мисраʻ

Yok oyını penbe ile ateşin

«Не шутит огонь с хлопком»,

и вымазали грязью невиданного оскорбления чистый подол обладателя чистой веры (суннита – примеч. пер.), приготовив безвкусные сласти сговора для того, чтобы дать испить чашу гибели любящей шаха жене и сестре ни в чем неповинного султана, а законная супруга шаха находит прибежище в постели шаха, дабы высвободить горлышко благоухающего амброй графина и мягкую шею своей жизни из его грубых,

---

[764] Гянджа – город на западе современного Азербайджана, один из центров исторической области Арран.

[765] Махмудабад – город на северо-западе Ирана, в современной провинции Западный Азербайджан.

[766] Кочкапан Хамза-Мирза (ум. 1588) – наследный принц (шахзаде) из династии Сефевидов, старший сын сефевидского шаха Мухаммада Худабенде.

[767] Шакай Мубарек-Гирай (ум. 1593) – крымский царевич, сын крымского хана Девлет-Гирая I. Занимал пост нураддина в 1584–1588 гг.

[768] Мухаммад Худабенде (ум. 1596) – шах Ирана из династии Сефевидов, правивший в 1578–1587 гг.

[769] Высказывание, приписываемое пророку Мухаммаду.

беспощадных и безжалостных рук, и надеется на вытекающее из супружеских уз прощение, но пресловутый шах отрезал вервь своего достоинства ножницами старения,

Бейт:

دولت اگر دولت جمشیدیست

موی سپید آیت نومیدیست

«Если государство – Джамшидово государство,

Седые волосы – знамение безнадежности»[770],

и отражающее мир зеркало его милых глаз в эпоху его отца, неучтивого Тахмасба[771], было повреждено склонностью к власти, так что стекло его авторитета разбилось, кроме того бытие царевича Хамзы, восседавшего на стуле славы и отваги и осененного удачей во время правления, было убито острым кинжалом его очаровательного возлюбленного, персидского юноши, кровожадного Джуди, отчего он попал на глаза недальновидным сынам [того] времени, [но] его горестная и печальная просьба не подействовала на тяжелые, [словно] камень, сердца спесивых и злобных людей, он обагрил кровью своей возлюбленной красавицы постель натерпевшегося страданий шаха, сжег и уничтожил шелковое покрывало жизни шахской сестры, а разлученного с родиной султана, потерявшегося в степи печали и грусти, бросили в пустыню небытия. Людям известно, что, когда спустя некоторое время осененная счастьем голова сына Худабенде, ʻАббаса[772], была украшена шахским венцом, он отомстил мечом восклицания [о] мести участвовавшим в подлом деянии пролития крови. Редкостное состояние пострадавшего султана показалось на пиршестве всеобщей известности, а когда хан Крыма, молодой саженец оставшегося выморочным поста, пожелал, чтобы в середине великого древа его сердца расцвел цветник желания Саʻадет-Гирая, который был привязан сердцем к розарию его любви, и собрать плоды сада его желания ему не помешало [даже] то, что, в соответствии с Чингизовым обычаем, его брат Алп-Гирай[773] раскрыл в ветхом саду старости рот требования и просьбы, так что он вынужденно определил достаточный годовой доход от находившихся в распоряжении пресловутого хана пристаней и соляных копий, удовлетворив и благо-

[770] Строки из поэмы «Махзан ал-асрар» персидского поэта Низами Ганджави.

[771] Тахмасп I (ум. 1576) – второй шах Ирана из династии Сефевидов, правивший в 1524–1576 гг.

[772] ʻАббас I (ум. 1629) – шах Ирана из династии Сефевидов, правивший в 1588–1629 гг.

[773] Алып-Гирай (ум. после 1598) – крымский царевич, сын крымского хана Девлет-Гирая I. Занимал пост калги дважды в 1578–1584 и в 1584–1588 гг.

расположив Са‘адет-Гирая наделением новой должностью второго престолонаследника. Занимающие указанную должность до сих пор выделяются наименованием «нур ад-дин», поскольку Са‘адет-Гирай прославился тем, что его называли «султаном Нур ад-дина» из-за его связи с Нур ад-дин-мирзой[774], проявлявшейся в его опекунстве над [престолонаследником] в грудном возрасте. Крымский хан направил во второй раз на восток через Тимуркапу (Дербент – примеч. пер.) [одного] из своих сыновей Мурад-Гирая[775], а сам предпочел спокойствие дома беспечности. Когда его снова позвали в злополучный поход на Иран, он подковал своего неблагополучного коня отбытия [прибитой] задом наперёд подковой несогласия, и, когда он прибыл в место под названием Йаланджу (?), в соответствии с непреложным и неотвратимым приговором [Божьим], принес слабые оправдания, пограбил и разорил области Московии, а по возвращении, в соответствии со строгими повелениями хранителя мира (османского султана – примеч. пер.), в третий раз сераскир Осман-паша[776] заложил фундамент стойкости в крепости Баб ал-Абваб (Дербент – примеч. пер.) и взнуздал уздою захвата и овладения разнузданного скакуна области Ширван,

Мисра‘

مرا شیر جنگ و مرا کوه و دشت

«Есть у меня боевой лев, есть у меня гора и степь»,

восклицаньем храбрости он ударил в барабан великолепия и пышности, войдя по не оговоренному [ранее] пути в крепость Кафу, и было решено, что он вернется ко двору, и когда визирь, обладавший распорядительностью Юпитера, прибыл в султанский двор счастья, в соответствии с проявившимся между этими двумя противостоянием и противоречием, хан, чья звезда упала с башни (бурдж, тж. созвездие – примеч. пер.) удачи, убедился в том, что по распоряжению печати украшающего мир [падишаха] ему предстоит сожжение и неудача, а потому с грезой о том, чтобы погубить и устранить свет жизни паши, он под предлогом пиршества пригласил его в город Салкат, по соседству с Кафой, и его отказ принять [приглашение] выявил таившиеся в душе крымского хана непокорность и враждебность, он окружил и осадил крепость Кафу, а калга Алп-Гирай воздержался от противодействия достопочтенному па-

[774] По-видимому, имя одного из беев рода Мансур в Крыму.

[775] Мурад-Гирай (ум. 1591) – крымский царевич, сын крымского хана Мехмед-Гирая II. Занимал пост нураддина в 1584 г.

[776] Оздемироглу Осман-паша (ум. 1585) – великий визирь (садразам) Османской империи (1584–1585).

дишаху [и] прибежищу мира, отказался от своего поста и сделал выбор в пользу того, чтобы быть в подчинении у сераскира, и, допуская, что это приведет к раздору в сердцах татар, отмеченный усердием паша оказал почет и уважение пресловутому султану, облачив его в ханские почетные [одеяния], что распалило огонь упрямства и привело к вспышке костра смуты и беспорядков, и в предместьях крепости Кафа вследствие ошибки в иджтихаде двух противоборствующих отрядов [он] совершил таклид[777], [последовав за] битвой при Сиффине[778], которую следовало избежать, а на пятнадцатый [день] после этого и [по прошествии] сорока [дней] после того, как [он] перенес страдания стеснения осадой – примерно в девятьсот девяносто втором году (1584 г. – прим. ред.), молва о том, что быстропарусный корабль Ислам-Гирай-хана[779], который был посажен крепкой султанской рукой и представлял собой плодоносную пальму в саду избранников правителя мира, бросил якорь в порту безопасности, наполнила до краев паруса ушей безрассудных жителей Крыма, которые были приспособленцами (букв. сыновьями времени – примеч. пер.), сперва ʻАли-бек[780], вообразивший себе, что свяжет двери чистосердечности и приближения в качестве особого друга вервью родственной связи по женской линии с крымским ханом, одернул руки от подола любви к тестю и вошел в круг [приближенных] нового хана, сердца большинства людей склонились к Ислам[-Гираю], а Мехмед-Гирай-хан оказался не способен дать ответ, вследствие чего, намереваясь вступить на колеснице отчаяния и лишения в [установленный на] покосившихся опорах шатёр усердия и поддержки ногаев Итиля, он вошел в местность под названием Канлыджак[781], и тогда подлая судьба положила под ноги колесницы его хождения и выдвижения склизкую глину и дын-

[777] Таклид (араб. «подражание») – термин мусульманского права, означающий следование за авторитетом в вопросах фикха, обладающим правом на иджтихад, со стороны лица, не имеющего подобной религиозно-правовой квалификации. В данном случае аллегория опрометчивого решения, основанного на неправильном понимании ситуации.

[778] Битва при Сиффине (657 г.) – сражение между армиями халифа ʻАли ибн Аби Талиба и восставшего сирийского наместника Муʻавийи.

[779] Ислам-Гирай II (ум. 1588) – хан Крыма, правивший в 1584–1588 гг. Сын крымского хана Девлет-Гирая I.

[780] Али-бей Ширин – предводитель рода Ширин, карачибек. Был женат на Исаян-Султан, дочери хана Мехмед-Гирая II. Несмотря на это, в 1584 г. перешел на сторону хана Ислам-Гирая II.

[781] Поселение у Каркинитского залива на северном побережье Черного моря, на месте современного поселка Каланчак Херсонской области.

ную корку, вымазанную скользким мылом, отчего Алп-Гирай-султан, которому было поручено преследовать и казнить его, бросил свои прежние права в степь ослушания – «*Не ты бросил горсть песку, когда бросал, а Аллах бросил*»[782] – сделав безжалостную тетиву, привязанную к луку небесного приговора, арканом на шее его души, они спрятали его широкое и глубокое тело в тесной могиле в местечке под названием Эски-Юрт[783], расположенном в Бахчисарае. Срок его правления [составил] семь лет и три месяца, а срок его жизни – пятьдесят два года. Новый хан некоторое время занимал в эпоху своего родителя Девлет-Гирай-хана пост придворного, сделав ожерелье служения достопочтенному султану Сулейману, а затем и его почтенному престолонаследнику Селим-хану[784], украшением на шее своей гордости и славы, тем самым сподобившись их царской благосклонности. Когда эти два солнца на небосклоне государства и религии склонились к горизонту высшего рая, звонкая монета внимания и благосклонности достопочтенного султана Мурад-хана[785] [еще] не достигла тех степеней, и в соответствии со смыслом бейта:

Mumiya-yı tesliyet hergiz müfid olmaz bana
Çar-tak-ı iltifat-ı yardan üftadeyüm

«Не принесет мне пользы никогда горный бальзам (мумийа) утешения,
Выпал я из чертога милости друга»[786],

[он] (Ислам-Гирай – примеч. пер.) сидел в углу уединения и перебирал чётки [в] мольбе о счастье, и, чтобы послушать звуки благозвучной флейты в окрестностях обители достопочтенного Мавланы[787] – *да сподобит нас Аллах пользы от его высшей тайны* (наффа‘ана-Ллаху бисиррихи-л-а‘ла), предпочел жить в городе Конья, проводя время в этой благословенной местности. Рисунки большой и малой посылок неприемлемого суждения непокорности Мехмед-Гирая и дурных форм его пререкания, начертанные на неверной копии его нрава, растаяли и ис-

[782] Коран, 8:17.
[783] Эски-Юрт – поселение в юго-западном Крыму, ныне исторический район в западной части города Бахчисарая.
[784] Селим II (ум. 1574) – султан Османской империи, правивший в 1566–1574 гг.
[785] Мурад III (ум. 1595) – султан Османской империи, правивший в 1574–1595 гг., сын султана Селима II.
[786] Строки из биографического свода «Хадикат ал-вузара’» османского поэта и историка Османзаде Ахмеда Таип-эфенди (ум. 1724).
[787] Мавлана (араб. «наш покровитель») – почетное именование персидского поэта и суфия Джалал ад-дина Руми в мусульманской литературе.

чезли благодаря доводу несомненных первооснов Ислам[-Гирая], к чему приложил кончики пальцев старания и усердия Алп-Гирай-султан, в связи с чем он вознаградил и почтил его за деяние смертоубийства, совершенное, когда он во второй раз [занимал] пост калги, оказав почесть [одному] из его благородных сыновей, Мубарек-Гирай-султану, путем [наделения] должностью нураддина. Не прошло и трёх месяцев после того, как пресловутый хан нашел путь к бедствию волнений, как вспыхнул огонь разлуки [в] душе Са'адет-Гирай-султана, который занял через несколько дней после бегства Алп-Гирай-султана пост калги и направился в долину бегства во время битвы с Мехмед-Гираем, на его болтавшейся в воздухе голове возникли и проявились в виде мятежа и восстания признаки [того, о чем говорится в хадисе] «*сын – тайна своего отца*»[788] (ал-валаду сирру абихи), из-за чего с помощью крыла поддержки пегого ворона (предвещающего разлуку – примеч. пер.) ногайцев, которых он смог собрать и стянуть [в одно место], он взобрался на вершину горы мятежа и восстания и три года подряд запускал птицу спокойствия и покоя Ислам-Гирая, отчего его войско постигли слабость и утомление, а потом он внезапно напал на его столицу Бахчисарай, а Ислам-Гирай бежал в крепость Кафу, после чего, когда он приложил к кончикам пальцев овладения драгоценный камень ярлыка на правление и самовольно заявил о притязании на власть, достоверно известно среди людей, что садразаму Осман-паше с его несметным [подобно] звездам воинством было поручено сломить мощь злодеев, а мирмиран Кафы послужил причиной подкрепления войск сердец Ислам-Гирая, отчего поле под названием 'Индал[789] в окрестностях Кафы стало местом размещения лагерей двух противоположных групп, блуждавших по степи, резкий ветер разгрома сломал древко полотнища войска Са'адет-Гирая, так что ноги их стойкости содрогнулись, а главы ногайского народа, Эсени-Бек[790] и подобные ему хищные псы, были изгнаны палкой стрел и копий в обитель огней (ад – примеч. пер.), Са'адет-Гирай вступил в долину бегства, а основание правления Ислам-Гирая, посаженного [на престол] государем мира, обрело устройство независимости и сановности. Дата гибели ногайцев:

---

[788] Известный арабский афоризм, приписываемый пророку Мухаммаду.

[789] Предположительно, в районе села Мокрый Индол (Сувлу Индол) на юго-востоке Крымского полуострова.

[790] Исанай-бий (Есеней Дивеев, ум. 1584) – глава рода Мансур и бий Мансурульской орды (1572–1584).

Мисра‘

Kıldı İslamı bi-avnillah kavi sultan-ı Rum[791]

«Усилил ислам с помощью Аллаха султан Рума».

Са‘адет-Гирай в силу дурной натуры не успел хотя бы на мгновение склонить голову [для] отдыха, как из-за отсутствия влияния теплого и холодного ветров, глаза его разума и осторожности были ослеплены бельмом алчности и спеси, и, возжелав отмыть лик черноты исчезновения и бегства дождевой водой интриг, он возглавил собранные им отряды подонков и сброда из ногайцев и донских казаков, еще раз выстроив ряды брани и сражения, после чего Алп-Гирай-султану было поручено крымским ханом [вступить с ним в] битву и сражение. В столкновении двух противоборствующих групп перо сказочной птицы государства отбросило тень победы на знамя Ислам[-Гирая], так что привыкший к бегству султан обновил порвавшиеся ремни седла [на] несчастном коне бегства, после чего восемь лет проживал в степях Итиля, а в девятьсот девяносто девятом году (1590–1591 гг. – примеч. пер.) одернул подол от привязанностей [этого] мира, его тело перевезли в Крым и похоронили по соседству с усыпальницей его отца. Его пребывание на престоле правления [путем восхождения] по сломанным ступеням лестницы тирании составило два месяца, а время его жизни – сорок лет. [Один] из татарских деспотов, Идигу-мирза, круживший над прославившейся мятежностью головой привыкшего к непокорности султана на крыльях единомыслия, а также девять родов ногайских степняков, закрепленных за его сыновьями и живших на берегу реки Итиль, которые назывались Мансур, Орак[792], Мамай[793], Ор-Мехмед, Касай[794], Токуз (?), Йедиджек[795] и Джамбойлук[796], из которых роды Орак, Касай, Ор-Мехмед и Токуз,

[791] По системе абджад, 992 год хиджры (1584 г.).

[792] Орак-оглу и Ор-Мехмед-оглу (Орумбет-оглу) – два крупнейших ногайских рода, кочевавших в XVII–XVIII вв. в Буджаке. По-видимому, восходят соответственно к мангытскому предводителю Урак-мирзе (XVI в.) и к бию Больших Ногаев Уразу-Мухаммеду (Урмаметь, ум. 1598).

[793] Восходит, вероятно, к мангытскому предводителю Мамай-мирзе (XVI вв.), сыну бия Ногайской Орды Мусы.

[794] Этот ногайский род, вероятно, восходит к мангытскому мирзе Касыму (Касаю), старшему сыну бия Ногайской Орды Шейх-Мамая.

[795] Едичкуль (Едишкуль) – ногайская орда, кочевавшая в XVIII в. к югу от Запорожья на восточном берегу Днепра, в северной части современной Херсонской и юго-западной части Запорожской областей.

[796] Джембойлук – одна из ногайских орд, кочевавшая в XVIII в. между низовьями Днепра и Крымским полуостровом.

наслаждавшиеся течением приятных вод через дымоходные отверстия в дверцах их шатров то на реке Дон, то на Днепре, вознамерились остаться на постой в заложенных благодаря повелению и великодушию Сахиб-Гирай-хана в пределах Буджака новых соборных и [квартальных] мечетях, а затем мансуровцы возжелали получить особые жилища в Крыму, племя Йедиджек одернуло руки от подола степей Итиля и избавилось от жара путешествия и отбытия водой из реки Кубань, род Джамбойлук также испил воду отдыхновения из указанной реки, полностью отделившись от берегов Итиля. Вернемся к тому, о чем мы вели речь (раджа‘на ила ма кунна фихи). После того, как Ислам-Гирай-хан отбросил влекущие утомление занятия, препятствовавшие независимости государства, в дни счастливого исхода, когда он направил стремя похода в области Черкесии, и узда его возвращения была украшена победой и триумфом, недостойные поступки воеводы Богдании, проявившиеся из-за завесы почтительности, распалили костер гнева отмеченного пылом хана, без всякого разрешения и позволения придав огню воровства и разграбления кумирню самодовольства и своеволия, что пришлось не по нраву прибежищу справедливости, августейшему государю, после чего в те дни, когда он провел в жизнь и исполнил выпущенный им строжайший и достовернейший фирман об освобождении и возвращении попавших в привыкшие к грабежам руки татар пленных, скота, разного рода трофеев и прислуги, а именно в [месяц] джумади ал-ула девятьсот девяноста шестого года (апрель 1588 г. – примеч. пер.), он по непреложному повелению «*Вернись*» (ирджи‘и) отправился в обитель вечности и был предан бренной земле в большой соборной мечети крепости Ак-Керман. Срок его правления составил три года и десять месяцев, а время его жизни – пятьдесят четыре года. Поскольку пресловутый хан был умным и осмотрительным, он уцепился за подол просьбы об извинении, чтобы устранить пыль грусти и расстройства, покрывшую очищенное зеркало падишахской души из-за набега жителей Богдании, и [добиться] прощения за прежний проступок, проявляя разными способами чистосердечие и раболепие, благодаря чему стал образцом подражания для великодушных преемников в осуществлении похвального деяния украшения глав минбаров в находившихся под его властью городах и селах драгоценностью искренней мольбы за падишаха [своего] времени и упоминания имен крымских ханов после него. Пресловутый хан вступил в страну небытия, о чем услышал падишах, и ханские почести по волеизъявлению

августейшего государя были признаны достойными плеча способностей Бора-Гази-Гирая[797], [одного] из братьев покойного хана, удостоившегося подарка от правителя мира (османского султана – примеч. пер.), в указанную дату. Новый хан сопровождал примерно в девятьсот девяностом году (1582–1583 гг. – примеч. пер.) Тучного Мехмед-Гирая в его походе в Иран, вследствие чего во время несвоевременного возвращения пресловутого [хана] он выразил несогласие и выбрал вместе с тремястами татарами служение сераскиру Осман-паше [и] его сопровождение. Однажды, во время вылазки для изучения дел [в стане]врага и захвата языка, по велению судьбы, он попал в плен к кызылбашам и был на протяжении семи лет закован в цепи в тюрьме Кахкахэ[798], являвшей пример адской ямы, в конце концов, выведя тюремного сторожа, который благодаря своему сладкому и чарующему языку и мягким словам уподобился по своей натуре источающей яд змее, из гнезда грубости и безрассудства, размягчив твердый камень его безжалостного сердца и сделав его товарищем и наперсником на пути странствий и путешествий под видом каландаров[799], и преодолел полные опасностей пути, прибыв в круг сераскир-паши на зимней стоянке в Арзана-р-Рум (Эрзурум – примеч. пер.) и сподобившись благодаря его посредничеству тени сострадания государя мира, вследствие чего были получены листья и плоды намерения великого древа его иллюзий, посаженного благодаря содействию ветра (тж. эпохи – примеч. пер.), и он дал ощутить одному из своих братьев Фетих-Гираю[800] аромат базилика должности калги, а сыну ‘Адил-Гирая Бахт-Гираю[801] – запах гиацинта степени нураддина, приобщив его к райским садам его государства, Алп-Гирай и Шакай Мубарек-Гирай, которые предшествовали [им] в целовании старого воротника мантии калги и нураддина, отличались от нового хана и были старыми для ношения рубахи жизни, что потребовало их выезда из страны Крым согласно старинному закону, так что Алп-Гирай-султан бил челом о пре-

[797] Бора-Гази-Гирай (ум. 1607) – крымский хан, правивший в 1588–1596 и 1596–1607 гг.

[798] Кахкахэ – крепость на северо-западе Ирана, расположенная в районе Мешгиншехр современной провинции Ардебиль. В сефевидский период использовалась в качестве тюрьмы.

[799] Каландар – странствующий дервиш.

[800] Фетих-Гирай I (ум. 1597) – хан Крыма, правивший в течение нескольких месяцев 1596 г.

[801] Бахти-Гирай (ум. 1597) – крымский царевич, занимавший пост нураддина в 1591–1596 гг. В 1596 г. на несколько месяцев занял пост калги.

стол государев и был размещен в охраняемом граде Эдирне[802], после чего примерно в тысяча десятом году (1601–1602 гг. – примеч. пер.) он отказался от мира бытия, а Шакай Мубарек-Гирай исчез из страны сущего, [находясь] в черкесских областях. Когда в эпоху достопочтенного султана Мехмеда[803] – *да озарит Аллах его довод* (анара-Ллаху бурханаху) – Гази-Гирай-хан был призван к влекомой в сторону Агри[804] тени знамен и ведущей к победе прямой тропе, он потчевал в постели пренебрежения, отправив с достаточным количеством татар калгу Фетих-Гирая. Когда Чыгалы-заде Синан-паша [805] вследствие разнообразных проявлений храбрости во время сражения пустил в ход искусство изготовления луков поддержки, дабы привести стрелу султанского намерения к желанной цели, пресловутый султан поставил перед стрелой старания паши щит отрицания и воздержания, сказав: «В соответствии с правилом «*крепость построил эмир*» (бана-л-амир ал-кал'а), именно твой хан повелел нам [выполнить] это великое поручение и является для нас господином (махдум)». В конечном счете, поцеловав соболиную шубу ханского правления, [он] сделал прежнего нураддина Бахт-Гирая калгой, а нураддином – [одного] из своих братьев, Селамет-Гирая[806], и когда на протяжении нескольких дней после этого они вместе с Синан-пашой были выброшены луком повеления правителя мира в пустыню увольнения и неудачи, его предшественник и преемник Ибрахим-паша[807] в силу себялюбия возмутился и воспротивился его деяниям и словам, и сказал: «Ес-

---

[802] Эдирне (Адрианополь) – город в исторической Румелии, расположенный в европейской части современной Турции. В XIV–XV вв. был столицей Османской державы, а в XVI–XVIII вв. служил основным местом сбора османской армии во время европейских походов.

[803] Мехмед III (ум. 1603) – османский султан, правивший в 1595–1603 гг.

[804] Агри (Agirî, ср. тур. Ağrı) – курдское название горы Арарат на востоке Анатолии. В период правления Мехмеда III в этом районе вспыхнуло одно из восстаний джелалидов (celaliler), направленных против социально-экономического гнета местного полукочевого туркменского населения. Либо имеется в виду Эгерская крепость (тур. Eğri), которая в 1596–1687 гг. находилась под контролем Османской империи.

[805] Джыгалызаде Юсуф Синан-паша (ум. ок. 1605) – османский государственный деятель итальянского происхождения. Занимал пост великого визиря в течение 40 дней в период с 27 октября по 5 декабря 1596 г.

[806] Селамет-Гирай (ум. 1610) – хан Крыма, правивший в 1608–1610 гг. Занимал пост нураддина в 1597 г. и пост калги в 1597–1599 гг.

[807] Дамат Ибрахим-паша (ум. 1601) – османский государственный деятель боснийского происхождения, занимавший должность великого визиря в 1596–1597 и 1599–1601 гг. Носил титул Дамат («зять»), потому что был женат на Айше-султан, дочери султана Мурада III.

ли молва об увольнении Гази-Гирая, вызвавшая у него тоску и грусть, сподобится слуха его подчинения, то она несомненно и бесспорно устроит с помпезностью восстания и мятежа переполох в стране мира. Так или иначе, пресловутый (Гази-Гирай – примеч. пер.) должен быть оставлен на своем посту», [в связи с чем] был направлен с двумя рескриптами (мукаррар-нама) Мютеферрика-башы[808] Черкес Хандан-ага, и когда он прибыл в Крым, ему было дано разъяснение и распоряжение: «Если ты увидишь, что татарское войско склоняется к Гази-Гираю, питая отвращение к Фетих-Гираю и сторонясь его, то отдашь ему рескрипт, а если Фетих-Гирай подчинил себе эмиров и население, то вручишь ему его рескрипт, а Гази-Гирая пригласишь в Счастливую Порту». Когда судно, на которое сел с двумя августейшими повелениями противоположного содержания Хандан-ага, выехавший в Кафу, из-за встречного ветра вошел в гавань Синопа[809], а Гази-Гирай, выслушавший [весть] о своем увольнении и без колебания и промедления поднявший парус покорности на корабле подчинения, случайно повстречался с ним в указанном месте, поскольку между непослушным Ханданом и Гази-Гираем была давняя дружба, он вручил ему рескрипт, понадеявшись на будущие милости [с его стороны], и обучил его разнообразным хитростям, чтобы утвердиться [во власти], после чего он вернулся в Кафу и собрался заявить о рескрипте на ханское правление, а Фетих-Гирай раскрыл и обнародовал августейший указ о его оставлении [на престоле], который был закрыт сохранением и сокрытием и связан доверием, и в связи с расколом [среди] татар потребовалось обращение к благородному шариату, и ʻАбд ар-Рахман-эфенди, облеченный должностью кадия, вынес и скрепил своей подписью решение о том, что подготовленная позже Фетих-Гираем грамота, будучи более поздней, является первоначальным рескриптом, тогда как муфтию страны Мевлана Азаки[810] пришлось по вкусу оставление [на престоле] Гази-Гирая, и он вынес фетву о том, что с самого начала возникновения Османского государства и вплоть до настоящего времени [назначение на] должности в хранимых областях (мамалик-и махруса) подкреплялось тугрой августейшего повеления, а потому, если имеется высочайшее повеление, подтверждающее содер-

[808] Мютеферрика-башы – главный адъютант султана.

[809] Синоп – город на черноморском побережье Анатолии.

[810] Мехмед Азаки-эфенди (ум. 1608) – османский религиозный деятель, муфтий и поэт татарского происхождения родом из Азака (совр. Азов). Был главным преподавателем (мюдеррис) медресе Синан-паши в Стамбуле. В 1596 г. сопровождал султана Мехмеда III в его похода на венгерский Эгер.

жание благородного рескрипта (хатт-и шериф), документ Фетих-Гирая не принимается во внимание, а неподчинение Гази-Гираю является бунтом и мятежом, так что даже кадий вынужденно согласился с [этой] фетвой, ханство снова закрепилось за Бора-Гази-Гираем, а татарские роды подчинились пресловутому [хану], и из-за того, что во время отбытия Фетих-Гирая в Высочайшую Порту некоторые недальновидные глупцы надоедали и приставали к нему с просьбой: «Конечно же, иди к хану, попрощайся и извинись», из-за чего в местечке под названием Накш-Эльван[811], расположенном рядом с Кафой, как они привыкли, он снял со своей обреченной головы шапку и приложился челом к ханскому подолу, и тогда заслуживающий смерти безжалостный и бесчестный [преступник], которому эмирами [из рода] Мансур было велено его убить, ударил его киркой в беспомощном [состоянии], окрасив одеяние его жизни рубиновой кровью в цвет рубахи несправедливо [убиенного] Сиявуша, а калга Бахт-Гирай еще не вошел в шатёр, [держащийся на] канатах вероломства, и, узрев это положение, достойное светопреставления, приготовился к бегству, как [опорный] столб шатра его жизни также был сломан, после чего они разогнали птиц душ девяти невинных и безгрешных сыновей Фетих-Гирая, не достигших пределов совершеннолетия, из едва построенных гнёзд их бытия, в указанном году. Срок правления павшего жертвой несправедливости Фетих-Гирая составил лишь три месяца, а время его лишенной благодати жизни – тридцать девять лет. Когда Гази-Гирай-хан во второй раз расположился в государственной резиденции, [решив, что] нураддин Фетих-Гирай-хана, Селамет-Гирай-султан, находившийся во время войны в черкесских землях, не имеет закваски и основы в борьбе за ханский [престол], осчастливил его куском хлеба калги, назначив [одного] из сыновей ранее упомянутого Са‘адет-Гирая, Девлет-Гирай-султана[812], нураддином, а [одного] из опытных служащих, Ахмад-Агу – на должность, которую называют «баш-ага» и «капу-агасы», что означает «представитель» (вакил) и «визирь», а спустя некоторое время по какой-то причине уничтожил и устранил государство жизни и веселья Девлет-Гирая, так что даже его братья Шахин-Гирай[813] и Мехмед-Гирай[814] [махнули] вместе крылом

[811] Название можно перевести с османского как «разноцветный узор» (nakş-ı elvan).

[812] Девлет-Гирай (ум. 1601) – крымский царевич, занимавший пост нураддина в 1597–1598 гг.

[813] Шахин-Гирай (ум. 1641) – крымский царевич, сын хана Са‘адет-Гирая, занимавший пост нураддина в 1608–1609 гг. и пост калги в 1610, 1623–1628 гг.

опасения и бегства, а Селамет-Гирай-султан проверил, чтобы они не восседали спокойно в обители безопасности от его гневного взгляда, и они припали к склонившейся к несчастью тени Джелали Дели Хасан-паши[815], поднявшего полотнище восстания и отваги, а потому пост калги был закреплен за его сыном Токтамыш-Гираем[816], а [пост] нураддина – за другим его сыном, Сефер-Гираем[817]. Хотя Гази-Гирай-хан заточил ради сохранения своего шаткого положения свой побуждающий к вероломству клинок и ежегодно выделял для ханской столовой две тысячи баранов, а также налоги и выплаты на содержание пятисот мушкетеров (тюфенгчи). Однако, помимо того, что он срубил разящим мечом мести и уничтожил колючки смутьянов, произраставшие на пашне [мудрого изречения] «*смута – крепость лицемеров*»[818] (ал-фитнату хисар ал-мунафикин), и заявил о своем существовании, проявив , подобно крепкому строению, стойкость на пути дошедшей благодаря указаниям [Корана] религии и на стезе особых походов, он [также привел к] покорности Богданию,

Бейт:

بتیغ و سپاه شه نامدار
بباید گشادن در آن حصار

«Мечом и войском царя прославленного
Должны быть открыты двери той крепости»,

пустив силу и мощь десницей усердия на завоевание крепости Папа[819]. Однажды, когда он был приглашен государем, которому подчиняется мир, в поход, он высказал неуместное оправдание, дабы прислониться к подушке отдохновения и вальяжно (букв. со скрещенными ногами – примеч. пер.) восседать в постели пренебрежения, что вызывало ненависть в душе августейшего падишаха, вследствие чего он стал со-

[814] Мехмед-Гирай III (ум. 1629) – крымский хан, правивший в 1623–1628 гг. Сын Са'адет-Гирая.

[815] Джелали Дели Хасан (ум. 1605) – один из предводителей крестьянского восстания в Анатолии, а в дальнейшем османский военачальник, губернатор провинций Босния и Темешвар.

[816] Токтамыш-Гирай (ум. 1608) – хан Крыма, правивший в 1607–1608 гг., старший сын и преемник Бора-Гази-Гирая. Занимал пост нураддина в 1598–1599 гг. и пост калги в 1599–1607 гг.

[817] Сефер-Гирай (ум. 1608) – крымский царевич, сын хана Бора-Гази-Гирая. Занимал пост нураддина в 1599–1607 гг. и пост калги в 1607–1608 гг.

[818] Высказывание, приписываемое 'Али ибн Аби Талибу.

[819] Папа – город на западе Венгрии. В 1594–1598 гг. находился под контролем турок-османов.

крушаться и беспокоиться, что Селамет-Гирай или Мехмед-Гирай могут выхватить у него ярлык на правление, Йемишчи Хасан-паша[820] прошел через Варадинский мост[821] в Земунскую степь[822], а по возвращении из похода без приглашения присоединился к победоносному войску, так что для татарского войска было выделено какое-то место и пристанище, а в качестве зимней стоянки достопочтенному хану была выделена крепость Печуй[823]. Вплоть до весенней поры он расстелил ковер жизни и наслаждения в указанном месте, изучил поэму Фузули Багдади[824] «Хорошее и плохое» (Ник ва бад) и написал подражание ей, а также переписал трактат о беседе розы и соловья. Садразам Хасан-паша направился к чертогу покровительствующего государству падишаха и заметил, что ему будет дарована победа, если он назначит коменданта [крепости] Будин[825] Лала Хасан-пашу[826] военачальником (сардар), указав и намекнув случайным замечанием на то, что желанием опиравшегося на свои порочные корыстные желания хану было не присоединяться к войску [султана]. Лала Мехмед-паша[827] не знал об уловке и хитрости визиря, и когда он два раза изволил пригласить хана, [написав ему] письмо [с заверениями в] искренней дружбе, в силу отношений между султанским векилем[828] Йемишчи и дефтердаром[829] Этмекчи-заде[830], который был казначеем [и ведал] финансами государства, он проявил неблагодарность за

[820] Дамат Йемишчи Хасан-паша (ум. 1603) – османский государственный и военный деятель, великий визирь Османской империи в 1601–1603 гг.

[821] Варадин (Петроварадин) – город на Дунае (совр. район города Нови-Сад на севере Сербии), который в 1526–1683 гг. был под властью Османской империи.

[822] Земун – город на Дунае (совр. район Белграда в Сербии), который в 1541–1718 гг. находился под властью турок-османов.

[823] Печ (османск. Peçuy) – город на юго-западе современной Венгрии.

[824] Мухаммад Фузули (ум. 1556) – тюркоязычный поэт из Ирака, придерживавшийся шиитских взглядов.

[825] Буда (османск. Budin) – венгерский город и бывшая столица Венгерского королевства (совр. западная часть Будапешта). В 1541–1686 гг. находился в составе Османской империи.

[826] Тирьяки Хасан-паша (ум. 1611) – османский государственный деятель, визирь. Занимал должности бейлербея Боснии и Будина.

[827] Текели Лала Мехмед-паша (ум. 1595) – османский государственный деятель, великий визирь Османской империи в правление султана Мехмеда III (1595 г.)

[828] Векиль (араб. вакил – «представитель») – султанский наместник. Великий визирь получал титул «неограниченного наместника» (векил-и мутлак), когда ему поручалось командование армией султана.

[829] Дефтердар/башдефтердар – главный казначей Османской империи в XIV–XIX вв.

[830] Этмекчизаде (Экмекчизаде) Ахмед-паша (ум. 1618) – османский государственный деятель, занимавший пост башдефтердара в 1606–1613 гг.

благодеяние государя и сговорился с указанным дефтердаром, направив поводья возвращения в область Крым из-за устроенного ими подстрекательства и интриг с целью [добиться] его возвращения и отказа от прежнего замысла, [потому что] счел, что нет никаких препятствий, если достопочтенный хан поедет в Крым, неужели они должны завоевать целый свет и разорить страны неверных. Однако, как следует [из пословицы] «*кто посеет колючку, тот не соберет виноград*» (ман йазраʻу-ш-шавк лам йахсуд ʻинабан), урожаем посаженного Йемишчи (тур. «торговец фруктами» – примеч. пер.) на пашне души скверного древа подстрекательства был убийственный яд, и, удостоверившись, что резкий ветер падишахского гнева отгонит подальше участь счастливого шаха от сада наслаждения жизнью, он построил и завершил в черкесских краях крепостцу под названием Гази-Керман[831], призванный служить [ему] оплотом и пристанищем во время бури падишахского наказания, и на обратном пути в свою резиденцию вошел в крепость Темрюк – в [месяц] шаʻбан тысяча шестнадцатого [года] (ноябрь-декабрь 1607 г. – примеч. пер.) – и тогда факел его бытия был потушен внезапным ударом чумы, и он исчез под землей усыпальницы его отца, построенной в Бахчисарае. Срок его правления в первый раз составил восемь лет и десять месяцев, во второй раз – одиннадцать лет и три месяца, а срок его жизни – пятьдесят пять лет. Пресловутый хан стал властелином страны пера путем использования войск бурлящих проницательностью чувств и обладателем удачливого меча благодаря расходованию звонкой монеты силы и мощи, так что его усердие и служение [на пути] услужения религии и государству, были отблагодарены падишахом, и на него стали указывать пальцами из-за того, что он удостоился обращения пристанища братских уз и получил в качестве [одного из] особо приближенных [лиц султана] Силистринский санджак[832]. Поскольку он был привязан сердцем к напевам соловьев розария духовных знаний и выказывал интерес к разноцветным цветам анекдотов, однажды один храбрый муж из [числа] ратных людей силой рук усердия захватил [в бою] языка и по обыкновению невежественных простолюдинов [устроил] торжество бахвальства и са-

[831] Гази-Керман – османская крепость на реке Днепр, расположенная на территории современного города Берислав Херсонской области.

[832] Силистринский санджак – одно из подразделений османской Румелии с центром в Силистре (на северо-востоке совр. Болгарии), занимавшее территорию современных турецких провинций Кыркларели и Эдирне, причерноморских районов современной Болгарии, Румынии, Одесской и Николаевской областей Украины. Санджак – название административно-территориальной единицы в Османской империи.

мовосхваления, дошедшее до вершины небес чрезмерности, так что секретарь (катиб) ханской канцелярии (диван) Зихни-эфенди посмотрел на упомянутого человека и ответил ему блестящим стихотворением султана поэтов, покойного Баки-эфенди[833],

Бейт:

Dil getürdüm deyü dildara gurur itme sakın

Padişah eşigidür bunda dil-aver çok olur

«Не гордись перед храбрецом (перс. дил-дар, «обладающий сердцем» – примеч. пер.), что привел языка (тур. дил, созв. перс. дил, «сердце» – примеч. пер.), будь осторожен!

[Это] двери падишаха, здесь много отважных (перс. дил-авар, букв. «приносящий сердце» – примеч. пер.)»,

что пришлось по нраву знающему толк в тонкостях хану, так что он обрадовал его, одарив соболиной шубой со своего плеча. Когда один легкомысленный человек из [числа] взыскующих знаний (студентов религиозного учебного заведения – примеч. пер.) был вызван в канцелярию хана со связанными для наказания веревкой клеветнического [обвинения] в смертоубийстве руками, мало смыслящий ученый начал нести бред признания в [совершении] деяния, которое непременно стоило бы скрывать, дескать «Вина [была] не на убийце, а на убиенном. Я принадлежу к ученым, а он такого рода оскорбительным обращением преследовал дурное намерение», и знающий толк в тонкостях хан не дал согласия на то, чтобы погубить его ученую душу, и, дабы с помощью хитростей остроумия освободить и вызволить его из глубокой ямы бедствия, сказал: «Если ты сведущ в логике и науке о мерилах и обладаешь знанием и мистическим познанием (‘ирфан), то что представляет собой суждение «*Отрицание – это яма*» (ал-инкару джубб)?», а тот передал хану, что он имел в виду: «Мой падишах! Это суждение, ведущее к спасению», [тем самым] выйдя из дома «мы не видели» (ма ра’йна) и войдя в обитель «мы не нашли» (ма ваджадна), вследствие чего он, как известно, избежал клинка возмездия. Из поэтических и прозаических произведений, порожденных взыскательной натурой высокородного хана под псевдонимом Газайи, насколько [нам] удалось, было включено в [нашу] незначительную [стихотворную] тетрадь, и царская речь перенесена в [наш] скромный сборник благодаря царям украшенного ликованием слова.

[833] Махмуд ‘Абд ал-Баки (ум. 1600) – османский поэт, снискавший славу «султана поэтов» (султан аш-шу‘ара).

Газель:

Telh-kâm olsak aceb mi hâlimizni bir görün
Burnumuzdan geldi billâh acı suyı Sunbur'un
Ehl-i İslâm illerin kâfir hasârât eyledi
Ey Hudâ-nâ-tersler siz rüşvet alun oturun
Arsa-i rezm içre biz kanlar döküp kan ağlaruz
Vâdi-i işretde siz câm-ı safa zevkin sürün
Hayli bî-âhengdür kânûn-ı devlet ngamesi
Ey müdebbirler anun bârî kulağını burun
Sanmanuz dârü'l-emân olan mekân kalur size
Böyle kalsa bir iki gün dahi sabr idün görün
Bir tedârük olmaz ise gitdi elden memleket
İ'timâd itmezsenüz etrâf-ı âlemden sorun
Ey vatandan ayru her dem ceng iden bî-çâreler
Rast eylen tîr-i mihnetde belâ yayın kurun
İrtişa birle mevâlî cem-i dünyâ itmede
Ellezîne yeknizûne âyetini eytgürün
Hân-ı Gâzî sıdk idüp bu nazmı kılmışdur revân
Ger yaman söylerler ise anı Sunbur'dan sorun

«Разве удивительно, что во рту у нас горечь? Посмотрите же на наше положение.

Из носа у нас, клянусь Аллахом, пошла горькая вода Сонбора[834].

Страны последователей ислама погубил неверный.

О не боящиеся Бога, берите взятки и сидите [по своим местам].

На поле боя мы проливаем кровь и плачем кровавыми [слезами],

А вы в долине увеселения наслаждайтесь кубком радости.

Весьма неблагозвучна мелодия кануна[835] государства.

О находчивые, хотя бы подкрутите ему колок[836] (также «выкрутите ему ухо» – примеч. пер.).

Не думайте, что вам останется безопасное место,

А если всё так останется, то потерпите пару дней и посмотрите.

Если не предпринять никаких мер, то пропала страна.

Если не верите, то спросите [у людей] со всех сторон света.

---

[834] Сомбор – город на северо-западе современной Сербии. В 1541–1687 гг. был в составе Османской империи.

[835] Канун – струнный щипковый музыкальный инструмент, распространенный на мусульманском Востоке.

[836] Колок (от тюрк. qulaq – «ухо») – деталь в струнных музыкальных инструментах для закрепления и натяжения струн при настройке.

О несчастные, ведущие всё время войны вдали от родины,
Выпрямите стрелу тягот и сделайте бедствие луком.
Когда господа собирают динары, занимаясь взяточничеством,
Произнесите айат [про] «тех, которые накапливают» (аллазина йакнизуна)[837].
Хан Гази изрек правду, сочинив сей складный стих,
А если, [по-вашему] сказал он [что-то] не так, то спросите об этом у Сонбора.

Также ему принадлежит:
Biz mücâhid kulunuz, bezl ideriz cân u seri,
Pâdişâhım ne diyem sonra tuyarsın haberi
Kaçmayuz tîr u teberden çalışub dîn yoluna
Ol benüm boynuma, ger var ise anun zarârı
Biz de ikdâm iderüz varmaga bir gün ileri
Girü kalmaz anı bil her kim ola ceng eri
Mâcerâ-yı seferün derdini şerh eylerisem
İstimâ‘ idene te’sîr ider ol gam haberi
‘Azm ider oldu Gazâyî sefere, sultânum
Kıl ana hayr du‘â işte kulundur iş eri
«Мы ваши слуги-муджахиды[838], жертвуем жизнями и головами.
О мой падишах! Что мне сказать? Потом услышишь весть.
Не убегаем мы от стрел и топоров, усердствуя на пути религии.
Отруби мне голову, ежели есть от нее какой вред.
Мы однажды решим выступить вперед.
Не отстанет, так и знай, каждый, кто является воином.
Если растолкую я горести приключившегося в походах,
Произведет впечатление на слушающего эта грустная весть.
Решил отправиться в поход Газайи, о мой султан!
Помолись о его благе, а он – твой слуга, человек дела».

Также ему принадлежит:
Rahm kıl hicran gamıydın göz yaşı kan olmışa

[837] «О те, которые уверовали! Воистину, многие из первосвященников и монахов незаконно пожирают имущество людей и сбивают их с пути Аллаха. Обрадуй же тех, которые накапливают золото и серебро и не расходуют их на пути Аллаха, мучительными страданиями» (Коран, 9:34).
[838] Муджахид – мусульманин, выполняющий обязанность совершения джихада против неверных.

Çeşmi giryan bağrı püryan gönli viran olmışa
Sanma kim har-ı taalluk damenine el urur
Deşt-i hayret içre Mecnun gibi hayran olmışa
Bes ki haclet çekdi gül gülşende görgeç arızıñ
Har u has bahş eylesün mi mah-ı taban olmışa
Ey göñül n'itsün saña cevr ü cefa-yı ruzgar
Navek-i gamdan derunı tolı peykan olmışa
Vade kıldı yar el-hak dün gazayi katline
Bu tegafül kılmadan beñzer peşiman olmışa

«Смилостивься над тем, чьи слезы от тоски из-за расставания кровью стали,
Чьи очи плачут, чья печень зажарилась, а душа погублена.
Не думай, что колючка привязанности коснется твоего подола,
Растерявшимся в степи растерянности, словно Меджнун.
Много стыда пережила роза в розовом саду, увидав твои ланиты.
Неужели всякий сброд будет беседовать с тем, кто стал луной сверкающей?
О душа! Что с тобой сделают страдания и муки, [причиняемые] судьбой,
С тем, кто стал наконечником копья, наполненным внутри стрелами грусти?
Обещал вчера друг, поистине, убить Газайи[839].
Не притворяясь беспечным, напоминает он того, кто покаялся»

Также ему принадлежит:
Saki bir mey sunsa bize ki aklı hayran eylese
Ref idüp dilden riyayı küfri iman eylese
Hake salsañ cürayı her dem ene'l-hak söylese
Dar-ı dünyadan halas olmağı asan eylese
Zinde kılsa kalbimizni ehl-i diller kalbi tek
Masivayı bizden alsa hake pinhan eylese
Neş'esiydin kalbimiz bolsa kasavetden halas
Bizi hem-hal ehli gibi şad u handan eylese
Cennet ü ukbayı tahrim itdürüp mey tek bize
Yani kalb-i pak-i saf u ehl-i irfan eylese
Her ne kim rah u tarike yar olur fehm itdirüp
Anı fani dehr-i dun tek cümle viran eylese

[839] Газайи – поэтический псевдоним Гази-Гирая.

Ey Gazayi her niçe mey-hare bulsañ ayb imes
Afv olur avn-ı Hüda yar olsa ihsan eylese
«Пусть даст нам виночерпий вина, которое ошеломит разум,
Устранит с языка притворство, неверие обратит в веру.
Вылей на землю [последний] глоток, постоянно говори: «Я есть Истина»,
Пусть облегчит высвобождение из обители мирской жизни.
Пусть оживит наше сердце лишь сердце [одного из] обладателей сердец,
Пусть заберет у нас всё тварное (масива), скроет [его] в земле.
Ты был для него [духовным] опьянением, да освободится наше сердце от черствости,
Пусть сделает и нас радостными и смеющимися, подобно обладателям [мистических] состояний.
Пусть рай и загробную жизнь запретной сделает, [оставив] нам только вино,
То есть сделает сердце чистым, а нас – обладателями мистического знания.
Кто является путником на [мистическом] пути и стезе, тому пусть даст понять,
Что он бренен, подлая судьба всё разрушит.
О Газайи, сколько бы ты не пил вина, нет [в этом] порока,
Простится [тебе], если сопутствовать будет помощь Божья, если [Он] соблаговолит.

Также ему принадлежит:
Yine rana baharıyla heva-yı dil-güşa geldi
Mey-i gül-gun ile saki bu bezme hoş safa geldi
Tekellüf ber-taraf bi'llah ne hoşdur muabeçe gör kim
Seher gül gibi camıyla bize karşu çıka geldi
Mey gül-gun ile bağa gelüñ işret zamanıdur
Seher bülbül fiağnından bize böyle safa geldi
Devasız derd imiş aşkıñ etibbadan ilac olmaz
Aceb bu kim senüñ derdiñ baña her dem deva geldi
Dime afv olmaz ey zahid bizim isyanımız dahi
Kulıñ işi hata geldi anıñ işi ata geldi
Vefasız dehre aldanma beka milkin gözet ey dil
Hakikatle nazar kılsañ kime andan vefa geldi
gazayi kulıña bilsem neden hışmıñ benim şahum

Anıñ gibi bu dergaha niçe yüz biñ geda geldi

«Вновь с прекрасной весной пришла радующее сердце погода.

Вместе с розовым вином пришел на это пиршество виночерпий радостно и весело.

В сторону условности! Боже, как хорошо, о сын огнепоклонника, посмотри:

Утро с подобным розе кубком вышло к нам на встречу.

Придите с розовым вином в сад, [это] время увеселения!

Утром от стонов соловья пришла к нам такая радость.

Боль, казалось бы, была неизлечимой, врачам не исцелить от любви.

Удивительно, что боль [от любви] к тебе всегда для меня была исцелением.

Не говори, о аскет, что не простится нам наше прегрешение,

Ведь сказано, что дело раба – ошибаться, а Его дело – одарять.

Не обманывайся вероломным роком, созерцай царство вечности, о сердце.

По-настоящему разгляди [его]: разве он кому-то был верен?!

О если бы я знал, отчего ты гневаешься на раба своего Газайи, о мой шах.

Сколько же сотен тысяч подобных ему нищих к этому чертогу [уже] приходили?

Также ему принадлежит:

Gayre dil bağlayamam Yusuf-ı Kenan ise de
Bakmazam gayrı yüze mihr-i dirahşan ise de
Baña bir yar gerek özge gerekmez ey dil
Gayr kalbim açamaz gonçe-i handan ise de
Sakiya lal-i lebiñ aşkına sunsañ bir cam
Çekerim bir dem anı başıñ içün kan ise de
Can dimağını muattar ider ol gisular
İstemen bağ-ı cihan sünbül ü reyhan ise de
Dil saña ma'il ü can hem nigeran ey meh-ru
Muntazırdır yolıña dide-i giryan ise de
Çekdi mey çekmedi gam pir-i mugan ey zahid
Bir iki gün bu fena bezmine mihman ise de
Gönlimiz al berü gel kaçma gazayi'den kim
Ehl-i diller kulıdır Hüsrev-i devran ise de

«Не привяжусь я сердцем [ни к кому] другому, будь он даже Йусуфом из Кан'ана,

Не посмотрю на другое лицо, будь оно хоть солнцем сиятельным.
Нужен мне один друг, а другого не нужно, о сердце.
Другому мое сердце не откроется, будь он даже бутоном смеющимся (т.е. едва раскрывшимся – примеч. пер.).
О виночерпий, дай же кубок ради любви к рубиновым губам твоим,
За один присест выпью его, клянусь, даже если это будет кровь твоя.
Наполняют благоуханием нос души те косы,
Не желаю я сада мира, будь он гиацинтовым и базиликовым.
Сердце склоняется к тебе, а душа беспокойна, о луноликая,
Даже если с ожиданием взирают плачущие очи на путь твой.
Испил вина, но не испил тоски старец огнепоклонников, о аскет,
Хоть и гостит он пару дней на этом пиршестве бренности.
Возьми нашу душу, подойди сюда, не беги от Газайи,
Ведь обладатели сердец – слуги его, будь они повелителями мира».

Также ему принадлежит:
Mah-ı neve engüşt ü keftüñ beñzedi aya
Gün yüzüñile döndi şeha arz u semaya
Re'y-i kamere nice müşabihdür ol ebru
İman ile bak safha-i ruyında oraya
Zehr-i gam-ı hicriyle dila oldı dehen telh
Kanduñı o şirin-lebe sun turma araya
Bezm-i gamı derdinden alup zevk ü safa dil
Dil virmez anı cam-ı Cem'e derdin araya
Ahval-i gazayi'yi firakuñdan sorarsañ
Naleyle ten-i zerdi şeha beñzedi naya
«Уподобились твои пальцы и ладони молодому месяцу, луне.
Солнце благодаря лику твоему повернулось, о шах, к земле и небесам.
Как же похожи на лицезрение месяца эти брови!
Внимательно посмотри, [что написано] на странице лица твоего.
От яда тоски из-за расставания с ним, о сердце, стало горько во рту.
Отдай свой сахар тому сладкоустому, [а сам] не стремись [к нему].
Получив наслаждение и радость от боли [на] пиршестве тоски о нем, [о] сердце,
Не отдаст его сердце [никому даже в обмен] на чашу Джамшида, в стремлениии к своей боли.

Если спросишь ты о том, каковы дела Газайи после расставания с тобой,
То рыдай, [ибо] тело бледное его стало похоже на тростинку».

Также ему принадлежит:
Sakiya mey suna gör kim dime sohbet baki
Bu cihanda ola mı kimseye devlet baki
Meclis ehli gözedür gelmiş egerse agyar
Süre döke kuvve kim soñra siyaset baki
Çeşmimi tig-i bela kılsa dahi sad pare
Sinemizde yine ol mihr-i mahabbet baki
Dün gice haba varup içmişidim cam-ı visal
Can dimağında bugün dahi o lezzet baki
Gerçi biz mülk-i ademden niçe yıldır çıkduk
Bilürüz mülk-i bekaya yine avdet baki
Ey gazayi içelim mey diyelim yarana
Hab-ı rahat idelim kim yine sohbet baki
«О виночерпий, дай же вино, не называй дружбу вечной.
Останется ли в этом мире кому-нибудь богатство?
Участники собрания следят, не пришли ли посторонние,
Выбрасывают, выливают и выгоняют, ибо [будет] потом вечным наказание.
Даже если клинок бедствий разрежет мои глаза на сто частей,
В груди нашей все равно остается солнце любви.
Вчера ночью я уснул и испил вина соединения.
В памяти души и сегодня остается то наслаждение.
Хотя мы уже много лет, как вышли из царства небытия,
Знаем, что будет вечным возвращение в царство вечности.
О Газайи, скажем же друзьям: «Выпьем вина!»,
Спокойно будем спать, ибо все равно остается дружба».

Также ему принадлежит:
Ra’yete meyl ideriz kamet-i dil-cu yerine
Tuga dil bağlamışız kakül-i hoş-bu yerine
Heves-i tir ü keman hiç göñülden çıkmaz
Navek-i gamze-i dil-duz ile ebru yerine
Süreriz tigimiziñ zevk ü safasın her dem
Sim-tenlerle olan lezzet-i pehlu yerine
Gerden-i tusen-i zibada kotas-ı dil-bend

Bağladı göñlimizi zülf ile gisu yerine
Süreriz esb-i hünermend-i saba-reftarı
Bir peri-şekl sanem bir gözi ahu yerine
Seferiñ cevri çok ümmid-i vefayile veli
Olduk aşüftesi bir şuh-ı cefa-cu yerine
Göñlümüz şahid-i ziba-yı cihada virdük
Dilber-i mah-ruh u yar-ı peri-ru yerine
Olmışız can ile derviş gazaya teşne
Kanını düşmen-i diniñ içeriz su yerine
«Склоняемся мы к знамени [боевому] вместо стана возлюбленной.
К бунчуку мы сердце привязали вместо локонов благоуханных.
Страсть к стрелам и луку не покинет души никогда,
Вместо стрел подмигиваний душу пронзающих и бровей.
Получаем мы удовольствие и радость от нашего меча всё время,
Вместо наслаждения [от возлежания на] боках с белотелыми [девами].
Пленительный хохолок на шее красивого скакуна
Привязал к себе нашу душу вместо локонов и кос.
Гоним мы быстроногого умелого коня
Вместо красавицы с внешностью пери с глазами газели.
В походах [бывает] много трудностей, но с надеждой на верность
Влюбились мы в них вместо озорницы жестокой.
Отдали мы душу отроку красивому джихада
Вместо луноликой чаровницы и подруги с личиком пери.
Стали мы [всей] душою дервишами, жаждущими походов,
Пьем кровь врагов религии вместо воды».

Также ему принадлежит:
Gafil olmañ dostlar irdi yine ahir zaman
Döndi aksine her işler kalmadı emn ü eman
Memleket-i İslam içinde şah-ı adil dinilen
Bir niçe zalimleriñ destine virmişdir inan
Mes’ele güçdür deyü virmez muradınca cevab
Müfti müsteftiden almadıkça ta kim armağan
Kadıaskerler virürler mansıbıñ alalarıñ
Şunlara kim cehli zahir ola vakt-ı imtihan
Redd iderler kadılar yüz virmeyüp bu sözlere
İki yüzlü gelse yanlarında eylerler mekan
Hücre akçesi değil virmez imaret çorbasın

Müstefidinden müderris almayınca hakk-ı nan
Kendüyi allame-i asrım deyü düzer bozar
İki yüzlü cübbe almış egnine her çift bozan
Şeyh efendi davete varmadıaı gün incinür
Halvetinde görinür gözine karañu cihan
Sufiler nefs atına binüp sipahiler gibi
Sarkıdur sorguç yerine eñsesine taylasan
Yıl başına hep hisab idüp zekatına tutar
Her kaçan kim haceler itse tasavvurdan ziyan
Hublar bir buse virmez aşıka can nakdine
Kocılur her birisi gayara amma rayegan
Şimdi abdallar dahi arif olupdur şöyle kim
Biñ kez eksüklik ider bir kerre kaynatmaz kazan
Bir kelender süciye nısfından artuk su katar
Ademi kafir ider meyhaneci hey müslüman
Ey Gazayi hal-i alemden şikayet eyleme
Arif iseñ yüri var sen kendi haliñ gör heman

«Не будьте беспечными, друзья, вновь настало светопреставление,
Все дела повернулись задом наперед, не осталось мира и спокойствия.
Тот, кто в стране ислама называется справедливым царём,
Дал поводья в руки нескольких тиранов.
Говорит, что вопрос труден, не дает ему удовлетворительный ответ
Муфтий, пока не получит от просящего о фетве подарок.
Кадиаскеры[840] наделяют высочайшими постами
Тех, чье невежество проявляется во время испытания.
Отрицают [это] кадии, не обращая внимания на эти слова,
А если придет двуличный, то предоставляют ему место рядом с собой.
Не [только] денег на постой не дает, но и похлебки из богадельни (имарет чорбасы)
Учитель, пока не получит вознаграждения [на покупку] хлеба.
Строит и ломает, называя себя величайшим ученым эпохи,
Всякий двуличный [лицемер], оставивший [работу] на пашне и накинувший на себя джуббу[841].

[840] Кадиаскер (тж. казаскер, «судья войска») – должность верховного судьи по военным и религиозным делам, введённая в Османской империи в середине XIV в. Также существовала в Крымском ханстве, где кадиаскер входил в состав дивана.

Шейх-эфенди обижается, если в какой-то день его не пригласили [в гости],

В уединении кажется ему темным мир.

Суфии оседлали коня нафса, словно кавалеристы,

Свесив вместо султанчика[842] (соргуч) тайласан[843].

Подсчитывая все время в начале года сумму закята,

Никогда не вообразят себе [религиозные] наставники убытка.

Красавицы не одарят влюбленного поцелуем [даже] если те отплатят им жизнью своей,

Каждая из них – в объятиях посторонних, зато бесплатно.

Теперь даже абдалы стали такими духовно прозорливыми, что

Тысячу раз допустят оплошность, но один раз не поставят на огонь котёл[844].

Какой-то каландар разбавляет вино наполовину водой,

Делает человека неверным владелец кабака, о мусульманин.

О Газайи, не сетуй на дела [этого] мира,

Если ты мистик, то иди и смотри на свое состояние».

Также ему принадлежит:

Ey göñül derd-i gam-ı yarla bimar ola gör

Mahasal silsile-i aşka giriftar ola gör

Gel berü zahid-i hod-bin nice bir ucb u riya

Niçe gün mutekif-i hane-i humar ola gör

Ey göñül yola düşen kimse sebük-rev yaraşur

Sal taalluk yüküni sen de sebük-bar ola gör

Dem-i subh irdi yine kafileler göçmededür

Hab-ı gafletden uyan gel berü bidar ola gör

«О душа, будь больна недугом тоски по другу,

Короче говоря, будь скована цепью любви.

---

[841] Джубба – шерстяная накидка, которую носили мусульманские ученые и представители духовенства.

[842] Султан – пучок перьев или конских волос, служащий украшением головного убора представителей военного сословия, а также украшение такого вида на головах их лошадей.

[843] Тайласан – кусок ткани в виде шарфа, один конец которого представители духовенства прикрепляли к своему тюрбану, а другой оборачивали вокруг шеи.

[844] Возможна связь этой метафоры с символической ролью котла в традиции гетеродоксного суфийского ордена бекташи, членами которого были османские янычары.

Иди сюда, самовлюбленный аскет! Как [велико твои] самодовольство и притворство!

На несколько дней уединись ты в доме похмелья.
О душа, отправившемуся в путь следовало бы идти налегке.
Оставь груз привязанностей и тоже будь беззаботной.
Настал утренний час, караваны опять в пути.
Проснись от сна беспечности, иди сюда [и] бодрствуй».

Также ему принадлежит:
Bezm-i gamda zevk ü işret biz de bir dem eyledük
Barışup gam sahı ile ahdi muhkem eyledük
Eyledük biz ahdi muhkem şah-ı gamla ey refik
Gönlümizge mihnet ü enduhı munzam eyledük
Mihnet ü enduhı munzam eylemekden özge hem
Kaddimizni derd-ilniñ içre müdgam eyledük
Derd ili içre çu müdgam boldı gerçi kaddimiz
Ol perişan zülfi añduk dahi derhem eyledük
Dilni derhem eyledük biz kim gam-ı zülfüñ ile
Ah-ı derd-alude-i alemni berhem eyledük
Eyledük alemni berhem lik biz de aşk-ara
Pir-i dehre kendümüz varup müsellem eyledük
Kendümüz varup müsellem olmak ile bilmiş ol
Ey gazayi şah-ı aşka aklı mahrem eyledük
«И мы когда-то на пиршестве печали веселились и пировали.
Помирившись с царем тоски, заключили [с ним] прочный завет.
Прочный завет с царем тоски мы заключили, о товарищ!
Душу свою тяготами и печалями обременили.
Кроме обременения [ее] тяготами и печалями,
Стан свой мы в страну боли поместили.
Когда расположился стан наш в стране боли,
Те растрепанные локоны мы там же прямо распустили.
Сердце свое растревожили мы тоскою о локонах твоих,
Развеяли болезненный стон мира.
Разнесли [в прах] мы мир, но, украшенные любовью,
Пришли сами к старцу рока, подчинили [себя ему].
Придя [к нему] сами и подчинив [себя], так и знай,
О Газайи, сделали мы разум наперсником царя любви».

Также ему принадлежит:
Yol üstünde yolukdum bir tolaba
Didim niçün sürersin yüz bu aba
Delinmiş bağrıñ u kaddiñ bükülmüş
Göziñ yaşı ayağıña dökülmüş
Nedir aşık mısın var mı firakuñ
Bu gurbetde kimedür iştiyakuñ
Giçer böyle seniñ leyl ü neharuñ
Ki yok mıdır eliñde ihtiyaruñ
Nedür bais hele böyle figana
Bükülmüş kametüñ dönmüş kemana
Hem ağlarsıñ hem iñlersiñ dem-a-dem
Bu gizlü derdiñi bilmez hiç adem
Dolab işitdi benden bu hitabı
Zeban-ı hal ile virdi cevabı
Habersiz adem oğlı maceradan
Kazadan bil dime çun u çiradan
Yüce dağlar idi evvel mekanım
Benim de var idi tab u tüvanım
Akardı her zamanlar deştsarı
Revan olup ayağım çeşmesarı
Tutup her yanımı kolum budağım
Çemen üzre turup her dem ayağım
Başımda kumrı vü turaç öterdi
Zemininde niçe güller bitürdi
Libasım geh yeşil geh al olurdı
Hazan vakti rezim pamal olurdı
Benefşe baş ururdı sola sağa
Nihal-i nevresim turup ayağa
Safa ile tutup camını lale
Saçardı cürasını hake jale
Olup nergis gözi her gice bi-hab
Olurdı nukl-i meclis anda unnab
Esüp bad-ı ecel nageh yıkıldım
Kesildi bih-i ömrüm anda bildim
Büke gelmez idi hergiz kemanım
Yıkıldım kalmadı tab u tüvanım
Heman-dem kesdiler kolum budağım
Sürütmekçün biri deldi ayağım
Takup boynuma anda rismanı

Ki bildim kalmadı işret nisanı
Kani ol merazarım lalezarım
Diriga gitdi elden ihtiyarım
Meni kıldılar anda hake yeksan
Ki efgan eyler idim anda nalan
Niçe yıl geçdi vü cismim kurıdı
Yeşil tonım karardı vü çüridi
Zekeriyya tek meni anda biçerler
İşit imdi baña ne iş geçerler
Kılup tahta meni hem mih ururlar
Tecemmu eyleyüp suya sürerler
Döner men ol zamandur bu zamandur
Bilürsen kim felek işi yamandur
Yidi Eyyüb tek bağrımnı kirman
Kazaya çare ne söyle ne derman
Sözümden ibret algıl sen de ey han
Felek milkinde varsız cümle mihman
Gurur itme sakın sen de cihana
Gülerdim ben de nice na-tüvana
Felek bir yedi başlı ejdehadur
Ki nakd-i ömr-i adem hud gıdadur
Niçe mürsellere zehrin içürdi
Niçe yüz biñ veli andan geçürdi
Niçe şehler gelür anda olur mat
Murad üzre sürülmez bunda hiç at
Ne hoş dimiş bu ebyatı bir üstad
Ki her demde anuñ ruhı ola şad
Dilaverler cihana toymadılar
Zamanuñ cümlesine doymadılar
Ki aldanma arus-ı dehre zinhar
Niçe arslan helak eyler o murdar
Ne hal olsa aña dil virme bari
Vefalu dib bu kahbe ruzgarı
Geçürme gaflet ile ruzgaruñ
Ki var iken eliñde ihtiyaruñ
Dilersün kim irişesiñ kemale
Tevekkül kıl her işde Zü'l-celale
İki alemde isterseñ ferağat
Akıt gözün yaşıñı eyle taat
Sözüñ hatm it yeter didüñ gazayi

Ki taat kıl dile Hak'dan rızayı
Rıza vir her ne kim gelse kazadan
Hüda'dan bil Hüda'dan bil Hüda'dan.
«На дороге повстречал я одного студента,
Сказал [ему]: «Зачем ты водишь лицом по воде (игра слов, усердствуешь ради авторитета, перс. аб-и руй, тур. yüz suyu, букв. «вода лица» – авторитет – примеч. пер.)?
Прохудилась твоя печень и согнулся твой стан,
Слезы из глаз твоих пролились на ноги твои.
Что [с тобой]? Ты влюблен? В разлуке ли ты?
К кому питаешь ты страсть на этой чужбине?
Проходят так твои ночи и дни.
Неужто ли нет у тебя выбора?
Что послужило причиной таких стенаний?
Стан твой согнулся, превратился в лук.
Ты и плачешь, и стонешь непрерывно.
Никто из людей не ведает об этой твоей тайной боли.
Услыхало от меня это обращение водяное колесо,
На языке состояния [своего] дало мне ответ.
Не ведает сын человечий о происходящем.
Узнай о приговоре [Божьем], не говори об отговорках и оправданиях.
Были сперва моим местонахождением высокие горы,
Были и у меня силы и способности.
Текли всегда по степи
Стремительно родники моих ног.
Держат меня со всех сторон мои руки-ветви,
Стоят на траве постоянно ноги мои.
На голове моей пели горлица и турач[845],
Сколько цветов росло на его земле.
Одежда у меня была то зеленой, то бордовой.
Осенней порой давили ногами мою виноградную лозу.
Фиалка головою качала направо и налево.
Саженец мой молодой на ноги встал.
С радостью держал свой кубок тюльпан,
Глотки свои расплескивала на землю роса.
Глаза нарцисса от бессонницы страдали каждую ночь,
Был закуской на собрании зизифус.
Подул ветер смерти, я вдруг упал.

[845] Турач – птица семейства фазановых, обитающая в Западной Азии.

Пресекся корень моей жизни, тогда я [это] понял.
Не сгибался [больше] никогда мой лук,
Свалился я, не осталось у меня сил и мощи.
В тот же миг отрезали мне руки-ветви,
Пронзил мне кто-то ноги, чтобы волочить [по земле].
Тогда набросили мне на шею веревку,
И я понял, что не осталось от увеселенья [ни] следа.
Где же та моя лужайка, мой тюльпановый луг?
Как жаль, лишился я воли.
Сравняли меня там с землей,
Так что вопли издавал я там, рыдая.
Сколько лет прошло, и тело мое высохло,
Зеленое платье мое почернело и сгнило.
Словно Закарийю[846], меня там распиливают.
Услышь меня, какие дела со мной совершаются!
Сделали меня доской [и] гвозди забивают,
Собираются и в воде топят.
Кручусь я, то в одно время, то в другое.
Знаешь ты, что дела этого [мира] поднебесного плохи.
Съели печень мою, как у Аййуба[847], черви.
Скажи-ка, каков выход из [этой] беды, каково избавление.
Извлеки урок из слов моих и ты, о хан!
В царстве поднебесном все вы гости.
И ты будь осторожен, не прельщайся [этим] миром.
Я тоже смеялся над многими немощными [людьми].
Судьба – это дракон семиголовый,
Чьей едой является звонкая монета жизни человеческой.
Скольким посланникам [Божьим] она дала испить своего яда,
Сколько сотен тысяч святых через нее прошли?
Сколько царей приходят и оказывают поверженными (букв. получают мат – примеч. пер.),
Не получится здесь, как [вам] хочется, сходить конём.
Сказал один мастер об этих бейтах: «Как хороши!»,
Да будет в каждый миг душа его радостна!

---

[846] Закарийя (библ. Захария) – один из пророков, упоминаемых в Коране. Согласно некоторым мусульманским преданиям, он был заживо распилен пилой, когда прятался в стволе дерева.

[847] Аййуб (библ. Иов) – пророк, упоминаемый в Коране. Согласно некоторым мусульманским преданиям, был подвергнут Богом испытанию и на протяжении многих лет страдал от тяжелой болезни, от которой его тело гнило и покрылось червями.

Храбрецы не насытились [этим] миром,
Не пресытились полностью [отпущенным им] временем.
Остерегись, не обманывайся невестой рока,
Скольких львов губит эта мертвечина!
Что бы там ни было, не предавайся ему сердцем,
Считая верной эту подлую судьбу.
Не проводи своего времени в беспечности,
Если обладаешь ты волей.
Желаешь ты достичь совершенства,
Уповай ты во всяком деле на Обладателя Величия.
Если хочешь ты свободы в двух мирах,
Проливай слезы, совершай поклонение.
Закончи свою речь, достаточно сказал ты, Газайи,
Совершай поклонение, проси у Истинного довольства [тобой].

Что бы ни выпало на твою [долю] из [Божественного] приговора, проявляй довольство,
Считай, что это от Господа, от Господа, от Господа!»

С его [слов] также приводят следующие бейты, читавшиеся на чагатайском, который был их древним языком.

Кит‘а:

اسب تک کرچه که غم قیلدی منی چونکه جاراو
شکر تنکریغه که غمنی بزه برکان اودراو
صنمه ای شوخ جفا پیشه بزی قرتایدی
صوق آهم جلدین دوشدی صقال اوزره قراو

«Поскольку, словно коня, меня стегнула тоска,
Благодарю Бога, что тоску нам дал в качестве [спасительного] острова.
Не считай, что мы состарились, о озорной обидчик.
Прохладный вздох мой согрейте, покрыла мою бороду изморозь».

Другое:

جمانلق جقشلق کیفیتن فهم ایلکان عارف
جمانلق جریکا جاقشلیغ ایتمازسا جمان ایلای

«Если понявший качество зла и добра мистик
Не будет делать добро вместо зла, [он] поступит плохо».

Проза (наср): Он был приглашен Высочайшим Государством в какой-то поход, но поскольку некоторые препятствия потребовали от него задержки, падишахом было написано и направлено укоризненное пись-

мо и исполненное возражения поэтическое сочинение Ходжи Са‘д ад-дина-эфенди[848], а содержание письма и поэтического сочинения можно понять по поэтическим подражаниям. Пресловутый хан последовал [его стилю] и написал подражание.

Копия письма

Высочайшему превосходительству величайшего светила небосвода совершенства, жемчужины [в] шкатулке высокого положения и великолепия, достойнейшего из достойных современной эпохи, совершеннейшего из совершенных бытия и пространства, раскрытой груди достоинства [в] кругу великодушия, достойнейшей счастливой звезды, восхода счастья и удачи, главы собрания столпов учености и познания, высокочтимого советника общины исламской религии, заслуживающего почтения попечителя (ал-мухаймин би-ма ваджаба-т-та‘зим), господина-падишаха семи климатов – *да осветит Аллах его совершенство наисчастливейшими звездами и украсит его чаяния наилучшими положениями* (наввара-Ллаху камалаху би-ас‘ад ат-тавали‘ ва саввара-Ллаху амалаху би-ахсан ал-маваки‘) после обильных молитв, вкратце докладывается, что укоризненное и склоняющее к джихаду государево письмо, которое показалось и представилось поводом для омрачающих радость предположений и возможной причиной для пороков, нарушающих святость договора и верности, было ниспослано, как были ниспосланы аяты о [Божественной] угрозе (ка-нузулу айат ал-ва‘ид) во время отправления в поход и джихад, в ходе усилий и старания, и когда было изучено содержание аята о мученичестве, в каждой его букве на зеркало сердца блеснули образы подозрений, и от каждого его слова душой овладели разнообразные огорчения, так что на каждую из пространно изложенных начальных посылок было решено дать благоразумный ответ. Во-первых, откладывание (та‘лик) [похода] на [время] оледенения реки, которое происходит в зимнюю пору, не было доведением до абсурда (та‘лик бил-мухал), что подтвердит правдивое сердце, и если подразумеваются исключительно отговорки и предлоги, то в целом татарское войско собралось в месте переправы, нужно было поспешить к прочным заходам в воду и переправам и без сомнений бежать до места под названием Дже-

[848] Ходжа Са‘д ад-дин Эфенди (ум. 1599) – османский государственный деятель, шейх-уль-ислам и придворный историограф.

белай[849], что на расстоянии десяти дней [пути]. Тем не менее, возникшее в то время колебание и замешательство стало серьезной трудностью для татарского войска. Однако дела государства и осуществление управления привязаны к определенному времени, а тайны [Божьего] приговора и предопределения – это заветное сокровище. О причине задержки ведает Всемогущий Господь. Время выбора – в руках свободного в действиях Господа.

Стихотворение:

Hayr u şer cümle hakka racidur
Kimsenüñ ihtiyarı elde değil
Eldeki ihtiyar cüz'idür
Lik ol dahi her amelde değil
«Всё – и добро, и зло – вернется в землю,
Ни у кого нет в распоряжении свободы выбора.
Имеющаяся свобода выбора – частична,
Но и она не распространяется на всякое дело».

Во-вторых, когда [падишахским] двором были затребованы корабли, и корабли пришли, было сообщено, что мы не стали приводить оправданий, говоря, что сейчас не время для переправы. Раньше прибыли посланные нам галеры, но было недостаточно времени, чтобы осуществить переправу с помощью одних только галер, не имея паромов, из Тамани и Керчи пригнали сто кораблей и передали их командовавшему галерами Мурад-беку (?), и пока он ожидал их прибытия на галерах к Днепру, который был местом переправы, то ли они были привязаны к паромам, то ли были отпущены благодаря привязи алчности. Поскольку было тяжело снова добраться до кораблей и отогнать их [обратно], и им было затруднительно совершить переправу перед Джан-Керманом, тогда, как было разъяснено [ранее], они спешно приступили к переправе в другом месте, и эти дни были [уже] после дня касым[850]. Из-за больших бурь, к какой бы переправе они ни подходили, переправиться было невозможно, нужно было непременно возвращаться назад.

[849] По-видимому, искаженное написание «гора Ай[ы]» (cebel-i Ayı), что может означать Аю-Даг, гору на южном берегу Крыма, расположенную между современными Алуштой и Ялтой.

[850] Касым (от перс. руз-и касим, «разделительный день») – принятое в турецкой народной традиции обозначение дня начала шестимесячного холодного сезона, который длился с начала ноября до начала мая.

Стихотворение:

تا در نرسد وعدهٔ هر کار که هست

سودی ندهد یاری و هر بار که هست

«Пока не наступит срок всякого имеющегося дела,

Не принесет пользы помощь всякий раз, когда она есть»[851].

В-третьих, как было сказано, хотя было условлено отправить Рустем-агу, он не был отправлен, что породило ряд подозрений. Когда прежде Рустем-агу отправили к водам Эрделя[852], от военачальника (сардар) к этому вашему почитателю пришло письмо [о том, что] самый заблудший Эрдель (Трансильвания – примеч. пер.) заявил о покорности покровительствующему миру падишаху и собирается повиноваться [ему]. Нами был отправлен один человек, которому было велено выяснить, правдивы ли они или [замыслили] вероломство. Рустем-ага отправился по этому указанию. Затем посол, прибывший оттуда вместе с Рустем-агой, явился к этому вашему почитателю. Когда указанного посла собрались отправить к Порогу Счастья (султанскому двору – примеч. пер.), поехали послы, предназначенные для Счастливой Порты. Они остереглись говорить, что им не было велено прибыть к Порогу [Счастья], а потому обстоятельно изложили, что было бы неправильно питать презрение к послам, и были отправлены вместе с одним из слуг Хандан-аги. По этой самой причине Рустем-ага не прибыл [ко двору]. В-четвертых, было сказано, что в случае, если после этого они последуют повелению государя, это приведет к [тому, о чем говорится в пословице] «*после разрушения Басры [бесполезно горевать]*»[853] (ба‘да хараби-л-Басра). Воздействие этих удручающих слов помешало обратить внимание на подразумеваемый [ими] смысл, более того, исключило его полезные следствия. В частности, возникает следующее возражение: поскольку у следования этому [повелению] не будет последствий, то зачем нужно прилагать столько усилий. В частности, в последующем стало ясно, что вашего почитателя побуждали и подстрекали, а путешествие было лишь мучением для [верховых] животных,

[851] Строки из руба‘и Абу Са‘ида ибн Абу-л-Хайра Майхани (ум. 1049), персидского суфия и поэта из Хорасана.

[852] Может относиться к одному из притоков Дуная на территории исторической Трансильвании (Марош, Сомеш, Кёрёш, Олт и т.д.).

[853] Арабская пословица.

Бейт:

Ne sayım beğendün ne özrüm kabul

Melulüm melulüm melulüm melul

«Ни старание мое тебе не понравилось, ни оправдания моего не принял ты.

Опечален я, опечален я, опечален я, опечален»,

Одним словом, в каждом из выражений, которых удостоилась их благородная [личность], была заключена тысяча видов упрёков, более того множество подробных ясных изъявлений, так что отвечать [на них] было бы долго и скучно, а потому нам показалось предпочтительнее рассмотреть, как устроен порядок их смыслов, уместнее и достойнее исследовать, какие они делают указания, в которых отображаются упрёки.

Стихотворение:

Bir gemi geldi semt-i Gözleve'den

Bir haber virdi çarh-ı kec-revden

Didi kim han seferden itmez hazz

Komaz anı yanında bir iki fazz

«Прибыл корабль со стороны Гёзлева,

Сообщил кое-какую весть о криво едущем колесе.

Сказал, что хан не испытает наслаждения от путешествия,

Не оставят его пара грубиянов, [находящихся] рядом с ним».

До конца речи (ила ахири-л-калам).

Ответ прославленного хана

Umulurken bu canib ahbarı

Ki aceb var mı anıñ asarı

Nagehan bir sefine deryadan

İrişüp canib-i ehibbadan

Bir haber virdi deyü buyrulmuş

Haberi canlara eser kılmış

Dimiş itmez sefer Tatar ile han

Hazzı yokdur k'ola adu talan

İstese dahi men iderler anı

Faz dimişsiz bu azmi men ideni

Hem dimişler işi musaf değil

Al-i Osman'a kalbi saf değil

Böyle ahbarı eyleyen ihbar

Ki işidir anı sıgar u kibar

Virmeyüp ihtimal-i kizb aña

Diye akl ehli cümle saddakNa
Diye her söz ki ebleh ü gafil
İtimad eyleyen değil akıl
Bunda iken Ali ile Handan
Nice sözdür ki diñliye na-dan
Bunı dahi dimiş ki ol na-dan
K'eyledikçe ata ile ihsan
Gelmeyüp yadına o lutf u ata
Andan eyler sudur cürm ü hata
Kizb-i mahz iftira-yı halisdir
Dime kamil aña ki Nakısdır
Siyyema cudı kim ider bazil
Soñradan itse mi ider batıl
Bize olan ata-yı sultani
sayd içündür dil-i diliranı
Her biri bir neheng-i bahr-ı vega
Her biri saf-der-i adu-yı vega
Her ne deñlü ki olsa bezl-i direm
Müstahakdır olar ziyadeye hem
Bize ihsan deyü gelen dinar
Kısmet itdi anı Nogay u Tatar
Add-i dinar otuz biñ olsa eger
N'itsün anı yüz elli biñ asker
Özü'den havfımız iden isar
Eylemiş kizb-i mahz özine şiar
Biz Özü suyını mürur iderüz
Berk-i hatıf gibi ubur iderüz
Ne sudan eyler ihtiraz neheng
Ne hod olur semender otdan neng
Lik bi-vakt iden olur mağbun
Her iş olur zamanına merhun
Bizler ol sudan eyledükde güzar
Haba varmışdı düşmen-i gaddar
Şimdi nice geçilsün ol sudan
Fitne peyda olur çü her sudan
Mani olmağiçün uburımıza
Gelür ada-yı din uğurımıza
suda çok haylimiz şinaver olur
Anlar Ateş-feşan bir ejder olur
Olmasaydı eger ki Özü suyı

Düşmeniñ kalmaz idi yüzi suyı
Geçmeğe asker-i zafer-peyman
Me'men idi hisar-ı Cankerman
Mülk-i düşmen tek oldı cümle harab
Abı na-yab oldı kaldı serab
Gemiler kıssasın beyan itdük
Hem yavuz ahvalini ayan itdük
Biz dahi itmedük anı izhar
Bir sovuk sözdür itmekdür tekrar
Beş baş ahvali gerçi kim hakdır
Hem ganimetleri muhakkakdır
Aña beş yüz nefer ki kıldı sefer
Birisi bize virmemişdi haber
Gerçi bi-bak geçdiler yüzden
Yüzi oldı helak o beş yüzden
Ol ganimet didikleri üsera
Seksen idi bi-leyleti'l-üsra
Zikr olunmuş ki han idüp hile
Gitmez üç günde şimdi bir mile
Hile içün degül bu meks ü karar
Garaz oldur ki cem ola Tatar
Padişahlarda hilekar olmaz
Hile ehline itibar olmaz
Dilerüz ehl-i dine yar olavuz
Haşe lillah ki hilekar olavuz
Buyurırsız nefir-i amm oldı
İstirahat bize haram oldı
Bu umum üzre bir hitab mıdır
Ya mücerred bize itab mıdır
Amm ise ger bu emr ile ferman
Niye gitmez ekabir ü ayan
Hamdü lillah ziyade mal u menal
Mal ile artar iktidar-ı rical
Dimesünler bize bahane ider
Halkı uzlet-güzin-i hane ider
Uzlet itmez cihanda gaziler
Rahat ehline itizal düşer
Kanda biz kanda rahat u uzlet
Ehl-i İslam içün çeküp mihnet
Niçe yıldır ki ictihad iderüz

Düşmen-i dine biz cihad iderüz
İderüz her seferde bir niçe karz
Karz olmuş bize gaza gibi farz
Kalmadı satmadık silah u idad
Nicesi idelüm gaza vü cihad
Yine böyle kalursa hal el-hak
Ne iççirgi kalur ne igirçak
Komayup yine gayreti elden
Salmayup zeyl-i himmeti belden
Can u baş ile eyledük hizmet
Hayf hizmet ki oldı bi-minnet
Ger bu davayı itsek istifta
Müfti-i akl vire mi fetva
Zararı yok mı ola imana
İftira eylemek müsülmana
Kafir olmaz mı küfre virse rıza
Ol ki İslam u din ider dava
Şimdi bu zulmi biz kime diyevüz
Kadi hakk olduğunda söyliyevüz
Biz sanurduk muin-i din olduk
Akıbet müstehakk-ı kin olduk
«Пока надеялась эта сторона на вести,
[Думая о том], будут ли у них последствия,
Внезапно по морю некое судно
Прибыло от друзей.
Было сказано, что пришла весть,
Весть их оставила след в душах.
Сказали, что не пойдет в поход с татарами хан,
Нет удовольствия в том, чтобы был разграблен враг.
Если даже пожелает, то помешают ему.
Назвали вы грубиянами тех, кто мешает этому замыслу.
Также сказали, что дело его – не сражение,
Роду Османову сердце его не [предано] искренне.
Сообщивший такие вести,
Коего слышали [все] и мал, и велик,
Не допуская вероятность, что он лгал,
Так что все обладатели разума сказали: «Подтверждаем [его] правдивость»,
[Но] дурак и беспечный, всякому слову
Доверяющий, не является разумным.

Дескать здесь находятся ‘Али и Хандан[854],
Какие только слова не слушает невежда,
Ибо, пока не проявят щедрость и благодеяние,
Не вспомнятся ему эта милость и щедрость,
Совершены будут им проступки и ошибки.
[Это] полнейшая ложь, чистая клевета.
Не называй его совершенным, он порочен.
В частности, кто щедрость проявляет? Щедрый даритель.
Если же запоздало [это] делает, то делает впустую.
Проявленная [по отношению] к нам щедрость султанская
[Предназначена] для того, чтобы пленить сердца храбрецов.
Каждый из них – кит в море сражения,
Каждый из них расстраивает ряды врага [в] сумятице.
Сколько ни раздали [им] дирхемов,
Заслуживают они даже большего.
Поступившие к нам в качестве пожалования динары
Поделили [между собой] ногайцы и татары.
Хотя и насчитывалось тридцать тысяч динаров,
Что с ними делать пятидесяти тысячам воинов?
Сообщивший о том, что мы боимся Днепра,
Сделал обыкновением своим откровенную ложь.
Мы пересечем реку Днепр,
Перейдем [через нее], словно быстрая молния.
Не опасается воды кит,
Не стыдится огня саламандра.
Но сделавший [это] невовремя будет обделен,
Всякое дело зависит от времени его [совершения].
Когда проходили мы через те воды,
В сон погрузился коварный враг.
Теперь, сколько бы мы ни переправлялись через те воды,
Поскольку возникает со всех сторон смута,
Дабы помешать нашей переправе,
Приходят враги религии из-за нас.
Очень многие из нас плавают в воде,
Они являются драконом огнедышащим.
Если бы не было вод Днепра,
Не осталось бы у врага чести (букв. воды лица – примеч. пер.).

[854] Султанский главный адъютант (мутеферрика-башы) Черкес Хандан-ага, направленный в Крым.

Пока не прошло войско, победоносно шествующее,
Была безопасным местом крепость Джан-Керман,
Так что была разрушена полностью страна вражеская.
Воды там не осталось, остались [одни] миражи.
Рассказали мы историю о кораблях,
Поведали о положении их суровом.
Не успели мы еще об этом заявить,
Есть суровое слово одно, [следует его] повторить.
Хотя и правда случившееся с пятерыми,
Военные трофеи у них также взаправду были.
Туда отправились с походом пятьсот человек,
Ни один из них нам [о том] не сообщил.
Хотя и показались они бесстрашными на вид,
Погибли лица этих пятисот.
Тех пленных, что назвали трофеями,
Было восемьдесят в ночь путешествия.
Было упомянуто, что хан пошел на ухищрение,
Теперь за три дня и мили не пройдет.
Не ради хитрости [была] эта остановка и привал,
Цель состоит в том, чтобы собрались татары.
Не бывает среди падишахов хитрецов,
Нет авторитета у прибегающих к хитрости.
Мы храбрецы, мы друзья последователям религии,
Не дай Бог нам быть хитрецами.
[Как] вы говорите, случилась всеобщая суматоха,
Запретным стал для нас отдых.
Это обращение ко всем?
Или упрёк в отношении только нас?
Если дан был всем этот приказ,
Почему не отправятся [в поход] вельможи и знать?
Слава Аллаху, [есть у них] много богатства и имущества.
Благодаря имуществу растет могущество людей.
Пусть нам не говорят, [что] они приводят отговорки,
Заставляют народ уединяться в домах.
Не уединяются в этом мире борцы за веру,
Затворничество выпадает [на долю] любителей удобств.
Где мы, а где спокойствие и уединение?
Ради последователей ислама терпим [мы] трудности.
Сколько лет мы усердствуем [на пути Аллаха],
Ведем джихад против врагов религии.

В каждом походе берем мы по несколько долгов,
Стали долги для нас обязанностью, как и походы.
Не осталось у нас оружия и снаряжения, которого мы не продавали.
Сколько еще нам вести походы и джихад?
Если таким останется положение, поистине,
Не останется у нас ни кошмы [для седла] (ичирги), ни худого седлишка.
Не оставляя храбрости все равно,
Не отпуская подола усердия с пояса,
[Жертвуя] жизнью и головой мы служили.
Жаль, что служба [наша] оказалась бескорыстной.
Если попросим мы вынести фетву по этому вопросу,
Вынесет ли фетву муфтий разума?
Не будет ли вреда для веры
[Если] оклеветать мусульманина?
Не станет ли неверным, если согласится с неверием,
Тот, кто претендует на ислам и религию.
Кому же ныне мы приписываем эту несправедливость?
Когда кадий будет прав, мы расскажем.
Мы думали, что стали помощниками религии,
В конце концов, заслужили [лишь] ненависть».

И еще [есть] запись поэмы, отправленной Ходже Са‘д ад-дину Эфенди, когда он (хан Гази-Гирай – примеч. пер.) разграбил и разорил вилайет Эфлак (Валахию – примеч. пер.), захватил трофеи и триумфально вернулся [назад].

Fazilet kanınıñ cevher nisarı
Dakayık fazlınıñ ebr-i baharı
Ki yani hace-i sah-ı zamane
Bu namem kim saña olmuş revane
Maarif bahrıdın cuy-ı revandur
Mahabbet rahıdın bu bir nisandur
Beyan-ı vakii ilam ider ol
Haber iklimine her satrı bir yol
Geçüp nehri çu Bender ki irişdük
Ferağat kılmağa anda dürüşdük
Gelüp name o gün sah-ı cihandan
Haber virmiş yine devr-i zamandan
Dimiş kim şehr-i Papa’da çu küffar
Kılurlar cümleten ihrak bi’n-nar

Geçüp sudan alup anlar karayı
Varup talan ider bunca kurayı
Semend-i himmete oluñ süvare
Bir iş idüñ Mihal-i haksare
Ala ibret kim andan cümle küffar
Salib ehli ola derde giriftar
Uruñ ol kavm-i nara tir ü şemşir
Takuñ baki kalana bend ü zencir
Kılup biz dahi ol emre itaat
Göçüp azm eyledük ol dem ferağat
Süvar olduk kılup Hakk'a tevekkül
Resul-i Ekrem'e kılduk tevessül
Niçe gün eyledük kat-ı menazil
Görüp anda niçe dürlü merahil
İki gün konduk ve kılduk safayı
Unutduk mihnet-i rah-ı cefayı
Gelüp anda Mihal'iñ bir resuli
Ki ol kavmiñ zulumi vü cehuli
O hem ilçi ve hem kavmiñ papası
Hele fi'l-cümle haylı na-sipası
Dimiş kim namesinde ol siyehkar
Ne asker kim bize geldiyse her bar
Firar eyler karar itmez be-her-hal
Giçen yıl haliñiz oldı bu minval
İki serdarı Rum'uñ gelmiş idi
Sezasın cümle anlar bulmış idi
Hasan namı idi anuñ birinüñ
Güzin serdar idi Rum ilinüñ
Biri serdar-ı Ali namı Yusuf
Kim ol dahi gelüp çekdi te'essüf
Gelürsiz siz de görürsiz bu hali
Dimeñ Eflak içini böyle hali
Çu biz dahi yazup name cevabın
Aña takrir idüp bir bir hitabın
Didük öyle ola haşa ceyş-i Tatar
Niçe yüz biñ olursa kavm-i küffar
Yüzin döndürmez andan ceng eridür
Ki anuñ her biri bir derd eridür
Ne yirde kim dilersiñ biz varalım
Er ol baş barsan anda görelim

Didi bir nehrimiz var adı Buza
Giçerler da'im anı yüze yüze
Gelüñ o nehre ve görüñ nedür hal
Sözin hatm eyledi ahir bu minval
Görürsiz anda top ile tüfengi
Niçe olur kim bilürsiz anda cengi
Çu Buza namını Tatar işitdi
Hum-ı mey tek taşup gör ne iş itdi
Didiler diz çöküp cümle diliran
Yürivirmek hakuñdur turma ey han
Bu yolda baş virüp biz baş alalum
Bu küffar içine odlar salalum
Yüridi ol zaman bi'l-cümle asker
Giyüp cevşen libasın cümle yek-ser
Yitişdük Buza'ya yok bir alamet
Mihal anda gelüp çekmiş melamet
Tecessüs eyledük anda eser yok
Didiler çünki düşmenden hazer yok
Bozayı içmeden kaçmış yirinden
Biri de kalmamış ol ceng erinden
Başa çıkmış gibi boza humarı
Mukarrer eylemiş ol dem firarı
Kim anda askere ruhsat virildi
Beş on günlük yolı ol gün urıldı
Bi-hamdi'llah hezimet tapdı küffar
Ganimet bahrına gark oldı Tatar
Elinde her Tatar'ıñ bir peri-zad
İder mi evde div suretlisin yad
Ele girdi peri-veş dil-rübalar
İder her demde gaziler safalar
Ele girdi hele bi-had beha'im
Tilerlerdi Hüda'dan anı da'im
Size nazm ile yazdum çok serencam
Kıluñ siz de anı yarana ilam
Gel ey name bu dem hatm it kelamı
Yetişdür var duğ ile selamı.
«Осыпание драгоценными каменьями из рудника добродетели,
Весеннее облако обильного знания тонких смыслов,
Что означает, господин (ходжа) [и] шах [своего] времени,
Это письмо направляется тебе.

Поток стремительный из моря духовных знаний,
Сие есть пути любви указатель.
Сообщает он послание о действительном,
Каждая строчка его – путь к климату сообщения.
Когда прошли мы реку и дошли до Бендер[855],
Остановились мы там, чтобы передохнуть.
Пришло в тот день письмо от повелителя мира,
Снова сообщил он о повороте судьбы.
Сказал он, поскольку в городе Папа неверные
Всё сжигают огнём.
Прошли они по воде и захватили сушу,
Прибыли и грабят столь [много] селений.
Садитесь верхом на скакуна усердия,
Сделайте что-нибудь с презренным Михалом[856].
Берут с него пример все неверные,
Последователи креста страдают от напастей.
Бейте по этим обитателям огня стрелами и саблями,
Закуйте оставшихся в оковы и цепи.
Мы также подчинились тому повелению,
Решили идти дальше в то время отдыха.
Сели на коней, положились на Истинного,
Сделали тавассуль[857] посредством Посланника Благороднейшего.
Сколько дней подряд мы шли стоянка за стоянкой,
Сколько разных мест для привалов мы там видели.
Два дня мы простояли и предавались веселью,
Позабыли о тяготах пути страданий.
Прибыл туда посланец от Михала,
Самый несправедливый и невежественный из тех людей.
Он [был] и послом, и попом [того] народа,
Одним словом, очень неблагодарным.
Сказал в своем письме тот подлец:
«Какое бы войско к нам ни пришло, всякий раз

[855] Бендер – город на реке Днестр (совр. Бендеры на территории непризнанной Приднестровской Молдавской Республики).

[856] Михай Храбрый (ум. 1601) – господарь Валахии (1593–1601), представитель династии Басарабов. Вел войны с турками-османами в качестве союзника Габсбургов и на короткое время объединил под своей властью княжества Валахии, Молдовы и Трансильвании.

[857] Тавассуль – практика обращения с просьбами к душам пророков, святых или праведников с целью приближения к Аллаху или приобщения к Его милости.

Убегает [от нас], не может устоять в любом случае.
В прошлом году таковым было ваше положение.
Два военачальника Рума приходили,
Все они получили по заслугам.
Одно из них звали Хасан[858],
Был он избранным начальником страны Рум.
Другого верховного начальника звали Йусуф (Джыгалы Юсуф Синан-паша – примеч. пер.),
И он тоже пришел и пожалел.
Вы приходите и застаете такое положение,
Не говорите о Валахии, что она такая пустая».
Когда мы тоже написали ответ на письмо,
Записав одно за другим [слова] обращения к нему.
Сказали мы: «Не бывать такому с войском татарским,
Сколько бы сотен тысяч ни было неверных.
Кто не отвернется от них – тот ратный муж,
Ведь каждый из них несет в себе какую-то скорбь.
Куда ни пожелаешь, прибудем мы туда.
Будь мужчиной, и посмотрим, придешь ли ты туда».
Сказал он: «Есть у нас река, называется Буза[859],
Пересекают ее всегда вплавь.
Подъезжайте к той реке и посмотрите, каково положение».
В такой манере завершил он, в конец, свое слово:
«Увидите вы там пушки и ружья,
Знаете [сами], сколько будет идти там сражение».
Когда услыхали татары название «Буза»[860],
Принесли они хум[861] с вином и, посмотри-ка, что сделали.
Сказали, встав на колени, все храбрецы:
«Ходить – твое право, не стой, о хан!
Мы на этом пути будем головою жертвовать и головы отрезать,
Предадим мы этих неверных огню».
Выступило тогда [в поход] всё войско,
Надев доспехи все вместе разом.
Дошли мы до Бузы, [а там] нет никаких признаков,

[858] Соколлузаде Хасан-паша (ум. 1602) – османский государственный и военный деятель, сын главного визиря Соколлу Мехмед-паши (ум. 1579). Во время войн с Михаем занимал пост бейлербея Будина.
[859] Бузэу – река на востоке Румынии, приток Сирета.
[860] Буза/боза – слабоалкогольный напиток из ячменя, овса, проса у тюркских народов.
[861] Хум – большой керамический сосуд для хранения зерна или жидкостей.

[Того], что пришел туда Михал, подвергся [он] порицанию.
Провели разыскания, а там нет никаких следов.
Сказали: «Тогда нечего врага опасаться.
Сбежал он из того места, так и не выпив бозы,
Не осталось [там] никого из тех мужей ратных,
Будто в голову [ему] ударил хмель от бозы,
В тот же миг решил он бежать [оттуда]».
И тогда была дана свобода войску,
Пятнадцатидневный путь был пройден за десять дней.
Слава Аллаху, были разгромлены неверные,
Утонули в море трофеев татары.
В руках у каждого татарина по красавице,
Вспомнит ли он дома о своей уродливой [жене]?
Достались [им] подобные пери чаровницы,
Придаются постоянно [с ними] наслаждению газии.
Досталось [им] также безграничное [множество] скота,
Просили о нем они всегда у Господа.
В конце концов, много написал я вам стихами,
Сообщите же и вы об этом друзьям.
Давай же сию же минуту заканчивай [свое] слово,
Передай приветствие [от нас вместе] со [всеми] молитвами, которые только есть».

Проза. Первый бейт (матла‘) стихов дивана жизни отмеченного духовными знаниями хана был увенчан последним бейтом (макта‘) завершения, и в эпоху позапрошлого государя был издан являющий любезность августейший рескрипт, подтверждающий выделение ему и его потомкам [трона] правителя татарского народа, после чего население Крыма в силу слабой покорности было брошено в пустыню забвения, а в силу устаревшего договора о сердечной привязанности, титул которого был украшен тугрой мисра‘:

Sen ruy-ı dili vade sanursun miskin

«Считаешь ли ты бронзу языка обещанием, эй бедолага?»,

расшитый шелковыми нитями коврик, на который в конце [месяца] шаввал тысяча шестнадцатого года (февраль 1608 г. – примеч. пер.) по старому обычаю был посажен его старший сын Токтамыш-Гирай, взяли с четырех углов эмиры племен Ширин, Барын, Сиджиут и Мансур, бывшие столпами Крымского государства, которые возложили и постелили его на [стоящий на] покосившихся ножках трон султанской власти, установленный в его почтенной и высокосводчатой канцелярии (диван-

хане), получившей название Тингиллю Кёрюнюш, после чего, когда написанное ими заявление и петицию (арз-у-махзар), содержавшую упоминание о пресловутом августейшем рескрипте, а также увековечение и укрепление указанного султана на унаследованном им престоле, направили к Порогу Государства, на его званый стол пришел даже Селамет-Гирай, чтобы смыть и стереть позорные преступления мятежа брата Кара-Языджы[862] (Дели Хасана – примеч. пер.) водою прощения чистого сердцем падишаха, из-за чего неблагородные государственные мужи, желавшие ему блага и занявшие его сторону, стали говорить, что Токтамыш-Гирай непроизвольно воссел на стуле правления с общего согласия татар, вымазали кровью восстания и мятежа высокий стан ни в чем неповинного султана, который был раннеспелым плодом на дереве в саду нежности, и бросили обе его пречистые длани в ловушку наговора, показав в самом лучшем виде уродливую рожу бегства Селамет-Гирая, нашедшего приют под сенью знамен Хасан-паши, и расположив душу августейшего падишаха к указанному [лицу], после чего в [месяц] зу-л-хиджа тысяча шестнадцатого года (март-апрель 1608 г. – примеч. пер.) грамота на правление Крымом была выписана и переписана на имя Селамет-Гирая, и тогда Мехмед-Гираю, который был [его] сообщником в долине бегства и отступления и был помещен в тюрьму Йеди-Куле[863], был дарован пост калги, а его брату, Шахин-Гираю – [пост] нураддина, и когда Токтамыш-Гирай услыхал [об этом], он без колебания и промедления раскрыл крылья поспешания, чтобы успеть к Охваченному Счастьем Порогу, а Мехмед-Гирай, которому было велено утопить его без всякой вины и греха в море погибели, не стал воздерживаться от позора смертоубийства, которое является [причиной] черноты лика в обоих мирах, и в местечке под названием Аксу[864] обагрил его прелестное тело кровью жестокости, после чего даже Селамет-Гирай вошел на своей галере в область его правления и без [каких-либо] затруднений и споров прибыл в заповедный дворец правления, многократно совершал походы на Московию, поляков и прочие разряды неверных, в большинстве которых он был победителем и триумфатором, и на протяжении года после

[862] Кара-Языджи (ум. 1602) – османский чиновник, предводитель крестьянского восстания в Анатолии (1595–1603), направленного против налогового гнета и произвола османских чиновников. После его смерти восстание возглавил его брат Дели Хасан.

[863] Йеди-Куле – крепость в Стамбуле, построенная после его взятия османским султаном Мехмедом Фатихом. В ней хранилась султанская казна и архивы, а также содержались политические противники султана.

[864] Вероятно, в районе Южного Буга.

того, как он возложил стопу на трон правления, указанный хан созерцал очами проницательности в зеркале души Мехмед-Гирая тусклые пятна непокорности и несогласия, и когда возникло повеление разбить дарившее радость стекло его жизни, бродившие по степи псы, которых он собрал, показав [им] кусок кости невыполнимых обещаний, бесполезно подкрадывались и безрезультатно били лапами, подобно голодной кошке, так и не доставая руками до искомой цели,

Бейт

هر که با پولاد بازو پنچه کرد

ساعد سیمین خود را رنجه کرد

«Кто будет врукопашную драться со сталью,

Тот поранит свои белые руки»[865],

в соответствии с чем, убегая на вершину горы Албурз, дабы спасти птицу жизни из когтей безжалостного орла, он сделал своим соратником своего брата Шахин-Гирая, и уши Селамет-Гирая были в безопасности от нестройных звуков скандалов, вследствие чего он передал пост калги [одному] из сыновей Шакая Мубарек-Гирая, Джанбек-Гираю[866], а [пост] нураддина – Девлет-Гираю[867], и прошло не так много времени после того, как благодаря занятию приведением в порядок дел подданных он испробовал на вкус шербет самостоятельного правления, в [месяц] раби‘ ал-аввал тысяча девятнадцатого [года] (май-июнь 1610 г. – примеч. пер.) он перевернул и разбил переполненный до краев кубок веселья и радости прислужника удовольствий. Срок его правления [составил] два года [и] четыре месяца, а срок его жизни – пятьдесят два года. До наступления этого времени, [в котором мы удостоились] чести быть современниками [нынешнего султана] – в удачливый тысяча сто пятидесятый год (1737–1738 гг. – примеч. пер.) – молодой саженец султанов из рода Чингиза, отбрасывавших тень на земли Крыма, является плодом сердца пресловутого [хана]. Короче говоря, Селамет-Гирай-хан вступил на престол обители торжеств райских садов, к застолью султана явился калга Джанбек-Гирай, после чего он послал ко двору великодушного падишаха, обладающего [всеми] благами мира, своего брата, нураддина Девлет-Гирая, дабы сесть на почетном месте обиталища государства, так что даже попавший в пустыню бегства Мехмед-Гирай, поддавшись страсти

[865] Строки из «Гулистана» Саади.

[866] Джанбек-Гирай (ум. 1636) – крымский хан, правивший в 1610–1623, 1628–1635 гг., внук крымского хана Девлета-Гирая I. Занимал пост калги в 1609–1610 гг.

[867] Девлет-Гирай (ум. 1631) – крымский царевич, занимавший пост нураддина (1609–1610) и калги (1610–1623, 1628–1631).

поймать и овладеть дичью надежды, разбросал во все стороны силки коварства, что ему не помогло, и в [месяц] раби‘ ал-ахир указанного года (июнь-июль 1610 г. – примеч. пер.) великолепное яство правления Крымом было подано из процветающей султанской кухни Джанбек-Гираю, и он сделал прежнего нураддина Девлет-Гирая калгой, а [одного] из сыновей Селамет-Гирая, ‘Азамат Гирая[868] – нураддином, дав им кусок со стола государства. Пресловутый Джанбек-Гирай был плодом сердца Шакая Мубарек-Гирая, внука Девлет-Гирай-хана, [одного] из потомков Менгли-Гирая, и когда его отец отказался от привязанностей к [этому] миру, Джанбек-Гирай все еще играл в мячик на площади детства, его мать была светлокожей дочерью главы племени бесленеевцев[869] (Бесленi) из черкесских эмиров, и некоторое время он сидел в той области у врат колыбели отдохновения, а спустя какое-то время Фетих-Гирай-хан открыл объятия женитьбы для стана очаровательной возлюбленной, после чего оба брата оказались под сенью покровительства пресловутого [хана] в обители его господства. Когда погибший в юных летах хан сделал глоток вина мученической смерти из рук коварства Гази-Гирая,

Бейт:

Damen-i kuh-ı kanaatda mı bitdi bilmem
Bir piyaz ile geçindi niçe demler sünbül
«Не знаю, кончилась ли у подножия горы довольства,
Одним луком жил столько мгновений гиацинт»[870],

в соответствии с чем, [испытав] тоску по родине своего родителя, он ухватился за подол горы довольства, так что обе зеницы его ока оказались спутниками его матери. Спустя какое-то время дом надежды Селамет-Гирая своей расшитой золотом тканью достижения желанного вызвал зависть у дома новобрачных хакана Чина, и он предварительно увешал мочки ушей редкостными жемчужинами описаний его красоты, а ее расшитая шелковыми нитями завеса благоухающих амброй привлекательных локонов скрыла и утаила жаворонковые пятна, которые были изъяном на ее сияющем [подобно] луне лице, и когда он выразил страстное желание ввести ее в гарем и насладиться драгоценным камнем соединения, она, подчинившись установлению «*вещь не происходит два-*

[868] ‘Азамат-Гирай (ум. 1632) – крымский царевич, занимавший пост нураддина (1610–1623, 1625–1627, 1628–1631) и калги (1631–1632).

[869] Бесленеевцы (адыг. беслъэней) – черкесское племя, проживавшее в XVI–XVIII в. на юго-востоке современного Краснодарского края и вошедшее в состав адыгейского народа.

[870] Строки османского поэта Сюмбюльзаде Вехби (ум. 1809).

жды, не повторившись в третий раз» (аш-шайй ла йусанна илла вакад йусаллас), пошевелили устами [в знак] согласия на бракосочетание. Когда Мехмед-Гирай и Шахин-Гирай бежали из сильных рук врага и упали в темной ночи небрежения в яму преисподней скитания на чужбине, в момент кокетства и жеманства игривая мать ловко завила локоны гребнем просьбы о том, чтобы должность калги была дарована Джанбек-Гираю, и мелодия голоса ее грустной надежды подействовала на душу влюбленного хана, так что тот получил в долю кусок хлеба престолонаследника, что стало закваской для теста государства и наличным капиталом его счастья, а его отчим на ногах естественной смерти вышел вон из дома жизни, и на пути отсутствия и небытия [вместо] второго мужа товарищем его матери стал третий, он по лестнице надежды и поиска взобрался на престол предмета своих поисков, удостоив степени калги бывшего нураддина Девлет-Гирая, а поста нураддина – [одного] из сыновей Селамет-Гирая, ‘Азамат-Гирая, торжественная церемония [битья] в барабаны [этой] сделки разорвала завесу завистливого ума Мехмед-Гирая и Шахин-Гирая и расшевелила жилки их злобы и ревности, так что вместе с толпой несчастных, которых они смогли собрать и согнать [в одно место], они стали бить в бубен смуты, испугав птицу спокойствия и блаженства Джанбек-Гирая, в частности, в огне споров и сражений, разожженном ими однажды в Кафе и в [другой] раз в Бахчисарае, дом государства пресловутого [хана] дошел до степени полного уничтожения и упадка, так что благодаря указанной мастерами искусства игры в великие шахматы сражений комбинации и обучению великолепным мерам сбивания с коней (?) быстроходная османская пехота и одетая в доспехи султанская конница [своим] мудрым и храбрым выдвижением применила на поле сражения мастерство, что привело к тому, что ноги стойкости скитавшегося по степи бунта и мятежа войска содрогнулись от разгрома, после чего Мехмед-Гирай приложился челом раболепства и принесения извинений к подолу прощения государя времени, вследствие чего был поселен в селении Галиболи (Гелиболу – примеч. пер.) с определением достаточной суммы годового содержания, а Шахин-Гирай в силу смутьянства и настойчивости перешел рамки покорности и нашел приют под сенью покровительства персидского шаха[871], без всякой необходимости и причины претерпел хлопоты путешествия и совершил неуместное действие. Разогнав соперников [его] правления, Джанбек-

[871] В 1614–1624 гг. Шахин-Гирай находился на службе у сефевидского шаха Аббаса I (1587–1629).

Гирай-хан получил от достойного положения Джамшида падишаха повеление идти с поход на персов (‘аджам) и, пройдя с многочисленным войском в Анатолию, проявил колоссальное усердие [в битвах] с кызылбашами и другими распутными врагами, в частности, в побоище, в котором он вместе с султаном Османом[872] – да озарит Аллах его довод (анара-Ллаху бурханаху) – сражался в крепости Хотон[873], потратив звонкую монету силы на службе религии и государству, что было записано в сокровищнице памяти государственных мужей, так что, питая грёзы о том, что это помешает его смещению и несчастью, прислонился к перине беспечности и положил голову на подушку безопасности. Те, кто в ту эпоху были доверенными [писцами] монетного двора сражения, потерялись и пропали без вести, так что динары прежней службы, пройдя через пробный [камень] рассмотрения, [были признаны] недействительными и не имеющими обращения в наше время, так что в [месяц] джумади ал-ула тысяча тридцать второго года (март 1623 г. – примеч. пер.) без всякий видимой причины они были ранены кинжалом увольнения и неудачи, брат Шахин-Гирая, Мехмед-Гирай, был опьянен сладостным шербетом правления Крымом, а Чирменский санджак[874], в котором было велено поселиться Джанбек-Гираю, был определен в указанный год (1623 г. – примеч. пер.) [в качестве] государственных земель (хавасс), став бальзамом для его израненного сердца. Рассказывается, что новый хан Мехмед-Гирай Толстый (Семин) был зеницей ока сына Мехмед-Гирая (Мехмед-Гирая II – примеч. пер.), Са‘адет-Гирая, и после отстранения от должности калги поселился в Галиболи. Через год [один] из визирей султана Ахмеда[875] Насух-паша[876], который обрел с помощью роскошного дара невольников и наложниц любовь и привязанность и укрепил [тем самым] основы любви, был приглашен в Эдирне без раз-

[872] Осман II (ум. 1622) – султан Османской империи, правивший в 1618–1622 гг.

[873] Хотин – город в исторической Бессарабии, расположенный в Черновицкой области на западе современной Украины. В этом месте в сентябре-октябре 1621 г. произошла битва между войском Османской империи под командованием султана Османа II и армией Речи Посполитой, закончившаяся фактически ничем, хотя обе стороны объявили о своей победе. В результате этого сражения Османская империя была вынуждена прекратить войну и на время отказаться от планов расширения своих границ в Европе.

[874] Чирмен (греч. Ормению) – регион в исторической Фракии, на северо-востоке современной Греции, на границе с Турцией и Болгарией. В 1371–1829 гг. имел статус санджака.

[875] Ахмед I (ум. 1617) – султан Османской империи, правивший в 1603–1617 гг.

[876] Гюмюльджинели Насух-паша (ум. 1614) – великий визирь Османской империи в 1611–1614 гг. Был женат на дочери султана Ахмеда I, Айше Султан.

решения и позволения падишаха с тайным обещанием сделать [его] ханом, пришпорил [коня] принятия [приглашения] и, приблизившись к месту назначения, зрачок его дальнозорких глаз натолкнулся на небе [Божественного] приговора на схватившихся в бою сокола и орла, он позабыл о том, что владельцем султана птиц (орла – примеч. пер.) был падишах мира, и направил сидевшего наготове у него на руке сокола, быстро хватающего добычу, на орла, а благородный достопочтенных падишах, свивший гнездо в обители отваги, наблюдал за тем, как [сокол], одним словом, без всякого промедления разбил в пух и в прах крупную и мощную птицу, [после чего] со словами «Что [это] за наглец, решивший забрать добычу из лап моего сокола?» взобрался на отделявшую их друг от друга насыпь и осмотрелся по сторонам, пресловутому султану пришлось не по вкусу явившееся его августейшей [особе зрелище] с сорокапятьюдесятью вооруженными и одетыми в доспехи слугами, и когда он расспросил о причине их прибытия, неосмотрительный визирь рассказал и доложил о том, что [этот] неудовлетворительный случай произошел из-за его ошибочного мнения. Однако его недоброжелатели и соперники воспользовались возможностью, изменив прозрачное зеркало его августейшего нрава помутнением раздора и вероломства и покрыв его ржавчиной слов «Он намеревается нанести ущерб Вашей августейшей персоне», и [эти] ложные предпосылки привели к тому, что ни в чем неповинный паша был казнен и погублен, а оказавшийся вдали от [родного] края султан (Мехмед-Гирай III – примеч. пер.) был устранен, оказавшись заточен в темнице Йеди-Куле в тюрьму страдания и мучения. Он немало времени терпел тяготы тюрьмы и выискивал возможности для выхода [на свободу] и бегства. Оттого, что появившаяся в эту эпоху от приближения восшествия [на престол] достопочтенного султана Османа, который пал мучеником от рук вероломства сирийцев Рума[877], пыль беспорядков помешала проницательности и бдительности, о его отправлении втайне от глаз надзирателей в сторону Крыма на конях, приготовленных [заранее] Халеф-мирзой, который был облагодетельствован им и преданно служил ему, стало известно, так что для его поимки на море или на суше и возвращения [назад] были назначены люди, которые настигли

[877] Метафора, в основе которой лежит аналогия между султаном Османом и третьим праведным халифом ‘Усманом (ум. 656), который был убит недовольными мусульманами, восставшими по причине произвола и несправедливости Омейядов, родственников халифа, полностью распоряжавшихся тогдашней Сирией (Шам).

его в долине Превади[878] и доставили к падишаху, и когда вспыхнул огонь от огнива его гнева, то он сперва сделал добычей клинка уничтожения сорок человек, [которые были] с Халефом, сослав пресловутого султана на остров Родос. Когда Хусейн-паша[879], который был на указанном острове его товарищем на пиршестве жизни в изгнании и испил вместе с ним из кубка горького вина скорби, обретя [его] любовь, получил должность садразама, то он в силу уважения к прежним правам направил поток расположения духа августейшей [особы] в сторону чаяний пресловутого [султана], благодаря чему великое древо его намерения зацвело и покрылось благоуханными цветами правления крымским Бахчисараем, и когда свивший гнездо на горе скитаний и неудачи Шахин-Гирай был приглашен показанной ему приманкой благоволения и без промедления и задержки распростер маховые перья поспешания, шах ‘Аббас среди подобных ему обладал [благим] нравом и был признательным, вследствие чего он возложил десницу своего благоволения на его стремя и сказал: «Если достопочтенный падишах, служащий прибежищем мира, поручит тебе [пойти с военным походом] в эти края, то разобьешь ли ты камнем склоки и сражения чашу любезности и увеселения?», на что, как известно, голодный сокол (Шахин-Гирай – примеч. пер.) вместе со своим внушительным возгласом:

Beli şahım Yahyâ burada hâtır-ı yârâna bakılmaz

«Да, шах мой Йахйа, здесь не смотрят на мнение друзей»[880],

дал храбрый и смелый ответ: «Я подобен голубю, [но] выйду с мечом на поле сражения, как свирепый волк нападает на отару овец», обрадовался этому и [почувствовал себя] защищенным [от опасностей], показав в простонародной манере средний палец и пошутив: «Не возьмешь ли ты, о мой султан?» Короче говоря, Шахин-Гирай добрался через Трабзон в Крым, надев на голову позолоченный колпак калги, а Чобан Девлет-Гирай[881] положил на плечи неровный посох нураддина, а спустя неделю перстень удачи его сторонника Хусейна-паши упал в колодец неудачи, и доброжелатели его предшественника подло и веролом-

[878] Превади (болг. Провадия) – город в исторической Румелии (на востоке современной Болгарии), с 1388 по 1878 гг. находился в составе Османской империи.

[879] Мере Хюсейин-паша (ум. 1624) – османский государственный деятель албанского происхождения, дважды занимавший пост великого визиря в 1622 и 1623 гг.

[880] Строки из дивана османского мусульманского ученого и поэта Шейхулислама Зекерьязаде Яхья-эфенди (ум. 1644).

[881] Чобан Девлет-Гирай (ум. 1625) – крымский царевич, внебрачный сын Фетих-Гирая I. В 1623–1625 гг. занимал пост нураддина.

но обвинили и выставили в неприглядном свете Мехмед-Гирая и Шахин-Гирая на собрании покровительствующего миру падишаха, продвинув Джанбек-Гирая, благодаря чему в [месяц] ша‘бан тысяча тридцать третьего [года] (май-июнь 1624 г. – примеч. пер.) позаимствованный кафтан правления Крымом во второй раз был накинут на плечи пресловутого [лица] (Джанбек-Гирая – примеч. пер.), и тогда он сделал калгой своего брата Девлет-Гирая[882] и на судне важничанья бросил якорь осмотрительности в порту Кафы, а громогласный звук [канонады] пушки отстранения и несчастья достиг ушей Мехмед-Гирая, огонь ненависти и зависти зажег пороховой склад его терпения и спокойствия, так что он в сговоре с Шахин-Гираем стал вместе с приспешниками нечестия и злодейства метать за пределами указанной крепости искры войны и вражды, так что бессилие и слабость Джанбек-Гирая стали очевидны, и они вместе с капудан-пашой[883] бежали в город, и тогда, по мнению обладателей разума и здравомыслия, дабы потушить огонь смуты и беспорядков, было признано одобрительным отказаться от ханской власти в пользу Мехмед-Гирая, а Джанбек-Гирай, как и прежде, стал распоряжаться Чирменским санджаком. Убедившись и признав, что неудовлетворительные действия, которые стали недавно исходить от султана Шахин-Гирая, со временем приведут к наказанию и взысканию, [он] направил посла к шаху ‘Аббасу, с которым он прежде заложил основы мирных [отношений] из соображений, чтобы в случае необходимости у него было безопасное место и пристанище, и скрепил свое письмо, написанное с изъявлением искренности [своих намерений], печатью с выгравированной на ней неприятной мисра‘ «слуга шаха ‘Аббаса, Шахин-Гирай», о чем персидский историк по имени Сикандар[884] в своей краткой хронике под названием «Макасид»[885] пишет с велеречивыми восхвалениями, оказывая ему почесть и прославляя его. Из-за того, что оба брата, чьи подолы были осквернены спесью и гордыней, были мертвецки пьяны, графин их увеселения и радости разбился, приблизилось похмельное время их неудачи, которое было для них головной болью, из-за чего гарцевавшие

[882] Девлет-Гирай (ум. 1631), сын нураддина Шакая Мубарек-Гирая.

[883] Капудан-паша – титул командующего флотом Османской империи с конца XVI века.

[884] Искандер-бек Туркаман Мунши (ум. 1634) – персидский историк и личный секретарь шахов Мухаммада Худабенде и Аббаса I, крупнейший представитель придворной историографии эпохи Сефевидов. Автор большого труда по истории Сефевидского государства «Тарих-и ‘алам-ара-йи ‘Аббаси» («История украшателя мира Аббаса»).

[885] Бахадыр-Гирай I (ум. 1641) – крымский хан в 1637–1641 гг. Сын крымского хана Селамет-Гирая I.

на поле бытия султаны по имени Бахадир-Гирай (?), ‘Азамат-Гирай, Мубарек-Гирай[886], Ислам-Гирай[887] и Сафа-Гирай[888] из потомства Селамет-Гирая были мотыльками у свечи любви к Джанбек-Гирай-хану, а также ‘Инайат-Гирай[889], Хусам-Гирай[890], Са‘адет-Гирай[891] и ‘Айваз-Гирай[892] из детей Бора Гази-Гирай-хана удовлетворились определенным им падишахом ежегодным куском хлеба и были заняты мольбами о Высоком Государстве, так что каждый из них расстелил ковер поселения в своем месте, в целом, все родственники и посторонние, за исключением тех, кто испугался и сторонился Мехмед-Гирая и Шахин-Гирая, были привержены исключительно плоду сердца Мехмед-Гирай-хана, рожденному от наложницы и удостоившемуся удачи постоянно находиться [при хане] в качестве заложника (рахин) Ахмед-Гираю[893] по прозвищу Богдан (т.е. молдаванин – примеч. пер.), и даже сила воображения Шахин-Гирая была неспособна к порождению и изменению, в силу чего положение требовало наличия рядом с большим древом должности нураддина кого-либо наподобие статуи в виде человека, однако в пределах Крыма не нашлось готового [занять] указанный пост, и когда хан и султан плавали по морю недоумения и беспокойства, чтобы заполучить человека такого рода, ранее бывшему калгой у Бора Гази-Гирая Фетих-Гирай-хану была подарена дочь одного прощелыги из польских бояр, которая попала [в плен] к татарам и какое-то время коротала свои дни в гареме указанного [лица]. Пресловутая наложница не обладала милостью веры и изяществом красоты и неповторимости, [а потому] не была достойна служения обладавшему тонким вкусом султану, и он решил, что будет уместнее и выгоднее обменять ее на чеканное золото чистой пробы, отдав ее на время в руки мнимой надежности одного считавшегося правдивым [че-

[886] Акче Мубарек-Гирай (ум. после 1632) – крымский царевич, сын крымского хана Селамет-Гирая I. Занимал пост нураддина в 1631–1632 гг.

[887] Ислам-Гирай III (ум. 1654) – хан Крыма в 1644–1654 гг. Сын крымского хана Селамет-Гирая I. Занимал пост калги в 1637–1641 гг.

[888] Сафа-Гирай (ум. 1640) – крымский царевич, сын крымского хана Селамет-Гирая I. Занимал пост нураддина в 1637–1640 гг.

[889] ‘Инайат-Гирай (ум. 1637) – крымский хан в 1635–1637 гг.

[890] Хусам-Гирай (ум. 1637) – крымский царевич, занимавший пост калги в 1635–1637 гг.

[891] Са‘адет-Гирай (ум. 1637) – крымский царевич, занимавший пост нураддина в 1635–1637 гг.

[892] ‘Айваз-Гирай (тж. Аваз, Авуз, Айаз, ум. до 1635) – крымский царевич, сын Бора-Гази-Гирай-хана. Остался без должности.

[893] Ахмед-Гирай (ум. после 1635) – крымский царевич, сын Мехмед-Гирая III от молдавской наложницы. С 1624 г. находился при султанском дворе в Стамбуле.

ловека] по имени Хаджи Ахмед из [числа] облагодетельствованных указанным [султаном], который покрасил свою белую бороду хной показной добродетели и надушил свою зеленую накидку, причиняющую боль плечам заслуживающими проклятия проступками, благовонием из тысячелистника показной славы, а он отправил присланную ему наложницу к ее безнравственному отцу. Когда до слуха каждого уха в султанском гареме дошла весть о том, что она в пути забеременела, боль родовых схваток злобы и зависти вызвала у них волнение и беспокойство, так что одна из приближенных [к султану] наложниц, снимая сапоги, сказала: «Долгих [лет] жизни жемчужине невиданного Вами чада, зародившегося в сокровищнице лона вашей польской наложницы, даром соединения с которой Вы имели удовольствие воспользоваться, и пусть будет благословен его приход [в этот мир]!», выразив упрёк (букв. ударив по голове – примеч. пер.) камешком шутки и возражения, после чего благородный султан стал отпираться и возражать против [причастности к] беременности, обагрив шкатулку осуждающих уст ударом подковки сапога гнева и ярости, после чего ради выражения своей непричастности и чистоты пустил во все стороны воду поисков, разузнав об обстоятельствах [произошедшего], и когда он назначил людей, чтобы потушить резкими ветрами казни светильник жизни [этого] хаджи и наложницы, сияние жизни матери ребенка потухло и угасло от ветра естественной смерти, а пресловутый хаджи скрылся под клочком ковра скитаний и тоски, и когда Фетих-Гирай-хан был опьянен и пал без чувств от шербета клинка мученической смерти, тот вернулся к себе на родину в селение Акмесджид[894] и взял к себе на службу зеницу ока богданской невольницы по имени Мустафа (Чобан Девлет-Гирай – примеч. пер.) пасти отару овец, а когда Гази-Гирай-хан искоренил детей и внуков Фетих-Гирай-хана, ранее упомянутый Мустафа все еще дремал в объятиях атабека, вследствие чего верный человек, бывший ему заместо отца, отдал своего родного ребенка в качестве выкупа за своего духовного сына, сказав, что скрывал [его] в уголке кармана и за пазухой защиты и безопасности, а после отражения бедствия битвы и разрушения проявил и объявил [о нем], что является вторым преданием, начертанным пером назначения на странице сокрытия и переодевания.

Мисра‘

وللناس فيما يعشقون مذاهب على كل التقديرين

[894] Акмесджид (совр. Симферополь) – город в центре Крымского полуострова, расположенный на реке Салгир.

«У людей при любом из двух случаев есть [разные] пути в том, что они любят»[895].

Летавший в вышине неба розысков султан Шахин-Гирай разузнал об указанном событии и вследствие нехватки людей и тогдашних обстоятельств сказал, что [он] является несомненным и бесспорным родным сыном Фетих-Гирая, сняв [с него] старое одеяние имени Мустафы, скрепив тамгою Гираев, которая была особым знаком одеяний сынов Чингиза, облачив в новую накидку имени Девлет-Гирая и немедленно усадив на место нураддина.

Диковина (гариба)

Даже чингизидские султаны прибыли в счастливый и благородный ‘Ид[896], чтобы удостоится блага лобызания подола падишаха [той] эпохи, так что пришел и витязь (пехливан) Хусам-Гирай, восседавший высоко на троне гнева и ярости на праздничном собрании в то время, кода наследник Мехмед-Гирая, Богдан Ахмед-Гирай, был в заложниках. Согласно Чингизову уложению, старшинством обладают те, кто [хотя бы] на минуту раньше явился в [мир] бытия, тогда как, по почтенному закону Османов, необходимо, чтобы на почетном месте сидели те, кто находился непосредственно в заложниках [у падишаха], а разгневанная голова Хусам-Гирая сияла белой бородой старости, тогда как черные усы Ахмед-Гирая и его необрубленный топор были умащены благовонием молодости, так что пресловутое лицо (Хусам-Гирай – примеч. пер.) обеспокоилось и встревожилось тем, что он опередил всех, и стало искать повод для возмущения и скандала, о чем не было известно Ахмед-Гираю, а поскольку Хусам-Гирай в путешествиях и скитаниях на чужбине владел богданским (молдавским – примеч. пер.) языком в объеме, [достаточном], чтобы попросить воды и хлеба и справиться о здоровье, он стал приставать [ко всем] со словами возмущения, и поскольку Ахмад-Гираю приходился по вкусу и по нраву неблагозвучный богданский язык, с которым он был знаком еще с младенческой поры, он непрерывно и помногу повторял неприятные речи, [пуская в ход] странные бранные слова о том, что злонамеренный султан уммы Мухаммада, готовый к вражде и злословию, пропустил впереди чингизидских султанов како-

[895] Дополненная автором цитата из стихотворения арабского поэта и государственного деятеля Абу Фираса ал-Хамдани (ум. 968).

[896] Название двух главных праздников мусульман – ‘Ид ал-Фитра (Праздник разговения) и ‘Ид ал-Адха (Праздник жертвоприношения).

го-то не знающего по-турецки человека, рожденного от беспутной богданской невольницы, выйдя за пределы справедливости и благородства, и [с этими словами] вытащил меч бесчестия, намереваясь совершить убийство и свершить казнь, проявив [тем самым] безумие и надменность, а общеизвестно, что участники дивана цепью приятных наставлений и веревкой угроз и посулов положили конец [этому] жуткому собранию. Короче говоря, светило счастья Мехмед-Гирая и Шахин-Гирая стало клониться вниз из созвездия удачи и богатства, и тогда [один] из подвластных [им] и послушных велениям крымских ханов эмиров [рода] Мансур по имени Кантимур[897] вследствие своей связи с ханами, [служившими] источником коварства и злодеяний, без [всякой] пользы и прибыли [для себя] заявил о том, что получил степень эмира эмиров (амир ал-умара), устроив неприятный танец на площади высокомерия и отваги и подчинив свои нескладные движения [звукам] скрытого изношенного коптского (цыганского – примеч. пер.) барабана, а высказанная им обладателям благодеяния мысль вышла за рамки [их] терпения, отчего струны кануна великодушия крымского хана сыграли мелодию гнева и ярости, и он передал [дело] уничтожения и искоренения указанного народа острым когтям Шахин-Гирая, после чего звук маховых перьев его отправления дошел до ушей сторонников вражды и смуты, и когда, дабы освободить птицу своей жизни, он вместе со своей свитой и скотом перешел реку Дунай, лежавшую за пределами власти хана, докуда не могла дотянуться десница нападения указанного султана, и прошел в земли Добруджи[898], преследование его полков, бежавших на скакуне отчаяния и страха, противоречило книгам о сражениях и искусству трактатов о военном деле (левенд-наме),

Бейт:

قضا چون زگردون فروهشت پر
همه زیرکان کور گردند و کر

«Когда [Божий] приговор свешивает крылья с небосвода,
Все умники слепнут и глохнут»[899],

скуфья беспечности и несчастья затмила взор его осторожности и внимания, вследствие чего он без передышки и промедления спустился с

[897] Кан-Темир (ум. 1637) – ногайский военачальник, один из биев ногайского рода Мансур и сын ногайского карачи-бея Арслан-бека (1584–1595), основатель и первый глава Буджакской орды.

[898] Добруджа – историческая область на севере Балканского полуострова, на территории современных Румынии и Болгарии близ важной дельты Дуная.

[899] Строки из «Шахнаме» Фердоуси.

целью охоты и ловли [противника] в [самую] середину сражения, население провинции (вилайет) передними перьями вспомоществования одержало победу над членами рода Мансур, так что эмиры Ширинов, которые были товарищами и сторонниками несчастного Шахин-Гирая, и прочие мусульмане, в соответствии со смыслом мисра‘:

Gördüm kafesi başka yatur başka kafası

«Увидел я, как лежит с одной стороны его тюрбан, а с другой стороны – его голова»,

его обреченная голова упала от пинка обладателей высокомерия и ненависти на землю, и, в соответствии с содержанием бейта:

چو شاهین باز ماند از پریدن
زگنجشکش لکد باید چشیدن

«Когда сокол утратил способность летать,
Следует ему испробовать пинка от воробья»[900],

даже плечи величия и удачи несчастного Шахин-Гирая были переломаны, отчего он на крыльях слабости и поражения упал в долину тоски и возвращения, что укрепило дух его врагов, подковав коней их высокомерия и строптивости подковами хитрости и интриг, так что они преследовали [его] до [самого] Бахчисарая и при наступлении двадцатого дня после первой недели [месяца] рамадан тысяча тридцать шестого года (июнь 1627 г. – примеч. пер.) окружили и осадили [его], и из-за долгой задержки их запасы и верховые животные оскудели, отчего указанный мирза бежал к мирмирану Кафы, пятнадцать дней отдыхал и потчевал, и когда [он] благодаря подкладыванию армейского фуража скоту их главарей в очередной раз приступил к сопротивлению, одна-две тысячи людей из [числа] приспешников Кантимура вступили в долину небытия, и в ту пору, а именно седьмого [дня] месяца шаввал (21 июня 1627 г. – примеч. пер.), постившийся в изгнании и неудаче и тосковавший в праздник воссоединения с домом и [родным] краем Джанбек-Гирай-хан – «*вещь не происходит дважды, не повторившись в третий раз*» – бросил на ладье радости и веселья якорь ликования в порту Кафы, дабы в третий раз захмелеть от тройного аперетива (саласа-и гассала) правления Крымом из шербетной лавки государева гения в отрадном цветнике Бахчисарая, и молва об этом достигла слуха вдрызг опьяневших от вина гордыни и надменности хана и калги, так что их беспокойные головы заболели от похмелья отчаяния и лишения, и когда они поддались страсти огорчить и расстроить пиршество радости общества крымского хана

[900] Строки из поэмы «Ширин и Хосров» Низами Ганджави.

звуками войны и вражды, вероломный человек, который был их главным мушкетёром (туфенгчи-башы), бывший предводителем его дворцовой стражи (капу халкы) и имевший среди них веское слово, словно мушкет, убивающий своего хозяина, сговорился покуситься на душу Джанбек-Гирая, что вызвало отдаление [от него] остальных, так что хан, от которого отвернулась удача, вместе с пятью-десятью подданными и калгой бежал к неверным казакам, коротавшим время на берегу реки Днепр, и убедил их последовать за собой, соблазнив их разграблением имущества мусульман, а когда в середине тысяча тридцать восьмого года (февраль-март 1629 г. – примеч. пер.) они с новым ханом пустили по кругу чашу схватки за пределами Феррах-Кермана, большая часть неверных,

Арабский стих:

يدير باطراف السهام عليهم كؤس المنايا حيث لا تشتهى الخمر

«Разносят стрелы вокруг кубка смерти, когда уже не хочется им вина»[901],

испили из кабака могущества пиалу смерти и небытия, оставшиеся [в живых от] мечей [и] потерявшие вкус [к битвам] казаки, сочтя, что их ввели в заблуждение ложью о том, что жители Крыма в пору споров и схваток не возьмутся в силу завета и договора за меч отмщения, в соответствии со смыслом [пословицы] «*счел дозволенным вино [под видом] уксуса*» (истахалла-л-халлан хамра), превратили с помощью горького рассола упрямства и строптивости приятное на вкус вино их доброго согласия в мятежи и смуту, и когда во время схватки и сражения хан (Мехмед-Гирай III – примеч. пер.), настигнутый [Божьим] приговором, в силу исчерпания удела его жизни проглотил зерно мушкета и упал на землю смерти, его тело отвезли в Бахчисарай и похоронили по соседству с его великим отцом, в год тысяча тридцать восьмой, [месяц] шаввал (май-июнь 1629 г. – примеч. пер.). В первый раз срок его правления составил один год [и] два месяца, во второй раз – три года [и] девять месяцев, а после поражения он распоряжался [делами государства] еще четыре месяца – в общей сложности четыре года [и] одиннадцать месяцев, а время его жизни составило сорок пять лет. Посреди стычки и распри калга Шахин-Гирай, сбежав на сломанных крыльях ухищрения [под] знамя покровительства персидского шаха, где он предварительно свил себе гнездо, высвободил воротник жизни из рук злодейских врагов. Од-

[901] Строки из касыды арабского поэта ал-Мутаннаби.

нако бесчестный Сафи[902], который был в то время правителем областей Ирана, не был взыскательным [в отделении хорошего от дурного] и не ценил [блага], [чувство] чести и достоинства, проявившееся из-за того, что он попался в руки почтения, словно сокол с обрезанным клювом, оказавшийся в руках крестьян, помешало ему [там] отдохнуть и задержаться, так что он отправился в поход на [земли] кумыков и черкесов, являвшие пример ямы преисподней, и пока он на протяжении пяти лет тратил там звонкую монету своей прелестной жизни, у него и там не было возможности отдохнуть из-за беспокойства о том, что мог проявиться праведный гнев достопочтенного султана Мурада Гази[903], который высоко восседал на троне великолепия и украшал [собою] престол величия, и он на дрожащих ногах доброй воли и на стопах просьбы о прощении и помиловании бил челом о ковёр в шатре справедливости и просунул голову в покои милосердия, что совпало по времени с тем, как покровитель справедливости раскрыл шкатулку страны Иран и прочитал [суру] «Фатиха» [по случаю] завоевания Еривана (Реван), украсив подобное Фирдавсу[904] поле Ускюдара[905] разноцветными шатрами с золотыми колоннами, вызывавшими зависть у высших [уровней] рая, благодаря чему живительная вода его надежды из сладкоречивого родника его [смиренной] просьбы, пущенная Силахдар-пашой[906] по трубе его посредничества и просьбы о заступничестве, вызвала волнение на море милосердия падишаха, достойного положения Джамшида, так что он своим благосклонным упрёком осведомился о том, откуда он пришел и куда направляется, и когда он сказал, в соответствии со смыслом бейта:

گاه در دشت بود سرگشته
گه زراه عراق برگشته

«То блуждал он по степи,
То вернулся назад из Ирака»,

«когда я устроил близким и иностранцам испытание в усердии и старании, дабы привести результат стрелы моих чаяний к желанной цели, лук моего благоразумия оказался непригодным, руки удачи и ладони

[902] Сефи I (ум. 1642) – шах Ирана из династии Сефевидов, внук Аббаса I. Правил с 1629 по 1642 гг.
[903] Мурад IV (ум. 1640) – султан Османской империи, правивший в 1623–1640 гг.
[904] Фирдавс – райский сад.
[905] Ускюдар – район в азиатской части Стамбула.
[906] Силахдар Мустафа-паша (ум. 1642) – османский государственный деятель боснийского происхождения, занимавший пост визиря, бейлербея Шама и командующего флотом (каптан-ы дерья) Османской империи.

моего могущества сломались, отчего я [накинул] саван на плечи просьбы о прощении [и] приложил голову к дверям, служащим опорой счастья (Счастливой Порте – примеч. пер.», строки его прегрешений и пороков были перечеркнуты прощением, и он удовлетворился ссылкой на остров Родос с назначением достаточного годового содержания, в год тысяча сорок третий (1633–1634 гг. – примеч. пер.). Короче говоря, Джанбек-Гирай-хан освободился от [лежавшей] грузом на плечах его безопасности и спокойствия тяжести соперничества, а благосклонность и особое расположение, которые он снискал у падишаха, привели к независимости правления и послужили причиной для укрепления средоточия султанской власти, так что он назначил своего калгу Девлет-Гирай-султана разграбить страну ляхов (поляков – примеч. пер.), а когда во время сражений в исламских краях проявились признаки поражения, Ислам-Гирай-султан, которому было велено сопровождать его, был закован в цепи плена и долгое время страдал от тоски по дому и [родному] краю. Прошло не так много времени после того, как пресловутый калга набросил узду возвращения на скакуна путешествия и выдвижения [в путь], как он кончиками пальцев четырех пеших людей был отправлен (букв. сложил голову – примеч. пер.) в страну загробной жизни, и на оставшийся вакантным пост был назначен нураддин ‘Азамат-Гирай, а вслед за тем, как родного сына хана, Акче-султана Мубарек-Гирая поздравили с [получением] должности нураддина, изъявление ‘Азамат-Гираем [своего] величия и славы, а также демонстрация им формы непокорности и мятежа привели к буре [на] море ханского гнева, так что в [месяц] зу-л-хиджа тысяча сорокового [года] (июль 1631 г. – примеч. пер.) он утонул в море небытия, и Мубарек-Гирай обрадовался и возликовал из-за оставленного [им] злополучного поста и потушил огонь разлуки [с ним], напоив [одного] из братьев убиенного султана, Мехмед-Гирая[907], шербетом поздравления [с занятием] оставшегося вакантным поста, тогда белый лик чистой жизни Акче-Султана тоже упал на черную землю смерти, Мехмед-Гирай был принят на службу в качестве калги, и в то время, когда он оказал почтение торжеству [битья в] барабаны празднества [по случаю] обрезания его семилетнего сына по имени Хаджи-Гирай, игравшего в орешки [под] куполом детства, предложив звучание барабана радости [от занятия] указанного поста, купчая Джанбек-Гирая на правление и удачу была повреждена не ратными мужами, а его недугом, бу-

[907] Мехмед-Гирай IV Софу (ум. 1674) – хан Крыма в 1641–1644 и 1654–1666 гг., сын крымского хана Селамет-Гирая I. Занимал пост калги в 1632–1635 гг.

дучи стерта и уничтожена секретарем предопределения, и в [месяц] рамадан тысяча сорок четвертого года (февраль-март 1635 г. – примеч. пер.) ханский ярлык (маншур) был выписан высокочтимым пером султанского соизволения и составлен на имя ‘Инайат-Гирая, так что они разделили друг с другом обитель изгнания и ссылки вместе с заклятым врагом свергнутого хана Шахин-Гираем. В [месяц] джумади ал-ахира тысяча сорок шестого года (ноябрь 1636 г. – примеч. пер.) Джанбек-хан не справился с войском лихорадки печалей и скорбей, невольно отправившись в затворничество в уголке могилы в Родосской крепости. Срок его правления в первый раз составил двенадцать лет, во второй раз – два года [и] три месяца, в третий раз – семь лет, а время его жизни – около семидесяти лет. Два высокопоставленных человека, которых не могли вместить Дешти-Кыпчак и Азакская степь, разделили участь скитания на чужбине в почти исчезнувшей обиде на хана, бывшего их заклятым врагом, и когда они расстелили и стали вытряхивать для [их] очистки свои драгоценные персидские ковры, использовавшиеся ими для выстилания полов, слуг обеих сторон по [причине] недостатков постигла ошибка, так что их беседа и словесная перепалка перешла в драку и постепенно превратилась в побоище с использованием [таких] средств, как [удары] кулаками и пощечины, так что победила преимущественно сторона Шахин-Гирая, и тогда, как говорят, Джанбек-Гирай с сожалением пожаловался: «Я не знаю покоя от огорчений и беспокойств [со стороны] этого замышляющего смуту лица [и] на чужбине, и в счастливую [пору]. Хотя и не прошло много времени с тех пор, как султан Шахин-Гирай лицезрел, как его заклятый недруг и враг династии упал на землю погибели, пресловутое [лицо] прославилось предупреждением об интригах и кознях, [но само] не было свободно от вмешательства в дела Крыма путем подстрекательства к интригам, и в те дни, когда правивший в то время Крымом Бахадир-Гирай-хан выступил с жалобой,

Бейт:

چون کار زمین نیکو ساختی

اکنون باسمان پرداختی

«Хорошо выполнив земное дело,

Решил ты заняться небесами?»,

из-за утверждения некого неизвестного и вероломного человека, восседавшего во главе школы невежества и лжи, о своем мастерстве в искусстве астрологии, он сказал, что имеется вероятность того, что один знаменитый человек по имени Туйур поднимет ветер смуты, тогда как [эти слова] вряд ли были правдивы, и его неосторожное сооб-

щение, сделанное на основе астрологических доводов, вызвало беспокойство в душах заинтересованных людей, вследствие чего перед совершением преступления услуга по расшиванию диковинного рисунка запуска птицы души Шахин-Гирая шелком хитрости и уловки в мастерской наказания была поручена деснице кары и разрушения Наккаша Мустафы-паши[908], тогдашнего наместника Каира, и когда он прибыл на Родос, то пригласил обреченного на смерть султана с помощью силков и уловки изъявления симпатии в основанное на несправедливости пристанище за пределами крепости, где он разбил лагерь своей вражды, а тот направился к дому наказания с надеждой на милость и милосердие. Когда один привыкший к путешествиям дервиш, ведавший об истории, как он провалился в опасную яму, подобно вспыльчивому Бурзу[909], написал [об этом] на кусочке бумаги и в своем донесении представил [эту] записку и известил [об этом], султан, от которого отвернулась судьба, питавший пустую надежду на достижение желаемого и проведший свою драгоценную жизнь в доме, украшенном походами, не удостоившись чести знания и искусства, являющихся достойнейшим из даров Творца, и не обратив взора своего внимания на письмо наделенного чистосердечием дервиша, посчитал и заподозрил его в стремлении [получить в] дар дирхемы и динары, сделал находящимся при нем непослушным слугам знак, чтобы они дали [ему] милостыню, а сам без всякого страха и смятения пошел на страшное собрание и заболел болезнью ангины небытия из-за молодого лучника гнева и притеснения, в соответствии со смыслом бейта:

Memlekete sığmayan ejder-i zaman
Eyledi surah-ı ademde mekan
«Дракон [этого] времени, не нашедший места у себя на родине,
Сделал местоположением своим дыру небытия»,

стал соседом своего ненавистного врага в тесной могильной нише. Новый хан ‘Инайат-Гирай, который был дорогим сыном поэта Бора-Гирая, бывшего прежде повелителем Крымского полуострова, когда его родитель отправился в обитель вечности, а его брат Токтамыш-Гирай и Сефер-Гирай были поражены клинком кары и наказания, указанное [лицо] и его младший брат Хусам-Гирай вместе с их братьями по имени

[908] Наккаш Мустафа-паша (ум. 1653) – османский государственный деятель и художник-миниатюрист боснийского происхождения. В 1640–1642 гг. занимал пост бейлербея Египта. В последующем также занимал посты бейлербея Диярбакыра и Будина.

[909] Бурзу – сын Сухраба и внук легендарного богатыря Сухраба, который упоминается в некоторых персидских сочинениях, написанных по мотивам «Шахнаме» Фердоуси.

Сафа-Гирай и ‘Айваз-Гирай били ради спасения жизни челом раболепства в тени покровительствующего миру падишаха, которая была пристанищем безопасности для обитателей вселенной, и удостоились проявления благосклонности и милосердия, будучи поселенными в окрестностях Йанболи[910] с назначением достаточного годового жалованья. Закат и удаление счастливой звезды удачи Джанбек-Гирая с небес почитания привели к проявлению у него пороков и недостатков, потребовав [его] отстранения, и веревка достижения желаемого ‘Инайат-Гираем была привязана к столбу обильных усилий навеса усердия, приготовленного для прохода через Баб ал-Абваб (Дербент – примеч. пер.) в сопровождении пресловутого Кантимура и путешествия на восток, а время занятия царства правления путем военного похода зависело от расходования звонкой монеты усердия, вследствие чего [он] взнуздал величием скакуна важничанья и веселья и по прибытии в Крым сперва проявил высокомерие и злобу под небесным куполом государева правления, так что из-за суматохи от этого скандала поднялся шум до самого седьмого неба, и повысил до степени калги своего брата, витязя (пехлеван) Хусам-Гирая, обезображенного разбиванием сердец и чрезмерным гневом, даровав его несправедливой деснице [право] искоренять нечестие и попытавшись разрушить основы государства, и, сделав нураддином другого своего брата, Са‘адет-Гирая, который был товарищем и спутником ранее упомянутого султана на неверном пути сумасбродства – «*гнев – головёшка шайтанов*»[911] (ва-л-гадабу джамрат аш-шайатин) – тем самым передал дела смуты недалекого ума калге, и во время отправления в лишенный благополучия поход на персов пресловутый Кантимур, который был пустынным злым духом (гул-и бийабан) непокорности и восстания, проявил свою смуту и нечестие, которые были заложены в его натуре, основанной на достойных проклятия деяниях, отстранившись от крымского хана, которого ему было велено сопровождать, и его возвращение со всеми помощниками и родней на его полную коварства и интриг родину Аккерман вызвало волнение моря гнева и ярости ‘Инайат-Гирая, и когда он заменил поход в Иран на искоренение [этого] бестолкового человека и вместе племенем Орак-оглу, жившим на берегах реки Дон (Тан), поставил шатер злобы и вражды в окрестностях крепости Кафа, привел во время битв и сражений к Чингизовой Ясе кадия области Кафа [и] Фазиля

[910] Ямбол (осм. Йанболу) – город в исторической Румелии на территории современной юго-восточной Болгарии.

[911] Высказывание, приписываемое пророку Мухаммаду.

Хамид-эфенди (?), которые выстроились в ряды для сражения с жителями указанной крепости, мешавшими взаимному истреблению течений единобожников, и были знаменосцами вопроса подчинения халифа [той] эпохи, а также Бычакчы Ибрахим-пашу[912], поднявшего ради исполнения повеления падишаха знамя [с] ножом усердия и старания, а шея злополучного имени Кантимура, бывшего закваской для бозы смуты и злодеяний, по пути на родину была украшена ожерельем должности мирмирана, после чего он бежал к порогу покорившего вселенную падишаха, погрузив тяжкое, словно гора Албурз, бремя своих мерзостей, проявившихся до этого времени, лишь на плечи указанного хана, а хан не выразил сожаления по поводу исходивших от него в силу его себялюбия неприемлемых деяний, бездумно и неосмотрительно заявив о противодействии и противостоянии в отношении Высокого Государства, разграбив имущество своих врагов и нанеся убытки группе мусульман, живших в окрестностях слободы Кили, в частности, когда ради невыполнимого повеления о доставке к нему в цепях и оковах нашедшего приют под сенью покровительства благородного падишаха Кантимура [он] вышел за рамки приличия и написал государственным мужам бранные письма, неприятная весть о его снятии распространилась до того, как это событие свершилось, благодаря сообщению от мужей сокровенного (риджал ал-гайб)[913], после чего он передал задание доставить во внутренний Крым мужчин и женщин из мансуровских племён, обратившихся к Кантимуру, вместе с их имуществом и вещами, коварной деснице несправедливого соучастия калги Хусам-Гирая и нураддина Са‘адет-Гирая, а сам направил поводья своего норовистого коня в сторону Крыма, чтобы помешать новому хану войти в обиталище правления. [Он] изгнал стадо рабов Божьих из их жилищ и обеспокоил их различными неприятностями, и когда они отдалились от места, в котором находилось жилище Кантимура, на расстояние двух привалов, прибыли два схожих по характеру и неразумных султана, которые не обрадовались благу победы и триумфа и ради увеличения опьянения проявили чрезмерность в пускании по кругу матери пороков [и] дочери винограда (вина – примеч. пер.),

[912] Бычакчы Ибрахим-паша (кон. XVI в. – перв. пол. XVII в.) – османский чиновник, занимавший посты бейлербея эялета Джезаир-и Бахр-и Сефид (Пелопонес, острова Эгейского моря и западное побережье Малой Азии) и санджакбея Манисы (на эгейском побережье совр. Турции).

[913] Принятое в суфийской традиции обозначение членов некой невидимой иерархии святых, скрывающихся среди людей под видом простых верующих и обладающих знанием о сокровенных вещах.

так что даже слуги-нукеры разделили друг с другом молитвенный коврик, вымазанный вином ликования, ступив на ступень безумия и выйдя за пределы круга понимания и действия, захмелевшие от отчаяния и лишений эмиры мансуровцев, Девлет-шах, Сулейман-шах, Орак-Мирза[914] и другие, помогали друг другу и были единогласны в пронзании клинком истязания и мучения, заставив в [месяц] зу-л-хиджра тысяча сорок шестого [года] (май 1637 г. – примеч. пер.) лежавших на полу беспечности горьких пьяниц из кабака высокомерия и надменности пасть на землю погибели с помощью горького вина клинка вероломства, и жуткая молва об этом достигла слуха готового к несчастью хана в [месяц] мухаррам следующего года (июнь 1637 г. – примеч. пер.), одновременно с отстранением [от ханского престола], поскольку не было никакой иной возможности, кроме как бить челом у порога высокочтимого падишаха ради высвобождения воротника жизни в надежде на прощение оплошности, он без всякого промедления и задержки переступил порог дверей обители государства и был вместе с Кантимуром доставлен к августейшему [государю] на аудиенцию, во время спора они стали лепить друг на друга прошлые провинности и подкладывать друг другу под ноги твердости скользкое мыло, и когда они вели беседу, дабы столкнуть [друг друга] в яму небытия, ‘Инайат-Гираю не принесло пользы то, что он ухватился за подол просьбы о прощении и мольбы [о пощаде], и, в соответствии со смыслом мисра‘

عذر ظالمرا نميشايد شنيد

«Нельзя слушать оправданий притеснителя»,

он опередил Кантимура в обращении на себя гнева героя [той] эпохи, будучи авангардом воинства интриг и клеветы, вследствие чего его обрекли посредством подобных палачам садовников на бечеву наказания и казни, а затем омыли и завернули в саван, великие улемы и [государевы] мужи шли перед ним и оказали ему почести, похоронив по соседству с Абу Аййубом Ансари – *да будет доволен им Аллах!* Срок его правления составил два года [и] три месяца, а время его жизни – сорок четыре года. Хотя Кантимур-мирза, в соответствии со смыслом:

Бейт:

دل نهادن بر جفای دشمنان خون خوردنست

خصمرا ديدن بخاک افتاده جان پروردنست

«Привязывать сердце к страданиям врагов – это кровопийство,

Видеть недруга на землю повергнутым – это услаждение души»,

[914] Имена братьев ногайского бея Кан-Темира.

несколько дней радовался и ликовал отсутствию врага, но [поскольку он] долгое время бил палочкой по барабану смуты и интриг, испугав птицу спокойствия и мира [среди] людей, так что пришло время расплаты за его недостойные деяния, вследствие чего он воздвигнул благодаря пожалованию Караманского эялета[915] полотнище своего владычества на вершине горы себялюбия, и когда он перешел в Ускюдар и обеспечил себе ложный титул, один неблагородный юноша из его злосчастных сыновей, опьяненный и павший без чувств от лишающего разума вина «*сын – тайна своего отца*» (ал-валаду сирру абихи), в соответствии со смыслом принадлежащих бедному автору [строк]:

Бейт:

Suyı şerle verilme bir şemşir

Anın içün şerab adıdur

«[Есть] меч, в котором вода дана со злом[916],

Имя ему – вино»,

тьма беспробудного опьянения вином удалила свет очей его разума и рассудка, вследствие чего, прогуливаясь по рынкам и базарам, он без всякой вины и греха смертельно ранил острым кинжалом одного несчастного из военных подразделений, сказав: «Ты наступил ногой на подол моего высокомерия и спеси», и когда его доставили к правосудному [государю] мира, после доказательства вины клинком разрешающего спор шариатского возмездия (кисас) и исполнения заповеди «*Для вас в возмездии – жизнь*»[917] его безжизненное тело в саване окровавленной рубахи было отправлено отцу, образ боли отрезанного хвоста змеи и жара разлуки уязвленной матери сына проявился в сердце владеющего миром падишаха, так что указанный Кантимур сказал, что «послуживший причиной для казни высокочтимого хана – это зачинщик смут и злодеяний», и – «*наиболее долговечный для добра и наиболее остерегающийся зла*» (абка ли-л-хайри ва атка ли-ш-шарр) – провел черту наказания железным пером клинка пречистого шариата в вопросе его казни, так что при посредничестве главных садовников [султанского] двора, в соответствии со смыслом бейта:

---

[915] Караманский эялет – административно-территориальная единица Османской империи, образованная в 1483 г. на основе бейлика Караман и включавшая в себя южную часть Центральной Анатолии (Конья, Аксарай, Бейшехир, Нигде, Кайсери, Акшехир, Кыршехир.).

[916] Здесь присутствует игра слов: «шараб» (перс. «вино») = «шарр» (араб. «зло») + «аб» (перс. «вода»).

[917] Коран, 2:179.

چنین است رسم سرای دو در
نه روبه بماند نه شیر هزبر

«Таков обычай мира о двух вратах,
Не останется ни лисы, ни льва сильного»[918],

его беспутная тыква упала на свалку исчезновения. *Случилось это также в путешествии* (вака‘а залика айдан фи-с-сафар). Непонятливый и непослушный мирза рассматривал протянувших веревки садовников и наблюдал, как его связали путами наказания, и проявился высокий смысл [айата] «*если ты видел положение притеснителей*»[919], так что известно, что в силу невежества и глупости во время мольбы о прощении грехов и просьбы об извинении он наложил на рот жизни печать несуразных слов «Ах-ох! Пришла на мою несчастную голову смерть, которую я [так] не люблю». *Прибегаем к Аллаху от зла наших душ и наших дурных деяний* (на‘узу би-Ллахи мин шурури анфусина ва мин сай’ати а‘малина)[920]. Хотя, казалось бы, причиной непокорности и упрямства ‘Инайат-Гирая послужило выражение Кантимуром несогласия и его подстрекательство к проклятым деяниям и интригам, в действительности, [дело было в] беспокойстве и досаждении крымскому хану [со стороны] Хусам-Гирая. В дни отстранения указанного султана [от престола] голоса птицы и мухи в величественном падишахском диване, который шел вразрез с обычаями и [правилами] учтивости, подняли покрывало немелодичного звука и разорвали [тем самым] завесу чести и стыда, о чем уже ранее было [сообщено на] страницах книги. Благодаря гению государя мира ‘Инайат-Гирай-хан стал повелителем Крыма, а запятнанное высокомерием бытие Хусам-Гирая украсилось самодовольством и гордыней из-за позолоченного кафтана калги, а посторонние и близкие были ранены кинжалом его притеснения и гнёта, так что, без всякого сомнения, и из-за близкого общения с пролившим кровь несчастных

Бейт:
زینهار از قرین بد زینهار
و قنا ربّنا عذاب النّار

«Стерегись плохого товарища, стерегись!
И защити нас, о господь Наш, от мучений в Огне[921]»[922],

[918] Строки из «Шахнаме» Фердоуси.
[919] Коран, 6:93.
[920] Словесная формула, встречающаяся в проповедях пророка Мухаммада.
[921] Коран, 2:201.
[922] Строки из «Гулистана» Саади.

[эта скверна] оставила след и пропитала чистый подол ‘Инайат-Гирая, отчего [он] оказался обречен на боль и горе, впав в мучение и страдание. В силу гнева и ярости Хусам-Гирая однажды ему было велено [привести к] порядку черкесские края, [но] он поступил умеренно, и по окончании службы, когда было определено поступление ему и хану большого дохода, вроде наложниц и невольников, стоило ему остановиться на первый привал у одной из указанных групп – племени Жане, [и] в соответствии со смыслом бейта:

شب پشه و شب کار و شب رو
دیجور پرست و خصم پرور

«Ночной комар, работающий по ночам и скитающийся по ночам
Обожают кромешную тьму и наживают себе врагов»

Olmuşdı falak adu-yı canı
Sevmezdi asesle pasbanı

«Стала утренняя заря его врагом заклятым,
Не любил [он] дозорных и охранников»,

несколько промышлявших воровством, арканивших звезды [на] небе и подводивших сурьмой глаза жизни мошенников, в кромешную ночь завалили в степи небытия пятеро разнузданных и сбросивших поводья коней, пасшихся на пастбище небрежности и беспечности, и когда об этом было доложено склонному к грубости султану, он без промедления и отлагательств, [поддавшись] слабости [и стремлению] заполучить за них высокую цену, взял с них обещание и обязательство, и пока выслеживали позиции их клеветы, в тот час, когда то количество коней все еще направлялось в пустыню небытия, [следуя] по степи предопределения и [Божьего] приговора, он повесил правителя племени бечевой грубости на дереве наказания, и небывалая [весть] об этом достигла ушей упомянутых людей, они все вместе сбежали в трудно[доступные] горы, после чего вернулись без всякой пользы назад, потратив звонкую монету хлопот. По старинному татарскому обычаю, когда хан и султан останавливается на привал в каком-то месте во время похода, вокруг него собираются с голодными глазами главы народа, направляя зрачки своих глаз на ладонь его щедрости в надежде на [свою] долю [угощения], словно Китмир. Они также получали свою долю мяса, костей, хлеба, кофе и табака из сумки бейта:

جوان کلۀ پڑمن که دل سراچه اوست
تمام لذت عالم میان پاچۀ اوست

«Сердце [мое] есть дом для юноши, что готовит мне [баранью] голову,

Всё удовольствие мира – между [приготовленных] им [бараньих] ножек».

Но раскрытие кошеля [щедрости для] приходящих на собрание указанного султана, подобное сладкому сиропу, превращала любовь в ругань и уравнивала йеменский кофе с убийственным ядом, так что время от времени его изрыгающий огонь язык высекал искры ненависти и вражды, непрерывно поднимая в самую высь дым вздохов несчастных, как от кырджалинского табака[923], отчего у них не было смелости ни оставить древний обычай, ни быть приближенными к собранию [султана], и они поглядывали через стекло подзорной трубы, довольствуясь приветствием с небольшого отдаления. *Прибегаем к Аллаху от зла наших душ и наших злых деяний* (на‘узу би-Ллахи мин шурури анфусина ва мин сай’ати а‘малина). **Бахадир-Гирай-хан** ибн Селамет-Гирай-хан ибн Девлет-Гирай-хан ибн Мубарек-Гирай-султан ибн Менгли-Гирай-хан ибн Хаджи-Гирай-хан. Когда отец указанного [хана], Селамет-Гирай-хан, стал править областью Крым, он отдал в заложники Бахадир-Гирая и определил деревню Йанболи в качестве хасса[924], и тот долго получал воспитание в этих краях, заработав капитал дружбы с государственными мужами и подданными султана, после чего ‘Инайат-Гирай поднял голову в степи непокорности и упрямства, сказав: «Если Мурад Челеби узнает о том, что мы одернули подол старания и усердия в изобретении и проведении в жизнь необходимых средств разорения стран, то можно будет путешествовать повсюду», и, чтобы разбить бутыль кальяна бытия сторонников непокорности и восстания, наполнивших трубку до краев голубым дымом преступлений мятежа, его намёк на перечисление разного рода наказаний в канцелярии отваги и их перемещения на ногах гнева и ярости достиг слуха августейшего [государя], море его возмущенного гнева пришло в движение и заволновалось, так что ‘Инайат-Гирай потонул в море небытия, и в [месяц] мухаррам тысяча сорок седьмого [года] (май-июнь 1637 г. – примеч. пер.) Бахадир-Гирая пригласили на августейшую аудиенцию, и он, как и ‘Инайат-Гирай, который сперва обладал неблагодарными кошачьими глазами и большими

[923] Кырджали – город в исторической Румелии, на юге современной Болгари, вблизи границы с Грецией. Основной отраслью в городе традиционно было производство табака.

[924] Хасс – крупное земельное пожалование, существовавшее в Османской империи до XIX века и обязательно связанное с личным несением военной службы, в отличие от тимара и зеамета, которые считались условными земельными владениями военнообязанных.

воловьими очами, не бросил взор вероломства в сторону такого полюса средоточия мира [и] благодетеля и, сказав: «Пусть подобный циркулю не выходит за [рамки] круга подчинения», стал перечислять пороки ‘Инайат-Гирая и читать «Шахнаме» наставлений и советов, после чего унизанным [каменьями] ханским венцом и украшенным жемчугами головным убором ильхана придал оживление базару его желания, а он осчастливил степенью калги своего брата Ислам-Гирая, который попал в плен к польским неверным и потом добрался до страны безопасности благодаря помощи милосердного к рабам [Божьим] и заботящегося о своих подданных падишаха, а другого своего брата, Сафа-Гирая, назначил нураддином, сам он направился в желаемом направлении по морю, а калга-султан – по суше, причем пресловутому калге было велено в соответствии с требованиями времени и положения доставить в Крым принадлежащее Кантимуру вместе с его состоянием и имуществом, домочадцами и женами как подпадающее под понятие склонения к тому, чтобы они стали заложниками под надежной защитой, после чего он завершил поручение в соответствии с высочайшим повелением. Когда проявилось жуткое событие мученической смерти Хусам-Гирая, один из известных аристократов Крыма Сефер-Гази-ага[925], занимавший пост главного конюшего (мирахур), которого они называли на свой лад Акынджи-беком, находился на последнем подступе, и расстроенный звук убийства и казни достиг его ушей, задев его честь, так что он разорвал воротник жизни поборников непокорности и раздора, которые с жестокостью и ненавистью замарали кровью рубаху жизни своего благодетеля, вызвав расщепление посоха единобожников, и он взнуздал коня отваги договором и заветом о том, чтобы не выходить из дома [своего] проживания до тех пор, пока он не найдет привыкшего к отваге мужа из рода Чингиза, способного заделать и залатать прореху [и] пробоину в делах государства заплатой желанных мер; проходя в окрестностях Йанболи, который был резиденцией султанов, он усмотрел признаки отваги на сиятельном челе Ислам-Гирай-султана и узрел следы мужества на его благородном лице, отчего понадеялся, что закат подлежащих казни [преступников], достигших апогея восстания и мятежа, словно несчастливая звезда, благодаря силе колдовского чудотворства, случится благодаря острию его окровавленного клинка, и в пору его смещения и неудачи [он] вступил в

[925] Сефер-Гази-ага (ум. 1664) – представитель крымской знати, визирь в 1644–1645 и 1646–1664 гг., игравший важную роль в годы правления крымских ханов Ислам-Гирая III и Мехмед-Гирая IV.

круг привязанности к нему и приверженности ему, так что пресловутое [лицо] получило степень калги и возвысило своего умудренного опытом старшего брата, сделав его доверенным лицом и визирем. Бахадир-Гирай-хан воссел на ханском престоле и велел нураддину Сафа-Гирай-хану отправиться в поход на русских. В то смутное время господствующее положение мансуровцев вызывало отсутствие независимости и раздор в сердцах населения страны, так что ему пришлось без пользы [и] трофеев направить поводья к возвращению. Племя Мансур, бывшее в помощниках у Кантимура, с давних пор подняло на горе себялюбия стяг непокорности и упрямства, так что нарастали и множились их беспутные и насильственные деяния вроде кровопролития и присвоения имущества бедняков, и один горделивый и подлый [человек], посчитавший себя Бахрамом Гуром[926], Рустамом и сыном (Сухрабом – примеч. пер.), известный по прозвищу Токсан-Ок[927], которого они называли Зеним-Кутлу-шах[928], со словами:

Мисра‘

من و گرز و میدان افراسیاب

«Я, дубина и поле [битвы с] Афрасийабом»[929],

в деревне под названием Уйшан[930], по скверному татарскому обычаю, батманами[931] пил в углу хлева, у костра, рядом со скотом, будто страдающий от жажды ишак, неприятную [и] вызывавшую ветры бозу, [зачерпывая ее] скверным и сломанным черпаком, и когда он опьянел и потерял сознание, на собрание прибыли девять эмиров, которые были мирзами из племени кунгират, равными ему по положению, какой-то вдрызг пьяный из распивавших бозу стал издевательски кривляться [и издавать] непотребные отвратительные звуки, окрикнув одного из указанных [гостей] словом «мирза», и у этого безжалостного и несправед-

[926] Бахрам V Гур (ум. 440) – шахиншах Ирана из династии Сасанидов. В средневековой персидской литературе фигурирует как легендарный правитель, полководец, богатырь, искусный охотник и герой-любовник.

[927] Тюрк. «девяносто стрел».

[928] Кутлу-шах (ум. 1644) – крымский аристократ из рода Ширин. Прозвище Зеним переводится с арабского как «безродный», «незаконнорожденный».

[929] Строки из «Шахнаме» Фердоуси.

[930] Вероятно, деревня Ойсунки (крымскотат. Oysuñki) в Бахчисарайском районе Крыма, получившее после 1948 г. название Растущее.

[931] Батман – весовая единица на мусульманском Востоке, которая в разных регионах имеет разные значения (в Турции – от 3 до 12 кг).

ливого заиграла жила его джахилийской[932] чести и упрямства, так что он приступил к нечестивым и несправедливым деяниям и со словами «Обращение “мирза” к кому-либо, кроме нас, в нашем коварном и зловредном присутствии устраняет наше высокое положение и достоинство и разбивает стекло нашего величия и славы» погубил мечом жестокости и отмщения девять ни в чем неповинных человек. Удивительное положение племени притеснителя вызвало горение и жжение (т.е. душевную боль – примеч. пер.), его положение и дела подобали Фир‘ауну и Шаддаду, он поднялся на лестнице постепенного продвижения и достиг ворот совершенства, потолок удачи его сородичей склонился к обветшанию и неудаче, так что из души честолюбивого хана проявилось наказание за дурные деяния, которое было образом гнева Господнего, и хорошим обычаем обладателей разума и рассудительности является приобретение ключа обязательного для следования шариата, который ведет к избавлению от забот обоих миров и открывает двери тяжелых для обнаружения сокровищ, тогда, в соответствии со смыслом арабского стиха:

كالنار بالاثر لكن ليس مشتعلاً كالماً فى الجرى لكن ليس منسكباً

«Как огонь, который сверкает, но не горит. Как вода, которая течет, но не разливается»,

[он] высекающим огонь клинком и секущим мечом шариата и Высокочтимой Книги (Корана – примеч. пер.) без всякого сомнения и колебания пресек препирательства между стариками и молодыми, попросив фетву у нашего целомудренного господина и покровителя, достопочтенного Шейха ‘Абдаллаха ‘Афиф ад-дина[933] – *да сподобит нас Аллах пользы от его священного дыхания* (наффа‘а-Ллаху би-анфасихи-л-кудсиййа), получившего разрешение на вынесение фетв в области Кафа, и раскрыл рот для просьбы о том, чтобы тот помог и поддержал его разящим [словно] Зульфикар мечом молитвы, чей блеск проявился в ножнах его души, и стрелами мольбы «*да направит Аллах его меч на проборы тирана [и] притеснителя*» (а‘ла-Ллаху сайфаху ‘ала мафарик аз-залим ал-кассар), которые он выпустил из лука внимания и наблюдения, хранящегося в колчане правдивости, который висит на его возвышенном сердце, а достопочтенный Шейх вынес фетву в соответ-

[932] Джахилийя (от араб. джахил – «невежественный») – в исламе обозначение состояния доисламского арабского общества, охваченного невежеством, межплеменными распрями, жестокостью и беззаконием.

[933] Шейх Абдуллах Афифиддин-эфенди (ум. 1641) – османский суфий и поэт татарского происхождения. Занимал пост муфтия при Селамет-Гирае (1608–1610), после чего был шейхом суфийской текке в деревне Сеййидели под Каффой.

ствии с [аятом] «*смута хуже убийства*»[934] (ал-фитнату ашадду мин алкатл): «имаму [этого] времени нужно устранить со страницы судьбы бесполезное бытие приспешников смуты, сделавших своим обыкновением несправедливость и нечестие, и оградить слуг Господа от их козней и вредительств», и, попросив помолиться о полках дома помощи и поддержки скрытых Божьих воинств, понимающий тонкости благородный хан, который был дотошным знатоком фальшивых монет в обители ловкачей истин на торжище сметливости, расстелил, согласно [аяту] «*советуйся с ними о делах*»[935] (шавирхум фи-л-амр), ковёр совещания с обладателями [разумного] мнения и проницательности по поводу приложения убедительного довода меча к шее строптивцев, так что, в соответствии со смыслом бейта:

چو رأی خرده دان در کار بستی
بیک تدبیر صد لشکر شکستی

«Поскольку воспользовался ты мнением вникающего в тонкости,
С помощью одного приема разбил ты сто войск»,

сначала было единогласно решено устроить в двух местах базар сражения, чтобы рассеять целостность согласия сборища сторонников раздора, и часть того стада они под предлогом похода отогнали к султанскому калге, [находившемуся] в степи [в окрестностях] крепости Ор. Когда часть их на основании решения совета пригласили надувательскими посулами в Бахчисарай, чтобы привести в исполнение заповедь «*Погляди же, каким был конец беззаконников!*»[936],

Бейт:

الناس فی غفلته عما یراد بهم
کانّهم غنم فی دار جزار

«Люди в беспечности относительно того, что от них требуется,
Будто бы они скоты в лавке мясника»[937],

и они стали преследовать друг друга на ногах беспечности без всякого колебания и уклонения, словно получившие угощение скоты, вошли в город, и когда остановились [на ночлег] в гостевом доме [аята] «*убивайте, где бы вы их ни обнаружили*»[938], слуги с палаческой натурой, которым было приказано оказать им гостеприимство, по приказу хана, накормили их со стола мисра‘

[934] Коран, 2:191.
[935] Коран, 3:159.
[936] Коран, 10:39.
[937] Строки из дивана арабского поэта Абу-л-Атахийи (ум. 828).
[938] Коран, 4:89.

قتل عامی آرزودارم هلاگو خان کجاست

«Хочу я учинить всеобщее убийство, где же Хулагу-хан?»,

а кровавые виночерпии напоили их вином смерти, угостив из шербетной лавки бейта:

رخنه گر ملک سر افگنده به

دشمن بد عهد پراکنده به

«Мешающему стране лучше быть униженным,

Вероломному врагу лучше быть рассеянным»[939],

и тогда в установленное время он исполнил Чингизову Ясу над сопровождавшими султанского калгу распутными [товарищами] и возродил умерший обычай Тимура. Из видных [представителей] указанных людей один лишь Айтимур-мирза[940] оказался в безопасности и был освобожден при условии соседства с Домом истинного руководства (Байт ал-худа), чей высокий потолок был осыпан каплями Божественного описания «*Кто войдет в него, окажется в безопасности*»[941], а также четверо-пятеро невинных людей, которые были младше возраста совершеннолетия, чьи имена неизвестны, укрылись в колыбели укрытия и бежали в далекие края, обретя спасение от бедствия всеобщей смуты. Искоренение пресловутой группы послужило для крымского хана причиной независимости и оказало услугу религии и государству, позволив ему обрести могущество и силу, когда крупнейший из великих султанов Абу-л-Магази (букв. «отец военных походов» – примеч. пер.) Султан Мурад-Гази (Мурад IV – примеч. пер.) отправился на завоевание Багдада, один из его (крымского хана – примеч. пер.) братьев Кючюк-Кырым-Гирай-султан[942], приложил голову своего почитания к стремени сопровождения [августейшей особы] и взялся деснице храбрости за клинок отваги, так что ему были явлены разнообразные дары. Упомянутому султану было велено отправиться с многочисленным войском в поход на ляхов, и, когда он, захвативший трофеи и радостный, возвращался [обратно] и переходил через реку Озю (Днепр – примеч. пер.), повязанный искусной десницей севера пояс был развязан ледорубом жара южного ветра, так что вьючные животные скитавшихся по степи татарских газиев стали добычей речного крокодила, и нахальные неверные, только и

[939] Строки из поэмы «Махзан ал-асрар» Низами Ганджави.

[940] Айтемир-мирза (ум. после 1651) – известный военачальник Буджакской орды, брат Кан-Темира.

[941] Коран, 3:97.

[942] Кырым-Гирай (ум. 1651) – крымский царевич, занимавший пост нураддина (1637–1641) и калги (1644–1651), сын крымского хана Селамет-Гирая I.

выжидавшие возможности, в пору беспокойства войска, словно медведи и вепри, протянули свои проклятые руки и разграбили часть захваченного ими в качестве трофеев имущества. Указанный султан был определен в черкесские края для собора приветственных подарков и гостинцев, собирая и получая без всякого отказа или затруднения пленников, по старинному обычаю поступавших [к ним]. Непутевый московский царь счел появившееся на зеркале татарского царства помутнение волнений возможностью для того, чтобы показать уродливую рожу проклятых деяний, изображенную в кумирне его представления, и когда он проявил образ несогласия в вопросе выплаты джизьи[943], которая привычным образом висела на шее их обязательства, отправленный в качестве посла Тур-Тимур-мирза[944] доставил ханский ярлык, содержавший суровую угрозу, и они без промедления и отлагательства с покорностью и жеманством ублаготворили указанного посла разного рода деньгами и дарами. Из-за давней вражды Ислам-Гирая с беком черкесов [из племени] Жане, упрямцем и грубияном, которого называли Акчомаком[945], он отправился в те края, и когда, вопреки его желанию, ему не далась победа, и он отложил [полагавшуюся] им взбучку на другое время. Как было записано на страницах изложения, в страшное время, когда брат Шахин-Гирая, Мехмед-Гирай (Мехмед-Гирай III – примеч. пер.), был ранен пулей из ружья смерти и гибели на поле битвы с бестолковыми казаками, Богдан Ахмед-Гирай, которому ранее убиенный передал на падишахском диване Хусам-Гирая острый кинжал, бежал в страну черкесов и каждый день утруждал себя муками и страданиями поиска приюта в новом доме ради получения пропитания, и даже если бы он проявил какое-нибудь дело, относящееся к смуте или интригам, и приложил усилие, то был неспособен это сделать, и, как на деле следует из содержания мисра‘:

عاقبت گرگ زاده گرگ شود

«В конце концов, рожденный от волка становится волком»[946],

когда его пригласили, простив прежние прегрешения и пообещав безопасность, чаша жизни несчастного наполнилась до краев, он поверил словам задумавшего интригу гонца и обрел уверенность [в своей

[943] Джизья – подушная подать с иноверцев (как правило, христиан и иудеев, входящих в категорию ахл аз-зимма, т.е. «покровительствуемых») в мусульманских государствах.

[944] Тур-Темир – сын военачальника Буджакской орды Кан-Темира.

[945] Хакшумак (Ак-Чумак, ум. ок. 1644) – черкесский князь, предводитель жанеевцев. Претендовал в 1630–1640-е гг. на главенство в Западной Черкесии и боролся за власть со своим братом Антонуком.

[946] Строки персидского поэта Саади.

безопасности], а когда он дошел до Таманской переправы, тот указал острым концом меча на султана, упавшего на дно блуждания на чужбине, отправив его в путешествие в край небытия. [Один] из эмиров сотворенных порочными калмыков, чье бесчисленное потомство было скрыто начертано на прошлых страницах книги, главарь с проклятой натурой по имени Бургут-Хурлук[947], поднял полотнище несогласия с ним и вместе с войском омерзительных на вид шайтанов числом в тридцать тысяч домов, которых он сумел развратить и ввести в заблуждение, они стеклись к берегам реки Итиль, словно море яда, и он обещаниями и ложными посулами о разграблении имущества мусульман и неверных убедил последовать за собой проживавшие в тех краях ногайские племена, чьи сердца склонялись [к исламу] (му'аллафат ал-кулуб), и когда они неоднократно намеревались нанести ущерб области Крым, население области узнавало [об этом], и они возвращались, потерпев поражение, а иногда нападали исподтишка, словно злая собака, причиняя [им] вред. [Некоторое] время спустя надо будет перенести на страницы изложения то, как была рассеяна община поклоняющихся идолам. В те дни начищенное зеркало жизни нураддина Сафа-Гирая покрылось пылью смерти, так что светом поста нураддина были обрадованы очи Кырым-Гирая. Храбрецы из [числа] крымских эмиров по имени 'Айш-оглу Ахмед-мирза (?), Диван-оглу (?) и 'Адил-мирза[948] вместе с привыкшими к джихаду татарскими родами стали предводителями в разграблении [одной] из несчастных областей неверных – страны ляхов – и сумели заполучить бесчисленные трофеи, и когда они переходили реку Озю (Днепр – примеч. пер.), проклятые [последователи] сатанинской веры, стучавшие колотушками по дурно звучавшему колоколу преследования, словно зловредные духи, проникли внутрь войска, так что нестройное эхо ружей распространяло искры возбуждения беспокойства с помощью огня воспламенения, и тогда [проявленные] исламским войском из желания сохранить имущество и ценности, которые они прибрали к десницам захвата добычи, недостатки и вялость в применении боевых орудий привели к тому, что среди татарских родов многие люди из племени Ораккоглу были опьянены шербетом мученической смерти. Появившиеся в камышовых зарослях заводей реки Тин (Дон – примеч. пер.) длинноклы-

[947] Хо-Орлюк (ум. 1644) – первый главный тайши калмыков, принадлежавший к племени торгутов (род керейт), основатель Калмыцкого ханства в Нижнем Поволжье. Правил в 1633–1644 гг.

[948] Адиль-мирза (ум. после 1650) – военачальник Крымского ханства. Участвовал в войне с Польшей в 1648 г., руководил отрядом во время крымского вторжения в Молдавию.

кие кабаны-казаки собрались и объединились, завладев крепостью Азак, и когда об этом услыхал величественный падишах, то для освобождения от пособников последователей многобожия и лицемерия был определен хан вместе с победоносным османским войском, собранным [для этой цели]. Историк по имени Хайризаде (?) в своей хронике «Таквим», написанной им только о событиях в Крыму, описывает и восхваляет указанного [хана], а затем говорит, что он по предлогом [военного] похода создал сбор с бедняков на ружья, косвенный налог (тамга) и подобные им повинности, а также заставлял продавать различную провизию, порицает и ругает его, считая одним из его недостатков то, что он не привык к тем краям. Короче говоря, когда он сел со снаряженный войском на галеры и прошел через Таманский пролив, пустившие к берегам Крыма свирепый поток погибели донские казаки, которые были московскими подданными, на тридцати ладьях неоднократно появлялись и окружали имевшиеся галеры, и когда [те] сделали пули своих ружей быстрее града из тучи, а свои нацеленные на груди стрелы и луки – проворнее степного ветра, проклятые подлецы не вынесли атак газиев, так что одни [из них] из-за волнения моря воинства вступили в круг [смысла аята] «*они будут потоплены*» (ва хум ал-мугракун)[949], а другие – благодаря разящему [словно] огонь мечу стали проявлением [Божьей] угрозы «*Таково воздаяние врагам Аллаха! Огонь*»[950] (залика джаза'у а'да'и-Ллахи ан-нар), отправившись на дно преисподней, а щепки бытия какой-то части из них, [в соответствии с] мисра'

اگر خواهی سلامت در کنارست

«Если хочешь безопасности, то [она] – на берегу»[951],

бросило волной несметных полчищ на берег произвола судьбы (букв. «будь что будет», перс. хар чи бадабад – примеч. пер.), и когда они столкнулись с татарским войском, сопровождавшим крымских эмиров Вели-шаха и Тур-Тимур-мирзу, рыболовная удочка и снасти [их] разума и зрачков, безусловно, схватили и поймали [их] фигуры. Красивый лик победы, празднично появившийся из-за завесы сокровенного Божественного [знания], сочли предпосылкой [будущего] покорения и триумфа. Однако еще не завершился срок, когда белокожая невеста ключа от крепости попала в руки распоряжения последователей ислама, [его] передача была отсрочена [из-за] запугивания и давления, а по-

[949] Аллюзия на Коран: «Оставь море в покое – их воинство будет потоплено» (44:24).
[950] Коран, 41:28.
[951] Строки из «Гулистана» Саади.

скольку возврат был отложен до того времени, когда в следующем году была потрачена звонкая монета ускоренной [выплаты] брачного вознаграждения старания и усердия, из-за отсутствия у крымского хана склонности к [путешествиям на] корабле он претерпел хлопоты и стал упрекать самого себя, и когда он прибыл в свою ставку, из-за тяжелой обстановки в походе и беспокойства он упал на ковер болезни. Огонь эпидемии, который взметнулся ввысь в указанном году, сжег дом веселья и радости, так что даже Вели-шах-мирза, который прославился тем, что осыпал искрами от сияния своего острого меча проборы [на головах] неверных, и завоевал мир, будучи птицей-феникс в плавильной печи огня отваги, стал товарищем и попутчиком тем, кто пострадал от очага, являющего жар от чумы всеобщей смуты. Оттого, что возникший в самочувствии указанного хана симптом болезни увеличился, его разумная душа (нафс-и натика) освободилась от движения, а его султанский дух больше был не властен над страной его тела, в [месяц] раджаб тысяча пятьдесят первого года (октябрь-ноябрь 1641 г. – примеч. пер.) она отправилась в путешествие из гостиного двора [этого] мира и вознамерилась поселиться под крышей усыпальницы его деда и родителя. Срок его правления составил четыре года [и] шесть месяцев, а время его жизни – сорок лет. Тот всадник, скакавший на пегом [скакуне] по степи знаний, время от времени направлял поводья быстроходного коня своего нрава к стихотворству и сочинительству, составив сборник (диван) стихов под творческим псевдонимом (махлас) Резми. В соответствии со [словами] «*для познавшего достаточно намёка*» (ли-л-‘ариф йакфи ал-ишара), мы ограничимся двумя его бесподобными газелями, [которые были] следствием его взыскательного вкуса.

Газель:

Bu çarh-ı sifle-perver ehl-i tab’a cud göstermez
Meta’-ı ma’rifet guya ziyandur sud göstermez
Çeker bir perde da’im dide-i hasret nigah üzre
Ruh-ı canana baksam eşk-i hun-alud göstermez
Olup seng-i havadisden şikest ayine-i tab’um
Muradum üzre ruy-ı şahid-i maksud göstermez
Tababet gösterüp her zahmuma elmas bend eyler
Mürüvvetsüz felek bir merhem-i bihbud göstermez
N’ola ateş-eser olsa sevad-ı şi’ri Rezmi’nüñ
Derunı hane-i ateşdür amma dud göstermez

«Это колесо [судьбы], вскармливающее подлецов, не явит щедрости обладателям [благородного] нрава,

Товар [духовного] знания будто бы убыточен, не приносит прибыли.

Покрывает завесой взор постоянно око тоски.

Если посмотреть на душу возлюбленного, не являет она слёз кровавых,

Разбивается из-за камня происшествий зеркало моего нрава,

Отрок цели моей не покажет лица, как хотелось бы мне.

Показав врачебное мастерство, к каждой ране моей оно приложит алмаз (алмазную крошку – примеч. пер.),

Не покажет безжалостный небосвод бальзам исцеления.

А что если следом от огня является чернота стихов Резми?

Нутро его – [охваченный] огнем дом, но не показывает оно дыма».

Также ему принадлежит:

Suz-ı sinemdür iden dil-germ ol bi-şefkati
Aheni nerm eylemekdür ateşün hasiyyeti
Feyz-bahş-ı ‘alem-ara cam-ı ‘aşk-efza yeter
Sagar-ı leb-riz-i hurşidüñ nedür mahiyyeti
Malik-i kan-ı Bedehşan olsa dil bulmaz yine
La’l-i na-yab-ı lebüñ tek gevher-i zi-kıymeti
Şah-ı ikbal-i visalüñ bulmaz ol Tuba-kaddüñ
Evc-gir olmasa ‘uşşakuñ hüma-yı himmeti
Lale-asa suz-ı dil dağ-ı derunun gösterür
Bilmezem Rezmi nedendür sinemüñ germiyyeti

«Боль в груди моей обрадовала того безжалостного.

Размягчать железо – это свойство огня.

Достаточно чаши [с вином] любовь дарующим, несущим благополучие и мир украшающим.

В чем сущность наполненного до краев кубка солнца?

Даже если станет [он] обладателем рудников Бадахшана, все равно не найдет сердца,

Редкостный рубин губ твоих – единственный его драгоценный камень.

Царь удачи соединения с тобой не найдет твоего стана, [подобного дереву] Туба,

Если не поднимется ввысь [птица] Хума рвения влюбленных.

Показывает подобная тюльпану [красавица] боль сердечную и душевную скорбь.

Не знаю, [о] Резми, отчего в груди моей жар».

И вот этот жалобный первый бейт (матла‘) также является одним из порождений его украшенного познаниями нрава:

Бейт:

Her kanlı yaş ki dide-i terden zuhur ider

Bir çeşmedür ki dağ-ı cigerden zuhur ider

«Каждая кровавая слеза, что появляется из очей влажных,

Есть источник, который появляется из раны сердечной».

Ханзаде-ханым[952], которая разделила с ним ложе соединения в доме новобрачных [аята] «*хорошие женщины – для хороших мужчин*»[953] (ат-таййибат ли-т-тайибин), была дочерью поэта Гази-Гирай-хана [и] поклонницей [всего] изящного, и указанная [госпожа] не только была несравненной по красоте лица для своего времени, но является редкостной женщиной [своей] эпохи в увешивании ушей разума сверкающими звездами прекрасной поэзии.

Бейт:

Har sanmañ görinen şah-ı gül üzre bülbülüñ

Tırnağı kalınca çalışmış visaline gülüñ

«Не сочти презренным своего соловья, что виднеется на ветке розовой.

Не жалея ногтей своих, старалась соединиться с ним твоя роза».

Когда она нанизала драгоценный камень бесподобных стихов на нить стихосложения и положил его перед оценщиками монет познаний, редкостные [в искусстве] слова поэты [того] времени не нашли [в себе] сил поднять руками поэтического подражания (танзир) с прекрасного лица богатого содержания бейтов вуаль благословений, вторгшись [в их покои] и посягнув на их поэтический размер (вазн) и аруз, и известно, что на слова тех, кто говорил: «Из-за того, что в нашей литературе есть неполноценные поэтические размеры, трудно ввести [в нее] много [новых] смыслов. Однако сочиненный госпожой (Ханзаде-ханым – примеч. пер.) стих представляет собой слишком длинный метр (бахр) *рамал*, [и] расписать различными узорами очаровательный рисунок заключенного в нем смысла – легкая задача», она дала достойный поэта ответ: «Наши косы и локоны тоже длинные». Одним из знаменитых анекдотов, имевших место быть между ханом и Ханзаде, было то, что он попался в петлю локонов его шутливой наложницы по имени Нариман, которая была

[952] Ханзаде-ханым – главная жена Бахадыр-Гирая, дочь крымского хана Бора-Гази-Гирая.
[953] Коран, 24:26.

взращена в гареме его почтения и благополучия на закваске жеманства и варенье кокетства, и которую он восхвалял [в своих стихах]:

Бейт:

Lal-ı nabı akide-i müşkin

Gerdenin sorma rahatü'l-hulkum

«Чистый рубин (то есть губы – примеч. пер.) ее – мускусный сахарный сироп ('акида),

А о шее ее на спрашивай [даже] – [это] рахат-лукум (рахат ал-хулкум)»,

и, выследив и выждав возможности, когда ее [длинно]косая звезда китайского солнца упадет в охотничью яму, он стал смягчать железное сердце Нариман в укромной комнате затопленной любовью бани, то нежными словами, то пламенными речами, а разогрев очаг ее любви, он придал твердости гвоздю любви и орудию совокупления, обагрив рубиновой кровью щит ее шелкового платья, после чего смыл [ее] водой просьбы о прощении и раскаяния, и имевшее место между ними двумя сношение было колдовством от приворотного растения наподобие любовного зелья, и достопочтенный хан позабыл о том, что престарелые согбенные служанки, [извивающиеся подобно] плети змеи и скорпионихи, словно шайтаны, желающие разузнать о делах высшего мира, проникли в щели и дыры, донеся до [ушей] госпожи (Ханзаде-ханым – примеч. пер.) с помощью знаков и намёков то, что они подсмотрели и подслушали из предписаний соединения Юпитера и Венеры, которые были следствием предпосылок кокетства и мольбы, и [он] проявлял веселье от радости из-за мисра'

Şehbaz-ı deşt-i himmetüm aldım şikarımı

«Сокол степи моего рвения захватил добычу мою»,

и тогда его супруга вошла в место его развлечений, и он узрел на ее сиятельном лице следы печали, и, как водится, у него появилось беспокойство, что она знает о его сокровенном деле, так что он бросил взгляд на очищенное зеркало, чтобы привести в порядок и украсить свою бороду с помощью гребня и благовоний, и, проворчав:

Бейт:

بروتم اگر سام در خواب دید

بترسید و لرزید و جایش پرید

«Если бы Сам[954] видел во сне мою бороду,

То испугался бы, задрожал и вскочил с места»,

[954] Сам – герой древнеперсидской мифологии, а также одна из ключевых фигур в эпосе «Шахнаме» Фердоуси.

сказал: «Не напоминает ли мой солидный вид героя?», приведя в движение струны разговора плектром остроумных слов, и когда тот соловей в саду целомудрия и попугай на поле сахарного тростника благородства без всякого беспокойства [и] раздумья ответил: «Да, мой падишах! Ты тот [самый] герой, который окропляет кровью Нариман», обливаясь потом, он поспешил сказать: «Наверняка, в диване [пошла] какая-то молва?». А также известно, что однажды, читая вслух благородный айат «на двух, трех, четырех» (масна ва суласа ва руба‘а) из суры «Ниса» («Женщины»)[955], он спросил, подразумевая дозволенность многоженства: «Поняли ли вы изящный смысл слов Благородного [Корана]?», на что она осыпала [его] сахаром сладостного ответа: «Да, мой падишах! Я утишаю [свое] опечаленное сердце радостью от чудодейственно-красноречивых слов «*Если вы боитесь, что не будете справедливы*»[956]. В эпоху указанного хана полюс познавших (кутб ал-‘арифин) и глава постигших (ра’ис ал-василин), достопочтенный Шейх ‘Абдаллах ‘Афиф ад-дин, желая встречи [с Аллахом], сел на скакуна любви и приязни, отправившись из мира бытия и остановившись на стоянку в порту вечной жизни благодаря Богу (бака’ би-Ллах). Славным родителем достопочтенного Шейха был татарский шейх Ибрахим[957], чьим величественным отцом был Хак-Мухаммад-эфенди, который совершил переселение (хиджрат) из Дешти-Кыпчака и предпочел поселиться в стране Крым, и его пречистая душа присоединилась на этой земле к сонму обладателей высших [степеней в раю] (мала’ ал-‘иллийин). Однажды ночью в дни аскезы и [духовного] усердия он произносил молитвы и Богопоминания, вмененные ему в непреложную обязанность и [бывшие требованием] мистического пути (сулук), и когда он через подзорную трубу кристальных очей сна о Возлюбленном узрел место развлечений мира смыслов, какой-то благолепный старец вложил в его чистые десницы переплетенный [в книгу] список Высокочтимого Корана, который является сокровищницей тайн

[955] Коран, 4:3. «Если вы боитесь, что не будете справедливы к сиротам, то женитесь на других женщинах, которые нравятся вам: на двух, трех, четырех. Если же вы боитесь, что не будете одинаково справедливы к ним, то довольствуйтесь одной или невольницами, которыми овладели ваши десницы. Это ближе к тому, чтобы избежать несправедливости (или бедности)».

[956] См. предыдущий комментарий.

[957] Шейх Ибрахим-эфенди (ум. 1593) – османский мусульманский ученый татарского происхождения. Родился в Крыму, проходил суфийское обучение в Стамбуле в текке шейха ордена хальвети Филибели Нуреддинзаде, многие годы преподавал в Кючюк Айя-Софье в Стамбуле, был автором суфийских сочинений. Умер и похоронен в Стамбуле.

Вечносущего (Аллаха – примеч. пер.). Он же ладонью почтения в уважительной манере прикладывает [его] к голове своего счастья, [но], не устояв [на месте], кладет [его] на колени уважения. Когда [он] снова, не удержавшись, подносит его к поясу и прочно удерживает, то просыпается и рассказывает увиденный им удивительный сон обладающему силой наставления [на прямой путь] кутбу, в круг послушания которому он входил, [и тот] просовывает голову в карман размышления, после чего сообщает ему истолкование [сновидения] с благой вестью: «Из пречистой сути его очевидных познаний [по праву наследования] старшего от старшего в зримом мире появится сущность, обладающая щедростью». И в самом деле, не прошло много времени, как Шейх Ибрахим-эфенди, подобно яркому свету, поднялся над горизонтом небытия, и после того, как на самых ранних порах своего дела он поставил печать овладения на сокровище технических и метафизических наук, утвержденный в его натуре магнит таланта и разума [постижения] загробного мира (‘акл-и ма‘ад) потянулся в сторону киблы предмета желаний, но спасение корабля его устремления от водоворотов пучины поразительного глубокого моря тварного мира (масива) и достижение им берегов страны избранных [из] избранных зависело от усердия капитана-муршида[958], обладающего [духовным] рвением, а вхождение челна его бытия в бухту безопасности и достижение им основной цели было привязано к великодушной деснице пира[959] тариката, и однажды ночью, в тот час, когда его посвященных в тайну ушей достигло радостное пение мира Божественного (‘алам-и лахут) и с языка, вещающего о сокровенных [тайнах мира] человеческого, раздался услаждающий сердце глас о том, что искусный лекарь, который исцелит боль его души – это почтенное лицо, восседающее на молитвенном коврике наставления в лечебнице разнообразных болезней – [городе] Константиния (Стамбул – примеч. пер.) – *да защитит ее Всевышний Аллах от всех бедствий* (хафазаха-Ллаху та‘ала ‘ан джами‘ ал-балиййа),

Мисра‘:

زهی مراتب خوابی که به زبیداری

«Как славны степени сновидения, что лучше бодрствования!»[960],

и с радостью и ликованием от этого [он] выступил из лишенного спокойствия и мира Крыма, во-первых, поселившись в гостевом дворе

[958] Муршид – суфийский наставник, занимающийся воспитанием дервишей.
[959] Пир (перс. «старец») – суфийский шейх и наставник.
[960] Строки из газели персидского поэта Хафиза.

моря, а во-вторых, босоногий и [с непокрытой] головой, он опирался на посох поисков и ухватился за подол исканий, и когда он в силу сильной любви, обилия искренности и приязни, ходил у порога чудотворных дверей Нур ад-дин-заде[961] из Филибе[962], указанный шейх обратил [духовный взор] на взыскующего пути [к духовной] чистоте,

Бейт:

از بسکه نازکیست تن بی نظیر او

پیداست هر چه میگذرد از ضمیر او

«Поскольку тонко его бесподобное тело,

Видно всё, что происходит в его душе»,

[и это] показалось и явило свой лик в показывающем мир зеркале [мистического] откровения и смысла чистого душой шейха, так что он до его прихода почувствовал его счастливое появление и поручил дервишам оказать почести почтенному гостю, поняв по его бледному лицу и тяжелому вздоху, что он был влюбленным и испытывал [душевные] муки, и после того, как он тотчас же почистил [себя] от дорожной пыли и присел слегка отдохнуть, когда его провели в обитель уединения шейха, он, дабы сломить мощь нафса, путем применения красной серы Имён [Божьих] на углях бедности и несчастья и в являющем пламя очаге аскезы обрел душевную чистоту, которая была величайшим эликсиром, после чего отделился от шлаков в тигеле любви и приязни, так что слиток чистопробного золота его бытия принял зеленый монетный оттиск и подготовился [к получению] великого залога, так что голова его счастья была украшена венцом наместничества (хилафат), и он вернулся на свою основную родину Крым. Поскольку у него не было власти, чтобы устранить появившиеся в этой стране несправедливые деяния, он выполнил сунну переселения и расстелил свой молитвенный коврик в углу Малой Айя-Софии[963], расположенной в городе Константиния, иногда распространяя полезные знания, в частности, пересказывая по памяти толкование Благородного [Корана] в мечети Султана Мехмеда[964], которая была

[961] Муслих ад-дин Мустафа, Филибели Нуреддинзаде (ум. 1574) – османский мусульманский ученый, автор комментария к Корану и ряда сочинений суфийской направленности, шейх суфийского ордена хальвети-джемали.

[962] Филибе (Филиппополь, совр. Пловдив) – город на юге современной Болгарии.

[963] Малая Айя-Софья – мечеть в европейской части Стамбула (в районе Фатих), построенная в 527–529 гг. византийским императором Юстинианом I в качестве Церкви Святых Сергия и Вакха. Послужила прообразом для Собора Святой Софии (сорв. Айя-Софья, 532–537). Была преобразована в мечеть в 1506 г.

[964] Мечеть Фатих – мечеть в европейской части Стамбула (в районе Фатих), в 1470 г. на месте византийского храма Святых Апостолов.

истоком ручья учености и мистического знания, [а также] сочинив и написав две бесподобные книги под названием «Мадаридж» и «Макатиб», которые были сутью Корана, разумной сердцевиной Господнего слова и включали тонкие замечания и превосходные суждения. Достопочтенный шейх обрел нрав Фарука (халифа ‘Умара – примеч. пер.) в исполнении заповедей пречистого шариата и воскрешении положений сунны Лучшего из людей (пророка Мухаммада – примеч. пер.), так что ему было велено диваном небес формы и смысла сломать древко знамени восстания и интриг общины сторонников нововведений, поднявших стяг безбожия, вследствие чего он заставил замолчать колокол глоток злонравных и уподобившихся ишакам [людей], введя [в него] траву ответа и дав пощечину восклицания по рту непокорных пустозвонов рукой очевидных доводов первичных посылок (мукаддамат), а затем устранил клинком пречистого шариата их осквернённое нечестием тело и удалил помутнение смуты и заблуждения, а примерно в тысяча первом году (1592–1593 гг. – примеч. пер.) море его любви и приязни взволновалось, забурлил поток его приязни «*одно из экстатических влечений Милостивого перевешивает деяния [обитателей] обоих миров*»[965] (джазбатун мин джазабат ар-Рахман тувази ‘амал ал-сакалайн), вследствие чего он просунул голову в карман исчезновения в Аллахе, смолк и утих. Его благородный сын ‘Афиф ад-дин ‘Абдаллах-эфенди, несравненная жемчужина [в] руднике достоинства, которая был светом озаряющего мир солнца сиятельного сердца и плодом древа его чистой души, в ознаменованном красноречием документе, закрепленном и записанном пером смуглого [человека] с арабским говором, который был сливками, полученными по соседству с Багдадом красноречия, читает траурную элегию (марсийа) преданий и сообщений, вкратце гласящих: «*Покойный Шайх ал-Машайих Ибрахим-эфенди ал-Кырыми, постигающий [тайны] с помощью Божьей (‘ариф би-Ллах), твердый [в знании] и пользующийся полной поддержкой [Бога], переселился [в мир иной] в воскресенье двенадцатого числа месяца джумади ал-ахир тысяча первого года (16 марта 1593 г. – примеч. пер.), находясь в уединении в келье Малой Айя-Софьи в хранимой [Аллахом] Константинии, и собрались на его похороны улемы, визири и другие жители этого [города], совершили над ним [заупокойную] молитву в мечети его завоевателя Султана Мехмед-хана*

[965] Высказывание, приписываемое пророку Мухаммаду.

и похоронили его за пределами Адрианопольских ворот[966] *(Баб-и Эдирне). Его несли к могиле на головах и кончиках пальцев. Слышал я от многих, как они говорили, что, несомненно, при жизни он был автором ста трудов по хадисам – да упокоит Аллах навечно его тело в раю, а душу – на высшем [уровне рая], [а также] тех, кто читал его сочинения и с искренним намерением ознакомился с его состояниями, совершенствами, усердием в воскрешении положений сунны [Пророка] и джихадом против безбожников. Нет сомнения в том, что, [как] говорится, Аллах более сведущ о сути дел и подноготной слов*». Эта изящная дата также является драгоценным и бесподобным камнем, который они извлекли из его искушенной в тонкостях натуры, представлявшей собой сокровищницу Божественных тайн, ключ [мудрого изречения] *«[Есть у] Аллаха сокровища, ключами к которым являются языки поэтов»*[967] (ли-Ллахи кунузун мафатихуха алсинат аш-шу‘ара).

Бейт:

Ey Afifi fevtine tarih içün ehl-i kemal

Şeyh-i kamil didiler hem şeyh-i ekmel didiler

«О обладатели совершенства, для [обозначения] даты смерти ‘Афифи

Назвали [его] шейхом совершенным (Шейх-и Камил), а также шейхом совершеннейшим (Шейх-и Акмал)»[968].

В действительности, когда проявилось повеление внять приглашению вернуться [к Создателю] и устремиться в гостиную [айата] «*каждая душа вкусит смерть*»[969], он не ограничился пределами крепостной стены и [пространства] под выложенным [из кирпича] куполом, а определил особое место захоронения по соседству с Сырт-Текке[970] за пределами Адрианопольских ворот, дабы удостоиться духовных бесед вблизи могилы своего воспитателя. Коротко говоря, кусок камня ценою в пятьдесят [мелких] монет с надписью «Татар Шейх Ибрахим ал-Халвати», поставленный посреди могильного камня, вытащил и извлек рукою ко-

[966] Адрианопольские ворота (совр. Эдирнекапы) – участок стен Константинополя, расположенный в районе Фатих в европейской части города, через которые проходила дорога в Адрианополь (Эдирне).

[967] Высказывание, приписываемое пророку Мухаммаду.

[968] В соответствии с системой абджад, получается число 1001 (год смерти шейха по календарю лунной хиджры).

[969] Коран, 3:185.

[970] Сыр-Текке (совр. Кладбище мучеников Эдирнекапы) – кладбище в стамбульском районе Эйюпсултан, созданное после завоевания Константинополя османами в 1453 г. для захоронения воинов, погибших в боях за город.

рысти и жадности грабитель могил и плут, так что чистосердечным посетителям стало сложно определить [расположение] усыпальницы, вследствие чего с помощью Всемогущего Господа в благой [месяц] сафар тысяча сто пятьдесят второго [года] (май-июнь 1739 г. – примеч. пер.) [она] была возведена, а под упомянутыми словами написана указанная дата. Когда в час его кончины должность шейха обители (ханака) была поручена его благопреемнику, тот все еще носил красное одеяние юности и не выдержал тяжкого груза заплатанного индийского тряпья и халата бедности и стойкости, сделав залогом войлока отрешенности и покоя старческий возраст и, увлекшись путем преподавания, в силу доверия к блестящему в благородстве родителю тогдашнего падишаха, султана Мурада III, по [его] августейшему рескрипту, немедленно попал в его медресе и благодаря достижению степени украшения красиво гарцующего коня бахромчатым защитным панцирем по обычаю османских ученых добился своих целей, после чего постепенно, входя во двор, в ту пору, когда Селамет-Гирай стал правителем татарского климата, ему было велено отразить и потушить огонь непослушания и непокорности, разожженный им в области Крым, так что муфтию оказался нужен высокочтимый ученый, способный благодаря научной мудрости в ведении дел исполнять обязательные для следования заповеди шариата, чьи слова и деяния достойны приведения в качестве доводов, и повелел красной строке тетради духовного знания и заглавной странице книги учености ʻАфиф ад-дину-эфенди присоединить вместе с постом [наместника] Алеппо должности Манкуба[971] и Сугдака, расположенных на побережье Крыма, к Кафе и обеспечить их долговечность, а также устранить древо смуты и раздора путем разъяснения текста мольбы о мече шариата и клинке «Приятной книги» (Китаб-и мустатаб) [972] татарским воинам-газиям, и когда улемы Крыма ради испытания задали [ему] неясные и запутанные вопросы, он кончиками пальцев учености и знания развязал их сложные узлы, примирив всех. После того, как Селамет-Гирай направился в обитель последнего умиротворения, он расстелил молитвенный коврик шариата в увековеченной им области Кафа, а скверный наместник (на’иб), осквернивший коврик правления, позарился на десять ак-

[971] Мангуп – средневековый город-крепость в современном Бахчисарайском районе на юге Крыма.

[972] Название трактата с программой социальных, политических и военных реформ, поднесенного султану Осману II (1618–1622).

че[973] в построенном с давних пор за пределами крепости маленьком суде в качестве побора (расм) за [разрешение] тяжбы на восемнадцать акче, и когда целомудренный эфенди (Шейх ʻАфиф ад-дин – примеч. пер.) прознал об этом, он без промедления предал наказанию запятнавшего себя пороками наместника, снес и разрушил его обитель обмана, после чего, поскольку это неподобающее положение шло вразрез с его украшенной аскетизмом природой, и в соответствии со стихотворением:

الى متى انت باللذات مشغول
و انت عن كلّ ما قدّمت مسؤل
فى كلّ يوم ترجى ان تتوب غد اً
و انت عزمك بالتّسويف محلول

«Доколе ты будешь занят удовольствиями?
Ты будешь спрошен обо всём, что ранее совершил.
Каждый день ты надеешься на то, что завтра раскаешься,
И твоя решимость была ослаблена откладыванием [на потом]»[974],

он отказался от пути судейства и подал в отставку с поста [шариатского] правителя (хаким), сказав, что мольба о прощении его провинности и ошибки принимается, направившись к матери городов (Мекка – примеч. пер.) по прямому пути бейта:

فطوبى لباب كبيت العتيق
حواليه من كلّ فجّ عميق

«Как прекрасно у таких дверей, как Дом освобожденный (байт ал-ʻатик = Кааба),
Вокруг него со всех сторон!»[975],

и с панегириком:

يا مجمع المحاسن يا منبع الكرم
لولاك كيف يخلق شئ من العدم
انت الرّسول منك رجا ئ شفاعة
يا خاتم الرّسالة يا سيّد الكرم

«О тот, в ком собрались хорошие качества, о источник великодушия,
Если бы не ты, то как было бы что-либо сотворено из ничего?
Ты – Посланник, и я надеюсь на твое заступничество,
О Печать Посланничества, о Господин Великодушия»,

[973] Акче – мелкая серебряная монета XIV–XIX вв., обращавшаяся на территории Османской империи.
[974] Строки принадлежат египетскому суфийскому поэту Мухаммаду ал-Бусири (ум. 1294).
[975] Строки из «Бустана» Саади.

[он] бил челом о благоухающую амброй землю сада Печати Пророков – *да пребудет над ним достойнейшее из благословений* (‘алайхи афдал ассалават) – совершив омовение водой Замзама[976] отречения (табарра) и отмывшись живой водой оставления всего внебожественного (масива) от пыли осквернения мирским, а когда он вернулся, то в соответствии со смыслом бейта:

Rasiha kadrin bileydin hırka vü peşminenin

Kıl kadar gelmez bana semmurlar sincablar

«О Расих, тебе следовало бы знать цену хирки[977] и шерстяной накидки.

Не стоят и волоска для меня соболя и лисы»[978],

занимался воспитанием и наставлением [учеников] в основанной на богобоязненности обители (ханака), построенной им в деревне Саййид-Эли[979], расположенной рядом с Кафой, обойдя сад [айата] «*Аллах призывает к Обители мира*»[980] и пройдя по цветнику Божественного мира. Его наполненная светом могила находится в указанной деревне. *Ее посещают и получают от нее благословение* (йузар ва йутабарраку бихи). Указанный шейх остался после своих прославленных родителей, словно редкостная жемчужина, единственным и одиноким, и в соответствии со сказанным [в] бейте:

غرض زمحنت زن در جفا كشيدن مرد

همين تفرّج فرزند نازنين باشد

«Цель мучений мужчины от хлопот с женщиной

Состоит в наслаждении [от] ребенка»,

Благодаря многочисленности жен и наложниц, щедрости и благосклонности Создателя он довел и поднял [число] плодов от древа своего сердца до полной сотни, обновив и возродив почти обветшавший дом своего пречистого потомства. Мы сочли подобающим и достойным представить на блюдце испрашивания благословения перед гостями обители (такийа) приспешников любви и преданности кусочек сладкой на вкус халвы его речений, приготовленный в котле мудрости Помощ-

[976] Замзам – колодец в Мекке возле Заповедной мечети (Масджид ал-Харам), питье воды из которого – важный элемент хаджа и умры.

[977] Хирка – рубище дервиша или плащ, служивший символом передачи суфийской благодати.

[978] Строки османского поэта Балыкесирли Расиха Ахмед-бея (ум. 1731).

[979] Сеит-Эли (совр. Журавки) – село в Кировском районе Республики Крым, в восточной части полуострова.

[980] Коран, 10:25.

ника на огне любви и смешанный с молоком и сахаром иносказательного (маджаз) и прямого [значения].

Газель:

Nev-cüvanum gibi bari kişiye yar olıcak
Gam çeker mi kamu alem aña agyar olıcak
N'ola zar eyler isem gül yüzüñe karşu şeha
Bülbül itmez mi figanı gül ü gülzar olıcak
Müfti-yi aşka mahabbetden olındukda su'al
Didi ca'iz durur ol aşık-ı didar olıcak
Sen gül-i gülşen-i hüsne nice öykinse gerek
Bag-ı alem gülinüñ dameni pür-har olıcak
Ey Afifi gören ol yar-ı vefadarı didi
Böyle olmak gerek işte kişiye yar olıcak

«Я словно молодой юноша, ведь должен же быть у человека товарищ.
Если он затоскует, то весь мир ему чуждым станет.
Что станется, если я зарыдаю перед твоим розовым лицом, о шах?
Если соловей не заплачет, то станет он розой и розовым садом.
Когда спросили муфтия любви о любовной приязни,
Сказал он: «Дозволяется она», влюбится он в лик [возлюбленной].
Сколько бы ты ни подражал розе из розария красоты,
Подножие розы из сада мира будет полно шипов.
«О 'Афифи[981], будь зрячим!» – сказал тот его верный друг.
Таким нужно быть, на деле людям он товарищем будет.

Еще:

Yardan cevr ü ger hakikat olur
İkisi dahi cana minnet olur
Gün olur yüz tutar saadete devr
Sanma her dem dila nuhuset olur
Usruñ çün soñ ucı yüsre çıkar
Şeb-i hicrana subh-ı vuslat olur
Cümle itdükleri rakibe gelüp
Umarın an-karib nekbet olur
Devlet el virse irse hizmetine
Aşıka kulluguñ siyadet olur
Rah-ı dilberde haksar olmak

[981] Поэтический псевдоним (тахаллус) Шейха 'Афиф ад-дина.

İzzet amma göñül ne izzet olur
Çekme gam ger tezahüm ide gumum
Her işe çün Afifi gayet olur
«Если и исходят от друга притеснение и истина,
Обе [эти вещи] душе приятны.
Наступает день, судьба обращается лицом к счастью.
О сердце, не считай, что всегда несчастье.
Поскольку последний край тягости оборачивается облегчением,
Ночь расставания сменяется утром соединения.
Всё содеянное придет к сопернику.
Надеюсь, вскоре, случится беда.
Если удача подаст руку, подоспеет к его услугам,
Твое служение влюбленному господством будет.
Посыпать голову пеплом на пути к возлюбленной,
Есть величие, но, душа [моя], что есть величие?
Не печалься, даже если скопятся печали,
Ибо в каждом деле ‘Афифи пределом является».

Еще:
Bağlayup ebrularuñ şeklüñ görindi çun-hilal
Halk yimez içmez oldı aşık-ı şeyda-misal
Gah ra oldı gehi dal oldı mah-ı nev dila
Remz ider sañ ruzeye kim olmak ister gayra dal
Savm-ı hicrüñ mah u sal olsa nigara gam degül
Aşık-ı sadık olıcak ahiri id-i visal
Hab-ı rahatda yatan bi-derd bilmez kadrüñi
Derd ile bidar olan uşşaka kıl arz-ı cemal
Halüñ efyunı gıdasın bulmayaldan haste-dil
Bende-i kemter Afifi’ye dimezsiñ keyfe hal
«Нахмурила ты брови, и лик твой показался, подобно полумесяцу.
Люди перестали есть и пить, влюбились, словно сумасшедшие.
То стал [буквой] «ра» (ر), то [буквой] «дал» (د) молодой месяц, о сердце.
Намекает будто бы на пост (руза), ибо хочет указать на нечто другое.
Если пост разлуки с тобой будет [длиться] месяцами и годами, чаровнице не беда,
Будет она правдива в любви, концом его будет праздник встречи.
Спящий сном удобства беспечный [человек] не ценит тебя.

Яви красоту влюбленным, бодрствующим от боли.
Огорченному тем, что я не нашел пищи опиума твоей родинки,
Презренному слуге ‘Афифи не скажешь ты: «Как дела?»

Еще:
Ol ki zat-ı pak-i bi-hemtasına hu koymış ad
Yarda göstermiş adın aña ahu koymış ad
Ruh-ı mahza ad içün üstad yazmış elf ü dal
Elf kadd ü dala cana cad u gisu koymış ad
Eyleyüp bir zerreyi vasi felekden dil dimiş
Aña bir mihr-i ziya-güster kılup ad koymış ad
Tab-ı paküñden çıkan ab-ı zülal-i şirüñe
Ey Afifi ehl-i diller cuy-ı dil-cu koymış ad
«Он назвал «Ху»[982] бесподобною чистую Самость,
В друге показал имя Его, назвал его антилопою.
В качестве имени души бесплотной учитель написал «алиф» и «дал» (тюрк. ад – «имя»),
«Алифом» (ا) назвал стан, а «дал» (د), о душа, назвал локоны и завитки.
Сделал одну частицу шире небосвода, назвал «сердцем»,
Дав ей имя, сделавшее его солнцем лучезарным.
Прозрачную воду твоих стихов, вышедшую из твоей чистой натуры,
О ‘Афифи, обладатели сердец назвали ручьем вожделенным».

Еще:
Görünmüyor bais nedür ortada ol nazik-miyan
Var ey saba gör kandadur ol gonce-i şirin-zeban
San id-i adhadur şeha bölük bölük aşıklaruñ
Başladılar gezdürmege kurban içün kuyuñda can
Furkat dahi ki id ola bu bir aded çeşmüñ hele
Bir sürh-came geydürür baña bu çeşm-i hun-fesan
İd olur eylersen eya gelmez elüñden merhaba
Dil derdini ey dil-rüba bilmez gider misin heman
Pa-bus-ı dildara nice ola Afifi dest-res
Sen bir geda-yı na-tüvan ol padişah-ı kamran.
«Не появляются те тонкоталые, в чем же причина?
Поди [сюда], о дитя, где же тот сладкоречивый бутон?

[982] Ху (араб. «Он») – одна из суфийских форм поминания Бога в исламской традиции.

Будто бы Праздник жертвоприношения (‘Ид-и адха), о шах, группами отдельными влюбленные тебя

Начали прогуливаться по селению твоему для принесения жертвоприношения.

Пусть даже разлука будет праздником, один лишь твой глаз

Заставляет меня одеться в красное, этот твой глаз кровавый.

Если будет праздник, станешь ты приветствовать. Разве не по силам это тебе?

Если сердце не узнает о твоей боли, о чаровница, неужто ли сразу уйдешь?

Когда же дойдет ‘Афифи до того, чтобы припасть к ногам возлюбленного?

Ты – бессильный нищий, а он – счастливый падишах».

Мисра‘:

ما باز بقصهٔ خود آیم

«Вернемся же к своему рассказу».

Бахадир-Гирай-хан сбросил с себя одеяние жизни в [месяц] раджаб тысяча пятьдесят первого [года] (октябрь-ноябрь 1641 г. – примеч. пер.), и калга Ислам-Гирай, желавший накинуть на плечи снятую одежду власти, направил нураддина Кырым-Гирая к Осененным Счастьем Дверям (в Счастливую Порту – примеч. пер.), которые были торжищем товаров, к коим устремлялись жители семи климатов. На сей раз он не сумел извлечь пользу из затраченной звонкой монеты усердия и старания, и красивый кафтан ханского [престола] пришелся по размеру способностей его младшего брата Мехмед-Гирая (Мехмед-Гирая IV – примеч. пер.). Пресловутый Мехмед-Гирай возложил свою стопу [на землю] страны бытия через три месяца после того, как его отец Селамет-Гирай вступил в долину небытия, и был самым младшим среди своих братьев и единоутробным братом Джанбек-Гирай-хана, а когда упомянутый хан дерзнул казнить без всякой вины и преступления ‘Азамат-Гирая, то Мубарек-Гирай и Сафа-Гирай тоже отправились в долину бегства на конях страха и тревоги. Поскольку занятие Джанбек-Гираем, который был убийцей брата Мехмед-Гирая, сначала поста нураддина, а затем и калги, было в тягость его братьям, он проявил враждебность и после свержения Джанбек-Гирая отделился от братьев, и все султаны подняли знамя отстранения, [потому что он], дескать, опередил письма старших братьев и нарушил старинный Чингизов обычай, воссев на престоле правления и став на стороже стада подданных благодаря взору усердия и старанию, приложенному представителями султана, с которыми он водил знакомство и

дружбу, когда проживал в одиночестве в окрестностях Йанболи, а потому он открыл ключом должности калги запертую в несчастье овчарню Фетих-Гирая[983], побитого дождем волчонка Чобана Девлет-Гирая, который пасся в степи забвения и беспамятства, а своего племянника Гази-Гирая[984], все еще одурманенного вином юности, очаровал и обрадовал назначением на пост нураддина, и поскольку ему было велено сопровождать османские войска, направленные для освобождения крепости Азак, которая в прошлом году почти была завоевана и захвачена, по прибытии они вернулись назад, обретя радость триумфа и победы. Донские племена Мехмед-оглу из числа татарских кланов, живших под властью ханов, перешли реку Дон и присоединились к Азаку, но племена Ор-Мехмед-оглу и Орак-оглу из числа ногайских кланов сочли [принятие] подданства Вечного Государства поводом для вражды и неприязни, совместно закрыли и захлопнули двери благоденствия и спокойствия указанного племени руками грабежа и захвата, и хотя [те] заявляли [о своей] исламской [вере], осмелились полонить жён и детей мусульман, продать их неверным и христианам, и проявить скрытую в торбе их проклятого поведения горькую мину и грубость. Мирзы племени Токузларoглу (см. Токуз – примеч. пер.), бывшие главами пострадавших от бедствий племен, вступили под сень знамени поддержки клана Касай-оглу[985], и когда во время их отправления в указанном направлении с целью заполучить захваченное имущество руками хлопот и тяжкого труда, вернуть и передать его хозяевам, эмиры Орак-оглу напали ночью и разожгли огонь войны и смертоубийства, они казнили мирзу по имени Яман-Кан (?) и бросили в кучу необмолоченного зерна их общества искры рассеяния и разобщения, после чего стрелы их мольбы, выпущенные ими из лука просьбы о заступничестве и помиловании, чтобы добиться прощения их бесчисленных и безграничных прегрешений прошлого, достигли цели принятия. Дворовые люди защитника Азака Ислам-паши вместе с племенем Ор-Мехмед-оглу в пальме (букв. в камышах – примеч. пер.) первенства стойкости вместе держали поводья скакуна товарищества, напав на казацкие остроги (паланка) под названием

[983] Фетих-Гирай (ум. после 1644) – крымский царевич, сын Чобана Девлет-Гирая. Занимал пост калги в 1641–1644 гг.

[984] Гази-Гирай (ум. после 1666) – крымский царевич, сын крымского нураддина Мубарек-Гирая. Занимал пост нураддина в 1641–1651 гг. и калги в 1651–1666 гг.

[985] Улус Касая (Касима), выделившийся в 1620-е гг. из состава Малой Ногайской Орды.

Черкес-Керман[986] и Мунаджидин-Керман[987], освободив последователей ислама, попавших в силки пленения во время завоевания Азака, и захватив множество имущества в качестве трофеев, после чего племя Ор-Мехмед проявило желание обосноваться в области Крым и постаралось перевезти [туда] своих домочадцев, жен, имущество и ценные вещи. Когда до ханских ушей дошла [весть о том, что] пять-десять ратных мужей из числа татарских храбрецов протянули руки захвата военной добычи к местечку под названием Кюриль[988] в областях неверных, он сказал, что это противоречит условиям мирного [договора], разграбив их имущество и скот и разорив их жилища. Один ни в чем неповинный и обреченный судьбою человек не успел ступить ни единого шага из своего дома, как его обвинили в неизвестном преступлении, [дескать] он вступил в области неверных и захватил в качестве трофеев имущество, и он был подвешен на веревке наказания, и проявление такого рода жестокого обращения стало причиной того, что он прославился отсутствием способности к управлению (букв. установлению и определению – примеч. пер.) страной и починке (букв. распарыванию и сшиванию – примеч. пер.) одеяния торговли, в конце [месяца] раби‘ ал-ахир тысяча пятьдесят четвертого [года] (начало июля 1644 г. – примеч. пер.) он спустился с непокорного коня правления, которого он бесчисленными усилиями удерживал в узде распоряжения, и по инициативе главного конюшего (мирахур) тогдашнего султана (Сефер-Гази-аги – примеч. пер.) быстроногого скакуна правления Крымом оседлал Ислам-Гирай, а смещенный хан был немедленно сослан на остров Родос на норовистом и смертоносном скакуне корабля, о чем говорит историк Хайризаде в остроумной смеси своей хроники, состоящей из снадобий похвалы и порицания, упоминая с упреком о том, что он дерзнул [посягнуть] на убийство чистой души без всякой вины и греха [с ее стороны], а вслед за этим с сожалением размножает записи о восхвалении и порицании: «пресловутый хан был поборником шариата, обладателем смелости и отваги, в начале упомянутого месяца (раби‘ ал-ахир, т.е. июль 1644 г. – примеч. пер.) из правительства пришло августейшее письмо, а, согласно старинному закону, были

[986] Черкасский городок (совр. Старочеркасская) – одно из главных поселений донских казаков, в настоящее время станица в Аксайском районе Ростовской области.

[987] Маныч (совр. станица Манычская в Багаевском районе Ростовской области), одно из поселений донских казаков.

[988] Возможно, Курск (?).

оказаны султанские почести и [выслана] «плата на колчан» (тиркеш)[989], так что по причине недостатка [средств] на армию он выбросил на рынок сожаления скопившиеся в сокровищнице его хранения инкрустированные каменьями кинжалы и прочие подарки и редкие вещи по дешевой цене, растранжирил их и потратил на нужды армии, а сам приготовился к отбытию, с ним поступили несправедливо и причинили ему беспокойство хлопотами от [нахождения на] чужбине и ссылки». Новый хан Ислам-Гирай был [самым] старшим и авторитетным из детей Селамет-Гирая, во времена Джанбек-Гирай-хана он попал в руки печали и затруднения неверных ляхов, на протяжении семи лет страдал от тоски по дому и [родным] краям, и, согласно достовернейшим и общеизвестным словам, достопочтенный султан Мурад IV – *да озарит Аллах светом его довод* (анара-Ллаху бурханаху) – оказал [ему] услугу, освободив его из жуткой ямы затруднения с помощью веревки благосклонности, что он связывал с белой бородой старания и усердия Кара-Мустафа-паши[990], который был отправлен в качестве посла к пресловутым ляхам, совершив обмен и освободив десять бояр из числа пленных, закованных в кандалы на Процветающих Судоверфях (Терсане-и Амире – султанские судоверфи – примеч. пер.), и озарил светом радости и ликования зеркала его души, покрытые чернотой печали и горя, после чего он до некоторых пор проводил время в окрестностях Йанболи, который был резиденцией Чингизидских султанов, удовлетворившись ожиданием милости Господа и назначенных ему государем великих благ, а примерно в тысяча сорок седьмом году (1637–1638 гг. – примеч. пер.), когда Бахадир-Гирай удостоился чести правления областью Крым, указанный [хан] даже получил степень калги, выделившись непомерным усердием в [выполнении] таких поручений, как искоренение племени Мансур, Бахадир-Гирай скинул с себя наряд жизни, а Ислам-Гирай был освобожден от единоличного правления, и ему было велено бросить якорь проживания в крепости Султанийе[991], расположенной на берегу перешейка Золотого Рога. Чтобы скрепить печатью ярлык на правление, [выписанный] на его имя, как того требует заключенная в человеческой природе любовь к главенству,

[989] Тиркеш бахасы/Тиркеш-баха («цена колчана») – денежная сумма, выдававшаяся из казны янычарам, зачисленным в разряд придворной конной гвардии (сипахи).

[990] Кеманкеш Кара Мустафа-паша (ум. 1644) – крупный османский военный и государственный деятель албанского происхождения, занимавший пост капудан-паши (1635–1638), великий визирь Османской империи (1638–1644).

[991] Султанийе – селение к западу от Стамбула, в настоящее время в районе Эсеньюрт провинции Стамбул.

он отправил своего визиря [и] маршала (мушир), ранее упомянутого Сефер-Гази-агу, к Порогу Счастья (османскому двору – примеч. пер.), который был торжищем ювелиров драгоценного камня государства. Он также был ратным мужем, а потому ударил по разнузданному коню своего старания кнутом упорства,

Бейт:

Recanında avcunda rüşvet ister olmağa nafiz

Hedefden tirün istircaı demrensüzlüğindendür

«В самом апогее твоего возвращения должна быть взятка.

Отклонение твоей стрелы от цели [произошло] от отсутствия [на ней] наконечника»,

[с этими словами он] взял редкие дары и стал обходить двери [чиновников] погрязшего в мирском государства, заострив кончик тесака их аппетита точильным камнем Аш‘абовой[992] алчности и наточив наконечник стрелы нездорового ума на смазанном маслом колесе взяточничества, [тем самым] почти обрел способность добиться задуманного благодаря родственной связи со старостой [придворных] лесорубов, который был одним из тех, кто мог его перебить, и когда сообщение крымского хана, содержавшее обвинение пресловутого султана в подстрекательстве [к мятежу] и распространении нечестия и [приказ о] его поселении в Родосе, дошло до Дживана Мехмед-паши[993], который носил узорчатый кафтан садразама, пресловутый [султан] склонился к тому, что было противно исламу, вследствие чего он оскопил его дланью жестокого повеления и посадил султана в шлюпку бедствия, [следовавшую] на остров чужбины и разлуки. Великодушие Сефер-Гази, заключенное в алмазе его души, поднялось ввысь, и в соответствии со смыслом бейта:

دادیم نشان زگنج مقصود ترا

گر ما نرسیدیم تو شاید برسی

«Дали мы тебе приметы желанного сокровища.

Хотя мы и не добрались [до него], возможно, ты доберешься»[994],

---

[992] Аш‘аб ибн Джубайр (ум. 771) – богатый житель Медины, вольноотпущенник ‘Абдаллаха ибн Зубайра, прославившийся среди арабов своей жадностью и ставший героем анекдотов.

[993] Султанзаде Дживанкапыджыбаши Мехмед-паша (ум. 1646) – османский государственный и военный деятель, занимавший посты губернатора Египта (1637–1640) и великого визиря Османской империи (1644–1645).

[994] Строки из руба‘и Омара Хайяма.

ссылка и тяжесть положения не вызвали изнеможения и утомления, так что якорь корабля его путешествия достиг дна бухты отдохновения, и на берегу [двух морей, о которых сказано в айате] «*Он смешал два моря, которые встречаются друг с другом*»[995], и которые были рудником жемчуга желаний и намерений, [он] повстречался с Хизром успеха и пожелал испить живой воды искомой цели, повесив на судне его отправления парус скорости, и на сей раз он обратился с рёвом:

Бейт:

Şeyh Efendi aceb oğlan ile halvetde midür
Yohsa cinnileri şeytan gibi davetde midür

«Удивительно, неужели шейх уединился с юнцом?
Или же он пригласил [к себе] джиннов, словно шайтан?»,

к служителям великодушия заклинателя джиннов Хусейна Ходжи[996], обязавшегося выполнять желания людей и бывшего базарной потаскухой, принимающей образ желаний избранных и простолюдинов, как бы овладевая дорогой душой с помощью, во-первых, фимиама заблаговременной [выплаты] небольшого количества золота чистой пробы, а во-вторых, странных [заклинаний из касыды] «Джалджалутийа»[997] обещанных белокожих невольников и наложниц, и затем растолковывая сладкоречивым языком просьбы текст [своего] желания, [а тот] с благосклонностью принял [ее] и с помощью заклинания коварства и хитростей расположил высший мир к Ислам-Гираю, после чего на шестьдесят четвертый день после его прибытия на Родос – в [месяц] раби‘ ал-ахир тысяча пятьдесят четвертого года (июнь-июль 1644 г. – примеч. пер.) – он был приглашен на галере с шелковыми парусами уважения в Счастливую Порту и в присутствии падишаха был облачен в одежды правления. Хотя На‘има Челеби[998] был плодом печатного двора приятного нрава покойного, в своей бесподобной и прекрасной хронике, которой он дал название «Равдат ал-Хусайн фи хуласати ахбари-л-хафикайн» («Сад

---

[995] Коран, 55:19.

[996] Карабашзаде Хюсейин-эфенди, также Джинджи-ходжа (ум. 1648) – османский маг и спиритуалист при дворе Мурада IV, добившийся назначения на высокие посты благодаря влиянию на супругу султана Кёсем-султан (ум. 1651), в том числе поста кадия Галаты и казаскера Анатолии.

[997] Джалджалутийа (тур. Celcelutiye duası) – распространенное среди мусульман Анатолии заклинание, возводимое народной традицией к ‘Али ибн Аби Талибу.

[998] Наима (ум. 1716) – османский чиновник и придворный историк-хронист, автор хроники «Равдат ал-Хусайн фи хуласати ахбари-л-хафикайн» и популярного сочинения «Тарих-и На‘има».

Хусайна[999] в сокращенном изложении известий запада и востока»), он пишет, что они с его высокочтимым отцом Селамет-Гираем окрасились в один цвет печали, свалившись в яму плена от неприятного вина несчастья. Однако с помощью ушей отслеживания и изучения было выяснено, что победа прослушивания не удалась, а потому было признано целесообразным не ставить перо начинания в чернильницу наступления. Короче говоря, Ислам-Гирай на скакуне с украшенными каменьями стременами славы и великолепия дошел до страны правления, остудив очи надежды [одного] из своих братьев, Кырым-Гирая, сурьмой должности калги, к которой тот устремил взор своего ожидания, и озарив лик старого договора об обычной плате Гази-Гирая, бывшего нураддином его предшественника, подписью увековечивания и утверждения, [а также] сделав Сефер-Гази главой канцелярии государственных сановников Крыма [назначением на] должность баш-аги, а превосходного [представителя своего] времени и несравнимого [представителя своей] эпохи Синана-эфенди – начальником собрания сиятельного шариата [назначением на] высокую степень кадиаскера. Узел жизни калги был развязан десницей смерти, после чего его вакантная должность перешла нураддину, а другой его брат, ʻАдил-Гирай[1000], получил пост нураддина. Когда в ту пору он нашел приют у наместников Азака и Кафы и примкнул [к ним], овладев с помощью лишенного блеска знамени и полуобманчивого флага слугами и свитой, и пришел к процветанию под их знаменем государственного покровительства и под их украшенными справедливостью десницами, демонстрация крымским ханам полотнища стойкости и устройство [музыкального] представления с неблагозвучным цыганским (букв. коптским – примеч. пер.) звучанием резали [всем] слух, и во время его пребывания на посту калги ему не удалось добиться наказания проявлявшего грубость черноликого бека из племени Жане, принадлежащего к черкесским кланам, которого называли Акчомак; на сей раз он погнал мышцы и сухожилия своей хищнической доблести воспламеняющим огнем клинка гнева и топором пресечения к дороге твердого решения и засучил рукава усердия, и после того, как он пустил по городу слух о том, что якобы собирается склонить на свою сторону пресловутого эмира и отправиться с походом в другую сторону, и перебрался на

[999] Сочинение было посвящено османскому государственному деятелю Амджазаде Хюсейин-паше (ум. 1702), занимавшему пост великого визиря Османской империи в 1697–1702 гг.

[1000] ʻАдил-Гирай (ум. 1659) – крымский царевич, занимавший пост нураддина (1651–1659). Сын крымского хана Селамет-Гирая.

Тамань, внезапно напал с многочисленным войском, разогнав и разгромив его самого и его приспешников, словно осиный улей, дымом пороха мушкетов и сиянием блестящих клинков, после чего захватил в качестве трофеев мед и сахар [сладких] уст его наложниц и рабов, усладив свой вкус соединением [с ними], а во время возвращения между карачу-мирзами, мысли и соображения о которых были записаны на предыдущей странице книги, и государевыми слугами (капы-кулу) возник раскол и взаимонеприятие, [причем первые] заключили союз с карачу-мирзами Сефер-Гази-аги, а противоположный лагерь сговорился с калгой, и когда они в своей петиции о низложении пресловутого лица с его поста прибегли к принуждению и грубой силе, содействие их неуместной просьбе оказалось неугодным доблестному хану,

Бейт:

چون شود دشمن ملایم احتیاط از کف منه

مکرها در پرده باشد اب زیر کاهرا

«Когда смягчится враг, не теряй осторожности,

Хитрости скрыты за завесой, а вода – под соломой»[1001],

он пустил под ворохом соломы изощренных хитростей ручьи предусмотрительности, сбежал к эмирам Ширинов и устроил предпосылки для отмщения своим противникам, отправив пресловутого агу, а сам стал следить за исходом и завершением из отдаленного места через подзорную трубу притворного неведения. Хан сказал: «По старинному татарскому правилу, мы не согласны, чтобы болтуны из числа государевых слуг, не вхожие в двор нашего покровительства, отклонились от прямой стези подчинения, выступив против достопочтенного хана, наделенного властью (улу-л-амр), сместили визиря и его доверенных людей, бывших его (хана – примеч. пер.) ставленниками, и совершили [тем самым] великий грех», и когда он отправился на бой с указанными [лицами], то в связи с требованиями времени и положения он объединился с невеждами, которые проявляли грубость к нему, и они выстроились в ряды для битвы и сражения в местечке под названием Кулатай. Когда бойцы и соколы обеих сторон, опьяненные вином гордыни и себялюбия,

Бейт:

صد گونه بلا بود درین کوی

در کوی بلا کسی نهد روی

«Сто видов напастей бывает в этом селении,

Кто-то направляется в селение напастей»,

[1001] Строки из газели персидского поэта Са'иба Табризи.

начали терять сознание от вина острого клинка горькой и кислой смерти, Сефер-Гази-агу, пробудившего круг [своих] соратников от этого неблагоприятного положения, посетило беспокойство, и в соответствии со смыслом бейта:

گر امدی و بسر دویدی
هر دم طرف دیگر دویدی

«Если ты пришел и побежал во весь опор,
То ты всегда бежишь в другую сторону»,

он счел целесообразным удалиться с собрания перебранки, его недоброжелатели прознали о том, что он поспешил войти в крепость Кафа, помешали [ему] и задержали [его], запечатав трясущейся рукой безвыходного положения бессмысленный ярлык, написанный ими коменданту Кафы с настойчивой просьбой к крымскому хану заняться его охраной, подобно [охране] зрачка в отверстии темницы глаза, и чтобы цепи и путы его оберегающего взора стали кандалами на ногах его движения и выхода, а затем сообщить государю и добиться вынесения непреложного повеления о его казни, и повесив опрометчивую рукопись с докладом и изложением на стене дома «*авось да выйдет*» (лайта ва ла‘алла) с помощью веревки непрерывных ‘Уркубовых[1002] обещаний. Сефер-Гази же вошел на ногах [собственного] желания и воли в духовную тюрьму, и, хотя даже смущенные и пораженные его спуском на веревке его чаяний в страшный колодец погибели мирзы, которые являлись его сторонниками и защитниками, были вместе с его противниками, несмотря на применение боевых орудий, обеспокоены возникновением опасности оттого, что один из султанов, бывших вступительным словом [среди] строк и заглавием страницы боевых рядов, получит смертельное ранение, и в момент их замешательства, когда они стали искать способ отвести [от него] бедственный недуг превосходившего [их числом] сборища, и запустили, словно почтового голубя, животворного коня по имени Канадлы-Дуру, хранившегося как зеница ока в конюшне [одного] из черкесских эмиров Бек-Мирзы[1003], с которым приведший в брожение тесто ссоры Сефер-Гази-ага заключил завет любви благодаря родственной связи по женской линии, так что его саженец воссиял, словно яркая

[1002] ‘Уркуб ибн Сахр – персонаж доисламских арабских легенд, прославившийся своей лживостью, который в средневековой мусульманской литературе стал метафорой человека, никогда не выполняющего своих обещаний.

[1003] Бекмурза (XVII в.) – кабардинский князь, родоначальник княжеского рода Бекмурзиных, внук верховного князя-валия Большой Кабарды Казы Пшеапшокова (ум. 1615).

полная луна, его лучи рассеялись [повсюду], подобно солнцу, а на его прекрасном лбу висела сверкающая надпись:

Маснави[1004]:

چو پیلان بزور و چو مرغان به پر
چو ماهی بپوشش چو شیران بر
زززخم سمش گاو و ماهی ستوه
بجستن چو برق و بهیکل چو کوه

«Подобен слонам в силе, подобен птицам – крылами,
Подобен рыбе – одеждой, подобен львам степным.
Из-за ран от яда его коровы и рыбы изнемогли.
В проворстве он подобен молнии, а телосложением – подобен горе»[1005],

а также указали на смысл [хадиса] «*бегство – [одно] из обыкновений посланников*»[1006] (ал-фирару мин сунан ал-мурсалин), а сведущий в тонкостях ага по форме [подобных] тростниковым перьям ушей коня с обличьем Дулдула[1007] понял и постиг смысл бегства, сделав пятничный намаз завесой введения в заблуждение и преградой ухищрения для очей косо смотревших [на него] надзирателей, оседлав ветроногого [скакуна] усердия и отправившись в долину бегства, а когда они прознали об этом, то вырыли ров противодействия на пути его спасения, а несколько человек – пеших и всадников – стали его преследовать, и когда он приблизился к воротам крепости, то смотрел на то, как подлая судьба вытащила две тяжелые степные колесницы на внешней дуге (мукантара)[1008] ока опасности, протянувшейся над крепостным рвом, создав серьезное препятствие на его прямом пути, резкий ветер отчаяния и страха сломал древо его надежды, и, повторяя печальным сердцем и нежным тоном слова молитвы, [предваренные] Божьим именем, [он] яростно пришпорил железной ногой храбрости умелого коня, на котором он ехал, и вер-

---

[1004] Маснави (араб. «сдвоенный») – одна из основных форм традиционного персидского повествовательного произведения с неограниченным числом бейтов, которые пишутся в форме рифмованных куплетов.

[1005] Строки персидского поэта Фердоуси.

[1006] Полная версия этого высказывания, приписываемого пророку Мухаммаду, звучит следующим образом:
"الفِرارُ مِمّا لا يُطاقُ مِنْ سُنَنِ المُرسَلينَ
«Бегство от того, [противостоять] чему [вам] не под силу – это одно из обыкновений посланников [Божьих]».

[1007] Дулдул – серый мул пророка Мухаммада.

[1008] Дуга (араб. мукантара, кантара) – малый круг небесной сферы , параллельный горизонту, который использовался средневековыми астрологами для их предсказаний.

ный скакун, выросший в конюшне проницательности, разглядел во всаднике тревогу и без всякого страха и беспокойства перебросил его на крылах поспешания через подол страха, так что у седока и его скакуна не пострадал ни волосок, ни шерстинка, ни тулово, и они добрались до степи безопасности, и наблюдавшие за этим преследователи от изумления приложили пальцы к устам и, произнося в изумлении [слова молитвы] *хаукала* (ла хаула ва ла куввата илла би-Ллах – «нет силы и могущества, кроме как у Аллаха!» – примеч. пер.), вернулись назад. Когда же пресловутый ага, раскрывший уста для прославления Творца, приблизился к своим сторонникам, показавшись из дорожной пыли и мглы благодаря помощи ветра стенаний и содействию судьбы, его помощники и доброжелатели раскрыли объятия [радушного] приема, и далее, когда в следующий раз, они бросили жребий пререканий, [метнув] стрелу слов возмущения по поводу выстраивания рядов [для] противостояния [врагу], они вместе с их общностью отправились за пределы Фарах-Кермана и сговорились с жившим в тех краях племенем (оймак) Ор-Мехмед-оглу, приняв решение о войне, и тогда обладавшие веским словом добрые советчики из [числа] вершащих дела украсили шелком заглавие разумных речей и окаймили тесьмами книгу исправления, дабы увековечить давнюю службу указанного аги. В это время крымский хан попросил общество [своих] глашатаев обратиться [к людям] с воззванием, дабы исполнить смысл указания Благородного [Корана]: «*а кто сражается на пути Аллаха, тому будет дана великая награда*» (ман йуджахиду фи сабили-Ллах фасайутихи аджран ‘азиман)[1009] и сделать необходимые приготовления к схватке, а одному из эмиров Ширинов, прославленному храбрецу по имени Кутлушах[1010], [назначенному] военачальником некоторого количества легкомысленных татар, было поручено привести к разорению области неверных, вследствие чего ему был предоставлен доступ к бесчисленным трофеям, и по его возвращении карачи и государевы слуги (капы-кулу) воспротивились уплате полагавшегося хану хумса[1011], который они называли «савга», и даже назначенные для ее получения сборщики повели себя грубо, так что их ругань вылилась в побоище, приведя к гибели многих людей. В те дни, когда удачливый хан успешно и благополучно бросил тень на область Крым, закрытые двери джихада

[1009] Коран, 5:54, 48:10.

[1010] Кутлушах (ум. 1644) – эмир крымского рода Ширинов.

[1011] Хумс – пятая часть военных трофеев, которая, согласно шариату, выплачивалась Пророку, а в последующем на нее претендовали мусульманские правители, рассматривавшие себя в качестве легитимных преемников пророка Мухаммада.

все еще не были открыты, как этого желало его сердце, и оттого, что жизнь населения области ограничивалась крестьянским ремеслом, спасение от болезни бедности оказалось невозможным, так что большая часть людей страдала от чесотки разорения, удовлетворившись старыми кафтанами и представив суконные [платья] и халаты на ярмарках и базарах, и на протяжении одного-двух лет его правления,

Мисра‘:

منفعت در دین ما جنگ و شکوه

«В нашей религии благо – в войне и роскоши»[1012],

[он] отправил мастерскую сражений и браней на рынок стран неверных, привязав колесом щитов и веретеном стрел основу и уток приходов и уходов к цепу луков отваги, так что были сотканы рубиновые шелка и разноцветные бязи военных походов, благодаря чему он украсил богатых и бедняков, больших и малых красными и белыми тканями, разнообразными новыми одеяниями, превратив площадь крымской земли в предмет зависти художественных мастерских Китая. Из-за вызывавших радость рассказов, которые наполнили до краев чашу ушей жителей торжеством барабана всеобщей известности и славы, и устроили переполох своим радостным напевом, в те дни, когда Ислам-Гирай был закован в кандалы плена, в силу собачьей драки и ссоры между ляшскими неверными и несчастным народом, который называют прусами (пурус), в кругу его советчиков и в его окружении сказали, что он [из числа] ратных мужей, впустили пресловутого хана и спросили [его] о пригожих сердцу мерах, отвечавших времени и обстоятельствам, и тогда, будучи зрелым [с точки зрения] разума, понимания и чистого сознания, он высказал наилучшее мнение, а женолюбцы-казаки, пившие водку высокомерия и лицемерия, не одобрили речей храброго мужа, так что хлопанье их несчастных ладоней и нестройные звуки органа насмешек их войска устроили переполох в кумирне высокомерия и спеси, что вызвало стеснение у исполненного достоинства хана, [и в соответствии] с приятным смыслом бейта:

مکن نصیحت اهل لباس بخیه بلب زن

عبث گلاب میفشان بروی صورت دیبا

«Не наставляй почитателей одежды, наложи на губы [свои] шов,

Не поливай попусту розовой водой лик шелковой [ткани]»[1013],

[1012] Строки из второго дафтара «Маснави-йи ма‘нави» Джалал ад-дина Руми.

[1013] Строки из газели Са’иба Табризи.

он отринул грусть и вручил деснице гнева Господа людей отмщение идолопоклонникам. Известно, что по благоволению судьбы мельница небосвода повернулась в направлении полюса сферы ханского желания, и в одном победоносном походе татарские храбрецы заковали в цепи и кандалы несколько достойных смерти [подонков из числа] самых заблудших и подлецов, до краев наполнивших [свои] шутливые рты безвкусным и пошлым положением нахальства и шуток, и привели их к правосудному хану, хлестнув по их скверным лицам дурным предзнаменованием ехидной улыбки презрения и положив длань насмехательства и порицания на «грудь расширившуюся (т.е. радостное сердце), [что] рассеивает [тоску по] потерянному за день» (садрун муншарихун ашша халика-л-йаум). Когда наступило время передачи замены джизьи, которую злосчастный русский народ был обязан выплачивать в оговоренное время под названием «тыйыш», что указывало на [разные] сорта мехов и виды товаров, то прибывший для регистрации и записи [разных] категорий подарков и тех, кому они причитаются, московский человек, которому по старинному обыкновению было дано задание записывать имена пайщиков, а по окончании – оповещать [об этом], закончил речь словом «шул ук[1014]», означавшим на его языке «окончено» (тамам олды), и тогда из-за установления и упрочения в душах страха перед твердостью татар и отважным ханом он, подумав, что указанное слово было именем определенного человека или его прозвищем, записал его в тетрадь и в свое время вытащил долю «шулука». Когда они по заведенному обычаю выплачивали определенное для них возмещение, то заявляли главам народа о своей искренней привязанности, направляя полагавшиеся им редкие дары вроде серебряной и золотой посуды, чтобы их исключили из старой тетради условий соблюдаемого мира и [признали] расплатившимися. Однажды курица разума и людской молвы снесла Сефер-Гази-аге искусственные яйца из золота чистой пробы, наполненные знаменитой мольбою (ду‘а), которую они называли «варил», и прощупывая [тем самым их] охоту до ссор и драк, сказав: «Если поместишь в гнездо нашего разрушенного дома сокола газиев с твердокаменными лапами, заставив взлететь птицу нашего покоя и удобства, мы насытим и обогатим тебя такого рода Марьямовым[1015] красным яйцом». Жаль, стократно жаль, увы и стократно увы, что в силу нерадивости и непокорности [какая-то] кучка русских, которые слабее цыплят и являются самыми подлыми из

[1014] Ср. каз.-тат. шул ук («тот же самый», «то же самое») в значении «всё сходится».
[1015] Марьям – имя Девы Марии, матери Иисуса Христа, в исламской традиции.

христиан, и у которых не было сил [даже поднять] шум своими лишенными блага куриными голосами на своих собственных развалинах, не только дерзнули [издать] немелодичный петушиный крик в мусорной куче иностранцев, но и осмелились напасть на султанскую резиденцию в Бахчисарае, который был престолом области Крым, и в то возвещавшее о светопреставлении время, когда их старинные жилища и великие обиталища показались из совиного и вороньего гнезда по причине [принесенной их] стопами неудачи, при упоминании жестокосердного, могучего, притязающего [на звание] героя и прозванного барсом [султана], осторожно прислонившегося к расшитой золотом ханской подушке, очам пера следует пролить капли слез сетованья. Вернемся к нашей цели (нарджи'у ила сададина). В начале правления Ислам-Гирай-хана он вместе с привыкшими к походам татарскими войсками, коих он обучил смыслу мисра'

كانو على الاعداء ناراً محرقا

«Были они для врагов огнем сжигающим»,

расстелил ковер войн и сражений, не пожалев жемчуга украшенных драгоценными каменьями клинков джихада для шей жаждавших мести врагов, и принудив народ строптивцев склонить головы перед жителями области Крым, которые были рудником каменьев храбрости и логовом кита смелости в соответствии со смыслом мисра':

Bi'z-zaruri itdirir gavvasa lü'lü' ser-füru

«Непременно, заставляет жемчужина ныряльщика склонить голову [перед ней]»,

после чего в соответствии со смыслом бейта:

چنین است کار سپهر دو رنگ

گهی صلح باید گهی جنگ جنگ

«Таково дело двуличного небосвода (судьбы – примеч. пер.).

Иногда должен быть мир, а иногда война»[1016],

горстка распутных неверных растратила бесчисленные сокровища, спрятав гадюку кровоточащего меча в дом ножен и укрыв сокола безжалостных стрел в гнезде колчана, благополучно рассевшись в возвышенном обиталище [слов Божьих] «*мир есть благо*»[1017] (ас-сулху хайрун), и в эту пору он посмотрел глазами милосердия на дела подданных, снял с плеч бедняков недавнюю тяжкую обязанность, называемую «тамга акче-

[1016] Строки из «Шахнаме» Фердоуси.
[1017] Коран, 4:128.

си»[1018], и надев [на них] красивый кафтан роскошной жизни, защитил их от холода затруднений, после чего сказал, что [настало] время отдыха и пора наслаждения и увеселения, в начале [месяца] ша‘бан тысяча шестьдесят четвертого года (июнь 1654 г. – примеч. пер.) начал пир [в честь] обрезания младших сыновей, начав, по татарскому обычаю, с утренней выпивки и закончив ночной попойкой со [всеми] видами вин различных цветов и разнообразными разновидностями мелодичных флейт, с дарующим жизнь рёвом бейта:

Elümde cam karşumda dururken saki-i gül-ruh

Ne maha itibarum var ne mihr-i alem-efruza

«Когда у меня в руках кубок, а передом мной – розовощекий виночерпий,

Нет у меня почтения ни к луне, ни к сжигающему мир солнцу»,

и когда он явил образец сцены из [украшенного] садами дворца собрания Байкары[1019] и даже пиршества Джамшида, приблизилось время стирания со страницы бытия имени жизни устроившего пир хана, который был заглавием касыды пирования и окантовал тесьмою собрание беседы, отменяющим пером мисра‘:

توقع زوالآ اذا قيل تم

«Ожидай погибели, когда сказали, что всё окончено»[1020],

после чего над его лопаткой появилась маленькая и болезненная опухоль размером с чечевичное зернышко, отклонив [от равновесия его] мизадж[1021] (т.е. нарушив состояние его здоровья – примеч. пер.), так что он пожаловался на свой нарыв и рассказал о том, что будет полезно выдавить его, чтобы извлечь [из него] вещество, а опьяневшие от ночной выпивки бестолковые [люди] удумали сильно выдавить пресловутый чирей, дабы извлечь из него гной, и когда они начали назойливо и надоедливо нести [этот] вздор, по велению [Божьего] приговора, он не согласился с этим неразумным мнением, и когда в представлении его разума юноши своими лошадиными копытами, будто бы железными щипцами, стали мериться силами, [у него] случился обморок, и он не стал проти-

[1018] «Тамга» (бадж-и тамга, тамга акчеси) – в Османской империи налог на продажу в городе любых товаров, производство тканей и забой животных.

[1019] Хусайн Байкара (ум. 1506) – правитель Хорасана (1469–1506) из династии Тимуридов и поэт, писавший на персидском языке (поэтический псевдоним Хусайни).

[1020] Строки из дивана арабского поэта Абу Бакра ал-Хаваризми/Хорезми (ум. 993).

[1021] Мизадж – термин средневековой мусульманской медицины, обозначающий гармонию между четырьмя основными жидкостями человеческого организма – кровью, флегмой, жёлтой желчью и чёрной желчью.

виться. Короче говоря, нарыв обладателя львиных дланей попал в когти эмалированной тарелки для молока, форма пиршества сменилась образом траура и грусти, так что проявился смысл бейта:

Tev'emandur zevki dehrüñ mihnet-i pür-şur ile

Bir dükkanda yapılur tabut-ı nahl sur ile

«Наслаждение и бурные невзгоды судьбы суть близнецы.

В одной [и той же] лавке делают погребальные носилки (табут) из финиковой пальмы и духовые трубы»,

и количество его лет достигло пятидесяти, когда он одернул руки от привязанностей [этого] мира и был предан захоронению в усыпальнице его деда со стороны киблы, после чего заново был возведен выложенный из камня купол – в указанный месяц (ша'бан 1064 г. = июнь 1654 г. – примеч. пер.). Срок его правления [составил] десять лет и пять месяцев. Из-за необходимости сообщить эту печальную весть калге султана, которому было велено защищать Перекоп (Ор), [для этого дела] был отобран Ваххаб-эфенди, подобный перу, ведающему о тайнах, чье письмо было полно знаний из книги Крыма, и он был отправлен в путь на паре вьючных животных. Упомянутый эфенди рассказывал, что за одни сутки он преодолел расстояние [протяженностью] в сорок восемь астрономических часов (са'ат-и нуджуми), и когда он остановился в семье преклонных лет старца из живших в степи татар, указанный старец бросил взгляд внимания на форму, облик и совершенство скорости пресловутого [Ваххаб-эфенди], после чего проявил проницательность, сказав с сожалением: «До сих пор в Крыму идет молва о пиршестве [по случаю] обрезания и не слышно о передвижениях врагов из окружающих стран. Наверняка, высокочтимый хан прошествовал из теснины [этого] мира в просторную обитель райских кущ, и Вашему превосходительству велено сообщить об этом калга-султану». Когда, по велению Правителя суда умерщвления и воскрешения (Аллаха – примеч. пер.), весть о том, что Ислам-Гирай отправился в обитель вечности, дошла до слуха государя мира (османского султана – примеч. пер.), ранее сдернутый с плеч его юрисдикции старый кафтан ханства был обновлен и починен мастером предопределения, [а затем] снова надет на Мехмед-Гирая, и тогда он оставил на своих постах калгу своего предшественника Гази-Гирая и его нураддина 'Адил-Грая, а Сефер-Гази-агу, [выполнявшего] обязанности визиря, подверг [тяжкому] бремени, подготовив его к казни и истреблению. В те дни, когда пресловутый хан привязал верблюдицу отправления [в путешествие] из [Высочайшего] Двора и ступил на ложе султанского правления, из-за жителей областей, лишенных пастуха, он испу-

гался волка волнений и бунта, вследствие чего между сыновьями Мубарек-Гирай-султана и Бахадир-Гирай-султана возникло разногласие, так что один из почитателей Бахадир-Гирая, Сефер-Гази, и его помощники оказали помощь потомству пресловутого [хана], а представители Мансурового [племени], бывшие сторонниками Мубарек-Гирая, помогли его детям, и когда Касим (?) и красноречивый Хамза (?), не видя, стали зачитывать письмо слухов, а [один] из сыновей Бахадир-Гирая, Селим-Гирай-султан[1022], который был гордостью рода Чингизова, опирался по привычному для него делу на подушку отдохновения в деревне под названием Илан (?) в доме своего атабека, в объятиях почтения к которому он вырос, внезапно объявился вместе с тысячью негодяев [и] дурным намерением убить его ‘Адил-Гирай, сын Мубарек-Гирая, и тогда ревностный султан вместе тремястами вооруженными людьми, не щадившими своих жизней, сел на коня отваги, чтобы бросить жребий схватки, ноги рвения указанных охватила вялость, а руки их отваги [поразила] дрожь и хворь,

Мисра‘:

طبل برگشتن بزن من مرد میدان نیستم

«Бей в барабан возвращения, мне не место на полях [сражений]»[1023],

и когда они на злополучном коне отчаяния и лишения повернули вожжи к возвращению, Селим-Гирай-султан вошел в [самую] пучину племен Ширинов, оказавшись в полной безопасности от нападок врагов. В те дни даже Мехмед-Гирай-хан, прибыв в Кылбурун[1024], который был проходом в область Крым, разноречивые люди, приведшие в движение шпоры встречи [гостей], чтобы поздравить хана с прибытием, сели по две стороны хана, бросая друг на друга взгляды гнева и злости вследствие [их] вражды, и закрыли двери своих ртов на замки молчания. На том собрании один из ученых Крыма – Шейх Эфенди, который был предводителем людей, [произносил] проникновенные речи и восседал на молитвенном коврике наместника (халифа) в ханаке Гюледж[1025], сказал в соответствии со смыслом бейта:

[1022] Селим-Гирай I (ум. 1704) – хан Крыма, занимавший престол четыре раза в 1671–1678, 1684–1691, 1692–1699 и 1702–1704 гг. Сын крымского хана Бахадир-Гирая I.

[1023] Строки из газели персидского поэта Вахши Бафки (ум. 1583).

[1024] Кылбурун/Кинбурн – крепость, построенная в XV веке на Кинбурнской косе в устье Днепра на территории современной Николаевской области Украины.

[1025] Кюлеч-Мечит (Колеч-Мечеть) – исчезнувшее село в Кировском районе в восточной части Крыма. В селе располагалась обитель суфийского шейха Ахмеда-эфенди, которая считалась одним из четырех главных центров суфизма на Крымском полуострове.

صورتگر جمال تو بنهاد نقطهٔ
از بهر امتحان قلم افتاب شد

«Художник, [рисовавший] красоту твою, поставил точку.
Ради испытания пера появилось [на небосклоне] солнце»[1026],

«На черном свете вашей пречистой бороды, которая является частицами солнца на вашем сиятельном лице, повсюду проявил*и*сь, подобно истинному утру, белые точки старчества», и когда он открыл сокровищницу слов, дабы вытащить звонкую монету речей, сведущий в тонкостях хан, произнеся речь, [являвшуюся] нанизанной жемчужиной победы в споре, причесал растрепанные локоны помутнения их душ гребнем возражения, сказав: «Уже десять лет огорчение от отрицания и отвержения и подверженность разного рода невзгодам не омрачили [меня] даже на кончик волосинки, и до моего слуха дошел огонь вашего соперничества и склочничества, возникший без всякой причины [лишь] из-за злобы и зависти,

Бейт:
شد از فشار گردون موی سپید سرزد
شیری که خورده بودیم در روزگار طفلی

«Стали от натиска небосвода волосы белыми, проступило [на них]
[То самое] молоко, что пил я в пору [своего] младенчества»[1027],

и его бесполезный дым обелил черную бороду моего обаяния и укоротил высокий рост моего покоя», так что выраженное им волнение и сожаление вызвало в правдивой душе шейха сострадание, вследствие чего он выбросил с помощью корыта просьбы о прощении грязь ненависти и вражды, происходившую от самых мерзких из порицаемых нравственных качеств, на свалку забвения и оставления, и раскрыл рот [для] мольбы благодаря приятным сердцу наставлениям об исправлении отношений между [людьми], так что гадальные стрелы его просьбы, подобно прямой стреле, оставили след в сердцах молодых и старых, и каждый расцеловал [его в] бороду и руки, раскрыв [ему] объятия для приветствия, после чего благодаря великодушию старца, чьи мольбы принимаются [Господом], он всецело сподобился благодати искренней дружбы и добрался до Крыма, и не прошло много времени, как нураддин-султан отправился на коне ненасильственной смерти в страну небы-

[1026] Строки из сочинения «Суллам ас-самават» («Лестница небес») персидского мусульманского ученого и поэта Абу-л-Касима ал-Ансари ал-Казируни (XVI–XVII вв.).
[1027] Строки из газели персидского поэта Са'иба Табризи.

тия, вследствие чего его другой брат Мурад-Гирай[1028], получив освободившийся от него пост, достиг желанной цели. Пресловутый хан во второй раз добился разного рода завоеваний и военных трофеев и вследствие экономии получил бесчисленное богатство вне [приходно-расходной] книги проницательного разума, и когда от блистающего в достоинстве и прославленного султана Мехмеда III[1029] – *да озарит Аллах светом его довод* (анара-Ллаху бурханаху) – пришел августейший рескрипт (хатт-и хумайун) о том, чтобы Кёпрюлю-заде Фазыль Ахмед-паша[1030] понес знамя отправления в поход на Уйвар[1031], а крымский хан – поднял штандарт [его] сопровождения [в этом походе], пресловутый [хан] ухватился за подол отговорок, и его сын Ахмед-Гирай[1032] [заплатил] цену извинения, привязал упомянутого ранее сына Сефер-Гази, Ислам-агу, вервью старшинства к лишенной верности стойке шатра и отправил его в указанный поход, после чего пожелал уничтожить клинком казни его [подобного] Бузургмихру[1033] отца Сефер-Гази, для чего сперва сместил его с поста визиря, передав тяжкое бремя несправедливого пролития крови в вооруженные мечом руки нураддина Мехмед-Гирая, и когда безвинный и непорочный ага благодаря раскрытому оку проницательности прознал и осведомился о вырытых из-под земли козней и злобы сокровищах коварства и интриг, и [о том, что он стал] мишенью [для] ружья хитростей и происков, он стал питать несбыточные мечты о том, чтобы потушить вспыхнувший по предопределению Всемогущего Господа огонь сжигающего мир [Божественного] приговора каплями воды

[1028] Мурад-Гирай (ум. 1696) – крымский хан, правивший в 1678–1683 гг. Сын нураддина Мубарек-Гирая и внук хана Селамет-Гирая. Занимал пост нураддина в 1659–1663 гг.

[1029] В действительности, речь идет о Мехмеде IV (ум. 1693), султане Османской империи, правившем в 1648–1687 гг.

[1030] Фазыл Ахмед-паша (ум. 1676) – османский государственный и военный деятель, занимавший пост главного визиря Османской империи в 1661–1676 гг. Сын другого великого визиря Кёпрюлю Мехмеда-паши (ум. 1661).

[1031] Уйвар – турецкое название венгерской крепости Эршекуйвар на реке Нитра, расположенной на территории современного города Нове-Замки в юго-западной Словакии. Была построена 1581 году в качестве укрепленного пункта против турок-османов. С 1664 по 1685 гг. находилась под властью османов и была центром Уйварского эялета.

[1032] Ахмед-Гирай (ум. после 1681) – крымский царевич, сын Мехмед-Гирая IV, занимавший пост нураддина и ор-бея (командующего пограничными укреплениями в Перекопе) в 1665–1666 гг.

[1033] Бузургмихр (ум. 580-е гг.) – персидский сановник из рода и великий визирь сасанидских шахов Кавада I (498–531) и его сына Хосрова I Ануширвана (531–579). Упоминается в «Шахнаме» Фердоуси и многих других произведениях средневековой мусульманской литературы как образец мудрого визиря.

благоразумия, просочившимися из источника его мыслей и дум, и тогда он повелел нести службу по [его] охране у дверей его едва готового разрушиться жилища сорока рабам-невольникам черкесского происхождения, вооруженным боевыми орудиями, а сам прислонился к подушке праздности и беспечности. По принуждению [величайшего] неба из небес (фалак ал-афлак)[1034] приблизился час захода солнечного диска его жизни за горизонт небытия, вследствие чего охранители дверей стражи с сонными глазами и раскрытыми ртами опустили головы к посуде [для] питья, и в ту пору он связал и стянул шеи глупости двух [слуг] с внешностью, как у адских стражей, [служивших] воплощением «*носительницы дров*» (хаммалат ал-хатаб)[1035] – *Аллах прострелил им аорты* (рамахума-Ллаху би-н-найт) – веревкой далекоидущих чаяний [из-за] посулов и угроз – «*а на шее у нее будет плетеная веревка из пальмовых волокон*»[1036] – [поручив] им задание приложить к приготовленному заранее запасу пороха смазанный нефтью и занявшийся огнем фитиль, после чего незадолго до захода солнца они остановились у него дома под видом путников, и ни один человек не знал о том, что фидаи[1037], словно презренная кошка, попали в общество аги, один [из них], согнувши спину, занял его выражением своей искренней симпатии и [расспросами] о его делах, а другой – острым и ужасным орудием, сделанным из ланцета определенной формы, который на черкесском языке называют «бида», а на тюркском – «пинйал»[1038], пустил его кровь, несущую его животную душу (рух-и хайвани), и тогда:

Мисра:

هر که زخمی خورد البته فغانی دارد

«Кто получил ранение, тот, конечно же, закричит»[1039],

его жуткий голос не достиг ушей слуг, и они узнали [об этом только] после их бегства, отправившись напрасно в степь с тщетным намерением их догнать, и когда они без всякой пользы вернулись назад, лежавший на смертном одре ага отправился в [сад] высшей вечности

[1034] Величайшее небо (фалак ал-афлак), Всеобъемлющее небо (фалак ал-мухит) – принятое в мусульманской традиции название девятого неба, которое охватывало весь материальный мир целиком и зачастую считалось местом расположения Божественного Престола (ал-ʻАрш).

[1035] Коран, 111:4.

[1036] Коран, 111:5.

[1037] Фидаи (перс. «самоотверженно преданный чему-либо») – добровольцы, вызвавшиеся принять участие в в каком-либо военном или ином мероприятии ценой своей жизни.

[1038] См. осм.-тур. pinyal (پنیال) – «рапира» (от итал. pugnale).

[1039] Строки персидского поэта Камала Худжанди.

(хулд), приложившись челом мольбы к престолу Мстящего Господа, наделяющего милостью обитателей миров, после чего безжалостный хан протянул свою несправедливую руку изъятия к сокровищам запасания, не удовлетворившись захватом и взятием всего имевшегося, и поручил незаконное дело по обращению благородного сына Ислам-аги в спутника и товарища своего отца на стезе мученической смерти, являющейся прямым путем к Высшему Раю, нураддину Ахмед-Гираю, закрывшему двери служения ему, это дошло до ушей бдительного аги, и он нашел пристанище под сенью покровительства садразама и только тогда оказался в безопасности от ударов врагов. По сути, Сефер-Гази-ага был плодом пальмы мужественности одного отважного человека по имени Джан-Мирза-ага из того круга [людей], который называли придворными слугами (капы-кулу) крымских эмиров, сначала был главным конюшим (мир-ахур) у Хусам-Гирая, потом калгой Бахадир-Гирая, баш-агой у Ислам-Гирая, а после смерти указанного хана, когда его, как [уже] было написано, сослали в крепость Султанийе, он разделял [с ним] печаль жизни на чужбине и горести, и когда указанный султан поселился в обители удачи, Сефер-Гази тоже скрепил печатью доверенность, а спустя год, [когда] Мехмед-Гирай [правил во] второй раз, проявил славу и проворство, снова [получив] начальственный пост. Однако, думая, что прежде [тот] оказался в долине отстранения и скитания на чужбине, а он, потратив звонкую монету усердия, самостоятельно стал причиной обретения Ислам-Гираем богатства и власти, он скрыл огонь злобы и зависти под золой вражды, так что завистливые недоброжелатели, ведавшие о том, что он только и ищет возможности поджечь [зерно на] току бытия, подкинули дров побуждения и интриг в печь ханского гнева, безвинно сожгли [его в] огне кары и наказания. Пресловутый ага, обладавший мастерством в примирении сердец и в науке сражений и войн, притянул и привлек железные и твердые сердца некоторых аристократов государства магнитом дружеских отношений – «*человек – раб благодеяния*»[1040] (ал-инсану ‘абид ал-ихсан) – вследствие чего они руководствовались его деяниями и словами, рассказывая истории о его щедрости и благодеяниях. Например, в эпоху [правления] Ислам-Гирай-хана подобные ему сановники на собраниях увеселения и развлечения относились к пресловутому [аге] с почтением как к «соли собрания» (намак-и маджлис), и в тот час, когда, по правилам живших в то время, он выслушивал, как они порочат [друг друга] и сводят [друг с другом] счеты, упоминая пороки, он

[1040] Арабская пословица.

приносил [в качестве] гостинцев золото чистой пробы и угощал шербетом доставляющих наслаждение динаров, вследствие чего на лицах людей проявились тревога, покраснение и сожаление об их непотребных деяниях, так что они опускали головы [от] стыда. Мехмед-Гирай-хан проявил искусство верховой езды по долинам стрельбы из тяжелого лука кары и гнета в пустыне небытия и спросил: «[Те] несколько дней, когда мы удалили [его] на колеснице отстранения и неудачи из круга государства и изгнали из сонма приближенных, [были] для того, чтобы в обители спокойствия и благополучия он возложил голову на подушку безопасности и блаженства. Если есть кто-нибудь из крымской знати, кто был бы властен пустить в дело войска человеческих дел, потратив звонкую монету тонких хитростей распорядительности, и достоин халата хорошего преемника, и от рук вероломства и злобы которого [мы] были бы надежно защищены, то пусть укажет и обозначит [его]», а его приспешники и последователи, услышавшие о том, что он донес до верхушки мироздания голос прекрасных черт и достохвальных нравственных качеств Субхан-Гази[1041], огонь старой враждебности которого отбрасывал всполохи общеизвестности и несомненности, показали длинные языки возмущения, сказав: «Если имеется в виду обладающий великодушием муж, являющий мастерство в распоряжении (букв. сшивании и распарывании – примеч. пер.) делами государства с помощью ножниц наказания и нежных нитей мягкости, то это Субхан-Ага, а если подразумевается какой-нибудь бестолковый осел, неспособный дать неразумному быку солому и сено, а лишь [работающий словно] мул [на] мельнице глупости и безрассудства для вращения жерновов государства с помощью кнута пробуждения и предостережения, то пусть возьмет на службу Кытас-Агу», и тогда он в [ответ] пошевелил устами красноречия, сказав: «Если бы взыскательная натура достопочтенного хана была падка до владельцев драгоценных каменьев искусства и просвещенности, он не повелел бы выбросить этих своих слуг на свалку отвержения и неприятия. Для него желанны всякие подобные якам (осм.-тур. кутас, созвучно имени Кытас – примеч. пер.) идиоты, не разбирающиеся в делах. В таком случае получение Субхан-Гази должности векиля невозможно», и спустя два дня услышавшие о том, что, в соответствии со смыслом мисра‘:

[1041] Субхан-Гази-ага (ум. после 1663) – крымский военачальник (ага), отправленный крымским ханом Мехмед-Гираем IV Гераем с отрядом буджакских татар на помощь польскому правительству во время шведского вторжения в Речь Посполитую.

Asiyab-ı devleti bir har da olsa döndürür

«Будь он хоть ослом, [но] вращает жернова государства»,

он возложил тяжелую ячью поклажу положения своего доверенного лица и представителя на привыкшую к глупости шею Кытаса, они приложили пальцы к устам удивления. [Один] из приближенных и старых слуг указанного хана, несчастный человек по имени Рамазан, показывал уродливые рожицы грубости, [пользуясь] славой и проворством благодаря опоре на старый и изъеденный червями посох близости [к нему], [а также] отчитывая [всех] в силу своей власти. Пресловутое лицо получило из принадлежавших хану определенных налоговых поступлений имущество в размере шестидесяти кошельков, и, когда по возвращении в силу высокомерия и гордыни не стало нисходить до встречи с ханским векилем, войдя в диван с высоким станом спесивого важничанья и [горделивого] покачивания, крымский хан не бросил на него, в соответствии с привычным порядком, взор благосклонности, а обратился к Сефер-Гази с вопросом: «Когда прибыл в город Рамазан?», [а тот] немедленно сказал, приложив на глазах у людей к земле чело просьбы: «Ваш слуга Рамазан является Вашим правдивым рабом, достойным того, чтобы благодаря сиянию солнца Вашего благоволения [выйти] из темной ночи бедности и тягот и встретить ясный день благополучия и богатства, и когда он доложил сперва Вашему слуге, что получил шестьдесят кошельков из тех средств, которые ему было велено [собрать], я подарил ему принадлежавшие мне двенадцать кошельков. Оставшуюся сумму, относящуюся к Вашей процветающей казне, я прошу Вас подарить указанному [лицу] десницей Вашей щедрости и великодушия, дабы восстановить обветшалый дом разбитого сердца», и поскольку отказ и отвержение противоречат Чингизову обычаю, [он] сказал: «Поскольку ты удержал руку посягательства от подола твоей общей [с ним] доли, не исключено, что мы наложим печать содействия на разинувший рот кошелек твоей петиции с просьбой о заступничестве», и он отнес имевшееся в [этом] обещании желательное наклонение к чистому повелению и уведомлению, поцеловав подол ханского [платья] вместе с Рамазаном, и хотя указанный хан славился жадностью и скаредностью, в силу великодушия он излечил богатством болезнь бедности и нужды голодного Рамазана и смазал рану нищеты на его сердце бальзамом достатка, осветив изнутри обиталище его веселья и радости светильниками злата и серебра чистой пробы, и сделав его день и ночь подобными [Ночи] Могущества и празднику (‘ид). Однажды крымские войска вернулись из похода, и каждому было позволено вернуться в их дома, расположенные в Феррах-

Кермане, который был местом раскола войска, и когда они явились на собрание аги, [дабы] по обычаю, поприветствовать и попрощаться [с ним], он стал изрекать шутки и остроты: «Если я надену соболиные меха, равнозначные великолепному одеянию невесты, на табун всадников поля любви и приязни, которые слезли со своих скакунов и, не снимая своего оружия и снаряжения, тотчас же оседлали украшенную [каменьями] кобылу с золотой уздечкой, с которой они делили конюшню любви, вместе со своими взволнованными, миловидными и изящными супругами, которые смотрели очами ожидания через решетку окон балкона невинности на длинную дорогу, прислушивались к стуку в дверь и разбрасывали фасоль, очищая и освещая метлою смешанной с розовой водой извести [для эпиляции] (навра) известные [всем] отрадные дворцы утешения?» Спустя пару месяцев блюдшая целомудрие дочь пресловутого аги, сидя в повозке почета и гордости, провела церемонию поздравления с прибытием, и когда во время прощания она довела до них конфиденциальное послание: «Наш благородный отец проявляет в силу совершенного великодушия благосклонность к своим зятьям и просит исполнить известное между ними обещание и выдать [ему обещанное]», они сказали: «[Неужто] это геройское положение, проявившееся в нашем зяте, произошло с нашей дочерью?», и с улыбкой выполняют обещание, после чего, как рассказывают, его дочь, узнала [об этом], и долгое время вуаль стыда мешала ей [показывать] лицо [во время] визитов. Хотя Сефер-Гази-ага был бесподобным в житейском уме, в делах походов и брани, но был обездоленным и лишенным величественного блага знания и мудрости, будучи склонным гнать на собраниях и в кругу [ученых людей] хромого коня иносказаний, и известно, что однажды он сказал, взяв сливовый компот похвалы, поставленный на скатерть с угощением: «Мой падишах, извольте отведать! [Это] франкская слива», на что пресловутый хан сказал: «Если есть какая-то уважительная и редкостная вещь, наполнившая до краев чашу вашего [щедрого на] похвалу рта неприятным шербетом, то заберите ее себе и вкушайте с удовольствием», и усладил вкус шуткой и насмешкой, молвив: «Иногда, когда говорится: «Я приготовил шербет из кристаллического сахара (навбат), он остается на другой раз (навбат)». *Вернемся к тому, на чем мы были* (нарджи‘у ила ма кунна фихи). Крымский хан дерзнул казнить Сефер-Гази без [всякой] вины и преступления, и в конце тысяча семидесятого года (летом 1660 г. – примеч. пер.) разграбил всё, что было у ногайских племен, живших в областях Буджака, несчастных смутьянов, привыкших в силу своей природы поднимать знамя непокорности и мятежа, и осев-

ших вместе с неверными казаками без соизволения тогдашнего государя на землях Буджака, которые были присоединены к оберегаемым владениям (мамалик-и махруса, султанские земли – примеч. пер.), а также нанес разного рода ущерб, [выйдя за рамки] круга честности, и когда была снята заплатка жалобы сына Сефер-Гази, Ислам-аги, и он был приглашен в поход на Уйвар, отсутствие ответа с его стороны вызвало обиду в душе ревностного падишаха, вследствие чего в [месяц] зу-л-хиджа тысяча семьдесят шестого года (июнь 1666 г. – примеч. пер.) он был низвергнут с высокого государственного поста, а на трон правления взошел сын Чобана Девлет-Гирая, ‘Адил-Гирай[1042], и когда весть об этом пришла с гонцом, возникавшее у него вновь и вновь беспокойство о мече кары героя времени, вызванное прошлыми проступками, оказало воздействие на его тело и душу, вследствие чего он вызвал к себе людей и знать, [питая] иллюзию о том, что [они смогут] приложить целительный бальзам к его неизлечимой душевной ране, и когда он расстелил запылившийся коврик совещаний, несколько [отъявленных] негодяев и нахалов обманули хана-долгожителя с помощью лука угодливости, который они приготовили в разбитом горшке своих насмешливых ртов, бросив сперва в родословное древо нового хана камень укоризны в соответствии со смыслом мисра‘:

در سخن گفتن خطای جاهلان پیدا شود

«В разговоре проявляются ошибки невежд»[1043],

и сказав: «Если он переправится через реку Озю (Днепр – примеч. пер.), то мы вступим в столкновение и бой с обильным татарским войском, помешав ему войти в Крым, а если же его не удастся остановить, то мы покинем родину, отправившись в другие края», и когда они донесли голос своего пустословия и торжество своего лицемерия до вершины мироздания, повидавший мир старец из числа пожилых татар ударил руками отрицания и палочкой возмущения по неблагозвучному цыганскому барабану и по трубе внешнего занавеса их разговоров, сказав: «Возведенная вами из соломы и мусора бесполезных речей нескладная башня ваших пересудов вот-вот [обвалится от] ветхости, а плод скверного древа вашего кривого рассудка и покореженного нрава, подобно непокорной финиковой пальме, горек и ядовит, [и означает намерение] бросить простодушного хана на дно ямы опасности, [связав его] прогнившей бечевой обмана, потому что начинать незаконное дело в тех

[1042] ‘Адил-Гирай (ум. 1672) – хан Крыма, правивший в 1666–1671 гг.

[1043] Строки из газели персидского поэта Са’иба Табризи.

местах, куда могут попасть муравьи и сороконожки величественного падишаха – за пределами круга возможного, если только не лобызать устами покорности порог рабского послушания» – [использовав эти] особые выражения, он подразумевал под муравьями бекташийские[1044] отряды (янычар – примеч. пер.), а под сороконожками – судна вроде галер и фрегатов. В действительности, когда утверждавшие о своем чистосердечии и правдивости вероломные люди, дабы сблизиться с новым ханом и прильнуть к нему, проявили свое непослушание, не было ни возможности для вражды, ни вероятности битья челом у Порога Счастья, и они вынужденно бежали на разнузданном коне отчаяния и лишения в кумыкские края, [где] их сердца горели в огне тоски по дому и [родному] краю, и в [месяце] джумади ал-ахир тысяча восемьдесят пятого года (сентябрь 1674 г. – примеч. пер.) были оставлены на хранение в сундуке погребальных носилок в углу усыпальницы, а в [месяц] джумади ал-ахир следующего года (август-сентябрь 1675 г. – примеч. пер.) [один] из его сыновей Джанбек-Гирай-султан[1045] перевез тело своего родителя в Крым и предал земле бренности по соседству с мавзолеем его деда в Бахчисарае. Срок его правления за два раза [составил] девятнадцать лет, а карий конь его жизни ходил вокруг Сук ас-Саманин («Рынок восьмидесяти», т.е. он прожил восемьдесят лет – примеч. пер.). Перед тем, как сломалось древко знамени удачи хана, от которого отвернулась судьба, он выделялся среди себе подобных своим достатком и богатством благодаря тому, что добился с помощью десницы военных походов и джихада звонкой монеты бесчисленных трофеев, возвел в Бахчисарае новые бани и на поступавшую от них плату устранял капитал бедности и баню потребностей чтецов Корана и молящихся в большой соборной мечети, удаляя с них грязь нищеты, а помимо того проливал воду непрерывной милостыни (садакат-и джарийа), делая свежим и зеленым древо своей нуждающейся души. Известно, что, сочтя, что взирание на золото чистой пробы через врата [айата] «*радует смотрящих*» (тасуррун-назирин)[1046] глазами преклоняющихся перед этим миром и взором корыстолюбцев дарит жизнь и вселяет радость, во время передачи по кругу чаши с отрадным утренним и ночным вином и в час питья избавляющего от печалей кофе он открывал хранившийся [у него] сундук с чеканным

[1044] Бекташи – суфийский орден, эпонимом которого является анатолийский суфий хорасанского происхождения Хаджи Бекташ Вели (ум. 1271). По османской традиции, члены янычарского корпуса принадлежали к этому ордену.
[1045] Джанбек-Гирай (ум. после 1675) – крымский царевич, сын Мехмед-Гирая IV.
[1046] Коран, 2:69.

золотом, который был сокровищем его накопления, и с наслаждением восседал, скрестив ноги, будто бы на вершине европейского трона с золотыми гвоздями. Как утверждают, он был посвящен в возвышенный тарикат достопочтенного Мевланы (Джалал ад-дина Руми – примеч. пер.) – да освятит Аллах его тайну! (каддаса-Ллаху сирраху) – и во время веселья и попоек море его любви и приязни вскипало, вследствие чего он наряжал голову и плечи в мевлевийский[1047] колпак и белую хирку с зеленым воротом, а также украшал мелодичные песнопения [дервишскими] длиннополыми платьями (теннуре) из ослепительной [красоты] шелка и солнечного цвета палахангом[1048], играя на бубнах, тамбурах[1049] и чангах[1050] мелодию бейта:

من این و آن نه دانم سرمست عشق و جامم
مطرب بزن نوایی ساقی بده پیاله

«Я не ведаю ничего, опьянен я любовью и чашей.
Эй музыкант, сыграй мелодию! Виночерпий, дай пиалу»[1051],

и слышавшие, как он, подобно колесу небосвода, с наслаждением и страстью танцевал сема[1052], били палочкой в барабан повествования и рассказа. Когда он направился в кумыкскую степь, он взвесил на весах и безмене серебряную и золотую посуду, которой владел, и разделил между детьми и сторонниками по их степеням, сев на судно бегства, и тогда по причине неверности его современников [лишь] совсем небольшое количество людей присоединились к нему, а один негодяй из [числа] его приближенных, который озарился богатством от сияния солнца его благоволения, сверкал, словно звезда, на небе могущества и обрёл славу, без стыда сказал, целуя на прощание подол [его платья]: «В дни твоего счастья я был возвеличен [среди своих] сверстников бесчисленным богатством. Если теперь я поеду с вами, то гумно всего моего имущества мо-

[1047] Мевлеви – суфийский орден, эпонимом которого является персидский суфий и поэт Джалал ад-дин Руми, которого в османской традиции почтительно именуют Мевлана (от араб. мавлана – «наш покровитель»).

[1048] Палаханг (перс. «недоуздок», осм.-тур. palehenk) – шнур с эмблемой, один из символов, вручаемый (или одеваемый на шею) новообращенному в ордене бекташи.

[1049] Тамбур – струнно-щипковый музыкальный инструмент типа лютни с декой грушевидной формы и длинным грифом, распространённый в странах мусульманского Востока.

[1050] Чанг – персидский струнный музыкальный инструмент, похожий на арфу.

[1051] Подражание стилю Джалал ад-дина Руми.

[1052] Сема – суфийский ритуал, включавший в себя пение, игру на музыкальных инструментах, танцевальные движения (в ордене мевлеви – вращение), декламацию стихов и молитв, облачение в специальные одеяния.

жет сгореть в огне погибели», а далее один непослушный человек поцеловал полу [его одеяния] со словами: «Во времена твоего ханства ты не наделил [меня] долей со стола своего благоволения и благодеяния. Если я теперь возьмусь вместе с тобой за вожжи сопровождения в пути скитаний и тоски, моя жена и дети, непременно, окажутся в пустыне унижения и бедствия», так что известно, что он ударил руками по коленям [в знак] сожаления со словами: «Видевшие от нас благодеяние, сжав левую руку богатства, перекрыли путь к товариществу, а крутившиеся вокруг гумна лишения, заявив о бедности и стесненном положении, ослепили и закрыли глаза старых уз любви». Саженец его бытия не упал из-за пронизывающего ветра тоски и боязни на землю небытия, и в соответствии со смыслом бейта:

خامشی دریا و گفت و گو خس و خاشاک اوست
پاک کن از خار و خس این بحر گوهر خیزرا

«Молчание – это море, а разговоры – это мусор [в] нем.
Очисти от мусора это жемчугоносное море»[1053],

он работал и на протяжении года удерживал свой язык от бессмысленных разговоров, так что видевшие, как он немым языком кончиков своих пальцев просил воды и хлеба, полагали, что он – упаси Всевышний Аллах! – страдал от паралича, безумия или же какого-то другого недуга. Однажды он три раза указал и намекнул двум людям из [числа] его старых слуг, стоявших в его присутствии, чтобы они сели, а когда указанные [слуги], вопреки обыкновению, воздержались и уклонились от действия, вставил в замок своего привыкшего к молчанию рта ключ речений: «Мы ныне являемся бессильным дервишем с истерзанным сердцем, который подобен неоперенной стреле, пущенной из лука [Божественного] приговора в бескрайнюю степь тоски и печали. Сядьте, побеседуем в уголке кельи скитания на чужбине о сокрытии [блага] и горе, проведем вместе несколько дней», и когда он с этими словами выразил тоску и грусть, проливая слезы печали и изнеможения, они осознали, что в его языке и рассудке не было [никакого] недуга и немощи, а его склонность к молчанию и безмолвию была [вызвана] тем, что ему были невыносимы и тягостны неприятные обстоятельства судьбы и тяжелые бессмысленные слова подобных Ахриману[1054] обидчиков. Во времена скитаний на чужбине и скуки, дабы поведать о своем состоянии,

[1053] Строки из газели Са'иба Табризи.
[1054] Ахриман (от др.-перс. Ангра-Майнью, «злой дух») – одно из именований дьявола в персидской литературе, восходящее к доисламским зороастрийским представлениям.

он сочинял в жанре «тюркю»[1055] зажигательные слова [в форме] рифмованной прозы.

Тюркю:

Bu dehrüñ haline eyledüm nazar
Her biri bir derde giriftar ancak
Kemale irince har ile gülzar
Bülbülüñ adeti ah u zar ancak
Eger padişah ol eger kim geda
İdegör borcıñı vaktinde eda
Kimini safaya düşürmüş Hüda
Kiminiñ kısmeti zehr-i mar ancak
Kimi malik olmuş tac u kabaya
Kimi derviş olmuş girmiş abaya
Kiminiñ meyili mal-ı dünyaya
Kiminiñ başında tac var ancak
Karar olmadı mı ey dil-i akıl
Nice bir gezersün alemde gafil
Bari çalınaydı sur-ı İsrafil
Bizden gidenlere intizar ancak
Aşk-ı İlahi'den alıñur sebak
Arif ol her işe ibret ile bak
İşiden aşıklar disünler el-Hakk
Kamiliñ bu sözi yadigar ancak

«Посмотрел я на дела этой эпохи.
Каждый лишь страдает от какой-то боли.
Стоит достичь совершенства шипам и розовому саду,
Как обыкновением соловья [становятся] лишь стенания.
Будь ты хоть падишах, хоть даже нищий,
Попробуй выплатить своевременно мой долг.
Кого-то обрекло на радость [Божественное] руководство,
А чьим-то уделом [остается] лишь змеиный яд.
Кто-то стал владельцем венца и мантии,
А кто-то стал бедняком, надел рубище.
У кого-то есть склонность к мирскому имуществу,
А у кого-то на голове есть лишь венец.
Не настал покой [еще], о сердце разумника?
Сколько будешь блуждать по миру нерадиво?

[1055] Тюркю – жанр народной турецкой поэзии, в котором куплеты-четверостишия исполняются под аккомпанемент струнного инструмента.

Только бы прозвучала труба Исрафила[1056],
А покинувшим нас [остается] лишь ждать.
Из любви Божественной нужно извлекать урок.
Будь познавшим, смотри на всё как нечто поучительное.
Поистине, пусть о своих делах говорят влюбленные,
А слова Камиля[1057] – лишь напоминание».

Вернемся к тому, на чем мы были. Как было записано [в] сообщении, когда отец нового хана ‘Адил-Гирая, Чобан Девлет-Гирай, родился от дочери ляшского боярина, по решению его духовного отца Хаджи Мустафы, его именем также стало Мустафа, и в те дни, когда пастьбу овец считали удачной возможностью, он (Мустафа – примеч. пер.) дал двум козлам, родившимся от его овцы, два странных имени: одному – Кулбулды, а другому – Чулбулды. Спустя некоторое время, когда указанный Мустафа был записан на свитке Чингизова потомства под именем Девлет-Гирай, он поменял имена свих сыновей, назвав Кулбулды Фетих-Гираем, а Чулбулды – ‘Адил-Гираем. Через год, когда Девлет-Гирай съел пилюлю [из] мушкета на горьком собрании битвы, устроенной Мехмед-Гираем и Шахин-Гираем поблизости от Кафы, захмелев от шербета смерти, Фетих-Гирай и ‘Адил-Гирай поселились с семьями в окрестностях Йанболи. Хотя указанное место было резиденцией потомков Чингиза, по причине нарушения [в доказательстве] благородного происхождения, в коем обвиняли пресловутых двух султанов, поселившихся в тех краях, на их проживание там не было дано согласия, им отказали и выслали [оттуда], а когда они попросили Высокую Порту поселить их в другом месте, по велению государя, им было назначено [в качестве] местожительства местечко под названием Визесарай[1058]. Поскольку в первый раз Мехмед-Гирай-хан открыл запертую дверь желания пресловутого Фетих-Гирая ключом степени калги, то в дни его отстранения и грусти он соблюл его прежние права, и когда тот был сослан на Родос, поступил по-товарищески и отправился вместе с ним, а во второй раз конь с украшенными драгоценными каменьями стременами удачи доставил указанного хана до места назначения желанной цели, но воздержался от того, чтобы взять пресловутого [хана] на службу, и оставил его на указанном острове, [а сам] утонул в пучине моря небытия из-

[1056] Исрафил – в исламской традиции один из четырех главных ангелов, который является вестником наступления Судного дня.
[1057] Поэтический псевдоним Мехмед-Гирая.
[1058] Визе (Виза) – город в исторический Румелии, на территории современной провинции Кыркларели (Турция).

за ветра естественной смерти. Обладавший переменчивым настроением хан сперва обиделся на Фетих-Гирая из-за того, что подобные ему ругали и поносили его за его деяния на посту калги, и когда все жители Крыма прознали о том, что он решил перерезать и перерубить пастуший корень острым клинком казни, противоречившей довольству Величественного Господа, тот бежал в области абазинцев и черкесов, а когда Высокой Порте сообщили [о намерении] искоренить тех, кто находился в краях Румелии, приступить к этому удивительному делу стало невозможно, и вместо убийства и уничтожения они удовлетворились тем, что выслали [их всех] от мала до велика на остров Родос. Обладатели разума и здравомыслия, услышавшие о том, что их сослали в место ссылки тех из Чингизовых потомков, кто способен развязать узлы государственных дел зубами [во] рту великодушия и кончиками пальцев [на] руке благосклонности, раскрыли рты [для] пересудов и гаданий о том, что, дескать, хотя пресловутые [лица] и окрасились одним цветом шербета скитаний на чужбине, они изучили генеалогию, и показывают на них пальцами [из-за] их способностей, и с тех пор не прошло много времени, как цепь слез тоски [по родине] и сетований Ислам-аги, сына Сефер-Гази, соединившись с цепочками причин зимы удаления и уничтожения, обрела прочность, так что он увлек обреченного хана в степь грусти и несчастья, и в [месяц] зу-л-хиджа тысяча семьдесят шестого [года] (июнь 1666 г. – примеч. пер.) клюшка внимания отправила мячик государства к ʻАдил-Гираю, и он обманул своего племянника [и] престолонаследника Девлет-Гирая[1059] – мёдом [в честь] обрезания, от которого не поправляются и который не утоляет [голода][1060], а его брата Гази-Гирая[1061] опьянил и очаровал вызывающим жар сиропом поста нураддина, [после чего] заставил Ислам-агу, который приготовил лестницу, чтобы подняться на высоко [поднявшийся над] горизонтом свод султанства, облачиться в незаштопанный кафтан векиля [султана] с размахрившимися полами, подготовив его к тому, чтобы одеться в окровавленную рубаху мученической смерти. Поскольку зеркало солнца государства указанного хана покрылось мглою заката, он подогнул подол [своей] решимости, чтобы снести и разрушить основание дома племени Ширинов, бывших незыб-

[1059] Девлет-Гирай (ум. после 1671) – крымский царевич, сын калги Фетих-Гирая. Занимал пост нураддина в 1666–1670 гг. и пост калги в 1670–1671 гг.

[1060] Аллюзия на Коран (88:7): «от которых не поправляются и которые не утоляют голода».

[1061] Гази-Гирай (ум. после 1671) – крымский царевич, сын калги Фетих-Гирая. Занимал пост нураддина в 1670–1671 гг.

лемым столпом Крымского султаната, и когда племя Мансуров приложило [к этому] палец содействия и сопровождения, указанное племя не вынесло сражения и боя, направившись в долину бегства, чтобы высвободить [из их рук] ворот своей жизни, и тогда до ушей правосудного падишаха дошло, что они протянули руки ущерба к их имуществу и скоту, а благодаря тому, что был издан суровый и строгий приказ о том, чтобы они одернули руки от подола несправедливости и притеснения, [а затем] вернули захваченное имущество, они просунули голову в ворот подчинения и взялись за подол раскаяния. Однако, то сам по себе, то [поддавшись] обману приближенных с дьявольскими душами, он совершал разного рода притеснения, в частности, казнил и погубил мечом отмщения – «*бойся того, кому ты сделал добро*» (иттаки шарра фи ахсанта илайх) – Ислам-агу, освободившего его из бездонной ямы тягот и чужбины, [протянув ему] веревку достижения [цели], [а затем] сгубил огнем изъятия накопленные им сокровища, швырнув его жен и детей на камышовую циновку бедности и погибели, и молва об этом, [словно] негармоничное [звучание] боевого чанга, утомляла мозг старших и младших, так что в [месяц] зу-л-хиджа тысяча восемьдесят первого [года] (апрель-май 1671 г. – примеч. пер.), торжество его наслаждения удачей и праздник удовольствия от его правления обратились в тоску [от его] низвержения и изгнания, а в месяц поста следующего года (рамазан 1082 года л.х. = январь 1672 г. – примеч. пер.) в деревушке Каринабад[1062], которую он избрал в качестве местожительства, удел его жизни подошел к концу, а ясный день его [земного] существования сменился темной ночью смерти. Срок его правления, которым никто не был доволен, [составил] пять лет, а время его жизни – пятьдесят пять лет. Касыда [во] славу хана с помутившимся умом была озаглавлена глупостью и тупоумием, а бразды распоряжения были в руках его приспешников и слуг, вследствие чего каждый ради получения выгоды тянул его на свою сторону, что вело к разного рода интригам. Сведущие в делах жители Крыма были неспособны натянуть [тетиву] железного лука неблагоприятного положения указанного [хана], и поскольку они взбивали [масло смуты] и ожидали возможности, чтобы забросить тяжелый камень его бытия с помощью пращи пригожего сердцу благоразумного решения в степь изгнания и несчастья, разбить кубок его веселья и радости, и отравить приятное вино его отрадного правления горечью и солеcertостью искушений и хитро-

[1062] Карнобат (осм.-тур. Каринабад) – город в исторической Румелии на территории современной Бургасской области на востоке Болгарии.

стей, из-за чего они обманывали и занимали его такими искусственными деяниями и притворными поступками, как открытие и предъявление соляных копий [на] Перекопе (Ор):

Мисра‘:

Gitmez üç günde dila bir mile

«За три дня не денется [никуда], о сердце, [даже] межевой столб»,

на ишаке со сломанными ногами они блуждали три-четыре месяца [в] местечке [на расстоянии] в пять-шесть привалов, пустив к посаженным в солончаковых землях их душ семенам козней ручьи их порочных пристрастий, и когда по возвращении они, словно стремительный поток, за одни сутки дошли до Бахчисарая, пройдя за кратчайшее время от самых отдаленных областей востока до пределов западных стран благодаря серебряным маховым перьям и золотому оперению аскезы корифеев священных войн, которые были павлинами в цветнике чудотворства и попугаями в саду сверхъестественных [вещей], то он всерьез и взаправду нес чепуху и вздор о том, что они были свидетелями удивительного качества, истолкованного ими [как] «сворачивание пространства» (тайй-и макан = телепортация); равным образом, однажды, когда он, охотясь на степных зайцев, стал осматриваться по сторонам, то его придурковатый взгляд наткнулся на райский дворец, построенный в местечке под названием Тёле[1063], и он спросил о его строителе, на что ему ответили: «Это строение вашего предшественника, оставшегося без крова хана, [который построил его] из несбыточного мечтанья о том, что возложит [там] голову на подушку постоянства и устойчивости, обретя покой и благополучие», тогда он с удивлением сказал: «Ой-ой! Зачем он оставил такое бесподобное место, пожертвовал [им] и жил в гнездовище сов и ворон, построенном в овраге кумыкского Дагестана из гранита грусти и страданий?»; так же из-за того, что один давно служивший у него смуглый человек, которого он из уважения к его выслуге взял на службу старостой привратников, был в некоторой степени похож на одного ювелира коптского (цыганского – примеч. пер.) происхождения, когда он попал в его круг друзей глупости, тот сказал: «Эй, главный привратник, добро пожаловать! Ты похож на того, кто изготовил что-то из драгоценных камней и редкостных диковинок!», на что он сказал: «О мой падишах! Я такой-то ваш старый слуга, который удостоился положения старосты приврат-

[1063] Тёле (совр. Дачное) – село в Бахчисарайском районе на юге Крымского полуострова. В XVII–XVIII вв. в районе села располагался Тёле-Сарай, один из загородных дворцов крымских ханов.

ников», и за один день он несколько раз просил его лично представляться, так что, пересказывают и сообщают о том, что удивительная молва о таких [вещах], выходивших за рамки завесы разума и здравомыслия, оглушила эхом свод семи небес, приведя к его смещению и несчастью. Ал-Хадж Селим-Гирай-хан ибн Бахадир-Гирай-хан ибн Селамет-Гирай-хан ибн Девлет-Гирай-хан ибн Мубарек-Гирай-султан ибн Менгли-Гирай-хан ибн Хаджи-Гирай-хан ибн Гийас ад-дин-Султан. Когда пресловутый Селим-Гирай-хан в прекрасном образе детства все еще отражался, подобно зенице ока, в жемчужине зрачка отца, его величественный родитель Бахадир-Гирай закрыл глаза на скверну [этого] мира, а эта осиротевшая царская жемчужина хранилась в объятиях атабека, в дни юности находясь в тени древа покровительства его дорогого дяди Ислам-Гирая и Мехмед-Гирай-хана, и собирая плоды с финиковой пальмы их благосклонности, а когда, по велению [Божьего] приговора, ханство было присуждено ‘Адил-Гираю, те из сыновей Селамет-Гирая, которые находились в пределах Крыма, в силу отсутствия безопасности [перед лицом] притеснений и нападок хана, названного противоположным [его сути] именем[1064], выбрали безопасное место и пристанище в Румелии и черкесских краях, и тогда они тоже расстелили молитвенный коврик поселения в окрестностях Йанболи и стали ожидать милостей от Великого [Господа]. Субхан-Гази-ага, один из сведущих в поэзии «Языка птиц»[1065] (Мантик ат-тайр) мягких и сладких слов [среди] зарезанных птиц крымской знати, избежавший когтей наказания и несправедливости ‘Адил-Гирая и нашедший кров под крылом сказочной птицы (хума) правосудного государя, и подобные ему распорядительные и многословные [люди] раз за разом перечисляли у дверей именитых вельмож Высокой Порты, бывших тенистым [древом] Туба государева дивана и ветвями древа султаната, пороки ‘Адил-Гирая и достоинства Селим-Гирая, поднимая шум требования справедливости, который произвел впечатление на сердце покровительствующего правосудию падишаха, и когда [перед ним] упомянули о многочисленных мерзостях, совершенных им ранее, в [месяц] зу-л-хиджа тысяча восемьдесят первого [года] (апрель-май 1671 г. – примеч. пер.) золотыми чернилами был начертан рескрипт [о назначении] ханом на благополучное имя Селим-Гирая, и тогда он спо-

[1064] Имя ‘Адил-Гирая переводится с арабского как «справедливый».

[1065] Название суфийского сочинения персидского суфия и поэта Фарид ад-дина ‘Аттара (ум. 1230).

добил одного из своих братьев, Селамет-Гирая[1066], поста калги, а своего двоюродного брата Сафа-Гирая[1067] назначил служить нураддином. Хотя место, в котором жили роды принявших подданство в областях неверных ляхов при условии уплаты джизьи [и] имевших исламскую основу татар-липка[1068], находилось по соседству с пределами исламских [земель], их петиции, содержавшие просьбу об освобождении и вызволении их из ямы униженного положения подданства [у неверных] и поселении в краях Буджака, будучи направленными в Крым, пришли к [хану], а разбиравшийся в тонкостях хан уклонился от самовольного ответа, посовещавшись с владевшим Силистринским санджаком (лива) Халил-пашой[1069], после чего они совместно доложили и сообщили [об этом] государеву двору. Указанное обстоятельство было неугодно пресловутому паше, и, сочтя, что в исполнении этого благодеяния имеется обременительность и тяжесть, он втайне написал донесение, вследствие чего было выпущено письмо садразама, содержавшее [распоряжение] об отказе, так что прибывших людей отправили обратно с обезнадеживающим ответом. Когда указанный хан бросил тень на область Крым, ради [наведения] порядка в стране черкесов, находившейся в пределах его владений, отправился в те края с походом и находился в зимовище кабардинцев, достопочтенный султан Мехмед (Мехмед IV – примеч. пер.) – *да будет земля ему пухом!* (таба сараху) решил освободить от рук неверных крепость Каманиче[1070], и по старому обыкновению для приглашения крымского хана со старшиной государевых привратников Ахмед-агой были посланы два августейших султанских рескрипта и роскошное одеяние хакана, тогда он в беспокойстве вернулся в Бахчисарай и приступил к подготовке всего необходимого для похода, так что в [месяц] мухаррам тысяча восемьдесят третьего [года] (май 1672 г. – примеч. пер.) он вместе с [украшенным] штандартами храбрости войском сел

[1066] Селамет-Гирай (ум. после 1678) – крымский царевич, сын хана Бахадир-Гирая I. Занимал пост калги в 1671–1678 гг.

[1067] Сафа-Гирай (ум. 1703) – крымский хан, правивший в 1691–1692 гг., сын нураддина Сафа-Гирая и внук крымского хана Селамет-Гирая I.

[1068] Татары Великого княжества Литовского (позже Речи Посполитой), которые находились на службе у правителей этого государства с конца XIV в.

[1069] Кёстендили Коджа Халил-паша (ум. после 1681) – османский государственный деятель, занимавший посты бейлербея Сиваса, Румелии, Силистры (в 1670 и в 1671–1673 гг.), Боснии, Будина.

[1070] Каманиче (Каменец, совр. Каменец-Подольский) – город в Хмельницкой области Украины. В 1352–1672 гг. был южным форпостом Речи Посполитой перед лицом османской экспансии.

верхом на ветроногого кита и направился к победоносному воинству. Когда они приблизились к Каманиче, то повстречались с проклятым [нечестивцем] по имени Ханту[1071], который был военачальником сборища многобожников, и когда было устроено пиршество схватки, приятное на вкус вино торжества сочли предпосылкой победы, дарующей наслаждение благородному хану, бывшая в те времена в ходу звонкая монета услужения, которая была потрачена им на завоевание указанной крепости, была возблагодарена, а драгоценный камень его почтенной особы удостоился похвалы и уважения среди избранников и простолюдинов. Связав головы ногайских и татарских бродяг терновником обещаний и угроз, он ввел их за узды заботы в конюшню подчинения, благодаря чему из соображений безопасности Высокого Государства по возвращении в Крым им было позволено пройти через области Богдана. Хотя татарский народ, доверивший развязывать и завязывать завязи своих дел рукам крымских ханов, не испробовал в окрестностях Ак-Кермана, который был одним из владений Высокого Государства, отравленного щербета контрибуций и податей, суета [по поводу] тяжких дел вроде введенных в те века десятин на зерновые и прочих земельных налогов (русумат-и тапу) наполнила до краев черпаки их душ бозой недружелюбия и ненависти, из-за чего вдруг появились мерзкие деяния некоторых подонков, такие как сожжение своих начальников и командиров в сарае для скота, требовавшие их убийства и искоренения, и благодаря тому, что Высокому Государству было угодно заменить их на ссылку и изгнание, крымский хан подобрал полы старания и усердия в пускании и направлении потока строгих повелений, с беспокойством для себя выкорчевал корни древа их умиротворенности и перенес саженцы на новые земли Крыма, и пролившийся очень скоро после появления их новых плодов град смут и злодеяний, а также распространение бестолковой саранчи уничтожили и вырвали колосья спокойствия, а на торговых рынках городков Исма‘ил[1072] и Кили (Килия – примеч. пер.) возникло общее стеснение, вследствие чего желавшие глотками пить воду родины

[1071] Ханту (возможно, искаженное написание Хан[ин]ку), скорее всего, относится к Михаилу Ханенко (ум. 1680), гетману Войска Запорожского на Правобережной Украине (1669–1674). Он был противником гетмана Петра Дорошенко, выступавшего на стороне Османской империи. В 1672 г. во время турецкой осады Каменца планировал задержать соединение казаков Дорошенко с турками на берегу Буга у Ладыжина, где был разбит.

[1072] Измаил – город и крепость на реке Дунай в Бессарабии (на территории современной Одесской области Украины).

и страдавшие от жажды в пустыне чужбины вприпрыжку отправились к своим жилищам, а поскольку с ног их отправления были сняты путы препятствования, он постепенно постелил циновку своих старых слуг – «*прежнее оставляют по мере его давности*» (ал-кадиму йутраку ʻала кидамихи)[1073] – на землях старой родины. В кругу добродетельного собрания Вани-эфенди[1074], который с помпой пустил слух о своей учености и благочестии [на весь] мир и восседал на троне наставлений и нравоучений в победоносном войске августейшего [государя], циркуль дискуссии и беседы избранных [ученых] повернулся к камням, и когда они сказали, что в областях Туркистана существует некий камень, притягивающий дождь, наподобие камня Йада, благодаря применению которого в сочетании с определенными заклинаниями дует ветер и появляются тучи, падает снег и идет дождь, эти бессмысленные речи, подобные [разговорам об] эликсире (кимйа) и [птице] ʻАнка, дошли до ушей покровительствующего миру падишаха, так что садразамом было написано письмо крымскому хану о том, чтобы он отправил какого-нибудь чародея, способного применять указанный камень, после чего, в соответствии с приказом, были произведены розыски во [всех] городах и селах, и в целом среди татар-степняков, и тогда один пустомеля по имени Чеки ʻАли-мирза стал утверждать, что обладает мастерством в соответствующем ремесле, так что его и отправили в государево войско. Когда ему было велено пустить в ход указанное искусство, [этот] сущий китаец бормочущим ртом привел неуместную отговорку, сказав: «У меня нет указанного камня», а кроме того в вопросе вызывания дождя своими [далеко] не бесспорными посылками: «Есть еще одно редкостное растение, которое не нуждается в указанном камне, даже избавляет от необходимости в реках Нил и Евфрат», оказался одного пошиба с лжецом Мусайлимой[1075], будучи лишен груза правдивости и благоразумия, так что ему были предоставлены [средства] на дорожные расходы и капитал [на покупку] растения для обеспечения хитайского «тарамуна», который известен в мире как величественная часть Величайшего Эликсира (иксир-и аʻзам) и хранится за горой Каф, и после того, как он направился в долину странствия, один нечестивый тип по имени Текиш (?) стал сле-

[1073] Правило фикха.

[1074] Вани Мехмед-эфенди (ум. 1685) – османский мусульманский религиозный деятель и проповедник (ваʻиз). Был главным проповедником османской армии во время осады Вены в 1683 г.

[1075] Мусайлима ал-Каззаб (ум. 634) – один из лжепророков Аравии, живший в Йамаме (Восточная Аравия).

дующим в этом лживом предприятии и вторым [после] первого Мусайлимы, а когда он все еще бил в бубен начинания, чтобы показывать образы пустых мечтаний, выйдя [далеко] за рамки правил [приличия] и вежливости, белое и чистое лицо воздуха склонилось к черной фигуре и мутности, коей был цвет лица чародея, так что [на небе] появились признаки дождя, и некоторые отнесли [это] на счет свойства камня, некоторые – на совпадение времени дождя и сбора фараонова войска, а общество остроумных представило в качестве свидетельства стихотворение:

Бейт:

Adet oldur şahlar çıksa yola baran yağar

Sen ne şehsün yolına halkun gözinden kan yağar

«Обычай состоит в том, что дождь идет, когда выходят цари.

[Ах] что же за царь ты, раз у людей при [отправлении в] путь твоем из глаз льется кровь?»,

сказав, что благодать отправления [в путь] султана ведет к милости Господа. Знание у Аллаха, Властелина, Дарителя (ал-‘илму ‘инда-Ллахи-л-малики-л-маннан). В те дни Селим-Гирай-хан занемог от сильной болезни и был лишен способности двигаться вправо или влево, и когда его пригласили в поход против неверных ляхов, получивший извеность под именем Ладрин[1076][ского], он сел на коня храбрости и телегу смелости, проявив отвагу, так что постепенно выздоровел, благодаря чему стал расходовать [свои] силы и мощь на служение религии и государству. Пресловутый хан был обладателем глубоких мыслей, совершенно осознанным человеком, а потому опираться на недействительные отрицательные предпосылки преступлений, которые поначалу предшествуют назначению [на посты] и удаче, [а потом] непременно ведут к низложению и неудаче, противоречило его взыскательной природе, и стрела просьбы, выпущенная им из лука ходатайства, чтобы по своему желанию и по своей воле одернуть руки от подола правления и сесть в углу дома благополучия, не достигла цели, и ему было велено сопровождать военачальника, которому было поручено освободить крепость Чех-

[1076] Ладыжин – город на правом берегу Южного Буга в Западной Украине (совр. Винницкая область), где в XVII в. располагалась польская крепость, принадлежавшая к Брацлавскому воеводству Речи Посполитой. В июле 1672 г., во время польско-турецкой войны 1672–1676 гг., в районе Ладыжина произошла битва между двумя группировками запорожских казахов, выступавших на стороне Речи Посполитой и Османской империи (Михаила Ханенко и Петра Дорошенко). В 1674 г. город был разрушен турецко-татарским войском.

рин[1077]. По велению судьбы, они сумели завоевать крепость, и им удалось даже заключить мир с ляшским гетманом, и чтобы оправдать себя и своего робкого полководца, садразам Кара-Мустафа-паша[1078] приписал хану упущения в [принятии] решений и мер, изувечив лик светлой луны недостатком и пороком, которого он остерегался и избегал, и перекрыв путь лучам обращения [к] величайшему светилу, а в [месяц] зу-л-хиджа тысяча восемьдесят восьмого [года] (февраль 1678 г. – примеч. пер.) соболий мех ханства был пришит иглой «предпочтения без предпочитающего» (тарджих била мурадджих)[1079] к плечам могущества Мурад-Гирая, что пришлось на зимние дни, и из-за этого Селим-Гирай-хан до той благословенной весны отдыхал в крепости Кафа, а когда [он] в [месяц] сафар следующего года (апрель 1678 г. – примеч. пер.) сел на корабль печали и горестей и благодаря принудительному движению ветра прибыл к государеву порогу, то по причине усилий и заботы халифа в связи с отмщением незамедлительно и безотлагательно было определено судно-чекдирме[1080], и он был наказан ссылкой на остров Родос – в указанный месяц. Новый хан Мурад-Гирай был плодом финиковой пальмы бытия сына Селамет-Гирай-хана, Мубарек-Гирая, и когда его родитель оставил в городке Йанболи пиршество видимого [мира] [вследствие] естественной смерти, Мурад-Гирай был все еще опьянен вином юности, а его братья Гази-Гирай и ʻАдил-Гирай выросли вместе с их дядей благодаря благодати возвышенного воспитания Бахадир-Гирай-хана, тогда как другой их дядя во время второго периода ханского правления Мехмед-Гирай-хана был нураддином, а после низложения пресловутого [хана] спокойно жил в окрестностях указанного города (Йанболи – примеч. пер.). Когда ключи от сокровищницы ханства были вручены Селиму, он счел Мурад-

[1077] Чигирин – город в центральной части Украины (на территории совр. Черкасской области). В 1670-х гг. был столицей гетмана Правобережной Украины Петра Дорошенко, который был союзником Крымского ханства и вассалом османских султанов. В ходе русско-турецкой войны 1672–1681 гг. развернулась борьба за контроль над этим районом. В июле 1678 г. туркам удалось взять Чигирин, что решило исход войны в пользу Османской империи.

[1078] Мерзифонлу Кара Мустафа-паша (ум. 1683) – великий визирь Османской империи в 1676–1683 гг.

[1079] Правило исламского спекулятивного богословия (калам), согласно которому в случае, если бытие и небытие какой-либо вещи равноценны, то при предпочтительности ее бытия необходимо наличие субъекта, который осуществляет это предпочтение, то есть Бога.

[1080] Чектырме (чекдирме, чекерма, чактырма) – парусное одно или двухмачтовое турецкое лёгкое торговое судно.

Гирая соперником [в борьбе за] неверную возлюбленную [государственных] постов и, дабы отдалить его от Высокого Государства, добился его ссылки на Родос, лишив того способности противостоять ему. По решению опрометчивого визиря, потребовалось низложение Селим-Гирая, и когда обязательным к исполнению августейшим рескриптом на освободившийся пост был назначен Мурад-Гирай, он выписал указ о [назначении] калгой на имя своего двоюродного брата, сына Сафа-Гирая, Токтамыш-Гирая[1081], а око желания своего брата, сына Кырым-Гирая, Одноглазого Са'адет-Гирая[1082], прохладил и озарил постом нураддина, [после чего] вступил со снаряженным татарским войском в воинство августейшего [государя], [но] ему не удалось добиться победы и триумфа в сражении с ляхами и немцами, с которыми ему было велено [воевать], и тогда пресловутый садразам (Мерзифонлу Кара Мустафа-паша – примеч. пер.) пустил в ход жонглерское искусство, как и [в случае с] Селим-Гираем, и, чтобы снять с себя вину, многократно направлял ко двору покорителя мира лишенное искренности и лицемерное краткое изложение [сути дела] со словами «Причиной разгрома исламского войска было отсутствие усердия и старания [со стороны] крымского хана», из-за чего в [месяц] шавваль тысяча девяноста четвертого [года] (сентябрь-октябрь 1683 г. – примеч. пер.) треугольный перстень ханского правления был надет на палец Хаджи-Гирая[1083], что расшевелило корень древа ознаменованной отвагой природы его предшественника, так что он объединился и сговорился с жителями провинции [Крым], сорвал горький и неспелый плод отказа принять [свое] низложение и возжелал вернуть себе обратно удел, пожатый с нивы правления, собрав крестьян [из числа] жителей Крыма, и в это время большинство татарских кланов, привыкших к лицемерию, заявили о склонении на сторону нового хана и покорности ему, вследствие чего он по велению необходимости переправился в Румелию, где высочайшим приказом ему было велено поселиться в поместье Сарыджалы[1084], расположенном по соседству с Йанболи, так что в месяц поста тысяча сто седьмого [года] (апрель 1696 г. – примеч. пер.)

[1081] Токтамыш-Гирай (ум. 1682) – крымский царевич, занимавший пост калги в 1678–1682 гг. Сын нураддина Сафа-Гирая и внук хана Селамет-Гирая I.

[1082] Са'адет-Гирай III (ум. 1695) – крымский хан 1691), сын калги Кырым-Гирая (ум. 1651), внук крымского хана Селамет-Гирая I. Занимал пост нураддина в 1678–1683 гг.

[1083] Хаджи-Гирай II (ум. 1689) – крымский хан, правивший в 1683–1684 гг. Сын калги Кырым-Гирая и внук крымского хана Селамет-Гирая I.

[1084] Сарыджалы – село в исторической Румелии на территории современной провинции Кыркларели в Турции.

он пресытился уделом жизни и одернул полы новой праздничной одежды от скверны [земного] существования. Срок его правления [составил] пять лет [и] десять месяцев, а срок его жизни – шестьдесят девять лет. Покойный Мурад-Гирай заботился о [своевременном] совершении пятикратного намаза даже, когда был пьян. Однако он не обладал знанием и мудростью, будучи склонным к кутежам и веселью и обладая беспечным нравом, и гордился исполнением пустых Чингизовых обычаев, особенно, в соответствии с содержанием руба‘и[1085]:

ای دل تو بسّر این معما نرسی
بانکتهٔ زیرکان و دانا نرسی
اینجا زمی و جام بهشتی میساز
انجا که بهشت است رسی یا نه رسی

«О сердце, ты не постигнешь тайны этой загадки
С помощью тонких замечаний умников и ученых.
Создавай [прямо] здесь рай из вина и кубка,
Ибо [неизвестно], попадешь ли ты в тот рай или нет»[1086],

объявлял эмирам и знати о кутеже и попойке, что отвечало нраву татарских невежд, и подобные ему сильно почитали пресловутого [хана за это], считая, что в такое время [их посещает] благодать. Однажды стремившийся к увеселениям хан [всю] ночь до утра беспрестанно наполнялся по самое горло [вином] из наполненных до краев кубков, так что у него не было сил встать и даже не было мочи двигаться [ни] вправо, [ни] влево, [эта ночь] пришлась на день пятницы, и он поступил в соответствии с бесполезным содержанием и противным [вере] смыслом арабского стиха:

دع المساجد للعباد تسكنها
و قم الی خانته الخمار واسقینا
ما قال ربكّ ویل للذی شربوا
بل قال ربكّ ویل للمصّلینا

«Оставь мечети рабам [Божьим], пусть [там] живут,
[А сам] встань, [иди] в лавку виноторговца и напои нас.
Не сказал Господь твой: «Горе тем, кто пьют»,
А сказал Господь твой: «*Горе совершающим намаз*[1087]»[1088].

В те дни один из великих шейхов [и] почитавшихся святыми достопочтенный эфенди – *да святится его тайна!* (куддиса сирруху) –

[1085] Руба‘и (араб. «четверостишие») – жанр классической мусульманской поэзии.
[1086] Строки из руба‘и Омара Хайяма.
[1087] Аллюзия на Коран, 107:4.
[1088] Строки принадлежат арабскому поэту Абу Нувасу (ум. 814).

восседавший на молитвенном коврике наставничества в обители деревни Качы[1089], написал по причине усердия в религии и правдивости и отправил вместе с одним своим дервишем наставительную записку, доводящую [до него] совет и назидание со словами: «[О] правитель приверженцев ислама, знай, что совершенно не достойно мусульманина не проявлять уважение к благословенному дню, который является праздником [для] правоверных, и без [какого-либо] шариатского оправдания оставлять пятничный намаз. «*Поистине, самый почитаемый перед Аллахом среди вас – наиболее богобоязненный*»[1090]. Вы нуждаетесь в том, чтобы украсить себя прелестью благодеяний, чтобы быть почитаемым перед Аллахом, а также быть уважаемым среди людей, чтобы ваши приказы выполнялись и ваши повеления соблюдались». Когда указанная бумага дошла до пьяного вдрызг хана, сидевшего во главе дивана высокомерия и самодовольства – «*Когда ему говорят: «Побойся Аллаха!», гордыня подталкивает его на грех*»[1091] – и его невежественному рвению поспособствовали дочь винограда (вино – примеч. пер.) и сын песни, так что пригожий сердцу сахар [слов] «*истина горька*» (ал-хакку мурр), извлеченный из сахарного тростника сладкоречивого пера уважаемого шейха, принес похмелье и горечь опьяненному вином гордыни и изумленному кабаком великолепия и величия, а потому не прошло много времени после того, как дервиш с израненным сердцем устами огорчения и гнева дерзнул изречь грубость, и один дервиш из [числа] послушников сияющего [в своем] великодушии шейха высказал соображение по поводу формального подарка хана, и когда он написал искреннее прошение, сообщавшее о надежде на его получение, [шейх ответил ему:] «Ради соединения с праздником твоего желания посиди несколько дней в келье отдохновения в укромном месте выдержки с утешающей мелодией мисра‘:

Gönül sabreyle sabreyle sabur ol

«Душа, терпи, терпи, будь терпеливой»,

и благодаря устной надежде предмет твоих чаяний будет непосредственно начертан на бумаге появления», а через два дня после этих слов указанный хан прогуливался на охоте, и когда он проходил поблизости от деревни шейха, появился заяц, который поспешил в сторону ханаки и,

[1089] Качы (совр. Кача) – село в южной части Крыма (на территории совр. Нахимовского района Севастополя), где располагалась обитель суфийского шейха Хызыр-Шах-эфенди. Один из четырех главных центров суфизма на Крымском полуострове.
[1090] Коран, 49:13.
[1091] Коран, 2:206.

по сути, показал [ему] путь к текке пира тариката, и когда он подошел к его обители, то спросил: «[Если] это место [так] приятно, то каков уважаемый обитатель, удостоивший [его своим присутствием]?», и когда его приближенные обозначили превосходное имя [шейха], он пожалел о возникшем ранее [из-за него] неуместном положении и стал искать повод, чтобы попросить [у него] прощения, в связи с чем вошел в келью шейха, пожаловал подарок и дал пожертвование, после чего свиток желания пресловутого суфия был подписан пером хорошего приема. Как было начертано мастерством достоверности в слухе бедного [автора этих строк], [один] из рассказов и знаменитых анекдотов, случившихся в указанный век, заключался в том, что один благонравный юноша в промежутке от десятилетнего возраста – в соответствии со смыслом последнего бейта из руба‘и:

میزند ناخن بدل خط لبت

لب بچشم ما زابرو بهترست

«Играет [на струнах] сердца пушок [над] твоей губой,

Губы, на наш взгляд, [даже] лучше бровей»[1092],

и до времени «четырехбровости» (перс. чар-абру – «юноша с едва пробившимися усиками» – примеч. пер.) рос в объятиях османских сановников-женоненавистников и, выйдя из-под кавалериста [на] поле любви, отвернулся от своего господина, который был в него влюблен и убивался по нему, [а потом] каким-то образом примкнул к хану и благодаря своему ремеслу цирюльника снискал близости [к нему]. Хан же, в соответствии со смыслом бейта:

غلام پاره نیم من ندارم آن مذهب

اسیر چار شب و بندهٔ لچک پوشم

«Я не волокусь за юношами, не придерживаюсь я такого мазхаба,

Я пленен чаршафом[1093] и раб носящих косынки»,

будучи из [числа] удостоенных теми, у кого, ланиты украшены бахромой басмы и галии[1094], не знал вкуса в ужимках услаждающих сердце возлюбленных и был несведущ в кокетстве чистой любви и игривых взглядах, [а потому] взял [его] на службу и обращался с ним [так же, как и] с другими слугами, и [этому] неженке, выросшему на тюфяках из узорчатого хлопка и [под] мягким покрывалом нежности, не только опостылила его дорогая жизнь из-за татарских набегов с их грубыми седла-

[1092] Подражание газели Са’иба Табризи.

[1093] Чаршаф – традиционное черное покрывало, которое носили мусульманки в городах Османской империи.

[1094] Галия – ароматическая смесь для волос из мускуса амбры.

ми и худыми лошадками, но из-за указанного презренного деяния [прежнее] любовное и приязненное обращение было сведено на нет, вследствие чего он вынужденно решил искать приюта у дверей ценителя красоты и очарования, попросил разрешения [отлучиться] у казначея, и когда тот стал расспрашивать его о причинах [его] недуга и [отправления в] путешествие, он стал блаженно и игриво изрекать устами хитросплетения:

Бейт:

Hattun ey taze-ru geldükde bu hüsne baha kalmaz

Yüzün olmaz bana cevr etme ki dünya sana kalmaz

«О свежеликий, когда пробьются у тебя усики, не останется ценности у этой красоты.

Не к лицу тебе меня [так] мучить, ведь [этот] мир не достанется тебе»,

[после чего] выразил свое намерение словами: «Появление на моем сиятельном лице едва пробившихся, подобно осенней траве, усиков наверняка [служит] приметой опадания бутонов красоты и очарования и исчезновения звонкой монеты красоты, которая была капиталом моего счастья. Кто будет меня ценить, когда живительная вода свежести моего изящества и обилия древа моей привлекательности скрылась во мраке черных волос, и кто будет желать наступления времени праздника моей красоты, спрашивая: «Когда [же] Праздник [Разговения]?», когда Ночь Могущества моих пахнущих амброй локонов сменилась кромешной ночью брадобрея? Хан же не ценит моих поцелуев и объятий и не проявляет охоты к уединению со мной. Когда раньше я массировал руки и ноги господ, которым я прислуживал, они иногда целовали [меня] в глаза и шею, одаряя близостью, а иногда подкладывали под среброкудрый пуп луны расшитую золотом подушку,

Мисра‘:

تمام لذت عالم میان پاچه اوست

«Всё удовольствие мира – между ножек его»,

наслаждаясь застольем соединения со мной и извлекая выгоду из звонкой монеты серебра узости моего бурдюка», а казначей был осведомлен о вкусах хана, прогнал пресловутого юношу [и], прильнув тайно к уху [хана], доложил ему об указанном обстоятельстве, а вспыльчивый хан без каких-либо покровов своими устами обругал юношу бранными словами, вроде [следующих]: «Посмотри-ка на этого негодного гомосексуалиста (kötlek)! Ты меня оставил, похоже, подумав, что пойдешь и своих гадких педерастов заставишь себя отыметь! Я эти вещи знаю!

Ведро-то дало течь!», проявив степень разума и благоразумия, и тем самым опорочив себя. Перечисляя пороки его предшественника, Селим-Гирай-хана, к которому пресловутый хан питал неприязнь и ненависть, он говорил, что тот нанес вред порядку [дел в] Крыму тем, что был слишком послушен повелениям османских царей – *да увековечит Аллах их государство до скончания времен* (аббада-Ллаху давлатаху ила-л-ахир ад-давран), которые были благодетелями мира, полностью отменил Чингизовы законы и привел каждое дело в соответствие с шариатом, так что в силу невежества стал порицать и упрекать [их], выступая против их всемирно значимых деяний, и в дни отправления в поход на австрияков, когда он вернулся назад из этого похода, то решил, что во всех взаимоотношениях, возникающих между татарскими воинами, хороших и плохих происшествиях следует исполнять законы Чингиза, наложив шов оставления и забвения на уста футляра для хранения книг о высокочтимом шариате, и, [чтобы распространить] сказанное на всех татар, назначил из крымской знати одного человека с фальшивым мазхабом [в качестве] «торе-баши», передав в его несправедливые руки бразды управления делами, так что кадиаскер-эфенди, которому было велено рубить украшенным драгоценными каменьями клинком сиятельного шариата корни древа [судебных] тяжб, какое-то время сидел в углу шатра покоя и отдохновения, а пресловутое лицо тратило и расточало на застойном татарском рынке фальшивое серебро порочных мыслей, и когда он выносил по своему ошибочному мнению решение в пользу одного из участников тяжбы, пришедших к этому нечестивцу, другая сторона оказывалась недовольной и подавала на обжалование, а он, как известно, бранился и ругался, говоря: «Молчи! Мы совершили грех, проявив несогласие с древним законом», [и тем самым] становясь неверным по тысячу раз на дню. Когда он прибыл в этом странном положении в войско августейшего [государя], то покойный Вани-эфенди, осведомленный об [этом] приемлемом случае, придя к хану для поздравления с прибытием [и] показав его скакуну слов, исполненных велеречивости, джигитовку на зимних дорогах красноречия и на площади изящного слога, направил поводья смысла своих слов в сторону цели и разбросал жемчуг наставлений и советов, сказав: «Мерзкому человеку, оказавшему предпочтение определенным обычаям, которые считаются в Высочайшем Государстве законом (канун), а на татарском языке – Чингизовым законом (торе-и чингизийе), перед пречистым шариатом наиболее достойного благословения необходимо обновить веру и брак», и наточенная им без корыстной цели и [ожидания] оплаты прочная стрела наставлений и поучений,

подобно стреле мольбы шейха, чьи просьбы принимаются [Аллахом], возымела действие на твердое сердце хана, и после того, как, явив пример дома собраний (дар ан-надва) курайшитских невежд, он разрубил принадлежавший «торе-баши» навес, [стоявший] на жердях несправедливости и [связанный] веревками неверия, что воспрепятствовало порицаемому деянию, благодаря чему кадиаскеру-эфенди, как и прежде, было позволено приводить в исполнение пречистые шариатские заповеди. Когда наступило это время, назначенные московским царем послы получали кров у крымских ханов, а те, в свою очередь, записывали и докладывали те положения, которые требовали их сообщения Высочайшему Государству. Из-за того, что отправленный по старинному обычаю посол по прибытии в Крым был опечален некоторыми обстоятельствами, его унизили и расстроили действиями вроде того, что посадили, словно бездушное огородное чучело, верхом на странное приспособление, сделанное ими из куска дерева в виде четвероногого [животного], привязали к его ногам мраморный камень и возили по базарам, и по этой причине московиты обиделись и ввели дурной обычай ездить в Высочайшее Государство через Украину и Бендеры, не обращая внимания на крымских ханов. *Аллах простил им их дурные деяния* (таджаваза-Ллаху ‘ан сай’атихим)[1095]. Новый хан Хаджи-Гирай был рожденным под счастливой звездой отпрыском Кырым-Гирай-султана, сына Селамет-Гирай-хана, и во время полного поражения в походе на Беч (Вену – примеч. пер.) указанный [хан] кружился с мечом в храброй длани, словно мотылек, вокруг света победоносного знамени Господина Вселенной, наиболее достойного благословения (‘алайхи афдал ас-салават), оказав достойные услуги, свидетелем чему был садразам, и потому, когда потребовалось низложить Мурад-Гирая, благие деяния Хаджи-Гирая были вознаграждены [престолом] крымского хана, а он одел старшего сына одного из соперников его государства Селим-Гирай-хана, Девлет-Гирая[1096], в расшитый золотыми узорами [в виде] змеи кафтан калги, а его младшего [брата] ‘Азамат-Гирая[1097] – [в кафтан] нураддина, и одарил [их] властью самовольно подстрекать его [к чему-либо, вложив её] в их

[1095] Аллюзия на коранический аят (46:16): «Они являются теми из обитателей Рая, от которых Мы принимаем наилучшее из того, что они совершили, и которым Мы прощаем их злодеяния согласно истинному обещанию, которое им было дано».

[1096] Девлет-Гирай II (ум. 1718) – крымский хан, правивший в 1699–1702, 1709–1713 гг., старший сын крымского хана Селим-Гирая I. Занимал пост калги в 1683–1691 гг.

[1097] ‘Азамат-Гирай (ум. 1691) – крымский царевич, сын крымского хана Селим-Гирая I. Занимал пост нураддина в 1683–1691 гг.

дрожащие [от] безысходности руки, [тем самым] подготовив жилище своего государства к [полному] обветшанию. Его отправление в Крым пришлось на те дни, когда проклятые ляхи стали бить молоточком в колокол отправления [в поход] для занятия области Буджак, и после того, как в построенной ими поблизости от переправы в [крепости] Исма'ил (Измаил – примеч. пер.) мясницкой лавке сражения с упомянутым табором они принесли в жертву на пути ясной религии барана своих жизней, внушающим ужас криком «Аллаху акбар!» устроили переполох [до самых] вершин земли и бросили на землю погибели большую часть [этого] свиного стада, он назначил нураддина 'Азамат-Гирая с некоторым числом татар в Будинский [эялет]. Сияние солнца щедрости предшественника указанного хана Мурад-Гирая [и], особенно, его предшественника Селим-Гирая, озаряло очи жителей Крыма, а шедшая вразрез с нравами царей скупость и алчность, коей был подвержен, и коей был опорочен Хаджи-Гирай, вызывала в сердцах презрение [к нему], так что, когда некоторые крымские эмиры, приготовившиеся к мятежу и восстанию, стегнули плетью интриг и подстрекательства простодушных людей, которых им удалось побудить [к этому], это привело к их восхождению на вершину непослушания и гордыни, и выступлению против облеченного [законной] властью хана, который был посажен [на престол] наместником [Аллаха] на земле. В силу скупости и прижимистости указанного хана ни один человек из вельмож и знати не был привязан к нему златотканной вервью [мудрого изречения] «*Человек – раб благодеяния*» (ал-инсан 'абид ал-ихсан), и он был неспособен договориться с указанными [лицами], и после того, как пятеро [или] десятеро ухаживавших за ним слуг предпочли бежать и скрыться в крепости Манкуб (Мангуп – примеч. пер.), после чего из-за движения злополучного небосвода горстка мятежников [вышла] за пределы круга приличия, отважившись на такие непотребные деяния, как протягивание рук ущерба к колеснице ханского гарема под предлогом разграбления казны, и разорвав покровы чести и запретов, и тогда обладатели разума и здравомыслия, наблюдавшие за тем, как взятый [ханом] на службу в должности калги Девлет-Гирай дал согласие на поругание чести, закрыв [на него] глаза, стали корить [их] и отдалились [от них]. Короче говоря, поскольку положение Хаджи-Гирая пришлось не по вкусу жителям Крыма, они стали жаловаться на Хаджи-Гирая, единогласно перечисляя его пороки, и изъявили непокорность и возмущение, пожелав и настоятельно попросив назначения Селим-Гирая, и когда после этого они смиренно попросили [об этом], их просьба была принята покровительствующим миру падишахом, и в [месяц]

раджаб тысяча девяносто пятого [года] (июнь-июль 1684 г. – примеч. пер.), рескрипт [о назначении] ханом во второй раз был выписан на имя Селим-Гирая, пост калги был оставлен за Девлет-Гираем, а пост нураддина – за ʻАзамат-Гираем, о чем услыхал Хаджи-Гирай, и когда он отправился к пыли на ногах государя на корабле беспокойства и растерянности, то был выслан на остров Родос и в [месяц] рамадан тысяча сотого [года] (июнь-июль 1689 г. – примеч. пер.) попал на челне погребальных носилок со сломанным штурвалом в водоворот погибели. Срок его правления [составил] девять месяцев, а срок его жизни – сорок один год.

Удивительный сон

Когда прославленные родители достопочтенного ʻАзиза-эфенди[1098] – *да святится его тайна!* (куддиса сирруху) – который был почтенным сыном высокочтимого шейха ʻАфиф ад-дина ʻАбдаллаха-эфенди, чье благополучное имя ранее украсило страницы описания и изложения благодаря искреннему в письме перу, присоединились к сонму [обитателей райских] вышин (ʻиллийун), он в соответствии с принятым обычаем пользовался распространенным [почерком] насх[1099] и многократно излагал [свою мысль], после чего поток его высокочтимой натуры благодаря дарованию и таланту [в соответствии со словами] «*ребенок есть тайна своего отца*» (ал-валаду сирру абихи) склонился и устремился в направлении сада беспространственного [мира] и цветника науки и [мистического] знания (ʻирфан), вследствие чего он прошел благодаря аскезе, усердию и [духовной] помощи способного к наставлению [послушников] шейха [все] пути и дороги, достигнув страны возвращения, так что ножницами «нет» (ла) и «кроме» (илла) («нет божества, кроме Аллаха» – примеч. пер.) он перерезал нить мирских привязанностей, после чего сел в затворничестве в углу обители своих отцов и положил звонкую монету всего своего имущества на площадь щедрого пожертвования и великодушия, и когда в ту пору Хаджи-Гирай взошел на ханский престол, предложив [ему] и даже пригрозив и напугав его тем, что повесит на его невинную шею тяжкий груз кадиаскерства, он вынужденно дал согласие, [приняв] веление [Божьего] приговора. За пять-десять дней до того, как горстка бунтовщиков единогласно сговорились между собой, один ува-

[1098] Хакикизаде ʻАбд ал-ʻАзиз ʻИззи-эфенди (ум. 1695) – османский и крымскотатарский суфий и поэт.

[1099] Насх – один из шести классических почерков арабской каллиграфии, использовавшийся для переписывания рукописей.

жаемый человек из [числа] обладателей [мистического] откровения (асхаб-и мукашафа), разбиравших строки [Хранимой] Скрижали[1100] [и] Пера[1101] благодаря хрустальным очкам и наблюдению глазами сердца, воочию узрел по соседству с пречистой усыпальницей ‘Афифи (Шейха ‘Афиф ад-дина-эфенди – примеч. пер.), окруженной Божественными свечениями, как усыпальницы сподобившихся места в раю затворников затряслись и потрескались, и сначала почтенная мать ‘Азиза-эфенди, подняв голову и вознеся руки к Божьим небесам, каждым утром и вечером произносили проклятия со словами: «Когда до нас донесся изысканный запах еды, приготовленной в обители света моих очей, моего сына ‘Азиза, который сопровождался ароматом амбры Матери Книги (умм алкитаб = Коран – примеч. пер.), все мы получили свою долю. [О Аллах!] Отдали же того тираничного человека, который лишил нас этого особого избранника молитвы, от [ханского] венца и трона», а остальные обитатели могил поборников религии раскрыли рты [для произнесения] «Аминь!», и тогда он чернилами искренности написал об этом и отправил к ‘Азизу. Рассказывают, что перед его прибытием просьба достопочтенного [и] высокочтимого шейха об удовлетворении [прошения] и удалении [от людей] не была принята ханом, и вплоть до возникновения происшествия, вслед за [совершением] сунны и обязательных предписаний, [влекущих] близость [к Аллаху], он бросил взгляд на записку и заплакал слезами скорби и сожаления.

Вернемся к сути нашего [разговора] (нарджи‘у ила сададина). В ту пору австрийские неверные, прибыв к городку Шехиркёю (Пирот[1102] – примеч. пер.), расположенному по соседству с Софией, протянули к нему ноги овладения, понадобилось посовещаться с народом о противостоянии злодейским врагам, а также потребовалось содействие крымского хана, и когда он был на зимовье в городке Кили (Килия – примеч. пер.), к нему прибыл с августейшим рескриптом [один] из старших привратников того, вокруг кого вращается небосвод (османского султана – примеч. пер.), Мустафа-ага, а поскольку до тех пор такого рода пригла-

[1100] Хранимая Скрижаль (араб. Лаух ал-Махфуз) – в исламском богословии первоисточник Божественного откровения, содержащий тексты всех священных писаний и знания обо всём во вселенной. В литературе часто выступает в роли метафоры Божественного знания.

[1101] Имеется в виду Перо (ал-калам), которым Божественное провидение пишет на Хранимой Скрижали.

[1102] Пирот – город на юго-востоке современной Сербии, неподалеку от границы с Болгарией.

шений не было, обладатели ущербных умов не дали добро на [положительный] ответ хана. Но здравомыслящий и прозорливый хан не обратил внимания на их упрямые и неправедные речи, бывшие следствием их искривленной натуры, отобрал из числа советников пятеро-десятеро деловых людей, способных к беседам, и в конце [месяца] раби‘ ал-ахир тысяча сотого [года] (середина февраля 1689 г. – примеч. пер.) направил их к порогу покровительствующего миру падишаха. Когда они добрались до Эдирне, их встретил по старинному обычаю садразам Мустафа-паша[1103], и они остановились во дворце Кара Мустафы-паши[1104]. После соблюдения [всех] церемоний гостеприимства крымскому хану было велено в сопровождении садразама отправиться в поход на австрияков, и когда он вернулся для снаряжения [войска] и подготовки походной амуниции в крепость Кили – а это был вторник двадцать седьмого дня [месяца] раджаб указанного года (17 мая 1689 г. – примеч. пер.) – до слуха облагороженного усердием хана дошла неприятная новость о том, что в близкое [к ним] место прибыл неверный злодей по имени Галисин (Голицын[1105] – примеч. пер.), которого хитрый московский царь назначил главным военачальником (башбуг) достойного [Божьей] коры табора из двухсот тысяч человек с тысячью пушками, он незамедлительно взнуздал коня рвения уздою наступления.

Анекдот (латифа)

В тревожную ночь, когда пришло это ужасающее известие, в подобный светопреставлению миг, когда эмиры и знать из великого страха [перед наказанием] «*Они же в смертельном страхе затыкают уши пальцами от грохота молний*»[1106], были обеспокоены и растеряны, [заткнув] вату страха в уши и [приложив] пальцы изумления к устам, пресловутый хан сделал избавлявшую от тоски песнь бейта:

به از روی خوبست اواز خوب
که ان حظّ نفس است و این قوت روح

[1103] Текирдаглы Бекри Мустафа-паша (ум. 1690) – османский государственный деятель, занимавший пост великого визиря Османской империи в 1688–1689 гг.

[1104] Дворец Софа (тур. Sofa Köşkü), Дворец Кара Мустафа-паши – одно из зданий комплекса Топкапы в Стамбуле, построенное в стиле турецкого рококо садразамом Мерзифонлу Кама Мустафа-пашой в 1676–1683 гг.

[1105] Князь Василий Васильевич Голицын (ум. 1714) – русский государственный деятель, дипломат, поднявшийся на вершину государственной службы благодаря покровительству царевны Софьи Алексеевны (регентство в 1682–1689 гг.).

[1106] Коран, 2:19.

«Лучше красивого лица [лишь] красивый голос,
Ибо первое есть услада души, а второе – пища для духа»[1107],

мелодией и наигрышем для флейты, тамбура и чанга, так что один вспыльчивый [человек] с дурными манерами из [числа] эмиров, находившихся на ханском собрании, встревожился и опечалился, сообщив хану: «Нечестивые неверные заняты повсюду разжиганием огня войны и сражений, чтобы потушить свет ясной религии, а крымский хан, собрав у себя толпу городской молодежи, кукарекая [с ними], подобно петухам, заставляя [их] играть на кобузах[1108], созвав отовсюду разных сумасбродов, предается развлечением и музыке», [а затем] ушел с собрания, а когда его снова пригласили, и во время беседы о музыке, которая претила манерам пресловутого [эмира], он обратился к нему, то, как известно, тот ответил ему словами, [подобными] нанизанному жемчугу: «*Сердитость и страх не устраняют бедствий*» (игдаб ва-л-фаза‘ ла йадфа‘у-л-маса’иб). Короче говоря, когда скотское стадо подданных, пришедших под посох его покровительства из-за беспокойства [по поводу] нападения прожорливого волка нечестивого врага и мыслей о том, что [у них] нет здравомыслящего и благоразумного пастыря, припало головами к земле изумления от лихорадки тоски [оттого, что] «*ожидание хуже огня*»[1109] (ал-интизар ашадду мин ан-нар) – во вторник, четвертого ша‘бана указанного года (24 мая 1689 г. – примеч. пер.) – удачливый хан засиял из-за горизонта сокровенного [мира] и небытия в местечке под названием Канлыджак[1110], и когда утром – в счастливый день среды – храбрец со своим победоносным и смелым войском прибыл в местность под названием Кара-Йылга (Черная Долина[1111] – примеч. пер.), злосчастный табор, словно море заккума[1112], появился с ударами молниеносных пушечных ядер и вспышками огнеметных мушкетов, и до самого заката на поле боя, где находилось солнце покорителя мира, в яму гибели упало безграничное [множество] неверных. В ту поразительную ночь решительные и твердые эмиры и вельможи, словно мотыльки и летучие мыши, украсили

[1107] Строки из «Гулистана» Саади.
[1108] Кобуз (тж. кобза) – лютнеподобный струнный щипковый музыкальный инструмент, популярный в XVI–XVII вв. в Крыму, на Балканах и в Украине.
[1109] Арабская пословица.
[1110] Совр. Каланчак у Каркинитского залива на Черном море, посёлок городского типа, районный центр Каланчакского района Херсонской области.
[1111] Урочище, расположенное рядом с одноименным селом в Каховском районе Херсонской области.
[1112] Заккум – в Коране адское ядовитое и зловонное дерево, растущее в преисподней.

пиршество обладавшего Юпитеровым разумом (муштари-ра'й) хана, [поступившего согласно повелению] «*советуйся с ними о делах*»[1113], собравшись в [ханской] ставке и перенеся степень его достойного мнения, к коему они были причастны, из книги непременно почитаемых речений и рукописи повествования о победе в сражении на страницы изложения и список разъяснения. Когда передовые отряды воинства озаряющего мир солнца появились и показались из-за горизонтов восхода небосвода нового года (21 марта 1689 г. – примеч. пер.), разгромив одетое в черное воинство тьмы, словно сборище неверных, хотя малое число единобожников было по сравнению с тьмой многобожников даже не каплей в море, доверившись бескрайнему морю Божественного благоволения, триумфальное войско разделилось на три подразделения, благодаря ногам упования [на Аллаха] одного из которых,

Бейт:

Gerek Dara vü Cem'dür ger Sikender
Guzatıyla olur bunlar beraber
«Хоть Дарий, хоть Джамшид, хоть Искандар,
Пребывают вместе со своими газиями»,

был стойким прославленный хан, в [другом] полку твердо стоял калга Девлет-Гирай-султан, а в третьем подразделении выстроились в ряды и крепко [стояли], словно возведенная на сваях стена, 'Азамат-Гирай и сын Селамет-Гирая, Шахин-Гирай[1114], и после того, как они заполнили [все] уголки мира мольбами о победе и триумфе к Создателю Сатурна и Луны, наделившему светом семь небес, вместе с путеводным изречением «Бисмиллах» («Во имя Аллаха» – примеч. пер.) и возглашением прекрасных слов «Ла илаха илла-Ллах» («Нет божества кроме Аллаха» – примеч. пер.), они принялись без отдыха и промедления сражаться с трех флангов, так что на огнеметном клинке пиршества сражения они, словно минералы, срубали бязевые головы [их] жизни и высоко парившими стрелами душераздирающих клювов выгоняли птицу души из гнезда тела. Несчастные головы неверных падали на копья упразднения (ибтал), подобно «нуну двойственного числа»[1115] (нун-и таснийа), в

[1113] Коран, 3:159.

[1114] Речь идет о внуке Селамет-Гирая, Шахин-Гирае (ум. 1699), который был сыном хана Ислам-Гирая III (1644–1654). Он занимал пост нураддина в 1691–1699 гг. и пост калги в 1699 г.

[1115] Окончание двойственного числа в арабском языке в определенных случаях редуцируется, так что буква «нун» не пишется.

случае изафета[1116], множественное число (джам‘) стрел [обладателей] качеств хамзы[1117] примкнуло к «нуну [грамматического] усиления» (нун и та’кид) лука, а «алиф»[1118] стрел, будучи недугом (‘илла, тж. указывает на хуруф ал-‘илла – «слабые буквы»[1119] – примеч. пер.) для сердца, превратился в «йа»[1120], так что от хлынувшей крови поверхность блюда бренной [земли] окрасилась красным вином. Нураддин-султан слез со своего коня и благодаря содействию небес дотянулся своей доблестной длинной рукой (йад-и тула = «мастерство» – примеч. пер.) до колеса небосвода, что стало [поучительным] уроком для других, и когда он вошел внутрь табора, захватив тридцать пушек и до тысячи пленных, многие души многобожников стали добычей льва меча, но из-за их многочисленности и обилия их усилий не коснулась вялость, и, [предавшись] мечтаниям о завоевании Крыма, они стали вести огонь из пушек и мушкетов, расположившись, по своему обыкновению, табором неверия и упрямства в местечке под названием Кояш[1121], соответствующем [слову] «ров» (хандак), которое расположено по соседству с крепостью Ор, и последователи ислама были раздосадованы их непрерывными и безрассудными битвами. Военачальником немногочисленных воинов из турок и татар, коим было велено защищать крепость Ор изнутри, был назначен ханский ага Бахадир-ага[1122], хан и другие вельможи с саблями в руках, облачившиеся в саваны, стояли у края рва, потеряв надежду на победу, и

[1116] Изафет (араб. идафа – «дополнение») – грамматическая конструкция в арабском языке, состоящая из двух существительных, второе из которых стоит в родительном падеже и определяет первое, а первое при этом приобретает особую форму, в которой оно не может иметь определённого артикля или окончания «танвин», используемого для выражения неопределенности.

[1117] Хамза – диакретический знак арабского письма. В данном случае автор намекает на созвучие этого термина с именем Хамзы ибн ‘Абд ал-Мутталиба (ум. 625), дяди пророка Мухаммада и один из его ближайших сподвижников, отличавшегося храбростью (благодаря которой получил от Пророка почетный титул «Лев Божий» – араб. Асадаллах) и погибшего мученической смертью в ходе сражения с язычниками-курайшитами.

[1118] Первая буква арабского алфавита (ا), имеющая форму палочки, в связи с чем ассоциируется с прямтой и часто упоминается в мусульманской поэзии в качестве метафоры.

[1119] Слабые буквы (алиф, вав и йа) – буквы арабского алфавита, которые могут использоваться вместе с диакретическим знаком «хамза».

[1120] Последняя буква арабского алфавита (ى), имеющая витиеватую форму.

[1121] Кояш (тж. Мурза-Кояш, совр. Красноармейское) – село в районе Перекопа на севере Крыма (совр. Красноперекопский район).

[1122] Бахадыр-ага (ум. 1706) – представитель крымской знати, государственный деятель и дипломат, занимавший пост баш-аги и визиря при ханском дворе Селим-Гирая I в 1671–1704 гг. (с перерывами).

когда в эту пору несчастный человек по имени Калмук-ага[1123] из алатырских татар[1124], принявший подданство проклятых московитов, несмотря на заверения об [исповедании] ислама, пришел из табора в ханский лагерь с лживыми словами о мире и безопасности, хан в свою очередь отправил с миссией [одного] из эмиров племени Башлу[1125], Камал-мирзу[1126], [который] повесил в ту ночь до самого утра узду бдения на коня пробуждения и охраны и ожидал прибытия победоносного господина на протяжении [всей той] горестной ночи. Внезапно султан звезды [на] не [знающем] покоя и промедления небосводе огненного цвета рукой утренней зари известил о сборе войска пылинок. Доблестный хан встал, словно Кахраман[1127] и Рустам, на вершине высокого холма, ожидая благоволения Господа. Враг религии построил свои полки и стал возвращаться путем отступления, его вымотал недостаток хлеба и воды, а храбрые действия смельчаков вызвали у него страх и опасение, так что татарскому войску стало известно, что отправка посла представляла собой [лишь] обман для приведения в порядок вопросов, связанных с отступлением, [и тогда] они напали на них со спины, не допустив в ходе боев в местечке под названием Тонгузлы-Оба[1128] [никакого] снисхождения и терпимости, заполнив ту местность свиными тушами, захватив до тысячи пленных, серебряную и золотую посуду, так что последователи ислама добились желаемого. Понесшие урон проклятые [неверные] до самого пересечения своих границ накрывали праздничный стол повторных сражений, а крымский хан до самого местечка, называемого Ча-

[1123] В русских источниках фигурирует как «ногайский» или «астраханский» татарин Кармаш/Кармашка/Караман Кутлубеев, который отправился в стан крымских татар в сопровождении «крещеного астраханского татарина» Ивана Тинбаева.

[1124] В XVII в. русское государство выделяло служилым татарам земельные наделы в Алатырском уезде, охватывавшем район бассейна реки Сура, который был пограничной территорией и подвергалась нападениям со стороны ногайцев.

[1125] Искаженное написание Йашлав/Йашлау, название знатного бейского рода в Крымском ханстве, на землях которого располагалась столица ханов Бахчисарай, что давало им особые привилегии.

[1126] В русских источниках фигурирует как Кеман/Кемал/Камамбет-мурза Сулешев, бей Гази-Кермана.

[1127] Главный герой эпического произведения «Кахарман-наме» персидского автора Абу Тахира ат-Тарсуси (XII в.), посвященного истории древнеиранских богатырей-пехливанов.

[1128] Название переводится с тюркского как «Свиная долина». Возможно, речь идет о реке Домузла (от тюрк. domuzlu – «свиной») в Приазовском районе Запорожской области или одноименной балке, в которой она берет начало (в районе поселка Приазовское в Мелитопольском районе Запорожской области).

паскыр, преследовал [их] со всем войском, пока пресловутый табор возвращался с черным лицом, и они вернулись из указанного места, расположились лагерем в широкой степи под названием Кениш-Оба и расстелили ковер совещания, сообщив и малым, и великим, во-первых, добрую весть о славной победе, а во-вторых, о том, что они сочли правильным приготовить военное снаряжение для того, чтобы находящиеся на военной службе татарские войска могли в ближайшее время отправиться к армии августейшего [государя], так что отправили вместе с определенными людьми из [числа] улемов и эмиров восемь московских пленных, а в вопросе свидетельств в пользу утверждения о победе привели в качестве свидетельства бесподобное стихотворение:

Мисра‘

شنیدن کی بود مانند دیدن

«Разве услышать когда-нибудь будет подобно тому, чтобы увидеть?»[1129]

В то время не только было не счесть христианских и гявурских змей и муравьев, собранных в указанном таборе, но также было десять тысяч лучников и сенозаготовителей (алаф-кеш) из алатырских татар, и среди указанных людей лишь самое небольшое число соблюдали предписания религии, [но] даже они вытащили наточенные ими наконечники стрел и стреляли, и большинство их, намереваясь нанести ущерб, сопротивлялись и упорствовали, сражаясь даже больше неверных, и когда их взяли [в плен] во время боя и привели к хану, то они спасались от казни и плена, цепляясь за чистый подол слов двойного свидетельства [о вере][1130], ведущих к спасению от бедствий в двух мирах, прибегая [к ним] и утверждая о своей принадлежности к мусульманам. Проклятые [неверные, коим суждено] пребывать в аду, со [всем их] огромным снаряжением и бесчисленным войском не смогли устоять, и не было ошибки в том, что их возвращение и бегство с черными лицами, казалось бы, произошло благодаря усердию и стараниям хана и татар, но на самом деле благодаря Господнему [повелению] об увековечивании [их жизни] и помощи небесного воинства Вечного [Аллаха], будучи [одним] из проявлений чуда Достопочтенного Посланника Мустафы – *да пребудет над ним наидостойнейшее благословение!* (‘алайхи афдал ас-салават), ведь при появлении проклятого табора некоторые благородные праведники и ве-

[1129] Персидская пословица.

[1130] Двойное свидетельство (араб. шахадатайн) – формула исламского вероисповедания: «Свидетельствую, что нет божества, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Мухаммад – Его раб и посланник».

ликие шейхи видели ехавшего на поле сражения верхом на Дулдуле сына дяди Посланника Великого [Господа] и заглавие тетради Семейства Мустафы – *да пребудет над ним благословение до тех пор, пока проявляются утро и вечер!* (‘алайхи-с-салату мадама-з-зухур ас-субхи ва-л-маса) – Победоносного Льва Аллаха, Достопочтенного ‘Али ибн Аби Талиба – *да будет доволен им Аллах и всеми его сподвижниками!* (радийа-Ллаху ‘анху ва ‘ан джами‘и-с-сахабихи), и еще до того, как была одержана победа, сообщили о том, что он своим рассыпающим жемчуга языком предвещал победу и триумф, а [один] из жителей крепости Ор, почитавшийся благородным [праведником] достопочтенный Шейх ‘Абдаллах-эфенди – *да святится его тайна* (куддиса сирруху) – когда его стали уговаривать освободить его исполненный чудотворств дом, служивший местом проявлений Божественных излияний (фуйузат-и илахийа), чтобы перевезти и разместить в труднодоступных местах, в которых укрылись остальные, благовествовал о том, что благодаря благоволению Господа злосчастные ноги неверных не дойдут до этой местности, а также на строках достоверности записано с мастерством единодушия и единогласия, что, когда пленных, захваченных после того, как сборище шайтанов было разогнано и уничтожено благодаря мольбе о спасительном огне тех людей из газиев, чьи молитвы принимаются [Господом], спросили о том, как они бежали, они сообщили: «Когда мы воочию увидели, как несколько удивительных воинов и невидимых витязей в зеленых тюрбанах и с зеленым украшенным знаменем, которые были ростом выше самых высоких кипарисов и имели в руках военные орудия из огня, оберегают и защищают между небом и землей с четырех сторон военный лагерь ислама, направляя острые стрелы отваги на наши несчастные головы, в наши черствые сердца проникли страх и тревога, и когда наши неблагодарные попы прознали об этом, они изучили свои рукописные книги, дав позволение бежать». Указанный хан завершил [все] необходимые приготовления к походу и в четвертую среду шавваля тысяча сотого [года] (10 августа 1689 г. – примеч. пер.) вышел в путь на войну, направившись к войску августейшего триумфатора, и это совпало по времени с тем, что от сильной болезни его жасминоподобные щеки стали похожи на нити шафрана и желтые яблоки, но с тысячью тягот и невзгод выдвинулся в местечко под названием Алма[1131], а когда добрался до местности, которую называют Тюбе-Чокрак[1132], признаки недуга уси-

[1131] Населенный пункт в районе реки Альма в западной части Крымского полуострова.
[1132] Тюбе-Чокрак – озеро в Крыму, рядом с селом Новый Мир (Симферопольский район).

лились, так что он на двенадцать дней приложил в указанном месте голову к подушке отдохновения, а потом вложил ноги отваги в стремя усердия вплоть до [выезда] за пределы Феррах-Кермана, после чего у него не было сил сделать ни единого шага, и когда он прибыл в Ак-Керман на спасительном ковчеге благодаря дарующему жизнь попутному ветру, отплыв из местечка под названием Байдиб на крымском побережье, он полностью выздоровел благодаря [айату] «*Который исцеляет меня, когда я заболеваю*»[1133] и больнице непрестанно [сущего] Лекаря, так что поднял знамя отправления и после того, как короткое время был в смиренной тени обладавшего [правом на] заступничество ученого, они раз за разом нападали на попадавшихся им врагов религии, не жалея [на них] стрел и сабель, в частности, на табор австрияков, собравшихся в дни зимы в зимовище Ускюб[1134], и, столкнувшись с приличным их количеством в местечке под названием Качаник[1135], помешали им уйти и бежать, храбро разбив и разгромив [их], а их военачальника, поганого пса по имени Херсек[1136], заковали в кандалы и цепи. Тем не менее, в том сражении крымские храбрецы Челебиоглу Мустафа-ага, ʻАбд ар-Рахим Челеби и еще несколько других человек захмелели от шербета мученической кончины. Однако бесчисленное и безграничное количество людей из сборища многобожников пали от меча разгрома и уничтожения в огонь преисподней, а указанного хана пригласили для оказания почестей за оказанную услугу в Эдирне, [где] ему неоднократно устраивались пиршества совещаний с тогдашним султаном, а в следующем году ему было велено отправляться в поход вместе с Кёпрюлюзаде Мустафой-пашой[1137], и когда он дошел до Белграда, его усилия по возвращению областей, завоеванных австрияками, были возблагодарены. Когда они

[1133] Коран, 26:80.

[1134] Ускюб (совр. Скопье) – османский город на Балканах, центр Ускюпского санджака, в настоящее время столица Северной Македонии. В 1689 г. город был занят и впоследствии сожжен солдатами австрийской армии под руководством генерала Пикколомини.

[1135] Качаник – город на Балканском полуострове, в Косово.

[1136] Георг Кристиан, герцог Шлезвиг-Гольштейн-Зондербургский (ум. 1691) – немецкий офицер. В 1689–1690 годах он был заместителем командующего армией Габсбургов, вторгшейся в Косово. После смерти генерала Пикколомини от чумы возглавил армию.

[1137] Фазыл Мустафа Кёпрюлю (ум. 1691) – государственный и военный деятель Османской империи, великий визирь в 1689–1691 гг. Сын великого визиря Мехмеда Кёпрюлю (1656–1661).

укрепили Белград и возвращались в Ниш[1138], пришла печальная новость о том, что [один] из его благородных сыновей, нураддин ʻАзамат-Гирай, подчинился повелению «Вернись» (ирджиʻи), сподобившись сонма [обитателей райских] вышин (ʻиллийун), в силу искренней преданности он вздохнул в знак сожаления, но все равно пострадал от злорадства врагов. Но огонь разлуки с сыном разжег его опечаленное сердце, отчего он отпустил подол связей [с людьми], сочтя за счастье некоторое время просидеть в углу затворничества и приложиться челом к Счастливейшему Камню (хаджар-и асʻад, Черному камню – примеч. пер.), и когда он отправился [в путь], чтобы потушить огонь разлуки глотком живительной воды почитаемого Замзама, попросив разрешения посетить Дом Великого Господа, государь [тогдашней] эпохи наполнил кувшин его чаяний звонкой монетой разрешения [отлучиться от службы], и в [месяц] джумади ал-ахир тысяча сто второго [года] (март 1691 г. – примеч. пер.) он своей десницей свободного выбора и доброй воли передал подол правления Крымом Саʻадет-Гираю, а сам отправился к Матери Городов (Умм ал-Кура = Мекка – примеч. пер.) вместе с поводырем успеха, указывающим путь к кибле.

Мудрый рассказ (хикмат)

Когда в пути сжигающая мир молния, рассыпавшая искры из огненного шара небесного свода, попала в корабль, на котором они плыли, один из его преданных слуг Мардан-ʻАли-ага[1139] проявил мужество и, словно саламандра, не опасаясь воздействия огня, явил огонь мастерства в извлечении сундука с золотом чистой пробы, предназначенным для дорожных расходов, защитив [их] от холода банкротства и огорчения. Короче говоря, он удостоился счастья [совершения] хаджа к Дому Господа Могущества и посещения Пречистого Сада[1140] (Рауда-и мутаххара) Обладателя заступничества, и когда он возвращался [обратно] через Шам, то в пускании гадальных и игральных стрел сражения с промышлявшими грабежами арабами-бедуинами добился первого приза (кидх-и муʻалла) победы и благодаря щедрости, проявленной у копья отваги в [вытягивании] лучшей веревки общения в азартной игре заключения ми-

[1138] Ниш – город на юге современной Сербии. В 1689–1690 гг. находился под контролем австрийской армии.

[1139] Мердан-Али-ага (ум. после 1736) – крымский государственный деятель, дядя и атабек царевича и будущего хана Каплан-Гирая I.

[1140] Место погребения пророка Мухаммада на территории Мечети Пророка (Масджид ан-Наби) в Медине.

ра, согласился [стать] руководителем паломников (мир-и хадж) и, пройдя на челне благополучия через пролив Гелиболу (Дарданеллы – примеч. пер.), избрал спокойную деревенскую [жизнь] в усадьбе Кадыкарьеси[1141], распложенной рядом с Силиври[1142]. Хотя состав [рукописного] свода (маджму‘а) ‘Абд ал-Вали-эфенди[1143], очернившего лицо белых листов написанием событий, [произошедших] в Крыму в течение двадцати лет после тысяча сотого года (1688–1689 гг. – примеч. пер.), слаб, а слова его неверны, он был острословом и шутником, вхожим в [разного рода] собрания и круги, в частности, сподобился объемлющего простой люд стола угощения Селим-Гирай-хана, одним словом, был сведущим о делах своей эпохи, так что из указанного свода [мною] были позаимствованы некоторые события, благодаря чему изложение какой-то толики из удивительных приемов остроумного историка стало изюминкой (букв. солью – примеч. пер.) собрания друзей. Пресловутый [историк] вырос в одной из деревень Крыма, примкнув благодаря природной склонности к канцелярской науке к рядам крымских кадиев, и благодаря продвижению наверх и обретению близости к эмирам и султанам постепенно обелил свой лик [занятием] поста кадия города Карасу[1144], который был [предметом] устремлений [всех] кадиев Крыма, скопил имущество, которое ему удалось собрать с мерзких и хороших [людей], и стал обеспеченным человеком. В одной из деревень, подчинявшихся его правлению, погиб один человек, у которого было пять-десять голов скота, что потребовало записи и раздела [его имущества]. Отсутствие у него малолетних наследников изменило состояние здоровья кадия, и то, что из указанного дела не потёк гной обеспечения жизни, ранило пресловутого [кадия] в [самое] сердце и очень расстроило, отчего он стал искать способ залечить рану своего отчаяния и лишения, вызвав к себе одного слабоумного человека из числа двоюродных братьев указанного покойника и сказав [ему]: «Смотри-ка, мусульманин! Почему ты пренебрегаешь тем, чтобы потребовать доставшейся тебе от твоего покойного дяди общей доли? Или же тебе об этом ничего неизвестно? Отказываясь без

[1141] Кадыкёй – пригород Силиври в европейской части провинции Стамбул. Не путать с районом Кадыкёй в азиатской части Стамбула.

[1142] Силиври – город и район провинции Стамбул, расположенный на побережье Мраморного моря в европейской части Турции.

[1143] Каракуртлу Абдулвели-эфенди (XVII–XVIII вв.) – крымский мусульманский ученый-факих, кадий города Карасу, историк-хронист.

[1144] Карасу (Карасубазар, совр. Белогорск) – город на реке Биюк-Карасу в центральной части Крыма.

всякой причины от очевидно причитающегося тебе по праву, ты проявляешь излишество и расточительство, [совершая тем самым] большой грех, а мы, определенно, страдаем от твоего мучительного положения, когда не выполняются [самые] обычные заповеди», на что указанный человек ответил: «О мой султан! Когда я спросил у образованных людей, они сказали [мне], дескать родне со стороны отца рожденных [от покойного] детей мужского пола ничего не достается», и тогда тот сказал: «Ну ты и человек! Ты невежда в искусстве ухищрений и интриг и позабыл о том, что «*выше любого обладающего знанием [стоит] более знающий*»[1145]. Не каждый разбирается в запутанных и необычных вопросах. Мы собрали [их] и записали своим собственным пером с отрезанным языком, которое разрушает дома и проливает кровь, наполнив неприемлемыми вопросами и обманчивыми уловками, о чем откровенно говорится в нашем своде с [обложкой] из черной кожи, названном нами «Кара Кылыч» («Черный меч» – примеч. пер.). Смажь руку вредителя платой, а мы не допустим оплошности в разорении домов», заставив [своими] рассчитанными на глупцов выражениями простодушного человека упасть в яму алчности, вызвал тяжущиеся [стороны] и без всякой причины заронил вражду между двоюродными братьями. Глупый и алчный человек доверился речам указанного кадия, и когда в своем несбыточном желании получить долю [от наследства] он стал говорить по делу и без дела [какие-то] слова, проявив враждебность и начав выступать в суде, пресловутый кадий притворился, что не знает об этом, и сказал: «Это сын покойного?», а тот подтвердил [это], сказав: «Да», тогда он сказал: «Родственники со стороны отца не могут претендовать на имущество человека, у которого есть рожденные от него дети. Оно принадлежит по право ему», и после получения платы за составление бумаг вместе со своим запретом на обжалование вручает ответчику (мудда‘и ‘алайх) [официальный] документ со словами «Случившееся было записано по требованию». Передают, что человек, который был истцом, сказал: «Эй господин! Что это за небывалое дело? Ты меня сделал скорпионом (‘акраб) для [моих] близких (акраба) и противником (хасм) моей родне (хысым). И никакой пользы это не принесло», на что [тот] ответил: «По-видимому, старость [несет с собой] тысячу недугов, и первое мнение [всегда] глупое. Разве наш «Кара-Кылыч» двуличен? Мы сперва не видели, [но] на следующей странице он твердо сказал, что тебе ничего не достанется». На пиршестве увеселения и радости Селим-Гирай-

[1145] Коран, 12:76.

хана, полного сведущих в тонкостях улемов и знакомых с науками умельцев вместе с эмирами и знатью, зашла речь о странных вопросах, связанных с сотворением плода и беременностью, происходящими по тайному велению Великого [Господа], и когда он сказал: «В тот час, когда крошечное тельце новорожденного, состоящее из мяса и костей, ступает в мир бытия, осененный мудростью ангел, назначенный из [числа] служителей лечебницы Вечного [и] Мудрого [Господа], с помощью [Божьей] касается [его] своей исцеляющей десницей, и тогда в указанном месте проходят вялость и широта, так что оно возвращается в прежнее состояние», празднословный кадий снял вуаль завесы с лица вежливости и стыда, опозорившись на весь мир словами: «Ой-ой-ой, когда мой сын Мехмед вышел из дверей дома утробы матери, наверняка этот ангел с благословенной десницей не спустился в наш дом, ибо [даже] волосатое место и логово крота шире, чем караван-сарай [моей] жены ‘Айши». Вернемся к тому, о чем мы говорили. Новый хан, сын Одноглазого Са‘адет-Гирай-хана, был зеницей ока Кырым-Гирай-султана, а его младший брат Хаджи-Гирай за свои признанные заслуги в поражении во время похода на Печ (Вена – примеч. пер.) получил предпочтение перед своим старшим братом, будучи осчастливлен облачением в парчовые ханские одеяния, [но] пелена зависти и ревности ослепила очи его спокойствия и безмятежности, так что для избавления от боли воспаленных глаз лишения он стал искать лавку сурьмы купли-продажи, и в эту пору с помощью палочки для нанесения сурьмы Селим-Гирая в [месяц] джумади ал-ахира указанного года (март 1691 г. – примеч. пер.) очи его надежды прояснились благодаря глазной мази (тутийа) получения желаемого, а грамоту [о назначении] калгой он выписал на [имя одного] из сыновей Селим-Гирай-хана, Девлет-Гирая, озарив зрачки черных очей надежды и просьбы одного из своих сыновей Фетих-Гирая[1146] светом должности нураддина, подражая своему предшественнику Хаджи-Гираю в превращении своих соперников и недоброжелателей в сотоварищей неверной жене [и] потаскухи с базара. Пресловутому хану было велено отправиться вместе с садразамом в поход на австрияков, и когда он выступил в поход, ему сказали, что, как и Девлет-Гирай, окунувший указательный палец подстрекательства и усердия в ручей мятежей и интриг, пущенный жителями Крыма по земле веслом ненависти и злобы в эпоху [правления] Хаджи-Гирая, ногайские мирзы вместе с союзниками гото-

[1146] Фетих-Гирай (ум. после 1691) – крымский царевич, сын хана Са‘адет-Гирая III. Занимал пост нураддина в 1691 г.

вятся бросить его на дно замешательства, и он доверился и оперся на невкусный поток лицемерия и интриг, пущенный ими под гумном их сплоченности и согласия, не разузнав об обстоятельствах подстрекательства к смуте с помощью подзорной трубы слежки и осторожности, и в силу легкомыслия и ребячества остановился и задержался на [горе] Баба-Таг[1147], сместив и подвергнув опале пресловутого калгу, а также проявив нетерпение и спешку в назначении [одного] из своих братьев Джихан-Гирая[1148], опорочив [тем самым] освободившийся пост, вследствие чего Девлет-Гирай на борту челна смещения и обиды отправился к дверям государя, а пресловутый хан, утопавший в море беспокойства и растерянности, проведя несколько дней в местечке под названием Татар-Бекары[1149], чтобы собрать и удержать в яме смягчения и единодушия стремительный поток волны восстания ногайцев с помощью позолоты пожертвования, расточал звонкую монету времени, одевая и малых, и великих из указанного народа в роскошные одежды и тщательно расходуя монеты любезности и уважения. В ту пору приблизилось время выдвижения августейшего войска в направлении цели, и, не стерпев [ожидания] времени их прибытия в Крым, он поручил вывести войско калге Джихан-Гираю, а тот приложил огромные усилия, чтобы довести татарское воинство в конце месяца рамадан (конец июня 1691 г. – примеч. пер.) до Ак-Кермана, как ему было велено, так что хан и остальные эмиры и знатные люди на четвертый день [после] Праздника Разговения направились к августейшему войску. Когда они проходили через Черную Валахию (Кара-Эфлак)[1150], привыкшее к разорению войско проявило такие неодобряемые действия, как разграбление имущества подданных, а крайность и жестокость хана в вопросе наказания, обусловленная суровостью его нрава, не только вызвали ненависть в сердцах людей, но и промедление в движении из-за того, что некоторые подданные, поддавшись желанию прихватить имущества, ввели хана в заблуждение и проводили время в указанной стране, было отнесено на счет оплошности хана и его беспечности, что вызвало расстройство у садразама Кёпрюлюзаде Мустафы-паши. Поэтому писарь (катиб) дивана, отправленный

[1147] Бабадаг – город в исторической области Добруджа, расположенный в горной местности неподалеку от дельты Дуная, на юго-востоке современной Румынии.

[1148] Джихан-Гирай (ум. после 1691) – крымский царевич, сын калги Кырым-Гирая, внук хана Са‘адет-Гирая. Занимал пост нураддина и калги в 1691 г.

[1149] Очевидно, искаженное написание названия города Татарбунары, расположенного в Белгород-Днестровском районе Одесской области Украины.

[1150] Одно из наименований Валахии в османских источниках.

им для того, чтобы сообщить августейшему войску об их приближении, доставил послание, как ему было велено, а пресловутый военачальник, проявив прохладное отношение [к нему], позаимствовал строки благородного [айата] «*Тебе одному мы поклоняемся и Тебя одного молим о помощи*»[1151], сказав: «Мы надеемся на благоволение и помощь [лишь] Великого [Господа]», и выказал печаль и огорчение, а незадачливый писарь с заиканьем и беспокойством был вынужден просить прощения и [дать] ответ, что еще больше разгневало почтенного пашу, так что он разобрал шатер оправданий чавушбаши[1152] (сер-чавушан), [закрепленный на] столбике огорчения, а поскольку оскорбление и унижение были направлена на хана, это придало сил черствым сердцам недоброжелателей. По велению [Божьего] приговора и предопределения, прибытие хана в войско пришлось на те страшные дни, когда садразам испробовал на вкус шербет мученической смерти (август 1691 г. – примеч. пер.), и когда он вместе с бывшими при нем пятью-десятью людьми перешел реку Дунай (Туна), чтобы посоветоваться о некоторых делах с сераскиром Халил-пашой[1153], главы крымских мятежников отдалили лицемерного татарина от хана, а сами направились в долину заблуждения и ступили в степь блужданий. Когда они вместе со всем сборищем бунтарей прибыли в Крым, то решили прикрыть строптивость и вражду, злодеяния и непокорность, которую они проявили, выступив за короткое время [сразу] против двух ханов, грязным и грубым холстом, сотканным ими с помощью сплетений лжи и наветов, и они наполнили до краев черпаки ртов нескольких подонков прокисшей и испорченной бозой слов вроде «Вне всяких сомнений, из-за совершенных нами ранее в отношении Хаджи-Гирая действий его брат Са‘адет-Гирай решил отомстить [за него], и мы не находимся в безопасности, [а потому] мы не желаем этого хана», отправив их без всякого стыда и стеснения с [этим] лживым прошением, лишенным хильи[1154] достоверности, в Счастливую Порту. Высокая Порта была занята многочисленными врагами религии, и в силу времени и обстоятельств у нее не было возможности отказать в содействии, так что в [месяц] раби‘ ал-ахир тысяча сто третьего года (декабрь 1691 – январь

[1151] Коран, 1:5.

[1152] Чавуш-баши – начальник придворных гонцов (чавуш) в Османской империи.

[1153] Коджа Халиль-паша (ум. после 1695) – османский военачальник, сердар эялета Морея в 1680–90-е гг.

[1154] Хилья – каллиграфическая композиция с описанием достоинств пророка Мухаммада, праведных халифов или видных сподвижников, которую помещали в рамку и вешали на стену.

1692 гг. – примеч. пер.) ханский ярлык был выписан и зачитан на имя Сафа-Гирая, а Са‘адет-Гирай был сослан на Родос, где по велению Всемогущего Господа шагнул в мир небытия в [месяце] шаввал тысяча сто шестого года (май-июнь 1695 г. – примеч. пер.). Срок его правления [составил] десять месяцев, а время его жизни – пятьдесят лет. Указанный хан, одним словом, был обладателем щедрости и храбрым человеком. Однако из-за того, что его гнев и суровость вышли [за пределы] круга умеренности, эмиры, знать и в целом жители его страны отвернулись от него. Однажды, когда он в своем шатре, установленном на берегу Дуная, наблюдал за переправой крымского войска и был занят трапезой, он увидал пару известных людей из [числа] эмиров [рода] Ширин, пригласил их к себе и также велел им готовиться к походу, и когда они начали есть принесенную им еду, спросил у них: «Вы уже погрузили свои грузы и скот на корабли?», а те простодушные мирзы, не знавшие о нраве хана, сказали: «О наш падишах! На судно, которое было выделено для нас, погрузили свои вещи слуги главного аги. Когда они закончат дела, мы тоже переправимся», и не успели они завершить свою речь, как разгорелся огонь ханского гнева, он отбросил лежавший у него на коленях передник (пишгир), поспешив к реке и, [схватив] подвернувшуюся ему в гневе под руку колотушку [для забивания колышков] палатки, стал наносить, будто бы тяжелой булавой, богатырские удары по татарам, которых он нашел на корабле, исполнив желанное и избавив [себя] от тревог. Когда они проходили через область Эфлак (Валахия – примеч. пер.), от отрезал нескольким мусульманам из [числа] подданных [Высокой Порты] носы и уши, рассердившись [на них из-за] какого-то фуражного ячменя, а также во время возвращения [на родину] по высочайшему повелению пленных, захваченных в указанной области, он узнал, что один пятилетний татарин спрятал под своей черной буркой одного ребенка [из числа] подданных [Высокой Порты] и с хлопотами и трудами решил высвободить [его] из ладоней повеления о возвращении, и он приказал наказать его розгами, а когда жестокий секбан схватил и стал его хлестать, подол власти разгневанного хана оказался далек от рук его разума, так что он спешился с коня и крепкой железякой размозжил и сломал несчастному голову. Безмозглый человек, являвшийся смотрителем его конюшни, был склонен [говорить] лягушачьим и вороньим голосом [и] сыпать бессмысленными терминами, словно норовистый конь, и этот бестолковый и несообразительный [человек], пожелав блеснуть перед ханом искусством проницательности, из-за невежества гарцевал по полю позора с возгласом «Открой свои глаза (ифтах ‘айнак), о мой па-

дишах!» вместо «Да пребудет над тобой око Божье!» (‘алайка ‘айн Аллах), а пресловутому хану, виртуозно скакавшему по площади суровости, вспомнился недуг, возникший в его всевидящих глазах, так что он со словами «Эй ты, проклятый! Ты в присутствии людей упрекаешь меня в незначительном недостатке, который имеется в моих образцовых подведенных сурьмою очах?» указал на палаш (гаддаре) жестокости и гнева, и напал, намереваясь убить [его], несчастный тип бежал и спустя некоторое время благодаря посредничеству и просьбе влиятельных заступников освободил воротник [своей] жизни, о чем рассказывает в своем своде ‘Абд ал-Вали-эфенди. Да простит Аллах его злодеяния (таджаваза-Ллаху ‘ан сай’атихи). Новый хан Сафа-Гирай был пригожим сердцу сыном нураддина Сафа-Гирая, сына Селамет-Гирай-хана, и появился из мира сокровенного и небытия в течение сорока дней после того, как его отец Сафа-Гирай отказался [ради] отдыха от радости на пиршестве жизни, так что его дядя Бахадир-Гирай-хан назвал его именем Сафа-Гирай, дабы помянуть и возродить имя его родителя. До самой смерти своего дяди он рос на его иждивении, а затем в первый [период] ханского правления дяди Селим-Гирая он был нураддином, после его смещения жил спокойно в Каринабаде (совр. Карнобат в Болгарии – примеч. пер.), а во время случая с Са‘адет-Гираем в силу некоторых обстоятельств и условий приложил усилия и принял меры в стремлении к ханскому престолу, так что по воле предопределения ханский трон достался пресловутому [хану], калгой он назначил Кара-Девлет-Гирая[1155], а нураддином – Шахин-Гирая. Как рассказывают, когда ему было велено отправиться в поход вместе с садразамом Хаджи ‘Али-пашой[1156], и он проходил через Румелию, направляясь в Крым, чтобы собрать войско, то повстречался с Мурад-Гираем, который ранее был крымским ханом, а в то время поселился в кругу безопасности в окрестностях Йанболи (совр. Ямбол в Болгарии – примеч. пер.) и сказал [ему]: «Действительно ли ваши повсеместно распространившееся во время передачи по кругу чаши слухов обещание и обязательство присоединиться к победоносному воинству августейшего [государя] вместе со ста тысячами татарами из Крыма?», [на что тот] сказал: «Этими силками хитростей мы поймали

[1155] Кара-Девлет-Гирай (ум. 1717) – крымский хан, правивший в 1716–1717 гг. Сын нураддина ‘Адил-Гирая (ум. 1659) и внук крымского хана Селамет-Гирая I. Занимал пост нураддина в 1691–1692 гг.

[1156] Бахадырзаде Арабаджы Али-паша (ум. 1693) – османский государственный деятель албанского происхождения, занимавший пост великого визиря Османской империи в 1691–1692 гг.

дичь желанной цели», и тогда даже Мурад-Гирай омрачил собрание беседы, напоив его неприятным на вкус вином ответа: «*Если ты не стыдишься, то поступай, как желаешь*» (фаинна лам тастахи фасна‘ ма ши’та)[1157]. Короче говоря, он вел свое привыкшее к непокорности войско, снаряженное им по мере возможности с [большими] хлопотами и трудами, подобно черной туче [в] зимние сумерки, и когда оно, словно [вот-вот] готовый затмиться и прекративший светить месяц, спустилось в городок Йергёгю[1158], лишенные стыда упрямцы и пропащие [люди] по привычке стали приписывать хану скупость и жадность, а его сторонникам – несправедливость и самодурство, подоткнув подол восстания, одной темной ночью испортившись в одном месте, словно ветхая рукопись, и направившись в степь бегства. Звонкая монета благородства, потраченная им вместе с мягкими словами и расточением богатств, чтобы вернуть в военный лагерь эмиров [рода] Ширин и прочих обладателей высокомерия и ненависти, не стоила и гроша, и когда надевшие на себя ожерелье непокорности прибыли в область Крым на норовистом коне упрямства и настырности, они по старому обычаю выбрали несколько человек в качестве всеобщих представителей и отправили в Счастливую Порту с прошением и петицией, содержавшей жалобу на хана и просьбу о назначении Селим-Гирая. Хан же изложил перед вратами высокого чертога полюса окружности мира [и] великодушного падишаха прошлые преступления и последующие мерзости тех несчастных, бродивших по степи мятежа и интриг, попросив оставить и утвердить его на престоле, а также о великодушии и поддержке в их наказании за неблагодарность, приведшую к тому, что посох единобожников треснул, и два различных и противоположных по содержанию письма пришли в одно время, так что опытные [служители] государства и аксакалы султана после раздумий и пересмотра [мнений] отложили головомойку приспешников смуты и интриг на другое время и сочли, что положение требует того, чтобы предпочесть и признать правдивыми бессмысленные и лживые слова жителей Крыма в соответствии со смыслом [пословицы] «*Власть принадлежит тому, кто победил*» (ал-хукму ли-ман галаба), так что в [месяц] сафар тысяча сто четвертого [года] (октябрь-ноябрь 1692 г. – примеч. пер.) украшенный сверкающими каменьями меч ханского престола в третий раз был признан достойным подпоясать Селим-Гирая, а Сафа-

[1157] Слова из хадиса, приписываемый первому пророку и прародителю человеческого рода Адаму.

[1158] Йергёгю (совр. Джурджу) – город в низовьях Дуная, расположенный на юге современной Румынии, у границы с Болгарией.

Гирай-хан был сослан на остров Родос и спустя некоторое время переведен по просьбе Девлет-Гирай-хана в местечко под названием Кулагузлы[1159] вблизи Каринабада, ступив в край небытия в [месяц] джумади алахира тысяча сто пятнадцатого [года] (октябрь-ноябрь 1703 г. – примеч. пер.). Срок его правления [составил] десять месяцев, а время его жизни – шестьдесят шесть лет. Сын Токтамыш-Гирая, старшего брата [сподобившегося] места в раю хана, который взял его на службу нураддином, поэт Шахин-Гирай[1160], который, словно райское древо изящества, отбросил тень поселения в деревне Ибрахим[1161], расположенной по соседству с Йанболи, так что эта сияющая земля показала пример райскому саду. Разноцветные цветы его стихов, бывшие наиизбраннейшими плодами большого древа его проницательной природы, [которое выросло из] молодого саженца [в] саду красноречия, насколько удалось до них добраться, были вложены в свод [вашего] бедного [слуги]. Во-первых, этот полюс окружности [духовных] познаний сделал одну сочиненную им бесподобную газель серебряным циркулем прямого нрава и с помощью золотой таблицы здравого рассудка создал и придумал удивительный и невиданный стиль. И он подарил эту блестящую касыду, [написанную] на манер маснави, Селим-Гирай-хану, сподобившись его милости и удостоившись его великодушия и благоволения.

Касыда:

Bareka'llah zihi Kırım hanı
Cümletü'l-mülk-i al-i Osmani
Madelet-güster ü hüner-perver
Hem-dem-i padişah-ı heft-kişver
Hami vü hafız-ı bi-avn-i Samed
Din ü mülk-i Muhammed ü Ahmed
Son melik-i ahali-yi İslam
Mucebü'l-emn vacibü'l-ikram
Na'il-i iltifat-ı sultani
Padişah'uñ aziz mihmanı
Bu saadet Kırım hanında
Olmamışdur selef miyanında

[1159] Кулагузлу (совр. Крумово-Градиште) – село в современной Бургасской области Болгарии, примерно в 6 км к юго-западу от центра города Карнобат.

[1160] Шахин-Гирай (XVII в.) – крымский царевич, сын калги Токтамыш-Гирая. Не путать с нураддином Шахин-Гираем (1691–1699), сыном Ислам-Гирая III.

[1161] Ибрахимли (после 1890 г. Свобода/Кунево) – исчезнувшее мусульманское село в Сливенской области на юго-востоке Болгарии.

Aña muhtas ziyaret-i Haremeyn
Mazhar-ı lutf-ı devlet-i dareyn
Amil ü adil ü şeci ü ceri
Gaziler serveri keramet eri
Pişva-yı cünud-ı ehl-i cihad
Reh-nüma-yı tarik-i rüşd ü sedad
Zinet-efza-yı tahtgah-ı Kırım
Padişah-ı halim Han Selim
Nam-ı pakinde muntazam o huruf
Hükmi anıñ mübeyyen ü maruf
Çar-der çün adedde erkama
Çar-rükn oldı dar-ı İslam'a
Sini sermaye-i saadetdür
Süllem-i mülkine alametdür
Çünki piraye-i adldür o lam
Yaraşur saltanat içinde müdam
Lutfı deryasına o bir yadur
Kurılur düşmene müheyyadur
Nokta-i ya ki hal-i devletdür
Merdüm-i dide-i basiretdür
Mimdir sadr-ı mülk-i taht-ı nizam
Eyyeda'llahu mülkehu bi-devam
Ey şifa-saz-ı derd-i ehl-i niyaz
Padişah-ı kerim ü bende-nüvaz
Ne kadar itse vasfuñı şuara
Zatuñ andan hezar kat ala
Vasfuñ itmek degül iken haddüm
Dil-i pür-itizarı yeñemedüm
Seyl-veş itdi cuşiş ü tuayan
Midhatıñ gülşenine oldı revan
Kam-yab oldı arzusından
Şeref ahz itdi hak-busından
Çünki medhüñden irdi istidad
Beni kıldı sühan-ver ü üstad
Dest-i lutfuñla ey kerem-pişe
Feth olındı kilid-i endişe
Tac beytimde şimdi her gevher
Yalıñız biri Rum haracı diger
İmdi görsün kelamımı Vassaf

Canı var ise itmesün insaf
Sanatın görse beytümüñ bu zaman
Añlar idi kusurını Selman
Bende Şahin degül mahall-i güzaf
Han-ı azam bilür sen eyleme laf
Yine bu feyz medh-i Han'dandur
Terbiye gevherine kandandur
Midhatuñ bahrına olan gavvas
Bulur elbette dürr-i mana has
Nazm-ı pakize-cuy-ı dil-cudur
Dağ-ı dilden gelür akar sudur
Alemi cüst ü cu ider amma
Keremüñ bahrıdur nihayet aña
Gerçi bisyar-ı dideyim kerem it
Yine bendeñ keremle muhterem it
Ayb olınmaz keremde istiksar
Hasen imiş çü kavl-i et-tekrar
Keremüñ hanı çün firavandur
Kalmaz aç ol ki talib-i nandur
Kapuña kim ki geldi girye-künan
Akıbet gitdi hurrem ü handan
Eski kul geldi kapuña yekile
Ağlayu geldi gide güle güle
Tir ey hame-i şikeste-rakam
Cümleden devlete duadur ehemm
Bir dua kim ola kabule karin
Kerrubiyan diye aña amin
Her gazada yanıñca feth ü zafer
Birisi tir ola birisi siper
Zatuñı eyleye Hüday hemin
Emn-bahşa-yı mülk-i devlet ü din
Umaruz ide cümle usrı yesir
Keremüñden cenab-ı nime nasir
Hak teala bu din hürmetine
Vire nusret habibi hürmetine
نعم شاه روم دين پناه
نوش جان باد عليك عون الله
احسن الله جلّ خير جزاك
ليس امر بغير حسن رضاك

Bir dua hem nizam-ı haküñden
Armağan ola ruh-ı paküñden
از حد دولت تو دست زوال
دور و مهجور باد درهمه حال
«Да благословит Аллах прекрасного крымского хана
[И] все царство рода Османова.
[Он] правосуден и покровительствует искусствам,
Наперсник падишаха семи климатов,
Покровитель и защитник с помощью Вечного [Господа]
Религии и царства Мухаммада и Ахмада[1162],
Последний царь последователей ислама,
Дарующий безопасность и достойный почестей,
Сподобившийся султанского благоволения,
Дорогой гость падишаха.
Этого счастья крымского хана
Не было [ни у кого] среди предшественников.
Ему принадлежит паломничество [к] Двум Святыням (харамайн)[1163],
[Он] – проявление милости [и] счастья [в] двух миров,
Деятельный и справедливый, смелый и отважный,
Господин газиев, обладатель великодушия,
Предводитель войск воителей джихада,
Проводник [на] пути [к] благоразумию и справедливости,
Украшение крымского престола,
Кроткий падишах, хан Селим.
На имя его чистое нанизаны те буквы,
Веление его доходчиво и общеизвестно.
Поскольку четыре двери по числу [в науке о] цифрах,
Четырьмя столпами стал он миру ислама.
Подносом (сини) капитала счастья он является,
Лестница (суллам) знаком царства его является.
Поскольку украшением справедливости является тот «лам»,
Будет он всегда достойным султанского достоинства.
В море милости своей он [буквой] «йа» является,
Готов [он сразиться с] врагом.

[1162] Два варианта имени пророка Мухаммада, имеющих один и тот же смысл.
[1163] Название двух наиболее почитаемых священных мест в исламе – Заповедной мечети в Мекке и Мечети Пророка в Медине.

Точки [в букве] «йа», которая есть родинка счастья,
Зрачками очей проницательности являются.
«Мим» есть глава царства престола законного,
Да укрепит Аллах царствие его постоянно!
О исцеляющий болезни обращающихся с мольбами,
Великодушный и ласковый к рабам [своим] падишах!
Сколько бы ни описывали тебя поэты,
Самость твоя тысячекратно выше этого.
Хотя не в силах моих описать тебя,
Не смог я совладать со своим сердцем, полным извинений.
Забурлило и вышло оно из берегов, словно селевой поток,
Хлынуло к цветнику славословий,
Сподобилось оно своего желания,
Достоинство обрело от целования праха его.
Поскольку от восхваления твоего оно обрело талант,
Сделало меня оно красноречивым и умелым.
Десницей милости твоей, о великодушный,
Открылся замок переживаний.
В венечном бейте[1164] теперь каждый драгоценный камень
В одиночку равноценен хараджу [со всего] Рума.
Пусть теперь увидит речь мою Вассаф[1165],
Если был бы жив, то пусть не поступил бы по совести.
Ежели б увидел нынче мастерство бейтов моих,
То понял бы ущербность свою Салман[1166].

Во мне [имя] Шахин («сокол» – примеч. пер.) – это не преувеличение.
Величайший хан знает, а ты не пустословь.
И это благословение – от восхваления хана,
Драгоценный камень воспитания – от рудника.
Ныряльщик в море восхваления твоего

[1164] «Венечным бейтом» или «коронным бейтом» называли последний бейт стихотворения, в котором упоминался поэтический псевдоним автора.

[1165] Шихаб ад-дин ʻАбдаллах ибн Фадлаллах Ширази, Вассаф ал-Хадрат (ум. 1329) – персидский историк, служивший при дворе Хулагуидов. Автор исторического сочинения «Тарих-и Вассаф», написанного крайне вычурным языком, изобилующего многочисленными аллегориями, каламбурами, арабскими и персидскими стихами и афоризмами, что серьезно затрудняло его понимание неподготовленным читателем.

[1166] Салман Саваджи (ум. 1377) – персидский поэт и мастер изощренной поэтической техники, в особенности, в жанре касыды.

Найдет, конечно же, особую жемчужину смысла.
Чистая поэзия есть ручей желанный,
Вода, вытекающая из раны сердечной.
Хотя стремится к миру оно,
Море великодушия твоего пределом ему является.
Хотя и многое повидал я, яви великодушие,
Вновь своей щедростью сделай раба своего почтенным.
Нет порока в том, чтобы стремиться к большему в щедрости,
Ибо благостным было слово: «Давай еще!»
Поскольку обилен стол твоей щедрости,
Не останется голодным тот, кто просит хлеба.
Кто бы ни пришел в слезах к твоим дверям,
В конце концов, ушел веселым и смеющимся.
Пришел к дверям твоим старый раб, [едва] падая:
С плачем пришел, а уходит с улыбкой.
Стрелой является это перо сломанное,
Важнее всего молитва об удаче.
Если одна мольба сподобится принятия,
Херувимы (каррубийан) скажут в ответ: «Аминь!»
В каждом походе сопутствуют тебе победа и триумф,
Одно из них – стрела, а другое – щит.
Самость твою пусть Господь сделает таковой:
Дарующей безопасность царству государеву и религии.
Надеемся, что сделает все тяготы легкими
Благодаря щедрости твоей Господь [и] Прекраснейший Помощник.
Из почтения к этой вере Всевышний Аллах
Пусть дарует победу из почтения к своему любимцу.

Облагодетельствовал [тебя] покровительствующий религии шах Рума.

Пусть будет усладой душе твоей эта помощь Божья!
Да наделит тебя Аллах наилучшим воздаянием!
Нет ничего, кроме блага Твоего довольства.
Пусть одна молитва из ожерелья праха твоего
Будет подарком от души твоей чистой!
От государства твоего десница упадка
Пусть будет далека и отстранена в любом случае!»

[Ниже приводится] изящная записка, написанная и начертанная в стихотворной форме Да‘и Ахмеду-эфенди, который был одним из мастеров [слова], живших в Йанболи, и наемных работников, [вхожих в]

круг пресловутого султана, о подготовке разнообразного древа в том месте, где оно находилось, для того, чтобы посадить его на райской [красоты] плите (лавха), возведенной и построенной благодаря его архитектурному складу.

Стихотворение:

الایا دعیا بعد السلام
بهذا القول ان تسمع کلامی
نهال گل که در باغ تو هست است
مدار از من دریغ از آن که هست است
Eger sizden ve gerçi sa'ir elden
Ne deñlü kopar ise bağ-ı dilden
Getür kucak kucak nevreste güller
Açılsun çeşm-i nergis gibi diller
Sakız güli ile ey yar-ı canım
Karanfil-zara dönsün bustanım
Eger bulınur ise fi'l-arazi
Nihal-i erguvan ile beyazı
Zuhur itdi anuñçün dahi minnet
Virür gülzara zira hayli zinet
«Эй! О молящийся [за нас], после приветствия
Этими словами, послушай нашу речь.
Саженец розы, что имеется в твоем суду,
Не жалей для меня, ибо он существует.
Хоть от вас, хоть из рук кого-нибудь другого,
Сколько бы ни нарвали в саду сердца,
Приноси охапками свежие розы,
Пусть раскроются, словно очи нарцисса, сердца.
Вместе с цветками шиповника, о друг мой сердечный,
Пусть превратится в сад гвоздичный мой цветник.
Если найдутся в землях [разных]
Пурпурные и белые саженцы.
Поэтому и проявилось благодеяние,
Ибо украшают они очень цветник».

Указанный Да'и Ахмед-эфенди утверждает, что однажды он в силу необходимости позаимствовал черепаховую чернильницу и после удовлетворения своего желания бросил ее в угол забвения со словами: «Какая-то дрянная вещица!», так что у нее сломалась крышка. Когда некоторое время спустя он попросил чернильницу, то [они] нашли в мусоре какую-то небольшую грошовую чернильницу и принесли султану, а он

положил ее на копеечную бумагу, написал на ней сочиненный экспромтом изящный бейт и отправил.

Бейт:

Hacaletden ciğer bir pare oldı

Devatuñ kapağı beş pare oldı

«От стыда печень обрывком стала,

Крышка чернильницы грошовой стала».

Также однажды он позаимствовал у человека по имени Сулейман сборник стихов, который они называли «Коровий язык» (Сыгыр дили), и загубил, словно теленок, в далекой долине потери и утраты, вследствие чего написал и отправил [ему] следующий бейт с просьбой о прощении:

Бейт:

Tecessüs eyledük sahra-yı dehri

Süleyman'um Sığır Dilin bilür yoq

«Прочесали мы степь рока.

Я Сулейман[1167], [но] никто не знает коровьего языка».

Этот бесподобный бейт также принадлежит выдающемуся царевичу, который был искусным наездником на ристалище красноречия:

Бейт:

Mürg-i dil bağ-ı İrem zevkini vasluñda bulur

Uçmak ister mi senüñ gibi melekle konuşan

«Птица сердца обретает наслаждение от сада Ирам[1168] в соединении с тобой.

Разве захочет летать тот, кто разговаривает с таким ангелом, как ты?»

Общеизвестно, что, в соответствии со смыслом разноцветных и пестрых цветов, растущих на бесподобном древе, которое он украсил и наполнил многообразными тюльпанами и гиацинтами пестрых цветов:

Бейт:

Şükufe her tarafdan reng der-reng

Giderdi buy-ı gül ferseng ferseng

«Повсюду разноцветные цветочки,

Исходит аромат цветов [от них] на много фарсахов»,

благодаря насаждениям показались исполненные содержания бейты, посвященные разнообразным цветам. Вернемся к нашему основному

[1167] Аллюзия на предания о пророке Сулеймане (Соломоне), владевшем языком зверей и птиц.

[1168] Ирам Зат ал-'Имад (араб. «многоколонный Ирам») – упомянутое в Коране древнее сооружение, которое существовало в Южной Аравии и было уничтожено Аллахом.

вопросу (нарджи‘у ила сададина). Он назначил для приглашения Селим-Гирай-хана из деревни Кады (Кадыкёй – примеч. пер.), и когда на третий день [месяца] сафар тысяча сто четвертого [года] (14 октября 1692 г. – примеч. пер.) состоялось его торжественное и удачное прибытие в Эдирне, было устроено по старинному обычаю торжество, и он остановился во дворце Кара-Мустафа-паши, который был приготовлен для встречи и устлан особыми коврами. В счастливый десятый день указанного месяца (21 октября 1692 г. – примеч. пер.) он прибыл на собрание покровительствующего миру падишаха, был облачен в почетные ханские одеяния, а находившиеся при нем крымские эмиры были удостоены роскошных одежд в соответствии с их степенями. Его благородные сыновья Девлет-Гирай, Гази-Гирай[1169], Токтамыш-Гирай, Каплан-Гирай[1170] и его внук Хусам-Гирай тогда не были вместе с ним, и пригласить их было велено второму мирахуру, так что на пятнадцатый день указанного месяца, в воскресенье (26 октября 1692 г. – примеч. пер.), когда они тоже прибыли в Обитель Счастья, их пригласили к падишаху, калга Девлет-Гирай был облачен в соболиные меха, а остальные султаны и их свита – в роскошные одежды, после чего пресловутому хану понадобилось на несколько дней задержаться, и девятнадцатого дня указанного месяца, в четверг (30 октября 1692 г. – приме. Пер.), Девлет-Гирай, Гази-Гирай и Токтамыш-Гирай выдвинулись в сторону Буджака, а двадцать шестого дня (6 ноября 1692 г. – примеч. пер.) хан направил поводья отправления, пройдя в радостном и веселом [настроении несколько] дней пути, и в тот грустный день, когда он добрался до местечка под названием Исма‘ил-Гечиди (Измаил – примеч. пер.) – в [месяц] раби‘ ал-аввал указанного года (ноябрь 1692 г. – примеч. пер.) – едва поспевший саженец бытия плода его сердца Токтамыш-Гирая был заброшен порывистым ветром смерти в почву уничтожения, и когда пришла неприятная весть об этом, усердный хан, даже будучи подобным ханаанскому старцу (пророку Йа‘кубу – примеч. пер.), ухватился за чистый подол [айата] «*терпение есть благо*»[1171], не выказав никакой грусти и тоски. Однако сила ветра расставания пошатнула корень древа его спокойствия, а воздействие воздуха разлуки согнуло высокий стан его благоденствия, поколебав пальму его здоровья. [Один] из ханских наперсников, сын ‘Абд ас-

[1169] Гази-Гирай III (ум. 1709) – крымский хан, правивший в 1704–1707 гг., сын хана Селим-Гирая. Занимал пост нуррадина в 1699–1700 гг. и пост калги в 1703–1704 гг.

[1170] Каплан-Гирай I (ум. 1738) – крымский хан, правивший в 1707–1708, 1713–1715, 1730–1736 гг. Сын крымского хана Селим-Гирая I.

[1171] Коран, 12:18.

Салама-эфенди из Кафы ‘Абд ал-Халим был приятным собеседником и острословом, удостоившись в силу связей и родства по просьбе хана [государственного] поста в ранге челеби[1172], и когда он, выразив радость, с ликованием и весельем остановился в одной из деревень Буджака, ему принесли то, что у них было из еды, и когда указанный господин по привычке за трапезой клал мясо в тесто и наполнял одним куском за другим свой живот, там оказался прекрасно приготовленный жареный гусь, который является одним из самых грубых блюд, кадий с голодными глазами и пузатый падишах, в соответствии со смыслом бейта:

Kazı vü kaz u kuzı vü kız u kımız gerek

Ey müslimanlar anda bizim parçamız gerek

«Нужны [нам] конская колбаса (казы), гусь, ягненок, девушки и кумыс.

О мусульмане, нужна нам доля от этого»[1173],

пошутил: «Гусятина и ягнятина – для кадиев. Нет доли простому люду и слугам. В изысканных блюдах нет доли, полагающейся слугам. Я определю это для себя», и когда он с излишеством приступил к [поеданию] грубого утиного мяса, которое было едой в хлеву, он говорил мешавшим ему: «Здоровой корове не повредит гнилая соломинка», поедая [это мясо] сверх [меры] насыщения, и хотя в здоровье указанного [хана], определенно, не было признаков никаких болезней, через пару часов его печенью и желудком овладел странный жар,

Бейт:

Çak olurdı sine-i kuhsar tiğ-i berkden

Ra‘d-veş feryad iderdi hak bim-i garkdan

«Разрывалась грудь горной гряды от стрел молний.

Словно гром, кричала земля из страха перед утоплением»[1174],

яйцо саламандры в утробе матери еще больше застыло от сильного и опасного холода, и от остроты белизны снега и льда взор его очей пострадал, и тогда он открыл окошки дома, служившего ему местом ночлега, и закричал: «На помощь, горю!», а птица его дорогой жизни, словно

[1172] Челеби – в османской традиции титул, присваиваемый наиболее выдающимся и высокопоставленным религиозным деятелям и ученым.

[1173] Парафраз стихотворения чингизидского правителя Моголистана Юнус-хана (ум. 1487) на чагатайском тюрки, которое приводится в биографическом сочинении «Равдат ас-салатин» персидского поэта Мухаммада Фахри Хирави (ум. 1576).

[1174] Строки из сочинения «Хумаюннаме» османского поэта и каллиграфа Салихзаде Али Челеби (ум. после 1542), представляющего собой перевод одноименного персидского сочинения персидского поэта Хусайна Ва‘иза Кашифи (ум. 1504).

гусенок, опустила голову в родник небытия. Прибегаем к Аллаху от алчности и жадности (на‘узу би-Ллахи мин ал-хирс ва-т-тама‘). Короче говоря, в начале [месяца] раби‘ ал-ахир тысяча сто четвертого [года] (декабрь 1693 г. – примеч. пер.), когда пресловутый хан прибыл в Бахчисарай, являвшийся его резиденцией, он [назначил] своего старшего сына Девлет-Гирая на должность калги, поступив в соответствии с [поговоркой] «повторение есть благо» (ат-такрар хасан), и развязал кончиками пальцев [назначения на пост] нураддина узел намерения Шахин-Гирая, сына его племянника Селамет-Гирая, который был калгой, когда он в первый раз стал ханом, а затем умер; [он] то занимался охотой, то не покидал собраний [таких] умельцев из [числа] сладкозвучных музыкантов, наперсников и мастеров, как Бухури-заде ‘Итри Челеби[1175], Назим Челеби[1176], Хафиз Пост[1177], Шами Дервиш ‘Али[1178], Танбури Мехмед, Сантури ‘Али[1179] и Кемани Хусейин, в особенности, Дервиша Геды, который был выдающимся и не имевшим себе равных в беседах и рассказах, и делал каждому из них своей щедрой десницей пожертвования и подарки, помимо этого пожаловал Бухури-заде [должность] старшины рынка военнопленных в Стамбуле, Назиму Челеби – сухой плод начальника базара (пазарбашы), а Кемани и остальные сподобились в достаточной мере [своего] куска хлеба, избавившись благодаря силе рук признательного хана от необходимости лизоблюдства и освободившись от натягивания тугого железного лука бедности. Он провел ту зиму в радости и увеселении, а в [месяце] ша‘бан тысяча сто пятого [года] (март-апрель 1694 г. – примеч. пер.) с письмом [от] августейшего [падишаха] пришел главный привратник (капыджыбашы) Высочайшей Порты с инкрустированной [каменьями] саблей, каменецкими мехами, «платой на колчан» (тиркешбаха) и денежным содержанием (секбан акчеси), пригласив [хана] в поход, и когда в [месяц] рамадан указанного года (апрель-май 1694 г. – примеч. пер.) он вместе с ветроногими татарскими воинами направился к цели и после совершения намаза на Праздник Разговения (‘Ид ал-

[1175] Бухури-заде Мустафа ‘Итри (ум. 1712) – османский поэт, композитор и каллиграф, последователь суфийского ордена мевлеви.

[1176] Назым Яхья Челеби (ум. 1727) – османский поэт, музыковед и композитор, последователь суфийского ордена мевлеви.

[1177] Хафыз Пост (ум. 1694) – османский музыкант и композитор, последователь суфийского ордена хальвети.

[1178] Дервиш Али-деде, Али Ширугани (ум. 1714) – суфий, шейх суфийского ордена гюльшенийе, композитор и автор множества суфийских музыкальных произведений.

[1179] Сантури Али Уфки-бей (ум. 1675) – османский музыкант, музыковед и композитор польского происхождения.

Фитр, 26 мая 1694 г. – примеч. пер.) расстелил молитвенный коврик совещания в Ак-Кермане, [где] было принято решение выступить в направлении заблудшего Эрделя (Трансильвании – примеч. пер.), общеизвестно и достоверно, что нечестивцы по имени Пачан-оглу и Зерринoглу вместе с сотней тысяч с лишним распутных неверных дерзнули с жестокостью и суровостью осадить обитель джихада Белград, а потому потребовалось направить победоносное знамя Ахмада в те края, и прибытие к крепости султанов, которые были военачальниками передового отряда татарского войска, укрепило стены неприступной твердыни отваги стоящих на страже [границ] и вызвало разруху и страх в едва готовых разрушиться стенах сердец неверных, вслед за этим прибыло войско августейшего [государя], и из-за отсутствия у них сил для успокоения пресловутых [смутьянов], Хайзар-оглу[1180] прошел в сторону Варадина (Петроварадин – примеч. пер.), а крымскому хану было велено преследовать [его], вследствие чего проклятый табор окружил татарское войско с трех сторон, напав [на него], словно злая собака, и тогда проявленная одним из сыновей Селим[-Гирая], Девлет-Гирай-султаном, отвага придала смелости остальным, и после того, как сатанинское сборище было разгромлено острым мечом молитвы и отступило, указанному султану было велено доставить запасы из Тамешвара[1181] и Кили (Килия – примеч. пер.), и он с каким-то количеством татарских храбрецов прошел через Панчуву[1182] и после передачи указанных запасов разграбил подданных, вышедших за пределы круга подчинения падишаху, отправившись в Добресен[1183], и тогда окаянные мерзавцы, собранные Хайзар-оглу с помощью венгров, протянули руки ущерба к верховым животным и скоту, что опечалило и встревожило Девлет-Гирая, так что он сделал добычей своей сабли какое-то количество этих нечестивцев, дерзнувших [совершить] это подлое деяние, а избежавших его меча пленил, направившись [дальше] к своей цели. Когда пресловутому хану был дан приказ возвращаться в Крым, вслед за этим приехал с письмом от августейшего

[1180] По-видимому, австрийский генерал-фельдвахтмейстер Матиас Шампанье, барон фон Кайзерсфельдт (ум. 1693), который был главным инженером австрийской армии, осаждавшей Белград в 1693 г.

[1181] Тамешвар (совр. Тимишоара) – главный город исторической области Банат, на крайнем западе современной Румынии, у границы с Сербией.

[1182] Панчево – город в современной автономии Войводина на севере Сербии.

[1183] Дебрецен – город на востоке Венгрии.

[падишаха] «пешкир-агасы»[1184], пригласив его [явиться] к августейшему [государю], и когда он, в соответствии с повелением, прибыл в Эдирне, то несколько дней находился на пиршестве совещаний, а потом получил разрешение вернуться [назад], и когда он добрался до области Крым, то, даже не присев отдохнуть, снарядил, как ему было велено, ведущее к победе воинство, а двадцать восьмого дня [месяца] шаввал тысяча сто пятого [года] (22 июня 1694 г. – примеч. пер.) выехал из Бахчисарая и пятнадцатого дня [месяца] зу-л-ка'да (8 июля 1694 г. – примеч. пер.) остановился на постой в местечке под названием Чит-Чаган[1185], повелев Каплан-Гирай-султану и главному казначею (хазинедар-башы) Мардан-'Али-аге навести в тех краях порядок вместе с беком кабардинских черкесов Каргуком[1186]. Когда хан, пройдя [несколько] стоянок, добрался до местечка Саллык, [расположенного] на другом берегу реки Березен[1187], Ибрахим Йазыджы доплыл на корабле, который называется «шаваил», до Джан-Кермана и попал по велению судьбы вместе с двадцатью семью своими людьми в плен к днепровским казакам, и весть об этом расстроила упомянутого хана. Когда в последний день [месяца] зу-л-ка'да (23 июля 1694 г. – примеч. пер.) они остановились на привал в местечке под названием Джанбеки, расположенном в юрте[1188] [племени] Орак поблизости с рекой Бурут (Прут – примеч. пер.), с наступлением вечера сераскер Мустафа-паша[1189] провел церемонию поздравления его с прибытием и несколько часов уделил беседе [и] общению, а затем направил поводья к возвращению. В [месяц] зу-л-хиджа указанного года (июль 1694 г. – примеч. пер.), когда он выдвинулся и упомянутого места и поставил белый шатер отдохновения в местечке под названием Кара-Йылга (Черная Долина – примеч. пер.), пресловутый сераскер пригласил указанного хана увеличить дорожный припас побратимства, во-первых, расстелил индийский ковер под среброколонным навесом дружбы и

[1184] Пешкир агасы – В Османской империи должностное лицо, подававшее султану полотенце после мытья рук.

[1185] Чит-Чаган (Читки-Чагань) – поселение на черноморском побережье в районе современного города Скадовск на юге Херсонской области.

[1186] Кургоко Атажукин (ум. 1709–1710) – старший князь (вали) Кабарды (ок. 1695–1709/1710).

[1187] Березань – река, впадающая в Березанский лиман Чёрного моря, на территории современной Николаевской области Украины.

[1188] Юрт – становище, ставка.

[1189] Бозоклу Мустафа-паша (ум. 1698) – османский государственный деятель, занимавший в 1693–1694 гг. пост великого визиря Османской империи и главнокомандующего султанской армии.

поднес угощение, а во-вторых, подарил быстроногого коня с инкрустированным [драгоценными каменьями] седлом, украшенного золотой уздой, оказав [ему тем самым] чрезвычайное почтение. На следующий день на берегу реки Бурут (Прут – примеч. пер.) он положил парчовый молельный коврик покоя и одного за другим пересчитал веселыми очами осторожности находившихся с ним татарских воинов, после чего перешел указанную реку и в течение двух дней, пока они отдыхали в местечке под названием Гёльбашы[1190], расположенном на другом берегу реки, [ожидая] переправки грузов, велел [одному] из своих благородных сыновей, сыну ‘Азамат-Гирая, Хусам-Гирай-султану, как сераскеру докладывать о делах ногайского народа, проживавшего в краях Буджака. Он благодаря поспешности за один день перешел через переправы [через] Барлан и Сарт[1191] с огромным воинством, и, когда восьмого дня месяца зу-л-хиджа (31 июля 1694 г. – примеч. пер.) он вышел к берегу речки Калманса[1192], победоносное войско пришло на час раньше, с садразамом прибыл благородный рескрипт, содержавший любезность и обещание обретения царственного пожалования за служение религии, Высокому Государству и достижение довольства августейшего [государя], так что он в силу подчинения и покорности повелению тогдашнего халифа, подобно орлу Сулеймана[1193], без передышки и отдыха поспешил [к нему], и во время переправы через реку Джалу[1194] от покорившего вселенную [и] восседавшего в вышине падишаха, который был волей Дающего пропитание жителям мира, для татарского войска пришли выделенные по заведенному обычаю запасы, [достаточны для] поддержания жизни, так что потребовалась остановка для [их] распределения, и он раздал каждому по тридцать окк (вукыйе)[1195] недоспелой пшеницы и по четыре окки хлебцев (пексимат), и когда аскетичные татарские газии заполучили в качестве редкостного угощения по крынке без масла, и на десятый день указанного месяца (2 августа 1694 г. – примеч. пер.), во вторник, ханское войско расположилось лагерем на берегу реки Туна (Дунай – примеч.

[1190] В районе села Колибашь на берегу Прута в Кагульском районе Молдавии.

[1191] Сирет – левый приток Дуная (на территории Румынии). Бырлад (в тексте Барлан) – левый приток реки Сирет.

[1192] Кэлмэцуй – левый приток реки Сирет (в Румынии).

[1193] Согласно мусульманским преданиям иудейского происхождения (исра’илийат), пророка Сулеймана (Соломона) всегда сопровождал орёл, который неукоснительно выполнял его приказы.

[1194] Яломица – река в Румынии, левый приток Дуная.

[1195] Вакыйе (вукыйе) – мера веса, равная в Стамбуле 400 дирхемам или 1,282 кг.

пер.), от высокочтимого садразама вместе с одним доверенным человеком из числа их собственных вельмож (ага) пришло письмо повелительного тона с [таким же] содержанием, как и у ранее упомянутого августейшего рескрипта, указанный хан привязал поводья отправления к колонне воли Могущественного Господа, чтобы за тридцать дней присоединиться к триумфальному воинству. Из-за выхода из берегов реки Олты[1196], разрушения и неисправности построенного через нее моста во время переправы возникло затруднение, так что он с тысячекратными хлопотами перешел на другой берег реки и на двадцатый день указанного месяца, в воскресенье (12 августа 1694 г. – примеч. пер.), когда он поставил шатер покоя перед Вудином[1197], на берегу реки Туна (Дунай – примеч. пер.), комендант указанной крепости пригласил пресловутого хана, и тот вместе с пятью-десятью людьми из [числа] своих подданных привели в движение ноги ответа [на приглашение], а когда эмиры с голодными глазами остались без остатков пищи, хлеба и кусков костей, это вызвало в них волнение из-за собачьего голода, и они стали мутить раздражением реку нрава чистосердечного хана, пуская неприятную [на вкус] воду, не содержавшую возражения, говоря [лишь] о том, что тот перешел реку прежде татарского войска. В первый день заповедного [месяца] мухаррам тысяча сто шестого [года] (22 августа 1694 г. – примеч. пер.), в воскресенье, чтобы защититься и уберечься от змей и муравьев проклятых гайдуков[1198], сидевших в засаде и скрывавшихся в пещерах и долине у прохода через Балканские [горы у] Тимука[1199], Са‘адет-Гирай[1200] и Гази-Гирай вместе с несколькими секбанами положили коврики промедления в трех страшных и узких местах горной теснины. Когда хан переправил в целости и сохранности грузы и поклажи, прибыв в указанное место под названием «холм Палав» (Палав тепеси), из-за вялости и медлительности Са‘адет-Гирай-султана знавшиеся с шайтанами

[1196] Олт – левый приток Дуная, одна из главных рек Румынии.

[1197] Видин – город на правом берегу реки Дунай, на крайнем северо-западе современной Болгарии на границе с Румынией. В XV–XVIII вв. являлся центром санджака и важным опорным пунктом османского владычества на Балканах.

[1198] Гайдуки – вооруженные крестьяне на Балканах, занимавшиеся грабежом представителей османской администрации.

[1199] Имеется в виду участок Балканских гор (горной системы Стара-Планина) у устья реки Тимок, правого притока Дуная, на границе современных Болгарии и Сербии, который позволяет пройти к Белграду в обход узкой теснины Железные Ворота (на границе Сербии и Румынии).

[1200] Са‘адет-Гирай IV (ум. 1732) – крымский хан, правивший в 1717–1724 гг. Сын хана Селим-Гирая I. Занимал пост калги в 1699–1703 и 1708–1709 гг.

воры овладели отставшими на страшной и узкой горной дороге солдатами, а когда те замарали клинки своих острых сабель кровью мятежного врага, несколько мусульман, исчерпавших [отведенный им] удел жизни, в качестве расплаты за кровавый Палав бились в лихорадке беспокойства и бедствия из-за пули отравленного ядом ружья и сделали глоток шербета мученической смерти, и в это время вероломные ногайские негодяи, направившиеся в степь интриг и подстрекательства, которые от скуки и смущения, не соблюдая предписания ислама, заявили о своей принадлежности к мусульманам в соответствии со смыслом благородного [айата] «*Они сказали: «Воистину, мы нашли своих отцов на этом пути*»[1201], стали поджидать и искать возможности, чтобы разграбить имущество единобожников и нанести урон собранию ведущих джихад, протянув руку ущерба и проклятых деяний и став сообщниками врагов религии. Они получат то, чего заслуживают (‘алайхим ма йастахиккун). Шестого [числа] указанного месяца, в пятницу (27 августа 1694 г. – примеч. пер.), когда стало известно, что хан со всем татарским войском прибыл к победоносному воинству, по обыкновению, полки построились, их встречали староста садразама и государственные мужи, и после того, как они с великолепием и пышностью немного посидели под навесом садразама, плечи достоинства хана и султанов были украшены соболиными мехами, а затем они прошли в Земунскую степь[1202], и на следующий день садразам тоже вышел в указанную степь и остановился для оказания почестей в ханском шатре, во-первых, усладив его сахарной розой любви, положенной на блюдце приязни из чистейшего фарфора, а во-вторых, угостив его бодрящим кофе в расписанной цветами и диковинным образом инкрустированной чашке из рук благовоспитанных смуглых отроков с подобными бутонам устами в соответствии со смыслом стихотворения:

نقل الاراك بان خمرة ريقه
من قهوة مزجت بماء الكوثر
صدق الاراك بما رواه فانّه
يرويه نصا من صحاح الجوهر

«Рассказало [дерево] сивак, что кофе есть слюна его,
Кофе смешалось с водой [источника] Каусар.
Не обмануло оно, рассказав об этом, потому что

[1201] Коран, 43:22.

[1202] Земун-Поле – одно из исторических предместий Белграда, в настоящее время района Белграда в его северо-западной части.

Рассказанное им взято из «Сихах [ал-луга]» ал-Джаухари[1203]»[1204],

и до самого вечера ведя [с ним] горячие беседы, а потом, после расстилания скатерти с угощениями, когда чавуши с серебряными локонами ударили колотушками по барабану отправления в путь, садразам своей щедрой десницей стал рассыпать перед отроками из ханского гарема золото благоволения, а хан, в свою очередь, пожаловал ему легко гарцевавшего по долинам Крыма скакуна, украшенного инкрустированным [каменьями] седлом, и белокожего невольника черкесских кровей, упрочив [тем самым] основы любви. Чтобы защитить от мошенников и расхитителей такие дорогие грузы, как посуда для кухни и амбаров, хан и всё татарское войско спрятали [их] в глубокой пещере сокрытия, вырытой десницей могущества Господнего в горе, расположенной поблизости от Белграда, и все победоносное воинство поставило шатры и палатки на берегу реки Туна (Дунай – примеч. пер.) неподалеку от Варадина, и поскольку в тот день эмир племени Мансур Хан-Тимир-мурза, сын Кабабека, получил приказ взять языка, он, подобно лазутчику вращающегося небосвода, обошел все четыре стороны света, схватив и доставив трех неверных, и когда на допросе стало ясно, что цесарь немцев (австрийский император – примеч. пер.) сделал все приготовления и приложил усилия и старания, подготовившись к битве, то, в соответствие с возвышенной сунной Лучшего из Людей (пророка Мухаммада – примеч. пер.), они обратились за знамением к прекрасной [для] совещания книге (Корану – примеч. пер.), так что понадобилось направиться к крепости Варадин, вследствие чего двадцать первого дня заповедного [месяца] мухаррам тысяча сто шестого [года], в четверг (11 сентябрь 1694 г. – примеч. пер.), они занялись рытьем ловушек вокруг крепости, и громогласные звуки от мушкетов и пушек, стрелявших в вечернее время со стороны врагов религии, вызвали страх в войске единобожников, так что – не приведи Всевышний Аллах! – проявились признаки разгрома и бегства, и тогда отважный хан расстелил молитвенный коврик стойкости и непоколебимости, что придало смелости и храбрости остальным, и со старанием и усердием, по обыкновению, были вырыты ловушки, а на следующий день калге-султану было велено вместе с некоторым числом татарских храбрецов [выполнить] поручение по нанесению ущерба табору

[1203] Абу Наср Исма‘ил ибн Хаммад аль-Джаухари (ум. до 1009) – арабский филолог и лексикограф тюркского происхождения, прославившийся своим знаменитым словарем «Тадж ал-луга» (известен также как «Ас-Сихах фи-л-луга»).

[1204] Строки принадлежат арабскому поэту, литературоведу и историку тюркского происхождения Салах ад-дину ас-Сафади (ум. 1363) из Палестины.

неверных. Когда нападение всего их сообщества из какого-то места [достигло] степени необходимости, они не только побежали в одну сторону по причине разобщения сердец, но и по велению Единого и Всемогущего [Господа] стало невозможно передвижение скота из-за выпавшего снега и дождя, так что, когда они удовлетворились захватом в качестве добычи малоценных вещей вроде лошадей и мулов на краю табора и вернулись назад, склонные к интригам неверные разузнали о разобщенности войска и вместе с семью с лишним тысячами латников, подобно стаду свиней, стали преследовать их и догнали татарское войско, [но] у них не было каких-либо сил для применения военных орудий, и когда они направились в долину бегства, те из них, у кого были тощие лошади, и коим было суждено умереть, понадеявшись, что они усладят свои рты сладким сахаром трофеев, испили яду бедствия и боли из наполненного до краев смертью кубка. Когда приблизилась зимняя пора, по какой-то причине не было покоя от обилия несвоевременно шедших дождей, в первые [дни] благого [месяца] сафар (конец сентября 1694 г. – примеч. пер.) они выбрались из засадных ям и с тысячекратными невзгодами взошли на вершину кручи безопасности. О положении султанов и войска, которым было велено захватить военные трофеи и изучить обстановку у неверных, не было известно ничего, что привело к огорчению и беспокойству другого рода, вследствие чего [даже] то, что они в добром здравии примкнули к войску, было сочтено великой добычей. В то время из-за скопления гайдуков [из числа] немцев и подданных [падишаха] и распространения среди них заразы появилась тяжелая болезнь, поражавшая и убивавшая слуг вроде заготовщиков дров и сена и скот, так что те татары, коим было велено ханом выполнить задание по лечению указанной болезни путем пускания крови острием сабли и копья, не обладая мастерством в определении причин заболевания и устранении [его] последствий, понапрасну потратили усилия. Когда в состоянии хана возник недуг, в воздухе – холода, и у него не было сил отдыхать в шатре или палатке, ему пришлось несколько дней пожить в Белградской крепости, а поскольку не было возможности приготовить какое-либо пригодного для проживания место, он оборудовал комнаты медресе имевшейся походной посудой, расстелив в углу бедняцкого дома в силу времени и положения ковер отдохновения. Примерно в указанном году ранее упомянутый ‘Афифи-заде ‘Азиз-эфенди, [один] из великих шейхов Крыма, пожелал совершить паломничество в Благородную Мекку, сев с большим собранием из дервишей, близких и родственников на челн в пучине упования [на Аллаха] и подняв паруса небосвода терпения, а ко-

гда он прибыл в Стамбул, и стар, и млад тратили дирхемы и динары, дабы попасть под тень крыльев высоко парящей и ведающей [о тайнах] сердец сказочной птицы (хума), считая, что получение сведений о преисполненной благодати личности указанного шейха ведет к обретению счастья в двух мирах, и они проходили версту за верстой, неся чрезмерные дорожные расходы, дойдя до границ Хиджаза, так что спустя два дня после того, как он сообщил некоторым из своих близких людей: «Должно быть, в этой бесконечной пустыне упокоится в земле небытия некая бесподобная и почтенная сущность», птица его священной и исполненной откровений душ улетела к святейшему чертогу Господа величия и стала созерцать мир Божественного царства. *Да сподобит нас Аллах пользы от его священного дыхания* (наффа‘а-Ллаху би-анфаси кудсихи). За пять-десять дней до того, как названный шейх вступил в мир бытия, его прославленный родитель, достопочтенный ‘Афиф ад-дин ‘Абдаллах-эфенди, приложил десницу своего великодушия к чреву его почтенной матери и после раздумий благовествовал своим осыпающим жемчугом языком, служившим местопребыванием веры в единство Господа: «О беременная, несущая плод потомства Ахмадова (пророка Мухаммада – примеч. пер.), когда мы приблизились к вашему целомудренному ложу с [произнесением слов] «Бисми-Ллах» («Во имя Аллаха!»), которые являются ключом от Божьих сокровищ, из капли воды, упавшей в ваше пречистое лоно, по промыслу Всемогущего Господа, прохладой очей наших станет один великий [среди] сверстников, чье имя будет соответствовать своему носителю», а на седьмой день после его рождения, когда он приступил к [выплате] процентов с выкупа за жертвенное животное (‘акика) [по случая рождения ребенка], он притронулся платком к привлекательному лицу благонравного ребенка, чтобы уберечь его от пыли, отец и мать наблюдали, как он с самого начала стал разговаривать словами величия, [произнеся] из-под покрывала сокрытия:

Мисра‘

Kamil olurmuş ehl-i hakk doğmazdan evvel annesi

«Совершенной была мать его до того, как родился последователь истины»[1205],

и тогда они возликовали и обрадовались, назвав своего счастливого отпрыска именем ‘Абд ал-‘Азиз (Хакикизаде ‘Абд ал-‘Азиз ‘Иззи-эфенди – примеч. пер.). Когда благословенное бытие достопочтенного

[1205] Строки принадлежат ‘Азизу Махмуду Хюдаи (ум. 1628), анатолийскому суфию и поэту, основателю новой ветви ордена хальвети – джельветийе.

шейха ‘Афиф ад-дина-эфенди утонуло в море милости и близости [к Аллаху], та единичная жемчужина в раковине великодушия все еще являла пиршество юности, расходуя силы и терпение на приобретение внешних знаний, а когда возраст [этого] благородного [шейха] дошел до сорока, он отрешился от преподавания и учебы, сочетав смысл [слов] «*Официальное знание подобно капле презренной: не исцеляет ни одного больного и не утоляет ни одного жаждущего*» со смыслом [пословицы] «*Поскольку летним является дождь, не исцеляет он больного и не утоляет жаждущего*», возжелав пойти в услужение пиру тариката, сидевшему на шкуре наставления в обители, дабы заняться совершенствованием привыкшего к непокорности нафса и очищением отражающего мир зерцала сердца, что было наследием его отцов и дедов, и на корабле любви [и] приязни [поплыл] с поднятыми парусами воодушевления в Стамбул, а когда он вышел из порта Кафы, то предопределение погнало и направило их к Синопу, и к нему пришел некий дервиш от шейха Ахмеда Синоби[1206], который в то время занимался воспитанием дервишей, и пригласил дорогого гостя [к нему], а когда тот рассказал о том, что ему было велено [заниматься] воспитанием и наставлением, они не стали отменять поездку и три раза отправлялись в Стамбул, [но] из-за сильного и порывистого ветра едва не затонули, бросив якорь в бухте указанной крепости. В третий раз он узрел в вещем сне, что его наставником и поводырем является указанный шейх, и когда повесил на шею усердия цепь послушания и покорности, тот, в свою очередь, десницей великодушия взял его за руку [для] направления [по прямому пути], поручив обучение методу [поминания] Имен [Аллаха одному] из своих факиров[1207] Каййуму Деде, после чего он вместе с указанным [дервишем] вернулся на свою изначальную родину. По велению достигшего совершенства шейха и благодаря его щедрости совершенный дервиш сжег в тигеле аскезы и усердия с помощью сильнодействующего огня Имен Аллаха скверну того, что [занимало его], помимо Аллаха (масива), отделил золото подготовленного к благодеяниям сердца от меди порицаемых моральных качеств и исправил [их], после чего он украсил его счастливую голову венцом удачи [получения] наместничества и сделал его настоятелем (пост-нишин) в обители его славного родителя. Достопочтенный шейх в силу врожденного таланта очень скоро достиг конечно-

[1206] Ахмед Синоби (XVII в.) – малоизвестный шейх ордена джельветийе, живший в Синопе.

[1207] Факир (араб. «бедняк») – одно из принятых в суфизме названий дервиша или послушника суфийской обители.

го места назначения, а невежды и [простой] люд были неспособны и бессильны понять неподражаемые по своему красноречию слова о единобожии и прославлении [Аллаха], произнесенные им в то время, когда он пылал в огне любви и приязни, и из-за неведения о [смысле] его приятных сердцу выражений они по своему невежественном обычаю огорчали его руганью, возмущением и бранными словами. Его суть и состояния до сих пор общеизвестны среди жителей той местности и не нуждаются в пояснении. Когда в винном погребе чистого по природе сердца этого заглавия книги тариката и указателя к компендиуму мудрости забурлило вино его скрытых тайн [от] Самодостаточного [Аллаха], он в соответствии со сказанным [в хадисе] «*Поистине, в поэзии есть мудрость*» (инна мин аш-ши‘ри хикматун), поставил кувшин изречений, благодаря чему несколько исполненных смысла бейтов из приятной на вкус живительной воды его стихов, сломивших [их] сердитость и уравновесивших их темперамент и настроение, были перенесены на страницы написания ради получения [от них] благодати. И успех – от [Аллаха].

Илахи[1208]:

Eya salik olan rah-ı Hüda’ya
İdüp ifna vücuduñ ir safaya
Sülukinde safa vü zevki olmaz
Şu kim meyl eyleye nakş-ı fenaya
Şerab-ı şevk ile sir-ab olmaz
İrişmezse zülal-i vasl-ı yara
Bu İzzi kulıñı azad eyle
Eya alim olan esrar-ı raza
«О следующий по пути к Богу,
Уничтожь свое бытие, достигни чистоты.
Не будет в поведении радости и удовольствия
У того, кто склоняется к узору бренности.
Не напоится [он] вином страсти,
Если не доберется до прозрачной [воды] соединения с другом.
Освободи этого раба своего ‘Иззи[1209],
О сведущий о тайнах сокровенных!»
Также ему принадлежит:
Küntü kenz esrarını seyrana düşdi göñlümüz
Sırr içinde sırr olan sultana düşdi göñlümüz

[1208] Илахи (араб. «Божественный») – жанр религиозной поэзии в Осмнской империи.
[1209] Поэтический псевдоним автора.

Suret-i alem zılal-i za'il oldığın bilüp
Ol beka mülkündeki sultana düşdi göñlümüz
Teşne-leb vadi-i hayretde gezerken sade-dil
Lima'Allah hamrı ile kana düşdi göñlümüz
Dil hüması saye saldı çünki her bir menzile
Zıll-i arşu'llah ile zıllana düşdi göñlümüz
İzziya dilde olan gevherleri nazm eyleyüp
Dürr içinde muntazam dürdane düşdi göñlümüz

«Приступила душа наша к созерцанию тайн [слов] «*Я был [скрытым] сокровищем*…»[1210]

Прибегла душа наша к султану, который был тайной в тайне[1211].

Узнав о том, что форма [этого] мира [состоит] из теней преходящих,

Припала душа наша к султану, находящемуся в той стране вечности.

Простодушно блуждая с иссохшими губами по долине смятения,
Напилась душа наша вином «*Со мной Аллах*» (ли-ма'а-Ллах).
Поскольку отбросила тень на каждый дом волшебная птица сердца,
Оказалась душа наша в тени Престола Божьего.
О 'Иззи, нанизав заключенные в сердце жемчужины,
Упала душа наша, [словно] нанизанная на жемчуг жемчужина».

Ему также принадлежит:

Kendimi kendim ile kendim perişan eyledüm
Aldanup zahid sözine ğayr-ı izan eyledüm
Eyleyüp hadi hidayet çünki geldüm kendime
Kendimi kendimle bilüp hake yeksan eyledüm
Kendimi saldıkça hake izdiyad oldı ziyad
Soñra kesretden geçüp ben kesb-i irfan eyledüm
Dil hüması sayd-ı dildara derunı azm idüp
Dam-ı tevhid içre kendim arz-ı canan eyledüm
Kendimi izzet bilüp kendi vücudum yokluğun
Dam u daneden geçüp kendimi sultan eyledüm
Kendüñe kendüñ gerekse böyle gör sen kendiñi
Men aref sırrını zahid keşf ü ilan eyledüm
Çünki geldim İzziya kendüme bildüm kendimi

[1210] Цитата из знаменитого хадиса-кудси, то есть высказывания пророка Мухаммада, в котором он приводит прямую речь Аллаха без отсылки к Священному Корану.

[1211] «Тайна» (сирр) и «тайна тайны» (сирр ас-сирр) – разные уровни продвижения души в мистическом постижении истины согласно учению суфиев.

Kendi derdüme yine kendimle derman eyledüm
«Смутил я сам себя самим собою,
Обманувшись словами аскета, не проявил покорности.
Наставил [на прямой путь] Наставляющий, ибо пришел я в себя,
Сам себя познав, сравнял себя я с землей.
Когда бросил я себя наземь, преумножилось многое,
Затем преодолел я множество, приобретя мистическое знание (‘ирфан).
Волшебная птица сердца набралась в душе решимости поймать обладателя сердца.
Находясь в силках единобожия, сам я [в себе] явил Возлюбленного.
Сочтя себя величием, небытие своего бытия,
Пройдя через силки и приманку, себя я султаном сделал.
Если тебе нужен ты сам, узри себя таким.
Тайну [слов] «*Кто познал…*»[1212] аскету я раскрыл и сообщил.
Поскольку пришел я, о ‘Иззи, к самому себе, познал я себя,
Свою болезнь снова самим собой исцелил».

О том, как Шахбаз-Гирай[1213] стал сераскером ногайского народа и потерпел поражение от поляков, [а потом] вновь добился победы над указанным народом с помощью Всепрощающего Господа, а также о хороших и плохих событиях, случившихся в тот счастливый год

По словам сочинителей рассказов о древних временах и хронистов, пишущих о [деяниях] многострадальной судьбы, высокий кипарис в саду отваги Шахбаз-Гирай-султан, поднявший голову из первого плода мощного древа чистого [и] благодатного семени Селим-Гирай-хана, в потешной драке из-за игры судьбы проявил формальное отстранение от своего прославленного родителя и с помощью шахматной комбинации благоразумия и рассудительности вроде сохранения [фигуры] короля высокого чина перенес тяготы похода, направив поводья путешествия в сторону кумыкских и черкесских краев, бывших ристалищем для коней просьбы о покровительстве. Души разъяренного слона соперников за пост были отняты проворным движением, так что доброжелательные учителя на собрании государя мира были лишены сил поступить вопреки тому, чему учили, сделав ход пешкой для поражения Селим[-Гирая] и

[1212] Знаменитый хадис: «Кто познал самого себя, тот познал своего Господа».
[1213] Шахбаз-Гирай (ум. 1699) – крымский царевич, сын Селим-Гирая I. Занимал пост сераскера Кубани в 1692–1699 гг. и пост калги в 1699 г.

победы над врагами, а указанный султан примерно в тысяча сто пятом году (1693–1694 гг. – примеч. пер.) вернулся в Крым и, желая в последующем присоединиться к военному лагерю хана, прибыл в Ак-Керман, что совпало по времени с тем, что [один] из ханских внуков Хусам-Гирай вместе с Мустафа-пашой (Бозоклу Мустафа-паша – примеч. пер.) приготовился доставить запасы [провизии] в крепость Каманиче (Каменец-Подольский – примеч. пер.), указанный султан проявил охоту в выполнении упомянутого задания, а поскольку он был родным сыном хана и старше Хусам-Гирая, отказать и помешать ему было невозможно, и в начале тысяча сто шестого года (осень 1694 г. – примеч. пер.) он стал военачальником существовавшего само по себе войска, и когда он направился в указанном направлении, многие люди из торговых сословий благодаря безопасности его надежного пути составили ему компанию, а в полночь, когда они положили головы на подушку беспечности и погрузились в сон вялости в узком переходе, который они называли Каменецкой тесниной (Каманиче богазы)[1214], на них внезапно напали легковооруженные неверные-поляки в количестве пяти тысяч [человек], протянув руки ущерба к имуществу торговцев и товарам из [их] бесчисленных запасов, даже несчастные ногайцы проявили искусность в грабежах, нанеся неверным значительный урон. Указанный султан слез с блистательного скакуна победы, взнузданного отвагой, и сел на тихую лошадку поражения с переломанными ногами в углу тоски и печали в области Буджак, и когда прискорбная весть об этом достигла ушей благодетелей, они не стали бросать огонь страданий и кары из камнеметательной катапульты запрета на речь, передав появление мрачной физиономии поражения перу предопределения Всемогущего Господа. В ту пору наглый пес из числа украинских неверных по имени Пани[1215], бывший подданным московского царя, вместе с десятью тысячами проклятых [нечестивцев] перешел реку Турла (Днестр – примеч. пер.) через переправу в Майак-‘Азизе[1216], пограбив крепостцу Йаныk[1217] и Кызылбека-

[1214] Участок Днестровского каньона в Каменец-Подольском районе Хмельницкой области Украины. Битва состоялась 6 октября 1694 г. возле переправы через Днестр в районе села Устечко.

[1215] Вероятно, Семен Палий (ум. 1710), один из лидеров запорожского казачества, который совместно с левобережными казаками боролся против Османской империи и Крымского ханства с целью присоединения Правобережной Украины к Войску Запорожскому.

[1216] В районе современного села Маяки на левом берегу реки Днестр (в Одесском районе Одесской области Украины), где имелась османская крепость, мечеть и мавзолей суфийского святого Мияк-Баба-Султан.

ры[1218], а в ханской зимней ставке взял в плен [одного] из членов собрания Селим[-Гирая] и наперсников его просвещенного пиршества Дервиша Хусейина, заставив чуждого показному благочестию дервиша, сторонящегося и стыдящегося того, чтобы наступить на циновку страданий, и сластолюбцев с разбитыми сердцами до самого утра скакать, подобно шагающим по углям абдалам, в совершенно голом виде с веревкой на шее, а когда свора хищных собак остановилась в каком-то местечке, чтобы поесть и выпить, обессилевший и немощный дервиш стал искать повода для внезапной смерти [и обретения] вечной жизни, а также своей гибели [от их рук], закричал со своего места громким голосом: «Кто ваш военачальник? У меня есть для него полезные слова», и тогда они в надежде [извлечь] выгоду и [получить] доход отвели его к безбожному и неверному скорпиону, а когда он, зная о том, что указанный неверный владел турецким языком, раскрыл рот для брани, [осыпав его] разного рода руганью и сквернословиями, вытерпеть которые не [представлялось] возможным, [тот] сказал: «Смотри-ка, турок, если ты хочешь подставить задницу под пинок моего гнева, пасть на землю гибели и избавить себя от тягот ходьбы пешком, ткнув клювом ругательств и раздражения в бок моего вспыльчивого нрава, то у тебя нет [никакой другой] возможности, кроме как читать касыды с восхвалениями и славословиями в моем присутствии и отсутствии. Если тебя убить и казнить, это принесет пользу врагу. Однако, если я обменяю [тебя] на золото чистой пробы, это будет моим имуществом, которое я приобрел ценой пота и крови», после чего обменял его на жирное мясо, водку и вино, какое-то время предаваясь веселью и кутежу и протянув ноги [для] отдыха на ложе веселья, и когда он проявил радушие, сказав: «Приятель, я веселюсь и общаюсь со свиньями, а ты похож на благовоспитанного и понимающего человека. Пусть тебя дальше посадят на какую-нибудь арбу, больше не мучают и не обижают», и когда нечестивый неверный, принявший указанного [дервиша], стал обыскивать его карманы и одежду, жажда [найти] золото, серебро или редкостные подарки, его злополучная рука наткнулась на коробочку с опиумом, которая была капиталом и вечной жизнью дервиша, обладавшего изящными манерами и обширными познаниями, так что лишенный вкуса казак расстроился и опечалился из-за того, что всё вышло вопреки его ожиданиям, и, не прислушавшись к его

[1217] Яник-Хисар – османская крепость в районе современного населенного пункта Паланка в Штефан-Водском районе Молдавии.

[1218] Кызыл-Пынар, османское поселение в районе современного села Казацкое (Гуророша) в Белгород-Днестровском районе Одесской области Украины.

просьбе вернуть ему [эту коробочку] обратно, со словами «Всего-то [какой-то] гашиш, средством его удовольствия и веселья является какая-то презренная вещь» выбросил ее в поле, порадовавшись и позабавившись его смешным словам: «Обескуражил [он] и привел в смятение этого несчастного», и он наделил его карахисарскими товарами[1219] (опиумом – примеч. пер.), хранившимися в его кожаной сумке и торбе для лечения [от болезней], одарив испившего змеиного яда разлуки противоядием и обеспечив ему жизнь, и не прошло много времени, как Селим-Гирай-хан обменял на него пару военнопленных, избавив его от пут бедствия и невзгод, после чего во время шуток и насмешек прибавлял [к своим словам] рассказ об облегчении после тяжести[1220]. В [месяце] раби‘ ал-ахир указанного года, то есть тысяча сто шестого (ноябрь-декабрь 1694 г. – примеч. пер.), когда Селим-Гирай-хана пригласили из городка Русджук[1221], где он проживал, в Эдирне, он привел в движение стремя ответа [на приглашение], и когда он вскорости добрался до места назначения, то многократно выстраивал вместе с обладателями разума и рассудительности неподвластный обветшанию фундамент совещания в присутствии покровительствующего миру падишаха и на собрании его садразама. В ту пору калга-султан со всем крымским войском некоторое время сидел в углу [своего] зимовья в Буджаке, отчего они возжелали узреть лица своих жен и чад, и он до краев наполнил карманы и пазухи их просьб о позволении вернуться звонкой монетой разрешения. Поскольку получение Селим-Гирай-ханом приказа о снаряжении войска и подготовке путевых припасов пришлось на время зимней стужи, а цепи снега и дождя сковали ноги скорости [продвижения], в начале месяца джумади ал-аввал (вторая половина декабря 1694 г. – примеч. пер.) с тысячекратными затруднениями он добрался до окрестностей Ак-Кермана, который был острием пределов его владений, и несколько дней восседал, скрестив ноги, на ложе отдохновения. В те дни карманы и кошельки чаяний произносящих мольбы искусников из числа избранных наперсников, не имевших доли от благ пребывания с ним, опустели от дирхе-

[1219] Город Карахисар (совр. Афьон-Карахисар) в Малой Азии славился в тот период производством опиума, который потреблялся в основном с медицинскими целями.

[1220] Аллюзия на название сочинения арабского историка и литературоведа «Ал-Фарадж ба‘д аш-шидда» Абу ‘Али ал-Мухассина ат-Танухи (ум. 994) об испытаниях на пути к счастью, которая была переведена в XVII в. на османский язык.

[1221] Русджук (Рущук, совр. Русе) – город на правому берегу Дуная на севере современной Болгарии.

мов и динаров, и когда домом Абу-д-Дарды[1222] их сердец овладела армия банкротства и тоски, дервиш Шами (Дервиш ‘Али-деде – примеч. пер.), обладающий прославленной степенью, поступил в соответствии со словами:

Кит‘а:

Cuy-ı eşküm bad-ı serd-i ah ile yah-bestedür
Gel ubur eyle şeha hicrüñle alem hastedür
Rastdur Uşşak dirsüñ çar-ebrusın görüp
Bir murabba‘dır makam-ı Buselikde bestedür

«Река слез моих заледенела от холодного ветра вздоха [сожаления].
Давай же, о шах, перейди [её]! От расставания с тобой мир утомлен.
Ты говоришь: «Правы влюбленные» (тж. «‘Ушшак – это Раст[1223]» – примеч. пер.), завидев отрока с пушком на губе.
[Это] Мурабба‘[1224], бесте[1225] в макаме[1226] Бусалик[1227]»,
напевая мелодию:

‘Арабийа:

عجل علی فعندی سبعة کملت
و لیس فیها من اللذات اعواز
طار و طبل و طنبور و طاس طلا
و طفله و طباهیج و طناز

«Поторопись, ибо у меня есть семь [вещей, которые] достигли совершенства,
И нет среди них удовольствий необходимых.
[Это] тар[1228], барабан (табл), тамбур, позолоченный тазик,
Девочка, жаркое (табахидж) и шутник»[1229],

донеся голос их благозвучной [и] редкостной по манере мольбы до купола небес. В конце месяца джумади ал-ахира (середина февраля

[1222] Абу-д-Дарда ‘Уваймир ибн Малик ал-Ансари (ум. 653) – сподвижник пророка Мухаммада.
[1223] ‘Ушшак и Раст – это названия основных макамов или ладовых звукорядов классической османской музыки.
[1224] Мурабба‘ (араб. «четверной») – одна из форм классической османской музыки.
[1225] Бесте – напев или мелодия.
[1226] Макам – название ладовых звукорядов в классической музыке персов, арабов, турок и многих других народов мусульманского Востока.
[1227] Бусалик – название макама.
[1228] Тар – струнный щипковый музыкальный инструмент, распространенный на мусульманском Востоке.
[1229] Строки арабского поэта тюркского происхождения Сайф ад-дина ал-Мушидда (Ибн Кизил, ум. 1258).

1695 г. – примеч. пер.) он сделал прохладой очей [своих] собственных слуг, вытаращивших глаза в ожидании, дабы подвести сурьмой ошеломленные пылью с подножия престола очи, и сделал своим счастливым прибытием область Бахчисарая предметом зависти высших [уровней] Рая. Через пару дней из-за недуга в его состоянии здоровья, усталости и утомительных передвижений в его удачливых ногах появилась подагра, вследствие чего находившиеся при диване слуги несколько дней были лишены созерцания его лика. В ту пору Шахбаз-Гирай-султану было велено доставить остатки запасов в Каманиче, его передвижение нуждалось в оледенении реки, и он ожидал сильных холодов, [но] оледенение не было полным из-за большого количества пролившегося дождя со снегом, кроме того от обступавшего [со всех сторон] моря [образовывались] заводи, протяженность каждой из которых вела к задержке [движения], заставляя ноги прославившегося своей отвагой султана увязать в глине растерянности и безвыходного положения, и, уповая на Живого [и] Всемогущего [Господа], в тысяча сто шестом [году], в месяц раджаб, [в который] ты увидишь диковину[1230] (февраль-март 1695 г. – примеч. пер.), ратные мужи и бойцы с ожесточенными боями, якобы для доставки провизии, а на самом деле ради мести проклятым ляхам, от которых они получили рану поражения, после передачи провизии погнали коней отваги, чтобы завладеть городком Илбав (Львов – примеч. пер.) в несчастных областях, коими правил проклятый и скверный [человек], называемый ими «хатман» (гетман – примеч. пер.), который был «народным главой» (ра'ис-и джумхур), а когда они прибыли в пределы указанной [области], то повстречались с именитым боярином с восемью тысячами польских солдат, и когда они на языке острых сабель и пламени огнеметных мушкетов спросили их о том, откуда и куда они направляются, вражеское войско потерпело досадное поражение и направилось в долину бегства, и тогда великодушный султан, не бросив взгляда на звонкую монету преследования и военных трофеев, вложил ноги в стремена отправления, и во время истинного рассвета[1231] (субх-и садик) восьмого дня, предме-

[1230] Отсылка к арабской пословице доисламского происхождения «Доживи до раджаба и ты увидишь чудеса», которая объясняется традицией язычников Мекки откладывать свои молитвы (особенно просьбы о наказании обидчиков) до священного для них месяца раджаб.

[1231] «Истинное утро» (также «истинный рассвет», «второй рассвет») – это принятое у мусульманской традиции название начала астрономических сумерек (примерно за полтора часа до полного восхода солнца), которое отличали от «ложного утра» (также «ложный рассвет», «первый рассвет»), то есть зодиакального света, представляющего

стья указанной крепости, окутанной тьмой неверия и упрямства, были озарены светом прибытия верхом на пегих конях обладателей правдивости и благоразумия и привыкшего к джихаду войска, и когда они сперва полностью прочли [скрепленную] печатью победы суру «ал-Фатх» («Победа») вместе с возгласом «Аллах акбар!», которые были ключами от запертых на замок дверей желаний и намерений, [а затем] осадили и окружили их с трех сторон, сдавив [их] железными ладонями роковых стрел, украшенных пуховыми перьями волшебной птицы (хума), сам проклятый гетман сатанинской веры поднес ему, чтобы поприветствовать прибытие победоносной невесты, огненно-яркое золото, хранившееся в хранилище для пушек и мушкетов для глав дорогих гостей, вышел из крепости и поднялся на вершину холма высокомерия и надменности, чтобы оглядеть поле боя и сражения, драгоценный камень клинка татарских храбрецов засверкал и заволновался, с начала появления величайшего светила (солнца – примеч. пер.) и вплоть до времени заката сжигающего мир солнца твердо стояли посреди полярного круга [айата] «*укрепи наши стопы и помоги нам одержать победу над неверующими людьми*»[1232], единогласно и единодушно прислонившись спиной к непоколебимой башне со свинцовыми крепостными стенами [слов] «*Нет божества, кроме Аллаха*» (ла илаха илла-Ллах) в соответствии с бейтом:

Cümle evkat-ı ibadatı güruh-ı beşere
İtdi merbut Hüda saat-ı isna-aşere
«Все времена поклонения для человеческого сообщества
Привязал Господь к двенадцати часам»,

так что в полдень на третий день войны и боев всё сияние солнца победы озарило светом головы единобожников, а бесчестный гетман бросил кувшин своей чести и достоинства на землю унижения, собравшись бежать вместе с пятью-десятью пожирающими всякий мусор собаками, делившими с ним [часы] кутежей и товарищеского общения, чтобы попасть в крепость со стенами из стыда, которая была их ложем и резиденцией, и тогда шедшие пешком муравьи и змеи были растоптаны под ногами коней газиев, а какая-то их часть стала добычей для клинков смерти, так что от крови врагов степь мира стала тюльпановым лугом. Поле боя и сражения было очищено и освобождено потоком нападения корифеев военных походов и джихада от нечистот подлых врагов, после

собой слабое свечение незадолго до астрономических сумерек. Только первое считалось точкой отсчета для времени утренней молитвы и произнесения азана.

[1232] Коран, 2:250.

чего расположенные за пределами крепости дома и лавки были по татарскому обычаю сожжены огнем, а пушки и оружейные склады, которым они придавали значение, целиком достались последователям ислама. Они не направили взор охоты и устремления к захвату в качестве трофеев невольниц, невольников, золотой и серебряной посуды, которые до того времени считались прекраснейшими из приобретений среди всех мусульман, после чего были отобраны и посланы для броска в место, [расположенное] в трех днях пути дальше Илбава (Львова – примеч. пер.) те люди, у которых были для этого наилучшие кони и снаряжения, так что им удалось заполучить бесчисленное имущество, выходившее за рамки круга представления и воображения, и когда они переходили через реку Турла (Днестр – примеч. пер.) со стороны области Азладин[1233], не получилось перевезти четыре тяжелых осадных пушки, бывших украшением стен гордости и заботы непокорного гетмана, с нанесенными на них фигурами креста, которые были особенными и имели в его глазах ценность, их бросили в реку, чтобы они не попали в руки врагу, и на двадцать второй день с тех пор, как они выступили из Буджака, когда они, добившись желанной победы, прибыли в Каманиче (Каменец – примеч. пер.), почтенный боярин[1234] по имени Актанагач отправил и подарил шестерых пушкарей, две пушки и перевернутые и неудачливые знамена с мольбою:

Мисра‘:

چنین باد همیشه دشمن دین

«Да будет всегда таким враг религии»,

скрепив их печатью подтверждения и признания истинности.

О прибытии августейшего письма от прославленного падишаха

То, что в прошлом году пограничье Феррах-Кермана, Чонгара[1235], Рибата[1236] и других приграничных областей было разрушено и прорвано, оставшись без оружейных складов и гарнизонов, вероятность проникно-

[1233] Вероятно, искаженное написание турецкого названия Язловец (Yazlofça/Yazlofçe), крупного торгового поселения с замком, на месте которого сегодня находится одноименное село в Бучачском районе Тернопольской области Украины.

[1234] В Османской империи боярами (boyar) называли аристократию в России, Украине, Валахии, Молдавии и Трансильвании.

[1235] Чонгар – полуостров в северной части залива Сиваш Азовского моря, в Геническом районе Херсонской области.

[1236] Арабатская коса – узкая и длинная полоска земли в северо-восточной части Крымского полуострова, отделяющая залив Сиваш от Азовского моря (в Геническом районе Херсонской области и Ленинском районе Крыма).

вения через [эти] дыры и пробоины склонного к обману сатанинского воинства во внутренние [области] Крым, а также то обстоятельство, что благоустройство [этих] крепостей, определение [в них] османского войска и освобождение хана и калги от похода стало общей потребностью, и сообщивший об этом ʻАйни ʻАбдаллах-эфенди, обладатель проницательности из крымских улемов, который был носителем груза вверенного ему на хранение (аманат) и талантлив в искусстве верховой езды на поле слова, на коне упрашивания и требования правосудия бил челом у порога просьбы и мольбы о милосердии. Его прибытие в Эдирне пришлось на отрадное время, когда Султан Ахмед[1237] – *да озарит Аллах светом его довод!* (анара-Ллаху бурханаху) – воссел на троне, направлявшемся по пути к загробной жизни, а Султан Мустафа-хан[1238] украсил собой султанский престол, благодаря чему краткое изложение его просьбы было представлено покровителю правосудия, хотя листок с его прошениями засиял позолоченной тугрой соизволения и благоволения. Однако вследствие того, что непосредственно осуществилось взнуздание коня отваги с инкрустированным седлом украшенной драгоценным каменьями уздою блистательного искреннего намерения, а его августейшая воля зависела от нахождения по соседству с тенью от триумфального знамени хана и калги, благодаря письму августейшего [государя], содержавшего [повеление] сопроводить две указанные [персоны], голова его ликования была удостоена позолоченного тюрбана, а когда в [месяц] шаʻбан тысяча сто шестого [года] (март-апрель 1695 г. – примеч. пер.) первый мирахур Френк Осман-ага (?), который был вершиной [Божественного] руководства, положил перед взором татарского хана оставленный ему на хранение редкостный дар великолепия, вернулся Мардан-ʻАли-ага, который был отправлен от крымской знати в качестве посла в калмыцкие края, заявил о том, что московский паршивец лихо принялся исполнять свой скверный обычай нарушения договора, скрытый в его несчастной душе, а когда захваченные и привезенные главой азакских бедолаг языки обрели дар речи благодаря кнуту допроса, они также сообщили: «Куцехвостая змея неверных готовится в начале весны, в пору совокупления гадов, распылить яд зла и нечестия в сторону Азака и Крыма», так что изгибы беспокойства, проявившиеся в локонах покоя жителей Крыма, преумножились, и [он] стер и удалил губкой отказа

[1237] Ахмед II (ум. 1695) – султан Османской империи, правивший в 1691–1695 гг. Младший брат султана Мехмеда IV.

[1238] Мустафа II (ум. 1703) – султан Османской империи, правивший в 1695–1703 гг. Сын султана Мехмеда IV.

страницы их петиций, которые они заполнили черной тушью сетованья по поводу освобождения их от похода на Германию со словами: «Когда по соседству с нашей страной со всех сторон разгорается огонь интриг, отправление в другие края хозяина нашей страны, служащего источником потока храбрости, на излияние чьего благоволения мы надеемся, приведет к сожжению гумна нашего благополучия и безопасности», и лишь только написал письмо с покорнейшей просьбой о государевом благоволении, а затем направил захваченных пленных к осененному благополучием Счастливому Престолу и послал в качестве великолепного дара, приготовленного им с целью поздравления с восшествием [на престол], наложниц и невольников черкесских корней, достойных прислуживать царям, вслед за чем, когда неверные Венеции рукой насилия ввели плод острова Сакыз (Хиос[1239] – примеч. пер.) в пасть овладения, комендант крепости, Хасан-паша, коему было велено вращать жернов людских дел своей безосновательной и ложной славой, [оставаясь] с сонными глазами и раскрытым ртом, позволил вырвать из рук его распоряжения беспримерный остров, подобный семени мастикового [дерева] и алмазу, за что на его внушительную шею был повешен тяжкий груз дров попустительства и халатности, и он был устрашен и унижен тем, что какое-то время был заключен в темницу Капыарасы[1240]. Бечева усердия Селим-Гирай-хана, протянувшаяся к [самому] дну его просьбы, вытянула его из узкого колодца неудачи, а его приготовления для того, чтобы добиться назначения на пост в Кафу, завершились тем, что в самом начале восхождения [на престол] Мустафа-хана (султана Мустафы II – примеч. пер.) он добился должности каймакама[1241]. Когда он устремился на быстроногом коне радости и веселья к Счастливому Престолу, [один] из сыновей указанного хана Са‘адет-Гирай-султан приехал в Феррах-Керман, и тогда он, пустив поток похоронных церемоний, сделал великое древо любви цветущим и зеленым. Прибытие в Стамбул

[1239] Хиос – остров в Эгейском море, расположенный к западу от Измира. В османский период был центром Сакызского санджака, включавшего еще целый ряд других островов Эгейского моря. В настоящее время в составе Греции.

[1240] Капыарасы (от тур. «между воротами») – одна из комнат, располагавшихся сбоку от Баб ас-Салам (Ортакапы), главных ворот дворца Топкапы в Стамбуле. Там держали под стражей высокопоставленных представителей османской аристократии.

[1241] Каймакам (от араб. ка’им макам – «местоблюститель») – в Османской империи титул представителя султана, заместителя главного визиря, главы администрации уезда, а также подполковника.

подаренных садразаму Сюрмели ‘Али-паше[1242] пленных, которые подводили глаза сурьмой, кокетничали и наряжали в цветастые халаты почета и гордости, пришлось на то время, когда очи удачи пресловутого [садразама] стали незрячими от мрака неудачи, благодаря чему подаренные [ему] драгоценные яхонты были вставлены в перстень распоряжения Эльмас-паши[1243]. В те дни на Азовском море появлялись, словно нестойкие пузыри, казацкие суда, отчего беспокойство по поводу появления сильного ветра грабежей и набегов на расположенные у берегов Черного моря селения и городки вызвало помутнение реки мусульман, и в эту пору взращенный в доме для избранных возлюбленный с едва пробившимися усиками величия и великолепия облачился в сверкающие шелка, то есть письмо августейшего [государя], милостивого к своим слугам, словно [молодой] месяц на Праздник [разговения] (‘ид), с помощью скоростной почты взошло, подобно яркому солнцу, в месяц непременно почитаемых постов тысяча сто шестого [года] (апрель-май 1695 г. – приме. Пер.), на горизонте страны Крым, и он передал от государя мира подаренный им инкрустированный каменьями меч султанской власти, золото и серебро, а также роскошные жалованные одежды хаканского достоинства, полностью открыв и отворив полузакрытые двери [военного] похода ключом джихада «*Сражайтесь с многобожниками всеми вместе*»[1244], в красноречивой манере доведя до сведения войска августейшего [государя] важную весть о присоединении к нему, и когда с гонцами, [подобными] быстроногому ветру, главам народа были разосланы ярлыки с приглашениями [в поход], чтобы поприветствовать прибытие благородного [падишаха] и сообщить [эту] мысль, смысл высочайшего повеления не пришелся по вкусу населению, так что болезнь проказы непокорности и устранения [от подчинения], проявившаяся с огнедышащего языка предводителя эмиров Крыма, бестолкового мирливы Орак-Тимура [из рода] Ширин, перешла также и на остальных, а когда они подковали разнузданного коня подчинения перевернутыми подковами несогласия, искушенный в тонкостях хан прознал о настроениях мерзопакостной знати, заставив с помощью зеркала ложного подстрекательства [и] изощренных хитростей показать образ письма с воззванием в

[1242] Сюрмели Али-паша (ум. 1695) – османский государственный деятель греческого происхождения, занимавший пост великого визиря Османской империи в 1694–1695 гг.

[1243] Эльмас Мехмед-паша (ум. 1697) – османский государственный деятель, занимавший пост великого визиря Османской империи в 1695–1697 гг.

[1244] Коран, 9:36.

ином обличье, и собрав у себя привычное к грубости и склонное к безумству стадо ослов с помощью волосинки деликатности, а когда он устно раскрыл и проявил заветную тайну повеления величественного [государя], то капли источавших грубости и лицемерных речей указанных людей, сочившиеся из горшка ртов их союза, не стерли и не удалили со страниц души преисполненного правдивости хана каллиграмму послушания [государю], выведенную железным пером искренности, предотвратив и пресекши острием перочинного ножа неоспоримых доводов их тайные приготовления, при этом головы строптивцев не упали в мешок молчания, но он решил [оставаться] глухим к нестройным мелодиям, бывшим следствием их опрометчивого мнения по поводу того, чтобы поспешить на службу падишахского войска, если звуки горнов несчастных русских, бывшие внешней завесой [на пути] изящества, на протяжении двух месяцев не будут резать в этих краях их слуха. Стали расходиться страшные вести, вроде того, что московский цесарь (часар) сговорился с польским гетманом о том, что с наступлением указанного времени он протянет ногу вражды к Крыму и Азаку (Азов – примеч. пер.), а тот – к окрестностям [реки] Озю (Днепр – примеч. пер.), отчего все ухватились за подол [слов] «Нет силы [и мощи, кроме как у Аллаха]», и в это полное смятения время появилось письмо августейшего [государя] со словами: «Если дым сжигающего мир пороха, скопившийся в воздухе, расположенном к гниению и порче, не осыпал искрами область Крым, то вам следует как можно скорее стегнуть кнутом озабоченности [подобного] водному потоку коня устремления для присоединения к войску», отчего даже пресловутый хан занялся в соответствии с высочайшим повелением подготовкой походного снаряжения, и в эту пору, когда [московский цесарь] прибыл из столицы Русского государства, города Москвы, в крепость Азак, подготовив припасы для свирепых собак неверных на двадцать две стоянки и сговорившись с длиннозубым кабаном-гетманом о том, чтобы кусать и колоть единобожников, так что [молва] об этом пошла в народ, вызвав горечь в сердцах избранных, и тогда было повторно [выслано] настоятельное и строгое письмо августейшего [государя], написанное благородной [рукой падишаха] со словами: «Крепость Азак является среди моих непоколебимых владений и крепостей, вокруг коих вращаются небеса, [всего лишь] жалкой крепостцой, и если нечестивые неверные, страдающие от зловония изо рта, кое влечет за собой потерю сознания [от] упрямства и настырности, введут горький на вкус пырей Азака в свое кривое и косое тело, то [я], непременно, сломаю им зубы щипцами кончиков пальцев своего герои-

ческого усердия и своей богатырской мощи, подобно крепости Сакыз (Хиос – примеч. пер.), без всяких хлопот и затруднений извлекши их из вражеского рта. Сейчас для вас целесообразно поспешить вместе с татарским войском к моему августейшему воинству, дабы потратить силы на служение религии и государству», хотя крымский хан [уже] направил в ту сторону двери своего навеса, [закрепленного на] канатах покорности. Однако в силу малодушия, сосредоточенного в характере большинства подлых жителей, они под предлогом защиты жен и детей поставили вопрос о том, что благосклонность к супруге [на] первом [месте], и, почувствовав запах направления (нахв, тж. «синтаксис» – примеч. пер.), стали качать головами и бородами, словно козел Ахфаша[1245], вышли из-под трости подчинения, дабы отклониться (сарф, тж. «морфология» – примеч. пер.), и присоединились к стаду мятежников, отчего в численности войска возникла недостаточность, так что он с малочисленным войском, которое ему [удалось] по возможности собрать, направился на пятнадцатый день [месяца] зу-л-ка‘да тысяча сто шестого [года] (27 июня 1695 г. – примеч. пер.) к военному лагерю падишаха, а на двадцатый день указанного месяца (2 июля 1695 г. – примеч. пер.) перешеек Ор (Перекоп – примеч. пер.) стал лагерем ханского войска. На следующий день (3 июля 1695 г. – примеч. пер.) они дождались оставшуюся часть войска в окрестностях не имеющего тени дерева под названием Йалнызагач[1246], а когда требовавшие правосудия мусульмане, которые прибыли верхом на скакуне жалобы из острога Гази-Керман, расположенной на берегах [реки] Озю (Днепра – примеч. пер.), сообщили и донесли ему, что в те дни, когда он поставил шатёр отдохновения, проклятые московиты вступили в окрестностях указанной крепости в стычку и сражение, украшенный достоинствами хан направился к цели, как ему было велено, обрадовав опечаленные сердца жителей страны утешительной благой вестью о поручении обладающему порядком [в делах] аге, который был его каймакамом, оказать [им] вместе находившимися в Крыму султанами и способными к брани и войне умельцами помощь, и прибытии в скором времени большого османского войска вместе с флотом августейшего [государя]. Пятого дня месяца зу-л-хиджа (17 июля

[1245] Ал-Ахфаш ал-Аусат (ум. 830) – арабский грамматист. Среди его окружения возникла молва, что якобы, не находя собеседников, аль-Ахфаш излагал свои мысли козе и тянул за поводок, чтобы коза кивала головой, как будто бы в знак подтверждения его правоты.

[1246] Ялныз-Агач – урочище в районе Перекопа, на территории современного села Преображенка (Червоный Чабан) в Каланчакском районе Херсонской области.

1695 г. – примеч. пер.) негодяй, бывший военачальником свиного стада неверных в качестве бойца авангарда (чаркаджылык), пошевелил своей гнойной ногой, замутнив грязью своего прибытия берега реки под названием Койунсу[1247], а в последующем раскрыл рот смуты и интриг, подняв перевернутое полотнище [знамени] нечастного короля (русского царя – примеч. пер.), и когда комендант Перекопа бросил перед Са'адет-Гирай-султаном колпак требования правосудия, изъявив о своей тяжбе, это вызвало расстройство желудка у обладателей веры, а тот, в свою очередь, перечислил причины и признаки обострившейся болезни, отправив [напоминающее] по стилю прошение письмо с просьбой об излечении от дурного мизаджа в больницу щедрости знающего толк в премудростях хана, который сочетал приятные сердцу меры [исцеления], и когда тот благодаря легкодоступному гашишу городского ополчения приготовил наиболее подходящие на то время снадобья, выпустив ярлык о всеобщем ополчении, чтобы нураддин Шахин-Гирай и мирлива Ширин вместе с другими благоразумными жителями, способными садиться и слезать [с коня], постарались и приложили усилия для оказания помощи острогу Гази-Керман, а в эту пору пришла жалоба с донесением о наводящей печаль вести о том, что нечестивый брат московского царя (Петр I[1248] – примеч. пер.) вместе с восьмьюдесятью с лишним тысячами неверных взял в длительную осаду крепость Азак, устроил ожесточенную битву и пробил стену [крепости] в некоторых местах, из-за чего в течение одного-двух дней после немедленной отправки [этой вести] хану через быстроходного гонца, немелодичный звук, исходивший от нападения привыкших к вероломству проклятых [неверных] на крепостцу Шах-Керман[1249], находившуюся рядом с крепостцой Гази-Керман на берегу Озю (Днепра – примеч. пер.), привел в движение тугие струны рвения, так что привычные к джихаду войска взялись вместе за поводья коня согласия и союза, последовав благоразумному пути оказания помощи, и когда они незадолго до наступления зари добрались до окрестностей вышеупомянутой крепости, проклятые [неверные], привязавшие на берегу реки Озю канаты наведения порядка и обвязавшиеся цепью притеснения и мучения, стали бросать с помощью пращи пушек камни огорчения и досады на головы мусульман, те все равно оказались под

[1247] Койсуг – левый приток Дона, в современной Ростовской области.

[1248] Петр I (ум. 1725) – русский царь (1682–1700) и первый император Российской империи (1700–1725). Был младшим братом царя Федора III (1676–1682).

[1249] Шах-Кирман (также Шахин-Кирман, Ислам-Кирман) – татарская крепость в низовьях Днепра в районе современной Каховки Херсонской области.

стенами крепости и остановились на привал на земле страха и боязни. Случившаяся в осаде оказанной крепости задержка потребовала от них остановки для того, чтобы отправиться на помощь коварным проклятым [неверным], так что исламское войско, дойдя до местечка под названием Акгёль[1250], определило многочисленных шпионов на различные пути и дороги, чтобы расследовать положение дел у врагов религии, и после того, как они воочию наблюдали, как указанный табор замарал скверной неверия местечко под названием Сасык-Чокрак[1251], расположенное рядом с Гази-Керманом, они по обыкновению доложили и сообщили об этом звуком артиллерийского огня из крепости Гази-Керман. Когда петиция, сочиненная и написанная жителями пресловутой крепости чернилами протяжной просьбы о помощи в стиле траурной элегии (марсийа), была отправлена к хану, имелась вероятность, что войско нечестивого короля протянет руки заблуждения к области Крым, так что они поручили [сторожить] узкий перешеек под названием Чекчеке[1252] нураддину Шахин-Гираю вместе с его личной гвардией (капы-кулу), перешеек Чонгар – эмирам из племени Ширин, а такое шпионское задание, как захват языков – одному из почитаемых и знаменитых эмиров всё того же племени – ‘Абд ал-‘Азиз-мирзе. Двадцать второго дня указанного месяца (3 августа 1695 г. – примеч. пер.) один из московских бояр, хитрец Шереметоглу[1253], встал во главе кучки злодеев, восемь дней держал в осаде крепостцу Гази-Керман, но ни один человек из числа жителей крепостей не получил ранения от пушек и мушкетов, и когда они в силу трусости ради спасения душ и имущества открыли на определенных условиях ворота крепости ключом [просьбы] о пощаде, те по старинному гадкому обыкновению разбили бутылку мира и пощады, как и старый кувшин их чести, взяв всех их в плен, разграбив и растащив всё, что у них было, а также четыреста проклятых [и] бесчестных [неверных] из числа днепровских казаков (Поткаллы казагы) без всяких боев и сражений попра-

[1250] Акгёль (тур. «Белое озеро», совр. Белое) – пойменное озеро на территории современных Корабельного и Белозерского районов на западе Херсонской области, южнее Каховки.

[1251] В районе Любимовской балки к востоку от Каховки.

[1252] По-видимому, искаженное написание крепости Ченишке, расположенной в районе современного города Геническ Херсонской области.

[1253] Борис Петрович Шереметев (ум. 1719) – выдающийся русский государственный и военный деятель, дипломат. В 1695 г. в ходе первого Азовского похода Петра I командовал отдельным корпусом в низовьях Днепра.

ли ногами злосчастного овладения крепостцу Нусрет-Керман[1254], отчего население расположенных в тех краях крепостей Мубарек-Керман[1255] и Шах-Керман пришло в замешательство и разбежалось, так что безжалостный Мустафа-ага, которому было велено схватить и проучить подлецов и негодяев, оставивших свои дома и бежавших, совершив тем самым преступление и провинность, схватил их и заключил в крепость Феррах-Керман, лишь понеся тем самым бесполезное беспокойство. Поскольку татарский народ не имел возможности применять осадные орудия, они три-четыре дня блуждали в растерянности вокруг крепости, в конце концов, сообщив крымскому хану о своем прискорбном положении и спалив огнем грузы и товары из-за невозможности перевозки и переправки запасов товаров, имевшихся на складе в крепостце Шах-Керман, [после чего] каждый вернулся к себе домой, и когда они сговорились между собой о том, что отправятся в любую сторону, откуда бы ни появились враги религии, обреченные на адские муки днепровские казаки, чьи лбы на их склонных к заслуживающим проклятия поступкам головах были отмечены уродливой [и] неприглядной тамгой [слов]:

Бейт:

رنگئ روی چون در دوزخ

بینئ همچو موریٔ مطبخ

«Цвет лица подобен вратам ада,

Нос – словно таракан кухонный»[1256],

причинили ущерб последователям ислама, живших племенами вокруг крепости Кылбурун (Кинбурн – примеч. пер.), и вошли на судах в местечко, которое они называли Карт-Казак[1257], расположенное рядом с Феррах-Керманом, ранив каймакама Перекопа (Ор) Зекерья-агу из местности, которую они называют «йайлак»[1258], и заковав в цепи и кандалы десять мусульман, а когда об этом было доложено Са‘адет-Гираю, он освободил из каждого дома в селах и городках по одному человеку, отправив их на защиту крепости Феррах-Керман. Когда подошло то время, и

[1254] Крепости Нусрет-Керман и Мубарек-Керман располагались на днепровских островах между Гази-Керманом и Шахин-Керманом, которые в последующем подверглись затоплению.

[1255] См. комм. выше.

[1256] Строки из поэмы «Хафт ауранг» среднеазиатского суфия и поэта ‘Абд ар-Рахмана Джами (ум. 1492).

[1257] Картказак – мыс на северо-западном побережье Крыма на территории Красноперекопского района, западнее села Таврическое (Карт-Казак).

[1258] Йайлак (крымскотат. yaylaq «высокогорное летнее пастбище», рус. яйла) – плоские безлесные места на горах Крыма, используемые в качестве летних горных пастбищ.

звук вражеского нападения, вновь и вновь ранивший слух единобожников в религии, приблизился благодаря порыву ветра к крепости Вудин (Видин – примеч. пер.) пресловутого хана, он был услышан [подобными] мухам негодяями, столпившимися вокруг избавившегося от бедствия и исполненными благодарности за благо нахождения вместе с ним, которые изъявили враждебное отношение отважному хану, сказав: «Лишенные мёда соты его мозгов были захвачены пчелами страха и тревоги, и хотя появившиеся на стене вашей страны из-за зараженного нездоровьем воздуха оводы с острыми жалами и немногочисленные муравьи все еще остаются немощными мушками и слабосильными мурашами, [однако], если мы не рассеем целостности их союза порывистым ветром храбрости и пинком отваги, они постепенно станут безжалостным орлом с острыми когтями, а когда переведут дух – источающим яд драконом, [и тогда они] непременно разрушат и уничтожат нашу страну. Ты в любом случае должен вернуться на родину на крыльях поспешания», и когда он теплыми и прохладными речами, обещаниями и угрозами бросил им кость ответа, она застряла во рту злоязычных псов, после чего к допустившим оплошность возвращения назад с боями присоединился калга Девлет-Гирай, а пресловутый хан отправился в благословенный и счастливый поход вместе с личными гвардейцами, крутившимися вокруг свечи его избранничества, и приложился челом к воинству августейшего [государя]. Во время разговоров и препирательств один не знавший границ [своему нахальству] человек, которого звали ‘Инайат-Шах-мирза, коснулся своей нечистой рукой белой бороды [из] чистого света крымского хана, отчего у него проявилась болезнь раздражения, он заболел, его осмотрел калга-султан, смотревший из колесницы на движения отклонившегося от прямого пути небосвода, который ощупал его жилу гнева и пыла, а также вену его рвения и отваги, после чего, когда злоречивый рот вышел [в путь], чтобы выстрелить из пистолета наказания, он заявил указанным людям о том, что прислонился к валику терпения и положил голову на подушку [слов] «Нет силы [и могущества ни у кого, кроме как у Аллаха]», и когда он прибыл в Феррах-Керман, его пригласили в Бахчисарай для того, чтобы пустить по кругу кубок волнения, [но] он связал путами несогласия коня ответа, что задело пресловутого султана,

Мисра‘:

در مع الدهر كيف ما دار

«Вращайся вместе с роком, как вращается он»[1259],

[1259] Строчка из макамы (плутовской новеллы) арабского поэта и филолога Мухаммада ал-Харири (ум. 1122).

но он испил яда несправедливости и притеснения из чаши терпения и печали, а в начале заповедного [месяца] мухаррам тысяча сто седьмого [года] (середина августа 1695 г. – примеч. пер.) он выслал из каждой деревни Крыма по два человека, поручил [выполнение] задания по оказанию помощи крепости Азак острым когтям храбрости нураддина Шахин-Гирай-султана, а сам снарядил караван отправления для защиты Феррах-Кермана, доложив крымскому хану и государевой Счастливой Порте через вестника правдивых и склонных к хранению [секретов] в тайне чернил, что крымские эмиры сговорились между собой о непокорности и вражде. Победоносные войска, назначенные [для отправления] в Азак мужественно и храбро сражались внутри и снаружи крепости, и когда один из арабских смельчаков, прозорливый в делах человек по имени Саййид Хасан, убил своей отнимающей жизни саблей восемьдесят человек [из числа] проклятых [неверных], его единомышленники, поэты из общины бекташийцев, украсили лица славы с помощью наряжальщицы слов, наподобие бейта:

Yardım itdi şübhe yok muiddi kerb
Anda seksen kelle kesdi bir Arab
«Помог, вне всякого сомнения, готовящий [к празднеству] скорби,
Отрезал тогда восемьдесят голов один араб»,

и дернул на собрании геров струны шестиструнного тара восхваления. Восьмого дня [месяца] раби‘ ал-ула указанного года (17 октября 1695 г. – примеч. пер.), в счастливую пору, когда от правителей облагодетельствованной победами границы пришла добрая весть о том, что достопочтенный падишах [и] покоритель мира завоевал и захватил крепости Шебеш[1260], Лугош[1261] и Липова[1262], разгромил и уничтожил табор Ветирана[1263], а похвальное служение татарского хана на [поприще] религии и государства было принято и возблагодарено, а также души опечаленных жителей Крыма были обрадованы и возликовали из-за отрадной новости о том, что руки блокады нечестивого короля были отрублены саблей отчаяния и лишения, так что он с чернотой [позора] на лице направился в нечастные области, тогда как крымский хан вместе с бело-

[1260] Карансебеш – город в исторической области Банат на западе современной Румынии.
[1261] Лугож – город на реке Тимиш в исторической области Банат (совр. Румыния).
[1262] Липова – город на западе современной Румынии.
[1263] Фридрих Амброс фон Ветерани (ум. 1695) – австрийский генерал кавалерии итальянского происхождения. В 1691 г. захватил крепость Липова с целью обороны Трансильвании от турок-османов. Потерпел поражение и был убит в 1695 г. при обороне крепости Лугож.

курой красавицей победы и доблести прибыл в Ак-Керман. Проклятые подонки-барабаши[1264] (беребаш) из числа неверных захватили крепостцу Гази-Керман, а московский король девяносто дней держал под осадой Азак, тогда как его жители подвергались страданиям и мучениям, и кроме того построил перед указанной крепостью многочисленные обзорные вышки (хавале кулелери), которые они называют «шас»[1265] и выделил три тысячи проклятых [неверных] вместе с прекрасными боеприпасами и провизией для охраны, владетельному падишаху было представлено прошение, содержавшее следующие слова: «Если едва возведенные в летние дни строения не будут разрушены топориком кары и уничтожения, а области барабашей не будут разграблены в зимнее время, в те дни, когда реки будут схвачены льдом, то весной, которая является временем движения насекомых, змеи и муравьи неверных разойдутся по исламским землям, в особенности, по стране Крым, и тогда причинение [нам] разного рода ущерба будет неизбежным», после чего, по старинному обыкновению татар, назначили по всем уголкам глашатаев, чтобы там откормили своих лошадей и приготовили военные орудия. Когда было написано письмо главе запорожских (поткалы) казаков и разведаны сведения о войне и мире, от него долгое время не поступало ответа, но были захвачены и допрошены пять-десять человек, и тогда они со словами «Задержка вышла из-за того, что не нашлось человека, владеющего турецким языком и способного перевести письмо» приложили к отверстию своих склонных к неверию ртов камень молчания. Пятнадцатого дня [месяца] раби‘ ал-ахир указанного года (23 ноября 1695 г. – примеч. пер.), когда повелитель крымского климата хан Селим бросил тень величия и высокого положения на Бахчисарай, из-за тягот затрудненного передвижения в его исполненном [высшей] пользы бытии проявилась ярко выраженная болезнь, что привело к задержке похода на барабашей, о котором приняли решение жители Крыма, и когда Ширины и Аргыны, движением пальцев [решавшие целое] море дел и развязывавшие узлы народного блага, а также другие главы племен, собрались в Бахчисарае и устроили совещание по поводу указанного похода с калгой, который был престолонаследником хана, и нураддин-султаном, и на нем [один] из сыновей Селим-Гирая, Шахбаз-Гирай-султан, стал сераскиром в чер-

[1264] Обозначение черкасских или запорожских казаков по фамилии казачьего рода Барабаш, выходцы из которого занимали видное положение в Запорожской Сечи в первой половине XVII в.

[1265] По-видимому, искаженное русское «шанец» (от нем. Schanze), под которым могли подразумеваться и редуты.

кесских краях, при этом было принято решение о том, что Каплан-Гирай вернется в Крым, [но] в силу отваги и храбрости, сосредоточенных в характере Шахбаз-Гирая, он счел недопустимым выход из круга близости к отцу и недостойным оставлением служения религии и государству, отказавшись от должности сераскира, после чего Каплан-Гирай был оставлен на своем прежнем посту, [на котором он] безупречно [служил], а крымские эмиры занялись приготовлениями к походу с надеждой на захват трофеев. Однако вхождение в указанную область нуждалось в замерзании рек, по велению Господа рабов, на землях вплоть до девяностой широты не было признаков холода и оледенения, так что в силу подстрекательства, интриг, насилия и суровости опечаленных и привыкших к упрямству жителей Девлет-Гирай и Шахбаз-Гирай вместе с эмирами и знатью, которая только была способна ездить верхом, выступили двадцать пятого [дня месяца] джумади аль-аввал тысяча сто седьмого [года] (1 января 1696 г. – примеч. пер.), на девятый день сорокадневных холодов (арба‘ин), и еще один из сыновей пресловутого хана, сераскир Буджака Гази-Гирай, вместе с ногайским войском, а Каплан-Гирай – со сбродом, который ему удалось собрать из черкесов и других народов, присоединились к войску калги-султана, собравшись вместе совершить налёт, [но] безвкусная боза их ошибочных мер, закипевшая в котле воображения притеснителей [из числа] знати, не совпала с [Божьим] предопределением, и в первую очередь из-за спора и вражды, возникших между Девлет-Гираем и Гази-Гираем, они не добрались вовремя до гарнизона калги, Каплан-Гирай-султан по дороге удовлетворился [захватом] незначительных трофеев в одном из легкодоступных местечек донских казаков и повернул поводья возвращения [назад]. В свою очередь, когда калга-султан вместе с сопровождавшим его многочисленным воинством добрался до места переправы, которое они называли Учкан, он не осмелился перейти [Дон] из-за рыхлости и влажности, которая была на льду, после чего они поспешили к местечку под названием Газилер-Гечиди, которое они надеялись [найти] прочным, с тысячью мук и беспокойств перебрались [на другой берег], на протяжении двадцати четырех дней страдали от того, что без всякой пользы мучили животных, после чего вернулись на родину из страха, что таянье льда станет препятствием для переправы войска. Татарские невежды в надежде на щедрую награду перебили и уничтожили приготовленными им для дела джихада стрелами и саблями домашних кабанов, служивших пищей неверным, отчего тот не увенчавшийся победой поход получил среди татар известность под мерзким названием «свиной мор» (тонуз кыраны). Эми-

ры и знать написали петицию о том, что беспощадный враг питает злой умысел в отношении области Крым, а в пограничных постах и крепостях, расположенных на рубежах указанной страны, нет боеприпасов и охранников, и они нуждаются в исправлении и починке, [а потому] крымский хан должен быть освобожден от [участия в] походе на австрияков, и благодаря тому, что [на них] произвели впечатление речи ‘Инайат-шах-мирзы из эмиров [клана] Ширин и казначея (дефтердар) Мустафы-аги из личной гвардии, а из кругов улемов – шейха Муртазы-эфенди[1266], который сидел на молитвенном коврике наставничества в текке Чоюнджу, одной из почтенных обителей, называемых «четырьмя очагами»[1267] (дёрт оджак), чьи соты, по мнению четырех столпов (чар-эркан)[1268], были праздничным угощением (ашуре) на каждый мухаррам[1269] и портулаком (баклат ал-хумка)[1270] в каждом ашуре, и который был предводителем пути смуты и интриг благодаря тому, что набросил подобную зуннару веревку мирских благ (масива, букв. «то, что помимо [Аллаха]» – примеч. пер.) на пояс своего желания и облачил плечи своего показного благочестия в грязное рубище любви к мирскому, дабы таскать тяжести дров [в аду], так что они полетели на крыльях поспешания к государеву порогу, окрыленные похвалой суфиев и решившие, что надо придержать свое себялюбие (нафс). Пока не прибыл ответ на петицию, обладатели власти не могли скрыть и утаить [этого] от жителей Крыма, и было принято решение о том, чтобы после подсчета их крепостных и скота, выходящего за пределы их основных нужд, была оценена плата за них, а собранные суммы были потрачены на военное снаряжение и защитников пограничных застав и крепостей, так что зуд переменчивости и волнений взволновал мозг их мыслей и порядка. Каж-

[1266] Шейх Муртаза-эфенди – суфийский шейх одного из четырех главных центров суфизма в Крыму, обители Чоюнджи (на территории современного села Урожайное Симферопольского района Крыма).

[1267] Четыре главных центра суфизма в Крыму: Гюлеч (Коледж), Чоюнджи, Качы и Ташлы.

[1268] Настоятели четырех главных суфийских обителей Крыма, называемые так по аналогии с четырьмя стихиями (аркан ал-арба‘а) или четырьмя столпами веры.

[1269] Мухаррам – первый месяц мусульманского календаря, который относится к четырем заповедным месяцам. Среди мусульман-суннитов утвердилась практика соблюдения поста на десятый день месяца, называемый ‘Ашура, с которым в народной среде связано множество различных традиций и обрядов, в том числе приготовление особого блюда из семи злаков, которое у турок получило название «ашуре».

[1270] Трава, которая используется на Ближнем Востоке в кулинарии, приготовлении лекарственных средств и для защиты от нечистой силы.

дый показывал различные по форме образы, которые ему позволяло увидеть с помощью подзорной трубы разума и понимания его зрение, поскольку из-за порыва резкого ветра вражеского нападения поднялась пыль смуты и интриг, [покрывшая] зеркало эпохи. Поэтому кызылбашские волки (‘атарика) и патриархи (батарика) нахальных неверных бросили на доску игральные кости и в лохмотьях позора вместе пустили задним ртом ветры согласия, [как] сошлись друг с другом Шанн и Табака[1271], оглушив грохотом [слов] «*бьет в барабан под накидкой*»[1272] (йадрибу-т-табла тахта-л-киса’) собрание, [так что] не было бы ошибочным [сказать об этом]: «*Упал таз с крыши*»[1273] (ташт зи бам уфтад), при этом вялые взгляды близоруких и ущербные умы легкомысленных сочли в соответствии со своими соображениями, что Сефевидские шахи, даже будучи сторонниками такийи[1274], проявят искренность и чистосердечие к общине единобожников и даже ради своей выгоды помогут им, и, подумав, что они проявят усердие в выведении зловонных гнилостных ветров неверных из животов мусульманских стран с помощью скаммония (сакмунийа)[1275] и мандрагоры (йабрух ас-санам) войска «красноголовых» (кызылбашей – примеч. пер.), или же помогут растворить их, применив в качестве средства имбирное варенье мира и безопасности, понадеялись [получить] мясо и хлеб из цыганского дома и на излияние веры из высохшего источника сердец нечестивых безбожников, и когда пришло письмо от садразма о том, чтобы передать в руки распоряжения крымского хана отправку остроумного посла с заново написанным письмом, хотя указанный образ и покрыл чистое зеркало прозорливого в истине хана пылью огорчения, очернение белого лика листа решения визиря чернилами отказа противоречило бы книге его приятной натуры, укра-

[1271] Арабская идиома, отсылающая читателя к популярному анекдоту о том, как мудрец по имени Шанн, склонный к неясным выражениям, искал себе жену и нашел девушку, которая смогла растолковать смысл его высказываний.

[1272] Арабская поговорка о том, кто неумело скрывает свои подлинные намерения.

[1273] Персидская пословица, означающая публичное унижение, которая восходит к народной традиции сбрасывать с крыши дома таз на утро после первой брачной ночи молодоженов, если выясняется, что невеста не была девственницей.

[1274] Такийя – исламский термин, обозначающий благоразумное скрывание своей веры в условиях угрозы безопасности верующего. Эта практика широко применялась различными группами шиитов в те или иные периоды истории, когда они подвергались гонениям со стороны суннитского большинства. В суннитской среде с давних времен эта практика вызывала негативные ассоциации и использовалась для продвижения представления о лживости, лицемерии и двуличии шиитов.

[1275] Скаммоний – смола из корней растения Вьюнок смолоносный, обладающая сильным слабительным эффектом.

шенной заглавием правдивости, и когда он расспросил ратного мужа о его настроении, сказав своим жаждущим правдивости ртом … : «Какой служащий истине муж попросит кубков с горьким на вкус [вином] походов?», ни один человек не попросил должности посла и не возжелал степени посланца с руки общения [с ханом], что помутнило отражавшую мир чашу натуры покровительствующего отваге хана, и это наблюдал секретарь ханского дивана Мес'уд-эфенди, который приготовил тигель своей души, а золото его правдивости и благоразумия озарилось отвагой и храбростью, так что в соответствии с кит'ой:

لقمقم ماء الورد حسن لطافاته
لدفع ثقيل مثل قطعة جلمود
يقول له قمقم فان دمت جالساً
نعتبر بايتك بعدما بعود

«С флакончиком с розовой водой обращаются изящно,
А толкают [нечто] тяжелое, вроде куска скалы.
Говорит он ему: «Вставай же, вставай, а если ты будешь и дальше сидеть,
[То вскорости прогонят тебя палкой»[1276]]»[1277],

он сказал: «Ежели изволите своим настоятельным и непреклонным повелением вручить [этот пост] в руки усердия и прилежания одного из ваших слуг, не будет у него сил и мочи выказать отказ и [сказать] «Нет»», благодаря чему сведущий в тонкостях хан почувствовал запах возражения, и, пока тот не наложил печать завершения на договор его речи, он облачил плечи пресловутого [секретаря украшенный] бахромчатыми полами кафтана посольства в страну Иран, на что, как рассказывают, сладкоречивый писарь, коему предстояло поступить в соответствии с собственной же фетвой, изрёк своими устами [следующую] шутку и остроту: «*Кто вырыл колодец для брата своего, тот сам в него угодил* (ман хафар би'ран ли-ахихи кад вака'а фихи). Мы сами упали в глубокую яму похода, которую выкопали руками собственной же воли». Короче говоря, когда [его] лошадь с мягкой походкой, падая и вставая, вошла в столицу Исфахан и прибыла на аудиенцию к шаху Ирана, по велению [Божьего] предопределения и приговора, ему пришлось находиться вместе с послами узбеков и Московии, после чего Мес'уда-

[1276] В последнем полустишии имеются очевидные ошибки, допущенные при переписывании, которые лишают этой поэтической цитаты всякого смысла. Поэтому мы заменили его на оригинальный текст, взятый у автора стихотворения:
فعما قليل سوف تطرد بالعود

[1277] Строки из стихотворения арабского поэта Ахмада ал-Манини (ум. 1759).

эфенди оскорбили, положив под склонного к неверию посла (русского посла – примеч. пер.) находившееся на грани обветшания ложе, которое выделили для него, отчего в нем разгорелся огонь религиозного пыла, так что он выхватил свой закаленный острый [кинжал], служивший украшением на поясе его отваги, и со словами: «Оказывать предпочтение презреннейшему из народов неверных, платящему джизью татарам мерзавцу перед повелителем области Крым и правителем узбеков, которые происходят из рода Чингиза и принадлежат к исламской вере, претит чести обладателя меча шариата!», смело бросился в атаку, намереваясь свершить убийство и казнь, и после того, как он волей-неволей унизил царского посла под ложем оскорбления и восстановил честь и достоинство [своей] посольской миссии, он передал вложенное в его руки на хранение письмо, а когда смысл письма стал известен людям, чьи сердца соединились в дружбе, они не дали никакого ответа на то, о чем их спрашивали, кроме представления лживого заголовка, а приготовления к походу не принесли никакого результата и оказались бесполезны, так что к концу следующего года он добрался до пределов Крыма на коне лишения и сожаления. Короче говоря, прибывшая из Крыма бессмысленная петиция шейха текке умерщвленных [им] далеко идущих чаяний вошла с ним в круг великодушного падишаха, бывшего средоточием полюса мира, и когда он положил вверенный ему на хранение тяжкий груз уведомления, который он нёс с собой, перед представителями султана, это пришлось на то время, когда падишах вложил ноги в стремена отправления [в путь] по причине августейшего похода, [а потому] они заставили его явить удаление восвояси с помощью висящего на воротах крепостцы их надежд ядра ‘Уркубовых обещаний и маяка бесплодных мечтаний, сказав: «Из [всех] их многочисленных требований необходимым условием нашей царственной ответственности является лишь защита и охрана крепостей на Озю (Днепр – примеч. пер.) и Азака, потому что они относятся к нашим охраняемым владениям (мамалик-и махруса)». По поводу освобождения крымского хана от похода или приглашения его [в поход] не было дано ни отрицательного, ни положительного ответа, так что он сшил иголкой завершения шатер похода, о котором ранее шла речь и который ему было велено забальзамировать [для захоронения], и в ту пору, когда он двадцатого дня [месяца] шаввал тысяча сто седьмого года (23 мая 1696 г. – примеч. пер.) выдвинулся из Бахчисарая и бросил седло постоя в степи Феррах-Кермана, ожидая прибытия остальной части татарского войска, вновь и вновь приезжали люди, требовавшие правосудия, которые сообщали о том, что назначенное

московским царем сатанинское сборище сдавило шеи жителей крепости Азак железнозубыми тисками осады, извлекло и выдавило из них масло их жизни с помощью взбивалки приводящих мир в смятение пушек, отчего нураддин Шахин-Гирай был пущен [в небо] на крылатом коне поспешания. Многие люди из числа его храбрых приспешников не допускали небрежности и оплошности, сцепившись [с врагом] в схватке и битве, пока птицы их душ не улетели на крышу райских дворцов. Однако, поскольку просо ответа для того, чтобы насыпать его соловьям безграничного и бескрайнего поля, не вместилось в суму и мешок терпения, он проявил мастерство стрельбы в обратном направлении (кикаджандази), повернув поводья к возвращению, а когда прибыл в местечко под названием Кёклен[1278] – это было в [месяце] зу-л-ка‘да указанного года (июнь 1696 г. – примеч. пер.) – калга Девлет-Гирай и сын Хаджи-Гирай-хана (Хаджи-Гирая II – примеч. пер.) Мехмед-Гирай с каким-то числом татар стегнули кнутом коня единодушия. Как было записано и запечатлено в строках прошлой страницы, когда было выпущено высочайшее повеление о назначении к ногайским мурзам, жившим в Буджакских краях, вопреки обычаю, особого капуджи-баши с султанской казной и роскошным нарядом управления государством и выводе войска, это задело жилку злобы и зависти крымских притеснителей, так что они не только не подчинились высочайшим повелениям, но и наложили путы воспрепятствования на ноги отправлявшегося [в путь] буджакского войска, скрыв искры своих проклятых деяний в пепле образа правдивости и пролив лицемерные слезы, и тогда сведущий в тонкостях и знавший толк в драгоценных камнях хан не повесил их сомнительные и низкопробные речи на уши принятия в расчет, а его в силу настоятельной необходимости и нужды обязали взять с собой три тысячи человек из самого Крыма, и когда привыкшие к непокорности люди, вдрызг пьяные от бозы зла и интриг, разбили руками вражды и раздоров чашу согласия, в силу неблагоприятного поворота судьбы повелевавший страной разума хан наложил печать терпения и выдержки на двери рта расторопности. От протяженности каната осады, множества тяжелых камней боев и пробившей [к ним] путь скудности провизии веревки терпения жителей крепости Азак порвались, и когда они стали заискивать и просить о пощаде, сообщая о том, что посуда их богатства и цветное стекло их радости и печали дошли до того, что [почти] опустели и разбились, отваж-

[1278] По-видимому, поселение на месте современного села Кагальник в Азовском районе Ростовской области.

ный хан в соответствии с [хадисом] «*Не отвергай просящего [милостыню], [поделившись с ним] хотя бы частью финика*» повесил тяжкий груз доставки татарского войска, которое ему удалось подготовить и снарядить, пшеницы и муки [для] подкрепления жизни на седло коня усердия и прилежания [одного] из его храбрых сыновей Шахбаз-Гирая. Когда он вложил ноги озабоченности в стремена отваги, чтобы примкнуть к воинству августейшего [государя] в сопровождении и согласии с буджакским войском, которое прежде было причиной для вскипания вещества врожденной болезни непокорности и интриг жителей Крыма, было издано повеление высокочтимого императора (хакан), о том, что, если ураганный ветер судьбы осыплет градом пушек и мушкетов неверных рубежи и окрестности пределов его правления, так что вражеский холод и мороз станут прочным заслоном на пути вашего устремления, и если большой снежный сугроб перережет [вам] дорогу для отъезда, они с помощью щита благоразумия и осторожности укроют проборы [на головах] рабов Божьих под навесом охраны и покровительства, и после того, как они отправят легковооруженный татарский отряд вместе с прославленным в своей храбрости принцем (хан-заде) к победоносному военному лагерю, а затем благодаря сжигающей врагов молнии смелости и озаряющему свет солнцу отваги прогонят препятствовавшую перемещениям злую стужу нечестивого врага и беду молнии сражения [с] тревогой, то приложат вместе со стремительной татарской речушкой старания и усилия для соединения и смешения с бескрайним морем украшенного доблестью победы воинства, вслед за чем он из-за искры огня [от] пороха вынужденного положения, брошенного на головы привыкших к страданиям жителей Крыма, ценой своей драгоценной жизни приступил к тому, что стал метать и низводить капли волн дождя из стрел силой рук своей отваги и с помощью радуги (букв. лука Кузаха – примеч. пер.) смелости, которые были многоводными тучами победы, и со словами: «Подстегните кнутом ободрения и подстрекания быстроходного породистого скакуна татарского войска, выделенного для того, чтобы приложиться к расшитому золотом подолу [платья] падишаха, сделав военачальником [одного] из ваших благородных сыновей – Шахбаз-Гирая или Каплан-Гирая», ткнув пальцем назначения в счастливые имена двух пресловутых [сыновей] из тетради с именами потомков Чингизовых и тронув струны кануна отваги пригожим сердцу письмом, содержащим царскую любезность, после чего облагодетельствованный счастьем хан пустил усилия на сбор и стягивание проса окруженных врагом татарских войск кончиками передних зубов усердия и острыми когтями рвения, и в эти

дни смятение в сердцах последователей ислама вызвала неблагоприятная весть о том, что гетман барабашей Кавадузун Челеби[1279] и сын распутницы и безбожник, которого они называли Шеремет-оглу (воевода Борис Шереметев – примеч. пер.), с желанием и похотливой страстью к тому, чтобы поочередно забраться в дом невесты Крыма трясущимися и цепляющимися за жизнь руками овладения, перед епископом, чьими спутниками были шайтаны, лобызали кусок дерева [в знак] завета и клятвы [на] кресте, одернув подол отправления [в путь], но в то же самое время отрадное известие о том, что Шахбаз-Гирай-султан, которому было велено доставить провизию и подкрепление, выполнив задание, вернулся назад и наткнулся на берегу Азовского моря на суда лишенных вкуса казаков, сделав во время своей храброй атаки большую их часть добычей своей сабли и приведя больше восьмидесяти [человек] в цепях, вызвало всеобщее удовольствие. После того, как непосредственно Нигдели ‘Али-агой, [одним] из главных государевых привратников, было доставлено султанское письмо о том, чтобы они вместе выехали в крепость Азак, и один из двух указанных султанов поспешил примкнуть к воинству августейшего [государя], пятнадцатого дня [месяца] зу-л-хиджа тысяча сто седьмого [года] (16 июля 1696 г. – примеч. пер.) они выдвинулись из местечка под название Канлыджак, и пресловутый хан направил стремена отправления в Азак, а Шахбаз-Гирай – к государеву военному лагерю. Злодейские и интриганские россказни ранее упомянутого шейха Муртазы с целью отвращения от пути истины и подстрекательства привели к тому, что татарское сообщество [впало в] распутство и сбросило с себя покрывало покорности, но их отказ от [выполнения] поручения по сопровождению [падишаха] не вызвал утомления и усталости у ревностного хана, так что он насильственно выдвинул в направлении Азака три-четыре тысячи человек. Когда в пути они столкнулись с семьюдесятью-восьмьюдесятью неверными из Московии вместе с тридцатью-сорока телегами с солью и, не приняв их во внимание с мыслью о том, что указанные были [всего лишь] малочисленными крестьянами на повозках, незадачливые и неосмотрительные татары разом набросились на горы трофейной соли, словно голодные волки со спутанным сознанием – на стадо скота, и тогда те плотно сдвинули краями друг к другу телеги, на которых они ехали, расположив их в форме [отдельных] участков, устроив по старинному обычаю табор и безопасное место, в кото-

[1279] Иван Мазепа-Колединский (ум. 1709) – гетман Войска Запорожского в 1687–1708 гг.

ром они собрались и укрепились, несмотря на это их сочли маслом на халве газиев и, когда, в соответствии с бейтом:

هر مائدۀ که دست داد فلکست

یا بینمک است ویا سراسر نمکست

«Какое бы застолье ни накрыл небосвод,

На нем либо нет соли, либо [одна] сплошная соль»,

они открыли рты от голода и аппетита, пресловутые [московиты] зарядили порохом ухищрения две царские пушки (шахи), которые были недопекшимися кебабами, так что множество последователей ислама, набравших сполна воды и зёрен пропитания, насытились угощением мученической смерти от пушек и мушкетов, а некоторые даже испробовали на вкус ран от [ударов] сабель. Когда во время сражения на рану в едва рассеченной печени единобожников посыпали соль сообщения о том, что крепость Азак была силой взята неверными, они не поддались лжи, злорадству и фальшивым словам, не выдав своим коням сена отказа и не заготовив для них [в качестве] фуража ячмень возвращения. Храбрый муж из прославленных татарских смельчаков по имени Сары-Гази привел для допроса к хану пленников, коих он заарканил своей храбростью в цепи овладения, а по возвращении чаша его жизни переполнилась, и один недалекий человек, судящий лишь по внешнему виду, чье око прозорливости покрылось пеленой глупости из-за ослепления нерадивостью, принял его из-за его черной христианской одежды, сотканной им с помощью хитросплетений военного обмана, имевшейся у него отродясь бледноты лица и голубых глаз, за врага религии и, направив на него вслепую смертоносное копье, показал ему прямой путь к возвышенному Фирдавсу. На восьмой день [месяца] мухаррам тысяча сто восьмого [года] (7 августа 1696 г. – примеч. пер.), когда они прибыли в местечко под названием Йаланджык[1280], страшная новость о том, что ядовитая змея неверных, впрыснув яд пороховой искры, вползла в нору крепости Азак, укусила в ухо слух единобожников, которые в надежде удалить и отвести от себя ядовитость тоски присоединились к татарскому войску, собравшемуся на берегу реки Сюд[1281]. Лишенные отваги и стыда эмиры, привыкшие выходить за рамки подчинения, собрались и устроили крымскому хану затруднение по поводу того, чтобы, не задерживаясь и не останавливаясь в указанном месте, вернуться к себе домой и потчевать

[1280] Яланчак (совр. Обиточная) – река в Бердянском районе Запорожской области.

[1281] Молочная (тюрк. Сют) – крупнейшая река северо-западного Приазовья в Запорожской области, впадает в Молочный Лиман в районе современного Мелитополя.

на ложе отдохновения, но это не принесло пользы, и когда они двое суток подряд не останавливались ни в одном месте для привала и шли берегом Озю (Днепра – примеч. пер.), бывшего местом прохода врагов, через местечко под названием Кара-Чокрак[1282], там появилось бесчисленное и безграничное [множество] диких [копытных] животных, которые на татарском языке называют [словом] «май» (кулан – примеч. пер.), и тогда вместо того, чтобы захватывать в качестве трофеев имущество неверных, они стали охотиться на ни в чем неповинных животных и убивать их. Один непокорный молодец по имени ʻАбд ал-Ваххаб слишком увлекся преследованием стада ослов, намереваясь поймать [кого-нибудь из них], отъехал далеко от войска и пару дней пропадал в растерянности и безвестности, а высокий кубок веселья и благополучия его отца сменился из-за сглаза современников несправедливостью и вероломством, были вызваны гадальщики и приложены усилия для поиска пропавшего, [но] недоуздок поисков и разысканий не был привязан к конюшне бытия, отчего гримаса грусти родителя от разлуки [со своим чадом] не сменилась ликом радости от воссоединения [с ним]. В конечном итоге, розыски не принесли никакой пользы, и когда татарское войско на худой и нищей лошадке грусти и неудачи поставило шатры и палатки у острога Шах-Керман, в расположенной поблизости от Шах-Кермана крепости Нусрет-Керман были собраны и стянуты пять-десять тысяч неверных, и поборники джихада до самого утра держали скакуна бдительности в узде сбережения и охраны. В это время казаки, которые были рыбой алчности, пойманной на рыболовный крючок, приготовленный в глубоком море поисков командиром (ага) конных ополченцев (бешлю) Джан-Кермана, были допрошены с помощью показанного им раскаленной на огне миски запугивания, и когда безвкусную улитку их секретов, приготовленную в осквернённом котле их душ, положили на тарелку изложения и рассказа, Шеремет-оглу, гетман барабашей и неверный по имени Пани (Семен Палий – примеч. пер.) вошли в крепость Джан-Керман, и еще какое-то количество проклятых [неверных] на пятидесяти лодках вошли в устье залива Джан-Кермана, то есть [прошли] через устье Озю (Днепра – примеч. пер.) в Черное море и собирались нанести ущерб окрестностям Ак-Кермана, после чего немедленно прибыли фрегаты, коим было поручено сторожить устье указанной [реки], и

[1282] Кара-Чокрак (совр. Карачекрак) – река на территории современных Пологовского и Васильевского районов Запорожской области. Впадает в Днепр у города Васильевка, примерно на 70 км севернее Мелитополя.

газии-единобожники, бывшие китами в море храбрости и саламандрами в огненном шаре смелости, стали вести огонь из пушек и мушкетов, а затем сожгли в огне пятеро из названных лодок и бросили в море погибели находившиеся в них отряды многобожников. Пресловутые [неверные] же одержали победу над одним из мусульманских судов, которое называется «шевайели», а когда схваченные были призваны к ответу, они единогласно сказали, что Гази-Гирай-султану вместе со всеми буджакскими татарами, сераскиру Йусуф-паше[1283] вместе с тридцатью тысячами румелийскими газиями и еще одному именитому визирю, вместе с десятью тысячами храбрыми мужами, украшенными отвагой благодаря доспеху с золотыми заклепками:

Арабский стих (‘арабийа):

و سلاحه فی یده مشهوره و دماء قتلاها علیه ینزل

«Обнажено орудие в руках его, и кровь убиенных им на нём»,

велено охранять Ак-Керман и Джан-Керман, и из-за того, что они были единогласны в своем согласии,

Мисра‘:

دروغ مسلحت امیز به از راست فتنه انگیز

«Ложь во благо лучше правды, вызывающей смуту»[1284]

этим самым они открыли огонь страха и тревоги по судну их вероломной натуры, подожгли трясущимися руками своего выбора тридцать их лодок и скрыли в [водах] реки Озю (Днепра – примеч. пер.), а сами бежали на берега Чорки[1285] и добрались до безопасной стоянки благодаря мусульманину, приведшему [их] к [верному] руководству, который был закован в цепи бедствия пленения, доложили вести, а потом [одному] из эмиров Крыма ‘Адил-шах-мирзе было велено провести следствие и дознание для получения полной осведомленности, после чего он добыл пару языков, подтвердив сказанное [другими], и были установлены [все] имевшиеся в тех краях фрегаты и «чекдири» (чекдирме – примеч. пер.). Отрадная весть о прибытии в добром здравии калги Девлет-Гирая и нураддина Шахин-Гирая, оказавшихся в степи растерянности, называвшейся оказанием помощи в защите окрестностей крепости Азак, вместе с ногайским племенем, которое они называли Йаман-Садак, в ме-

[1283] Хаджы Юсуф-паша (ум. после 1711) – османский военный и государственный деятель, комендант (мухафиз) крепости Бабадаг, позже бейлербей эялета Силистре (1699–1711).

[1284] Строки из «Гулистана» Саади.

[1285] Чурга – участок Кинбурнского полуострова между Егорлыцким заливом и Днепро-Бугским лиманом.

стечко под названием Кертмели-Коныр[1286], а также отказе Московии и подчинявшихся ей безбожных калмыков от захвата и овладения областями Крыма, отправке нечестивым королем (царем – примеч. пер.) шести тысяч проклятых [неверных] в крепость Азак и еще шести тысяч – к границам Птичьей башни (Куш кулеси), которая была гнездом для воронья и сов, после чего он обратился к возвращению в свои окутанные мраком области, жители Тамани и крепости Темрюк, опечаленные от тревоги из-за нападения врага, обрели безопасность и спокойствие, а сераскир Бабадага Йусуф-паша вместе с буджакским и румелийским войском понес знамя выдвижения в сторону Озю (Днепра – примеч. пер.), была доставлена гонцом изящно гарцующего зефира и щедро одарила радостью и спокойствием большое древо сердец единобожников, испытавшее горести и трудности от порывистого ветра тревог и печалей. Под безжалостным натиском принуждения и угнетения непривлекательного и волосатого ребенка, рожденного матерью небес во время восхода Йеменской звезды (Сириуса – примеч. пер.) с приводящим мир в смятение возгласом:

Мисра‘:

تولد الدهر تربا الغم صايحة

«Судьба с воплем родила земли печали»,

и легшего грузом на шеи охваченных бедствием, сладкое небо поднаторевшего в отваге хана в пору его младенчества выпустило из носа и рта молоко его матери [из рода] Ширинов, после чего он выдвинул колесницу выступления с берегов реки Сюд в долину под названием Канлыджак, и пока он на несколько дней поставил в указанном месте шатры проживания, казацкие воры на десяти лодках, словно безрассудные мухи, спрятались в норе реки Озю, выискивая возможность, чтобы [что-нибудь] украсть и нанести [какой-нибудь] урон, прошли из указанной реки в Черное море, и в полуночной темноте, бывшей щитом для беглецов и грабителей, предали грабежам и разорению крымскую деревню Бурун-Эли[1287], расположенную на морском побережье, а затем, когда они вышли к островам, расположенным поблизости от Джан-Кермана, от страха перед приходом татарских степняков с водным потоком поспешания ноги их стойкости поскользнулись, отчего они сожгли в огне

[1286] Вероятно, связано с гидронимом Конур/Коныр (совр. русс. Понура) в Динском районе Краснодарского края.

[1287] Бурун-Эли (совр. Рыбное) – ныне исчезнувшее село в Черноморском районе Республики Крым, располагавшееся на севере района, на берегу Каркинитского залива Чёрного моря, примерно в 4,5 км западнее современного села Владимировка.

свои лодки и направились в долину бегства, и, когда первого числа [месяца] сафар тысяча сто восьмого [года] (30 августа 1696 г. – примеч. пер.) Са‘адет-Гирай, Каплан-Гирай, Менгли-Гирай[1288], начальник гарнизона Джан-Кермана и сераскир, адмиралы (умара-йи дарйа) вместе отправились в военный поход, до слуха татар дошло благодаря громкоголосому глашатаю зефира, что они посадили по четыре гребца в каждую из маленьких шлюпок, которые ходили по реки Озю и назывались «чорник»[1289], и предложили товар сражения на базаре побережья Чорка (Чурга – примеч. пер.), а те, шагая в ногу друг с другом, вложили стопы в стремена действия, [питая] страсть и беспочвенную надежду на путешествие к источнику прибыли Думйата[1290] и продажи на исполненном пользы рынке Мины[1291]. Во время торговли сражения, помимо нашедших лазейку к бегству и упавших в яму погибели, в аркан газиев для ловли врагов угодили двести неверных. Хотя капитаны, которые ранее вышли на берег моря из страха перед появлением бури газиев-единобожников, дабы обезопасить себя от дождя из татарских стрел, вырыли кончиками ногтей норы неразумных мышей и окопались под землей, не отказавшись поджигать запалы стреляющих пулями мушкетов и дуть на фитили метающих ядра пушек, приближение победы оказалось невозможным, [ведь] помимо потребности в орудиях для копания и рытья [земли], случилось так, что многие из них пали во время сражения от вспышки пороха несправедливости в огнепоклонническом святилище погибели, и главари [этих] людей со словами: «В нашем положении и деле следовало бы прибегнуть и прильнуть к прочной обители [айата] «*Мирное решение лучше*» (ас-сулху хайр)[1292]» приложили кончики пальцев согласия к ладони объединения [на основе хадиса] «*Моя умма не соберется на заблуждении*» (ла таджтами‘у уммати ‘ала-д-далала), отчего сераскир флота августейшего [государя] Ахмед-паша[1293], отвергнув

[1288] Менгли-Гирай II (ум. 1740) – крымский хан в 1724–1730 и 1737–1740 гг. Сын крымского хана Селим-Гирая I. Занимал должность нураддина в 1704–1707 гг. и должность калги в 1707–1708, 1713–1715 гг.

[1289] Вероятно, украинское «човник» (уменьш. от човен – «чёлн»).

[1290] Думьят (тж. Дамьетта) – портовый город в Египте на Средиземном море в дельте Нила.

[1291] Эль-Мина – портовый город на севере современного Ливана. По-видимому, упоминание Думьята и Эль-Мины связано с их ролью в работорговле.

[1292] Коран, 4:128.

[1293] Калайлыкоз Хаджи Ахмед-паша (ум. 1715) – османский государственный деятель, занимавший в 1696 г. пост губернатора (вали) Трабзона и руководивший оказанием помощи гарнизону крепости Азак.

мусульман, попавших в прошлых сражениях в руки неверных, вместе с их имуществом и вещами и не протянув руку посягательства к их оружию и скарбу, поднял паруса мира и безопасности на баркасах вражды с ними, дабы лопатой защиты и охраны закинуть нечистые подолы их бытия в яму их родины, после чего они передали конец веревки [их] доставления [домой] в руки усердия Каплан-Гирая. На двадцать первый день указанного месяца (19 сентября 1696 г. – примеч. пер.) навес крымского хана, [покоящийся на] столбах достоинства, бросил тень своего милосердия перед крепостью Ор, напоив шербетом возвращения и позволения [проживать на родине] охваченных жаром разлуки с домочадцами, за исключением тех, кто доедал объедки со стола приближенных и вылизывал блюдо с пиршества высокого положения. В эту пору радостное известие о том, что [посланный] со стороны Тамешвара недостойный силач (Август Сильный[1294] – примеч. пер.), был растоптан под копытами коней газиев-единобожников и понес поражение благодаря усердию победоносного падишаха триумфального османского воинства, а татарское воинство, прибывшее вместе с благородным сыном хана Шахбаз-Гираем, нежилось в седле безопасности, заставило расшириться глаза, не знавшие сна в кромешную ночь тоски и бедствия, после чего указанный хан направился на колеснице отправления в сторону Бахчисарая, дабы несколько дней пролежать в постели отдохновения, и когда он только собрался возложить голову на подушку безопасности и покоя, посланный для защиты крепостей, расположенных на побережье Черного моря, и [выполнения] прочих заданий флот августейшего [государя] доверил кормчему весомого мнения крымского хана управление кораблем обязательного к исполнению повеления с атласными парусами, недавно построенного на верфи серебряной чернильницы, дабы [принять решение о том], бросить ли якорь зимовья в пристанях Крыма или поднять паруса возвращения, после чего пресловутый хан повернул штурвал баркаса старания и усердия в направлении, [куда дул] ветер исполнения, и от затянувшихся тягот путешествия служащих флота гвозди в досках судна их покоя расшатались, так что в какой-то миг у них не осталось сил [сохранять] спокойствие, после чего они пролили у дверей счастливого хана из черпака своих скорбных очей слезы сетованья и мольбы о том, чтобы украсить головы их быстроногих морских коней кисточками

[1294] Август Сильный (ум. 1733) – курфюрст Саксонии (1694–1733) и будущий король Речи Посполитой (1709–1733). Получил прозвище «Сильный» (нем. der Starke) за свою физическую силу. В августе 1696 г. не сумел одержать победу над османами в битве при Олаше (на западе совр. Румынии) и отбить занятый ими Темешвар.

[от] полотнища [знамени] возвращения и завести их в конюшню залива отправления обратно, приятный ветерок ханской милости подул в паруса их просьбы о разрешении [вернуться], доставив каждого из них на берег безопасности.

Анекдот (латифа)

Главный сокольничий (чакырджы-башы) Хасан-ага, пущенный в Крым на крыльях [выполнения] задания гонца, после передачи [написанного] повелительным тоном письма, хранившегося им [для надежности] под бородой и принадлежавшего достопочтенному паше, который достиг желаемого, выделившись за кроткое время своим возвышением на высокий пост визиря благодаря маховым перьям падишахского великодушия и передним перьям родства по женской линии с шахиншахским наперсником и на долгое время свил гнездо в райском местечке Багдад, замахал крыльями возвращения, желая подняться в гнездо своего величия и великолепия, и [один] крымских аристократов Мардан-ʻАли-ага, прилетевший с ним вместе на крыльях сопровождения, дабы защититься от ран, [причиненных] когтями орла страха перед поездкой, привязал поводья гнедого [скакуна] слов к крючку анекдотов, а мужи Высочайшего Государства росли в цветнике любовных объятий и спали вместе на одной постели и были связаны симпатией в павильонах близости [к государю], белокожие дети, которые находились на одном уровне лестницы в обители благородного происхождения и шли в ногу друг с другом, даже были усыновлены, добившись степени, [о коей говорится в хадисе] «*твоя плоть – моя плоть*»[1295] (лахмука лахми), со словами: «Мы разбили бутылку радости и потеряли сладость ликования, разведя неподходящий огонь для трубки и курильницы» вешают на свою кобылу деревянные колодки и обод, роняя посредством полутора тысяч ударов кнутом наказания высокий стан своей чести и достоинства на землю унижения. Рассказывают, что Хасан-ага, решивший, что, слава [Аллаху], в Крыму не принято и не заведено вводить [человека] заживо в могилу унижения посредством подобной духовной смерти, вознамерился поругать поступки [благородных] мужей и вынудил оппонента [замолчать] с соблюдением правил дискуссии, представив [ему] ложную посылку: «Да, как вы изволили [заметить], благодетели употребляют своих искренних слуг, ищущих тени под деревом их благосклонности и собирающих плоды их

[1295] Слова пророка Мухаммада, адресованные его зятю и двоюродному брату ʻАли ибн Аби Талибу: «Твоя плоть – это моя плоть, и твоя кровь – это моя кровь».

великодушия, для тяжких поручений, а они, не ожидая благодарности, понурив голову, выполняют поручение, растрачивая силы ради снискания их довольства. Если же в силу человеческой природы они садятся на коня себялюбия, то седлают черного мула, на чьем путлище[1296] [держится] стремя фалаки[1297], чтобы несколько дней блуждать пешком по дороге тягот. Однако, в соответствии с содержанием бейта:

Zillet erbabı olur bab-ı İlahide aziz
Halk camide el üzre götürür papuşın
«Становятся униженные у дверей Аллаха почтенными,
Люди в мечети в руках несут свою обувь»[1298],

одни из них в награду за выдержку и терпение становятся визирями [и] обладателями [сановного] кресла, а другие – светилами счастья и удачи, источающими свет благосостояния, и владельцами дирхемов и динаров, [и] в соответствии с бейтом:

مضى خالد والمال تسعون درهما
و عاد و رأس المال ثلث الدراهم
«Уехал Халид с девяноста дирхемами,
А [когда] вернулся, [было у него из] капитала треть дирхемов»[1299],

будучи осиротевшим ребенком и немощным, носитель куньи Абу-з-Зухайл [получил] богатство по завещанию, возвысившись и став покорителем мира. Разве высшей [целью] татарских мужей, сидящих во главе дома банкротства, таких, как Шахполад-ага, не является стать визирем облаченного в пастушью бурку хана с железными стременами? Купивший [даже] не [побои] палкой, а дамасскую пощечину растеряет капитал своей драгоценной жизни, оставшись не у дел». Вернемся к тому, на чем мы остановились (раджа‘на ила ма кунна фихи). На полных изъянов страницах рядам расположились строки о том, что во время событий прошлого года Шахбаз-Гирай-султану было велено [присоединиться] к воинству августейшего [государя]. Пресловутый [хан] по мере сил прилагал усилия и усердствовал в служении религии и государству, в частности, орудовал мечом рвения в завоевании крепостей [на реках] под

[1296] Путлище – ремень, которым стремя крепится к седлу.
[1297] Фалака – орудие для наказания ударами по босым подошвам ног, которое широко применялось в Османской империи и других мусульманских странах.
[1298] Строки османского поэта Юсуфа Наби (ум. 1712).
[1299] Строки принадлежал Ибн ал-Му‘таззу (ум. 902), арабскому филологу и поэту, который был сыном правителя Арабского халифата из династии Аббасидов ал-Му‘тазз би-Ллаха (866–869).

названием Муре[1300] и Тисе[1301], а также в убийстве и искоренении их населения, как того требовали время и обстоятельства, утвердив [тем самым] свое существование, так что его угодный [всему] миру образ явил свой лик в зеркале наблюдаемого [мира], показавшись на глаза падишаху, с позволения [которого] он вернулся, и в конце [месяца] джумади ал-ула тысяча сто восьмого года (конец декабря 1696 г. – примеч. пер.) оперся на перину отдохновения в своей обители здоровья в Бахчисарае. [Когда] привычных к хитростям жителей Крыма посетило дурное настроение беспорядков, а Высочайшее Государство было занято своими австрийскими врагами, московский царь счел, что [пришло] подходящее время для [его] заслуживающих проклятия поступков, поднеся фитиль обмана к пороховому складу ухищрения, а татарский народ сам по себе был не способен воевать без пушек и мушкетов, бывших стержнем войны и сражения, о чем [они] сообщали и многократно писали петиции с просьбой об оказании милости и требованием [предоставить им] боеприпасы и войско. [После] многочисленных просьб, с которыми они обратились, разве что Йусуф-паше было поручено с пятью-десятью галерами и фрегатами, а также с некоторым количеством солдат, [отправившихся] по суше, [выдвинуться] в устья [рек] Чорка и Озю, однако, помимо того, что этого количества солдат было недостаточно, также по велению [Божьего] приговора и предопределения было решено, что почтенный падишах, преисполненный отваги, в пору непрерывных неудач погонит скакуна опасности в поход на Санту[1302], и из-за того, что вслед за обязательным для исполнения повелением хана Селима, содержавшим приглашение Шахбаз-Гирая, опередившего [всех] в мастерстве стрельбы из лука смелости, надежного в благоденствии его удачливых стоп и испытавшего всё в [этом] мире, [присоединиться] к воинству августейшего [государя] вместе с каким-то количеством татарских воинов, по причине проступивших капель [щедрого] пожалования из бескрайнего государева моря, вроде «платы на колчан» (тиркеш-баха) и «псарных денег» (секбан акчеси), его отъезд из Крыма все равно состоялся, отчего потоком сер-

[1300] Муреш (Марош) – река в Венгрии и Румынии, левый приток Тисы.

[1301] Тиса – река в центральной Европе (по большей части на территории современных Венгрии и Сербии), левый и самый длинный приток Дуная.

[1302] Сента (Зента) – город в исторической области Банат, на территории современного автономного края Воеводина в Сербии. 11 сентября 1697 года у реки Тисы состоялась битва при Зенте, в которой австрийская армия под предводительством принца Евгения Савойского одержала победу над войсками Османской империи, которыми командовал султан Мустафа II.

дец [всех] от мала до велика овладели волны горести и печали. Жители области [Крым], упавшие в яму мыслей о [принятии] мер с целью перекрыть путь селю врагов ясной религии, отправили с воззваниями гонцов во всех концы [Крыма], чтобы все конные и пешие были наготове, прежде чем зеленый палас крымских земель будет истоптан врагами религии. Когда влиятельный и авторитетный эмир ногайского племени Йедисан Тоган-мирза, внешне проявлявший любезность, приближая к себе обездоленных и пуская по кругу чаши дружелюбия, и его подчиненные проведали о том, что тогдашний правитель монгольского народа, проклятый Айука[1303], скверный самозванец из нечистого рода безбожных калмыков, опьяненный вином гордыни и надменности, разбил камнем притворства и ухищрений кубок мира и безопасности, заключенных им с татарским народом, в соответствии с религией, резкий ветер ненависти и злобы, который указанные [нечестивцы] пустили в сторону последователей ислама, заставил волноваться море их исламского пыла, они отвернулись от пресловутых [калмыков], и когда проявились признаки того, что поток их сердец хлынул, подобно дождю милости, в пределы исламских [владений], непокорные нечестивцы, чьи рты бесчестия и поражения высохли от жажды и жара отчаяния и сожаления, отправили в качестве посла неприятного ребенка по имени Кунджаб[1304] из числа его несчастных детей, питая беспочвенное желание привлечь и склонить золото сердец обладателей веры к союзу и миру с помощью ртути дорогих подарков. Когда он решил ввести [их] в заблуждение сатанинскими наущениями, донести которые ему повелел его злонравный отец, ангельский сонм единобожников сказал: «Разведайте их вести и тайны!», и благодаря своему стойкому обращению за защитой [к Аллаху] избавил себя от долины блуждания [в безвестности], после чего благодаря очень действенной молитве разящего меча (ду‘а-и сайф- кати‘), которую они запечатлели и написали на странице бумаги преследования [врага], отрезали языки и бросили головой вниз в яму преисподней нескольких шайтанов, бывших ‘Азазилами[1305] приближенных к [калмыцкому правите-

[1303] Аюка (ум. 1724) – главный калмыцкий тайши (1672–1690) и первый калмыцкий хан (1690–1724).

[1304] Гунджап-тайши (ум. до 1724) – калмыцкий царевич, сын Аюки и отец третьего калмыцкого хана Дондук-Омбо (1735–1741).

[1305] ‘Азазил – одно из имен Иблиса в исламской традиции, которое не упоминается в Коране или достоверных хадисах, но фигурирует в преданиях иудео-христианского происхождения (исра’илийат).

лю] людей, которых на языке указанного [народа] называли «кашка»[1306], а затем, напившись из реки Итиль (Волга – примеч. пер.) воды, похожей цветом на мираж, вместе с домочадцами и имуществом устремились к берегам реки Кубань, где сели на стул сочинения рассказов, и когда они стали рассказывать о своих приключениях, заставивших их отправиться в [это] путешествие, и просить благосклонности в выделении ему подходящего места, крымский хан вывел золотыми чернилами принятия тугру благоприятствования на ярлыке их желаний, чтобы они были поселены на берегах реки Уруб[1307] у границ страны черкесов, и поручил [измерить] переплет книги ведения их дел циркулю старания и усердия деятельного Девлет-Гирая, о чем услышали в упомянутом ранее племени Джанбойлук и отправили к указанному султану человека, потратив звонкую монету слёзных просьб о том, чтобы их освободили от господства нечестивых калмыков и оживили базар их жизни и существования, переселив в исламские области, усердный султан, бывший царем торжища на перекрестке сражений, незамедлительно направился к цели вместе с единодушно собранными ногаями и крымцами войсками, которые были вместе с ним. Группа преданных товарищей из [числа] указанных людей проявила поспешность на благословенном пути хиджры[1308], который был прославленной сунной Господина Вселенной – *наидостойнейшее благословение ему!* (‘алайхи афдал ас-салават) – и укрылась в глубокой пещере на берегу реки Итиль, ожидая прибытия друзей [и] с тысячей беспокойств за свою жизнь. Благодаря тому, что погонщик успеха погнал поводьями [Божественного] руководства лошадей газиев в ту сторону, количество единобожников достигло четырех тысяч, так что они сели на лошадей всецелого упования [на Аллаха] и вступили в долину старания, о чем прознали незадачливые враги, и глава горстки шайтанов Айука отправил в качестве передового отряда безбожника и неверующего, которого они звали Чабдарджаб[1309], и который был почтенным среди его нечестивых сыновей, вместе с двенадцатью тысячами псов, а вслед за ним сделал начальником шести тысяч безбожников другого своего

[1306] Ср. уст. калм. хашха («предводитель»).

[1307] Уруп – река на Северном Кавказе (Карачаево-Черкесия и Краснодарский край), левый приток Кубани.

[1308] Хиджра – переселение мусульман в другое место с целью сохранения своей жизни и религии, называемое так по аналогии с переселением пророка Мухаммада и первых мусульман из Мекки в Медину в 621 г.

[1309] Чакдорджап (ум. 1722) – калмыцкий военачальник, старший сын и соправитель (1714–1722) хана Аюки.

сына – зловредного Кунджаба, и направил вместе с четырьмя тысячами злых собак одного своего знаменитого военачальника, пользовавшегося его особым доверием, а сам вместе с двенадцатью тысячами легковооруженными всадниками отправился вместе с ними, и когда они в своем несбыточном желании разбить яйцо ислама (байза-и ислам)[1310] напали на единобожников с четырех сторон, словно море анчара, отважный султан, бывший китом в море храбрости, стоял стойко и непреклонно под знаменем предстоящей победы смелости и, повторяя:

Кит‘а:

از مرگ حذر کردن دو روز روا نیست
روزی که قضا باشد و روزی که قضا نیست
روزی که قضا باشد گوشش نکند سود
روزی که قضا نیست در او مرگ روا نیست

«Невозможно предостеречься от смерти даже на два дня.

В тот день, когда имеется приговор, и в тот день, когда нет приговора.

В тот день, когда будет приговор, его уши не принесут ему пользы.

В тот день, когда не будет [Божьего] приговора, не будет и смерти»[1311],

хлестал кнутом отваги, и когда носители искусства боёв и саламандры огня опасностей, в соответствии со смыслом бейта:

Atıldı tir-i saadet keman-ı gayretden
Kim ehl-i küfre varup arsa kıla meydanı

«Выпущена стрела счастья из лука рвения,

Которая попадет в последователей неверия и сделает поле ареной [боя]»,

то пускали в ход искусство обстрела, то направляли к шеям неверных острые клинки в драгоценных каменьях, украшенные надписью «*и чтобы Аллах оказал тебе великую помощь*» (ва йансурука-Ллах насран ‘азизан)[1312], скованные цепями детей и жён ногаи, связанные по ногам и оказавшиеся в безвыходном положении, тоже по мере своих сил применяли боевые орудия, после чего в начале [месяца] шаввал тысяча сто

[1310] «Неприкосновенность ислама» (араб. байдат ал-ислам, букв. «яйцо ислама») – это термин исламского права, обозначающий необходимость сохранения ислама как одну из непреложных обязанностей исламской общины и каждого мусульманина в отдельности.

[1311] Строки принадлежат персидскому поэту Камал ад-дину Абу-л-Фатху Бундару Рази (ум. 1010).

[1312] Коран, 48:3.

восьмого [года] (апрель 1697 г. – примеч. пер.) ветерок победы и триумфа овеял ковёр сражений и арену смертельных схваток, а посреди отрядов и среди коней стали проявляться знаки победоносного знания, так что сперва войско Джабдарджаба, а затем и армия Кунджаба отправились в ночь погибели, а лишенный чести и стыда хан Айука устремился из обширной степи боёв в тесную долину бегства, располагавшуюся на берегу реки Итиль, после чего от указанного султана к его родителю, крымскому хану, был отправлен посол, чтобы донести [до него весть о том, что] последователи ислама, чьи ноги были связаны путами подданных, были освобождены вместе со своим имуществом и вещами, благородный айат «*Сколько малочисленных отрядов победило многочисленные отряды по воле Аллаха!*»[1313] был истолкован [как предзнаменование] победы и триумфа, и когда тот раскрыл рот для донесения благой вести о том, что только один командир отряда (бёлюкбаши) секбанов в райском одеянии тюльпанового цвета отправился в гостевой дом Всемогущего Господа, и попросил соизволения возобновить пиршество войны и сражения, разлив вино крови спасшихся бегством, на что знавший толк в тонкостях хан, будучи [одним] из мастеров искусства войны и сражений, не дал на это согласия, сказав: «Есть опасность в том, чтобы бросаться на отчаявшуюся собаку и побежденную кошку, которые оказались припёрты спиной к стене обороны, и вступать с ними в драку», сокол с горы Каф сражений выпустил из лап подол битв и войн, вступив на путь отдохновения и передышки В [месяц] зу-л-ка‘да указанного года (май-июнь 1697 г. – примеч. пер.), когда храбрецы Крыма призвали к допросу языки, захваченные ими арканом порабощения, те высекли [из себя] искры ответа: «Злонравный король (московский царь – примеч. пер.) с коварными и лицемерными казаками Азовского моря и барабашами готовятся разбрызгать яд насилия и притеснения из Гази-Кермана с помощью пушек с драконовыми пастями и заколодованными бомбами, жители страны сожгли жилища разума и рассудка, и чтобы отвести [от себя] и потушить огонь смуты и завоевания, прежде чем он разгорится, крымский хан приступил к обороне за пределами Феррах-Кермана и, дабы преградить врагам путь, прочитал [суру] «[Ал-]Фатиха» и отправился [в путь], а когда в середине [месяца] зу-л-хиджа указанного года (июнь-июль 1697 г. – примеч. пер.) он бросил тень славы и величия на бесплодное дерево под названием Йалнызагач в степи Феррах-Кермана, отправленные калгой-султаном пленные подтвердили прежние сведения и

[1313] Коран, 2:249.

сообщили о том, что калмыцкий хан помог коварному московскому царю, предоставив ему взаймы [свое] одетое в грубые шерстяные одежды войско. Между тем, было неизвестно, на брачном ложе чьего овладения снимет шаровары любви и скинет с себя вуаль соединения невеста острога Гази-Керман, которая была дочерью отца сражения и матери победы, и он со словами: «Моя августейшая воля состоит в том, чтобы незамедлительно ввести [её] в гарем [супружеской] близости с помощью печати ускорения усилий и настойчивости», издал категорическое и строгое высочайшее повеление о том, чтобы поручить обязанность чтения [свадебной] хутбы и сватовства старанию и усердию сераскира Ак-Кермана и Бабадага Йусуф-паше, после чего известия о том, что они били в барабаны извещения и приглашения, чтобы нарядить жениха войска и созвать пиршество совещания знатоков дела, дошли до Крыма, благодаря чему хан выписал ярлыки, имевшие отношение к исполнению высочайшего фирмана. В указанном городе пресловутый Шахбаз-Гирай вместе с каким-то количеством татар, которых он склонением чарующими речами втёр, словно золотую сурьму в глаза крымской знати, заставив пролиться из них слезы тоски, получил приказ [отправиться] к лагерю, [тогда как] Ислам-Гираю[1314], сыну Хаджи-Гирай-хана (Хаджи-Гирай II – примеч. пер.), было велено присоединится к калга-султану, а Максуд-Гираю[1315] – следить за делами Буджака, пока не вернется Гази-Гирай, и в те дни, когда витязи-газии были разосланы повсюду, чтобы разузнать о делах врага и выполнить задание взять в плен бойцов злонравных неверных, от счастливого падишахского престола через Силахшур-агу пришло августейшее письмо, содержавшее повеление о том, чтобы поручить твердому мнению и благоразумному решению хана дела всех людей, находившихся на другому берегу реки Туна (Дунай – примеч. пер.), а также направить поводья отваги вместе с сераскиром крепости Керч Измирли ʻАли-пашой[1316] в сторону [реки] Озю (Днепр – примеч. пер.), так что хан, эмиры и знатные люди [собрались] под навесом совещания, а ʻАли-паша по-прежнему твердо стоял в кругу защиты и охраны, и, доведя до конца поездку и действуя в соответствии с формой, показанной отражающим мир зеркалом шпионажа «*Что бы ни говорил,*

[1314] Ислам-Гирай (ум. после 1724) – крымский царевич, занимавший пост нураддина в 1718–1724 гг.

[1315] Максуд-Гирай (ум. 1707) – крымский царевич, сын крымского хана Селим-Гирая I. Занимал пост нураддина в 1707 г.

[1316] Измирли Али-паша (ум. 1721) – османский государственный и военный деятель, занимавший посты губернатора в Белграде, Темешваре, Румелии, Египте, Эрзуруме.

говорит [на основе] увиденного» (хар чи гуйад аз дида гуйад) тех, кто странствовал по степи выслеживания и добычи сведений, решил оставаться глухим к звуку [из] груди скрипки с порванными струнами согласия и наигрышу чаши волосатого тамбура их единодушия, и спустя несколько дней после роспуска заседания Салман-мирза, который был светом солнца отваги, озарившим страну Крым, темной ночью вместе с семьюдесятью ратными мужами внезапно напал на московскую крепостцу, которую они называли Йени-Хисар («Новая крепость» [1317] – примеч. пер.), привязав к верви своего овладения дорогие товары вместе с пятнадцатью сильными пленниками, и когда находившиеся по соседству с указанной крепостью разузнали о том, что он направился к Самарской переправе[1318], чтобы переправиться [через реку], сорок стрельцов (тюфенг-эндаз) [из числа] проклятых [неверных] окружили устье переправы, решив преградить им проход, и тогда мусульманин Салман отпустил поводья умелого коня и привязал подол своей отваги к поясу усердия, рассеяв острым боевым клинком целостность их единодушия, швырнув одних из них на дно преисподней, а других – в море небытия, после чего заковал в цепи пленения и захвата выживших после боя и избежавших смерти, передав их своему спутнику и единомышленнику Байбол-аге, знаменитому своей храбростью, и оставив их у устья пресловутой переправы, а сам вместе с пятью-десятью ратными мужами, испытанными в искусстве храбрости, словно стрела приговора многострадальной [птицы] ‘Анка, прошел во вражескую страну и протянул поводья между двумя величественными таборами, подобными горам, скрывшись в [скрепленных] золотыми заклепками палатках темной ночи и поймав с помощью военной уловки пять-десять направлявшихся с той стороны неверных, [после чего] напал на место переправы, и благодаря тому, что Байбол-ага, которому было велено охранять устье переправы, твердо стоял на плоту усердия в деле охраны, они без всякого страха и беспокойства прошли оттуда, а захваченные ими пленные достигли целой сотни, отчего он со словами присущей простому люду гордыни: «Я стал обладателем сотни простолюдинов», добравшись до местечка под названием Джинджи[1319], расположенного в пределах исламских [владений], по

[1317] По-видимому, Новобогородицкая крепость в районе современного поселка Шевченко в черте города Днепра (Украина), на правом берегу реки Самара.

[1318] Самара – левый приток Днепра (в Украине). Впадает в Днепр в районе современного города Днепра (Днепропетровская область Украины).

[1319] По-видимому, Читинчи в районе современного села Запорожское Каховского района Херсонской области.

татарскому обыкновению, снял с себя рубаху разума и шаровары соображения, положив голову на подушку беспечности и зачав в [ту] ночь плод ненависти и раздражения, отчего более ста пятидесяти ночных воров совершили ночной налёт, и когда они устроили уличные торжества с помощью немелодичных мушкетов и праздничную иллюминацию со вспышками сжигающего мир пороха, дабы возвестить о злосчастном прибытии этого незаконнорожденного ребенка, унаследовавшего печаль, от страшного бедствия внезапно напавшей стаи свирепых волков Йусуфова красота его жизни упала на дно ямы кончины, но Салман-ага все равно, словно сияющий месяц, осветил своим светом семь человек и схватил их, а непрерывные атаки храбрецов и сияние солнца их сабель разбудили остальных, и благодаря тому, что они объединили усилия в применении боевых орудий, обретшие спасение от страшной опасности были захвачены в плен, а когда они были допрошены, то сообщили о том, что медведь и кабан неверных протянули лапы нападения со стороны Крыма и Озю (Днепра – примеч. пер.) и ступили на пастбище их покоя, так что пустить ради очищения крепостцы Гази-Керман от гноя неверия и многобожия потоки высочайшего повеления, бьющие из источника реки султанской власти, было поручено усердию крымского хана, вследствие чего он собрал Йусуф-пашу, которому было велено его сопровождать, и другие рода османского войска, назначив во все края людей, уполномоченных следить за рытьем ям [и] насыпей в городе Кан‘ан военного похода, так что в [месяц] мухаррам тысяча сто девятого [года] (июль-август 1697 г. – примеч. пер.) указанный паша прибыл в ханский военный лагерь. Когда знатные воины Рума и татар расстелили ковер совещания, они пришли к единодушному мнению о том, чтобы сопровождать и разделять общество защитника входа в Керченский пролив ‘Али-паши, повесив перевозку грузов с необходимым снаряжением для похода на худую шею крымских бедняков, благодаря чему была подготовлена и отправлена тысяча повозок с быками, а тысяча шестьсот находившихся в крепости Озю бекташийцев (янычар – примеч. пер.) вошли в круг суннитов и единобожников, после чего направились к текке, к которой они следовали. Ранее мирмиран Кафы Муртаза-паша[1320] приготовил паланкин отбытия, и когда большая часть неверных в количестве ста [человек], на которых он натолкнулся в пути, упала в яму поги-

[1320] Муртаза-паша (XVII в.) – османский государственный деятель, занимавший ранее пост губернатора (вали) Диярбакыра, отвечавший за подавление мятежа Абазы Хасан-паши в 1658–1659 гг. В 1690-е годы был назначен военачальником эялета Кафа.

бели, а благодаря повествованию выживших в битве пленных, говоривших на разных языках, вопрос о событиях был поправлен, они сообщили, что табор Узункол-оглу (Долгоруков – примеч. пер.[1321]) и гетмана барабашей (Ивана Мазепы – примеч. пер.) закидал ближайшие места грязью хитрости и злодеяний, те не посчитали целесообразным бросать опытных воинов и аксакалов войска единобожников в глубокую яму утомления, так что, в соответствии с ошибочной мерой Йусуф-паши, в беспочвенном желании освободить крепости, [как] им было велено, до завершения [подготовки] осадных орудий, он применил исламское войско в таких делах, как рытье насыпей и рвов иголкой со сломанным острием, и если ранее он окружил крепостцу Мубарек-Керман, то в силу непостоянства и легкомысленности перешел к крепостце Шах-Керман, а спустя несколько дней после того, как он повелел сераскиру Буджака Гази-Гираю разрушить и разграбить крепость Гази-Керман, из-за того, что два войска разделяла между собой река Озю, и они не могли ничего узнать друг о друге, он привязал переписку и корреспонденцию к руке умелого ныряльщика, подобного киту и большой рыбине, [который] благодаря ярким звездам дарения и щедрого пожалования из рудника благосклонности мисра‘:

Bi‘z-zaruri itdirir gavvasa lü’lü’ ser-füru

«Непременно заставляет жемчужина ныряльщика склонить голову»,

в спешке погрузил голову [в воду], переправился через указанную реку, доставил пресловутое письмо и пригласил [их], благовествовав о том, что указанный султан завоевал и захватил ранее упомянутую крепость (Гази-Керман – примеч. пер.), уничтожил четыреста неверных, заковал в оковы и цепи двух их главарей из числа родственников Шереметов-оглу, называемых ими «билкилик кнез» (великий князь – примеч. пер.). В начале [месяца] сафар упомянутого года (конец августа 1697 г. – примеч. пер.), когда два погрязших в неверии раба, сговорившихся о совместном освобождении острога Шах-Керман и потерявших верный путь, бежали на скакуне упорства и упрямства [пословицы] *«[это] не первая бутылка, разбитая [за всю историю] ислама»*[1322] (лайса аввалу каруратин кусират фи-л-ислам) в страну руин [слов] «*всё возвращается к своему истоку*» (куллу шай’ин йарджи‘у ила аслихи), норовистая ло-

[1321] Яков Федорович Долгоруков (ум. 1720), русский боярин и воевода, руководивший после Бориса Шереметева Белгородским разрядом (1697–1700) и отвечавший за охрану южных рубежей Русского государства.

[1322] Арабский фразеологизм, означающий: «Это не первый грех, который доводилось совершать мусульманам».

шадь одного из них заупрямилась и, по сути, отказалась везти неверного, воздержавшись от того, чтобы идти в сторону врага, из-за того, что возила [только] мусульман, отчего он повернул обратно и стегнул своего незадачливого товарища с дьявольскими мыслями плетью скрытности и осторожности, сообщив о единстве последователей ислама, и, хотя жители крепостцы не выдержали того, что татары перерезали путь к оказанию помощи и [доставке] запасов, а османские войска непрерывно вели огонь ядрами и картечью, в одну темную ночь они направились в долину бегства. Однако [их] малая горстка благодаря опоре на прочную стену бдительности в крепостце, которая была местом их покоя, стала проницательной и сведущей, что заставило их осмелиться оказывать непрерывно сопротивление и вести бои на протяжении двадцати двух дней. В ту пору в городах и селах Крыма – не приведи Всевышний Аллах! – возникла большая чума, так что окровавленные слезы разлуки разнесли жилище сердец, а огонь печали [в] плоде сердца сжег обитель печеней[1323]. После того, как упомянутый ранее острог Шах-Керман был завоеван и разрушен благодаря тому предлогу, в Нусрет-Кермане также был устроен склад боеприпасов и [собрано] войско, [а также им] была передана осадная пушка, туловище стены было продырявлено и испещрено пробоинами [с помощью] грозовых туч ружей и карканья раскатов грома, а благодаря падающей звезде огня воспламенения его заблудший табор был побит камнями и окрикнут в соответствии с благородным айатом «*и установили их для метания в дьяволов*»[1324], отчего их слабости стали очевидны, и завоевание крепости, которое было плодом действий [на поле] битвы, достигло [степени] потенциального, близкого [к актуальному] (кувват-и кариба), в силу соперничества между начальниками войска, отсутствия подчинения и споров среди рядовых, двадцатого дня [месяца] раби‘ ал-аввал (6 октября 1697 г. – примеч. пер.), в субботу, получавшие жалованье солдаты-сказочники, как на суше, так и на море стали единогласно разводить пустую трескотню о бунте против хана, визирей, мирмирана, знаменитых и почтенных адмиралов, и когда у них возникла вялость в пришпоривании коней и медлительность в поднятии парусов на судах их фаланг, у татарских грабителей не было мастерства в обращении с огнем, не было фитилей и зарядов в ремесле бросания гранат, не было интереса и знаний в науке пехотного [боя], так что в си-

[1323] Печень в мусульманской литературе упоминается как аналог сердца, в значении средоточия человеческих чувств и эмоций.
[1324] Коран, 67:5.

лу ревности и стыда поводья их воли выскользнули из их рук, они невольно спешились со своих коней, храбро вошли в крепость под канонадами и, не уделив множеству соколов, разбрасывающих искры сжигающего мир пороха, [даже того] внимания, коего [заслуживает] свечение выгоревшего за ночь светильника, распростерли крылья своего усердия, взлетели на вершину крепости, словно птицы-саламандры, водрузив на ее башни и крепостные стены знамя религии Ахмада (пророка Мухаммада – примеч. пер.) и вознеся голос азана Мухаммада, [но] это не оказало никакого воздействия на черствые сердца трусливых солдат, так что из-за вялости и нерадения в оказании помощи и единомыслии многие из числа татарских храбрецов были ранены огнем притеснения со стороны неверных, вынужденно вернулись и залегли в углублениях [за] насыпями, приступив к боям с помощью пушек и гранат. Татарские смельчаки показали мужественные поступки, а из-за их головных уборов, надеваемых как женский платок, на их черных лицах и отмеченных вероломством челах проявился цвет стыда, так что они стали приписывать друг другу обвинения в беспечности и оплошностях, изъявление неприязни и вражды друг к другу по причине болезненного отсутствия единства между начальниками и рядовыми увеличилось, а в промежутке, когда приблизилась пора снега и дождя, разрывавшая связь [между ними], до бестолковых людей, искавших повода для возвращения и беспорядков, дошла весть о разгроме Сенты (битва при Зенте – примеч. пер.), на тридцать пятый день осады, четвертого дня месяца раби‘ ал-ахир (20 октября 1697 г. – примеч. пер.) бесстыжие мухи и лишенные основы [птицы] ‘Анка, собравшиеся и столпившиеся вокруг крепости [на] раздачу сладостей денег, не вкусив наслаждения от вкуса сладкого меда победы и триумфа, стали разъезжаться по своим родным местам и областям со словами: «От холода ветров мы тоскуем по шербету и стремимся встретиться с детьми и женами». Высоко летавший Шахбаз-Гирай, который направил поводья отправления в сторону войска августейшего [государя], раскрыл крылья поспешания и вовремя добрался до султанского лагеря, потратив свою мощь на сражение с австрийцами и венграми, случившееся в крепостце Тиль (Тител[1325] – примеч. пер.) и крепости Липова. Сообщество татарских грабителей разбрелось на медвежьих лапах сбора мертвечины имущества и, подобно резкому ветру, метнулось в одну сторону

[1325] Тител – город в исторической области Воеводина на севере современной Сербии, где располагалась старинный венгерский замок. В 1697 г. замок был оставлен австрийским гарнизоном без боя, после чего был разрушен турками.

для разыскивания кореньев захвата трофеев, а османское войско во время переправы через реку Сента, которая была водоворотом [в] море бескрайних бедствий и бойней обладателей веры, сопровождало султана царства отваги и драгоценный камень рудника храбрости Эльмас-пашу, тогда как Кючюк Джа'фар-паша[1326], которому было велено вместе с находившимися под драгоценным камнем служения ему семьюдесятьюосьмьюдесятью людьми разведать состояние [дел] у злонамеренного врага, пока круг обладателя счастья был окружен и защищен стеною, подобной чеканному золоту,

Мисра':

انرا که خبر شد خبری باز نیامد

«О ком стало известно, о том больше не пришло вестей»[1327],

пропал без вести в долине искоренения, а когда Шахбаз-Гираем были отправлены люди, чтобы разузнать [о нем], им сообщили о том, что табор приспешников заблуждения и злодеяний поставил неподалеку шатры несчастья и гордыни, и тогда указанный султан лично погнал скакуна старания для получения полной осведомленности, столкнулся со ста тысячами неверных, сразился [с ними] острой Чингизовой саблей, захватил и вызвал двух языков, [а затем] благодаря храброму [шахматному] ходу воссел на стуле под навесом степенности. Не прошло много времени, и из-за [горы] Каф сокровенного [мира] начал разноситься эхом по тазу небосвода голос черноликого дива поражения, и до тех пор, пока постепенно искромётное ядро золотой пушки Хизровой новости не упало на землю, а сель бедствия не выбросил несметное множество деревянных обломков из реки в море исчезновения, пресловутый султан утвердился в прочном месте терпения и осторожности, благодаря чему один доброжелательный и проницательный человек из крымских эмиров стал свидетелем безобразной картины разгрома, показавшейся в зеркале мира, крепко привязал вервь сообщения о своем весомом мнении, сотканную им из основы и утка своего твердого разума, к деснице храбрости, засучил рукава усердия для вызволения Шахбаз-Гирая со дна опасной ямы и устройства бунта, и выступил перед садразамом, сказав громким голосом: «О мой султан! Согласно [пословице] «Более похвально вернуться (ал-'ауду ахмад), чем быть вдали от султана». Пребывание в этом месте вашего преданного [слуги] бесполезно и бессмысленно. Бо-

[1326] Кючюк Джафер-паша (ум. 1697) – османский государственный и военный деятель, занимавший в 1688–1697 гг. посты военного коменданта и бейлербея в Темешваре, Белграде и Боснии. Погиб в битве при Зенте.

[1327] Строки из «Гулистана» Саади.

лее того, оно порождает печаль и скуку. Если [ваш покорный слуга] вернется к [своему] падишаху, то есть вероятность, что он сможет оказать [вам] некоторые услуги, какие требует [нынешнее] время и положение», [тем самым] изящно попросил позволения [вернуться], создав предпосылки для тонких хитростей, а настрадавшийся визирь, подмигивая завистливыми глазами, дал знак, и в тот час, когда они поспешили провести церемонию проводов и переправиться [на другой берег] по ветхому мосту, являвшему пример моста [в День] воскресения, чтобы перебраться на безопасную сторону, указанный мост полностью сломался и разрушился, словно сердце влюбленного, о чем написал в своем своде (маджму‘а) «Ваки‘ат» Мес‘уд-эфенди, который был секретарем-советником пресловутого султана в то время светопреставления, а после сказал о случившемся с ним самим, передав и сообщив [следующее]: «Поскольку драгоценная жемчужина удачи находилась в пасти кита [Божьего] приговора, а Каруново[1328] сокровище счастья хранилось под головой семиглавого дракона, и, как стало притчей во языцех у народа, счастье скрыто за несчастьем. От разумных [людей нашего] времени и сведущих в известиях прошлых [поколений] не скроется и не утаится, что конь щедрости и победы с потертой уздечкой на своих ногах прибудет в предопределенное время в конюшню осуществления, а дичь завоевания и триумфа попадет в силки охотника по своей воле, [ведь] запечатленное на скрижали безначальности и в знании Вечного [Господа], конечно же, должно произойти» – с этими словами я ухватился за прочную вервь [айата] «*Скажи: «Нас постигнет только то, что предписано нам Аллахом*»[1329] и стал смотреть на то, чем завершится [это] событие. Если даже зубья колёс мельницы желания коварного небосвода сломаются о камень неудачи, [но] книге моей жизни не будет суждено быть забрызганной водой смерти от несчастного случая, я пущу в ход татарское искусство плаванья, унаследованное мною от моих отцов и дедов, переправившись через реку и добравшись до безопасного берега. Однако, в соответствии со смыслом мисра‘:

بخت اگر یاور بود دندان سندان بشکند

«Если удача сопутствует, то зубы [твои] сломают наковальню»,

если победа в жребии сражения, брошенного на доску земли, которая находилась за пределами круга представления, соберется в клетке

[1328] Карун – коранический персонаж, враг пророка Мусы (Моисея), обладатель несметных богатств, который был наказан Богом за свою гордыню.
[1329] Коран, 9:51.

счастья, достигнув порога удачи, я заявлю о [своем] служении и преданности – с этими [мыслями] я встал за указанным пашой. Несчастный визирь засучил рукава [для принятия] мер, записав слово в слово [все] приказы и многочисленными обещаниями уговорив военачальников воевать и сражаться, [признав] наиболее подходящим и верным положение мучеников и ублаготворив [сердца] самых ближайших родственников назначением на посты. Постепенно нити связей со служащими стали перерезаться ножницами нафса, даже записывающие повеления справа и слева потерялись на пути к бегству из-за помрачения [зрения от] замешательства и безвыходности положения и, подобно астрономам без астролябии, растерянно отклонились в сторону, а после их ухода из удачи алмаза (намек на Эльмас-пашу – примеч. пер.) яхонтового цвета стали капать, словно жемчужная вода, капли рубиновой крови, и он повелел этому бедняку (автору этих строк – примеч. пер.) записать пару приказов, а когда я, последовав его [повелению], погрузил перо исполнения в чернильницу подчинения, откуда ни возьмись прилетело пушечное ядро, сломав опору шатра, а пуля огненного ружья, написанная пером писца предопределения, попала паше в лоб, отчего он испробовал шербет мученичества, после чего я, плача и рыдая, читая [суру] «Фатиха», перешел пресловутую реку». Да пребудут над ним милость и прощение [Божьи] (‘алайхи-р-рахма ва-л-гуфран). Шахбаз-Гирай-султан, покрытый пылью печалей, выполнил задание сопровождать падишаха, вернувшись в крепость Тамешвар и после нескольких дней нахождения [в ней], [получив] разрешение, отправился обратно в Крым. В этом отношении Селим-Гирай-хан, будучи одним из гениев [своего] времени, сказал: «Если бы из-за возникших по причине долгих походов недостатка и нехватки в государевой казне и усталости и вялости в военных сословиях он какое-то время не потчевал спокойно в доме отдохновения, опершись на подушку мира и безопасности, если бы по его усмотрению в год многих потерь [от] неурядиц были бы подняты паруса кораблей похода на лишенных страха Божьего кормчих, несведущих в искусстве морского боя, то [вполне] вероятно, что они попали бы в пучину вечного сожаления от подобного грому зла и смятения и селя сожаления», и, чтобы в силу искренности и доброжелательности заставить показать в зеркале устной беседы приятный сердцу образ мира и безопасности, запечатленный в доме его души, девятого дня [месяца] раби‘ ал-аввал тысяча сто девятого [года] (25 сентября 1697 г. – примеч. пер.) он без всякой просьбы и приглашения погнал скакуна отправления [в путь] к порогу покровительствующего миру государя, а когда добрался до городка Кили, наступили

зимние дни, когда татарский народ [занимается] захватом трофеев, и он занялся такими делами, как откорм коней для подготовки к походу на неверных [из числа] барабашей, [тогда как] у населения, начальником отрядов акынджи[1330] которых был назначен Са'адет-Гирай-султан, не было старшины (мухтар), а когда они попросили [назначить им] опытного в делах калгу Девлет-Гирая, прославившегося тем, что его прибытие было знаком удачи, или Шахбаз-Гирая, стрела их просьбы попала в цель принятия, на восьмой день счастливого месяца раджаб (20 января 1698 г. – примеч. пер.) заботившийся о них Шахбаз-Гирай встал на путь джихада вместе с привыкшими к грабежам татарскими войсками. Крымский хан же, дабы одарить государеву казну, которая была торжищем даров из [разных] стран мира, редкостными товарами, скрытыми в сундуке его хранения и утаения, снарядил вместе с пятнадцатью-двадцатью людьми караван отправления [в путь], и когда он прошел степи и долины, приблизившись к Эдирне, по обыкновению ему был оказан прием и было определено жилище, украшенное царским убранством, а после отдыха на особеннейшем пиршестве совещания, устроенном новым садразамом 'Амуджа-заде Хусейн-пашой[1331], пресловутый хан дополнил свою приветственную речь татарским мускусом концовки [о] походах, что пришлось [тому] по вкусу, и когда они били челом у счастливого [государева] стремени, скакуны доводов «*мир есть благо*» (ас-сулху хайрун), которых они гнали по наиболее безопасному пути мира и блага, являвшихся требованием времени и положения, легли на грудь оказания впечатления в загоне слуха государева принятия, и благодаря закрытию бреши дорожных хлопот и открытию двери отдохновения в оседлом месте они вошли в цветник дворца примирения, и, по обыкновению, после завершения необходимых приготовлений к путешествию, визирь и хан разделили друг с другом стремя и поводья при отправлении в сторону обители джихада Белграда. Девлет-Гирай был назначен военачальником татар, чтобы сопровождать османское воинство, призванное освободить острог Нусрет-Керман, из которого, [несмотря на] потраченные в прошлом году на его завоевание и покорение силы, они вернулись отчаявшимися, и получил повеление до возвращения хана заниматься делами страны, жалованные султаном почетный подарок и украшенная драгоценными ка-

[1330] Акынджи – иррегулярная лёгкая маневренная конница, которая составляла, наряду с янычарами и сипахами, основу войска в Османской империи.

[1331] Кёпрюлю Амджазаде Хаджы Хюсейин-паша (ум. 1702) – османский государственный и военный деятель, занимавший пост великого визиря Османской империи в 1697–1702 гг.

меньями сабля, сопровождавшиеся падишахской грамотой [того же] содержания, что и выписанный его родителем ярлык, прибыли вместе с главными привратниками Высочайшей Порты, коим было поручено их доставить, благодаря чему его ликование достигло пика гордости. В те зимние дни, когда ранее упомянутый Шахбаз-Гирай-султан устроил вместе с многочисленным татарским войском набег на худо живших казаков-барабашей, сеявших семена смуты и интриг в областях страны Украния (Украина – примеч. пер.), шло много дождей и снега, а холод был сильным, что помешало их продвижению, и когда отправившиеся вместе с ним [в поход] стали настаивать на возвращении, сочтя чистой удачей, если им удастся благополучно добраться до своих домов, пресловутый султан привязал подол своего упования к поясу усердия, стегнув коня отваги плеткой рвения, и превратил с помощью представления с огненными стрелами окрестности крепости под названием Чогай (Чугуев[1332] – примеч. пер.) во владениях неверных в гнездовье ворон и сов, протянув руки грабежей, благодаря чему в руки татар попали бесчисленные драгоценные трофеи, бывшие дарами Божественного чертога, и хотя по их возвращении, [пришедшемуся на] конец зимы, старуха судьбы устроила ворожбу, произнеся заклинания снега и дождя, и обратив лик жизни их [верховых и вьючных] животных в рожу трупа. Однако, несмотря на удачу отмщения за убитых, бывшую следствием понесенных ранее дорожных хлопот, в частности благо трофеев, которые являются самым прекрасным из имущества мусульман, из-за безжалостного и беспощадного огня, который в прошлом году поднялся над собранным зерном жизней жителей Крыма, и затянувшихся походов неверные стали питать ложные предположения о татарах, будто бы те ослабли и не способны сражаться. Двадцать седьмого дня [месяца] ша‘бан указанного года (10 марта 1698 г. – примеч. пер.) Девлет-Гирай-султан вернулся для выполнения данных ему поручений из черкесских краев в Крым и устроил пиршество совещания во дворце Акмесджида, который был резиденцией калги, а поскольку пошла молва о том, что насекомые неверных, забившиеся в узкие щели в земле от выпавшего [на них] града стрел татарского войска, пришедшего к ним зимой, подумывают под влиянием весеннего тепла о том, чтобы разлететься по землям Крыма, они взялись за перо просьбы и наложили на свои надежды печать мольбы, чтобы [получить] величайшее снадобье помощи и поддержки, которое было

[1332] Чугуев – казачье поселение с крепостью на реке Донец, расположенное на территории современной Харьковской области Украины, в 28 км к юго-востоку от Харькова.

противоядием и красной серой из лечебницы падишаха семи климатов и сокровищницы справедливого государя, и тогда ярлык хана Селима, сопровождавшийся письмом августейшего [государя], направленным им Девлет-Гираю по поводу выделения и направления [туда] татарского войска, требовавшегося для служения крымскому хану, который сидел в шатре пребывания вместе с садразамом, и великолепным государевым подарком, был передан и вручен [одному] из четырех особо приближенных подданных пресловутого [султана] Мардан-‘Али-аге, после чего задание выделить в соответствии с приказом от каждых двадцати домов по одному человеку и доставить до места было передано и вложено в десницу усердия [одного] из ханских сыновей Менгли-Гирай-султана, и в [месяц] зу-л-хиджа указанного года (июнь-июль 1698 г. – примеч. пер.) упомянутый [царевич отправился] к войску августейшего [государя], а калга-султан выступил верхом из Бахчисарая, чтобы поставить шатёр охраны в степи Феррах-Кермана, и неспеша направился к крепости Феррах-Керман, но по пути из-за лицемерных и замышлявших козни языков распространилась ложь о том, что неверные ифриты[1333] осыпали указанную крепость искрами натиска и осады, и когда благополучный султан прибыл в указанное место, читая заклинания всеобщего ополчения и защитную молитву (букв. ла-хаула, «Нет силы [и могущества, кроме как у Аллаха!]» – примеч. пер.) рвения, дабы изгнать и выслать шайтанов в человеческом обличье, стало известно, что змея разнообразных неверных в своем несбыточном желании пустить яд овладения корчилась от стеснения и боли в окрестностях острога Шах-Керман, расположенного на берегу реки Озю, и находилась в окружении печали и грусти, от Феррах-Кермана была отведена беда, и один склонный к проклятым деяниям неверный из нечистого рода абазинов, купленный Девлет-Гираем за дирхем слуга, сел на коня вероотступничества и поведал указанным [неверным] сказку о том, что татарские волки точат клыки своего аппетита о точильный камень отправления, чтобы внезапно напасть на собравшееся в тех краях стадо свиней, а они облачились в железные латы пробуждения и бдительности, отчего они вернулись назад, заполучив во время торга сражения [лишь] некоторое количество пленных. Раздобыть вести о делах табора, находившегося в крепостце Шах-Керман, было поручено одному из эмиров Ширинов Джан-Тимуру и одному из мансуровцев – Бахадиршах-мирзе, и они ухватились за полу [подножия] горы

[1333] Ифрит – разновидность джинна в арабской мифологии, отличающаяся особой силой и хитростью.

выслеживания. Когда они вдруг наткнулись на примерно пятьдесят охотничьих собак из [числа] проклятых [неверных], направившихся в степь непокорности и нечестия, чтобы поймать в силки беды шедших в одиночку газиев, которые был газелями [у] райского древа, а в главарях у них был благонравный юноша, который изначально был мусульманином из чистого рода и имел родство с одним из ногайских мурз, называвшихся Йедисан, знаменитым среди татар своим умом, проницательностью и великодушием, и известным своими способностями, и когда в детстве этот малолетний отрок угодил из-за коварства [своих] братьев-шайтанов, бывшего скользким местом для ступней, на дно ямы пленения, неблагодарные попы повесили на белую шею чистого и безгрешного [ребенка] золотой крест, обманули [его] игрушками [в виде] красных яиц и осквернили его милое тело золотым грузилом, что, по их ложному убеждению, разбило яйцо принадлежности к исламу, и он поверил этому, а они стали поручать ему некоторые задания, [дав ему] почетное среди них звание. Благодаря руководству света веры, заключенному в сокровищнице его сердца, и помощи магнита любви к своей изначальной родине, вместе с пятью-десятью людьми, которые тянулись к исламу и последовали за ним, он добрался до берега безопасности и вошел в круг товарищеского общения указанного мирзы, сообщив о том, что проклятый табор стал беспокоиться и распадаться из-за нехватки воды и фуража, начал переправу через реку Озю, а их верховые животные ослабли и выбились из сил, благодаря чему в конце благостного [месяца] сафар тысяча сто десятого [года] (начало сентября 1698 г. – примеч. пер.) татарское войско прошло через переправу Арал-Самар[1334], и для того, чтобы ввести злосчастных неверных злодеев с помощью светозарного и сияющего клинка в обитель гибели, были отобраны умелые [и] летающие [на крыльях] ветра товарищи, а выбившиеся из сил вернулись к себе домой, и в ту пору, когда один из крымцев Бахадир-ага привязал нить распорядительности, чтобы показать защитой крепости Феррах-Керман [состояние] дел в Крыму, от указанного лица пришел особый человек и сообщил отрадную весть о заключении мира с цесарем австрияков и прибытии в скором времени хана. Даже те, кому было велено [вести] джихад, украсили роскошные наряды невесты высшего рая особым воинским облачением, выстроились для разграбления местечка,

[1334] Орель и Самара, притоки Днепра (совр. Днепропетровская область, Украина).

называемого ими Бозок[1335], захватили какое-то количество пленных и скота и пожгли огнём села и городки, тем самым как бы отомстив за кровь. Однако несколько львов из леса сражений испробовали на вкус шербета сабли, [один] из великих [предводителей] Ширинов Джан-Тимур и Осман-ага, сын [одного] из его известных дворовых людей Бахадир-аги, а также другие ратные мужи были ранены из ружей, и в начале [месяца] раби‘ ал-аввал (сентябрь 1698 г. – примеч. пер.) [он] направил поводья коней в сторону родных мест, освободил сундук драгоценных камней мучеников десницей помощи из рук неверных и по обыкновению постарался нагрузить скакуна сундуком почтения и передать их женам и детям, нанеся на раны получивших ранения бальзам заживления, после чего сообщил крымскому хану о том, что [подобные] барсам [в] мщении газии в очередной раз приступили к мести за пролитую кровь, и каждый храбрый и сильный лев готовит оружие для боя, а когда [они] в ожидании вперили взор в [сторону] повеления «*усердствуйте против неверных на пути Аллаха*» (джахиду ‘ала-л-куффар фи сабили-Ллах), в конце [месяца] джумади ал-ула тысяча сто десятого года (начало декабря 1698 г. – примеч. пер.) пришли ханские письма, в которых было написано о том, чтобы начертать чернилами народного единодушия строки на странице поля боя пером мира и безопасности, перечеркнуть написанное в тетради линией уничтожения и недействительности, сыграть на барабане султанского воззвания мелодию со словами «*мир – это господин решений*»[1336] (ас-сулх саййид ал-ахкам) и в целом наложить на ноги лошадей храбрых мужей путы стремления к миру, и сколько бы похвальным и желанным ни было бы это хорошее положение в [глазах] благоразумцев и обладателей мудрости, недалекие и болтливые люди, позабывшие о последствиях, со словами: «С какой стати потребовался мир, если по велению [наших] сердец не свершилась месть острым мечом в золотых ножнах?» стали, при очевидной слабости и нехватке войска и казны, проявлять неотесанное геройство, так что нестройные звуки их возмущения ранили слуховые каналы ранее упомянутого нами Шахбаз-Гирай-султана, который был весьма разумен, и, чтобы не слушать подобного рода неприятных речей, несчастный под предлогом охоты отправился в свое последнее путешествие, пройдя по своей собственной воле в края черкесов, которые, в соответствии с безошибочным

[1335] По-видимому, село Бузовка (совр. Новомосковский район Днепропетровской области, Украина).
[1336] Хадис пророка Мухаммада.

смыслом [айата] «*ни один человек не знает, в какой земле он умрет*»[1337], стали местом его убиения. В те дни черкесские упрямцы безжалостно обагрили кровью одного несчастного и ни в чем неповинного султана из рода Чобан-Гирая, упражнялись в пролитии крови султанов и выработали привычку к тому, чтобы пускать кровь потомству Чингиза. Гази-Гирай, который в прошлом году был сераскиром Буджака, сопровождал своего родителя в походе на австрияков, вследствие чего указанная обязанность была привязана цепочкой представительства к могучей шее его младшего брата Каплан-Гирай-султана, когда он по обыкновению доставлял запасы [продовольствия] в Каманиче, а по пути назад протянул когти урона к наиболее доступным селам государства ляхов, поймав добычу трофеев. Очи достоверного знания Гази-Гирай-султана также не узрели документов, сообщавших об окончании мира, заключенного в Карлофче[1338], отчего он посчитал эти приобретения не вполне законными (мабейн махсулю), склонив буджакских ногайцев посулами и подстрекательством к тому, чтобы пустить внутренний поток набега на страну ляхов, вследствие чего он ввел в гарем дворца захвата трофеев безграничное и бесчисленное [множество] розовощеких девушек и юношей с кипарисовыми станами, а также редкостных подарков, и когда они добрались до ярмарки родных мест, базар сражений оказался в запустении и застое, а торговля мира и примирения стала бойкой и обильной, вследствие чего черными чернилами пересказа и изложения было написано бедствие интриг и бунта, коим был огонь, сжигавший жилище мира и спокойствия, который возник, когда были изданы суровые приказы о возвращении большей части пленных, которое было условием мира. Знающий толк в тонкостях хан, оберегая обитель чести государства от капель укора врагов, создал почву согласия, которая была дополнена основой мира и спокойствия, послужив причиной для умиротворения бедняков и подданных, он сопроводил садразама на пути назад, и оттого, что груз несчастья вынужденного увольнения, взвешенный на весах разума и благоразумия, был тяжелее добровольной ноши, а также от неблагоприятного положения людей, вызванного долгими походными тяготами, его привыкшую к изяществу натуру постигли утомление и усталость, и он убедился, что образ мира и безопасности, показанный зеркалом мироздания, явит наружность ратных и военных мужей в уродливом

[1337] Коран, 31:34.

[1338] Карловцы (совр. Сремски-Карловци, Сербия) – город в исторической области Воеводина, где 26 января 1699 г. был заключен мир между Австрией, Речью Посполитой и Венецианской республикой с одной стороны и Османской империей с другой стороны.

и неприятном обличье, отчего зеркало его авторитета рассыплется, и посадил десницей своей воли и выбора на трон правления своего старшего сына Девлет-Гирая, которого он ранее поднял на ступень готовности к правлению с помощью лестницы престолонаследия, а сам [в соответствии с] бейтом:

Birev kim çıkdı ildin ageh oldur
Gedalukdın kim agehdür şeh oldur
«Кто вышел из провинции, тот сведущим является,
А кто ведает о нищенстве, тот царём является»,

обратился к покровительствующему миру достопочтенному падишаху, бывшему полюсом окружности власти, через посредничество пресловутого визиря с просьбой о благоволении, дабы он мог предаться затворничеству в уголке благополучия на подушке уединенности и досуга, став преемником [Ибрахима ибн] Адхама[1339], после чего в [месяц] раджаб тысяча сто десятого года (январь 1699 г. – примеч. пер.) благодаря участию Кыблели-заде-бея[1340], бывшего старостой привратников государева двора, он был приглашен в Счастливую Порту, бывшую киблой обращавшихся с просьбами, и в [месяц] рамадан указанного года (март 1699 г. – примеч. пер.) на престол правления был посажен Девлет-Гирай, а на Селим-Гирая были надеты соболиные меха отставки, так что он сел в колесницу благополучия, дабы расстелить молитвенный коврик отдохновения в усадьбе Кадыкарьеси (Кадыкёй – примеч. пер.), расположенной поблизости от городка Силиври. Новый хан приложился лбом почтения, дабы поцеловать устами благодарности подол своего великодушного отца, и трое суток наслаждался благами приемных покоев общения с ним, а когда настала пора возвращаться, он попросил включить в круг его друзей Мардан-ʻАли-агу, который был взращен в особых благах и вырос в доме избранничества Селим-Гирая, и когда ему дали по губам его просьбы оплеуху отказа, должно быть, сломанное перо пролило слезы сетования, рассказав о том, что в силу упрямства и строптивости, сосредоточенных в природе и устроении Девлет-Гирая, по распоряжению и настоятельной просьбе представителей высокой власти он (Мардан-ʻАли-ага – примеч. пер.) был удален из круга облагодетель-

[1339] Ибрахим ибн Адхам (ум. 776) – представитель ранних исламских аскетов, почитаемых в суфийской традиции. Согласно преданию, он родился в семье правителя Балха, но отказался от престола и посвятил свою жизнь строгой аскезе и затворничеству.

[1340] Кыблелизаде Али-бей (ум. 1702) – османский государственный деятель, занимавший пост первого мирахура (мирахур-ы эввель) при дворе османского султана Мустафы II. Родственник садразама Кёпрюлю Амджазаде.

ствованных, и прошло не так много времени после его принятия на службу векилем, как он пустил из лука ненависти и гнева стрелу недоумения, решив уничтожить и разрушить обитель любви своего родителя, и постепенно основы царствия его любви и привязанности полностью обветшали. Короче говоря, Девлет-Гирай устроился в ханском кресле, решив по своей воле и желанию назначить калгой Шахин-Гирая (сына Ислам-Гирая III – примеч. пер.), а нураддином – Са‘адет-Гирая, но Шахин-Гирай попался в лапы орла неизбежной гибели, а Са‘адет-Гирай ушел в отставку с указанного поста, после чего сделал калгой Шахбаз-Гирая, нураддином – Гази-Гирая, а страницу желаний одного из своих опытных служащих ‘Абдуллах-эфенди, способного определять начертание подписей в документах и корреспонденции, украсил заглавием кадиаскерской должности. Известно, что Девлет-Гирай-хан разделил [с ним] чашу вина [на] неприятном пиршестве скитания на чужбине и горести, и погубил свет его очей и зрения писцовой службой, так что он занял в качестве платы за работу писца должность начальника дивана, которая была последним, чего он желал, и когда он в своем несбыточном желании стать лучшим среди себе подобных как бы невзначай потребовал поменять его должность, тот, проливая кровавые слезы из рубинового пера и опечаленных очей, с сожалением и горечью сложил и сочинил бейт:

Dağlar yakdum elif tek şerha çekdüm sineye

Ta görün tarihini Devlet Giray’ıñ fehm ide

«Прижигал я [себе] грудь раскаленным [металлом], [о] мой единственный, расцарапал её,

Дабы понял ты дату [на] могиле Девлет-Гирая»,

представив его взору изысканных [ценителей], а сказавшим: «Это же траурная элегия (марсийа)», ответил: «Да, это траурная элегия, отвечающая моему состоянию и положению». В Карлофче, которая служила местом мирных переговоров, посланный Москвою безбожный посол влил материю мира и безопасности, скрытую в пепле подозрения и скрытности, с помощью жара примирения в форму любезности, выразив расположение и интерес, а когда Рами-эфенди[1341], которому было велено усмирить розоволикого отрока искренней дружбы, израсходовав звонкую монету разговоров, протянул ему в ответ вервь слов: «Чтобы стрела

[1341] Рами Мехмед-паша (ум. 1706) – османский государственный деятель, дипломат и поэт, занимавший пост великого визиря Османской империи в 1703 г. В 1699 г. он представлял Османскую империю на мирных переговорах в Карловицах.

достижения желаемого попала из лука старания в цель завершения, она нуждается во мнении и воле крымского хана в силу близости [к вам его] страны», так что из-за направляемых хану приказов, содержавших бессмысленные и запутывающие слова, которые пресловутый [посол] распускал в виде просьбы о том, чтобы на два года выложить перед участниками сражений стену перемирия и, поскольку путь к вражде с его стороны был перекрыт, [он мог] рассматривать через брешь осторожности и осмотрительности из подзорной трубы обстоятельности фигуры событий, [из-за] фантазий, [имевших место] в дни ожидания приезда назначенного в Крым делегата, о том, что благодаря возможности заключения мира из-за отправления московитами посла каждый сможет спокойно сидеть в уголке отдохновения, а также из-за хитростей и интриг, раз за разом исходивших от подобных лисам проклятых [неверных] Московии, даже в этом положении в силу вероятности ухищрений и обмана Каплан-Гирай, защищавший и стерегший подданных от шакалов неверных, [словно] стадо овец и ягнят, и глядевший на них в степи Феррах-Кермана очами проницательности, разослал повсюду для выслеживания добычи гиен, которые положили перед Каплан-Гираем казаков, пойманных умелыми татарами, ездившими на арабских скакунах, а когда он нанес пощечину допроса ладонью насилия и суровости, им сообщили, что [подобный] совам в деяниях король (русский царь – примеч. пер.) вместе с предвещающим разлуку вороном проклятых [неверных] остановился в местечке, называемом ими Каргалык [1342] (букв. «воронье гнездо» – примеч. пер.), а поедатели мышей [из числа] неверных собрались и скопились [там], чтобы отправить в полет птицу спокойствия мусульман, а поскольку указанные [люди] были кем-то вроде крестьян и землепашцев, их слова не были надежными, и пресловутый Каплан [-Гирай] (тж. каплан – «тигр» – примеч. пер.) отправил для уточнения слов Сыртлан-агу (тур. сыртлан – «гиена» – примеч. пер.), выросшего в каменном логове его воспитания и вскармливания грудью, вместе с двумястами высоко парящими соколами, а они проследили злосчастные следы ног неверных на расписанном узорами лице снега, и когда две говорящие обезьяны, знавшие о делах и попавшие в их силки, были помещены в клетку с львами давления и допроса, разумники своего времени изучили согласованность слов круга сторонников лицемерия в вопросе мира и согласия, впав в растерянность и недоумение по поводу понимания смысла этих двух противоречивых по содержанию речей, куцая гра-

[1342] Кагарлык – крепость на юге современной Киевской области Украины.

мота с тревожным названием, которую повесили на шею власти неблагодарного попа, отправленного в ту пору Москвой и облаченного в черную рясу коварства и хитростей, имела неприемлемое содержание, состоявшее из следующих бессмысленных слов: «Я король Востока, а ты – хан Крыма. Не оказывайте препятствия, когда наш верховный посол, отправленный нами к падишаху Константинополя для обсуждения некоторых вопросов, доберется до ваших переправ и проливов», а поскольку смысл письма и вид посланца сообщали об унижении и оскорблении, указанный посол был посажен в углу дома уничижения, а жители страны рассматривали события эпохи через ворота страха и надежды. Крымский хан по мере возможностей уладил дела людей в пределах Буджака, который входил в область его правления, и когда на десятый день заповедного [месяца] мухаррам тысяча сто одиннадцатого года (8 июля 1699 г. – примеч. пер.) он на корабле возвращения бросил якорь благополучия на горе Джуди в Бахчисарае, это была пора молодости его правления, и в те дни, когда он, решив добиться доброй славы и проявить великолепие и достоинство, показав облик суровости в вынесении решений о наказании, звуки барабана несправедливости и притеснения мирливы Ширинов, бестолкового Орак-Тимура, опьяненного переменявшим настроение вином [пословицы] «*безумие [имеет множество различных] способов*» (ал-джунун фунун), вышли за пределы завесы справедливости, так что огонь его гнева и ненависти сжег печени пасущихся [животных] и раны птиц, кроме обладателей разумной души и наделенных разумом; в частности, он выражал ослушание и несогласие с благодетелем крымского населения ханом Селимом, неоднократно сея интриги среди татар, что вело к смуте в государстве, и хотя было обязательно и крайне целесообразно защититься от его козней и вреда острой саблей наказания и устранить его осквернённую пороками сущность со страницы эпохи, пресловутый хан удостоился счастливой чести посещения Дома Аллаха и очистил водой Замзама избегания руки и подол от пролития крови и прочего мусора неповиновения [Аллаху], так что не только стал воздерживаться от осквернения своих благословенных десниц нечистой кровью, но и в силу обилия воинов [его] племени, множества помощников и в целом главенства среди эмиров Крыма, начал заниматься его перевоспитанием, не осмелившись на его убийство и казнь из-за вероятности возникновения великих интриг и поручив [это дело] наказанию Сильного [и] Мстящего [Господа]. «*Если Аллах пожелал что-то, то Он подготавливает для этого причины*» (иза арада-Ллаху шай'ан хаййа'а асбабаха). Вследствие того, что в диване его судьбы пером писца предопреде-

ления было начертано и записано повеление о его наказании, во время возвращения указанного лица из похода на австрияков в его почти обветшалый дом собраний (дар ан-надва) на коне надменности и гордыни его спутником и товарищем снова был [один] из известных и прославленных мирз указанного племени Сары Кадир-шах, [но], не вынеся прохладного и сурового обращения человека с дурными манерами, сошел с пути товарищества и отстранился от общения и дружбы, так что на некоторых стоянках и привалах в нем разгорался огонь озарения экстазом от отставания или опережения, и он подоткнул подол для отправления [в путь], чтобы бросить Кадир-шаха в святилище огня горя и тоски, и когда они дошли до местечка под названием Кара-Яхши, он пригласил его к покрытому чернотой очагу, дабы под предлогом питья черноликого кофе явить ему черноту своего лица, заключенную в его злобной душе, и тогда бельмо беспечности ослепило око его осторожности и проницательности, отчего он оперся о трость принятия [приглашения], по старой привычке положив свою обреченную голову на землю покорности, дабы поцеловать его державшую перо руку, а сумасшедший эмир протянул десницу отваги и взял несчастного мирзу за его длинную седую бороду, осыпая его пинками унижения и нанося пощечины порицания, пока [его борода] не покрылась кровью, так что уязвленные жалом обиды и ужаленные змеей упреков змееподобного Даххака того времени подняли знамя Каве[1343] (дирафш-и кавийани), привязав с трех сторон и повесив на прочный флагшток развода и клятвы сотканную ими материю соглашения о том, чтобы по старинному татарскому обычаю сломать древко его опрокинутого знамени, дабы ударить по его надменной голове камнем погибели или же изгнать и сослать из области Крым, бросив в пучину уничтожения, и когда он проведал о назначении глашатаев для записи, сбора и созыва, и мал, и велик услыхали о том, что он скрылся и бежал в несбыточном желании высвободить воротник своей жизни и головы, Каплан-Гирай-султану было поручено задание [провести] разведку, во время его розысков было установлено, что указанный отбыл в направлении Буджака на челне страха и печали, [движимый] ветром беспокойства и осмотрительности, по принятому у них правилу они вписали пером со сломанным кончиком:

Мисра‘:

كدو افتاد و بادنجان برآمد

[1343] Каве – герой иранской мифологии, кузнец, поднявший восстание против тирана Даххака.

«Упала тыква, а поднялся баклажан»[1344],

в тетрадь руководства диковинное по звучанию имя бывшего пожилым и старым среди них Алп-Гирай-мирзы[1345], а хан одобрил почетным роскошным подарком мнение людей. Как было сообщено на страницах записи, на первых порах после заключения мира Гази-Гирай исполнил высокочтимые повеления о том, чтобы вытащить через дымоход и предъявить с помощью травы розысков лисёнка проклятых [неверных], спрятанных руками гнева и ущерба мошенников и грабителей из буджакских татар, а [бывший] заглавием в тетради проницательности и точкой в центре окружности прозорливости Менгли-Гирай-султан, который отвечал как сераскир за приведение в порядок дел народа, по своему желанному усмотрению, соответствовавшему [тогдашнему] времени и положению, потратил силы на то, чтобы показать [состояние] общих и частных дел, не допустив никаких недостатков и оплошностей вроде небрежности и нерадивости, но, сочтя, что Менгли-Гирай расстроится и опечалится оттого, что крымский хан передал [выполнение] указанного задания в лапы Каплан-Гирая, он решил потушить огонь огорчения мягкими и сладкими бессмысленными речами, дабы тот был вместе со своим преемником, и помимо того, что указанный султан украсил трон великодушия и оказался на вершине высокого положения, [а потом] без причины был выброшен с арки почтения, [но] бальзам утешения не заживил [рану] и не сломил обиды, надменность и гордыня, проявленные слабоумными и бестолковыми [людьми] из свиты Каплан-Гирая, вызвали отвращение в сердцах указанных людей, так что, удостоверившись в том, что они собираются поднять стяг распутства и упрямства на макушке непокорности и нечестия, он стал искать повода для того, чтобы спастись от волнующегося моря распрей и раздоров и добраться до берега безопасности на челне с шелковыми парусами наилучшего мнения, после чего начертал двухсторонним пером вежливости изображение на странице возмущения в виде просьбы об освобождении от указанного поручения и целовании подола ханского [платья], и направился в Крым, не дожидаясь, когда придет ответ на его просительное письмо. На волнительном собрании, устроенном Каплан-Гираем для объяснения смысла написанного и исполнения прекрасного повеления, [эти] люди с лисьими нравами благодаря очаровательной лести привязали веревку покорности и повиновения к обветшалому столбу шатра совещания, показав

[1344] Строки принадлежат персидскому поэту Камалу Худжанди.

[1345] Алп-Гирай (ум. после 1703) – крымский царевич, сын хана Мурад-Гирая I.

себя в присутствии прославленного в отваге барса в виде бессильных кошек, а когда вышли [от него], то с ревом и возгласами, [как будто] сцепившись в схватке, они, подобно волкам и шакалам, забрались на расположенный перед пресловутым [Каплан-Гираем] высокий холм высокомерия, тогда как султан поставил шатры и палатки, сделав безопасным местом и пристанищем нагруженные соломой и сеном телеги, украсил стрелы и сабли бахромой отваги и драгоценными каменьями храбрости, не выказав страха и тревоги. Однако из-за слабости и изнеможения крымского войска, терпевшего тяготы долгого пути, а также многочисленности и обильности буджакских разбойников, имелась вероятность проявления уродливой рожи поражения на поле видимого [мира], отчего в тот час, когда он опустил поднятые на холмы их грубости знамена возвышенных знамений их тяжелых речей по плавному скату благоволения требованиям, указанные [разбойники] сменили полотнище кислых лиц, сотканное из грубости, которая была скрыта ими в сосуде понимания выгоды, на облик настойчивости и строптивости, и стали свистеть в свисток настойчивых просьб о том, чтобы без промедления и отдыха направиться к возвращению, переправившись на челне с парусами безвыходности через реку Турла (Днестр – примеч. пер.) на переправе Чубурджа[1346], и тогда черствые сердца бунтарей получили подкрепление, вследствие чего все они разъехались по домам, для приготовления дорожных припасов, подготовки оружия для сражений и укрепления круга их общины, который был ожерельем на шее их проклятых деяний, так что Каплан-Гирай вновь написал документ [с заверением в] любви, в котором просил преемника, Менгли-Гирая, о помощи и содействии в том, чтобы подоткнуть подол усердия, дабы рассеять ряды сторонников бунта и непокорности палкой стрел и копий, и сколько бы ни была замутнена грустью и болью река его души от пыли отстранения [от должности], ртуть братских уз притянула [его], отчего он сел вместе с ним на судно совместного времяпровождения при переправе через указанную реку и восседал под навесом товарищества в окрестностях крепостцы Йаныk (Яныk-Хисар – примеч. пер.) и Ханского Зимовья (Хан Кышла-

[1346] Чубурджа (совр. Чобручи) – поселение, расположенное в Слободзейском районе современной непризнанной Приднестровской Молдавской Республики. Расположено на левом берегу Днестра в 22 км ниже города Тирасполя. Было важным пунктом на маршруте, соединявшим турецкое Подолье с черноморскими портами. Возле этого селения с древних пор находилась одна из наиболее удобных переправ через Днестр.

сы)[1347], написав крымскому хану о том суровом и злобном ответе, который указанные люди дали кончиком языка острых сабель и языком сеющих смуту копий, а потом они несколько дней провели в спокойствии в городке Кили, потому что сидение в опасном шатре пребывания в указанном местечке не соответствовало времени [года]. Крымский хан, в свою очередь, доложил о неблагоприятном положении, возникшем из-за уклонившихся от верного пути ногайцев, в Счастливую Порту, так что разрешительный августейший рескрипт, изданный о передаче в руки воли указанного хана определения наказания для бунтарей, украсил десницу его почтения, и на коне, взнузданном усердием,

Бейт:

Bu ceng eyyamıdur ramişgeran çengüñ şikest itsün
Keman-ı ibrişimüñ bağlasun guş-ı keman üzre
«Это дни войны, пусть музыканты сломают свои чанги,
Шелковые смычки пусть привяжут к ушку лука»,

отправился в конце [месяца] раби‘ ал-ахир тысяча сто одиннадцатого года (октябрь 1699 г. – примеч. пер.) к цели, чтобы прекратить бунт и ущерб, и отвести несправедливость и беспутство, и в то сопряженное с тоскою время, когда он поставил черные и голубые шатры в степи Феррах-Кермана, а именно в диковинный [месяц] раджаб указанного года (декабрь 1699 г. – январь 1700 г. – примеч. пер.), матерь коварного небосвода сделала товарищем и сообщником в разрывании на части острым кинжалом рубахи из лепестков розы жизни взращенного ей в колыбели вражды и ненависти, получившего от удостоенных чести сынов Селима пост калги Шахбаз-Гирая, [подобного] несправедливо [убиенному] Сиявушу[1348], неприятного и слабоумного сына [одного] из эмиров черкесов-бесленеевцев Тимур-Полада, и трагическую по смыслу весть об этом [сообщил] вестник печальных речей, который раскрыл рот для [этого] страшного сообщения [словами] траурной элегии по всем возбуждающим жар бедствиям:

Бейт:

بیچاره دل بیسر و سامان مرا
از هر چه بترسید همان امد پیش

[1347] Хан-Кышла – поселение буджакских татар к северо-западу от Днестровского лимана, в районе современного села Удобное (до 1945 Ханкишло) в Одесском районе Одесской области Украины, в 5 км от молдавской границы.

[1348] Сиявуш – в иранской мифологии сын легендарного царя Ирана Кей-Кавуса и отец Кей-Хосрова из мифической династии Киянидов. Согласно «Шахнаме» Фердоуси, был оклеветан мачехой и несправедливо убит.

«Несчастна моя беззащитная душа.
Чего боялась, всё то и случилось»[1349],

спалив пояс терпения людей, бросив в грудь камень стенания от тоски и порвав ворот кафтана здоровья, и в эту пору печали и сожаления сжигающая мир искра грусти и страдания не подействовала на крымского хана, и он поспешно выписал ярлык о направлении на освободившуюся должность своему старшему брату Са‘адет-Гираю, чье настроение, в котором смешались надежда и чаяния, из-за нездорового воздуха недосягаемости цели вышло за пределы круга уравновешенности и оказалось поражено болезнью печали и огорчения, отчего Йусуф [из] Египта красоты добровольно сиганул вниз головой на дно колодца небытия, а также хищные черкесские псы нанесли зубами стрел и копий раны гостям их дома войны с балконами несправедливости, преклонив, в соответствии с их ложной религией и дурными нравами, лбы в раболепстве и поклонении перед их богиней принятия, коей было высокое и необъятное дерево, пораженное молнией, срубать которое топором вероломства и даже убирать бремя его скверного чрева, [лежащее] в тени его основания и корней, считалось грехом, и они прилагали усилия, защищая и оберегая его гостей, однако, вопреки старинному обыкновению, один достойный смертной казни и зловредный [человек], измазавший свои нечистые руки в благородной крови из-за своих несбыточных [желаний] бросить сидевшего на стуле на вершине небосвода в яму погибели, был лизоблюдом на застолье щедрости Са‘адет-Гирая и подъедал остатки от мяса и хлеба с его стола, в силу вероятности, что может быть подстрекательство и побуждение со словами: «Если бросили на дно колодца, это приведет к величию и высокому положению», по одному только его указанию кончиками пальцев раздался нестройный звук государевых труб, отчего большинство людей встали на колени [от] страха и сожаления. Ответственность на рассказчике (ал-‘ухдату ‘ала-р-рави). Драгоценная жемчужина мученика, сломанная камнем жестокости, была переправлена в сундуке из благоуханного кипариса погребальных носилок в Бахчисарай и оставлена на хранение в укромном месте сокровищницы могилы, а после завершения траурной церемонии [заниматься] приведением в порядок дел страны черкесов было велено нураддину Гази-Гираю, и когда крымский хан вместе с бесчисленным татарским воинством, собранным, подобно горе из песка, разбил шатер и палатки в местечке под

[1349] Строки из газели персидского поэта Са’иба Табризи.

названием Кум-Гечиди[1350], обильно шедший снег с дождем помешал перемещению и продвижению, вследствие чего они с тысячекратными хлопотами [расположились] вокруг сухого [и] сбросившего листву дерева под названием Кызылагач[1351], испытав горечь [разочарования] от потоки дождя печали и безвкусной халвы холодного снега тревоги, когда Касай-мирза, бывший глашатаем бессмысленных вестей безобразных обличьем ногайцев, чей преступный обычай, бывший чернотою их нечистых лиц, он надеялся отмыть потоком благоволения [хана]:

Бейт:

زابتدای دور عالم تا بوقت پادشاه

از بزرگان عفو بودست از فرو دستان گناه

«С самого начала существования мира и вплоть до времен падишаха

Великим было [свойственно] прощение, а нижестоящим – провинности»[1352],

приложился челом к подолу крымского хана, и тогда он вручил ключи от двери мира и безопасности в руки добровольного [принятия] Мардан-‘Али-аги, так что указанный ага владел знанием об управлении городами и весями, но зеркало его души было покрыто пылью гордыни, отчего он, привыкши разбивать светлое зерцало человеческих сердец тяжелым камнем самодовольства, разбил кувшин с расколотым горлышком посла грубым проявлением своего высокомерия, что вызвало у остальных бурление сосуда с бузой их вражды, и когда они устроили бои на реке Березен (Березань – примеч. пер.), расположенной за рекой Озю, ногайские разбойники в первом сражении напали на полк Ширинов, сделав несколько мусульман добычей меча и еще нескольких ранив стрелами огня, отчего войском овладели страх и беспокойство, и проявились признаки разгрома. Когда император (хакан) солнца небосвода разобрал полуденный навес [от солнца] с золотыми канатами и поставил черный ночной шатер на головы жителей земли, а крымчане стали бросать гадальные стрелы совещания в палатках сбора, знающий толк в тонкостях хан метнул золотое ядро здравого и точного мнения, отвечавшего осторожности в известиях и соответствовавшего искусству сражений, на площадь испытания обладателей разума и послушания, и оно

[1350] Поселение на Южном Буге в районе современного Вознесенска Николаевской области Украины.

[1351] Кызыл-Агач – урочище в западной части Кинбурнского полуострова на берегу Днепровского залива Чёрного моря, в районе современного села Василевка Очаковского района Николаевской области.

[1352] Строки из газели персидского поэта Сайфа Фаргани (ум. 1346).

понравилось и знати, и простому люду, но, когда сфера звезды войска с переменчивым настроением собрала частицы воинства ложного рассвета, с той стороны не было ни одного человека, который взял бы в руки оружие, и племена Ширинов выступили против той меры, которая пришлась по душе крымскому хану, не подчинившись [приказу] о построении в ряды для сражения и начав воевать и сражаться вслепую, и оттого, что на их черствые сердца не оказала воздействия жгучая лихорадка поражения, проявившееся в первый день боев, так что они бросили на землю унижения инкрустированные драгоценными камнями сабли и сверкающие колчаны, украшавшие их десницы храбрости и пояса их мужества, показав без разрешения и совета уродливую гримасу навязанного силой мира, которая была запечатлена в кумирне их душ кистью малодушия, что не только еще больше укрепило мечи отваги членов сообщества, но войско Каплан-Гирая, Менгли-Гирая и комендантов крепостей Ак-Керман и Добруджа, Йусуф-паши и Кахраман-паши, коим было велено их сопровождать, почти достигло способности разгромить и уничтожить противников, отчасти благодаря суровым и мягким словам, отвечавшим законам войны, а отчасти благодаря орудиям огневого боя, но вселившиеся в их души скверные и отмеченные заблуждением духи ногайцев помешали им осведомиться и собрать сведения, так что из-за вероятности, что слабость и дряхлость, постигшие ханское войско, проникнут также и в них, в середине [месяца] ша‘бан указанного года (начало февраля 1700 г. – примеч. пер.) они скрепили печатью слабости и сожаления документ о мире и безопасности, повесив [на него] талисман возвращения к воде и пище лишения. Сераскир черкесских краев, нураддин Гази-Гирай, вошел в пределы указанных [земель] и остановился на стоянке ногайских племен Навруз-оглы и Султан-Мехмед-оглы, и когда он с переполошившим [весь] мир возгласом «Кровь не спит!» (аддаму ла-йанам) потребовал крови и выкупа, заявив о том, что ему было велено отмстить заслуживавшим казни бесленеевским [преступникам], пролившим на землю несправедливости кровь Шахбаз-Гирая, и призвав поддержать его глав кабардинцев и абазин, они, указанные [главы племен], будучи единоверцами [этих] неверных на пиршестве единства [в соответствии с хадисом] «*Неверие – это единая религия*» (ал-куфр миллатун вахида), отказались присоединиться к нему в походе, приведя неубедительные оправдания. Ранее не было полной осведомленности об обстоятельствах опьянения перемирием делегатов на мирных [переговорах], которые передавали по кругу чаши разговоров в райских кущах сомнения в падишахе, а знавшие вкус проклятых деяний казаки сговори-

лись между собой о том, чтобы пустить челны с неприятным [на вкус] вином по суше и морю, чтобы разбить бутыль договора и соглашения, и когда стали возрастать слабость, охватившая здоровье населения Крыма из-за долгих тягот от [военных] походов, и огонь интриг и неурядиц, вспыхнувший в краях Буджака, один бестолковый человек из числа ненавистников государства, кувшин жизни которого был разбит камнем банкротства, стал перечислять скрытые недостатки хана и его людей, вызывая гнев и имея целью утешить свою душу, а когда Мардан-'Али-аге, бывшему представителем хана, руками ухищрения было доставлено его неграмотное и нечитаемое письмо, а также его дурная [и] неприятная запечатанная грамота, и тот узнал о содержании письма, его бесполезная попытка наказать противника вызвала разного рода разговоры и пересуды. Когда немелодичный голос их несогласия, изданный скотиной неразумных и бестолковых мятежников без соблюдения приличий и покорности, дошел благодаря Сухайлю[1353] страха быстрого пера до слуха государя мира, а зять Кыблели-заде, капуджибаши-ага, которому было велено доставить письмо августейшего [государя] о поручении деснице пригожего сердцу мнения крымского хана [задания] привязать [их] за поводья угроз и обещаний к стойлу подчинения и покорности вместе с инкрустированной каменьями саблей и соболиными мехами, прибыл в одну из крымских деревень под названием Буйтен[1354], чаша его жизни наполнилось до краев вином смерти, [как сказано в айате] «*Каждая душа вкусит смерть*»[1355], когда он испил кончины и гибели из рук виночерпия смертного часа, после чего порученное ему задание довел до конца его староста, а когда, по обыкновению, было написано приглашение для доведения содержания письма до жителей области, они наложили рогатину небрежения и медлительности на ноги коней ответа, что стало причиной огорчения и стыда. В то время сераскиру Бабадага Йусуф-паше было дано высочайшее повеление, включавшее содержание ранее упомянутого письма, вследствие чего он распростер маховые перья поспешания вместе с передними перьями подчинения, полетев в сторону Картала[1356], а поскольку сераскиру Бабадага Йусуф-паше было

[1353] Арабское название звезды Канопус, которая также называлась «йеменской звездой», потому что была хорошо видна на небе только в южных широтах.

[1354] Бюйтень (крым.-тат. Büyten, совр.) – село на побережье Каркинитского залива, в Раздольненском районе Крыма.

[1355] Коран, 3:185.

[1356] Картал (совр. Орловка) – село, расположенное между озером Кагул и Дунаем, в самой южной точке современной Одесской области Украины, на границе с Румынией.

дано высочайшее повеление отделить гарнизон крепости Ак-Керман от ногайцев и вывести его из их среды, принять муки и страдания от возложения тяжкого бремени невыносимых обязанностей, подставить шею подчинения мечам высочайших повелений, которые были обнажены на беду правлению крымского хана, и блаженно восседать в сердцевине пределов подчинения Халил-паше и единения, и когда он подоткнул подол, чтобы осуществить и исполнить [это повеление], они поставили котел ухищрений и козней на очаг совещания, и среди них, как и раньше, находились защитники пресловутой крепости, и если кто-то – калга-султан или нураддин – воссел бы на величественном троне сераскирства, они посыпали бы соли единения на несозревшие хлеба раздора, которые они жевали, чтобы надеть ожерелье покорности на шею необходимости, представив перед крымским ханом, просо (джаварс) речей, произнесенных ртами указанных людей, которое было прекрасным кормом на пастбище хитростей и злодеяний, было – зернышко за зернышком – взвешено на весах здорового вкуса избранников и простого люда, об их письме интриг и бегства стало известно, так что с ними не поделились даже костью ответа «да» или «нет», удалив зубочисткой отказа из ротовой полости доверия. В эту пору Гази-Гирай, бывший сераскиром черкесов, отправил в ханский диван вместе с тремя товарищами сына Тумхина, который был [одним] из главарей тех заслуживавших казни [преступников] и душегубов, разорвавших кинжалом жестокости белую рубаху жизни Шахбаз-Гирая, и когда они стали зазывать [людей] на казнь, [в соответствии с поговоркой] «*Если человек впадает в отчаяние, его язык удлиняется*»[1357] (иза йа'иса-л-инсан тала лисанаху), из его изрыгающего огонь рта исторглось преувеличенное признание о том, что он протянул кинжал жестокости к безвинному султану, положившему голову на подушку беспечности, и, как сообщало перо со сломанным концом, на это его сподвигло указание кончиков пальцев Са'адет-Гирая, и в тот час, когда указанные [преступники] были закованы в цепи наказания, язык разговоров и пересудов не был отрезан ножницами отмщения за кровь [убитого], так что из-за огорчения, возникшего от [мыслей о том], что целью битья палочкой осуждения по приводящему мир в беспокойство барабану, спрятанному ими в ковре сокрытия, было заронить искру [раздора] в дом любви между братьями, Гази-Гирай написал чернилами настоятельной просьбы бумагу с корыстным заглавием о том, чтобы ухватившиеся за подол следования ему слуги и люди из Крыма подобра-

[1357] Арабский фразеологизм из «Гулистана» Саади.

ли подол дружбы и возвращались все по домам, что не только вызвало слухи и перетолки, но Гази-Гирай положил спрятанное им под мышкой красное полотнище из ткани Суфйана[1358] на плечи объявления, а все сыновья Селим-Гирая были одного цвета с вином позора и стыда в разрывании ворота черного тюрбана траура и глотании [вина] из чаши отваги и отмщения за кровь убитого, [но] в вопросе тяжбы и требования [мести] за несправедливо пролитую кровь мученика, [погибшего] от рук жестокости египтян вражды и раздора, они жгучей и жалобной мелодией в траурном стиле до краев наполнили очи сердец знати кровью скорби и благодаря чаше подстрекательства и наущения доверху залили кубок души простого люда вином решительности, после чего украсили кольчугой грубости седла отправления в Ак-Керман, который был огненным капищем светлячков нечестия, дабы разбудить кончиком копья освобождения спящую смуту, и шум копыт бодливого животного их отправления вызвал у крымского хана раздражение в ушах его рассудка.

События года тысяча сто двенадцатого (1700–1701 гг. – примеч. пер.)

В заповедный месяц мухаррам представитель султана в Крыму Ал-Хадж Мардан-ʻАли-ага по приказу хана собрал жителей Крыма в местечке под названием Ак-Кая[1359], расположенном по близости от Карасу (Карасубазар – примеч. пер.), объявив им о том, что жестокосердные ногайцы, выросшие в руднике настырности, под влиянием разжигающих огонь государевых повелений склонились в сторону мягкости, отчего тихая лошадь крымского населения обрела силу отваги, и в соответствии с содержанием бейта:

Hasidüñ kalbine lutf ile selamet gelmez
Telh olan miveye sükkerle halavet gelmez

[1358] Абу Суфйан (ум. 650) – правитель мекканских язычников-курайшитов (622–630), который воевал с пророком Мухаммадом, но после сдачи Мекки принял ислам. Его сын Муʻавийя стал основоположником династии Омейядов, которые фактически установили монархию после смерти четвертого праведного халифа ʻАли ибн Абу Талиба. В ходе противоборства с ʻАли они обосновывали свои действия местью за смерть третьего халифа ʻУсмана ибн ʻАффана (642–656), который был их родственником, и требовали наказания виновных, предъявляя в качестве символа окровавленную рубаху убиенного халифа. ʻУсман был убит мятежниками из Египта, недовольными произволом его родни, прежде всего детей Абу Суфйана.

[1359] Ак-Кая (совр. Белая Скала) – село в Белогорском районе Крыма, в долине реки Биюк-Карасу.

«В сердце завистника от милости здоровья не прибавится,
В кислом плоде от сахара сладости не прибавится»[1360],

они поставили печать единодушия и единогласия на поспешно написанном ими пером изобретательности письме со словами: «Если щенок их душ будет притянут к покорности поводком свободного выбора, то будет прекрасно, а иначе талисман их жизни, висящий на рту их аппетита, непременно будет отрублен мечом отваги». Гази Гирай-султан оседлал норовистого коня упорства, а вести лошадь дел черкесов было велено Каплан-Гираю, после чего Гази-Гирай внезапно сел на суда, подготовленные на таманской пристани для отправления в указанные земли, поспешив направиться в Крым, выйти через ворота Перекопа (Ор) и добраться до сборище противников, что вызвало беспокойство у крымского хана, после чего он распял убийц Шахбаз-Гирая на кресте наказания, потушив тем самым огонь гнева и ярости, разгоревшийся в очаге души пресловутого [хана], а когда его искренняя дружба и просьба о возвращении не принесли пользы, он вместе с выведенными из Крыма и впущенными в шатер пребывания с ним людьми добрался до Кылбуруна и стал искать суда для переправы через реку Озю, а жители области повесили спереди и сзади челнов отправления якоря противодействия, [так что] проявленное китом в море храбрости мастерство в искусстве плавания и решимость переплыть указанную реку на жалком куске древесины наподобие рыбацкого плотика (балыкчы чарангы) почти достигли степени осуществления, дела стал вести Октимур-бек, утонувший в море растерянности из-за предстоявшей опасной [затеи], а несчастный народ, способный к мятежам и интригам, оживил базар своих смут и злодеяний, скрепив печатью завета и [принятия] условий написанный им в черновом виде договор о союзе, чтобы приготовить в достаточном количестве коней, встретить [его] и сделать своим предводителем с порочной мыслью стать капиталом для утка и основы испачканного и растрепавшегося карбаса (хлопчатобумажной ткани – примеч. пер.), сотканного ими в мастерской коварства и хитрости, а если у них не будет сил, чтобы сражаться с ханом и вести войну, то оставить родину и уехать в другие края. Появившаяся в тех областях болезнь расстройства и несчастья заразила даже живших в черкесских областях анапских ногайцев и народ Крыма, вследствие чего достопочтенный хан приложил кончики пальцев суждения и решения к странице мира, дабы стереть с нее черноту мятежа, снова посовещался и отправил к главе крымских сановников, назна-

[1360] Строки принадлежат османскому поэту Наби.

ченному им самим мирливе Ширину Алп-Гирай-мирзе, ‘Абдаллах-эфенди из чистого рода знаменитых улемов и шейхов ханаки Гюлеч, дабы он сообщал хану его речи, служившие причиной [наведения] порядка. Указанный эмир страдал от [увлечения] корнем опиума, и во время передачи послания его карахисарская башка еще не гремела от веселья, а сахар его безвкусных слов не вознесся к вершинам ликования, отчего он с сонными глазами и с открытым в бессмысленном бреду ртом вернул пресловутого посланца обратно, после чего хан с помощью белой запечатанной шкатулки надежного ярлыка, содержавшей барш[1361] палки угрозы и настойчивости, возобновил прежнее положение и пробудил уснувшего сном беспечности и нерадивости незадачливого эмира, а жители Крыма собрались в местечке под названием Чапчаклыдере[1362], и те, кому было велено доставить ко двору счастливого государя итоги их бесед, приготовленные в котле совещания, в середине [месяца] джумади ал-ула (октябрь-ноябрь 1700 г. – примеч. пер.) подняли паруса отправления [в путь], и плод сердца Селим-Гирай-хана Селамет-Гирай[1363], правивший областью Крым в году тысяча сто пятьдесят четвертом по хиджре (1741–1742 гг. – примеч. пер.), еще только показался на пиршестве детского возраста, а его прославленный родитель пожелал, чтобы он услаждал свой вкус вместе с рассыпающим сахар попугаем в саду изящества бейта:

غرض ز محنت زن و ز جفا کشیدن مرد
همین تفرج فرزند نازنین باشد

«Целью тягот женщины и страданий мужчины
Является развлечение дорого чада»,

и, чтобы полететь в тот блестящий [и] достойный край, показал кристаллический сахар приглашения, так что благодаря служению повитухи с обличьем Венеры (Зухра) и слуги с достоинством Марса (Бахрам)[1364] он составил указанным [лицам] компанию. Злонравные и хитрые ногайцы, которые были амбаром проса интриг и смуты, потратили ради вращения мельницы проклятых деяний звонкую монету муки взяток под видом покорности и подарка чиновникам Высочайшего Гос-

[1361] Барш – смесь опиума с мёдом, применяемая в лечебных целях.

[1362] По-видимому, речь идет о Чичеклее (Чапчаклы), правом притоке Южного Буга (совр. Одесская и Николаевская области Украины).

[1363] Селамет-Гирай II (ум. 1751) – крымский хан, правивший в 1740–1743 гг., младший сын хана Селим-Гирая I. В 1713–1715 гг. был наместником Перекопа (ор-бей), занимал пост нураддина в 1724–1727 гг. и пост калги в 1727–1730, 1737–1740 гг.

[1364] Указание на гороскоп престолонаследника.

ударства, так что в область Буджак был назначен особый хан или начальник и руководитель от Высочайшего Государства, дабы крымский хан не [мог] вмешиваться [в их дела], и сколько бы недостижимыми ни были их бесполезные и неискренние усилия на пашне их хитрых душ, подобные порче урожая в високосный год, некоторые из склонявшихся к накоплению скверного богатства оросили возникшие у них желания из высохшего и солёного источника не изливавшейся воды ‘Уркубовых обещаний и удовлетворились принятием их некрасивых подарков, что сожгло и уничтожило необмолоченное зерно надежд указанных [людей], погубило и опустошило невзрачную мельницу их чаяний, и если уродливая рожа насилия и притеснения, показанная ими в покрытом ржавчиной зеркале с разбитым стеклом их искусственной надежды, когда они собрались в степи Чекчеке (Дженишке – примеч. пер.) или в Феррах-Кермане, приняла облик благоприятствования и достижения, то [было бы] прекрасно, а иначе на странице молвы и известности проявилось бы то, что они все вместе разбили камнем непокорности и вражды ясное зеркало послушания, [и они] собрали бескрайнее воинство для того, чтобы рассеять ряды сатанинских полчищ, доложив падишаху о том, что они направляются к сторонникам неповиновения и мятежа, и когда он написал приказ с приглашением находившимся в пределах его правления Агашу и ‘Адил-мирзе из глав ногайцев-ямансадакцев, [а также] мирзам хитаев, кыпчаков и едисанцев, они все выразили охоту, и в конце [месяца] джумади ал-ахир указанного года (декабрь 1700 г. – примеч. пер.) пришла весть о том, что в Крым прибыли ногайцы, находившиеся в окрестностях Анапы, после чего наместнику Кафы Муртазе-паше было велено возвести пристань у переправы Чучка[1365], разместить переправившихся в деревнях Крыма и принять в каждом доме по два всадника. Гази-Гирай под влиянием содержавших наставления писем о том, чтобы покинуть указанных людей и поселиться в Румелии, написанных его превосходительством достопочтенным шейх-уль-исламом – да пребудет над ним милость Властелина Всезнающего! (‘алайхи-р-рахмати-л-малики-л-‘аллам) – бывшего прибежищем для избранников и простого люда, величайшим визирем и прочими государственными сановниками, а также его высокочтимым отцом Селим-Гирай-ханом, направив поводья скакуна своего переменчивого сердца по пути следования благоразумию, и, дабы заставить потерявшегося в степи смятения Девлет-Гирай-хана

[1365] Чучка (совр. Чушка) – полуостровная коса, расположенная на севере Керченского пролива (Темрюкский район Краснодарского края).

слезть с золотого седла правления и нагрузить поклажей яка султаната шею почивавшего в конюшне отдохновения коня Селим-Гирая, стегнул на земле и воздушных шатрах прошений и петиций плетью написания по обломанному перу со сломанными крыльями негодяев с татарской родословной, так что неприятная молва об этом достигла слуха Девлет-Гирая, который окинул взором право и лево через подзорную трубу дотошности и тщательности, думая о том, какой образ, являющий образец китайской художественной мастерской, проявится из-за завесы высоких государевых сводов. На четвертый день [месяца] ша'бан указанного года (13 января 1701 г. – примеч. пер.), в четверг, крымский хан вместе с приготовленным им войском выдвинулся из Бахчисарая и дошел до местечка под названием Канлыджак, расположенного за пределами Феррах-Кермана, когда указанные люди, украсившие свои одежды хамелеонового цвета коварством и лукавством, отправили для расследования дел в Крыму четырех поднаторевших в заслуживающих проклятия деяниях и приверженных лицемерию лазутчиков, и когда они попали под кнут допроса, они сообщили, что отправление пресловутого хана в Ак-Керман достигло ушей незадачливых ногайцев, [после чего один] из их главарей, гуляка по имени Джавам-мирза, вместе с примкнувшими к нему подонками подготовился к сражению и битве, и они заключили в тюрьму и закрыли указанных лазутчиков под навесом угнетения и бедствий. Обретя полную осведомленность о положении несчастных злодеев, крымский хан сделал своими спутниками [всех] жителей Крыма, способных залезать [на коня] и спускаться с него – будь то бедняки или нищие – за исключением, круга шейхов и улемов, уединившихся в своих кельях на циновке оставления [мирского] и досуга и [занятых] преподаванием и молитвами, перешел вместе с бесчисленным татарским воинством реку Озю и Аксу[1366], и когда они проходили через местечко под названием Бёри-Боюн[1367] поблизости от реки Турла (Днестр – примеч. пер.), они показали какому-то числу их противников несчастье во всей красе и ограничились лишь тем, что поприветствовали [остальных] издалека. В ту пору Гази-Гирай позволил существовать наущениям указанных [людей] к разграблению имущества жителей Крыма, и во время переправы через Озю из следовавших за указанными [людьми] злонравных и вероломных ногайцев согласие дали только Джавам и Арслан-мирза, а

[1366] Южный Буг.

[1367] Бури-Муюн – населенный пункт на берегу Черного моря у устья реки Барабой, на территории современного села Грибовка Овидиопольского района Одесской области Украины.

остальные во время заключения мира все вместе бросали взгляды на луноликих красавиц захвата военных трофеев, а когда возникла безобразная рожа [их] возвращения назад, закрыли глаза и явили лик отклонения, и когда те бросали с другого берега указанной реки камни возмущения, отклонившись и отстранившись от пребывания с ним и оказанием ему поддержки со словами: «Почти обветшавший дом, который мы начали приводить в порядок и строить, не только стал причиной нашего бунта и несчастья, но и является основой нашей договоренности, [и] если достопочтенный хан начнет разрушать дом нашего спокойствия и жизни топором жестокости и насилия, то мы по возможности постараемся отвести [от себя] этот вред. Однако, если он десницей благосклонности и прощения починяет и отстраивает стену ворот сердец рабов [Божьих], как и прежде, пожелав нашего служения и покорности, то почему требуется грабить имущество наших же единоверцев-мусульман, когда они все вместе собираются положить голову послушания на землю подчинения? Посему для вас будет более подходящим и достойным ухватиться за подол просьбы о прощении», имевший незначительную свободу [действий] султан положил седло попятного движения на быстрого коня своего отчаяния и расстройства, так что большая часть его подданных, по обыкновению людей [того] времени, разбежалась от него. По мере приближения похода страна осталась без храбрых витязей, а жители провинции забеспокоились и стали тревожиться из-за вероятности грабежей Гази-Гирая, прятали и укрывали семьи и имущество в пограничных заставах, крепостях и горных возвышенностях, и хотя войско, собранное и подготовленное благодаря бесчисленным стараниям Менгли-Гирай-султана, которому было поручено собрать и привести в порядок гарнизоны в крепостцах Озю, Чонгар и Рибат, было немногочисленным, когда он привел его в Феррах-Керман, через который прошел сильный противник, неприятный образ огорчения, показавшийся в ржавом зеркале мира, сменился благодаря совершенному художнику предопределения на похвальную и приятную форму, и разгоняющая тоску молва об этом достигла слуха знающего толк в мудрости султана, став причиной удаления пыли грусти и тоски с зерцала сердец мусульман благодаря ее распространению ветроногими гонцами по всем городам области Крым.

О поражении злонравных калмыков по благоволению Господа рабов

В те дни, когда сераскир черкесских краев Каплан-Гирай-султан потчевал, поставив шатер и палатки в местечке под названием Джинджик[1368], которое было местом жительства и прибежищем ногайцев из племени Йедисан, а именно в первых [числах] благородного [месяца] рамадан тысяча сто двенадцатого года (февраль 1701 г. – примеч. пер.) – во время восхода величайшего светила, когда все положили головы на подушки сна и отдыха, злосчастный калмыцкий народ, поклонявшийся творениям, выстроил ряды [для] сражения, словно грозовая черная туча, так что бдительный человек по имени Гази-мирза, наблюдавший очами достоверности за их прибытием в близкое место, подобно райскому петуху, прокричал [для] предупреждения и оповещения [людей], после чего необутые и заспанные султан и войско сели на коней, и когда тысяча пятьсот безупречных татар начали сражаться и биться с бывшими наготове нахальными неверными в количестве трех тысяч, Кади Са‘ид Акай Мехмед-эфенди, которому было велено пресечь враждебные отношения [внутри] султанского войска украшенном драгоценными каменьями мечом шариата, вместе с одиннадцатью мусульманами, коих настиг [Божественный] приговор, сразу же пали мучениками, отчего в исламском воинстве возник ужас, и тогда из-за их опасений полного поражения они обратились, словно воробьи со сломанными крыльями, к защите [и] укрытию оставленных ими позади тенистых деревьев, которые своей тенью охраны и защиты дарили спокойствие обессилившим путникам, и когда они отвели от себя зной жары войны и сражения, приведя в порядок свои сабли и ружья, единобожники, пораненные когтями поражения в присутствии бестолкового и невежественного народа, опьяненного бузой высокомерия и гордыни, далее защитились от болезни рассеянности и дряхлости с помощью Сулеймановой мази и Божественного дара усердия и стойкости, [но] их подготовка к битве и сражению была невозможна, и в ту пору, пока они без всякого страха и опасения были заняты дележом имущества и трофеев, закрыв глаза на осторожность и осмотрительность, жившие в лесу храбрости свирепые львы и барсы напали на стадо кабанов и гиен, как говорится: «*Подобно побежденной кошке, которая нападает на собаку*» (ка-синнаври маглуб йасулу ‘ала-л-калб), те отнесли [это нападение] на счет прибытия большого подкрепления из мусульманского тыла, так что ноги их стойкости поколебались от скользкости мыла смятения, а их спокойные нервы пошатнулись от ударов

[1368] Вероятно, Сунджук в районе современного Новороссийска в Краснодарском крае.

палками и копьями, [так что] имевшие опыт сражений перешли через ужасную реку Кубань, напомнившую о случае с потопом Нуха, и со словами о том, что пройти без всякой осторожности и опасений в место прогулок храбрых львов – это добровольно испить яда смерти и погибели, [затем] убедились и удостоверились в поражении указанного народа, исполняя мелодии побуждения и воодушевления на струнах кануна отваги ночных храбрецов с возгласом «*Подумай о том, как выйти, прежде чем войти*»[1369] (каддим ал-хурудж ʻала-л-вулудж). Поистине, благодаря тому, что ветерок победы овеял головы единобожников, а пауки предопределения опутали паутиной взоры многобожников, они столпились у глубоких мест указанной реки, отчего и потонули в море небытия, а грязные идолы и подобные им проклятые [неверные] из числа заметных [людей], сидевших во главе свиного хлева заслуживающих проклятия деяний, оказались в кандалах и цепях, после чего [мусульмане] улучили блага бесчисленных трофеев из бескрайней сокровищницы Дарующего Благодетеля. Поэтому Девлет-Гирай-хан в своем письме с мольбами, написанном вместе с сераскиром Бабадага Йусуф-пашой достопочтенному Полюсу Мира о том, что круг противников, вышедших за пределы круга подчинения, был упрочен вокруг точки покорности и утвержден в уголке повиновения с помощью циркуля совершенного [и] угодного сердцу мнения,

Мисраʻ:

بیک تدبیر صد لشکر شکستی

«Одним средством разбил ты сто войск»,

они с сераскиром Бабадага Йусуф-пашой стали одним кончиком пера соглашения и отдыхали в местечке под названием Ботна[1370] в краях Буджака, а в ту пору Гази-Гирай, потерявшийся на пути правдивости и прямоты, поручил задание стегнуть кнутом истязаний с помощью посоха копья с драконовой пастью устрашения калге Саʻадет-Гираю, но тот проявил бессилие в том, чтобы ответить [на призыв] Гази-Гирая, и вступил под сень древа покровительства проклятого нечестивца, подло сидевшего в свинарнике достойных проклятия деяний в крепости Чехрин (Чигирин – примеч. пер.) и срубил саженец чести религии и государства топориком страха и опасения со сломанным топорищем и пилой подлости с тупыми зубцами, вторгшись в указанные пределы, и когда Саʻадет-Гирай, не бросив жребия сражения, вернулся [обратно], огонь гнева и ярости крымского хана всё разгорался, так что он окрасил в рубиновый

[1369] Арабская пословица.

[1370] В районе реки Ботна, правового притока Днестра (в Молдавии).

[цвет] обвинения белую бороду чистого света своего родителя, обладавшего множеством похвальных качеств, кровью лжи, навета, подстрекательства и интриг, и словами: «Если наше просительное письмо, написанное с просьбой о том, чтобы удалить седого и правдивого в своих помыслах преклонного старца, приходящегося нам отцом, вытащив его из колчана покоя и жизни и пустив из лука непреложного и внезапного приговора в городок Сироз[1371], будет украшено тугрой соизволения и принятия, несомненно и непременно пыль смуты и мятежа в скором времени отступит и рассеется» вызвал изумление [у всех] от мала до велика и растерянность у обладателей проницательности, его дерзостное осквернение и очернение белой страницы его отцовских прав черной тушью ослушания пришлось на те беспечные дни, когда из-за приближения охоты достопочтенного падишаха, покровительствующего миру, он покинул абсолютного представителя (векил-и мутлак, т.е. садразама – примеч. пер.) и достопочтенного муфтия народа, которые желали блага государству и надзирали над делами султаната, пущенная им безжалостная стрела его старания и упорства не попала в цель его желания, отчего бессильный орел, чья птица спокойствия и уюта была отпущена в небо, пошевелил крылом отправления, дабы взлететь и оставить старое гнездо, достопочтенный садразам приложился челом к порогу покровительствующего миру падишаха, обратившись к кибле своих устремлений с отрадным пожеланием, а поскольку уединенная обитель достопочтенного старца из рода Ильханов, сидевшего в уголке кельи досуга, находилась по соседству с городком Силиври, чтобы сорвать гроздь благотворной молитвы с райского древа (туба) его чистого сердца, он на быстроходном скакуне привязанности привел в движение стремя посещения, после чего во время проводов и прощания ему дали испить скверного вина изгнания чужака, а признательный визирь заявил о снятии с себя ответственности, попросил прощения и счел необходимым [добиться] помилования у государя, показав симпатию и утешив его опечаленную душу мумиё одаривания драгоценными подарками. Зерно просьб, собранных и накопленных в сумке злобной души Девлет-Гирай-хана, [а затем] посеянное с помощью плуга пера обмана на пашне Счастливого Порога, пришлось по вкусу, благодаря чему он получил полную власть исполнять повеления и воплощать в жизнь решения, после чего в начале [месяца] зу-л-хиджа указанного года (май 1701 г. – примеч. пер.) Каплан-Гирай прошел в черкесские края и поддался несбыточному желанию

[1371] Сироз (Серры) – город в исторической Македонии, на севере современной Греции.

отомстить лапами отваги хищному волку с горы Албурз, бросившему в пасть небытия Йусуфову красоту Шахбаз-Гирая, а распределение и делёж невольниц и невольников гнева и обвинения из племени бесленеевцев, с которыми жилы приязни и сосуды любви хана и калги были связаны веревкой молочного родства, между посторонними и близкими, согласно [обычаю щедрой] раздачи каландаров, вышло за рамки справедливости, утяжелив [чашу] весов настроения крымского хана, отчего они были взвешены на весах равновесия, и Каплан-Гирай-султан был встревожен и опечален написанием настойчивого и строгого ярлыка о возвращении всего, что было за пределами чаши справедливости, так что попросил разрешения поехать к своему высокочтимому отцу и в силу неуёмности нрава наложил узду скорости на быстроходного коня поспешания, намереваясь остановиться в Бахчисарае, прежде чем станет ясен ответ. Мирлива [из рода] Ширинов Орак-Тимур-мирза, изгнанный и сосланный за совращение умов области Крым из-за подверженности мании зла и интриг, какое-то время был в бегах в окрестностях Буджака, но и там не нашел приюта и покоя, сбежав, скованный цепями меланхолии, в Румелию и проводя время в доме сына Мурад-Гирай-хана, Алп-Гирая, о чем [все] услышали, после чего он был схвачен усилиями главного садовника Эдирне и на какое-то время был закован для предотвращения неизлечимой болезни в цепи ссылки и унижения в больнице [пословицы] «*Кто сошел с ума на час, тот никогда не придет в себя*» (ман джанна саʻатан ла йафик абадан), а затем был заключен и связан в крепости Моливо[1372], в соответствии со смыслом мисраʻ:

Olunca illet-i mahude mader-zad neylersin

«Раз уж определенная болезнь является врожденной, что поделаешь?»,

исправление беспокойного ума было невозможным, так что примерно в тысяча сто пятнадцатом году (1703–1704 гг. – примеч. пер.) он был выпущен на свободу и жил в Румелии, когда цепочка его жизни разорвалась, и он освободился от зла и интриг обитателей городов. Из-за удивительного положения, странной и известной, возникшей во время его безумного действия, священнослужителя (эфенди) из числа улемов Крыма, назначенного указанным безумцем исполнить заповеди ясного шариата в качестве судебной коллегии для разбора жалоб (диван-и мезалим), [заставили] оросить пашню оплакивания потоком слез бедняков и сделали сообщником в принятии добытой им безвкусной и запретной

[1372] Моливос – село на острове Лесбос (совр. Греция) в Эгейском море.

пищи, после чего, когда умалишенный и простодушный кадий, позабыв о правилах поведения на собрании бессовестных простолюдинов, сказал: «Наша пища – гусятина», и вытер масло куском хлеба, а элегантный эмир, наливая в чашу компот, сказал: «Очищать ложку дорогим хлебом, который является самым достойным из благ Всемогущего Господа – это унижение великого блага», обреченный судьбой кадий без раздумий, [имея в виду, что] человеческий род является благороднейшим из творений, в соответствии с бейтом:

ابر و باد و مه و خرشید و فلک در کارند
تا تو نانی بکف اری و بغفلت نخوری

«Облака, ветер, луна, солнце и небосвод работают
Для того, чтобы ты мог добыть хлеб и не ел [его] в беспечности»[1373],

сказал: «Великий Господь приготовил бесконечное благо для обладателя разумной души. Хотя в силу [своей] человеческой природы мы проявили беспечность, воспользовавшись куском хлеба как чем-то, для чего не введено [слова], но с благородной басмалой[1374], словно корм, употребили его в пищу, оказав ему почтение и уважение», так что поставленный этим ученым ответом в безвыходное положение сумасшедший эмир схватил опечаленного кадия за его длинную седую бороду, отплатив его зубам звонкой монетой [ударов] кулаками и пощечин, и избил его так, что у него изо рта и носа полилась бардовая кровь, смешанная с едой, которую он ел, даже с белесым материнским молоком, после чего со словами: «Око души моей, эфенди, я очень тебя люблю» стал лобызать его в очи и по лицу, очистил его ложку куском хлеба, а затем со словами «Вот на это и похоже пожирание [чужого имущества]», разорвал цепь достоинства и чести, и опять же, когда [один] из пожилых и авторитетных сановников Крыма, несчастный по имени ʻАбди-ага, предъявил лишенному разума эмиру свои старые права, придя в его печальный дом с визитом, и, хотя в деревне под названием Минарели-Шибан[1375], расположенной в санджаке Ширинов, жил человек, принадлежавший ʻАбди-аге, после его слов: «Проявите благосклонность такому-то нашему [человеку], проявите такого рода щедрость и великодушие, дабы защитить его, а в некоторые разы – вступиться за него» счел,

[1373] Строки из «Гулистана» Саади.

[1374] Басмала – молитвенная формула «Во имя Аллаха Милостивого Милосердного» (бисми-Ллахи-р-Рахмани-р-Рахим), которая произносится мусульманами перед началом любого богоугодного дела, а также перед приемом пищи.

[1375] Минарели-Шибан (совр. Ерофеево) – село в восточной части Крыма (Ленинский район).

что [тот] приписал себе того человека, находившегося под его ложной властью, так что его злобная душа сжалась, жилы его безумия и умопомрачения налились [кровью], во время гнева с привычным ему скверным настроем и безобразной физиономией ослепил свои сердитые и не узревшие истины глаза взором проницательности и честности, подобным очам высокомерия и гордыни, и, словно изумленный и безумный влюбленный, приготовившийся обнять прекрасноликого возлюбленного, распростер обе привыкшие к притеснениям руки, [после чего], повторяя слова о Минарели-Шибане ‘Абди-аги своим извергающим огонь языком, согнулся, подобно змее со сломанным хребтом, чтобы схватить агу за шею, сжать и придушить ее, и по его движению в направлении аги слуги и лакеи прознали о намерении лишенного веры притеснителя, сообщив [об этом] взглядом бдительных глаз указанному [лицу],

Мисра‘:

Duydı pa-bend oldığın sanatla kırdı köstegi

«Почувствовав, что связан по ногам, мастерски разорвал путы»,

[так что он] на ногах осмотрительности и мягкости вышел из дома и на ветроногом скакуне устремился к склонам горы бегства, о чем сумасшедший эмир не узнал, а когда ‘Абди-ага, повторяя слова о Минарели-Шибане, приблизился к тому месту, где он сидел, протянул к его помутненным глазам свою неудачливую руку, [но] не увидел его на месте, и из-за небрежности и нерадивости его людей, назначенных для его поимки, он освободил воротник своего достоинства и чести из лап его пыток. Когда указанный эмир привел в движение стремя смуты и смятения на коне высокомерия и гордыни, а бестолковая скотина, которую он оседлал, совершила какое-то действие, то ли лягнулась, то ли споткнулась, он со словами: «Мой Искандаров титул пострадал, [это] намёк на мои усы, которые не срубить [даже] топором, и унижение [этим] неоспоримым движением» вырвал у нее подковы и погубил ее, нанеся ей в наказание до полутора тысяч ударов по животу и ногам. Бесчисленные и безграничные удивительные обстоятельства и странные случаи не помещаются в желудок написания, вызывая сильную головную боль у обладателей чистоты, мы сочли более подходящим и достойным воздержаться от того, чтобы окунать в чернила перо красноречивого сказителя. Вернемся к тому, о чем мы говорили (нарджи‘ ила ма кунна фихи). Калге султана было велено посадить разрушающее ссылку оливковое дерево в очаге благоустроенного и спокойного жилища насчитывавших примерно семьсот домов [и] привычных к несчастьям ногайцев, которые таскали дрова старания и усердия в огонь смуты и интриг, разгоревшийся в об-

ластях Буджака, так что он с корнями выкорчевал саженец их спокойствия и в [месяц] мухаррам тысяча сто тринадцатого [года] (июнь-июль 1701 г. – примеч. пер.) перевез их и поселил во внутренних [областях] Крыма. Когда Гази-Гирай-султан приблизился к воротам возведенной во мраке крепости, в которые он просунул голову прегрешения, и жители крепости, ранее получившие раны ущерба, рассмотрели, как он враждебно глядел [на них], посчитав, что [самое] время для мести за убитых, то непременно отказались от упрямства и непокорности, ухватившись за подол просьбы о прощении, и, хотя в силу братских уз образ просьбы был запечатлен принятием на странице души пресловутого хана, им было без всякого взыскания позволено поселиться в краях Румелии. Однако ранее всколыхнутая пыль смуты и интриг покрыла зерцало падишахского сердца, после чего, когда по приезду в Эдирне он был заточен и зажат между дверями (в Капыарасы – примеч. пер.) на восемнадцать дней, величайшее снадобье (тирйак) заступничества, совместно приготовленное аксакалами государства и знающими толк в правлении для того, чтобы всемилостиво одарить лекарством от удушья из бирюзовой шкатулки государева благоволения белую бороду просвещенного старца Селим-Гирай-хана, позволило удалить болезнь ярости, так что он заменил целое частью (бадал ал-ба‘д мин ал-кулл), сослав его на остров Родос на мореходном судне. После удаления бедствия Гази-Гирая на освободившийся пост нураддина был возведен [один] из двоюродных братьев крымского хана, потомок Селамет-Гирая ‘Инайат-Гирай[1376] – в указанный год (1113 г. л.х./1701–1702 гг. – примеч. пер.). В те дни, когда Гази-Гирай-султан взнуздал норовистого коня избавления от себялюбия злом и нечестием, чтобы призвать жителей Крыма под свое мятежное знамя, явно заявляя и полагая про себя, что они составят новый сборник согласия и подготовят предпосылки для союза, он отправил с одним неизвестным человеком в обитель ранее упомянутого Муртазы-эфенди, сидевшего на молитвенном коврике в уголке интриг и лицемерия, подобострастное письмо. Когда доставщик письма прибыл в Феррах-Керман, некоторые удоды дивана правления Менгли-Гирай-султана, в то время правившего страной разума и благоразумия на посту [начальника] бейлика Ор (Перекоп – примеч. пер.), догадались и поняли, что чужестранный ворон был шпионом двора Афрасийаба восстания и непокорности, о чем и сообщили султанскому дивану. По его запинкам и волнению во

[1376] ‘Инайат-Гирай (ум. 1718) – крымский царевич, потомок хана Селамет-Гирая I. Занимал пост нураддина в 1700–1702 гг. и пост калги в 1717–1718 гг.

время допроса стали ясны обстоятельства его прибытия, руки и ноги его укрытия и утаивания тряслись и дрожали, а его написанное в лицемерной манере письмо, спрятанное им в потаенном кармане, предстало перед их пронзительным взором, и тогда они надели пыльную одежду шпиона на другого человека и посадили его на его коня, отправив в дом пресловутого шейха. Тот, в свою очередь, рассмотрел указанное письмо очами внимательности и просунул голову в карман отрешенности [и] размышления, [после чего], выяснив благодаря некоторым повадкам доставившего документ, что его поведение было искусственным, а бумага была засаленной, написал пером притворной неосведомленности записку [с] шейхскими [распоряжениями], содержавшую советы и наставления об оставлении порицаемых качеств характера, а когда он передал его в руки гонцу и отправил [его] обратно, Гази-Гирай-султан проведал о том, что указанный султан отправил пресловутое письмо и отвергнутое лицо к крымскому хану, и, хотя на то [же самое] время пришлось поджигание им фитиля интриг и раздора в пороховом складе гнева и ярости огненными речами о таких вещах, как причастность Менгли-Гирая к приводящему в смятенье мир ружью хитрости и обмана, которое он до самого горлышка и до краев зарядил [порохом], чтобы выбросить [его] из крепости согласия с ханом в степь раскола, [он все же] не сжег дом дружбы и любезности с ним. Однако постепенно меха [слов] «*кто слышит, тот решает*» (ман йасмаʻу йахуллу) разожгли искру клеветы о его участии в мятеже, отчего, когда были выстроены боевые ряды для сражения с ногайским народом на берегу реки Березен (Березань – примеч. пер.), сын Бахадир-аги Осман-ага, назначенный ханом для расследования трансмутации в сущности железа с помощью иголки розысков, заявил о данном ему задании шпионить за окружающей обстановкой, а также, хотя неучтивые манеры калги Саʻадет-Гирая, отнимавшие силы у познавших позор и бесчестие, и вызывали расстройство и огорчение, в силу широты [их] терпения и [хороших] манер они не выказывали беспокойства, прилагая усилия и старания в тушении огня смуты и интриг, и [выполнении] прочих услуг, но камень признательности за ругань не удержался в рамках попрёков, и волной полноправной самозащиты мусор кривотолков был выброшен на свалку забвения и сохранения в тайне. Между тем, пребывание Каплан-Гирай-султана в Бахчисарае затянулось из-за ожидания прибытия повеления о разрешении вернуться, отчего он вынужденно прошел к проходу Кылбурун (Кинбурнской косе – примеч. пер.) для осуществления наблюдения, и хан услыхал об этом, поручив задание связать ноги его отправления волосяными нитями про-

тиводействия деснице командирам отрядов секбанов, после чего [тот] долгое время и во многих местах коротал время в шатрах адской погоды, тысячекратно мучаясь от комариного писка. После того, как пресловутый хан добился [своей] цели и прошел через Кылбурун, направляясь в Бахчисарай, Каплан-Гирай-султан по старому обыкновению приложился головой к подолу уважения и провел церемонию поздравления с счастливым прибытием, но тот не бросил на него взора очами благоволения, что помешало ему попросить разрешения [вернуться], так что он в силу необходимости вернулся в Крым вместе с ханом в [месяц] раби‘ ал-ахир года 1113 (сентрябрь 1701 г. – примеч. пер.). В то время, когда крымский хан на несколько дней расстелил коврик отдохновения на престоле правления, стало общеизвестно о том, что московские неверные, вопреки условиям мирного договора, приступили к укреплению крепостей Азак и Гази-Керман, а также строительству остальных крепостей в других местах, отчего он стал кидать гадальные стрелы со столпами государства и видными людьми султана, написал своим изящным и сладкоречивым пером записку с прошением о том, чтобы не допустить победы злонравного врага, передал его находившемуся в те дни в области Крым по [какой-то] надобности Кыблелизаде-бею из [числа] сановников Высочайшего Государства, подарил пятьдесят с лишним невольниц и рабов, обучив [его] редкостным вопросам, касавшимся того, как заложить основы любви, дать ход делам и укрепить власть. Как было ранее нанизано на нить написания и изложения, Каплан-Гирай-султан собирался обрести исцеление позволением приступить к тяготам путешествия с помощью ног своей воли и силы рук своего усердия, [мысли о чем уже давно] таились в его душе, он выстроил здание своего отправления [в путь] с помощью архитектора ухищрения на фундаменте обмана, а сам крымский хан и атабек желали ему блага, он начал наигрывать мелодию жалобы под песню клеветы о том, что приступил к уничтожению и казни Хаджи Мардан-‘Али-аги, бывшего в ту пору ханским визирем, и одной беспросветно темной ночью он погнал коня старания и заботы в крепость Кафа, а когда об этом стало известно, схватить и вернуть его было поручено калге Са‘адет-Гираю. Когда указанные [лица] вошли в крепость, поскольку [они] ускорились, а [их] преследователи проявили медлительность, Каплан-Гирай-султан стал рядовым (йолдаш) девяносто первой роты (орта) [янычар], а Хаджи ‘Али – семьдесят седьмой роты, вступив в круг младших членов (кучакан) [ордена] Хаджи Бекташа Вали. Са‘адет-Гирай остановился и расположился вокруг крепости, отправив посла, чтобы вытащить их [из крепости] и принудить к сдаче, разгорелся

огонь невежественного усердия в очаге людей, которые были чирьями, то есть неизлечимыми гнойниками, и когда вступившие в обитель нашего покровительства отказались возвращаться и сдаваться, сказав, в соответствии со смыслом [пословицы] «*Смерть, но не унижение*» (алманийа ва ла-д-данийа): «Предпочтительнее умереть, нежели сдаться», так что даже султанский калга перекрыл дорогу телегам с припасами, прибывшим из окрестных сел, вызвав на три-пять дней стеснение на пути жизни рабов Божьих, и в эту пору благодаря усердию жителей провинции и помощи рядовых янычаров им удалось сесть на корабль отправления, а когда об этом стало известно султанскому калге, он вернулся на скакуне отчаяния в Бахчисарай, и тогда должность аги, которую занимал Хаджи ʻАли, досталась [одному] из пожилых крымских сановников Бахадир-аге. Когда [он] говорил муфтию Кафы Мевлана Абу-с-Суʻуд-эфенди, который потратил звонкую монету власти на защиту и охрану Каплан-Гирай-султана, фрахтовку судна и обеспечение прочих расходов, на деле отважившись выступить против крымского хана: «Правда в том, что вы своим мудрым решением стали причиной [спасения] нашей жизни, высвободив нас из рук неприятелей», многократно подкладывая в жаровню благодарности сырые веточки обманчивых речей, тот почувствовал от них запах лести:

Бейт:

Yar çah-ı zekanum ayn-ı vefadur dir ise

Sakın ey aşık-ı şuride inanma çeñedir

«Если говорит друг, что ямочка на подбородке его есть сама верность,

Будь осторожен, о взволнованный любовник, не верь – это болтовня!»[1377],

от скипидара его ухмылки разгорелся огонь великолепного гнева указанного муфтия, так что знающий толк в тонкостях мевлана понял и осознал, что, в действительности, пресловутый султан был расстроен его впечатляющим ответом: «Если наши усилия и старания [направлены на] служение и угождение вам, то, определенно, от острого меча [слов] «*Бойся зла того, кому ты сделал добро*» (иттаки-ш-шарр ман ахсанта илайх) в годину возможности и во время вашего правления мы будем поражены вашим притеснением и несправедливостью», и направил свои слова, кои были сущей правдой, в сторону иносказания, анекдота и шутки. В действительности, когда по прошествии [некоторого] времени до-

[1377] Строки принадлежат османскому поэту Мустафе Азизи (ум. 1585).

стопочтенный султан в третий раз был подпоясан украшенным драгоценными каменьями ханским мечом, он выбросил старые права в степь небытия и испытал остроту меча своего правления на его худой шее, разбив и стекло его грустного сердца золотым шестом насилия и мести, и разорвав завесу чести и достоинства кинжалом притеснения,

Бейт:

گر داغ اشتیاق نویسم بشام غم

خون سیاه میچکد از دیدهٔ قلم

«Если напишу о страдании [от] сильной страсти [своей] в вечер грусти,

Закапает черная кровь из очей пера»,

о чем, должно быть, было написано черными чернилами и языком пера со сломанным наконечником в тетради повествования и изложения. Когда Каплан-Гирай-султан прибыл в Стамбул, каймакам Осман-паша был [одним] из невольников черкесского происхождения, отданным Селим-Гирай-ханом как подмастерье во внутренние покои (эндерун) августейшего [государя], и хотя в силу отношений опекуна [и подопечного], утвердившихся между ними, он не повесил на двери гостевой комнаты балдахин занятости и после удаления дорожной пыли забот теплой водой согласия и источником чистопробного золота любви, лик султанской воли был скрыт под завесой утаивания, и он назначил дозорных для заключения и заточения [их] в доме очей осторожности, сообщив через быстроногую рысь лесному льву храбрости, великолепному падишаху, о том, что случилось с барсом и ланью, попавшими на ногах добровольности в западню хлопот. По прошествии пяти-десяти дней султанское повеление было исполнено путем их посадки на два мореходных судна, приготовленных в соответствии с неотвратимым приказом о том, чтобы забросить Каплан-Гирая пращой уничтожения крымского хана на остров Родос, а Мардан-‘Али дать попробовать на вкус горькой на вкус морской пены ссылки. Однако обилие сильных ветров, снега и морозов накрепко заслонило путь к выходу из Константинопольского залива, вследствие чего Каплан-Гирай-султан положил ковер проживания и местопребывания у крепости со стенами из грусти в краях Румелии. Неблагозвучный барабан раздражения и гнева, по которому тайно и явно били по очереди палочками Гази-Гирай и Каплан-Гирай, напугал птицу спокойствия крымского хана, вследствие чего он отправил с почтовым голубем к порогу гнездования государства письмо о том, чтобы прекратить [выплату] им ежегодного жалованья, служившего им источником жизни и существования, и когда оно прибыло, он подрезал хвост и крылья их могуще-

ства и собрал зерна их жизни и пропитания. В написанной Девлет-Гираем грамоте, напоминавшей жалобу, семь невинных человек из числа приверженцев двоих упомянутых [султанов] были подвергнуты наказанию, частные и общие дела, имевшие отношение к Московии, были вручены деснице распоряжения указанного лица, и, в целом, подразумеваемый [нами] отрок оказался в объятиях своих притязаний, что вызвало у него радость и ликование, но в последующем благодаря благодати приятной на вкус воды заботы, бившей из потока его таланта к царедворству, цветник чаяний Селим-Гирая зацвел и преисполнился изобилия, а народ, называемый анапскими ногайцами, который жил семейным очагом изумления и упрямства по близости от границ черкесских [земель], протянул руки набегов и грабежей к подданным Московии, заложившим основы неверия и заблуждения по соседству от крепости Азак (Азов – примеч. пер.), и его нежелание написать хану о своей переписке, содержавшей жалобы со стороны московского царя, а также его дерзкое обращение к посредничеству нахального гетмана барабашей вызвали у крымского хана тоску и печаль. Распутная и пробуждавшая похоть женщина, которая [в соответствии с айатом] «*скверные мужчины – для скверных женщин*»[1378] делила супружеское ложе во время совместного сна близости с погрязшим в неверии дитем Джабдарджабом, явившим свой лик в капище бытия из нечистого семени кумирни проклятого Айуки, тогдашнего правителя калмыков, вымазалась в саже нечестия в зловонном жилище того народа,

Бейт:

Bir keçi pasdırmasıdır bi-nemek

Kim ciğerin bile kurutmış felek

«[Она] невкусная козья бастурма,

Ибо даже печень ее иссушила судьба»,

так что среди старух, которые были котлетами из старой говядины и дикой ослятины, она была подобна едва приготовленному кебабу из теленка, вследствие чего у ее свекра возбудился собачий голод эгоизма и разгорелся огонь озарения аппетитом к распутным женщинам,

Мисра‘:

یک لحظه بی حجابی و باقی همه حضور

«Один миг бесстыдства, а далее сплошное удовольствие»,

[и он] своим кабаньим ртом страсти и желания,

[1378] Коран, 24:26.

Кит‘а:
Mülhid ki bula haneyi hali taamıla
Gelmez hayaline hele endişe-i sıyam
Püf der çerağa zulmet-i şebde visal içün
Hemşire vü nebiresine itmez ihtiram
«Когда безбожник найдет дом, в котором нет еды,
Не придет ему в голову мысль о посте.
Задувает он свечу во тьме ночи для совокупления,
Не оказывая почтения [ни] сестре, [ни] внучке»,

из-за [раздвинутых] ног соединения в обители разврата и в месте бесчестия, близком к «земле девяноста» (арз-и тис‘ин, т.е. «задний проход» – примеч. пер.), и звона ножных браслетов соития проникновение покорителя мира и гнилостный запах случки, [который был] зловоннее хорька, вызвал жажду вражды у ее мстительного мужа, вследствие чего он вместе со своим братом Менгу-Тимуром[1379] стал готовить пращу отмщения, чтобы забросать своего злонравного отца камнями расправы и казни, и указанный преступник проведал [об этом и, в соответствии с пословицей] «*предатель труслив*» (ал-ха’ину ха’иф) на невзнузданной лошади страха и опасения вместе с двумя тысячами бродячих и погрязших в неверии собак бежал под покровительство русского царя, а его сыновья покинули указанный народ вместе с псами и суками из племени тургаутов, которых они гнали впереди и позади себя с помощью кости ухищрений и посулов, и перешли на другой берег реки Итиль, и из-за войны собак с собаками, возникшей под воздействием засилья подавления и разрушения, выпущенного из лука предопределения «*дал Аллах власть собаке над свиньей*» (саллата-Ллаху калбаху ‘ала-л-хинзир), они разжали хватку зубов посягательств с частей [тела] единобожников. В ту пору мирзы [племени] Ор-Мехмед-оглу, [одного] из ногайских племен Ак-Кермана, одернули руки колебаний с подола подчинения крымскому хану и, предпочтя [выплачивать] османские налоги и [нести] тяжкие повинности перед султаном, спокойно восседали на лужайке прогулок, когда, попросив падишаха назначить [им] и приписать [к ним] для исполнения шариатских заповедей двух новых кадиев, они стали сыпать из своих лицемерных глаз звонкую монету слёз упрашивания и выложили перед Йусуф-пашой свою неприметную мзду из замасленной сумы, которую они приготовили в качестве подарка [в знак] своей рабской по-

[1379] Менко-Темир – тайши монгольского племени дербетов, вассал калмыцкого хана Аюки.

корности, [тот] по причине легкомыслия впал в очарование от их скудного [и] малоценного товара, вследствие чего на основании его заявления с дурным концом, направленного к государеву порогу, неодобряемое дело кадиев [племен] Орак-оглы и Ор-Мехмед-оглы было добавлено в регистрационную книгу (рузнамче) тогдашнего кадиаскера в году 1113 (1701–1702 гг. – примеч. пер.). Когда клинок железных зубов двух новых кадиев, посчитавших, что [их ждут] густой и девственный лес, невиданные [ранее] несметные сокровища и сбор поспевших колосьев с городов и весей, был наточен, из-за несбыточного желания добиться желаемого, устроив покос и заполучив большие богатства, звон от литавр взяток указанных племен и мелодия барабана их раболепства ударили по голове их развлечения и радости, так что [они] отказались от своих заявлений со словами: «Мы не согласны на таких кадиев», изгнав и отправив в ссылку новоиспеченных кадиев из рая принятия. Калга Са‘адет-Гирай захотел жаркое (табахидж) из мяса дичи и страдал от жажды по рубиновому вину возлюбленной [с красивой] фазаньей походкой,

Бейт:

Saydgah-ı kaza-yı hahişde
O gazalum şikar olmaz mı
«В охотничьем угодье исполнения желания
Неужто ли не будет поймана моя газель?»,

и тогда, чтобы поймать дичь из сада райских кущ красоты и очарования в степи своего желания [он] простер крылья товарищества вместе с несколькими соколятами из гнезда величавости и гордыни над охотничьем угодьем под названием Карт-Казак, расположенном за Феррах-Керманом, которое было зимовьем для разного рода птиц, вследствие чего звук маховых крыльев его величия привел в замешательство слух незадачливых ногайцев, и тогда пресловутый султан решил, что ему велено предать огню грабежей и набегов их края, являвшие образец [гнездовий] сов и сычей, предоставив Йусуф-паше свидетельства в пользу [наличия] у них сил для того, чтобы переправиться через реку Туна (Дунай – примеч. пер.), показав притворный страх, и поверил их ложным утверждениям, явленным в образе истины, поставив скрытую огласовку (равм) препятствия на пути переправы путников, что вызвало волнение в море гнева крымского хана, отчего он сказал, что к указанному народу, бывшему саранчой в степи ловли силками, присоединилась [быстрая словно] ветер рука помощи Йусуф-паши в рассеянии и уничтожении кучи пшеницы веселья и спокойствия и проса блаженства рабов Аллаха, и указал кончиками пальцев пера намёка в сторону Высочайшего Государ-

ства, после чего остриё клинка укоризненного фирмана, своим выходом пролившего свет [и посвященного] тому, чтобы ограничить твердой волей хана обещания и угрозы, повеления и запреты, требовавшиеся для праведных и неправедных, миловидных и уродливых, избранных и простолюдинов, построивших жилища на другом берегу упомянутой реки, удалить и отрезать руки поползновений иностранцев, порвало нос (араб. анф, тж. «гордыня» – примеч. пер.) самодовольства и себялюбия привыкшего к насилию скота, но вместе с тем приложили целительный бальзам к их недавно открывшимся ранам, после чего он освободил и очистил земли, бывшие в пределах ханского правления, от мусора их существования, и когда судившему по внешнему виду паше предъявили его невозможное деяние, которое он готовил иным способом, со словами: «Нет ошибки в удалении пыли смуты и мятежей, поднявшейся за многие годы из-за осквернения пределов Каманиче (Каменец-Подольский – примеч. пер.) испражнениями козней и интриг», деснице его посягательства и вмешательства помешали [коснуться] подола татарских дел, так что он удовлетворился [лишь] тем, что положил руки восхищения на колени похвалы. Между тем, он достиг Каабы своих чаяний, потратив звонкую монету усердия на перетолкование и исправление пером стирания и утверждения грамоты лисьих слов и письма неудовлетворительных деяний Девлет-Гирая, противоречившим государственным порядкам и шедшим вразрез с законом султана, Кыблели-заде-бей упал от ядовитого ветра государева гнева на дно небытия, а также выпрашивал подарки и произносил многословные речи ртом пера сетований о непотребных деяниях заблудшего московского царя, таких как его приближение к границам исламской [державы] под предлогом отстройки крепости Азак, к коей он ранее протянул руки овладения, дабы подняться на крепостную башню и стену нечестия, и возведение им крепостей и острогов вопреки [договору о] мире, что вызвало сильную головную боль у изнеженных сановников Высочайшего Государства, после чего для получения полноценных монет осведомленности был назначен один капуджи-баши, выросший в султанской роскоши и бывший [одним] из доверенных лиц государства, и когда он выложил перед представителями султана хорошее и фальшивое серебро, собранное и накопленное им и доносчиками, которые на несколько дней бросили в Крыму седло проживания и разъехались по всем концам страны, [поскольку их сведения] были вроде [того, о чем говорится в Коране:] «*от которых не поправляются и которые не утоляют [голода]*» (ла йусмин ва ла йугни), они не только не избавили от голода вопросов, но также нанесли обиду крым-

скому хану и вызвали у него опасение и тревогу, а когда с Шахбаз-Гираем случилось несчастье, он был обеспокоен приписанной [ему] клеветой о сговоре, возникшим после этого в Буджаке бедствием смуты и раскола, освобождением его отца Селим-Гирая из Сироза и тем, что некоторые государственные мужи стали смотреть глазами гнева и избегания и шевелить устами тяжелых и грубых речей, [так что он] заставил парус чувств его приближенных плясать в [калейдоскопическом] фонаре фантазии и воображения, дабы защитить сияющий светильник своего государства от порывистого ветра [Божественного] приговора, и в нестройной мелодии мятежа и восстания их прихотей танбур [дьявольского] искушения слился в едином звучании со струнами человеческих дьяволов [из] степи лицемерия, после чего стал готовить приглашение на горькое собрание подстрекательства к мятежу, которое он первым делом устроил в Бахчисарае для того, чтобы выкрасить татарский народ единым цветом опьянения бузой надменности и упрямства под предлогом совещания [по поводу] Москвы, а восседавший на троне разума и благоразумия Менгли-Гирай-султан одернул подол общения до того, как [повсюду] распространился зловонный [и] разгонявший [все] блаженства запах от кишечных газов хорька из отверстия его нечестия, взнуздав коня искусного мнения обращения уздой тонких хитростей в своем желании почувствовать амбровый аромат пыли из под ног своего достопочтенного родителя, и стегнув плетью возвращения [назад] по шее упрямцев, выступивших против воли крымского хана и решивших выехать из Крыма, и когда они, обманув крымского хана драгоценными камнями украсивших шкатулку его проницательного ума речей о том, чтобы позволить [им] выехать из Крыма в Феррах-Керман ради службы, наполнили до краев звонкой монетой разрешения кошелек своих чаяний, без всякого промедления и спокойно вошли в Кылбурун, и сели в приготовленное ими на берегу моря рыбацкое судно, по велению Господа не подул [даже] ветер, который привел бы в движение [хотя бы] травинку, и, когда они доплыли до середины реки, двигая кусок древесины беспокойства, султан неподвижных и подвижных звезд озарил светом обитателей моря и суши, и суденышко путников стало видимым, словно солнце посреди неба, а комендант крепости Озю Кечи Мустафа-паша был страдавшим дневной слепотой козлом, который тряс головой розысков, дабы распушить бороду (выставить себя более значимым – примеч. пер.), отправленные мирмираном Кылбуруна для вынюхивания запаха вестей люди протянули руки приближения, те в первом же сражении стали осыпать [их] искрами [из] ружей обороны, так что он сообщил, что

из-за вероятности того, что корабль бытия множества людей мог попасть в водоворот напрасной гибели и уничтожения, хлопоты путешествия вращались вокруг страны подчинения правосудному государю, а военачальники, офицеры и круг бекташийцев положили десницы своего соглашения на писание договора и клятвы о том, что они не согласятся, если хану будет угодно сделать им выговор, и в ту пору, когда они удобно устроились в гостевом доме коменданта Кылбуруна, некоторые слабоумные и недальновидные [люди] сказали тем, кто говорим [им]: «О если бы вы обезопасили и защитили себя от напастей врагов, вступив под покровительство янычаров», что, в соответствии с великодушием, дабы защититься от теплого и холодного ветра, согласно содержанию бейта:

حقا که باعقوبت دوزخ برابرست
رفتن بپای مردم همسایه در بهشت

«Поистине, равнозначно наказанию в аду
Оказаться в раю в ногах у соседей (т.е. на более низкой степени, чем они – примеч. пер.)»[1380],

опора на сломанную посередине колонну низкородных идет вразрез с обычаями мужественности, и не снизошли до того, чтобы вступить под сень шатра клейменных (нишанадаран), оставшись пять-десять дней сидеть, скрестив ноги, в обители терпения и упования [на Аллаха], а когда в ту пору прибывшие от правителя области Крым с заданием схватить и взять [их] доставили ярлык суровости и ярости, главари и рядовые члены скрепили печатью исполнения купчую своих старых обещаний и вместе сели на корабль почтения, после чего на быстроходном скакуне с седлом благополучия присоединились к войску Йусуф-паши и некоторое время восседали на почетном месте под навесом благоденствия. Поэтому Девлет-Гирай-хан ради того, чтобы сделать груду камней под названием Ак-Кая, на которой разостлали ковер бедствия жестокосердные крымцы, местом для расположения шатров совещания, волнений и споров, и подобием пустыни Кербелы, стегнув [их] кнутом побуждения и обмана с помощью струн барбата пыла простонародного невежества, обвинил мужей Высочайшего Государства, одержавших победу над врагами религии, в ненависти и презрении к татарским племенам, а подобных себе, кто спустя какое-то время должен был украсить ханский престол, в подчинении и следовании государевым повелениям, проявив отвагу в том, чтобы отрубить острым топором дерзости нагруженные но-

[1380] Строки из «Гулистана» Саади.

шей шеи сыновей «носящей дрова» (хаммалат ал-хатаб) при строительстве возведенных недавно крепостей из народа московитов, а когда привыкшие к интригам жители подняли шум на всю округу трезвоном полоскания слухов и грохотаньем подкармливания пересудов по поводу того, что украсившие благодаря заботе величественного падишаха плечи готовности кафтаном крымского султана сговорились разорвать руками грубости и насилия ворот одеяния их сиятельного достоинства, запорожские и барабашские казаки направили послов, которые сказали: «Ближайшая цель злосчастного московского царя – овладеть страной Крым, а нас бросить в бескрайнюю яму подданства. Если в летнюю пору, на которую приходится время передвижения насекомых, вы возьметесь за сабли отмщения, потушив и успокоив огонь вражды и ненависти тех недоброжелателей кровожадным каленым клинком, то мы в пору стужи и зимы, которая служит временем захвата трофеев у сообщества татарских степняков, поспешим и составим друг другу компанию вспышкой осыпающих огонь ружей, без [всякого] разобщения, едиными и согласными рядами растопив лед страха», и их бессмысленные и бредовые слова, напетые ими голосом, напоминающим по громкости орган, подошли и понравились ушам вдрызг опьяневших от вина блужданий, после чего каждый из них стал саламандрой в огнище ярости и китом в море отваги, и когда они стали заготавливать хворост стрел и копий и пускать воду отнимающих жизнь клинков, дабы зажечь очаг сражения и пролить потоки битвы, благодаря султанскому письму с ласкающим [слух] заглавием мастер, построивший великолепный дворец с высокими сводами и определивший границы Искандаровой преграды с семью уровнями, архитектор Мустафа-ага оказал [своим приездом] честь области Крым, [прибыв] вместе со снаряженьем и вооруженьем, а также тысяча тремястами кошельками денег из казны процветающего султанского [государства], требовавшимися для возведения возвышающейся до небес крепости в подходящем месте на усмотрение архитектора жителей Крыма, что удалило капли дождя страха перед смещением [с престола], который разрушил обветшавшее основание общества владык вражды и пошатнул здание обители души крымского хана, и тогда они скрыли под золой откладывания на потом искру своих интриг и мятежа, озарившую светом землю и небо, в [месяц] раби‘ ал-ахир года 1114 (август-сентябрь 1702 г. – примеч. пер.). В ту пору, когда Йусуф-ага, которому титулованной достоинством канцелярией было поручено [провести] изыскания [путем] написания искусной грамоты для того, чтобы исправить слова и устранить затруднения [посредством] причудливых по форме изображе-

ний здравого по сути пера исследования, которые проявились до указанного времени в мастерской страны Крым,

Мисра‘:

Arif olan, beğim, ardından okur mektubı

«Мудрый, о мой господин, читает письмо с задней стороны»[1381],

очами своей проницательности зачитал написанное лазутчиками с задней [стороны] грамоты внимательности, он почувствовал запах свержения и неудачи от трупов ложных слухов, которые извлекли клювами презрения и положили перед взорами предвещающие разлуку лицемерные вороны, пущенные в верхний мир для подслушивания новостей крымским ханом, он зажег свечу смуты и интриг, дабы показать и выявить изображения, заставляющие смеяться и плакать, которые они приготовили и устроили под завесой своих измышлений, а калгу Са‘адет-Гирая отправил в Буджак. В ту пору, когда подонки Челеби-Гюли и Сахтиянлы Адим из числа его последовавшей за заблуждением свиты, чья изначальная природа была поджарена на масле нефти грубости, не только проявили свою подлую натуру, предав огню ущерба необмолоченное зерно всех пожитков и склады урожая мусульман, сеявших семена неприхотливости на земле подданных [государя], но также дерзнули нести вздор и чепуху о том, что протянут руки грабежей к войску Йусуф-паши, стало ясно, что капуджи-баши, коему было велено доставить высочайшее повеление [государя], изданное им по поводу обустройства дел татар, зашевелил языком заключения, дабы устроить досмотр внутренней [стороны] зубов людских ртов с помощью зубочистки тщательности и осторожности, оставленной в качестве залога в его расшитом позолотой и всемирно прославленном тюрбане, а когда он коснулся плетью угрозы его плотной кожи, которая была кафтаном на плечах славы, даже обрамлением его взятой взаймы жизни, и были внимательно рассмотрены разного характера указы, скрытые за пазухой сокрытия и сохранения, он усмотрел в этом тайное указание на то, что море падишахова гнева взволновалось, после чего взялся за пуск приводящей весь мир в смятение горькой воды, которую он скрывал в хранилище своих мыслей, и, направившись в степь Феррах-Кермана, разделил дорогу с войском «тех, чьи сердца [было нужно] смягчить [к исламу]» (му’аллафат ал-кулуб), изувечив снискавшего доброе имя и прославленного своей правдивостью нураддина ‘Инайат-Гирая тамгою передового

[1381] Строки принадлежат османскому поэту и историку Бихишти Ахмеду Синану Челеби (ум. 1511).

отряда войска сторонников Суфйана. От пыли вестей, которую поднял южный ветер путников, проходивших в те дни, когда в [самом] начале восхождения [на небосвод] злосчастной Йеменской звезды Менгли-Гирай, избегая воздействия несчастья и неудачи, а также преисполнившись благодати от света благоволения величественного падишаха, покинул область Крым, обоняние его обладавшего множеством достохвальных качеств родителя Селим-Гирай-хана ощутило запах его пота, [выдававший] нездоровое изменение в его самочувствии (инхираф-и мизадж), после чего он отправил особого человека в свое имение в Фындыклы[1382], где он опирался о подушку отдохновения, для соблюдения обычая посещения больного, и прошло не [так много] времени с тех пор, как он о нем осведомился, как чистое зеркало души указанного [хана] покрылось ржавчиной ожидания, отчего он открыл страницу гадания из дивана с красноречивым заглавием Ходжи Хафиза Ширази[1383] – да пребудет над ним милость [Божья]!, [который был] сокровищницей Божественных тайн и хранилищем бесконечных излияний, и показалось преисполненное мудрости лучезарное светило (матла‘, тж. первый бейт произведения – примеч. пер.) бейта:

مژده ای دل که دیگر باد صبا باز اید

هدهد خوش خبر از طرف سبا باز اید

«Благая весть [тебе], о сердце! Ведь уже [скоро] вернется утренний прохладный ветерок,

Вновь прибудет из [страны] Саба[1384] удод с приятными вестями»[1385],

и, когда он с удивлением окинул взором окрестности навеса, его сердце сгорело в огне ожидания, передвигавшийся [со скоростью] ветра татарин, которого он отправил в долину разузнавания, подобно утреннему ветерку, повеял из-за горы сокровенного [знания], он зашевелил губами осведомления, [открыв] рот расспрашивания,

Мисра‘:

ام هبت الريح من تلقأ كاظمة

«Неужто подул ветер, который подавит твой гнев?»[1386],

[1382] Квартал в европейской части Стамбула.

[1383] Шамс ад-дин Мухаммад Хафиз (ум. ок. 1390) – персидский поэт из Шираза. После смерти сборник его стихов (диван), состоящий в основном из газелей любовного содержания, стал настолько популярен в народе, что его использовали для гадания.

[1384] Саба’ – арабское название древнего Сабейского царства, правительница которого Билкис упоминается в Коране в связи с историей пророка Сулеймана (Соломона).

[1385] Строки из «Дивана» Хафиза Ширази.

[1386] Строки из «Касидат ал-Бурда» суфийского поэта Мухаммада ал-Бусири (ум. 1294).

и тогда молва о том, что он пошевелил ногой интриг с мыслью о том, чтобы, во-первых, обрести исцеление в лечебнице Всемогущего Господа, а во-вторых, вопреки велению властелина, разгромить обитель вселенной вместе с несколькими болтунами и трепачами Девлет-Гирай-хана, дошла до слуха государя мира, по твердому мнению опытных [мужей] государства и доброжелателей султана, острый клинок – «*железо железо [острит]*» (ал-хадид би-л-хадид)[1387] – был передан в десницы распорядительности хана Селима, после чего в [месяц] ша‘бан тысяча сто четырнадцатого [года] (декабрь 1702 – январь 1703 гг. – примеч. пер.) он был приглашен в Эдирне и в четвертый раз уселся высоком седалище трона правления, сообщив благую весть о том, что Гази-Гирай был осчастливлен постом калги, а Каплан-Гирай – [постом] нураддина, после чего с полнейшей искренностью прочитал [в знак] почтения [суру] «Фатиха» в честь пречистой души шейха, написавшего диван (Хафиза – примеч. пер.). Оттого, что одного из обладателей дивана Шехри-эфенди[1388] были давние права в отношении указанного хана, сахарный тростник его чудотворного пера засочился, так что сладкий мед его блистательной хроники и мускусный сироп его элегантной касыды, которые он положил языком благодарности на блюдце стихотворства и сочинительства, наставили наслаждение душе Селима, после чего было положено печальным пером в разрозненный сборник листков.

Мисра‘:
Almaz mısın akıdeyı müşki bahasına
«Не возьмешь ли ты сахарный сироп по цене мускуса?»
Касыда:
Hamdu li’llah ki hüdavend-i cihandar-ı kadim
Eyledı aleme bahşayiş-i eltaf-ı amim
Tabiş-i mihri tebaşir-i sabahü’l-hayrun
Kıldı ahkam-ı saadetle muanven takvim
Sad-ı saatde tulu itdi o necm-i didar
Oldı paşide-ziya pertevi iklim iklim
Sahn-ı pehnaver-i alemde yine şahid-i feyz
Cilve-riz oldı murad üzre dönüp çarh-ı le’im
Al-i Cengiz’iñ o mümtaz u seramed hanı
Ziver-efser-i hakan-ı selef-i dürr-i yetim

[1387] Пословица библейского происхождения. Ср.: Книга Притчей Соломоновых, глава 27, стих 17.
[1388] Шехри Мехмед-эфенди (ум. 1735) – османский поэт.

Yine erike-i hanide ser-firaz oldı
Niçe dem olmişidi malik-i tac [u] dihim
Terk idüp saltanat-ı devleti Edhem-manend
Ser-be-ceyb olmışidi kuşe-i gurbetde mukim
Kabetu'llah'a varup sürdi yüzin kıldı tavaf
Ravza-i pak-ı Resul'e salav[a]t u teslim
İktiza itdi iki defa dahi han oldı
Guya kalıb-ı bi-ruh idi merdan-ı Kırım
Yirine geldi yine canı cihanuñ şimdi
Aleme virdi hayat-ı nev o Dara-yı halim
İtdigi hizmeti bu devlet ü dine el-hakk
İtmedi gayrılar eslafda Allah alem
Alem-efraz-ı cihad oldığı gün gibi ayan
Niçe kez itmişidi leşker-i küffarı dü-nim
Sarsar-ı kahrı vezan olup iderdi berbad
Akın itdikde adu mülkine çün seyl-i arim
Dest-i berdiyle neberdinden o savlet-şikenüñ
Şevketi düşmene virmişdi aceb haşyet ü bim
Kangı aşub-ı vega içre bulunsa bi'z-zat
Nasr-ı te'yid-i İlahi anı eyler takdim
Ger sehab-ı gazabı saika-endaz olsa
Ceyş-i adaya makarr olur idi kar-ı cahim
Teşne-dildür deyü küffara dem-i heycada
Tir-i baran-ı beladan içirür ma'-i cahim
Eyledi gayret-i İslam ile çok yirde gaza
Bu kadar ancak olur düşmene bir hasm-ı kavim
Niçe mümkindür ola midhat-ı zat-ı paki
Ki celadetde necabetde anuñ misli adim
Bu idi mesned-i haniye seza oldukda
Hak bu kim eylediler şanına layık tekrim
Padişahum ide Allah mübarek mesud
Kıl heman Bagçesaray içre umuruñ tanzim
Kanda azm eyleriseñ avn-ı Hüda yarüñ ola
İde mansur u muzaffer seni her yerde ganim
Şadkam eyleye sultan-ı ser-efrazlarıñ
Tul-i ömr ile muammer kıla Mevla-yı kerim
Didi Şehri-i sena-han-ı kadimüñ tarih
Geldi izaz ile han oldı yine Haci Selim
«Слава Аллаху, ибо Господь [и] Повелитель мира Извечный

Одарил вселенную всеохватными милостями.

Сияние Его солнца предвестники доброго утра

Сделали альманахом, озаглавленным счастливыми предзнаменованиями.

В счастливый час взошел этот звездоликий,

Озарив светом лучей своих каждый климат.

На обширной площади вселенной юноша благоденствия

Явился, [когда] повернулось колесо скупой [судьбы] по желанию [его].

Этот превосходный и видный хан из рода Чингиза,

Украшение хакана (османского султана – примеч. пер.), раковина редкостной жемчужины,

Вновь [гордо] поднял голову на ханском престоле.

Сколько раз был он владельцем венца и короны?

Оставив правление государством, подобно [Ибрахиму] Адхаму,

Просунул голову в карман, поселился в уголке скитаний.

Добрался до Каабы Аллаха, приложился [к ней] лицом, совершил обход,

[Произнес] благословение и приветствие у Пречистого Сада[1389] Посланника.

[Когда] потребовалось, стал он ханом во второй раз,

Будто бы оболочкой без души были мужи Крыма.

На место вернулась теперь душа вселенной,

Дал миру новую жизнь тот кроткий правитель.

Те услуги, которые оказал он этому государству и религии, поистине,

Не оказали другие среди [его] предшественников, [и] Аллаху ведомо лучше.

Ясно, как день, осветивший джихадом мир,

Сколь [много] раз рассекал он пополам войско неверных.

Резкий ветер гнева его дул [и] разрушал,

Когда налетал он на вражескую страну, словно мощный поток.

Благодаря победам в сражениях этого сбивающегося спесь [с врагов]

Величие его внушало врагу удивительный страх и ужас.

В каком бы смятении из-за войны не оказывался он лично,

Помощь Божественной поддержки продвигает его вперед.

[1389] Пречистый Сад (Раудат ал-Мутаххара) – почетное именование могилы пророка Мухаммада в комплексе Мечети Пророка в Медине.

Если туча гнева его изрыгала гром,
Пристанищем вражеской армии становилась преисподняя.
Во время побоища, сочтя неверных страдающими от жажды,
Поил их адской водой от дождя из стрел бедствия.
Совершил он во многие земли походы, радея об исламе,
Только таким бывает у врага стойкий неприятель.
Разве можно воспеть [в должной мере] его пречистую личность,
Ведь в отваге и благородстве подобных ему не существует?
Так было, когда он удостоился ханского престола.
Правда в том, что оказали ему почтение, достойное его сана.
Да благословит и осчастливит Аллах моего падишаха!
Обустрой же в том самом Бахчисарае его дела!
Где бы ты ни проявлял решимость, да будет помощником тебе содействие Божье,
Да сделает [Он] тебя победителем и триумфатором, повсюду наделит трофеями.
Удачным сделай его величавое правление,
Облагодетельствуй его долголетием, о Щедрый Господин.
Сказал Шехри, славящий Вечного [Бога], дату,
Пришел с почтением, ханом стал снова Хаджи Салим[1390]».

Короче говоря, достоверно известно о том, что, когда Девлет-Гирай, вытащив свою привыкшую к грубости голову из дома подчинения и подняв знамя мятежа и непокорности, прибыл в степь Феррах-Кермана, Селим-Гирай-хан выдвинулся в путь на коне из конюшни государевой помощи, украшенном драгоценными камнями великолепия и оседланном седлом привязанности, а Менгли-Гирай-султан составил Йусуф-паше компанию в ломании неотесанной палки [древка] знамени мятежников, так что зачинщики интриг, поднявшие голос самоотверженности, утверждая о своей искренней приверженности и любви, разбили кубок веры и договора в тот же час, когда услыхали имя Селима, и отвернулись от соглашения, говоря о том, что невозможно выступать против крымского хана, посаженного [на престол] повелителем семи климатов, а также нет никакой возможности, чтобы смотреть вероломно на многощедрого хана, от которого они получили великие блага, стало заметно, что знамя удачи Девлет-Гирая спустилось к неудаче, и он, оплевывая черные лица лжецов руганью и проклятиями, пошел первым в ходе

[1390] В системе абджадийя этот бейт (كلدى اعزاز ايله خان اولدى ينه حاج سليم) имеет числовое значение 1115, что соответствует дате написания касыды (1703 г.)

устроенного им для бегства в черкесские края мероприятия отступления, а Са'адет-Гирай [пошел] следующим. Отклонить их от того неразумного пути, по которому они следовали, и провести [их] в Румелию, согласно письму, содержавшему наставления и советы, угрозы и обещания, было поручено нураддину Каплан-Гираю, вследствие чего он преследовал их вплоть до Таманской переправы, через которую пролегал их путь, и вернулся [обратно], так и не повстречавшись с ними. Когда Девлет-Гирай-хан заточил в крепости Джан-Керман мотылька [у] свечи ночных покоев его любви Кючюк-Мехмеда Йазыджи, Хасан-шаха и мирмирана Кафы Черкеса Муртазу, дабы бросить их в огонь наказания, пресловутый Муртаза,

Стихотворение:

ربما تجزع النفوس من الامر
له فرجة كحل العقال

«Иногда беспокоятся души о некоем деле,
[Но] в нем облегчение, будто развязали путы»[1391],

сбежал через спасительную дыру в крепостной стене благодаря веревке наилучшего мнения, а другие обреченные на смерть были доставлены в Эдирне и на площади наказания оказались на помосте [для] отрубания головы. Когда Гази-Гирай открыл двери дома собраний (дар ан-надва) мятежа и интриг, Девлет-Гирай через Мехмеда Языджи пространно и подробно [доложил] украшению начала фетв, служившему проявлением Божественного излияния и удостаивающего [своим присутствием] собрание вынесения фетв, об обстоятельствах появления склонного к интригам укротителя львов (ширван), указывая и намекая на свое величие и великолепие. Обладавший глубокими познаниями мевлана, благоразумно изобразив себя невеждой, дабы поднять вуаль ошибки, повешенное на лица неразборчивых слов, якобы счел правдивым человеком гонца с женскими манерами, прокрутив циркуль допроса о количестве ратных мужей на странице разведывания, а незадачливый секретарь не знал о том, какими знаниями и мудростью обладал этот небосвод достоинств, и сказал, что черная туча ногайских и татарских воинов, скопившаяся у хана и султана, почти превысила триста тысяч, [как] приблизительно оценивают и подтверждают обладатели точных и глубоких мыслей, упав из-за явленного им тусклого блеска лжи в темную яму клеветы и навета, тогда как устраняющий трудности муфтий красноречивым языком без каких-либо недочетов подсчитал войско, которое име-

[1391] Строки принадлежат арабскому поэту Ибрахиму ибн 'Аббасу ас-Сули (ум. 857).

лось в самом Крыму и областях Буджака, Кубани и черкесских краях, которые считались владениями крымских ханов, врезав кулаком обиды и не оставляющего места для возражения ответа по рту бестолкового врун-на, и тем самым выгнал его с собрания человеческих достоинств, что пришлось по нраву разумным [людям] того времени. В действительности, избалованные чиновники султана, пользовавшиеся благами государства, потратили самые малые усилия на [сбор] десятины его благородного бытия, загубив ради получения дохода и титулов время и деньги, и если бы они израсходовали их на иностранные дела, которые вели к процветанию страны, или вопросы, связанные с положением в мире, то в любом случае получили [от этого] пользу и воздали бы должное подателю благ. Да пробудит Всевышний Аллах нас и их (айказана-Ллаху Та‘ала ва иййахум). Короче говоря, молва о том, что Селим-Гирай-хан прибыл в пределы паланкина безопасности Буджака, дошла до слуха жителей Крыма, и когда каждый из «*людей с опущенными черными лицами*» (мукиббун ‘ала вуджух ас-савда’) стал опережать другого в [выполнении] задания по встрече [хана], удостоившись поцелуя ног, несущих благое предзнаменование, кто-то стал считать тучных и тощих овец, заколотых им [в знак] благодарности, кто-то стал приводить свидетельства о том, что освободил невольников и невольниц, и когда жестокосердные, пострадав от угроз о клятвопреступлении и приведения к присяге посредством насильных клятв, приложились головами к пыли на ногах покорности и ударили по барабанам своей приязни палочками изъявления искренней привязанности и любви, не [осмеливаясь] посмотреть в почтенное лицо сиятельного лика уважаемого хана, украшенный милосердием хан не стал сыпать десницей ругани и порицания пыль возражения в незрячие очи совести и стыда, [в соответствии с хадисом] «*Сыпьте землю в лицо восхваляющих [вас]*» (ихси-т-тураб ‘ала вуджухи-л-маддахин), наполнив до краев карманы их чаяний звонкой монетой благоволения. Четвертого дня [месяца] зу-л-ка‘да указанного года (22 марта 1703 г. – примеч. пер.) он воссел на ханский престол, поручив исполнение заповедей лучшего для людей закона муфтию Кафы Мевлане Абу-с-Су‘уду-эфенди, который скреплял своей подписью фетвы достоинств и знания, пост векиля достался Шах-Полат-аге, а занимавший указанный пост Хаджи ‘Али (Мардан-‘Али-ага – примеч. пер.) в силу плетения волос [интриг] был понижен до чина хазинедарбаши (начальника личной казны – примеч. пер.), более низкого, чем указанный пост, отчего у указанного лица и Каплан-Гирай-султана проступил пот львиной отваги, а их казавшиеся отрадными души сконфузились и омрачились. Поскольку

главенство тех, кто [занимал пост] мирливы у Ширинов, над [всеми], кроме крымских ханов, было давним обычаем и древним законом, обладавший глубокими познаниями мевлана, возглавлявший круг [приближенных] кадиаскера, был редкостной и выдающейся [жемчужиной] в раковине учености и искусности, а также был единственным и превосходным в вынесении решений по шариату, так что занял пост преподавателя среднего звена (дахиль) в великолепном медресе, основанном в Кафе достопочтенным султаном Селим-ханом – *да осветит Аллах его довод!* (анара-Ллаху бурханаху) – после чего новый закон о том, чтобы записать в тетради церемоний Крыма прославленное добродетелью имя на султанов [из рода] Чингизидов, который он скрепил печатью и подписью, [приложив] пальцы настояния, не только задел сердца простых людей, но также перерезал в силу расцвета молодости ножом себялюбия и могущества тесьму [переплета] книги любви и разорвал листы собрания близких и далеких [ему людей]. Сообщив Государевой Порте об усилиях и старании презренных неверных заложить основы новой крепости и разрушить прославленные стойкостью стены мира и безопасности в местечке под названием Ачысу-Богазы[1392], он рассмотрел его очами истины:

Мисра‘

از دیده بسی فرق بود تا بشنیده

«Между увиденным и услышанным есть большая разница»[1393],

а вслед за этим прибыл один капуджибаши вместе с августейшим письмом, содержавшим любезное обращение с пресловутым [ханом?], так что он ублаготворил очи надежды и чаяний каждого из них невольниками и наложницами с красивыми глазами, написав [им] в соответствии со вкусами государства раболепные письма. Провести и вернуть в Румелию бывшего хана Девлет-Гирая и его брата Са‘адет-Гирая, а также привести в исполнение шариатские и светские нормы в отношении черкесов и ногайцев было поручено калге Гази-Гирай-султану, после чего, согласно принятому обычаю, из каждого селенья было собрано по два человека, и первого числа [месяца] мухаррам тысяча сто пятнадцатого [года] (7 мая 1703 г. – примеч. пер.) он направился к своей цели. Молебное письмо, завершенное прошением, которое было послано бывшим ханом с просьбой о прощении [одного] из курдских эмиров, немощного

[1392] Устье реки Кубань на побережье Азовского района, где располагалась османская крепость Ачу (совр. Ачуево, Славянского района Краснодарского края).

[1393] Строки из газели персидского поэта Амира Шахи (ум. 1452).

старца, называемого ими Баба Сулейман[1394], который вступил под покровительство Девлет-Гирая в самом начале его правления, дабы освободить ворот своей души от порывистого ветра гнева тогдашнего Сулеймана и бури ярости правителя мира, не оказало никакого воздействия, и на сей раз стрела ходатайства Селим-Гирай-хана, пущенная им из лука стараний и усилий десницею полного чистосердечия, попала в цель принятия, и страница его чаяний о том, чтобы оттиск на агатовом камне его провинции отпечатался на новом черновике его правления, не стала местоположением тугры желаемого, [ибо это] не отвечало искусству правителей предопределения, отчего он сорок дней провел в поклонении в углу скитальчества и предавался аскезе в глубокой пещере печали, [весть] о чем дошла до Кырккилисе (Кыркларели – примеч. пер.). Когда командующий флотом (капудан-и дарйа) Ашчы Мехмед-паша[1395], которому были поручены задания, имевшие отношение к всеобщему царскому пиршеству, устроенному государевой кухней для всех единобожников по случаю строительства новой крепости[1396] в известном местечке Чучка-Богазы[1397], расположенном на северном побережье Крыма, которое также обозначают названием Акынды-Бурну[1398], набрал из крымских деревень и подготовил пятьсот повозок с быками тусской[1399] породы для перевозки камней и древесины, требовавшихся для строительства новой крепости и очага пиршества [для] привыкших к джихаду воинов, и когда двое быстроходных [посыльных] из [числа] начальников (ага) из Эндеруна[1400] августейшего [государя] вместе с двумя требовавшими неукоснительного подчинения фирманами крымскому хану об отправке какого-нибудь знающего толк в премудростях сераскира для

[1394] Бебе Сулейман (ум. после 1704) – вождь одного из курдских племен на востоке Анатолии, который в 1690-е гг. занимался грабежами приграничных территорий сефевидского Ирана, за что был изгнан из своих мест совместными усилиями турок и персов при султане Мустафе II и скрывался в Крыму.

[1395] Ашчы Мехмед-паша (ум. 1716) – османский государственный и военный деятель, флотоводец. Командовал османским флотом в 1702–1703 гг. и 1713–1714 гг.

[1396] Еникале (тур. «Новая крепость»), которая в настоящее время находится в черте города Керч, была построена в начале XVIII в.

[1397] Керченский пролив.

[1398] По-видимому, мы Ак-Бурун (тат. «белый мыс») в Керченском проливе, названный автором по аналогии со стамбульским Акынты-Бурну (от тур. akıntı – «течение») на Босфоре, расположенным на побережье европейского района Арнавуткёй.

[1399] Тус – город в исторической области Хорасан, на востоке современного Ирана.

[1400] Эндерун (перс. «внутренние покои») – часть султанского дворца Топкапы в Стамбуле, где велась подготовка государственных служащих высшего ранга, которых набирали чаще всего из христианских детей, отторгнутых от их семей.

направления пяти-шести тысяч татар, которые были собраны и подготовлены в землях Крыма, считаясь средствами [вроде] бесполезного тирьяка[1401] и испорченного ханаанского противоядия, составленными в лавке фальшивых снадобий вопреки мизаджу времени и эпохи – «*разве исправит продавец благовоний то, что [уже] испортил рок*»[1402] (хал йуслиху-л-ʻаттару ма афсада-д-дахр) – дабы защититься от яда господства змей и муравьев, появившихся и показавшихся в дыре восхитительной степи Эдирне в силу испортившейся погоды подлой судьбы, для их отправки был назначен [один] из сыновей пресловутого хана Менгли-Гирай-султан, после чего [он], расходовав звонкую монету силы на приведение в исполнение высочайшего повеления, прибыл в Феррах-Керман, приказ о восшествии на престол достиг завершающей ступени, а затем он распространил фирман Ахмадовой хутбы, повернув поводья возвращения. Гази-Гирай, коему было велено провести в Румелию на судне задержания и доставки бывшего хана Девлет-Гирая и калгу Саʻадет-Гирая, засучил рукава усердия, чтобы крепко ударить яростью по трясущим в воздухе головами черкесским строптивцам, служившим приютом и пристанищем для беглецов, разрушить и уничтожить жилище их жизни, и оттого, что у двух пресловутых [лиц] не было сил для того, чтобы передохнуть и остановиться в тех краях, они стали на коне горестей безвыходного положения по крупицам собирать ячмень благодеяний племени, получившего известность под названием Азнавур, [одного] из ответвлений неверных абазин, и остановились в долине унижения, о чем стало известно Гази-Гираю, он разбросал просо жизни и общности указанного народа, протянув руку устрашения и притеснения с требованием [наказания] за подарок в честь прибытия (кудумийе) и прочие провинности, и указанные [люди] не выдержали омерзительного запаха опилок от палки креста, которые они жгли, чтобы избавиться от тяжкого груза путников, а он был встревожен мыслью о том, что неприятный образ письма с просьбой о помощи, написанного полному коварства и злодеяний Чалыку Ахмеду[1403] с кислым и бесчестным лицом, который был отмечен черной тамгой непокорности и вражды, отразится в зеркале эпохи, [а также] о пороке, заключенном в задержке и проживании в опасной обители войны, так что у него не осталось другой возможности,

[1401] Снадобье из опиума, которое использовалось в качестве противоядия для борьбы с отравлениями, укусами змей и скорпионов.

[1402] Арабская пословица.

[1403] Чалык Ахмед-ага (ум. 1702) – османский военный деятель, руководитель (ага) корпуса янычаров в июле-августе 1702 г. Принял участие в бунте янычар в 1703 г. в Эдирне.

кроме как приложиться челом к подолу прошения об отставке, отчего он перечеркнул страницы своих прошлых провинностей пером последующего прощения и отправил своему родителю царского достоинства просительное письмо с прошением [разрешить ему] поселиться в краях Румелии, а затем, поскольку отчие узы предполагают прощение и заботу, в конце [месяца] джумади ал-ухра указанного года (ноябрь 1703 г. – примеч. пер.) он [прошел] через Таманский пролив на норовистом скакуне моря, а многократно дувший порывистый ветер с признаками урагана дошел до степени потопления и крушения, а в [месяц] раджаб указанного года (ноябрь-декабрь 1703 г. – примеч. пер.) вошел в пристань [одного] из крымских портов Балаклавы, подойдя к подножью благополучия, и в силу доверия звонкой монете всеобщей доброте нрава Селима без дозволения и просьбы о разрешении разнузданная лошадь полного опасностей моря сменилась оседланным благополучием и безбедным конем суши, благодаря чему он приблизился к крепости Феррах-Керман, как Салих-ага, коему было велено вытащить с помощью расшитой золотом узды повеления государя мира тяжелую голову его коня с зеленого пастбища Крыма и поселить его для пастьбы ради исправления души в лишенной травы и безводной каменистой местности, в соответствии с высочайшим повелением, сопроводил его в поездке из указанного места. Бывший калга Са‘адет-Гирай привык постоянно употреблять в пищу белый и сладкий хлеб и довольствоваться мясом жирных цыплят и телят, [но] он был готов драться за похлебку из неспелого проса без масла и простокваши, а от тяжелого железного лука споров [по поводу] несостоятельности и стесненного положения очаг его желудка разгорелся огнем голода и аппетита, после чего он открыл в бессилии и нужде рот с просьбой о том, чтобы получить долю с бескрайнего застолья государевых благ и коротать время в краях Румелии, круг позволения был расширен до того, чтобы есть [дармовой] хлеб отрады и блаженства в том месте, которое он избрал себе по вкусу и настроению, но в силу переменчивости настроения он отказался от своего прежнего мнения и сменил лик отдыха оседлой жизни на рожу дорожных хлопот. Когда бывший нураддин ‘Инайат-Гирай лобызал в бессильной просьбе о том, чтобы жить на кусок хлеба годового жалованья, которого он добился в доставшемся по наследству [и] несущем скорби жилище со старыми стенами в городке Йанболи, основание привычки к которому было заложено его отцом Селамет-Гираем, в этом было заключено благоволение обращения Селим-Гирай-хана лицом к счастливому перу, так что он какое-то время собирал колосья на пашне здоровья. В то же самое время, когда

Девлет-Гирай-хан на коне [состояния между] страхом и надеждой – «*одной ногой делает шаг, а другой не спешит*» (йукаддиму риджлан ва йу'аххиру ухра) – в соответствии с подкупающим приказом о поселении в частном имении одного из константинопольских аристократов, расположенном по соседству с городком Чаталджа[1404], прибыл в указанное место, его ум помешался от сильного запаха любезности, который он почувствовал от сладкоречивого аги, с ухмылкой несшего [с собой] записку с приглашением в Стамбул руками приветствия охваченного нерадивостью хана по случаю его прибытия, и он на кануне захода солнца покорителя мира вошел во дворец визиря, [подобного в] распорядительности Меркурию (муштари-тадбир), и сел за бескрайний просторный стол, и после того, как его накормили приготовленной [заранее] пастой [из] яда олеандра, убийственной [и] приятной на вид отравы, и безвкусными сухими финиками, от которых сдавливает горло, подвергли мукам и страданиям тем, что вывели с черного хода и позолоченным посохом августейшего повеления посадили одного на судно-чектырме, махавшее передними крыльями поспешания и полёта у дверей конюшни, а в середине благородного [месяца] рамадан указанного года (конец января 1704 г. – примеч. пер.) сослали на остров Родос. Спустя [какое-то] время добродушные слуги, попросившие яда скорби и пожелавшие обуви благодетеля, один за другим расселись в уголке дружбы. Парализованный шейх 'Абд ар-Рахман, который, занимая положение [одного из] четырех столпов государственного престола страны Крым и смотрителя дел державных, разорвав и уничтожив в очаге бедности и небытия мусор осквернения тварным миром (масива), был диким, не дававшим плодов и выступавшим против основ саженцем из пречистого потомства крупного древа великих шейхов с оборванными ветвями, которое называли «оджак», в те дни воссел на кошме [наставника] обители (текке) послушания, будучи самым праведным и достойным, и, в силу обстоятельств выпустив из рук вервь далеко идущих чаяний, обошел двери хана и султанов с разорванным подолом степенности, и в эпоху [правления] прошлого хана помимо 'Абдаллах-эфенди, на которого с изумлением показывали пальцами, когда он подписал купчую [словами] «*Воистину, это нечто удивительное!*[1405] (хаза ла-шай'ун 'уджабун)» с неправильно расставленными диакретическими знаками

[1404] В настоящее время район провинции Стамбуле (на северо-западе).
[1405] Коран, 38:5.

Мисра‘:

قاضى بفكر مانده كاين بيع

«Кадий думал, что это сделка о продаже…»,

и с недоумением покинул собрание, соседями его симпатии стали тонкие натуры, притязавшие на поле горделивости на происхождение от шейха и восседавшие со скрещенными ногами в обители (текке) высокомерия и надменности, приложившись челом к Счастливейшему Камню (хаджар ал-ас‘ад) [и] отбелив [тем самым] свои лица, а его возраст подошел к ста [годам],

Бейт:

ان ناكسانكه باجداد فخر ميكند

چون سگ باستخوان دل خود شاد ميكند

«Те никчемные люди, которые гордятся предками,

Подобно псам, доставляют себе радость костью»[1406],

а мысль о путевых расходах в хадже смутили и потрясли ум и сознание хаджи с коровьими мозгами, который умащивал свои усы и бороду благовониями и окуривал алоэ, марал и вымазывал свой воротник и подол сладким шербетом и жирным куском, после чего [люди] стали переживать и печалиться из-за того, что он боднул рогом унижения и пнул ногой сожаления о вещах вроде пересчитывания пороков по хвосту рогатой гадюки драконового населения, и сговорились между собой о том, чтобы совершить возмездие, укусив его зубами отмщения, и когда они предложили ему сено приглашения под лживым предлогом накормить этого обжору с бараньими мозгами, он без всяких раздумий и осторожности ретиво и быстро вошел в дом мясника из коварного круга,

Бейт:

Tığ-ı batın didiği sufiniñ

Şeyh-i Efrencidür asa içre

«У суфия, коего называют мечом скрытого [знания], внутри посох старца франкского»,

после того, как [они], подобно мошкаре, которую по-татарски называют «талка», с криками довели его до состояния заводанного [барана], по очереди нанося ему удары палками от молотилок, булавами, камнями и наконечниками копий когтей на своих лапах, служившими им заменой пики Пашанга[1407], которые они приготовили в ножнах своей вражды и

[1406] Строки принадлежат персидскому поэту Са’ибу Табризи.

[1407] Пашанг (Пешенг) – персонаж персидского эпоса «Шахнаме», правитель Турана из рода Афрасияба.

ненависти, и оттого, что они наложили на уста сетованья заплату с помощью нитей всего шариатского и иголки договора и клятвы, несчастный поднял меч своего рта и стал искать повода для того, чтобы излить свою душевную боль, и когда они обратились за фетвой к знающим толк в редкостных вещах факихам, которые были сведущими в запутанных вопросах, те вынесли фетву: «От обращения к кому-либо, помимо одушевленных и разумных [существ], путем докладывания опекунам и правителям развода не получится». Поэтому он, то падая, то вставая, добрался до Бахчисарая, попал в диван высокочтимого хана, явился в особое место для просителей, посмотрел на стену здания дивана и со стенаньем и плачем сказал: «О защитники беззащитных, такие-то и такие-то коварные [негодяи] высекли у этого ни в чем неповинного и безгрешного [человека] искры из глаз дубинами, кулаками и нанесением тяжелых и грубых пощечин, спалив дом моего сердца и души, после чего потребовали меня [принять их] условие, перекрыв [тем самым путь] потока слёз моей жалобы», представив в качестве свидетельства в пользу своих утверждений вырванные из его седой бороды волосы, которые он скрыл и подготовил в кармане своего сохранения, и посыпав пылью требованья справедливости свое окровавленное лицо с просьбой о восстановлении его [попранных] прав, допустив, что обладавший достохвальными качествами хан случайно примет пригожее его сердцу решение об устранении их вражды по поводу собачьего голода и ложной похоти, охвативших порочные желудки нечестивцев, которое он вывел своим наилучшим [и] мудрым мнением, отвечавшим настроениям современников и соответствовавшим языку тогдашней эпохи, и когда он раскрыл уста для вопроса, обратившись с речью к Абу-с-Су‘уду-эфенди, сидевшему на почетном месте собрания [знатоков] возвышенного шариата, указанный мевлана вознес его по прочной лестнице усердия и старания в обиталище учености и бесподобности и, доверившись тому, что он поднялся на небывалый уровень обучения и знания, а когда челеби сказали в ответ:

Мисра‘:

اول کسی که لاف صهر میزند منم

«Первым, кто заговорил о родстве по женской линии, был я»[1408],

«[Сейчас] подходящее время для того, чтобы перегрызть зубами давней вражды узы родства по женской линии, завязанные с указанным эфенди в доме бракосочетания, и новые связи любви», и он сказал: «Сперва вы доставите их в диван с помощью железноязыких глашатаев,

[1408] Строки из газели Саади.

вроде бёлюкбаши и секбанов, назначенных для подлых людей, а после обращения в суд и доказательства [вины] разобьете бутыль его чести и степенности неотесанной палкой дисциплинарного наказания (та‘зир) негодяев», стало ясно, что его грубые и бранные слова о корыстных целях кадия и муфтия приведут к чему-то чреватому последствиями, признательный хан утешил грустное сердце пресловутой жертвы избиения мягкими и любезными речами, направил одного человека из числа эмиров [его] личной гвардии (капы-кулу) по имени Осман-ага, обладавшего кротостью и учтивостью, которому он поручил написать и доставить пригласительную грамоту, содержавшую обещания и обязательства хранить и оберегать яйцо чести и достоинства челеби в ладони достаточности и в деснице покровительства, и сообщил добрую весть о том, что насытит смущавшую умы ворону степи строптивости тростниковым сахаром доброты и внимания, оттого, что прежде Абу-с-Су‘уд-эфенди не посмотрел на высокие таланты великих [и] благородных предшественников оком почтения и уважения, он уравнял его детей и внуков с одним болтливым и не знавшим границ человеком из простого люда и даже оказал ему предпочтение перед ними, нанеся удар оскорбления по лицу его степенности тыльной стороной руки грубости, так что челеби вышли из пользовавшейся непременным почтением Каабы подчинения обладателям власти (улу-л-амр) и по указанию Ираклия злосчастного нафса поднялись на вершину высокомерия и упрямства, ступив все вместе [на путь] злосчастной натуры и злоупотребив благодеянием крымского хана, что вызвало их противостояние, и они украсили их знамя пристанища интриг со сломанным древком, на которое они повесили нанизанную жемчужину слов «*Помогайте друг другу в благочестии и богобоязненности*»[1409], противоречивших их положению и достоинству, завернутой в холст и инкрустированной [каменьями] черно-голубой короной, собрали несколько [полуграмотных] чтецов Корана (сипарехан) и довели до высшего предела звон славословий [в адрес] Девлет-Гирай-хана, объедками со стола благодеяний которого они питались, и звук ругани и оскорблений в адрес кадия Абу-с-Су‘уда, а по прибытии в Бахчисарай они в силу неспособности привести свидетелей в свое оправдание и по настоянию кучки поборников коварства и [всяческих] злодейств вернулись с бесполезными пререканьями в их обветшалый дом, основанный на хитростях и опиравшийся на обман. В действительности, вред от того, что Абу-с-Су‘уд-эфенди был привычен и вынужден царапать сердца

[1409] Коран, 5:2.

людей ногтями заносчивости, охваченный возбуждением проявления учености из-за застарелого недуга чесотки выставления напоказ знаний и скверной болезни гнева [от] «носа в небесах» (высокомерия – примеч. пер.), которые были его сущностными качествами, вернулся к нему самому, а на втором сроке [правления] Девлет-Гирая он был ранен острым кинжалом расплаты за [свои] деяния и направился в больницу Рума и Шама в поисках бальзама исцеления своей смертельной болезни, долгое время блуждая по степи бедствий и горестей, о чем, должно быть, поведал язык пера, пишущего скорбью.

События года тысяча сто шестнадцатого (1704–1705 гг. – примеч. пер.)

В конце заповедного [месяца] мухаррам адмиралу Черкесу Осман-паше (Кючюк Осман-паша[1410] – примеч. пер.) было велено украсить высокую башню новой крепости завершением с помощью зерцала показывающего мир шара счастливого исхода, а в тот час, когда он бросил якоря благополучия в порту Кафы, гулом царской пушки приглашения дал знак о том, что сидит вместе с крымским ханом на кожаной подстилке дружбы, после чего в [месяц] сафар указанного года (июнь 1704 г. – примеч. пер.) он запряг пегих коней в колесницу ответа [на приглашение] и покрасил хной отправления свои крылья, приблизившись к указанной области, а признательный паша представил драгоценный подарок [торжественного] приема со златотканной ковровой дорожкой установления дружбы, на трое суток разостлал ковёр товарищества в приготовленном ими внутри крепости жилище общения и укрепил основания приятельства путем обмена достойными дарения редкостными [и] драгоценными подарками, и когда в очередной раз потребовалось обновить одеяния общения в окрестностях новой крепости, он приложил десницу обещаний к груди прощания и проводов, направившись в ставку крымского хана, а указанный паша [направился] в место назначения. С наступлением обещанного времени они сели в шатре взаимного сближения, показав новоотстроенную высокосводчатую крепость и написав одним пером согласия статьи [договора], о котором было обязательно доложить Государевой Порте, после чего они положили седло отправления в путь и прощания на отрадного коня их взаимного сближения, который

[1410] Кючюк Осман-паша (ум. 1727) – османский государственный и военный деятель черкесского происхождения, флотоводец. Руководил султанским флотом в 1703–1704 гг.

пасся на живительном пастбище довольствия малым. [Один] из пожилых вельмож Крыма Бахадир-ага привязал узы раболепства и исключительной преданности к Девлет-Гираю, что вызвало печаль в душе хана Селима, и его настроение было омрачено тем, что он был заброшен в яму неудачи расплетшимся арканом прохладного обращения [с ним], и, получив в то время, когда им овладел холод ухудшения [здоровья] и старости, степень мирмирана, он направился к государеву двору вместе с [написанным] в упрашивающей манере письмом пресловутого хана, дабы развести огонь несправедливости и нечестия и донести до ушей жителей страны небытия гул неблагозвучных барабанов. В ту пору дом пиршества чаяний Дамада Хасана-паши[1411] остался без нарядов невесты поста садразама, а голова пристанища государства Калайлы Ахмед-паши[1412] была признана недостойной расшитой позолотой каллави[1413] великого векиля, зять Кыблели-заде [и] ханский представитель при султанском дворе (капу кетхудасы) Халил-ага, коему было велено написать и доставить крымскому хану благодарственное письмо, дабы сообщить и обнародовать, какой [крупный] орех удалось расколоть благодаря взаимопомощи везенья и удачи кончиками пальцев десницы его усердия, а вслед за ним один его человек прибыл с отрадным золотом чистой пробы, отчеканенным монетным двором августейшего [государя], и разнообразными редкостными дарами, Халил-ага вернулся первым , и когда он остановился в местечке под названием Алма поблизости от Бахчисарая, саженец яблони его жизни упал в землю погибели от знойного ветра смерти, после чего Кыблели-заде по возвращении из Крыма пострадал от немилости и сожаления по роковому велению тогдашнего султана, а его зять пал в указанном местечке в землю небытия, так что косы благополучной жизни госпожи, дочери Кыблели-заде, оставшейся после него вдовой, были распущены и растрепаны железным гребешком превратностей судьбы, и рассказывают, что она со вздохами и стенаниями пела огненным и зажигательным голосом траурную элегию со словами: «Я рву со стоном и плачем локоны и со скорбью бью руками по груди, ибо

[1411] Моралы Дамат Хасан-паша (ум. 1713) – османский государственный деятель, занимавший пост великого визиря Османской империи в 1703–1704 гг. Был женат на старшей дочери султана Мехмеда IV, за что получил титул «Дамат» (тур. «зять»). Был отстранен от должности 28 сентября 1704 г.

[1412] Калайлыкоз Ахмед-паша (ум. 1715) – османский государственный деятель, занимавший пост великого визиря Османской империи с сентября по декабрь 1704 г.

[1413] Каллави – головной убор визиря в Османской империи, представлявший собой большой и богато декорированный тюрбан.

страна Крым – это удивительное место отчаяния и несчастья, ведь мой отец по возвращении [оттуда]попал в цепи уничтожения и небытия, а плечо коня жизни моего супруга поскользнулось от гибели и сожаления», потому что основание этой вероломной хозяйки, старухи судьбы, есть сплошная бренность, надпись на дверях хижины ее караван-сарая печалей – «*Все на ней (земле) смертны*»[1414], а устроенное ей в ее невзрачном и неблагополучном гостевом доме всеобщее отравленное застолье, состоит из [одного только] горького шербета [слов] «*Каждая душа вкусит смерть*»[1415]. Даже правителя области Крым хана Селима проводник в обитель слез пригласил к [айату] «*Аллах призывает к Обители мира*»[1416], а предводитель [каравана] загробной жизни обители наслаждений указывает на [айат] «*Там будет то, чего жаждут души и чем услаждаются глаза*»[1417], так что в понедельник, двадцать четвертого дня величественного [месяца] ша‘бан тысяча сто шестнадцатого [года] (22 декабря 1704 г. – примеч. пер.), он передал свою купавшуюся в победах душу в сокровищницу Любящего Господа, а на следующий день, во вторник (23 декабря 1704 г. – примеч. пер.), жемчужина его бесподобной личности закатилась в уголок небытия. Срок его правления в первый раз [составил] семь лет, во второй раз – шесть лет [и] одиннадцать месяцев, в третий раз – шесть лет [и] восемь месяцев, а в четвертый раз – два года. Двадцать плодоносных финиковых пальм великого дерева сердца из семени древа с оборванными ветвями с зеленой листвою [слов] «мужчина лучше женщины» (ар-раджулу хайрун мин алмар’а) облачились в одеяния свежести, целомудренные головы остальных были украшены платками цветов невинности, а сладкие плоды жизни некоторых из них, так и не созрев до совершенства, попали в рот смертельных мук, и райским древом (туба) сада наслаждений преемников, одарявшим тенью земельный надел бытия в пору опадания листьев жизни пресловутого хана, были Девлет-Гирай-хан, Са‘адет-Гирай-хан, Шахбаз-Гирай-хан, Каплан-Гирай-хан, Менгли-Гирай-хан, Максуд-Гирай, Сафа-Гирай[1418], Сахиб-Гирай[1419], ‘Адил-Гирай[1420] и Селамет-

[1414] Коран, 55:26.
[1415] Коран, 3:185.
[1416] Коран, 10:25.
[1417] Коран, 43:71.
[1418] Сафа-Гирай (ум. после 1725) – крымский царевич, сын Селим-Гирая I. Занимал пост нураддина в 1717–1718 гг. и пост калги в 1718–1725 гг.
[1419] Сахиб-Гирай (ум. 1716) – крымский царевич, сын Селим-Гирая I. Занимал пост нураддина дважды в 1707–1708 гг. и в 1713–1715 гг.

Гирай-хан. [Рождение подобного в] распорядительности Юпитеру хана пришлось на восход звезды Венеры, и он высвободился из цепи беспокойства из-за черноликих и жестоконравных отщепенцев, попавших к нему в лапы овладения, благодаря взаимопомощи чанга и рубаба, гармоничному голосу и движениям прекраснозвучных красавиц,

Бейт:

به از روی خوبست اواز خوب

که ان حظ نفس است و این قوت روح

«Лучше прекрасного лица красивый голос,

Ибо первое есть услада нафса, а второе – пища для духа»[1421],

[и] привязался сердцем к изображенью красоты и роскоши солнцеликой [красавицы] с челом Венеры, заставлявшей плясать своим пеньем стариков и молодых, однажды проповедник фанатичного нрава курдских корней по имени Карабаш[1422], подтверждением состояния которого был бейт:

Zahid bu bürudetle eğer duzaha girseñ

Bir lüle tütün yakmağa ateş bulamazsıñ

«[О] аскет, если при такой прохладности попадешь ты в ад,

Не найдешь ты огня, чтобы закурить [хотя бы] одну трубку»[1423],

обошел на ногах развлечения и путешествия [разные] области и страны, а по прибытии в Бахчисарай в один пятничный день воссел на троне наставлений и нравоучений, то повышая голос возмущения для запрета зеленого табачного листа, то в запале проповеди, в соответствии со смыслом бейта:

Kahveniñ bade kadar gerçi ki yokdur anı

Isıcakdur o kara yüzlinüñ amma kanı

«Хотя в кофе нет той прелести, что есть в вине,

Согреется [от него] у того черноликого даже кровь»[1424],

[1420] ʻАдил-Гирай (ум. 1733) – крымский царевич, сын Селим-Гирая I. Занимал пост нураддина в 1718 г. и дважды пост калги в 1725–1727 и в 1730–1733 гг.

[1421] Строки из «Гулистана» Саади.

[1422] Шейх ʻАла ад-дин ʻАли, Карабаш Вели (ум. 1686) – турецкий суфий из центральной Анатолии (Арапкир), основатель ветви карабашийа суфийского ордена халватийа-шаʻбанийа. Получил прозвище «Карабаш» (тур. «черная голова») из-за ношения черного тюрбана ордена халватийа. В отличие от других шейхов этого ордена, запрещал своим мюридам пить кофе и курить табак.

[1423] Строки принадлежат Ахмеду Недиму (ум. 1730), придворному поэту османского султана Ахмеда III.

[1424] Строки принадлежат османскому поэту Исмаилу Белигу (ум. 1729).

пускал из пращи бессмысленных и мягких речей ядра порицания в ароматный корень дервиша со сгоревшим [от печали] сердцем, рожденный натурой Шейха Шазили[1425] и выросший в доме факиха, а из-за того, что он позабыл о смысле мисра‘:

Zatiya ateşsiz olmasun ocağı kimseniñ

«[О] Господь! Пусть не останется без огня ничей очаг!»,

старание и усердие в [стремлении] разрушить и затушить очаг Канбар-‘Али, по причине пренебрежения правилом:

Бейт:

Sen sen ol ehl-i keyf olan yerde

Kahveyi eksik itme bir ferde

«Будь самим собой там, где люди ценят наслажденье,

Не жалей кофе для кого бы то ни было»[1426],

и неприятия слов «*повторение – это хорошо*» (ат-такрару хасанун), бесформенный образ повторения фарфорового бокала превратил передачу по кругу хрустальной чаши и поведение коварных слуг огня в размеренное движение утонченного танцора,

Бейт:

Dahl ider geh lüleye geh tütüne

Bakar oğlanlarıñ amma götüne

«Прибегает он то к трубке, то к табаку,

Ну [и] засматривается на задницы юношей»,

ревнивым взором взирая на очи вероломства, так что постепенно, в соответствии со смыслом мисра‘:

Erbab-ı garaz sañada bir kulp takarlar

«Пристрастные люди прицепятся и к тебе»,

раскрыл рот в сетованье на горний мир, не удовлетворившись словами: «Пение запретно» (таганни харам), из-за того, что в те дни проявились некоторый недостаток дождей и признаки засухи и дороговизны, со словами: «О мусульмане, о братья-правоверные! Цари и правители, охваченные своим горестями и радостями и привязавшие сердца к сладкозвучным любовникам, не возносили десницы просьбы о дожде к небе-

[1425] Абу-л-Хасан ‘Али ибн ‘Абдаллах аш-Шазили (ум. 1258) – арабский суфийский шейх родом из Магриба, основатель суфийского ордена шазилийа, который получил широкое распространение в Османской империи. Известно, что он поощрял употребление его мюридами кофе во время ночных бдений, что способствовало популярности этого напитка в мусульманских странах.

[1426] Строки принадлежат османскому государственному и военному деятелю Тирьяки Хасан-паше (ум. 1611), прославившемуся своей любовью к кофе.

сам мольбы, что привело к прекращению дождя [Божьей] милости», сочтя причиной прекращения дождей начало [исполнения] музыки, заставлявшей влюбленных проливать потоки горьких слез, и брошенный им вслепую камень возмущения попал на игравшие мелодию славословия и щедрости струны танбура озаренного светом сердца сидевшего на самом верху клетки благородного смельчака, после чего в тот же час, когда он вернулся из мечети, все инструменты и приспособления, какие только имели отношение к музыке и увеселению, были разломаны, а на сторонников напевов красавиц какое-то время не смотрели с благосклонностью и симпатией, так что остроумцы того времени сказали, что в силу восхода [светила] шейха-настоятеля обители среди спутников Венеры оказался Коран. В скором времени достоинство Юпитера превратило несчастье Марса в сущее счастье, после чего знатоки колдовских искусств связали горловину огненной тростниковой флейты и струны приятного сердцу танбура бечевой души и снова починили сломанные инструменты, все равно приготовив древесину для уда и рубаба. Пресловутый хан проводил большую часть времени в общении с улемами и дружбе с людьми искусства, и, хотя из чернильницы его рта на страницу сочинения не капало ни малейшей капли стихов и поэзии, приводят множество стихов и относят его к числу редкостных поэтов. Фундамент столовой с открытыми дверями щедрости благородного и предусмотрительного хана стал от капель дождя прошествия дней клониться к обветшанию, так что он был неспособен проявлять щедрость к нищим и попрошайкам в предоставлении жилья для проживания и обеспечении хлебом и мясом средств на жизнь, и он разыскал пленных, которые, чтобы защитить и уберечь [себя] от потери своего достоинства, поиска пристанища на гумне близких и посторонних ради собирания зерен непоспевших колосьев пропитания, готовы были удовлетвориться наделом в расположенной рядом со Стамбулом Сиявушпаше[1427] и [находящемся] по соседству с Силиври Кадыкарьеси (Кадыкёй – примеч. пер.), а также зимовьем и летними домами, мельницами, сеяньем, вращением ручной мельницы и пастьбой скота в окрестностях городка Бергос[1428] с их тучными стадами, и надзор [над этим] сперва осуществлял Каплан-Гирай, а потом друг за другом самые старшие из его младших [братьев], он тратил и расходовал излишки и урожай на оказание помощи тем из детей и вольноотпущенников, кто поселился в указанных владениях, а если бы их преумножение и

[1427] В настоящее время квартал в стамбульском районе Бахчелиэвлер.
[1428] Бургас – город на черноморском побережье юго-восточной Болгарии.

польза сменились потерей и утратой, и – упаси Всевышний Аллах! – свиток его пречистого потомства был стерт пером вымирания и исчезновения, он шариатским способом пожертвовал бы их в вакф[1429] следующим по стопам Обитателей Навеса[1430] (ахсаб ас-суффа), расстилающим в качестве постели соседства вокруг Пречистого Сада (Рауза-и Мутаххара) Пророка Последнего Времени – да пребудет над ним наидостойнейшее благословение и мир! (ʻалайхи афдал ас-салават ва-с-салам) – цветастый атлас [слов] «*Бедность – моя гордость*» (ал-факру фахри), сделав заглавием действующего договора цитату из Благородного [Корана] «*Если же кто-либо изменит завещание после того, как он выслушал его, то вина ложится только на тех, кто его изменил*»[1431]. *Да возблагодарит Аллах его усилия и уничтожит того, кто его изменит, страшной погибелью* (джаʻала-Ллаху саʻйаху машкура ва даммара ман гаййараху тадмира)! Когда за несколько дней до отправления из этой теснины бренности в просторный дворец загробного мира он восседал на престоле жизни и благополучия [под] райским древом под названием Ашлама-Бахчеси[1432], расположенном на просторах Бахчисарая, под воздействием студеного воздуха старости состояние его здоровья пришло в расстройство, после чего под предлогом смены места, добычи лекарств и лечения он оперся о подушку отдохновения в царственной колеснице для перевозки в Бахчисарай, бывший местом выдачи обязательно подлежащего к выплате залога погонщику предопределения, и когда они приблизились к городу, с правой стороны дороги перед колесницей без всякой причины с жутким и странным шумом упал [лежавший там] тысячу лет и оторвавшийся удивительным [образом] тяжелый камень, что стало предметом наблюдения опытных и знавших толк в премудростях [людей], смотревших на события эпохи через подзорную трубу из глубокого колодца [астрономических] наблюдений мысли, и когда [самые] искусные [среди] лекарей приложили всё, что было в их силах, дабы вылечить и исцелить его, поскольку [все] единогласно признали [это] дурным пред-

[1429] Вакф – в мусульманском праве имущество, безвозмездно переданное мусульманином на благотворительные или религиозные цели.

[1430] Так называли группу самых бедных сподвижников пророка Мухаммада в Медине, которые не имели собственного жилья и ночевали под навесом мечети. Они считались примером подлинной аскезы и часто рассматривались в суфийской традиции как первые суфии.

[1431] Коран, 2:181.

[1432] Фруктовые сады на берегу реки Ашлама (совр. Чурук-Су) в районе летнего дворца Гиреев Ашлама-Сарай у северного обрыва крепости Чуфут-Кале.

знаменованием затмения украшавшей мир луны, которая озаряла область Крым лучами справедливости и правосудия, в соответствии с указанием бейта:

Hakim-i mutlak olmazsa deva-saz-ı dil-i bimar
Felatun olsa da izhar-ı acz eyler müdavadan
«Если не будет абсолютным мудрецом лекарь больного сердца,
Будь он хоть Платоном, проявит он бессилие в его лечении»,

в происшествии и болезни возникло ухудшение, отчего на следующей неделе ранним утром в созвездии смерти произошло полное затмение под землей. После того, как драгоценное и дорогое тело Селима предали в сундуке погребальных носилок сокровищнице озаренной светом могилы, крымские вельможи по своему старинному обычаю расстелили ковер совещания о том, [как] сообщить [об этом] и разъяснить [это] Высочайшему Государству, и тогда большинство людей склонились и проявили симпатию к Девлет-Гираю, а Каплан-Гирай, дабы сшить красивый кафтан правления по мерке своих талантов, сделал завесой очей вельмож холст рассудительности, сотканный им под видом оказания предпочтения Девлет-Гираю в мастерской изысканных ухищрений, ослепив глаза их проницательности, написал вежливое донесение и петицию, в которой, наряду с просьбой о том, чтобы обрадовать одного из ханов из потомства Селима, однажды уже принявшего милую красавицу правления Крыма в объятия свидания, соболиными мехами [пословицы] «*повторение – это хорошо*» (ат-такрару хасанун) или сделать какого-нибудь обладающего талантами султана, чей чистый лик и сиятельное чело не покрылись пылью непокорности и восстания, женихом в доме невесты султаната, упомянул и намекнул на прежние обвинения [в адрес] Девлет-Гирая и Гази-Гирая, и по старому обыкновению возложил тяжелый груз посланничества на шею усердия и старания ʻАбд ал-Баки из числа его личных гвардейцев (капу-кулу), Муртаза-мирзу из эмиров [клана] Ширинов и ʻАбд ал-ʻАзиза-эфенди из числа улемов. Тем временем, когда сговорившийся с Каплан-Гираем о союзе его брат Менгли-Гирай, надеясь подбросить дров оказания помощи в котел ухищрений, поставленный им в очаге мудрости на огонь скромности для приготовления желанной для него халвы государевой воли, готовился поехать к сераскиру Йусуф-паше, а от него к государеву престолу, некий проворный татарин, ведавший об утвердившихся взаимных обязательствах между сыном Хаджи-Гирая Девлет-Гираем, который правил областью Крым примерно в тысяча девяносто четвертом году (1683 г. – примеч. пер.), и пресловутым пашой, сказал, что главы крымского народа [пере-

живают сейчас] дни недостатка сил и пору потери богатств, и у них не найдется мощи и способности пошевелить ногой интриг для того, чтобы изгнать и сослать из жилища султаната хана и султанов, украсивших престол правления благодаря десницам повеления правителя мира, и в надежде на то, что [ему удастся] запустить своего господина с помощью дряхлых маховых перьев старания на вершину дворца султаната, полетел в упомянутом направлении. Короче говоря, каждый из лелеявших надежду потомков Чингиза хватался за подол многочисленных причин, и только калга Гази-Гирай, который более всех был близок и подходил для того, чтобы войти в двери страны желаемого по прямому пути престолонаследия, не потерял лица степенности, ища приют в каком-либо доме или надеясь на какого-то одного человека, а потому, когда его сторонники и слуги вытянули языки своего возмущения, отнеся [это на счет] отсутствия у него усердия и его вялости, простодушный султан возложил десницу своего терпения и выдержки на пречистый подол упования, предоставив перу предопределения украсить исполнением листок его желаний, и стал ожидать благоволения Всемогущего Господа. Человек Девлет-Гирая, сына Хаджи-Гирая, прибавил сон ночного отдыха к хлопотам полуденных часов, опередив своих соперников в донесении к Йусуф-паше, и Менгли-Гирай-султан проницательно понял противоречивость и ошибочность рукописи его намерения по тому, как он запинался и был косноязычен во время передачи по кругу кубков разговоров, а также по его переживанию и тревоге, вследствие чего он, ни за что не хватаясь и не ища ни у кого помощи, обратился [сразу же] к дверям государя державы. Прибытие путешествовавшего в одиночку татарина в Стамбул пришлось на те дни, когда позолоченные ядра удачи Калайлы Ахмед-паши скатились с вершины купола поста визиря от удара колеса фокусника, Тебердар Мехмед-паша[1433] острым топориком усердия срубил колючки на пути к целям и водрузил на высокосводчатую [башню для] обзора мира свой взятый во временное пользование цилиндр, подняв свое почетное место ценности и положения до уровня векиля, и когда он доставил упомянутую петицию, остановился на кратком изложении и сообщении высшему миру, дабы добиться полной осведомленности о сути вопроса, и передал барабан попечения и осторожности добрым и дурным речам чиновников Высочайшего Государства, и тогда

[1433] Балтаджи Мехмед-паша (ум. 1712) – османский государственный деятель, дважды занимавший пост великого визиря Османской империи в 1704–1706 гг. и в 1710–1711 гг.

бывший в то время главным придворным садовником Манкар-оглу, будучи ранее сторонником крымского хана Девлет-Гирая, счел фальшивки его речей подлинными и действительными, и тратил звонкую монету усердия, чтобы поставить тамгу исполнения на слитке своих чаяний, тогда как ранее упомянутый опрометчивый в решениях старец Бахадир-ага из [представителей] крымской знати ходил по рынкам и базарам, питая несбыточное желание обеспечить спрос товару желания и влиятельности Сафа-Гирая, к коему он был привязан и опирался на него, а большинство государственных мужей представляло себе преимущества вроде малости расходов и соблюдения церемоний прошлых царей при назначении Гази-Гирая, и легким ветерком побуждения и одобрения плодоносящее древо природы правящего миром падишаха наклонилось в сторону указанного [лица], после чего, согласно судьбоносному велению «*Ты даруешь власть, кому пожелаешь*»[1434], в [месяц] рамадан тысяча сто шестнадцатого [года] (январь 1705 г. – примеч. пер.) ханский ярлык был выписан на славное имя Гази-Гирая, вследствие чего, по обыкновению, доставить бывшие султанским даром соболиные меха и украшенную драгоценными каменьями [и] вселявшую радость саблю было поручено старосте государевых привратников Вели-аге, так что, когда в [месяц] шавваль указанного года (январь-февраль 1705 г. – примеч. пер.) он прибыл в область Крым и въехал в окрестности Бахчисарая, а пресловутый хан вместе со всей татарской знатью встретил письмо августейшего [государя] в местечке под названием Алма, Гази-Гирай был облачен в почетное одеяние хана, а Каплан-Гирай – в [почетное одеяние] калги. С этого времени неопытные [люди], коим было велено доставить петицию, позабыли о доме новобрачных и окончании праздника, и когда по прибытии в Стамбул они пересказали едва готовые слова их пошлой петиции, хранившиеся в бурдюке их памяти, перенося тяжесть сломанного котла и стуча в барабан несвоевременного поздравления с праздником, что пришлось не по вкусу Высочайшему Государству, а их доклад и донесение оказались бесполезными и чистой ошибкой, их приняли в качестве гостей в караван-сарае унижения, показав им кислое лицо и прохладное обращение, и оставив без воды и хлеба. Однако Менгли-Гирай-султан осторожными, [но] уверенными и решительными шагами вступил в дом садразама, положив перед ним поучительные подарки одобрения и похвалы, которые пришлись по нраву государству и соответствовали природе векиля султаната, и он повысил его в сане с помощью коня уваже-

[1434] Коран, 3:26.

ния с инкрустированным седлом, возвысил его над соперниками и посадил в высокосводчатый дворец дружбы и симпатии. В эту пору плечи талантов указанного султана удостоились соболиных мехов нураддина, а затем чернила просьбы о возвращении в Крым, вытекавшие из-под пера крымского хана, запечатлелись на листе исполнения, так что страница чаяний пресловутого султана была украшена тугрой достижения желаемого, а в [месяц] зу-л-хиджа указанного года (март-апрель 1705 г. – примеч. пер.) он сел на скакуна возвращения.

События года тысяча сто семнадцатого (1705–1706 гг. – примеч. пер.)

В конце заповедного [месяца] мухаррам (конец мая 1705 г. – примеч. пер.) нураддину Менгли-Гирай-султану было поручено привести в порядок дела черкесов. В [месяц] зу-л-хиджа указанного года (март-апрель 1706 г. – примеч. пер.) во дворце хана, коему явила [свой лик] неудача, появилась смертоносная холера, и в ту пору, когда он пару дней отдыхал в окрестностях Гёзлева, дабы развеять [свои] опасения и заняться охотой, негодяи по имени Кутлук-Тимур и Карт-Мирза из [числа] злодеев буджакских ногаев показали золото и серебро низкой пробы и предъявили залитую маслом и лишенную сияния нишу [для светильника], соблазнив блеском ряби доходов, отчего очи корысти Йусуф-паши постигло косоглазие нерадивости, а донесение Высочайшему Государству и его оповещение о их несбыточном желании вырвать воротник их подданных из рук владения крымских ханов перепутало страницы сборника души пресловутого хана, так что он вызвал жителей страны для совещания о том, чтобы совместными [усилиями] успокоить бурю в море интриг и утомления, и избавиться от резкого ветра беспорядков, а они приняли решение собраться в местечке под названием Сары-Хафиз[1435] поблизости от Акмесджида, и по наступлении назначенного времени их большинство взнуздали злополучного коня остановки уздой нарушения [обещания] и направили его к мирливе Ширинов, бывшему главой татарских эмиров, дабы немедленно поймать и изловить дичь правления Крымом силой когтей и руками мученья калги Каплан-Гирай-султана, и, будучи непревзойденным мастером в злодеяниях и ухищрениях, умелым и совершенным в обучении интригам, потратил на дом собраний души Муртазы-шейха, о котором ранее уже было сказано, золотые кирпичи

[1435] Сары-Хафыз (Сарабуз) – село, существовавшее на территории современного населенного пункта Укромное в Симферопольском районе Крыма.

обещаний и обожженный гипс серебряных денег, уподобив его с помощью разноцветных изображений уловок капищу Сумнат[1436] хитростей, а указанный шейх, в свою очередь, стегнул по лошади невежественного пыла нескольких вспыльчивых [упрямцев с] ослиным нравом кнутом четок показухи и славы и плетью подстрекательства и интриг, вследствие чего они отвернулись от хана, приступив к [принятию] мер по его отстранению и отлучению. Написанное ими [и положенное] у подножия трона Высочайшей [Порты] в несбыточном желании сместить с престола правления крымского хана и Йусуф-пашу, бывшего оплотом и пристанищем буджакских ногайцев, и отвести [от себя] козни и злодейства соперников и неприятелей и очевидное бедствие отстранения просительное письмо, содержавшее просьбу и жалобу, добилось цели ответа [на их просьбу], вследствие чего грамота Йусуф-паши была перечеркнута чертой недействительности, татарских жалобщиков, посланных из Буджака с прошением и петицией, отогнали от дверей [Высочайшего] Государства, а любезный по содержанию приказ, изданный [государем] о том, чтобы передать общие и частные вопросы людей, проживающих за Дунаем, в руки распоряжения крымского хана, вызвал в нем ликование души.

Странный анекдот

Мирмиран Арнавуд Ибрахим-паша[1437], который разрушал страны, будучи комендантом крепости Озю, проводил время с кебабом из печенок и шербетом на основе червей, сторонясь и остерегаясь в осуществлении торговли несправедливостью и нечестием в соответствии с прихотями его души Йусуф-паши, чье визирево знамя отбрасывало тень по соседству с близостью [к Аллаху], и который в целом был умеренным и обладал милосердием, и он возликовал от того, что соринка в его не видящем истины глазу была удалена десницей просьбы к крымскому хану, упомянув в нескольких бессмысленных лживых и правдивых словах о

[1436] Сумнат – название языческого храма в мусульманской литературе, восходящее к храму Сомнатх, святилищу Шивы на западном побережье современного индийского штата Гуджарат, который был разрушен Махмудом Газневи в 1024 г. Разрушение храма было воспетом многими мусульманскими авторами и превратилось в устойчивый образ мусульманской художественной литературы.

[1437] Узун Ибрахим-паша (ум. 1683) – османский государственный и военный деятель албанского происхождения, выходец из янычар. Занимал посты визиря и бейлербея Будина (Венгрия). Принимал участие в турецкой осаде Вены и был казнен за допущенные военные просчеты, приведшие к поражению турок-османов.

пороках пресловутого визиря, написав лицемерным и подстрекающим пером, насколько ему позволял его убогий рассудок, благодарственное письмо, [но] не знал о том, что в сшивании беспардонного [и] лишенного изящества письма, которое было переполнено [всякой] ерундой и бредом, содержавшим выражение сожаления Йусуф-паше и порицание Гази-Гирая, произошла ошибка, отчего он увязал имя одного из них с другим, доставив на крыльях поспешности через одного камердинера (чухадар). Когда написанное паше письмо было доставлено в руки крымского хана, указанный [хан], страдавший от болезни чрезмерной кротости, сказал: «Кому бы он ни написал эту франкскую карту, пусть отправит ему», ограничившись лишь возвращением [письма] и избавлением от него, но в Йусуф-паше взыграли гнев и ярость, отчего он хлестнул бестолкового посыльного плетью угрозы, а автора письма выгнал с собрания с руганью и поношением. Прибегаем к Аллаху от оплошностей и огрехов (на‘узу би-Ллах мин ал-халал ва-з-залал). Вернемся к тому, на чем мы [остановились]. Когда он написал письма в стиле воззваний с целью развеять и устранить с [помощью] легкого ветерка доброты и добродетели спертость воздуха злодеяний мятежников, служившую причиной расхождений между стихиями султанской власти, твердость упрямства некоторых из них размылась, поток их душ потек в сторону послушания и покорности, и то, что Йусуф-паша, ранее свергнутый с престола правления из-за пера жалобы пресловутого [автора письма], в последующем был утвержден и оставлен на [своем] месте благодаря поддержке царственного благоволения, вновь привело к оцепенению ног отправления указанных [людей]. Менгли-Гирай-султан, которому ранее было велено привести в порядок дела черкесов, выполнив по мере возможностей задание, вернулся в свою ставку и обрел покой в уголке отдохновения.

События года тысяча сто восемнадцатого (1706–1707 гг. – примеч. пер.)

В заповедный месяц мухаррам (апрель-май 1706 г. – примеч. пер.) рука представительства и правления Балтаджы Мехмед-паши была отрублена топором увольнения и удаления от подола вмешательства в дела государства, и когда прибыл особый человек с письмом, сообщавшим новость о том, что острый меч наказания был вложен в руки распоряже-

ния Чорлылы ‘Али-паши[1438], в силу старых и великих обязательств между новым хранителем [султанской] печати и бывшим ханом Девлет-Гираем, каким бы задумчивым и обеспокоенным он ни был, он выразил радость и ликование, подарив пресловутому аге [в качестве] вознаграждения за радостное известие об украшении галунами поста садразама в знак подхалимства еще и семерых пленных, написав чернилами лицемерия и неискренности любовное письмо. Глава одного из черкесских кланов, племени Хайтук[1439], Калуб-Килаб, укусил и ужалил своего брата копьем коварства, обагрив рубаху его бытия кровью вражды и ненависти, и, чтобы высвободить ворот своей жизни из лап исполнения наказания, сбежал в логово покровительства Каплан-Гирая, так что бремя [занятия] общими и частными делами было возложено крымским ханом на шею обязанности пресловутого [лица]. В [месяц] раби‘ ал-аввал указанного года (июнь-июль 1706 г. – примеч. пер.) восседавшему на галере-бастарде[1440] (баштарда) глупости и легкомыслия со своими девятью галерами (катырга) и четырьмя галеонами (кальон)[1441] Вели-паше[1442] было велено дополнить несовершенство новой крепости, отстроить и починить крепости Керш (Керчь – примеч. пер.) и Ачык (Ачу – примеч. пер.), вследствие чего он бросил якорь затруднения и огорчения в бухте указанной крепости, а [Селим-Гирай] понадеялся на весенний дождь из сверкающих звезд щедрости и благодеяния лишенного дождя облака неиссякаемого в подлости нрава Вели-паши, принесенного [ветром] в раковину чаяний Селим-Гирая с являвшего великодушие неба щедрости его предка Осман-паши[1443], так что, когда хан и калга без всякого приглашения и просьбы открыли рты, [ожидая] с аппетитом подарков, и создали [тем самым] хлопоты и тяготы,

---

[1438] Чорлулу Дамат Али-паша (ум. 1711) – османский государственный деятель, занимавший пост великого визиря Османской империи в 1706–1711 гг. Прозвище «Дамат» («зять») получил, потому что был женат на дочери султана Мустафы II.

[1439] Хатукайцы (адыг. Хьэтыкъуай) – одно из племен адыгов, проживавшее в западной части современного Краснодарского края, по соседству с жанеевцами.

[1440] Бастарда – разновидность галеры, отличающаяся широким корпусом с круглой кормой.

[1441] Галеон – большое многопалубное парусное судно с сильным артиллерийским вооружением, использовавшееся в XVI–XVIII вв. с торговыми и военными целями.

[1442] Вели Мехмед-паша – османский государственный и военный деятель, занимавший в разные периоды посты бейлербея Румелии, Боснии, Египта. В 1706–1707 гг. занимал пост командующего османским флотом и второго визиря (при великом визире Чорлулу Дамат Али-паше).

[1443] Вероятно, Осман-паша Оздемироглу (ум. 1585), занимавший пост великого визиря в 1584–1585 гг.

Бейт:

Kestane suyın kahvecinüñ çok çok içerdüm

Telveyle eger olsa fincanı mülevves

«Много пил я каштановую воду у продавца кофе,

Даже если запачкана его чашка гущей [кофейной]»,

он угостил их из своих бескрайних запасов использованным сахаром и одним лишь кофе, а личные гвардейцы (капу-кулу), которые были для удачливого паши дороже слитков серебра и золота, отхлестали их прутьями из виноградной лозы прохладного обращения, и когда они возвращались, подсчитывая недостойные благодарности блага, появился с пятью-десятью людьми один безбородый отрок из царевичей одного из татарских родов, находившихся в подданстве у злосчастных русских, рода Иштак[1444], мусульмане в количестве двадцати тысяч [человек] договорились о взаимопомощи и, завладев тремя-четырьмя крепостями неверных, приготовились выехать в исламские земли, однако, когда они заявили и сообщили о том, что достижение ими желаемого зависело от десницы благоволения крымского хана[1445], попросив его о благоволении и милости, тот перерезал нить их просьб ножницами измышлений и допущений, допустив, что [петушиный] крик сетований курицы народа «Они хотят разбить яйцо мира и безопасности, придя с достаточным количеством татар в пределы [владений] неверных», будет раздражать слух спокойствия и удобства. Удобно рассевшись в те дни под [сенью] шатров покорности ханскому правлению, крымская знать связала друг друга бечевой соглашения о том, чтобы передать Каплан-Гираю приведение в порядок и довершение [таких дел], которые были необходимостью тогдашнего [времени, а именно] приведение к покорности с помощью прочной верви обоснованного мнения анапских ногайцев, поставивших большой шатер мятежа и строптивости на другом берегу реки Кубань, и остановить поток восстания, который прошелся по некоторым черкесским областям, и когда об этом было доложено указанному султану, он приложил руку к голове и глазам [в знак] принятия, но сменил белый лик своего благорасположения водой бессмысленной переменчивости на черное лицо отвержения и отказа. Один из эмиров [клана] Ширин Джан-Тимур-мирза добавил к своему высокомерию и спеси, бывшим ослиными бусами его себялюбия, лживое звание хаджия и, заявив о

[1444] Экзоэтноним башкир и некоторых групп сибирских татар, связанный с угорским населением Урала и Западной Сибири (ср. остяки).

[1445] Речь идет о направлении участниками башкирского восстания под руководительством Алдара Исекеева и Кусюма Тюлекеева посольства в Крым в 1707 г.

том, что питает желание показать свое величие, повязав вокруг соболиной шапки приверженности тюрбан самолюбования, неоднократно шептал слова попрошайничества и просьбы [о подаянии], отчего кривой рукой благодеяния и неуместной щедрости, прояснился и стал понятен смысл бейта:

كل العداوة قد ترجى ازالتها
الا عداوة من عاداك من حسد

«Можно надеяться на исчезновение любой вражды,
Кроме вражды того, кто враждует с тобой от зависти»[1446],

в несбыточном желании преобразовать и превратить тяжелый и грубый железный язык и медную сущность его вражды теплом благодеяния и благоволения в тигеле любезности в чистое золото искренней дружбы и приязни, подарил более сорока пленных, проявив [тем самым] свое великодушие. Когда московский царь направил посла, сообщив и доложив о том, что ногайцы и татары вновь и вновь протягивают руки ущерба, Чорлылы-ʻАли-паша, дабы стереть и удалить сложное стихотворение бывшего хана Девлет-Гирая о печали из-за низложения острой бритвой прилежания и отрезать ножницами отстранения [от престола] не видавшие топора усы удачи [обнаглевшего] Гази-Гирая, поручил задание разбрызгать гной пороков нечистому рту подобного в распорядительности колоквинту визиря Мустафа-паши, который был взращен благодеяниями лишившегося удачи хана, вследствие чего камердинер (чухадар) садразама прибыл в [месяц] рамадан указанного года (декабрь 1706 г. – примеч. пер.) с письмом, содержавшим [план] заговора о том, чтобы повесить ответ указанного посла на неблагоприятной веревке совещания с вероломным агой, а привыкшее к предательству лицо не только покрылось гноем хитрости и лицемерия, но и беспокойство по поводу того, что именно кончики пальцев побуждения и подстрекательства Каплан-Гирая переполнили до краев чашу умов слушателей разноцветным и дурным на вкус шербетом порицания Гази-Гирая и восхваления его (Каплан-Гирая – примеч. пер.) с помощью соблазнения тем, что им будет дана доля от излишков пойманной на охоте дичи, вызвало помрачение и расстройство в желудке пустоголового хана, однако оттого, что не было возможности показать лицо несогласия с велением и волей садразама, в [месяц] зу-л-каʻда указанного года (февраль-март 1707 г. – примеч. пер.) он оседлал своенравного лошака необходимости расхля-

[1446] Строки принадлежат мусульманскому богослову и правоведу, основоположнику шафиитского мазхаба Мухаммаду ибн Идрису аш-Шафиʻи (ум. 820).

банным седлом разрешения. Чтобы спрятать и скрыть, что он выслеживает в чаще скрытности нору возможности, чтобы поймать и изловить дичь желания с помощью стаи каракалов, Каплан-Гирай-султан направился с позволения хана в город Акмесджид, который был резиденцией калги, чтобы подготовить орудия для похода с помощью строительства речей и украшения поступков, вроде рубки требовавшегося для новой крепости леса и наведения порядка у анапских ногайцев, накрыв покрывалом введения в заблуждение очи посторонних и приближенных. Один из бренных старцев крымской знати Бахадир-ага в силу далеко идущих чаяний долгое время обходил двери Обители Счастья и получил чин мирмирана, порвав на лоскутья подол своей сановности и разорвав на мелкие кусочки ворот своего покоя и отдыха, так что ему достался санджак Визе. Не прошло пять-десяти дней [после того], как он занял указанный пост, и он заразился ужасной болезнью чума, одернув в указанном месте подол от привязанности к мирскому благополучию. В [месяц] зу-л-хиджа указанного года (март-апрель 1707 г. – примеч. пер.) на пиршество бытия явился драгоценный отпрыск из пречистого потомства Менгли-Гирай-султана (Менгли-Гирай II – примеч. пер.) – Токтамыш-Гирай[1447]. Когда в визирь ранее упомянутого хана Мустафа-ага прибыл в Стамбул, ему было позволено явиться на собрание садразама и предстать перед указанным [лицом] в образе совершенного человека, проявив свою дьявольскую сущность и очаровав его сладкими речами, пришедшими ему по вкусу и по нраву, после чего он был допущен к аудиенции падишаха, а бывший его целью и намерением Гази-Гирай приобщил упомянутое [лицо] и взял его в свидетели в доказательстве и подсчете, хотя и отвратил от вышеназванного [лица] сердце государя. Однако бывший его отдаленной целью Девлет-Гирай был ненавистен нраву знающего [толк] в тонкостях падишаха, отчего на этот раз вращение жернова усердия для получения муки желаемой [цели] не принесло пользы, так что едва испеченный [и] готовый каравай [хлеба] правления был положен руками предопределения – «*раб [Божий] принимает меры, а Бог предопределяет*» (ал-‘абду йудаббир ва-Ллаху йукаддир) – в рот Каплан-Гирая, и он узнал о том, что ханские почести были направлены через посредничество первого мирахура, [а поскольку он] был привязанным сердцем к скверне великолепия и славы, [то] без всякой необходимости понес тяготы путешествия и поспешил в новую крепость,

[1447] Токтамыш-Гирай (ум. 1741) – крымский царевич, сын хана Менгли-Гирая II. В 1740–1741 гг. занимал пост нураддина.

чтобы быть облаченным в служившую украшением его гордой головы соболиную шапку и расшитые золотом одеяния радости в присутствии коменданта указанной крепости (Визе – примеч. пер.) Абу-л-Кавака Мехмед-паши, и поцеловал в присутствии паши ворот парчового кафтана, питая ранее указанное несбыточное желание, [один] из его братьев Менгли-Гирай-султан был назначен калгой, его младший [брат] Максуд-Гирай – нураддином, его атабека и верного сторонника Мардан-‘Али-агу удостоили служением в качестве векиля, голову чаяний сына Ибрахима-эфенди, Мехмеда-эфенди, почтили тем, что приласкали ее [надеванием] кадиаскерского тюрбана, а ранее упомянутого шейха Муртазу, который издавал трели на площади любви и молился о нем в обители приязни, обрадовали и удовлетворили служением в качестве муфтия. Изгнавший бывшего хана Гази-Гирая из Крыма и получивший приказ поселить его в Румелии визирь с ведома своего господина отправился из порта Балаклавы на корабле печали и горя, направившись в [свое] полное грусти местообиталище. Встретивший [его] резкий ветер неудачи и несчастья помешал ему войти в порт Бургоса (Бургас – примеч. пер.), так что сила ветра прибила высокий стан чести и состоятельности высоко парившего хана к земле нужды и попрошайничества, отчего, когда он раскрыл руки в просьбе о разрешении найти приют в дверях своего преемника, ездить и перемещаться по суше, его с руганью и попреками одарили серебром разрешения, и когда он на тощем животном тысячекратных грустей и печалей прибыл в Румелию, то, находясь в Каринабаде, одном из городков, расположенных поблизости от Йанболи, направился в страну загробного мира по указанию наконечника копья безжалостной чумы. Срок его правления [составил] два года и три месяца, а время его жизни – тридцать шесть лет. Покойный Гази-Гирай был почтенным и степенным, славился среди себе подобных скромностью, щедростью, учтивостью и стыдливостью, так что однажды наполнил до краев лишенный потолка и стен дом чаяний своего старого слуги тремястами пленными, а умершую от болезни бедности и нищеты душу одного своего человека воскресил, [будто] Христовым дуновением, шестьюдесятью наложницами и невольниками, занеся его прославленное имя в тетрадь смущения. Обитель султаната Каплан-Гирай-хана не была укреплена и упрочена колоннами расположения сердец государственных мужей и орудиями душевного согласия храбрецов султана, и он заставил показать в зеркале совещания не поддающееся представлению изображение похода на кабардинских черкесов и получения доступа сразу к одной-двум тысячам военнопленных благодаря требованию выкупа за кровь Шахбаз-Гирай-

султана, которое было запечатлено внутри дома его несбыточных мечтаний, пользовавшегося доверием у государства Мардан-‘Али-агу, он довел звук одобрения и похвалы до высшего предела, что привело к упрочению узора его воображения, и он без раздумий и предосторожности написал быстроходным пером поспешности надежный и крепкий ярлык о назначении калги Менгли-Гирая военачальником передового отряда войска, а упомянутого ранее Мардан-‘Али-агу – ответственным за дела сераскира, и в [месяц] сафар тысяча сто девятнадцатого года (май 1707 г. – примеч. пер.) направил [их] в страну черкесов, [бывшей] обителью смятения. Поскольку в ту пору после устранения недостатков в башнях, крепостных стенах, рвах, подземных тунелях и стенах новой крепости потребовалось приложение пера свидетельства крымского хана в изложении и донесении Счастливой Порте, он привел в движение стремена отправления [в путь] в [месяц] джумади ал-ула указанного года (август 1707 г. – примеч. пер.). Когда в пути они проходили перед построенным из самодовольства домом [одного] из славных делами и знаменитых вождей татарских племен Мирзы Джан-Тимура, который был центром окружности всеобщих дел и горном искр огня интриг и волнения, он не стал подбрасывать дров подстрекательства и ссор в разожженный пресловутым ханом вместе с Гази-Гираем очаг споров и препирательств, а, вопреки своей манере, неожиданно пустил поток успокоения и тушения [огня], отчего огонь его злобы и гнева взвился вверх, и, заявив о том, что он решил отомстить за кровь [близкого], в силу заключенных в его природе настойчивости и упрямства, а также опоры на своих помощников и соратников он не только проявил оплошность и упущение в оказании ему приема и угощении, а также унизил и огорчил своей нелюбезностью в дни его возвращения, но и засучил рукава старания и усердия, чтобы силой рук сбора, соединения и сосредоточения войск вынимания из ножен перерезать канат шатра его злосчастного правления и государства, а из-за отсутствия взаимопомощи и взаимодействия между мирливой Ширинов и остальными аксакалами, дающими добрые советы, ему пришлось отложить исполнение задуманного на другое время. Крымский хан гарцевал по полю отваги в страстном желании бросить острым наконечником притеснения и разрушения тыкву его тяжелой и крупной головы на свалку казни и уничтожения. Однако указанный мирза был твердокрылым орлом [в] воздухе подстрекательства и интриг, до которого не доходили руки [хана], а потому в ту пору, когда указанный хан, дабы заставить его непременно спуститься в гнездо мира и искренней дружбы благодаря посредничеству правдивых

и стремящихся к миру, показал зловонные трупы подарков и благодеяний, нураддин Максуд-Гирай отказался от целей жизни, а другой его брат Сахиб-Гирай добился оставленному по наследству поста, так что все эмиры и знать приложились головой к подолу крымского хана, дабы исполнить обычай поздравления, а также [выразить] траур и скорбь, обличье печали и расстройства сменилось формой общения и связи. Когда просительное письмо, которое написал в беспомощности позапрошлый хан Девлет-Гирай, просивший [дозволения] поселиться в уголке благополучия, выехав из теснины острова Родос в свое имение, расположенное на просторах Румелии, было украшено тугрой благорасположения и прощения, петиция и заявление назначенного хана отнесло случившийся в Крыму мятеж пересудов к подстрекательству и провокациям пресловутого [лица], воспрепятствовав его выезду, в соответствии с бейтом:

گرچه گشتم آب دندان در دهان حاسدان

لیک همچون علک رومی بوی خوش آمد دهان

«Хотя и стал я слюной [меж] зубов во рту завистников,

Но изо рта исходит аромат, подобный румской мастике»,

удовлетворился поселением на острове Сакыз (Хиос – примеч. пер.). Во рту аппетита [этой] диковинной личности, коей было велено привести в исполнение высочайшие повеления, которые были изданы по поводу получения и возвращения имущества и военнопленных, [взятых] ногайскими и татарскими племенами в областях неверных и незаконно захваченных руками грабежей неверных в исламских областях, застряла ветхая кость мертвечины покорности, а очи его честности и милосердия ослепил пепел взяток, после чего пять-десять [голов] скота были выменяны руками неотблагодаренных усилий на имущество мусульман, благодаря чему были возмещены потери единобожников. Менгли-Гирай-султан, коему в прошлом году было велено пограбить и устроить взбучку кабардинским черкесам, вернулся [обратно] без триумфа и победы, недостижение задуманного было отнесен на счет его оплошности и усилия, так что отмеченный рвением хан привел в движение стремена сражения, дабы лично бороздить степь поля боя, во-первых, укрепив руку своего гнева свирепой силой разрешения тогдашнего падишаха, а во-вторых, упрочив грубые и тугие поводья ссоры и войны выписыванием ярлыка приглашения о возвращении Менгли-Гирая для устранения общности единодушия и взаимопомощи, а во время подготовки пушек, бомб и боеприпасов, к применению которых татарские полки были непривычны, он обременил тощие шеи бедняков и нагрузил [их] поклажей хлопот и притеснения, построив за пределами круга честности тяжкие обязан-

ности, и пришпорил изгнанием тех из ученых и простолюдинов, которые были способны приводить в движение стремена, обрекши их на самые разные тяготы, перешел через Таманский пролив и в [месяц] раби‘ ал-аввал тысяча сто двадцатого [года] (май-июнь 1708 г. – примеч. пер.) прошел в пределы Кабарды, а глава упомянутого племени, проклятый Каргук, укрепился и засел в засаде вместе со всеми своими подданными и вассалами на холмах и в горах, выслеживал и выжидал возможности нанесения вреда и ущерба. Накануне горестного вечера он остановился вместе с войском важничанья и горделивости и армией высокомерия и трепетанья в жутком месте казни, и когда он слушал спасительные слова, исходившие из уст правдивых [людей], которые открыли рты наставлений и советов о том, чтобы темной ночью мрака выбраться из тесного места и глубокой ямы и попасть в просторное место, он заткнул уши своего ума руками предопределения,

Кит‘а:

قضا دستیست پنج انگشت دارد
اگر خواهد زکس دولت برارد
دو بر چشمش نهد دیگر دو بر گوش
یکی بر لب نهد گوید که خاموش

«Приговор [Божий] – это рука о пяти пальцах.
Если захочет забрать у кого-то счастье,
То кладет два пальца ему на глаза, двумя [затыкает] уши,
А один [палец] прикладывает к устам, говорит: «Молчи!»[1448],

во время беспрестанных неудач они поставили большой шатёр из палаток, расписанных трудностями, в полном опасностей месте, над которым выпадал дождь бедствий и тягот.

Премудрость (хикмат)

Среди эмиров и знати, которые были мотыльками у свечи, украшавшей пиршество крымского хана, издал из гортани своего желания щебетанье аппетита и устремленья со словами: «О владеющее светом и озаряющее мир солнце, когда же ты осыплешь головы врагов искрами частиц гнева и погибели, а мы отделим покрытую шипами финиковую пальму зловредного врага с помощью дыма приводящего в смятение мир пороха сражения и опьянеем от меда военных трофеев, [испив] сочащегося сахаром рубинового финикового вина наложниц и невольников», и

[1448] Строки принадлежат тюрко-персидскому (азербайджанскому) поэту-суфию Касиму ал-Анвару (ум. 1434).

в поразительный миг, когда он взглянул взором гнева и ярости на обладателей совершенства, сказавших: «Почему вы не повесили на двери ваших устремлений и желаний ключи воли Величественного Господа?», перед источающей свет [и аромат] камфоры нишей, которая освещал ханское собрание, упала стрела неверных, выпущенная из лука предопределения,

Мисра‘:

Nigah-ı çeşm mi tir-i kaza mıdır bilmem

«Не знаю я, был ли это взгляд очей или стрела [Божественного] приговора»[1449],

и он сказал: «Глянь-ка, это же стрела! И кто же ее пустил? Откуда она появилась?», после чего непрерывно друг за другом пятеро-десятеро из них были ослеплены стрелами, раздался свист страшных ружейных пуль, и голубое небо свернулось в трубочку, так что покрывало ночи мрака окутало беспечностью и ослепило глаза войска, так что они не могли отличить друзей и от врагов, вследствие чего во время битвы и сражения, [проходившей] вслепую, мирлива Ширинов Кадир-шах, [один] из знаменитых [людей] указанного племени Абу-с-Су‘уд-мирза, еще несколько неизвестных людей, обреченных на смерть, [представители] племени Вада’ир, Сака, ‘Али, ‘Инайат-шах, Гюркан и его брат Осман, эмиров и дворовых людей племен Бурулджа и Текчарык, две зеницы очей племени Мансур, двадцать ни в чем неповинных прославленных улемов, бывших корифеями воздержанности и молитв, а также множество ратных мужей [погибли], так что у чье-то обреченное [Божественным] приговором тело было раздавлено под ногам вражеских коней, а чьи-то нечастные головы покатились по холмам и горам. «Поистине, все мы принадлежим Аллаху и к Нему вернемся». Короче говоря, в те дни, когда они потянули за поводья покоя и отдыха в местечке под названием Акбёлюк с пороком поразительного поражения и черным лицом прискорбного бегства, недостойным [Божественного] предопределения и приговора, когда показавшаяся на странице мира диковинная фигура редкостного события была записана рассказывающем о горестях пером и черноликими чернилами [в донесении] Счастливой Порте, в исламские области прорвалась пара тысяч распустившихся мерзавцев из числа поднявших знамя восстания игнатовских казаков[1450], бывших в

[1449] Строки принадлежат османскому придворному поэту Абдульбаки Веджди (ум. 1661).

[1450] Казаки атамана Игната Некрасова, которые ушли с Дона на Кубань после подавления осенью 1708 г. восстания Булавина.

подданстве у московского царя, добавление и включение их просьбы о благоволении по поводу того, чтобы им определили место проживания в пределах татарских [областей], в случае ее одобрения в ранее упомянутое донесение считалось нарушением договора и рассматривалось вместе с указанным поражением как одна из причин отстранения [от должности], так что благодаря усилиям и помощи Чорлылы ʻАли-паши в [месяц] рамадан тысяча сто двадцатого года (ноябрь-декабрь 1708 г. – примеч. пер.) соблюдавший пост отстранения и ожидания Девлет-Гирай был выслан с острова Родос, приглашен на отрадное царственное застолье государя и в конце указанного месяца (декабрь 1708 г. – примеч. пер.) во второй раз украсил трон на пиршестве правления, так что день его скорби и печали уподобился празднику и наврузу, а благодаря роскошным султанским одеяниям восстановления на престоле стал праздников в празднике. Когда благодаря содействию главного привратника (капуджыбашы), коему было велено выслать Каплан-Гирай-хана вместе с Менгли-Гираем, который делил с ним кубок пиршеств и сражений, и поселить [их] в областях Румелии, в [месяц] шаввал указанного года (декабрь 1708 г. – январь 1709 г. – примеч. пер.) они выдвинулись из Крыма и бросили седло огорчения в городке Исмаʻил (Измаил – примеч. пер.), предыдущий и следующий ханы, которые были [примером того, что] «*противоположности не сходятся*» (ад-диддан ла йаджтамиʻан) повстречались и столкнулись благодаря деснице принудительного предопределения, [в соответствии с пословицей] «*встреча предопределена [Господом]*» (ал-иджтимаʻ мукаддар), на одном собрании, бросив друг на друга враждебные взгляды, и после исполнения церемонии приветствия в виде легкого приседания [в знак уважения], разошлись, и Каплан-Гирай поселился в поместье Фындыклы, а Менгли-Гирай-султан расстелил молитвенный коврик отдохновения в Кадыкарье (совр. Кадыкёй – примеч. пер.). Когда Девлет-Гирай прибыл в Крым, он передал и поручил своему брату Саʻадет-Гираю должность калги, а своему наиболее умному и старшему сыну, прозванному Дели Бахт-Гирай-султан[1451] – должность нураддина. Появившийся между ним и Саʻадет-Гираем спор и разрыв привели к смещению и расставанию, после чего оставшийся вакантным пост был дан Бахт-Гираю (Дели-Бахт-Гираю – примеч. пер.), а обязанностями нураддина занялся [один] из его сыновей, тогда быв-

[1451] Дели Бахт-Гирай (ум. 1729) – крымский царевич, старший сын крымского хана Девлет-Гирая II. Занимал посты сераскира Кубани (1699–1710, 1713–1726), нураддина (1709) и калги (1709–1713).

ший беем Ора Бахадир-Гирай[1452]. Топор правления Тебердара Мехмед-паши во второй раз был наточен оселком должности великого векиля, и ему было велено отрубить головы злонравных русских, а крымский хан, в свою очередь, был приглашен к [отправиться в поход] с августейшим [государем], неоднократно был облагодетельствован и удостоен аудиенции у покорителя мира, а когда он возвращался обратно, пущенная из источника ненависти и вражды неприятная на вкус вода его прошения и просьбы о том, чтобы бросить в пучину казни и уничтожения Каплан-Гирай-хана и Менгли-Гирай-султана, сопровождавшего его во время поездки на остров Родос на скакуне ссылки, его сторонника и доброжелателя Мердан-‘Али-агу и Абу-с-Су‘уда, коему было позволено выносить фетвы в [городе] хранимых [султанских владений] Кафа, заставила взволноваться содействием и помощью океан государева гнева, вследствие чего из-за страха перед волнами его приводящего в смятение мир гнева Мардан-‘Али-ага отправился под милосердное знамя поддержки наместника (вали) Багдада, а Абу-с-Су‘уд-эфенди стал скитаться в рубище с зеленым воротом и старом дервишеском колпаке по самым отдаленным странам мира. Когда хан и султан в силу непреложного повеления прибыли к проливу Гелиболу (Дарданеллы – примеч. пер.), напряженность воздуха грусти и расстройства вывело мизадж Каплан-Гирая за пределы равновесия, заставив его упасть на ковер беспокойства и тревоги, отчего он на несколько дней расстелил [там] ковер проживания, заставил засвидетельствовать местного кадия и жителей города с помощью двуязычного пера прошения и петиции его неспособность сделать [даже] один шаг, чтобы задержка в ходьбе и движении не была отнесена на счет небрежности и халатности, и на тощей лошадке хвори отправился на полный неприятностей остров. В победоносном походе, в котором Девлет-Гирай-хан горделиво расхаживал по полю отваги, мячик победы и триумфа попал в клюшку усердия и храбрости, вследствие чего он пользовался почтением у падишаха и утвердился на престоле правления, так что выезд Каплан-Гирай-хана в другие области, его спасение с упомянутого острова и снятие кандалов с ног его вызволения зависело от ключей заявления крымского хана, а потому он непременно ухватился за подол обходительности и просьбы, после чего его письмо с мольбою, написанное им лицемерным пером горя и страдания, попало в руки пресловутого [лица], и когда заявление, содержавшее просьбу об освобож-

[1452] Бахадыр-Гирай (ум. после 1713) – крымский царевич, сын крымского хана Девлет-Гирая II. Занимал пост нураддина в 1709–1713 гг.

дении из теснины жизни на чужбине, было передано человеку Каплан-Гирая, позор и клевета происшествия со шведским королем, о котором стало известно всем в мире[1453], было приписано Девлет-Гираю и считалось причиной его низложения и неудачи, так что ранее упомянутое донесение стало поводом для приглашения Каплан-Гирая ко двору, а его визирь-камердинер, коему было велено доставить приказ о его высылке в Румелию, отправить и довести до него благую весть о назначении ханом, прибыл на указанный остров в конце [месяца] сафар тысяча сто двадцать пятого года (март 1713 г. – примеч. пер.), и в последний день указанного месяца (27 марта 1713 г. – примеч. пер.) хан и султан прибыли в порт Мармариса[1454]. [Доставить] фирман с воззванием, написанным для приглашения Девлет-Гирай-хана с помощью искусственных слов о совещании по поводу важнейших дел страны в Эдирне, было поручено первому мирахуру Кара-Мехмед-аге, который без [всякого] опасения и страха села на коня поспешания, а когда приблизился к Эдирне, то от получения приказа слезть со скакуна с инкрустированным [каменьями] седлом правления и привязать поводья напрасного проживания к берегу острова Родос подорвал свое здоровье, прибыв в область Ахмеда Биджана[1455], что пришлось на то время, когда оттуда проходил его преемник Каплан-Гирай, и обладатели проницательности и точности, наблюдавшие за тем, как Девлет-Гирай осматривал опиравшегося на подушку больного в построенной на тоске больнице, где ранее пресловутый [хан] положил голову на перину боли и тягот, отправившись на указанный остров, подтвердили истинность высказывания «*кто вырыл колодец для своего брата, тот сам в него упал*» (ман хафара би'ран ли-ахихи кад вака'а фихи). Когда Каплан-Гирай-хан, многократно опьяненный кубком достижения желаемого, прибыл в городок Малгара[1456], неблагоприятное известие о передаче штурвала корабля должности садразама и троса от паруса должности векиля в руки свободного выбора Капудана Ибрахим-

[1453] Имеется в виду операция по выдворению шведского короля Карла XII и остатков его армии с территории османской Бесарабии (в феврале 1713 г.), в ходе которой он получил ранение и даже лишился кончика носа.

[1454] Мармарис – портовый город на эгейском побережье западной Малой Азии (совр. провинция Мугла Турции).

[1455] Ахмед Биджан (Языджизаде, ум. после 1466) – анатолийский суфий, принадлежавший к ордену Хаджи Байрама Вели. В Чанаккале известен мавзолей (тюрбе), который местные жители связывают с Ахмедом Биджаном. Эвлия Челеби сообщал о том, что его могила находится в Софии (совр. Болгария).

[1456] Малкара – небольшой городок в провинции Текирдаг (в европейской части Турции).

ходжи[1457], который ранее вместе плавал с Каплан-Гирай-ханом на челне ненависти и вражды, достигло слуха воплощения в действительности, он заставил поток души пресловутого [лица] покрыться волнами огорчения и расстройства, вследствие чего он, шевеля ногами хлопот и забот, подошел к обители победы и везенья, а помощником (кетхуда) садразама была написана записка о том, чтобы потянуть за вожжи отдыха в окрестностях указанного города до завершения церемоний вроде поздравления с [занятием] должности визиря, из-за отсутствия осведомленности о причине остановки и промедления в корнях древа его чаяний появились термиты волнения, так что на второй день [месяца] раби‘ ал-аввал указанного года (29 марта 1713 г. – примеч. пер.) он вместе с чавушбаши вошел в Эдирне и достиг жилища своей конечной цели, и тогда он утвердил Менгли-Гирай-султана на посту калги, а ярлык о [занятии] поста нураддина выписал на имя другого своего брата Сахиб-Гирая, из [соображений] целесообразности в дни своего пребывания [там] на протяжении восьмидесяти дней десницей внимания и почтения пригласил Мардан-‘Али-агу и Абу-с-Су‘уд-эфенди из их местопребывания и прибежища, назначив указанного агу на его прежний пост и оказав пресловутому мулле почет в области Кафа [той же] сомнительной должностью, что и в Сулеймание[1458], в медресе Ферхадийе[1459], где он занимал мнимый пост [руководителя] высшего [уровня обучения] (сахн), [а сам] направил поводья отправления [в путь] в сторону Буджака, который входил в его владения, чтобы снарядить войско и предоставить всё необходимое для похода.

Анекдот (латифа)

Как было сообщено на листках написания, в ту пору, когда Мардан-‘Али-ага вступил под тень сказочной птицы (хума) покровительства визиря [перед лицом] причиняющего страдание огня ханского гнева и ярости, спасшись и вырвавшись из львиной пасти меча уничтожения благодаря [своей] привязанности, он отправил человека с [тайным] знаком, означавшим «[Что было, то] прошло», дабы удалить тяжкое бремя волос, коими заросла его несчастная и обреченная голова, и когда правдивый и простодушный ага, коего он удостоил чести служения [в качестве]

[1457] Ходжа Ибрахим-паша (ум. 1713) – османский государственный деятель, занимавший пост великого визиря Османской империи в течении двадцати трех дней в апреле 1713 г.

[1458] Сулеймание – крупнейшая мечеть Стамбула в османскую эпоху.

[1459] Ферхадийе – старинное османское медресе в Бурсе.

управляющего у бесподобного и выдающегося визиря, раскрыл уста упрека и недоумения на языке удивления с просьбой о том, чтобы вызвать и пригласить особого цирюльника, которого тот с быстротой понимания Асифа[1460]выделил для головы начальника, и знающий толк в душах визирь с Аристотелевой распорядительностью изволил догадаться, что лысый обратился на тайном языке попрошаек с просьбой о благоволении под предлогом [получения] денег на бритье из [закрытой на] замок великодушия сокровищницы и [отпираемых] его хедивовым[1461] ключом щедрот, и стал причиной озарения радостью и ликованьем зеркала души чужестранца, покрывшегося пылью дороги скитаний и ржавчиной пути горестей, благодаря чистопробному золоту и роскошным дорогим одеждам, а во время прощания [с ним] и [его]возвращения наполнил до краев дорожную суму его удела и карманы и пазухи его чаяний редкостными дарами, драгоценными каменьями и бесчисленными деньгами, так что пресловутый ага спустя какое-то время стал уподоблять [произошедшее] рассказу о Хатиме ат-Тайи[1462], осыпая яркими звездами горьких слез белую бороду своего сожаления. Он получил удел от запаха радости из-за алоэ и амбры остатков, бывших капиталом и запасом в сундуке овладения бейта:

Aşıkuz maye-i temiz bize suzişdür
Güyya büzürg ud içre nühüfte buyuz
«Мы влюбленные, чистая закваска для нас – [душевное] терзание,
Мы будто запах, скрытый внутри большого агарового [дерева]»,
который был урожаем прекрасного древа его щедрых десниц,
Мисра‘:
Can dimağında dahi şimdi o lezzet baki
«В носу души все еще остается эта услада»[1463],

что остается в шкатулке моей памяти и келье моего мышления. Пусть Аллах ублаготворит его душу ароматами рая и прощения из почтения к Благостному Пророку, ублаготворенному ароматами рая (таййиба-Ллаху рухаху би-рийахи-л-джаннати ва-л-гуфран би-хурматин-наби ат-таййиб ал-мутаййиб би-рийахи-л-джанна). В последующем, в

[1460] Асиф ибн Бурхийа – коранический персонаж, который благодаря обладанию неким тайным знанием «в мгновение ока» доставил трон царицы Билкис ко двору Сулеймана (Соломона).
[1461] Хедив – правитель, султан.
[1462] Хатим ат-Тайи (ум. 578) – арабский поэт доисламского периода, прославившийся своей щедростью и ставший героем народных легенд и сказаний.
[1463] Строки принадлежат османскому поэту Махмуду ‘Абд ал-Баки.

то короткое время, когда Кара-Девлет-Гирай занял пост хана, который виделся ему в [ритуалах] церемониальной магии (симийа) и созерцался им во сне, в фантазиях и воображении, стрела просьбы прежнего хана (Девлет-Гирая II – примеч. пер.), пущенная им для высылки его с острова печали, перевозки и поселения в его особое имение, расположенное в Визесарае (Визе – примеч. пер.), [потому что он] счёл, что это [будет одной] из причин упрочения его [непрочного, словно] рисунок на воде, правления, достигла цели принятия, в [месяц] шаввал тысяча сто тридцать седьмого года (июнь-июль 1725 г. – примеч. пер.) он сошел с покрытого парчой престола жизни и вошел в не устланный коврами дом могилы с четырьмя стенами. За два раза его ханское правление [продлилось] восемь лет [и] пять месяцев, а срок его жизни […] лет. Пресловутый [хан] (Девлет-Гирай II – примеч. пер.) сидел во главе [собрания] одетых в кольчуги [воинов] храбрости и был предводителем круга обладателей меча и отваги, заставив из-за своего гнева и ярости отвернуться от себя государственных мужей и владыку страны султаната, после чего долгое время страдал от притеснений и бедствий. Да простит ему Аллах его дурные поступки (таджаваза-Ллаху ‘ан саййи’атихи). Новому хану (Каплан-Гираю I – примеч. пер.) было велено вместе с [одним] из великих визирей ‘Абди-пашой[1464] отстроить крепость Хотин и по завершении поставить и возвести на престол правления Польским царством Истанислава[1465], но из-за того, что мастера ремесла примирения увязали завершение основы и утка редкостной ткани мира и безопасности, сотканной ими совместно с московитами в мастерской посредничества и наставления, с одергиванием руки привязанности и общения от указанного царства, пресловутому хану было запрещено совершать поход в том направлении, так что в то время, когда он перенес навес своего внимания в страну мирной жизни, с наступлением зимней поры он разместился в местечке под названием Копанка[1466], расположенном на берегу реки Турла (Днестр – примеч. пер.), а примерно в тысяча сто двадцатом году (1708–1709 гг. – примеч. пер.) вступил в резиденцию правления. Когда

[1464] Абдуррахман Абди-паша (ум. 1722) – османский государственный и военный деятель. Занимал посты визиря (с 1697 г.), наместника (вали) Румелии, Анатолии, Темешвара, Вана, Сиваса, Эрзурума, Алеппо, Трабзона, Белграда, Бендер, Басры и Багдада. С 1718 г. занимал пост градоначальника Хотина.

[1465] Станислав Лещинский (ум. 1766) – польский король и великий князь литовский, правивший в 1704–1709 и 1733–1734 гг. Опирался на поддержку шведского короля Карла XII и его турецких союзников.

[1466] Копанка – село на правом берегу реки Днестр (совр. Каушанский район Молдавии).

было решено направить и выдвинуть победоносное знамя Ахмада (пророка Мухаммада – примеч. пер.) и золотое полотнище флага [пророка] Мухаммада – да благословит его Аллах и приветствует! – в сторону Моры, он назначил сераскиром затребованного из страны Крым татарского войска нураддин-султана (Сахиб-Гирая – примеч. пер.), а на боснийском направлении – его младшего брата Селамет-Гирая. [Один] из сыновей Девлет-Гирая, Бахт-Гирай-султан (Дели Бахт-Гирай – примеч. пер.) ходил по стране черкесов и, надеясь на то, что его отец украсит трон правления татарами, желал заниматься [их] подстрекательством и склонять [их] к нечестию, так что бывший нураддин Бахадир-Гирай-султан составил ему компанию и прошел через Таманский пролив к Бахт-Гираю, словно стрела, чтобы испытать полёт стрелы несговорчивой удачи, о чем проведал крымский хан, [но] преследователи, коим было поручено схватить и вернуть его обратно, не догнали его и возвратились ни с чем. Бахт-Гирай-султан сговорился о взаимопомощи ради получения нескончаемого блага со своевольными и упрямыми ногайскими эмирами, показавшими крымскому хану лик несогласия, казнив и погубив [одного] из мурз [племен] Касай и Касполад-оглу, сделавших кольца своей покорности украшением на шее согласия, и еще нескольких безвинных людей вроде него, а также разграбив и растащив их имущество, о чем было доложено хану, так что отражение мятежей и беспорядков и исполнение [шариатских] заповедей и наказаний было поручено поддерживаемой [Господом] деснице Менгли-Гирая, и когда он прибыл к месту бунтарей, мирзы из племен Хитай и Кыпчак совместно поставили большой шатёр присоединения в окрестностях султанского лагеря, так что даже дерзнувшие ранее на гнусность смертоубийства преступники, заслуживавшие казни, приложили свои короткие руки мольбы о прощении к подолу покорности и подчинения, а знавший толк в тонкостях султан заманил птицу незаконнорожденного, неразумного и бестолкового [мятежника] зерном ‘Уркубовых обещаний в силки бедствия, а спустя некоторое время исполнил мечом пречистого шариата приговоры о казни источников интриг и несчастий по имени Орак-мирза, Арслан-бек, Йусуф и Сумендж. Пресловутому хану было велено посовещаться [с падишахом] о походе на австрийцев, после чего он с садразамом Силахдаром ‘Али-пашой[1467] поставил палатки совещания в окрестностях Филибе (Филип-

[1467] Силахдар Дамат Али-паша (ум. 1716) – османский государственный деятель, занимавший пост великого визиря Османской империи в 1713–1716 гг. Был женат на дочери султана Ахмеда III, за что получил прозвание «Дамат» («зять»). Погиб после ранения в битве при Петроварадине.

пополь – примеч. пер.), а затем указанный хан привел в движение стремя возвращения в находившийся в пределах его правления Буджак, дабы подготовить татарское войско, и поручил охранять Крым калге Менгли-Гираю, однако [потом] беспричинно поменял [свое решение], поймал летавшего вместе с орлами в воздухе Бахт-Гирая в силки обещаний и угроз и в страстном желании свершить возмездие над кабардинскими черкесами приостановил непреложное повеление, а Менгли-Гирай взнуздал злополучного коня повеления и настоятельной просьбы уздою принятия. Однако, поскольку упомянутый поход был несвоевременным, он за восемь месяцев нахождения в безводной и лишенной травы степи растратил звонкую монету благополучия и удобства, и далее было невозможно заставлять гарцевать ноги рыжей [кобылы] побуждения к стойкости и отваге и завешивать платком терпения и выдержки безобразное лицо «старушечьего холода» (бард ал-ʻаджуз) [в] походе, а потому, в конце концов, они подковали пятившуюся назад лошадь перевернутыми задом наперед подковами возвращения, после чего крымский хан направился в Тамешвар, Менгли-Гираю было поручено охранять Буджак, а Селамет-Гираю [отправиться] в самый заблудший Эрдель (Трансильванию – примеч. пер.), тогда как Селамет-Гирай взнуздал разнузданного коня принятия уздою отказа и уклонения, а сын ʻАзамат-Гирая Ислам-Гирай сразу же положил седло принятия на коня подчинения ему. Пока Каплан-Гирай-хан прилагал усилия и старание в вопросе оказания помощи Тамешвару и присоединения к воинству августейшего [государя], заносчивые эмиры, которые стремились к [его] неудаче, желали ему зла и плохо думали [о нем], стреноживая путами задержки коня скорости, отчего его прибытие в Белград пришлось на время возвращения воинства августейшего [государя], и по возвращении в свое зимовье в Буджаке по причине нерасторопности в движении, проявленной Каплан-Гираем, он допустил беспечность и нерадивость в том, чтобы протянуть ладони ярости к шакальей шее злонравных неверных, после чего в [месяц] зу-л-каʻда года тысяча сто восемнадцатого (октябрь-ноябрь 1716 г. – примеч. пер.) пресловутый [хан] был выведен из чащи правления, а в начале месяца зу-л-хиджа (ноябрь 1716 г. – примеч. пер.), когда лицо просьбы [одного] из престарелых [представителей] рода Чингизидов Кара-Девлет-Гирай-султана, который, будучи светом очей души и черной сурьмой зеницы ока сына Сафа-Гирай-султана ʻАдил-Гирая, был калгой Сафа-Гирай-хана, снискавшего радость от вкушения удовольствия правления Крымом на протяжении нескольких дней примерно в тысяча сто третьем году (1691–1692 гг. – примеч. пер.), а после его низ-

ложения долгое время пил яд ожидания в краях Румелии, было украшено ложной родинкой желаемого, а лик его желания был отбелен лишенными блеска белилами цели, он обрадовал постом калги ранее упомянутого сына Сафа-Гирая, Бахадир-Гирая, открыл запертые на замок двери намерения [одного] из своих сыновей Максуд-Гирая ключом поста нураддина и, питая несбыточное желание закрепиться на престоле, выехал ради подготовки войска и орудий в направлении Буджака, помиловал своего предшественника Каплан-Гирая от ссылки на Родос и проявил великодушие, [позволив ему] поселиться в пределах Гелиболу, бывшего башней святых Рума – в указанный год. Он привел в движение плектром ‘Уркубовых обещаний струны лютни (барбат) невежественного усердия сторонников и приверженцев ненавистников, которые были китами моря интриг в омрачении нечестием Красного моря устройства мира указательным пальцем подстрекательства, так что он был расстроен и опечален его поводом для того, чтобы стать калгой Сафа-Гирай-хана, который был ранее смещен руками их строптивости и непокорности, и, сочтя, что он непременно засучит рукава прилежания для извлечения меча мести, обвинил его в несправедливости и притеснении еще до совершения преступлений, доложив и сообщив Счастливой Порте, что он вышел из дверей служения и покорности ему, подогнув подол восстания и мятежа со словами: «Если листок чаяний каждого из сыновей хана Селима будет украшен тугрой правления, мы оболобызаем подол покорности ртом [благих] намерений и почтения», а поскольку их бегство в Крым для того, чтобы провести и устроить начатое ими предприятие, совпало по времени с овладением проклятыми австрияками Тамешваром и занятостью Высочайшей Порты многими делами, сколь бы болезненным и мучительным ни было то, что по лицу их мольбы и рту их просьбы не была нанесена пощечина отказа, в соответствии с содержанием бейта:

اندرين كارگاه كن فيكون
كل امر بوقته مرهون

«В этой мастерской [слов] «*Будь, и оно сбывается*» (кун файакун),
Всякое дело [происходит] в назначенное для него время»,

звонкая монета приведения в исполнение наказания злоумышленника, хранившаяся в сундуке осторожности, была отдана в залог [до наступления] времени достатка и спокойствия, звезда удачи Са‘адет-Гирая, плода сердца Селим-Гирай-хана, не была удостоена принятия блага и счастья, так что по велению величайшего светила он был приглашен в Эдирне и благодаря побуждению и одобрению каймакама гос-

ударевого стремени (ка'иммакам-и рикаб-и давлат-ма'аб)[1468] в [месяц] сафар тысяча сто двадцать девятого года (январь-февраль 1717 г. – примеч. пер.) свечение звезды его многолучистой удачи озарило страну татар, и он облагодетельствовал должностью калги своего дядю, сына Селамет-Гирая, 'Инайат-Гирая, мотылька у свечи его собрания, вхожего на пиршество приятельства и дружбы с ним, который изготовил фитиль старания и усердия для того, чтобы осветить нишу его желания, [одного] из своих братьев Сафа-Гирай-султана назначил нураддином, а муфтия Кафы Мевлану Абу-с-Су'уда – кадиаскером, после чего привел в движение стремя отбытия в Буджак, чтобы подготовить военное снаряжение. Прошлый хан (Кара-Девлет-Гирай – примеч. пер.), ставший жертвой несправедливости, был сбит с пути к его цели из-за раны от стрелы низложения и неудачи, согласно едва принятому закону и новому фирману у него забрали почетные ханские выплаты, определенные из падишахской казны согласно старому закону, и с пояса его преданности был снят украшенный драгоценными каменьями султанский кинжал, [после чего], не выдержав кинжала острых и колких слов, вышедших из рта начальника привратников (капуджи-башы), коему было поручено забрать [эти вещи],

Мисра':

ولا يلتام ما جرح اللسان غمه

«Не заживает рана, нанесенная языком»,

в [месяц] раби' ал-аввал указанного года (февраль-март 1717 г.) пал на землю небытия от смертельной раны тоски и боли. Срок, когда повидавший горестей старец наблюдал из-под завесы театра теней небосвода при тусклом свете свечи удачи образ зыбкого счастья, [составлял] три месяца, а время его жизни достигло семидесяти лет. Хотя пресловутый Кара-Девлет-Гирай был плодом сердца и благородным [отпрыском] 'Адил-Гирая, сына Селамет-Гирая, прославленнейшего деда ал-Хадж Селим-Гирай-хана, отборного [представителя] родословной правителей области Крым, некоторые историки, полагая, что он был незаконнорожденным ребенком сына Чобан-Девлет-Гирая, 'Адил-Гирай-хана, не сумели определить название недуга, который они сочли старой причиной болезни его последующего низложения и неудачи, отчего допустили грубую ошибку, и благодаря сверкающему светильнику сказанного прежде и сияющей лампаде образа речи это ясно и очевидно, подобно

[1468] Заместитель великого визиря, который постоянно сопровождал султана во всех его поездках и военных походах.

солнцу в зените (ка-ш-шамси фи кабад ан-нахар). Короче говоря, по прибытии нового хана Са‘адет-Гирай-хана в ореоле радости от [обретения] султанской власти в местечко под названием Карасу[1469] в пределах Добруджи, чаша жизни калги ‘Инайат-Гирая переполнилась, так что Сафа-Гирай-султан, сделав глоток из оставшегося бесхозным кубка, был опьянен правлением, а другой его брат ‘Адил-Гирай слегка захмелел [от получения] желаемого из бокала с отбитыми краями должности нураддина, после чего прошло не так много времени, как вновь случившееся само по себе неблагоприятное событие и грубость привели к сбору и ненависти, отчего он отказался от предназначенного для него поста [ради] покоя и бросил седло проживания в краях Румелии, когда нога преданности [одного] из племянников пресловутого хана Ислам-Гирая настигла трона оставшегося вакантным поста. «Плата на колчан» (тиркеш-баха), которая по старинному обыкновению выплачивалась из государевой казны, распределялась как попало, а его присоединение с непривыкшей [к замужеству] невестой татарского войска, приготовленной десницей его снаряжения, к воинству августейшего [государя] пришлось на [время] расхождения собравшихся на пиршество знаменитого поражения, так что он без всякой пользы и последствий сидел в обители отдохновения в зимовье Буджака вплоть до подготовки предпосылок для возвращения и времени благословенной весны. Передав задание требовавшегося в следующем году выведения войска и распределения «платы на колчан» деснице выбора представителя султана Мурадшаха-аги, он не вынес холода сокрытия и вероломства, которые ему приписывали во время торговли, вручив драгоценный камень дорогой ему жизни тому, кто забирает звонкую монету душ, а бахромчатый подол оставшейся вакантной [должности] оказался в руках ‘Али-аги, получившего прозвание Порсук. Когда прославленный в своей серьезности хан отправился на колеснице радости и веселья к войску августейшего [государя], прибыл в окрестности Софии и вошел в покои садразама, Ибрахим-паша[1470], всей душой предававшийся шуткам и веселому времяпрепровождению, со словами «Татарская братия ест сырую [пищу]» развлекал себя зрелищем, заставляя [их] разбирать несъедобное мясо, и по нескольку часов подряд избавлял себя от недуга меланхолии немелодичным галдежом растаскивавших [его], а также вызвал радость и веселье у хана, султанов, знати и

[1469] Карасу (после 1865 г. Меджидия) – город на востоке современной Румынии.

[1470] Невшехирли Дамат Ибрахим-паша (ум. 1730) – османский государственный деятель, занимавший пост великого визиря Османской империи в 1718–1730 гг.

эмиров, одаряя и наделяя их в зависимости от их степени соболиными мехами, конями с украшенными драгоценными каменьями седлами и роскошными одеждами. Он на несколько дней взял с собой в поездку пресловутого хана, чтобы расстелить [с ним] ковер совещания, а затем подтвердить заявление о необходимости заключения мира, решение о котором было им принято, а после того, как по прибытии в Эдирне он поставил печать похвалы и поздравления на ярлык мира и безопасности, направился к себе на родину. Когда он въехал в ставку своего правления, то в несбыточном желании выгнать из своего места Бахт-Гирая, вызвавшего восстание ногайцев и татар, а также ставшего причиной печали крымских ханов, и выслать в края Румелии, обрек на тяготы путешествия плод своего сердца Салих-Гирай-султана[1471]. Оттого, что их беседы и споры не возымели последствий, крымский хан лично выдвинулся [в поход], а знать и вельможи сели позади него на бесполезном скакуне, взнузданном тяготами, так что он потратил впустую звонкую монету своего драгоценного времени. Простодушный хан, не ведавший о кознях соперников и врагов, допустил небрежность в том, чтобы захлопнуть и перекрыть двери ртов охваченных алчностью хищных псов, жаждавших туши неповиновения и интриг, косточкой пожалований, снял [с их должностей] взятого им на службу в качестве баш-аги Порсука ‘Али и использованного им в качестве Ялы-аги[1472] Кемаля, опозорив перед всеми как главного казначея, приносившего малого [денежных] поступлений, и в то время, когда они, в свою очередь, выбросили право хлеба и соли (т.е. благодарности за оказанное благодеяние – примеч. пер.) в пустыню неблагодарности, приложив усилия и постаравшись разбудить ногами интриг смуту и нечестие, которые были спящим драконом о семи главах – «*смута спит, и да проклянет Аллах того, кто ее разбудит*»[1473] (ал-фитнату на’иматун ла‘ана-Ллаху ман айказаха), один из сторонников пресловутого хана, искусный наездник на поле учености и красноречия и выдающийся [воин] в степи храбрости и смелости Абу-с-Су‘уд-эфенди, который благодаря рангу [кадия] Светозарной Медины ввел в качестве «надела на овес» (арпалык)[1474] в [пределы] своих владений уез-

[1471] Салих-Гирай (ум. 1738) – крымский царевич, сын Са‘адет-Гирая IV. Занимал посты сераскира Кубани в 1726–1728 гг., нураддина и сераскира Буджака в 1737–1738 гг.

[1472] Ялы-ага (тур. yalı ağası – «ага побережья») – правитель приморского побережья Буджака, управлявший этими территориями от имени крымского хана.

[1473] Хадис пророка Мухаммада.

[1474] Арпалык (тур. «на овес») – в Османской империи феодальное земельное владение, назначавшееся за службу придворным.

ды Кафы, Тамани, Судака и Мангупа, отказался от сумы благополучия под предлогом [совершения] благородного хаджа и уступил оказавшийся вакантным пост одному неизвестному лицу по имени ‘Абд ал-Латиф-эфенди, и когда по причине того, что он остался после приближенного к нему и его наперсника ‘Абд ас-Самада, одного из прихлебателей у стола любезности и дружбы мирливы Ширинов Джан-Тимура, выдающегося [представителя] сыновей шейха [суфийской] обители (ханках) Гюледж, указанный эмир пригласил в дом собраний (дар ан-надва) несколько отъявленных хитрецов и смутьянов, Кемаль-ага всех опередил в деянии ответа [на приглашение], а когда он созвал совещательное собрание, чтобы обучить и показать пути и стези проклятых деяний [с целью] расколоть ряды единобожников и поднять знамя непокорности нечестивцев, то не ограничился тем, что стегнул кнутом лошадь восстания против градоначальников и губернаторов, поставленных наместниками на земле для избавления от несправедливости и нечестия и устранения вражды между рабами [Божьими], а фетва жившего за счет улемов самозванного муфтия (муфти-йи Мачин) о том, что склонявшиеся к хану и подчинявшиеся ему заслуживают наказания, побудила невежественных простолюдинов дерзнуть на [совершение] противозаконного дела, так что они совершили преступления и прегрешения вроде уничтожения и разрушения топориком угроз дома чести и достоинства находившихся на службе у хана и уединившихся в уголке единства, а также посягательства на жен и имущество, а когда воздержавшиеся от того, чтобы присоединиться к их сборищу, были по какому-то поводу схвачены и доставлены [к мятежникам], они все вместе, посчитав [это] разнообразными наказаниями, стали пить бозу, плеваться и горланить, обхаркивая зловонной мокротой на виду у людей чистые лица и сияющие бороды [этих] несчастных, и из-за их унижений вроде оплёвывания, вольно или невольно благодаря немелодичным звукам треснувшей зурны,

Мисра‘:

قپطیان ساز و کرد میبازد

«Копты (цыгане – примеч. пер.) играют на инструментах и бьют в барабаны»,

сделали большинство людей дьявольскими человекообразными игрушками, бросив руками [деспотического] властвования на землю низложения и неудачи назначенных крымским ханом начальников городской стражи (шихна) и эмиров, и поставив своих приспешников и сторонников десницами поддержки и помощи на вершину обители оставшихся вакантными постов, и когда они отправились в Бахчисарай, кото-

рый был столицей области Крым и поставили на злосчастных канатах фанатизма и упорства палатки [прямо] перед Акмесджидом, который был ставкой калги, нураддин Ислам-Гирай-султан, а также некоторые улемы, [ханские] гвардейцы (капы-кулу) и жители города, привязавшие поводья скакуна своей искренней преданности и отваги к кольцу подчинения ясному шариату, собрались в ханской канцелярии со сломанными эйванами[1475], так что губернаторы и градоначальники нацелились на [получение] ярлыка на правление [в соответствии со словами из хадиса] «*даже если [он] будет эфиопским рабом*» (валау кана ‘абдан хабашиййан), и тогда было признано необходимым приложиться головой к подолу подчинения, и сочтено обязательным и крайне нужным удалить упрямцев, вышедших за пределы круга покорности, но они не повесили на уши принятия во внимание пригожие сердцу слова доброжелателей и правдивых [людей], которые сказали: «Почему вы [сидите] в уголке укрытия и утомления, положив головы на подушку нерадивости и беспечности в отношении хана из рода Чингиза, посаженного на престол правления руками падишаха [нашего] времени? В частности, большинство из тех, кто притворно явил указанным [мятежникам] лик любезности, последовали [за ними] и сдружились [с ними] из соображений необходимости, ради защиты своей чести и достоинства. Сейчас же украсьте и снарядите приданое вашего отправления [в путь] седлом отваги и смелости, и как только вы направитесь [туда], у упомянутых [мятежников] тотчас же затрясутся ноги вставшего на дыбы норовистого коня их стойкости и сухожилия задних ног их храбрости, так что у них не останется другого выхода, кроме как обратиться в долину бегства или бить челом у покоев просьбы о прощении и помиловании», направились к обороне и обязались действовать в соответствии с тем, что пожелало их сердце, и после того, как во время написания писем, сообщавших о бессилии и просьбах, они включили обманчивыми и бессмысленными обещаниями в круг их сообщества калгу Сафа-Гирай-султана, который был ханским престолонаследником, их черствые сердца получили подкрепление, так что, когда они отправили крымскому хану непривычное решение о его высылке, он проявил страх и опасение, изъявив отсутствие у него сил для сражения и противодействия, а когда находившиеся у него на службе один за другим стали склоняться к стороне противника, от падишаха еще не пришла весть о [его] низложении, как он [уже] на дрожащих но-

[1475] Эйван (перс.) – в исламской архитектуре сводчатое помещение, с трех сторон обнесённое стеной и открытое с четвёртой стороны.

гах и на коне отчаяния и безнадежности заковылял в сторону Румелии и, решив спрятать и скрыть бедствие и мерзость [этой] горстки отборных смутьянов под паласом оправданий – «*оправдание хуже вины*», перечислил недостатки крымского хана, сказав: «Во-первых, поехав в местечко под названием Карт-Казак за пределами Феррах-Кермана, для получения радости от охоты на птиц, поймал наших едва подросших родных дитяток, которые были молодыми соколами в гнезде красоты и изящества, построил для хранения еды и питья и своего отдыха новенький домик из дерева и растений и даже устроил в одном его углу небольшую баньку в виде таза, отчего печь нашего благородного пыла вспыхнула, источая огонь ярости и отваги, и мы [его] полностью сожгли и разрушили. Во-вторых, пресловутый хан заставил луноликую девушку, с которой был помолвлен из-за его влюбленного взгляда один известный мирза из [числа] принадлежавших к нам высокочтимых господ, с согласия ее опекуна засвидетельствовать прилюдно отказ и шариатским способом ввел ее в дом замужества с одним мусульманином из [числа] его людей, разбив бутыль нашего невежественного рвения. В свою очередь, мы разрушили и разогнали обитель их брака и сообщества руками принуждения к разводу, попросив украшенное золотом кольцо брачного вознаграждения, словно покрытый драгоценными каменьями венок, и повесив на шею ее преданности, утрудили свои языки и рты чтением хутбы для сочетания [их] браком. В-третьих, пресловутый хан не расходовал на нас частные и общие доходы, которых едва хватало для сведения концов с концами, и оттого, что он ел и пил сверх [меры] насыщения, он приобрел тучный вид. Конечно же, потом мы порывистым ветром нападения и восстания развеяли необмолоченное зерно его радости и веселья. Так вот, мы не хотим такого несправедливого хана. Кроме того, мы примем любого из сыновей Селим-Гирая. Если Высочайшая Порта украсит петицию с нашей просьбой тугрой соизволения, то будет прекрасно, а иначе мы вместе с женами и детьми покинем родину и уедем в другие края», после чего они отправили на легко бегущем корабле в Счастливую Порту ранее упомянутого ʻАбд ас-Самада-эфенди, Хадж-Гирая из эмиров [рода] Ширин, Ахмед-мирзу из [рода] Мансур и Ахмед-шах-агу из [ханской] гвардии, чтобы доставить их неотесанную петицию, написанную ими за пределами круга стыда и воспитанности. В ту пору, когда они представили садразаму свою полную явных ошибок петицию, пресловутый хан вышел из круга правления, а поскольку прибытие написанного в отчаянии донесения и заявления, содержавшего жалобу на указанное сообщество, не возымело последствий и не принесло пользы,

он спустился с взятого во временное пользование коня поста правителя и на кривых ногах низложения прибыл в заповедный [месяц] мухаррам тысяча сто тридцать седьмого года (сентябрь-октябрь 1724 г. – примеч. пер.) в поместье Сарачели[1476], расположенное в окрестностях Йанболи, а в [месяц] раджаб тысяча сто сорок четвертого года (январь 1732 г. – примеч. пер.) отдалился от счастья жизни и был похоронен в сверкающей светом могиле в Большой мечети Йанболи. Срок его правления [составил] семь лет [и] одиннадцать месяцев, а время его жизни – почти семьдесят лет. Менгли-Гирай-хан ибн Селим-Гирай-хан ибн Бахадир-Гирай-хан ибн Селамет-Гирай-хан ибн Девлет-Гирай-хан ибн Мубарак-Гирай-султан ибн Менгли-Гирай-хан. Он вступил в мир бытия во время первого низложения и проживания на острове Родос достохвального родителя указанного досточтимого [хана], Селим-Гирай-хана – примерно в тысяча девяносто третьем [году] (1682 г. – примеч. пер.), после чего не прошло много времени, как его величественный отец вновь стал правителем страны татар, и тогда по старинному обычаю драгоценная жемчужина его бесподобной личности росла в каменном саркофаге воспитания у атабека, а когда на его лучезарном челе засияли следы проницательности и удачи, при жизни отца он был взят на службу сераскиром и беем Ора, а после его смерти был облагодетельствован постом нураддина в эпоху [правления] Гази-Гирая и постом калги во время двух сроков ханского правления Каплан-Гирая, так что по причине искренности и благородства не расстался с пресловутым [ханом] во время его низложения и ссылки, и за те восемь лет, когда в эпоху [правления] Кара-Девлет-Гирая и Са‘адет-Гирай-хана он жил в поместье в Гелиболу и Кадыкёй, в области Крым вспыхнул огонь смуты и интриг, для тушения которого понадобился знающий толк в тонкостях хан, который мог бы пустить воду шариатского наказания из источника мисра‘:

رخنه گر ملک سر افکنده به

«Царю-раскольнику лучше быть понурым [от стыда]»[1477],

садразамом Ибрахим-пашой была написана карандашом со скрытым кончиком содержания в тайне скрепленная печатью записка с приглашением Каплан-Гирай-хану и Менгли-Гирай-султану, вследствие чего в начале тысяча сто тридцать седьмого года (1724–1725 гг. – примеч. пер.) они остановились в имении Сиявушпаша, расположенном поблизо-

[1476] Сарыджалы – село в современном районе Люлебургаз провинции Кыркларели (Турция).

[1477] Строки принадлежат персидскому поэту Низами Ганджави.

сти от Стамбула. Сперва Бывший атабеком государства и доверенным лицом султана Мехмед Кетхуда, сидя в колеснице могущества и славы, пустил в указанном поместье по кругу чаши разного рода разговоров с двумя пресловутыми [лицами] об исправлении состояния испорченности крымского государства, и в четверг, двадцать второй ночью указанного месяца (12 октября 1724 г. – примеч. пер.) хан и султан присоединились к Асифовой записке о том, чтобы спрятаться за черной завесой кромешной ночи, утаиться в саду Видуз и обеспокоиться приездом повелителя государства, после чего они поступили согласно высочайшему повелению, а на утро продолжительной радости садразам и капудан Мустафа-паша под предлогом охоты нанесли счастливый визит к великому древу, осененному удачей, и когда четыре элемента государства составили снадобье [из] «Бур' ас-са'а»[1478] совещания, дабы уравновесить настроение султана и потушить огонь интриг, сладкие и приятные речи, которые Менгли-Гирай-султан сыпал из сахарницы своего осыпающего жемчугами рта, пришлись по нраву [подобному] в своей распорядительности Юпитеру визирю и косвенно усладило вкус покорившего мир падишаха, так что двадцать восьмого дня указанного месяца (18 октября 1724 г. – примеч. пер.) первый мирахур был приглашен к государевой трапезе, устроенной в Давудпаше[1479], а кетхуда садразама, в свою очередь, в соответствии с обычаем гостеприимства щедро раздавал угощения великодушия и отправил [их] от себя, по своему обыкновению, на коне с золотой уздечкой дарения с кортежем и великолепием в заранее приготовленный дворец Кара-Байрам (?), и когда в последний день заповедного [месяца] мухаррам (20 октября 1724 г. – примеч. пер.) он вместе с садразамом вошел к достопочтенному падишаху, украшавшая пиршество чаша удачи была поднята с собрания Са'адет-Гирая и с подачи погонщика [и] виночерпия предопределения была поставлена перед Менгли-Гираем, и, хотя он и был опьянен кейфом[1480] [государственного] поста и главенства, на него возложили тяжкое бремя и трудное задание по введению в страну трезвости разумности и [выведению] на прямой путь покорности заблудившихся в степи интриг, коварства и мятежей, которые с очень давних пор быль вдрызг пьяны и [лежали] без чувств от вина гордыни, надменности и непокорности, [тем самым] бросив его в яму грусти и тревоги. Задание, которое ему было велено [выполнить], было са-

[1478] Название медицинского сочинения.
[1479] Давутпаша – в настоящее время квартал в стамбульском районе Эсеньюрт.
[1480] Кейф – отдых после обеда с кофе или курением кальяна.

мым тяжелым из государственных дел, и сперва он пошел по пути склонения на свою сторону и введения в заблуждение, повесив на алчные глаза [одного] из глав народа, ранее упомянутого ʻАбд ас-Самада-эфенди, расшитую золотом завесу кадиаскерской должности, оглушив и лишив сознания калгу Сафа-Гирая и обладателей других постов ударами палочкой по барабану удолговечивания и упрочения, бросив в яму беспечности и гордыни Кемаль-агу путем назначения на должность векиля, и направив [им] ярлыки и грамоты на крыльях поспешания, а сам в середине благого [месяца] сафар (4 ноября 1724 г. – примеч. пер.) привел в движение стремя великолепия и удачи. [Поскольку] ханский пост повернулся вспять от Девлет-Гирая, Каплан-Гирай-хана и калги Сафа-Гирая, которые принимались во внимание указанными [лицами] и были предметом их устремлений, обернувшись лицом к пресловутому [хану], они были встревожены и перепуганы этим, но тем не менее в силу ума и сообразительности знающего толк в тонкостях хана он на протяжении года являл лик мягкости и показывал мину вражды тем, кто был против него, повесив на головы бестолкового ослиного стада, блуждавшего по степи глупости и легкомыслия, висюльки деланой нежности, обойдя и обыскав один за другим дома жителей с помощью лазутчиков своего проницательного ума, сокрыв и упрятав за завесой избегания эмиров, управляющих делами вельмож, а также согласным с ним и поддерживающих его,

Мисра‘:

Deruni aşina ol taşradan bigane sansınlar

«Будь внутренним другом, а снаружи пусть считают [тебя] чужим»[1481].

Назначив сераскиром калгу Сафа-Гирая, который был пристанищем для шести тысяч татар, направленных тогда в Иран в соответствии с рескриптом августейшего [государя], и убежищем для неуживчивых людей, он развязал вервь их сплоченности и, взяв с собой [в поход одного] из глав указанного народа, покоившегося в мастерской мятежа и интриг Порсука ʻАли, Султана ʻАли-мирзу и подобных им, разорвал на куски холст их единодушия, а также усмешкой [притворного] заискивания и мольбы над длинной бородой величия Быйыка Мехмед-шах-мирзы, которая никогда не видала топора, отправил его с помощью изощренных хитростей за пределы Феррах-Кермана, а [одного] из родственников несовершенного Кемаля[-аги], Мустафу, которому он поручил быть его

[1481] Строки принадлежат османскому поэту и военному деятелю Ташлыджалы Яхья-бею (ум. 1582).

[личным] стражем, выпустил в черкесскую степь, словно сломанную стрелу без оперения, из лука распорядительности, уменьшив [количество] насекомых мятежников и усыпив сном беспечности находившихся в Крыму змей и скорпионов сильнейшим противоядием обоснованного мнения. Когда Челеби-ага, змееныш [одного] из беглецов, [спасшихся от] притеснителей султана Мустафы, Чалык Ахмеда, чье черное лицо было обезображено тамгой лжесвидетельства, получил пощечину вразумления от десницы Бахрама небес в соответствии со смыслом мисра‘:

تربیت نا اهلرا چون گردکان بر کونبتست

«Воспитание недостойного человека подобно [хранению] орехов на куполе [здания]»[1482],

он все равно не извлек [из этого] урока и в силу страсти к насилию, занявшей место в его помутившемся рассудке, даже будучи наперсником и собеседником пресловутого хана во время обоих сроков его пребывания на посту калги, а также облагодетельствованным его благосклонностью, он с полной преданностью и опорой на указанных [людей] проявил отвагу, донося и разглашая сокровенные тайны, которые были ведомы им обоим, а поскольку устранение упомянутого [лица] путем обвинения его в самовольном хозяйничанье и присвоении того или иного количества принадлежавших хану доходных поступлений было необходимым требованием тогдашней [обстановки], он удалил и изгнал его из [своего] собрания под предлогом упущений и ненадежности в торговле, закрыв двери просьб о заступничестве на замок нерушимой клятвы и заткнув брешь прощения строгим договором. Когда преисполненный гордыни Джан-Тимур сначала ранил и проткнул смертоносным копьем своего горького и изрыгающего огонь языка нутро и наружность подобных себе, искалечив грудь их чести и достоинства острым клинком сквернословия и разграбления имущества, хан оплатил и вернул потерянное ими [имущество], а они дополнили недостаток звонкой монеты их донесения, допустив грубое пренебрежение и непочтительность в отношении его просьбы о том, чтобы они все склонили головы в подчинении Джан-Тимуру и искренней дружбе с его соратниками, знающий толк в тонкостях хан под предлогом проведения [в жизнь] этого дела пригласил подобного Джан-Тимуру Кара Кадир-шаха Мирзу, бывшего его страшным врагом и мстительно требовавшего [пролития] его крови, надеясь на то, что он оправдает себя [выполнением] порученного ему задания по наказанию недоброжелателей, а до слуха Джан-Тимура до-

[1482] Строки из «Гулистана» Саади.

шло, что после того, как они на два месяца расстелили коврик совещания, вернулись домой с призывом укрепить основы любви и развеять пыль печали и тоски, подковав коня своего усердия и рвения договором и соглашением о том, чтобы заседать вместе в судилище согласия с Муртаза-мирзой и другими эмирами, ранее бывшими сторонниками пресловутого хана, когда тот пал на дно колодца неудачи, был ранен копьем волка из степи страдания и сложил голову в пустыне Кербелы сражения, а также с Абу-с-Су'удом-эфенди и всеми улемами, и единогласно сговориться о том, чтобы предать противников наказанию в соответствии с благородным шариатом и подчиняться обладателям власти, а если крымский хан допустит упущения в исполнении заповедей, то совершить хиджру из области Крым и при необходимости сражаться с неприятелями, и он (Джан-Тимур – примеч. пер.), в свою очередь, в соответствии со старинным обыкновением укрепил с помощью невежественного обычая приложения руки к сабле, хлебу и соли почти обветшавший дом их единогласия противоречащей шариату клятвой о драке и противостоянии, после чего составил письмо со словами: «Кадир-шах и Муртаза-мирза, посчитав для себя необходимым исправление [положения] и искреннюю дружбу, все еще готовили войско, выйдя из круга покорности и повиновения», приписав указанным [лицам] свое собственное упорство и упрямство, отчего указанный хан написал чернилами тонких хитросплетений в соответствии с желанием и вкусом Джан-Тимура и отправил мудрый ярлык со словами: «Оставьте общество нынешнего бедствия, прибудьте в Бахчисарай и приложите перо единодушия к грамоте мира и примирения», после чего пригласил в Бахчисарай знать и эмиров, приписанных к гвардейцам (капы-кулу) Харатука[1483], Салгира[1484] и прочих [мест], сперва сделав [своим] наперсником влиятельного среди людей Мардана Хаджи 'Али-агу, заклятого и злостного врага Джан-Тимура, обучив [его] приносящим результаты предварительным действиям по указанному вопросу и объяснив [ему] несущие отрады искусства, а когда указанные эмиры и знать собрались во дворце знающего толк в тонкостях хана, пожилой ага обратился к присутствовавшим на том собрании мужам: «Хотя сейчас уместнее и целесообразнее исправить пером сострадания вражду и раздор, проявившиеся между мирзами Ширинов из-за их неуместных действий и неблагоприятных обстоятельств, которые

[1483] Аратук – река на территории современного Симферопольского района Крыма, левый приток Салгира.
[1484] Салгир – река в центральной части Крыма. Впадает в озеро Сиваш.

возникли в прошлом году, и примирить их, прекратив враждебность с помощью рубящего меча слов «*что было, то прошло*» (мада ма мада), было установлено, что они выехали в Бахчисрай, чтобы потревожить рабов Аллаха в стремлении осуществить свои порочные прихоти и оживить их застойный базар, однако в настоящее время вам необходимо, чтобы принадлежащие к [ханской] гвардии не стали направлять поток свих сердец к чему-либо, помимо великого райского древа подчинения обладателям власти, добившись милости благоволения [со стороны] крымского хана», и с этими словами он показал искусство плавания в море выслеживания, разыскивая жемчужины искренности и покорности, находившиеся в пруду их душ, тогда как большинство указанных [людей] испило отравленной воды угнетения и несправедливости, вследствие чего они все вместе приложили руки к Книге [Аллаха] и выпили вина договора и соглашения о том, чтобы капли их душ не сочились в другую сторону. Сторонник и товарищ Джан-Тимура Кемаль-ага, который был их предводителем и командиром в этой беспорядочной и лишенной изящества игре, Эр-мирза и сын Порсука ‘Али-аги Осман, брат Кемаль[-аги] Осман, их помощники и приверженцы, а также все относившиеся к числу дворовых людей пришли на собрание [для] пресловутого договора. Достопочтенный хан был недалек от задумки взять врасплох указанных [людей] и бросить их в яму небытия, и когда он попросил разъяснения у охваченного беспечностью Кемаля (от араб. камал – «совершенство» – примеч. пер.), который был недостоин своего имени, о том, каким образом [можно] перекрыть и преградить пути и дороги этим заблудшим людям, если они сбегут во время их задержания, [тот ответил:] «Джан-Тимур-мирза прилагает усилия и принимает [меры] предосторожности, чтобы крепко связать и перекрыть расположенные по соседству с ним Казандиб[1485] и Рибат, а назначенные Вашим Высочеством [люди] – Ор, Таман, Кафу, Гёзлев и прочие проходы», и десницей старания и воли перегородил и перекрыл им местоположение и проход [там, где] они собирались высвободить ворот своей жизни. После того, как шеи эмиров попали в цепи потомства и завета, как было запечатлено на нити написания и изложения, Кемалю и прочим были припомнены прежние прегрешения, так что они были уничтожены и напуганы тревогой и беспокойством, [ибо] «*предатель труслив*» (ал-ха’ину ха’иф), пока не открыли рты для того, чтобы залаять о взаимопомощи и поддержке, напрягли свои пасти и стали издавать барабанный бой лая, чтобы войти

[1485] Казантип – мыс на берегу Азовского моря в северо-восточной части Крыма.

в общество Джан-Тимура, а указанные [люди] вторили [им] в единодушии и согласии, и нанесли зуботычину возражения по рту разума и рассудка слабоумного ʻАбд ас-Самада, которого они считали наперсником тайн сведущего в тонкостях хана, полагая его дураком и глупцом. Короче говоря, Кадир-шах и Джан-Тимур вместе со своими вооруженными и безупречными приверженцами и сторонниками предстали в [месяц] зу-лка‘да тысяча сто тридцать восьмого года (июль 1726 г. – примеч. пер.) по обе стороны от города Бахчисарай и перед резиденцией крымского султана. В свою очередь, хан обдумывал разного рода мысли о том, чтобы десницей решимости и твердости вставить рисунок исполнения приговора о наказании, изображенный в квадрате его души, в свою изящную и подходящую рамку, в конце концов, в соответствии со смыслом бейта:

دلا تا میتوانی دشمن خود را پریشان کن

که چون خشخاش جمعیت کند تریاق میگردد

«О сердце! Пока можешь, разгоняй своих врагов,

Ибо, когда маковая солома собирается, она становится опием»,

он отобрал из воинства племени Ширин и прочих [племен] по три-четыре храбреца и смельчака в полном вооружении, и когда из домов, в которых они сидели, они прибыли к дверям султанской канцелярии (диван-хане), поставил и разместил [их], а в другом месте укрыл мушкетеров и лучников в количестве двадцати человек из числа своих надежных и доверенных слуг, так что их бесполезное бытие было стерто и уничтожено со страницы мира по велению падишаха, коему подвластен мир, и в соответствии с прекращающей спор [и] обязательной для следования фетвой, пригласил в указанное место сторонников мятежа и интриг и для того, чтобы без промедления привести в исполнение приговор о наказании, принял решение оставаться глухим к вновь сочиненной монотонной мелодии, которую они собирались сыграть на месте наказания по нотам мудрых распоряжений и с припевами изящных решений. Джан-Тимур и остальные были обеспокоены из-за отчаянных выходок некоторых легкомысленных [людей], посвященных в [эти] тайны, и донесений лазутчиков об известных им новостях, и пустились стремглав в долину бегства, дабы спасти свою жизнь от острого клинка Чингизовой Ясы. В это время, когда Кадир-шах-мирза со своими помощниками и сторонниками вознамерились преследовать беглецов и сразиться с ними, крымский хан не дал согласия на битву из-за вероятности, что упомянутых [беглецов] можно будет схватить, когда они будут переходить Ор или Азак, и из-за предположения, что во время боев в долине Бахчисарая, которая была тесным местом, вместе со сторонниками мерзких дея-

ний будет ранено и убито какое-то количество ни в чем неповинных [жителей], питая несбыточное желание отговорить и отвратить их от бегства, а затем казнить и истребить, и когда он отправил [к ним] Мардана Хаджи ‘Али и Салих-мирзу и пригласил [их к себе] под предлогом судопроизводства [по] шариату, они вышли на обширное пространство вместе с делегацией их сообщества, поставившей заслон отказа на пути принятия ими [приглашения], после чего те заявили о том, что поднимутся на гору войны и сражения. Когда [один] из эмиров племени Мансур Мехмед-Гирай-мирза бросил огонь раздражения и подстрекательства в порох смертельной битвы, Джан-Тимур, будучи познавшим [горечь] дождя волком, дальновидным и повидавшим мир, избежал собрания для беседы боёв из опасений, что во время битвы мечом несправедливости будет погублено много людей. В ту ночь большая часть его нукеров и соратников из опасения ночного налета, который не даст покоя поутру, решила пожертвовать жизнью и головами под покровом страшного ночного мрака, воспротивившись бегству в долину побега, и из-за появившегося в его рядах недостатка и малочисленности Джан-Тимур с близкими и родными, несколько мирз из племени Мансур, Кеамаль и сын Порсука ‘Али Осман, а также еще пять-десять подобных им глупцов, которым помогали сто [или] двести разбойников, пограбили и захватили повстречавшийся им п пути скот рабов Божьих, и его военачальники и офицеры, когда они шли через Казандиб, принадлежавший Джан-Тимуру, для того, чтобы вступить под сень покровительства Бахт-Гирая, поскольку пройти к тому месту, куда они направлялись, по причине предупреждений и распоряжений хана мешало сборище казаков, живших в одном из московитских острогов, которые были расположены на их пути, благодаря вынужденной помощи янычаров крепости Азак они смогли пройти прямо перед указанной крепостью. После того, как указанные [лица] пустились стремглав в долину бегства, не подчинившись государеву повелению и призыву ясного шариата, когда к почтенным факихам и великим улемам обратились за фетвой о том, чтобы преследовать их, сразиться с ними и предать их наказанию, муфтий Кафы Абу-с-Су‘уд-эфенди и большая часть улемов вынесли фетвы об их убийстве и казни, но кончики пальцев подписания муфтия Бахчисарая Абу-л-Джемиля-эфенди, бывшего благородным старцем старше восьмидесяти, обладавшего благочестием и богобоязненностью, тряслись из-за колебания и промедления, однако благодаря надежному лекарству согласия и счастливому снадобью единогласного мнения его недуг [в виде] дрожи искушения прошел, так что после подписания копии фетвы на основе досто-

верного вопроса об обязательности устранения бытия упорствующего в нечестии, который является самым достоверным и обоснованным мнением ханафитских имамов, для поимки и задержания указанных [лиц] было назначено какое-то количество воинов, а когда пресловутый хан вместе со всеми вельможами страны приблизился к Феррах-Керману, стало известно, что никчемные притеснители, оказавшиеся в степи бегства, вошли в пределы черкесских [краёв], и когда в [месяц] зу-л-хиджа указанного года (август 1726 г. – примеч. пер.) перед крепостью Феррах-Керман был поставлен шатёр отдохновения и устроено пиршество совещания, ханом были в настоятельной манере написаны ярлыки и письма, в которых говорилось: «Если те, кто ранее был вместе с полным гордыни Джан-Тимуром и готовым вот-вот умереть Кемалем, блуждавшими по степи мятежа и интриг и вызвавшими восстание в областях [страны], отстранятся от них и в течение пятидесяти-шестидесяти дней вернутся к себе на родину, они удостоятся прощения и благосклонности, а если в указанный срок они явным или тайным образом не прибудут в область Крым, то их возвращение и просьба [о помиловании] не будет принята, и вне всякого сомнения, они понесут заслуженное наказание и кару», а когда, в силу того, что имевшиеся при хане улемы и эмиры обратились с просьбой вызвать в указанное место кадиаскера ‘Абд ас-Самада и после судебных разбирательств определить наказание, были выделены и отправлены гонцы, завеса беспечности из-за невзгод стала пеленой на их зрении и проницательности, и когда он на колеснице бесстрашия прибыл на собрание, то упомянул трактат Абу-с-Су‘уда-эфенди, названный им «Джам‘ ва тадвин фи тахкик ал-имам» для того, чтобы разорвать ворот жизни ухватившихся за подол мятежа и восстания в эпоху [правления] Девлет-Гирай-хана, направив поводья своей речи в сторону ‘Абд ас-Самада, и тогда понял, какая беда постигла [этого] несчастного, без всякой пользы вознеся его опасения и страхи до [самой] макушки [купола] небосвода. Собрание было большим, противник – сильным, а свидетели представлены по порядку, а он никоим образом не сумел ответить, так что его осудили за мятеж и восстание, а также – упаси Всевышний Аллах! – за неверие и беззаконие, заставили обновить [свидетельство] веры, а затем в кандалах [увезли] на пристань Гёзлева, а оттуда – в Стамбул, повесив занавесь ссылки и удаления на его перевернутую колесницу. После этого должность эмира племени Ширин, оставшаяся вакантной после Джан-Тимура, с общего согласия [была передана] Кадир-шах-мирзе, занятая им [ранее] должность калги [племени] Ширин – Муртаза-мирзе, приносившая малый доход [и] оставшаяся вакантной должность

нураддина указанного племени, благодаря которой Джан-Тимур снискал славу и смелость – Сафар-Гази-мирзе, взятое во временное пользование почетное одеяние ханского аги с рваным подолом, готовым вот-вот оторваться, было надето на Мардан-‘Али-агу, а предводителя и предстоятеля области Крым [на молитвах] Абу-с-Су‘уда-эфенди посадили на молитвенный коврик ясного шариата. Привыкшие к сатанинским деяниям путники и сторонники Джан-Тимура и Кемаля, их родственники и приближенные были изгнаны побиванием камнями отвержения с небес привязанности и дружбы, а шеи их жизни были придушены руками согласия в том месте, где они находились, после чего жители Крыма привязали веревку нового порядка, едва произведенную для подчинения наместникам и правителям в мастерской их единства, к отверстию в кольце тройного развода, с наступлением этого времени правдивым образом написав в Счастливую Порту о событиях, показавшихся на пиршестве возникновения, и отправив в Счастливую Порту Абу-с-Су‘уда-эфенди с просьбой, чтобы уезды Кафы, Тамани, Судака и Мангупа, которые ранее находились в распоряжении указанного [лица], получили [ту же] степень, что и Лучезарная Медина. Несчастные по имени Бахадир-шах, [один] из сыновей Джан-Тимура, и Силахдар Мустафа из рода Ногай-аги, вкусили пулю из ружья наказания, путь к бегству и спасению Порсука ‘Али и Султан-шах-мирзы, коим было поручено отправиться в поход на Иран вместе с нураддином Сафа-Гираем, был перерезан и разрушен десницей начинания командующего [походом в] Иран Кёпрюлю-заде ‘Абдаллах-паши[1486], отчего они упали в адскую долину погибели и небытия, и их отрубленные головы были брошены под ноги [людям] у ворот августейшего [государя], а калга Сафа-Гирай был возвращен из Иран и сослан на остров Сакыз (Хиос – примеч. пер.), и на оставшийся после него вакантным пост был назначен один из братьев крымского хана ‘Адил-Гирай. Кроме того, он велел доставить на площадь наказания тех из эмиров племен области Крым, которых требовалось предать наказанию, сперва начертав карандашом [распоряжение] об устранении и казни указанных [лиц] на странице кары и уничтожения, и после зачитывания его рокового приказа, заглавием к которому был августейший рескрипт покорившего мир падишаха, дети и мужчины этого племени согласились между собой и договорились, сойдясь на том, чтобы совместными [усилиями]

[1486] Кёпрюлю Абдулла-паша (ум. 1735) – османский военный и государственный деятель албанского происхождения, один из командующих османской армии в двух войнах с Персией (1722–1727, 1730–1735).

повесить на шею их жизни веревку убийства и погибели. Когда было [решено] ограничиться тем, чтобы, как было разъяснено, воздать по заслугам пятерым [или] десятерым, предав их наказанию, исполнить решение хана путем изъятия имущества и вещей Кемаля-аги, а ‘Абд ас-Самада-эфенди заковать в цепи изгнания и ссылки, заключив в крепости Султанийе, и его поспешность в [обращении с] просьбой языком несогласия и ртом устремления [в ответ] на пригожий сердцу совет:

Бейт:

دو چیز طیرۀ عقلست دم فرو بستن

بوقت گفتن و گفتن بوقت خاموشی

«Две вещи являются [признаками] ослаблениями разума – молчание В то время, [когда нужно] говорить, и разговор в то время, [когда нужно] молчать»[1487],

сперва привела [его] к ссылке на Бозджаату[1488], а повторное выражение огорчения на его лице во второй раз привело его к падению в яму наказания, вызвав в нем тоску и печаль. Да простит ему Аллах его дурные поступки (таджаваза-Ллаху ‘ан саййи’атихи). Листок с прошением Абу-с-Су‘уда, коему было велено отправить петицию, был украшен благосклонным принятием, лошадь его чаяний отрастила гриву благодаря степени и поправилась от «надела на овёс» (арпалык), а ценность крымского хана в [глазах] падишаха мира стала более почтенной и высокой, так что появились «псарные деньги» (секбан акчеси), с давних пор хранившиеся в сокровищнице удержания и сокрытия, к коим сборище татар [давно] приковало взоры с тоской и сильным желанием, что вызвало большое ликование. В последующем пришло письмо от августейшего [государя] с требованием к татарскому войску [отправиться] в Иран, после чего, в соответствии с повелением, он в достаточном количестве снарядил воинство и отправил [его] туда, куда было велено. ‘Адил-Гирай, которого он спас десницей милосердия и благоволения из ямы банкротства и нужды и назначил вывалянным в масле хлебом великодушного благодеяния на должность калги, когда он пил отравленную воду чужбины и тоски из-за незначительных доходов в его ранее скудном сокровище – «*от которых не поправляются и которые не утоляют [голода]*»[1489] – с полным удовлетворением и спокойствием отправился в путешествие на его счастливую аудиенцию, отборнейший калач (симит)

[1487] Строки из «Гулистана» Саади.

[1488] Бозджаада – небольшой остров в северной части Эгейского моря, при выходе из пролива Дарданеллы, на территории современной Турции.

[1489] Коран, 88:7.

оставшегося после него [имущества] в [месяц] раджаб тысяча сто сорокового года (февраль-март 1728 г. – примеч. пер.) был положен перед нураддином Селамет-Гираем, а пост калги и кусок хлеба его жизни, попавший в рот его распоряжения, достался сыну Са‘адет-Гирая, Салих-Гираю. Когда пресловутый ‘Адил-Гирай, одернув подол от упомянутого поста, вернулся в Румелию, признательный хан соблюл право братских уз, однако, когда он, во-первых, выслал ему в полной мере дорожные расходы, а во-вторых, обеспечил жильем и подготовил остальные принадлежности для [его] жизни и отдыха, вероломный и ошибившийся во мнении ‘Адил-Гирай сошел и свернул с пути справедливости и правдивости, в соответствии со смыслом четверостишия (кит‘а):

Ali sakın yañılup dime sabit olmuşdur
Fulanıyla aramızda hezar hakk-ı hukuk
İki müşabihi var kimya vü ankanuñ
Birisi yar-ı muvafık biri sadik-i saduk

«‘Али, будь осторожен, ошибочно не считай, что непоколебимы
Между нами и таким-то [человеком] тысячи прав и обязанностей.
Две похожих [вещи] есть у эликсира (кимйа) и [птицы] ‘Анка:
Одна – друг-единомышленник, а другая – искренний товарищ»,

сброд [из числа] буджакских мурз вместе с другими подонками и нахалами совместно подняли мятеж и пожелали бросить пресловутого хана в степь низложения и отвращения, протянув руки ущерба к селеньям Кили и Ак-Керман, которые были присоединены к охраняемым владениям благодетеля и окрестностями областей великодушного падишаха, так что печальная весть об этом достигла степени достоверности, и [бывший] Платоном [своего] времени хан не выразил тревоги и беспокойства, доподлинно доложив августейшему государю, правившему миром, о причине волнения и ссоры и пригожей сердцу мере устранения великой беды. Неблагоприятное положение пресловутого султана заставило взволноваться море отваги отмеченного усердием падишаха, отчего провинциальное войско румелийского наместника (вали) Мухсинзаде ‘Абдаллах-паши[1490], а также армия, находившаяся на берегах Дуная и в краях Бабадага, присоединились к указанному хану, после чего он сделал своего прославленного в своей смелости отпрыска Токтамыш-Гирая и коменданта Озю, мирмирана ‘Али-пашу, передовым отрядом войска, а

[1490] Мухсинзаде Абдуллах-паша (ум. 1749) – османский государственный и военный деятель, занимавший в 1737 г. пост великого визиря Османской империи. В 1727–1737 гг. был бейлербеем Румелии.

сам с бесчисленными полчищами направился в сторону желанной цели, молва о чем дошла до ушей блуждавших по степи непокорности и мятежа, и тогда ноги их усердия поколебались, сухожилия их единства расслабились, а тесемки их сплоченности развязались, так что легкомысленный султан пожалел о своем неподобающем поступке и на хромом разнузданном осле извинения направился в долину просьбы о прощении, после чего знавший правду хан попросил Высокую Порту наполнить до краев кошелек его просьб звонкой монетой прощения и благосклонности, а также дирхемами назначений и ежегодных выплат, так что ключ его прошения открыл дверь желанного, благодаря чему он на челне сожаления и покаяния перешел через реку Дунай и прошел в область Румелию. Когда же указанный хан потянул в области Ак-Керман за поводья коня в расшитых золотом тканях выносливости, все сторонники пресловутого султана приложили головы к подолу подчинения [ему], так что выпустил справедливый августейший рескрипт о том, чтобы собрать и добыть имущество бедняков и рабов Божьих, которое было ранее погублено руками присвоения и грабежей, так что он не только полностью выплатил цену потерянного имущества, передав его владельцам, но и затем, дабы не выходить за пределы круга покорности, перерубил шеи мятежа и интриг острым мечом увещеваний и обещаний и за короткое время потушил чистой водой пригожей сердцу распорядительности, текшей из родника здравой натуры, огонь смуты и обиды, который разметал искры над областями Крыма и Буджака, а когда с давних пор показывавший лицо необоснованного упрямства и несогласия Бахт-Гирай-султан, не сумевший войти в круг руководства и управления, не явил лик рабского подчинения, то выказывая покорность крымским ханам, то сопровождая сквернонравных калмыков, то протягивая руки ущерба к имуществу мусульман, не ведая об условиях религии Ахмада (т.е. Пророка Мухаммада – примеч. пер.) и заповедях шариата Мухаммада – да благословит Аллах его и приветствует! – удовлетворился лишь утверждением [о своей приверженности] исламу, притянул и смягчил магнитом обоснованного мнения людей блуждавших по степи грубости и мятежа Касая и Касполад-оглу с их железными сердцами, поселив какую-то часть указанного сброда в степи Озю, а другую часть – в окрестностях Бендер, строил училища (му‘аллим-хане) и мечети, назначал и ставил кадиев и судей для осуществления заповедей ясного шариата, и эти достойные благодарности услуги были приняты падишахом того времени, так что он был приглашен для оказания ему почтения и уважения в Счастливую Порту, а в конце благородного [месяца] рамадан тысяча сто

сорокового года (начало мая 1728 г. – примеч. пер.) он сподобился [аудиенции] государя, заставив садразама и других великих визирей остановиться в счастливом дворце с помощью разостланных под их ногами паласов приема, и после того, как [падишах] радостно украсил плечи способностей пресловутого хана и сопровождавшего его сына Са‘адет-Гирая, Халим-Гирая[1491], и своего сына Токтамыш-Гирая соболиными мехами, а их слуг и приближенных беличьими и горностаевыми [мехами] в зависимости от их степеней, указанный хан гостевал в доме Дефтердара Мустафы-эфенди, расположенном рядом с Кумкапысы[1492], а каждый из его государственных мужей – в гостевом доме его благодеяния. Когда пришла весть о том, что изогнутый как лук стан Бахт-Гирай-султана, с давних пор срывавшего и снимавшего с крымских ханов руками смуты и интриг платье умиротворения и спокойствия, был облачен в красный саван и обагрен [кровью] мечом жестокости черкесов, новая на вид ткань казни недоброжелателей, едва сшитая в мастерской [Божественного] приговора и предопределения, была принята падишахом, так что он возобновил свое почтение и внимание с помощью роскошного одеяния из запасов царственного благоволения. Поскольку у знавшего толк в тонкостях хана не было равных в мастерстве назначений, ему удалось предпринять действия, соответствовавшие Асифовым вкусам. Поэтому [один] из татарских сказочников по имени Хурус-мирза, обладавший грузным телом и легкой душой, будучи шутником и собирая зерна на току ханского благоволения, полетел вместе с ним на крыльях сопровождения. Указанный Хурус вместе с Дильсиз Хасаном и другими немыми [и] безъязыкими и смешными чавушами привели в движение струны барбата издевательства и пародии, подняв настроение чудаковатому визирю, так что, когда он с помощью невиданных роскошных одеяний сделал привыкшего к дружбе Хуруса предметом зависти для павлина, он сочинил и поместил в касыду, сочиненную ради восхваления садразама одним из остроумных стихотворцев, блестящую кит‘а:

Кит‘а:

O düstur-ı muaazzam yani İbrahim Paşa kim
Dokunmuş galiba dest-i atasına yed-i beyza
Eger mess eyleseydi dest-i cud-ı himmeti bir kez
Hurus tavus-ı cennet zağ olurdı tuti-yi guya

[1491] Халим-Гирай (ум. 1759) – крымский хан, правивший в 1756–1758 гг. Занимал пост нураддина в 1727–1730 гг.

[1492] Кумкапы – квартал в историческом центре Стамбула, расположенный вдоль северного берега Мраморного моря.

«Тот величественный вельможа есть Ибрахим-паша,

Чьей десницы подаяния коснулась, наверняка, белая рука (йад-и байза)[1493].

Если бы коснулась его рука щедрости [и] великодушия хоть раз,

Стал бы петух (хурус) – райским павлином, а ворона – попугаем говорящим»,

так что вручаемая всем поэтам золотая вода вознаграждения досталась также и сочинителю [этой] касыды. Ранее упомянутый муфтий Кафы Абу-с-Су'уд-эфенди, взяв пример с анекдота и шутки, которую произнес и прославил в написанной им начерно и набело антологии хамелеонового цвета, казавшейся хвалебной, но бранной по своей сути, покойный Карачелеби-заде 'Азиз-эфенди[1494], сказавший: «Абу-л-Бака'-эфенди из Кафы[1495] поднялся по ступенькам небылиц на несуществующие посты», [тоже] вознесся благодаря учению [сил] представления и воображения на высокие ступени, ранее получив пост [кадия] Лучезарной Медины. На сей черед он благодаря визиреву взору бесподобного Асифа, бывшего красной серой достижения желаемого, он перемешал эликсир усердия и просьбы, благодаря чему он удолговечил и упрочил степень [кадия] обители счастья Эдирне и уездов (каза), коими он распоряжался в качестве «надела на овёс» (арпалык), преисполнив тигель своей души золотом желанной цели, благодаря чему озолотил его дело. К тому же, он заставил упасть в яму осквернения бывшего векилем крымского хана и дожившего до семидесяти лет Хаджи 'Али-агу, заставив его сиять, подобно горящей до утра лампаде, благодаря должности мир-мирана и облачив его в роскошные одеяния, равноценные савану, вымоченному в воде Замзама, так что благодаря посту губернатора (вали) Кафы и коменданта Новой Крепости (Еникале – примеч. пер.) одежда его славы была обновлена, после чего приготовление наряда великолепия привело белобородого агу в смятение. С тех самых пор, как указанный хан попал в сокровищницу [своего] первого правления, драгоценный камень его меча и пера, бывший рудником алмазов наказания и кладезем

[1493] Одно из чудес пророка Мусы, описанное в Коране: «Прижми свою руку к боку, и она выйдет белой, без следов болезни. Вот тебе еще одно знамение!» (Коран, 20:22).

[1494] Карачелебизаде Абдулазиз-эфенди (ум. 1658) – османский мусульманский ученый, историк, правовед и кадий, занимавший должности кадиаскера и шейх уль-ислама (1651).

[1495] Абу-л-Бака ал-Кафави (ум. 1684) – османский мусульманский ученый-богослов крымского происхождения, автор труда «Куллийат».

яхонтов правосудия, был одобрен миром и десницей доверия великодушного падишаха, в соответствии с содержанием мисра‘:

قدر زر زرگر شناسد قدر گوهر گوهری

«Ценность золота знает золотых дел мастер, а ценность жемчуга – ювелир»,

так что дарованный им великодостоинственный фирман о том, чтобы руководствоваться жемчужинами нового порядка (низам-и джадид), нанизанными им на нить области Крым, [как сказано в Коране:] «*Если же кто-либо изменит [завещание] после того, как он выслушал его*»[1496], а [если читать] до конца айата («*вина ложится только на тех, кто его изменил*» – примеч. пер.), был превращен августейшей дланью великодушного стихосложения в привеску чёток почтения, а в конце [месяца] зу-л-ка‘да указанного года (начало июля 1728 г. – примеч. пер.) страница его чаяний была украшена золотой вязью возвращения на родину. Он на колеснице важничанья и [горделивого] покачивания бросил тень на область своего правления, так что область Крым, очищенная десницей благоволения справедливого падишаха и рукой усердия и рвения покровительствовавшего правосудию хана, в соответствии с кит‘а:

جناب حضرت شاه جهان که در عدلش
زبیم شمع بفانوس میگیرزد باد
رواج شرع بعهدش چنان که در رمضان
چمن گر آب خورد سرو را کند ازاد

«Достопочтенный царь мира, из-за справедливости которого
Ветер от страха перед свечой сбегает в лампаду.

В эпоху его [правления] шариат [получил] такое распространение, что в [месяц] рамадан,

Если луг насыщался водой, то освобождал кипарис (ср. сарв-и азад – «свободный кипарис», т.е. высокий кипарис – примеч. пер.»,

спаслась от шторма несправедливости и нечестия, а великое древо сердец рабов [Божьих] было облагорожено и облагодетельствовано разноцветными цветами благополучия и безопасности, тогда как особый пегий арабский скакун был непривычен к указанной стране, вследствие чего на свои собственные доходы он создал в пяти-шести местах постоялые дворы с достаточным количеством лошадей для того, чтобы снять со спин рабов [Божьих] тяжкий груз жестокости и суровости, [от которого] верховые животные бедняков губились и уничтожались под ярмом бесчестных простолюдинов. Освободив [от податей] поголовье скота, запи-

[1496] Коран, 2:187.

санное в качестве дохода [на нужды] кухни крымских ханов, он накрыл стол благоволения для стада бедного простого люда, назначил ежемесячное пособие и жалованье сообществу улемов и нуждающимся из их [числа] из доходов монетных дворов, добывал припасы для загробной [жизни], построил мечеть в одном из городков Крыма, в местечке под названием Карасу, соборную [мечеть] с двумя минаретами с балкончиками, напоминавшими стан очаровательной [девы], подобных которым нельзя было найти во [всей] области Крым, и [суфийскую] обитель (ханака), возвел каменное медресе на крепком фундаменте в местечке под названием Татарбекары (Татарбунары – примеч. пер.), [одной] из деревень Ак-Кермана, а также открыл едва раскрывшийся бутон из обители свежести под названием Гюльшени-хане[1497] в [одном] из пригородов Константинополя Топхане[1498]. Короче говоря, он срубил топором усердия и старания в лесу области Крым скверное древо смуты и интриг и избавился [от него], сделав благодаря молодому саженцу справедливости и безопасности эту землю подобием высших [уровней] рая, [но] не успел собрать плоды отдохновения и покоя, как начал разрушать его резким ветром гнева и печали,

Бейт:

Tarumar eyler heman evrak-ı ayşı rüzgar
Bir ser-amed gonçeyi bir lahza handan görmesün
«Вмиг развеивает рок листья жизни,
Дабы не улыбнулся на мгновенье ни один отборный бутон»[1499],

так что ураганный ветер тираничных потомков Суфйана, который подул примерно в тысяча сто сорок третьем году (1730–1731 гг. – примеч. пер.), дошел даже до райского Бахчисарая, а на пятнадцатый день после доставки постановления, пришедшего во время августейшей аудиенции, и [осуществления необходимых] церемоний – в [месяц] раби‘ ал-ахир тысяча сто сорок третьего года (октябрь-ноябрь 1730 г. – примеч. пер.) – Каплан-Гирай-хан в третий раз стал повелителем области Крым, так что звук ужасного ветра низложения и неудачи развеял листья его (Менгли-Гирая II – примеч. пер.) жизни и удачи, после чего, дабы незамедлительно и спокойно выбраться из Крыма, он взнуздал ветроногого коня отправления [в путь] уздою поспешания. Когда тоска от притесне-

[1497] Так называли суфийские обители ордена Гулшанийа (тур. Гюльшени) в Османской империи. Орден был основан в XVI в. шейхом Ибрахимом Гюльшени (ум. 1534).
[1498] Прибрежная часть стамбульского района Бейоглу.
[1499] Строки принадлежат османскому поэту и шейх уль-исламу Зекериязаде Яхье-эфенди (ум. 1644).

ний и ущерба от одного из братьев нового султана ‘Адил-Гирай-султана, восседавшего на почетном месте у кострища интриг и смуты, разгоревшегося ранее в области Аккерман, все еще занимала место в сердцах людей, [султан] скрыл и утаил самое презренное из его мерзких деяний под пеплом сокрытия и сохранения в тайне, назначив его калгой, а одного из сыновей другого своего брата Девлет-Гирай-хана, легкомысленного и нечестивого [человека] по имени Хаджи-Гирай[1500] – нураддином, открыл ключом опьянения от настоявшегося вина кадиаскерской должности двери дома утомленного сердца Фетхуллаха-эфенди, [одного] из родственников ‘Абд ас-Самада-эфенди, который был до этого ранен мечом наказания, а также облагодетельствовал постом векиля ранее упомянутого Кемаля-агу, отправившегося в долину бегства ради высвобождения ворота своей жизни. Когда прежний хан, ударив плетью поспешания по быстроногому коню ускорения, дабы выйти за пределы области ханского правления, на которых действовали положения ильханского ярлыка, и обезопасить себя от последующего ущерба, прибавил часы долгих ночей к короткому дневному времени и добрался до местечка под названием Кылбурун, ‘Абдаллах-бек, один из заимов[1501] личной гвардии (зу‘ама-и мутафаррика) [султана], который вёз с собой роковой фирман, выпущенный для того, чтобы выселить [его] из Крыма и подвергнуть его ссылке путем поселения в краях Румелии, довел до него султанское повеление, после чего, когда он перешел реку Озю и прошел в пределы Буджака, заслуживавшие казни [преступники], сбежавшие из-под меча наказания и от висельной петли порицания, преследовали его до самого городка Исма‘ил (Измаил – примеч. пер.) с порочной мыслью погубить и уничтожить его племянника Халим-Гирай-султана, назначенного им в [годы] пребывания на престоле правления сераскиром Буджака, дабы огорчить и разгневать пресловутого хана, а также имели наглость доставить самому пресловутому хану неприятности и [сделать] множество непозволительных вещей, и когда молва об этом дошла до его проницательного слуха, немелодичный голос воронов и коршунов не смог оказать воздействие на его уши и рассудок, а когда он на колеснице великолепия и степенности добрался до Исма‘ила, оттуда доехал до области Добруджа и приблизился к обители счастья Эдирне, то побудил народ, состоявший из привыкших подлостям [мерзавцев] из буджакских

[1500] Хаджи-Гирай (ум. 1733) – крымский царевич, сын крымского хана Девлет-Гирая II. Занимал пост нураддина в 1730–1731 гг.

[1501] Заим – солдат султанских кавалерийских частей, получавший за военную службу земельный надел (зеамет).

разбойников, которые подняли сшитое из несчастья знамя мятежа и водрузили служивший прибежищем для проклятых деяний флаг разорения, отобрать и разграбить без всякого повода и причины полученное от бедняков и подданных [султана] имущество, отправил несколько хищных псов из степи притворства и поручил им начать судебную тяжбу у кадия Эдирне по высочайшему повелению, после чего Менгли-Гирай-хан – «*истина [всегда] возвышается, и [ничто] не возвысится над ней*» (ал-хакк йа‘лу ва ла йа‘ли ‘алайхи) – скрестив ноги, восседал на Рафрафе[1502] твердости, [сидя] в колеснице своей непоколебимости, без всякого беспокойство и смятения, приближаясь к Эдирне, и когда молва об этом дошла до ушей злонамеренных глупцов, хотя большинство указанных [разбойников] были заслуживавшими казни [преступниками], схватившимися за подол бегства из страха, что подол их жизни будет отрезан ножницами кары и разрушения, никчемные мухи не сумели сохранить спокойствие и стойкость перед лицом распространявшейся со скоростью ветра молвы, их ряды рассеялись и рассыпались, и когда пресловутый хан прибыл в Эдирне, незадачливый паша отправил особого человека, чтобы сообщить о том, как разбежались лживые истцы, а также попросить прощения для того, чтобы поселиться и спокойно [жить] на острове Сакыз или Родос. Когда по прибытии письма, в соответствии с побуждением, волей и одобрением его брата, он велел издать и записать строгий и настоятельный фирман о том, чтобы сослать его на остров Родос и направить в Счастливую Порту некоего законного представителя (вакил- и шар‘и) для того, чтобы вести тяжбу с ранее упомянутыми истцами, доставив на указанный остров с намерением захватить [его имущество] и нанести ущерб, и из написанного им осмысленного распоряжения о том, чтобы отправить их притязания или вызвать их лично, чтобы вести тяжбу в государевом суде, поскольку было невозможно ответить на их вопросы о том, в чем состояла их тяжба, и сколько было истцов, через представителя, [сведения] дошли до ушей садразама Ибрахима-паши, [он] был впечатлен и обрадован, а когда он велел пригласить к нему бесчестных истцов и зачитать [это] прямо перед их черными бесстыжими лицами, то они своими заплетающимися языками признались во лжи и навете, вступив в долину бесчестия и лишения. Когда Каплан-Гирай-хан в эпоху [правления] Девлет-Гирая бежал в Кафу, [он] узнал о том, что

[1502] Рафраф – в исламских преданиях имя вьючного животного или средства передвижения другого рода (иногда в виде зеленого райского ковра), на котором пророк Мухаммад совершил вознесение на небеса (ми‘радж).

тот издал фирман об изгнании и ссылке Абу-с-Су‘уда-эфенди, который ранее [отличался] чрезвычайной преданностью и служением, скрылся и бежал, а своего атабека и старого слугу Хаджи ‘Али-агу сослал в Родосчук[1503], обвинив в том, что он служит Менгли-Гирай-хану. Спустя какое-то время он поднял его штандарт и знамя, поставив на пост векиля, однако, когда вспыхнувший огонь ненависти и вражды к Абу-с-Су‘уду-эфенди разгорелся и поднялся ввысь, и он написал в Счастливую Порту ошибочную записку о том, чтобы изгнать его со стези священнослужителя и бросить в яму горя эмирства, после чего мечом притеснения и ненависти уподобить [его стихотворную форму] нескладному и бессмысленному бейту ‘Абд ас-Самада, и, в силу полной осведомленности визиря с Юпитеровой распорядительностью, достопочтенного ‘Али-паши, о выдающихся способностей пресловутого священнослужителя, он счел недостойным устранить его, и его просьба помиловать его и не казнить при условии, что он не будет выходить из дома, была принята указанным ханом, он был заточен в доме бедствия и в [месяц] рамадан тысяча сто сорок седьмого [года] (январь-февраль 1735 г. – примеч. пер.), в соответствии со смыслом бейта:

Fena-yı alemi eyler cemaate tefhim
Cenaze va’za çıkup kürsi-yi musallaya
«Бренность мира объясняет собранию [верующих]
Тело покойника, выйдя для проповеди на кафедру мечети»[1504],

дабы обучить полезным свойства [суры] «Фатиха» [в] Коране почившие души обладателей веры, ожидавших событий в бренном мире, объяснить [им] избранные [айаты] Слова Господнего и объявить им о бренности пиршества мироздания, в чем и заключается смысл [айата] «*Все на ней (земле) смертны*»[1505], он подчинился обязательному для повиновения повелению «*Вернись!*» (ирджи‘и), исходившему из дивана Воскрешающего и Умерщвляющего, о том, чтобы спуститься с трона жизни и подняться на минбар погребальных носилок (табут). Когда нураддин Фетих-Гирай[1506], который в ту пору был назначен сераскиром татарского войска, которому было велено [отправиться] из Крыма в Иран, проходил, по решению и воле пресловутого [хана] через Баб ал-

[1503] Родосчук (совр. Текирдаг) – город в европейской части Турции.
[1504] Строки принадлежат османскому поэту Юсуфу Наби.
[1505] Коран, 55:26.
[1506] Фетих-Гирай II (ум. 1746) – крымский хан, правивший в 1736–1737 гг., сын крымского хана Девлет-Гирая II. Занимал пост нураддина в 1731–1734 гг. и пост калги в 1734–1736 гг.

Абваб (Дербент – примеч. пер.), называемый ими Железными Вратами (Тимур-Капы), и они вступили в бои с решившими воспрепятствовать им московитами, благодаря помощи и поддержке одного из эмиров Тагыстана (Дагестан – примеч. пер.) Айтимура[1507], бека чеченского племени, [придерживавшегося] шафи'итского[1508] мазхаба, разорвав саблями и ружьями девственную плеву жизни семисот с лишним проклятых [неверных], войдя через указанные врата в Иран и получив доступ к тем направлениям, которые были их целью. Примерно в тысяча сто сорок шестом году (1733–1734 гг. – примеч. пер.), когда Каплан-Гирай-хан отправился в поход в Бендер (Бендеры – примеч. пер.) и Хотин, чтобы назначить короля в славянскую страну Ляхия, и без всякой причины остановился и встал на постой в окрестностях Ак-Кермана, ранее упомянутый Хаджи 'Али-ага не выдержал недостойных движений жернова коварного небосвода, пресытившись благами жизни из-за – не приведи Всевышний Аллах! – неизлечимой болезни обжорства, и тогда один из привыкших к правдивости друзей, читая траурную элегию (марсийа), прочитал такого рода [стихотворение с] датой [его смерти] (тарих):

Тарих:

سال هزار و صد چهل شش شده از هجرت ماه
بود بذی الحجه و در عام یوز از امرالله کرد
باین دهر وداع دعوت حق باو رسید گفتم

Tarih hemin ah Hacı Ali Ağa ah

«Настал год тысяча сто сорок шестой от хиджры,

Месяц был зу-л-хиджа (май 1734 г. – примеч. пер.), в год барса по велению Аллаха

Попрощался он с этим роком, пришло к нему приглашение от Истинного, и я сказал:

«Такова дата, увы, Хадж 'Али-ага, увы!»,

Когда примерно в тысяча сто сорок седьмом году (1734–1735 гг. – примеч. пер.) хан с бесчисленным татарским войском прошел через Железные Врата и прибыл в указанное место с барабанами и знаменами из

[1507] Айдемир Бардыханов (ум. 1748) – чеченский князь из рода Турловых, владелец Чечен-Аула и ближайших деревень, установивший власть над большей частью тогдашней Чечни.

[1508] Шафиитский мазхаб – одна из четырех суннитских религиозно-правовых школ, восходящая к Мухаммаду ибн Идрису аш-Шафи'и (ум. 820). На территории России этого мазхаба придерживаются мусульмане Дагестана, Чечни и Ингушетии, тогда как в Крыму, на Западном Кавказе, в Волго-Уралье и Сибири традиционно преобладал ханафитский мазхаб, восходящий к Абу Ханифе (ум. 767).

обильной падишахской казны, многочисленными соболиными мехами и двумястами мешками денег на расходы, дабы подчинить и покорить Высочайшему Государству эмиров, жителей и шамхала[1509] Тагыстана, во время доставки тяжелого груза вверенного им на хранение имущества, настало время зимы, проливавшее дождь смуты и волнений из холодных, мрачных и густых туч с громом и молниями, из-за возникших в татарском войске усталости и изнеможения, войти через указанную цитадель оказалось невозможно, и им пришлось остановиться в стране подлых черкесов Кабарды, и стало доподлинно известно, что руки разорения, протянутые татарскими подонками во время возвращения той весной в Крым, к имуществу неверных, считались причиной нарушения договора понесшими ущерб проклятыми [неверными]. Из-за того, что в силу гордыни и себялюбия хан и население стали проявлением порицания Господа и угрозы Вечного [Бога], содержащихся в стихах Благородного [Корана] «*Вы действительно желали смерти, пока не встретились с ней. Теперь вы увидели ее воочию*»[1510], и [своим] стремлением к мятежам и ссорам наступили ногой возбуждения и раздражения на драконий хвост московских неверных, бывший спящей змеей, когда они возвращались из Железных Врат, распутной московской королевой был назначен военачальником проклятый [неверный] по имени Миних[1511], и когда прибытие пресловутого табора в местечко Канлыджак стало известно всем, они начали совещаться о том, чтобы попросить помощи у Счастливой Порты и прогнать врага. Однако то, что в силу соперничества и себялюбия среди знати, а также возникших в войске утомления и вялости они не могли привести себя в порядок и завершить свои мероприятия, стало очевидно и ясно по донесению, написанному одним знавшим положение дел человеком из [числа] крымских шейхов и сановников, которое было дословно перенесено на страницу изложения:

Донесение (сурат-и ка'има)

«Если задаться вопросом о том, что послужило причиной для разграбления страны и разорения уммы Мухаммада – «*знание у Всевышнего Аллаха*» (ал-'илму 'инда-Ллахи Та'ала) – духовная причина этого заклю-

[1509] Шамхал – титул кумыкских правителей Северного Дагестана.

[1510] Коран, 3:143.

[1511] Христофор Антонович Миних (ум. 1767) – российский генерал-фельдмаршал немецкого происхождения, наиболее активный период деятельности которого пришёлся на правление императрицы Анны Иоанновны (1730–1740). Сыграл важную роль в русско-турецкой войне 1735–1739 гг.

чается в нашем собственном злонравии и в наших собственных дурных поступках и качествах, ибо каждый из нас перешел границы и правила приличия, предавшись любви к мирскому и отдалившись от поклонения Истинному. Когда благодарность за благо религии Мухаммада состоит в том, чтобы соблюдать шариат Мустафы, прилагая силы для исполнения шариатских заповедей, мы, напротив, своими действиями проявили неблагодарность за [это] благо. В свою очередь, наш Господин, в соответствии со смыслом аятов Благородного [Корана] «*если вы будете неблагодарны, то ведь мучения от Меня тяжки*»[1512], устроил нам наказание в этом мире, заставив [нас] покориться врагам. По какой-то причине мы не сумели удостоиться помощи Истинного и стать причиной победы. Великие султаны и великодушные визири выносят разумные и отвечающие шариату решения, а на следующий день все же поступают противоположным образом. Хотя ни один человек не желает своего разгрома и поражения, если все его дела предполагают поражение, то нельзя считать его бессмысленным, не относя этот позор и неудачу к Достопочтенному Создателю. Всевышний Господь, дай нам всем благой исход и конец, удостоив нас помощи и победы. Однако, если перечислять их формальные причины, то их не счесть: изложим [лишь] некоторые из них. Во-первых, хотя совещания, проведенные ими по возвращении из Железных Врат, были направлены на то, чтобы за десять дней до дня Хизра[1513] (конец апреля 1734 г. – примеч. пер.) крымские жители прибыли в Феррах-Керман и приложили усилия в деле рытья рва, они семьдесят дней пролежали в степи. Народ вели [туда] насилием и притеснениями. Они бросили дело [рытья] рва. После появления врагов они пожелали [закончить его], но не получили разрешения. Во-вторых, достопочтенный паша попросил по милости Истинного у Счастливой Порты разрешения выдвинуться в Гёзлев, чтобы оказать [им] помощь и поддержку, ему было отказано. После появления слабости они попросили [о помощи], но им не было позволено. В-третьих, когда они столкнулись в местечке под названием Йалнызагач с некоторым количеством таборов в чарыках[1514], указанный табор от удивления разделился на три части, две из которых были распущены, а один был оставлен, [они]попросили у достопочтенного хана пушки, [но им] не дали, а если бы дали, то у презренных неверных не хватило бы смелости прийти в Крым для убийств и грабежей.

[1512] Коран, 14:7.
[1513] Имеется в виду весенний праздник Хыдырлез, приходящийся на конец апреля.
[1514] Чарыки – тонкие кожаные сапоги с загнутым вверх носом.

В-четвертых, когда они встретились в Канлыджаке, солдаты построились по всем четырем сторонам в ряды, словно плотные строения, каждый из них жаждал газавата и мученической смерти, [но] им не позволили атаковать, даже когда некоторые татары, не имевшие начальников и главарей, устраивали вылазки без флагов, неверными овладевал страх, и они начинали шить белые флаги, достопочтенный хан тотчас же приказывал возвращаться всякий раз, когда случайная пуля падала рядом с его каретой, и исламские войска невольно возвращались назад. В-пятых, мы роем в Канлыджаке колодцы, [но] там нет воды для питья. Мы денно и нощно окружаем их. Они сказали, что не нашли сена для своего скота, оказались без сил и вернулись. Они безупречно вырыли колодцы Божественной мудрости, а сами прошли через крепость вовнутрь, [причем]по желанию табора вода была найдена. Они даже построили в Канлыджаке крепостные укрепления и вместе с несколькими солдатами возвели печи, привезя оттуда запасы. Захватив по своей прихоти татарские дома, располагавшиеся в провинции, они помешали буджакскому войску оказать им помощь. В-шестых, они сказали, что часть исламского воинства должна оставаться в провинции, создавая трудности для [вражеского] табора, а потом передумали. Неверные прошлись по окрестностям крепости, разведывая состояние рва, увидев нужные им места. В конечном итоге, они нашли пустую (незащищенную – примеч. пер.) сторону рва и прошли через ров. Солдаты ислама сказали, что будут стоять в том месте, где их не достанут пушки, и будут оборонять крепость, но к ним не прислушались. В тот день они расположились в местечке под названием Четерлик[1515]. Даже остававшиеся в крепости мурабиты[1516] капитулировали, мы потеряли крепость. В-седьмых, они сказали, что нужно закрыть врата Крыма, а самим не слезать с коней, держаться ближе к [вражескому] табору, и если на то будет воля Аллаха, не пройдет и трех дней, как они обессилят от жажды и не найдут покоя, но ворота не закрыли. Каждую ночь они спали в месте, расположенном в четырех-пяти часах пути от табора. Каждый день после утра они один раз подходили к табору, гарцевали на конях, а когда прилетало пушечное ядро, уходили врассыпную. Не останавливались, пока не отходили на расстояние четырех-пяти часов. Неверные же, зная о нашем положении, без всякого страха и опасения передвигались, как им было угодно. Если бы не достопочтен-

[1515] По-видимому, в устье реки Чатырлык, в районе современного города Красноперекопск на севере Крыма.

[1516] Мурабиты – название солдат, несших службу в пограничных крепостях.

ный капудан-паша, то не осталось бы ни городка Карасу, ни крепости Кафа. Когда табор прибыл в Акмесджид, народ впал в отчаяние, каждый думал о своём. Эмиры разделились на две партии: одни пожелали [отправиться] на берега Алтысу[1517] и заключили соглашение с ногайскими мурзами, а другие решили совершить хиджру в османские владения. Всевышний Аллах отвёл [беду]», – с этими словами он закончил донесение. Короче говоря, когда презренные неверные в [месяц] раби‘ ал-аввал тысяча сто сорок девятого [года] (июль-август 1736 г. – примеч. пер.) стали стекаться в Крым, словно [вода] арыка и [потоки] нечистот, разбрасывая [вокруг себя] грязь, жемчужина драгоценного и дорого бытия предстоятеля [пятничных молитв] городка Ор и предводителя улемов, [одного] из признанных чудотворцев и праведников уммы, хатиба ‘Абдаллаха-эфенди, попала в руки безбожного врага, и спустя пять-десять дней нахождения в оковах рабства он обрел [более высокие] степени [духовной] свободы, проявив в силу богобоязненности и благочестия, в соответствии с благородным смыслом [айата] «*Те, которые вместе с ним, суровы к неверующим*»[1518], суровость и отвагу путем порицания деяний неверных и их положения, после чего, протянул орудие нанесения ранений, насытившись в Божественной столовой [айата] «*Никоим образом не считай мертвыми тех, которые были убиты на пути Аллаха. Нет, они живы и получают удел у своего Господа*»[1519] и сподобившись благодеяний Господа. *Да сподобит нас Всевышний Аллах пользы от его заступничества* (наффа‘ана-Ллаху Та‘ала би-шафа‘атихи). После захвата крепости Ор, внутренними областями жителей Крыма овладело бескрайнее воинство печали и страха, и оттого, что на вершине крепостной башни отчаяния и в самой сокровенной части цитадели своей души они от страха и тревоги прокричали «Оставьте нас!», [их охватили] небрежность в оказании друг другу помощи и согласии, вялость и изнеможение в бою и сражении, отчего в ту пору, когда безбожный враг решился сжечь и разрушить султанский дворец в Бахчисарае и городок Гёзлев и осмелился совершить прискорбные непотребства, словно неизлечимая опухоль, возникла чума и оспа, несшая скрытый Божественный меч, которая проникла в их покои, чтобы изгнать их из дома жизни, приведя безграничное и бесчисленное [множество] проклятых [неверных] в пре-

[1517] Алтысу (тюрк. «шесть вод», «шестиречье») – одно из названий ногайских кочевий, которые располагались у шести крупных рек – Эмбы, Урала, Волги, Терека, Кубани и Днепра.
[1518] Коран, 48:29.
[1519] Коран, 3:169.

исподнюю, что заронило в их души страх, отчего они вернулись в свои погрязшие в заблуждении страны, сохранив себя от [гибели] в жерновах судьбы от сабель и стрел татар. Уродливое и неприятное дитяще интриг и раздоров, которым была беремена мирская жизнь, подобная незаконнорожденной распутнице, появилось на свет в то время, когда на Каплан-Гирай-хана было возложено тяжкое бремя правления, это было отнесено на счет повивальной бабки нераспорядительности указанного [хана], так что он был отстранен от правления Крымом и в [месяц] раби‘ал-ахир тысяча сто сорок девятого [года] (август-сентябрь 1736 г. – примеч. пер.) султаном был назначен калга Фетих-Гирай, а [знаки] ханских почестей первый мирахур выслал ему на корабле. В соответствии со смыслом бейта:

Gider sa’y u emek cümle yabana

Yine bildiğini eyler zamana

«Уходят все старания и труды в пустошь,

Все равно поступает судьба, как знает»,

труды предыдущего хана, которые он приложил, желая увековечить [себя] на своем посту, пропали впустую, а из-за тягот и невзгод, которые ему пришлось увидеть в ту пору, он страдал от разного рода недугов, но при этом был сослан на остров Сакыз, [а потом], когда он по просьбе нового хана, был перевезен в Гелиболу, из-за необходимости его снова сослали на указанный остров. Прошло не так много времени, как Менгли-Гирай приложил руку к подолу правления Крымом, и тогда, в соответствии со смыслом мисра‘:

تو بد کندۀ خود را بروزگار سپر

«Предоставь свои дурные деяния судьбе»,

просил с тысячью уговоров и самоуничижений у благородного хана, поток души которого во время своего нахождения на ханском престоле он помутнил и омрачил мусором прискорбных деяний, поселить его в Бурсе или у себя в поместье, после чего тот не стал воздавать ему за его прежние деяния и издал фирман о его освобождении с указанного острова. Однако, в соответствии с бейтом:

تیمور داد امان مرگ امانش نداد

زمینش بخست آسمانش نداد

«Тимур его пощадил, но смерть его не пощадила,

Земля поглотила его, но небо не приняло его»,

не дойдя до места повеления о помиловании, в [месяц] ша‘бан тысяча сто пятьдесят первого [года] (ноябрь-декабрь 1738 г. – примеч. пер.), в соответствии со смыслом бейта:

نیک و بد در جهان بخواهد مرد
خنک انکس که گوی نیکی برد

«И хороший, и плохой в [этом] мире умрут.

Блажен тот, кто пронесёт мяч добра (до ворот противника – примеч. пер.)»,

по велению Царя Царства (Малик ал-Мулк), фитиль жизни пресловутого [хана] был оторван, а светильник его здоровья разбился, так что он был похоронен в городке Чешме[1520], расположенном напротив указанного острова, а вода его жизни и могущества, подобно воде пересохшего источника, скрылась от глаз знати [этого] мира. На этот раз пребывание указанного [лица] на ханском престоле [составило] шесть лет [и] один месяц, а срок его жизни превысил шестьдесят лет. Когда славный родитель Каплан-Гирай-хана, достопочтенный Селим-Гирай-хан – да осветит Аллах его довод! (анара-Ллаху бурханаху) – был в первый раз низложен с ханского престола и получил приказ поселиться на Родосе – примерно в [месяце] раджаб тысяча девяносто первого года (июль-август 1680 г. – примеч. пер.) – в тот миг, когда командующий флотом (капудан-ы дерья) Каплан Мустафа-паша [1521] с флотом августейшего [государя] бросил якорь решения у указанного острова, Каплан-Гирай вступил в мир бытия, будучи наречён Каплан-Гираем. Новый хан Фатих-Гирай, будучи одним из сыновей покойного Девлет-Гирай-хана, сына Селим-Гирай-хана, был вскормлен, воспитан и взращен среди черкесских эмиров, и с младенческого возраста до скончания юности проводил свое время в тех краях. Когда Менгли-Гирай-хан в первый раз стал повелителем области Крым, он велел привезти пресловутого [хана] и на некоторое время поселить у него. Ему по мере возможностей выказывали почести, а потом, когда его уважили должностью сераскира черкесов, [тот] был снят, и [на его место] был поставлен Каплан-Гирай-хан, когда умер Хаджи-Гирай-султан, он был назначен сначала нураддином и [командующим во время похода] в Иран, и в соответствии с мисра‘:

مصائب قوم عند قوم فوائد

«Бедствия для одних – это блага для других»[1522],

когда калга ‘Адил-Гирай-султан одернул руки от скверны [этого] мира, а Каплан-Гирай-хан вернулся из похода, он занял освободившийся

[1520] Чешме – город на одноименном полуострове на эгейском побережье западной части современной Турции.

[1521] Каплан Мустафа-паша (ум. 1680) – османский государственный и военный деятель, адмирал. Командовал флотом Османской империи в 1666–1672 и 1679–1680 гг.

[1522] Строки принадлежат арабскому поэту ал-Мутаннаби.

пост, а его младший [брат] Арслан-Гирай[1523] получил должность нураддина, и когда Фатих-Гирай прибыл в Стамбул, он стал общаться и свел дружбу с некоторыми государственными сановниками, получив благодаря занимаемому посту возможность взойти на ханский престол, и когда потребовалось низложение Каплан-Гирай-хана, двери дома желания Фетих-Гирая были открыты ключом благодеяния Господа рабов, и когда он прибыл в Крым, [назначив] нураддина Арслан-Гирая калгой и приведя другого своего брата Махмуд-Гирая[1524] к желанной [для него] должности нураддина, проклятые московские [неверные], подобно нечистым духам, вновь вселились в чистое тело области Крым, причинив ущерб другого рода, разрушив и пограбив город Карасу, хотя они и приложили по мере своих сил старание и усилия для сражения, [из-за] многочисленности и обилия проклятых [неверных] у хана и жителей области не хватило сил, чтобы справиться с их вулканом, и в те дни, когда и стар, и млад были встревожены и растеряны, в соответствии со смыслом [пословицы] «*цари получают вдохновение [от Аллаха]*» (ал-мулуку мулхамун), благодаря высокому царскому гению и благоволению государева сердца воля повелителя мира, склонившаяся в вопросе [назначения] на пост крымского хана к Менгли-Гирай-хану, который ранее был повелителем татар, а потом получил приказ поселиться на острове Родос, оказалась в согласии с предопределением Досточтимого Создателя, и указанный хан во второй раз одарил великолепием область Крым [и], когда на указанный остров прибыл опытный воин государя Мысырлы Ибрахим-ага, коему было велено доставить величественный августейший рескрипт, скрепленный и украшенный печатью покорившего мир падишаха, которая была увенчана сиятельной тугрой, подобной изображению очаровательных бровей на лучезарном челе высокочтимого [государя] во избежание уподобления и сходства по причине нахождения хана в далеких краях, и он десницей почтения [взял его], поцеловал и приложил ко лбу, и, повинуясь высочайшему повелению, на двадцать седьмой день [месяца] раби‘ ал-ахир тысяча сто пятидесятого [года] (24 августа 1737 г. – примеч. пер.), в четверг, он вышел на пристань Мармариса на берегах Анатолии, расположенного напротив острова Родос, где ему было велено поселиться, а оттуда пересел на быстроногого коня и второго числа

[1523] Арслан-Гирай (ум. 1768) – крымский хан, правивший в 1748–1756 гг. и в 1767 г., сын хана Девлет-Гирая II. Занимал пост нураддина в 1734–1735 гг. и пост калги в 1736–1737 гг.

[1524] Махмуд-Гирай (ум. после 1737) – крымский царевич, сын хана Девлет-Гирая II. Занимал пост нураддина в 1736–1737 гг.

[месяца] джумади ал-ула указанного года (28 августа 1737 г. – примеч. пер.) добрался до войска августейшего [государя], и когда он был удостоен награждения ханскими одеждами из рук Мухсинзаде ʻАбдаллах-паши и почестей получения ильханского колчана, то назначил и поставил [одного] из своих братьев Селамет-Гирай-султана калгой, а сына Саʻадет-Гирай-хана, Салих-Гирай-султана – нураддином, отправив пресловутого калгу на корабле, а сам в последующем, уповая на Властелина Могущественного, вместе с одной-двумя тысячами татар прошел поблизости от [крепости] Озю, бывшей местом сборища неверных, и, сражаясь с повстречавшимися им проклятыми [многобожниками], в полном здравии на счастливом породистом коне с расписными копытами украсил страницу Крыма, и один изящный поэт из [числа] обладателей знаний издал громогласный бой ликования со словами:

Тарих:
İki defa ata-yı Bari'den
ʻİzz ü şevketle şanını buldı
Geldi ikinci defada tarih
Yine Mengli Giray han oldı
«Два раза благодаря щедрости Создателя
Обрел славу с величием и могуществом.
Во второй раз дата получилась,
Опять Менгли-Гирай стал ханом»[1525],

и исполнил отрадную мелодию, сочтя хорошим предзнаменованием слова «О хан-завоеватель», опять же соответствовавшие счастливому году [восшествия на престол][1526]. Я искренне от [всего] сердца надеюсь и прошу приятелей искренности, друзей и товарищей, которые изволят бросить взгляд благосклонности на [сей] скромный листок и презренный черновик, взяв на себя труд [его] изучения, исправить пером со сладкими чернилами прощения появившиеся из-за мятежа кончика пера оплошности и упущения, а также скрыть и поправить наши недостатки золотым карандашом снисхождения к ошибкам.

Конец

[1525] Последний бейт (ینه منکلی کرای خان اولدی), в соответствии с системой абджадийя, содержит дату начала второго срока царствования Менгли-Гирая II – 1148 (1735–1736 г.)

[1526] Фраза «О хан-завоеватель» (ای خان فاتح) имеет числовое значение 1151, что соответствует 1738–1739 гг.

SUMMARY

The historical work *Al-Sab' al-sayyār fi akhbāri mulūk at-Tātār* ("Seven Planets in the Reports of the Tatar Kings") by the Ottoman author Seyid Mehmed Rıza is one of the most important works on the history of the Crimean Khanate. It was written at a time when the long history of this state was nearing its end and embraces most of the period of its existence, starting from its birth in 1441 and until the beginning of the second term of the reign of Meňli Giray II in 1737. Thus, the level of awareness of the author and the breadth of the sources used by him, as well as the volume of this work make it one of the most important sources on the history of the Crimean Giray dynasty.

The Crimean Khanate, which existed until the end of the XVIII century, in fact, was the last stronghold of the medieval Tatar political tradition and specifically Golden Horde's one, preserving important political and social institutions that distinguished the Tatar khanates from other states of the Turkic world and the Eurasian region. The crisis and decline of this Tatar khanate, which turned out to be the will of fate, developed at the crossroads of the most complex interactions between several imperial projects that struggled for an influence on the European continent in the XVI–XVIII centuries.

The author of the work was a representative of the Ottoman elite, who belonged to the privileged stratum of the Seyids, who held important state posts and religious positions throughout his life. The essay "Seven Planets..." belongs to the genre of chronicles (*tawārikh*) with the presentation of events in chronological order. The author's view on the history of the Crimea and the medieval Tatars as a whole fits into the mainstream of the Ottoman imperial discourse. Despite the author's likely Crimean origin and obvious sympathies for the Giray dynasty, he demonstrates first of all his commitment to the interests of the Ottoman Empire. The author's language is an example of the loftiest style of Ottoman literature.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (*И.Р. Гибадуллин, И.М. Миргалеев*) 3

Перевод
«Семь планет об известиях царей татарских»
(Ас-Саб‘ ас-саййар фи ахбар мулук ат-татар) ……..... 11

Summary 527

Гибадуллин Исмагил Рустамович
(перевод с османского)

Сейид Мухаммед Риза.
Семь планет в известиях о царях татарских

Книга 2: Перевод

Научное издание

Оригинал-макет – *Л.С. Гиниятуллина, А.Р. Тухватуллина*
Подписано в печать 29.08.2023 г. Формат 60×84 $^{1}/_{16}$
Усл. печ. л. 33,0 Тираж 200 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Фолиант»
г. Казань, ул. Профсоюзная, 17в
E-mail: foliantkazan@mail.ru

ЦИЗОТХ ИИ АН РТ и его издания:
http://татаровед.рф/departments/6/
http://goldhorde.ru/RU/izdanie-centra/